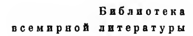


Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1973

Общая редакция и вступительная статья
И. Брагинского

А
П 67

П $\frac{0744\text{-}197}{028(01)\text{-}73}$ Подп. изд.

У ИСТОКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

В темных коридорах египетской пирамиды ученый при свете факела, упорно разбирая вырезанные на каменной стене иероглифы, окрашенные зеленой краской (у древних египтян — цвет жизни и возрождения), читает текст, составленный в пору господства фараонов V и VI династий (приблизительно 2700—2400 гг. до н. э.), один из знаменитых «Текстов пирамид»... Почти пять тысяч лет отделяют нас от составителя текста. Но каким близким кажется нам обращенное к людям и страстно выраженное стремление человека снискать себе и другим бессмертие силою заклинания, магической мощью Слова:

И летит он, летящий далеко,
Он улетает от вас, о люди!
На земле его нет, он на небе.
Он пронзил небеса, словно цапля,
Он лобзал небеса, словно сокол,
Он вскочил к небесам саранчою.

(Перевод Д. Редера).

На протяжении последнего столетия,— а иногда даже лишь последних десятилетий,— прочитаны и стали достоянием современной культуры основные древнейшие литературы мира: древнего Египта, древнего Двуречья (Шумера и Вавилонии), хеттско-хурритская и угарито-финикийская (ханаанейская),— ведущие свое начало с III—II тыс. до н. э. Но не менее чудесным покажется читателю соприкосновение и с более «молодыми» литературами Древнего Востока, берущими начало в II—I тыс. до н. э. и продолжающимися непрерывно до настоящего времени: древнекитайской (XII в. до н. э.— III в. н. э.), древнеиндийской (IX в. до н. э.— III в. н. э.), древнеиранской (IX в. до н. э.— IV в. н. э.) и древнееврейской (XII в. до н. э.— II в. н. э.).

Во всех литературах Древнего Востока (особенно, в более «молодых») можно явственно различить два этапа развития; более ранний — архаический и более поздний — завершающий. Всем литературам Древнего Востока

свойственна также «многослойность»; наряду с «пластами», отражающими свою современность, в них существуют «пласты» — свидетели более ранних времен, содержащие некие, говоря условно, духовные «окаменелости».

Древнейшие слои могут быть, по крайней мере, двух родов. Во-первых, это — наследие предшествовавшей, долитературной, то есть изустной, эпохи, древнейшего народного творчества[1]. Во-вторых — элементы, унаследованные от иной, предшествующей культуры (например, в литературе Вавилонии — шумерские элементы).

С древнейших времен существовали то более, то менее тесные связи между литературами Древнего Востока, причем наиболее тесные — в пределах одной географической зоны, одного историко-культурного региона. Таких регионов было три: ближневосточный (включавший литературы Передней Азии и Северной Африки), средневосточный (литературы Индии и Юго-Восточной Азии) и дальневосточный (литературы Китая и Восточной Азии).

Однако обратимся к самому началу, к тому, что было живою основой литературного творчества.

Признание устного, народного творчества источником письменной литературы подтверждается не только многочисленными свидетельствами самих текстов, но и собственными, похожими у всех древних литератур, высказываниями ее творцов. Проявляется это прежде всего в их почтительном, даже культовом отношении к изреченному Слову, которое ставилось всегда выше слова письменного и — при господствовавшей в древности религиозной идеологии — признавалось обычно боговдохновенным. Это подтверждается также общераспространенным признанием писателями тех далеких времен, что источником их письменного творения являются слова «древних мудрецов», «древних повествований», «память народа», то́ именно, как и что́ рассказывалось «в старину».

Древние тексты донесли до нас многие тончайшие оттенки первобытного сознания, воплощенные в различных формах раннего народного творчества. Вначале оно носило синкретический характер, то есть было сложным единством слова, музыки, танца, и было непосредственно связано с практической деятельностью людей, с их трудом, с освоением ими окружающего мира природы.

Когда же речь высвобождается от непосредственного включения в трудовой процесс, то она становится истоком относительно самостоятельных словесно-мелодических произведений. Таковы, например, трудовые песни, которые в форме, отшлифованной веками их воспроизведения, дошли до нас почти во всех древневосточных литературах.

---

[1] Не называем его «фольклором», ибо, на наш взгляд, этот термин неправомерен для древней эпохи, а может быть применен лишь ко времени, когда, в отличие от устного творчества, «фольклорного», существует сложившаяся письменная литература.

Словно перекликаются своими бесхитростными, сложенными в ритмах труда песнями, относящимися к II тыс. до н. э. египетские рыбаки:

Вернулась сеть обратно,
Приносит нам улов,—

(Перевод Д. Редера)

и китайские сборщицы-жницы:

Рвем да рвем подорожник —
Приговариваем, рвем его.
Рвем да рвем подорожник —
Приговариваем, берем его,—

(Перевод Б. Друмевой)

и земледельцы древней Палестины:

Кладезь, излейся!
Пойте ему!
Кладезь! — повелители ископали его,
Добрые из народа изрыли его,
Посохами своими, своим жезлом!

(Перевод С. Аверинцева)

Трудовая песня при своем зарождении вовсе не имела непосредственно эстетического назначения. Она была теснейшим образом связана с древнейшей «производственной магией», с выраставшей из практической деятельности убежденностью в способности человеческого коллектива воздействовать на природу, овладевать ею посредством обрядового действа, сопровождаемого словом, песнью, танцем. Песня одухотворяла труд, вселяла в сердца людей глубокую веру в действенность обрядовой магии, в силу заклинаний. Именно владение ими и позволило впоследствии выделиться корпорации заклинателей, шаманов, этих, по существу, наидревнейших первобытных «поэтов», превратившихся затем, когда складывалась религиозная идеология, в жрецов, священнослужителей, в оракулов, провидцев.

Из трудовой песни-обряда выделялись различные виды обрядовых песен (сопровождавшие человеческую жизнь от колыбели до могилы, включая важнейшую сторону — воспроизводство самой жизни, любовное влечение, браки), складывались такие виды фольклора, как заклинания. Образец последних, к примеру,— древнеиндийская книга «Атхарваведа».

По мере того как первобытные племена Древнего Востока, овладевая природой, обретали наряду с совместной трудовой деятельностью и общий досуг, синкретическая обрядность, раз зародившаяся, становилась относительно самодовлеющей и заполняла этот досуг. В ней все более развивалось ее эстетическое начало: воспроизведение прекрасного и наслаждение им.

Древнейшие представления отражали первобытное восприятие многообразных явлений природы и ее потрясающей контрастности, а также все

более усложнявшихся противоречий общественной жизни, что соответствовало наивно-диалектическому восприятию действительности. Этим представлениям свойственны, с одной стороны, пытливость и активность в борьбе с природой, а с другой — фантастический отлет мысли от действительности. Так рождалось мироощущение фетишизма и тотемизма (почитание животного прародителем племени), культа природы, представления о всеобщей одушевленности природы и всех ее предметов, вера в то, что каждому предмету свойствен некий внутренний воздействующий дух, именуемый этнографами (по тому, как он называется некоторыми первобытными племенами) «ма́на» или «оре́нда». Естественно, что все эти «духи» предметов и стихий делились на добрых и злых, хороших и дурных — в зависимости от их отношения к человеческому племени.

Так, небесная троица в древнеиранских «Гатах» («Авеста») окружена сонмом добрых духов (ахуры), которые являются по законам древнего мышления одновременно и деятелем, и самим действием. Они—духи стихий (земли, воды), они же воплощение их благотворного действия («благодетельная преданность», «здоровье»). Так, в гимне, посвященном Ардвису́ре Анахи́те, она появляется то божеством воды и плодородия, а то отождествляется (не сравнивается, а именно отождествляется) непосредственно с водой и «стекает» с вершины на орошаемую землю; или просто рисуется как живая, прелестная женщина во плоти. Подобные переходы и перевоплощения происходят мгновенно. Особенно ярко описываются подобные перевоплощения в «Ведах».

Из культа природы рождались мифы, которые постепенно вырастали в стройные картины мира. Древневосточные литературы донесли до нас разнообразные системы мифов.

«Всякая мифология, — писал К. Маркс,— преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения»[1].

В центре мифа находится весьма высокая абстракция — божество. На божество переносятся многие из ранних представлений. Если они — тотемистического характера, то божество зооморфно, звероподобно, если на божество переносятся представления о природе, оно предстает в облике явлений природы: солнце, вода, ветер, земля, звезды и т. д.

В формах мифологического сознания происходит также рост самосознания общественного человека, опирающийся на совершенствование производственной практики. Это отразилось прежде всего в самой мифологии, в таком отрыве от тотемистических представлений, когда звериное начало стало восприниматься как злое, отрицательное (драконы, змии и другие чудища), а человеческое начало — как доброе, положительное. Отсюда следовало и антропоморфирование, очеловечивание добрых божеств и зарождение мифов о борьбе доброго божества со злым, о превосходстве доброго божества, которое становится покровителем родного племени. Тогда начинают создаваться и мифы о людях или, во всяком случае, человекоподобных существах, иногда

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 737.

полубогах, оформившиеся в сказания о «культурных героях» — «титанах» (первочеловеке, первовожде и т. п.), дарующих людям блага *культуры* (то есть научающих их обрабатывать, *культивировать* природу), о побеждающих змиев богоборцах, одолевающих или пытающихся одолеть злых богов. Таким образом зарождается самосознание общественного человека, разорвавшего пуповину, привязывавшую его к праотцу — звериному тотему, человека, выделившегося из первоначального человеческого стада, орды, человека сильного и действующего. Все более и более предметом устного творчества, объектом художественного слова становится человек, но человек не обычный, а выдающийся, герой, богатырь.

Возникает богатырский эпос, он складывается еще в догосударственную эпоху, и его ведущей идеей становится борьба «сверхчеловека»-богатыря со стихиями, со злыми божествами (мотив богоборчества), а также и с врагами родного племени, родной «земли».

Подобно тому как в мифологии поэтически выражался опыт общественного человека по осмыслению природы, в богатырском эпосе художественно обобщались исторические судьбы человеческих коллективов, родов, племен и союзов племен. С этим связаны историзация изображения, его связь с реальной историей, а также насыщение бытовыми реалиями, отмечаемые исследователями, особенно — в древнекитайской литературе.

Поскольку общественное сознание материализуется в языке, то естественно, что с языком не могут не происходить превращения не менее существенные, чем с ранними представлениями. И здесь также осуществляется закономерность развития от синкретизма к дифференцированности.

Уже в самых архаических текстах, воспроизводящих не повседневную, обыденную речь, а речь функциональную,— трудовой или иной обрядовой песни, повествования, обращения «старшего» лица,— бросается в глаза, что принцип членимости речи на естественные смысловые отрезки по синтаксическим нормам дополняется или заменяется нарочитым, искусственным членением. Это и воссоздает уже не обыденную речь, а «красноречие». Более или менее дробное членение на смысловые отрезки или словосочетания не совпадает полностью с синтаксическим членением обычной речи и придает ей бóльшую выразительность. Это — тип речи, который приближается к нынешнему пониманию «художественной прозы». Еще более дробное, искусственное членение на краткие, экспрессивные словосочетания воссоздает тип речи, который приближается к нынешнему пониманию «стихотворения».

Важнейшими элементами древневосточного красноречия, которые обуславливают его искусственное членение уже не только количественно, но и качественно, являются *повторы* разного рода, вплоть до однородно и постоянно повторяющегося рифменного созвучия, аллитераций, ассонансов и т. п., уже не говоря о рефренах и, особенно, о разного вида параллелизмах.

Поясним примерами из древнекитайской литературы. Вначале — отрывок из книги «Мэн-цзы», философско-дидактического произведения, автор которого жил во второй половине IV — первой половине III в. до н. э.

Вот Мэн-цзы обращается к правителю царства Ци: «Представьте себе, государь, что один из ваших сановников отправился путешествовать в страну Чу, поручив жену и детей заботам своего друга, когда же вернулся, обнаружил, что его друг морил их голодом и холодом. Как он должен был бы поступить с ним?» — «Прекратить с ним дружбу!» — ответил царь. Мэн-цзы продолжал: «А когда судья не умеет руководить своими подчиненными, как быть с ним?» — «Отставить его!» — сказал царь. «А когда вся страна никак не управляется, как нужно? Как быть с этим?» — продолжал Мэн-цзы. Царь посмотрел направо и налево и повел разговор о другом».

Здесь мы видим плавное, естественное синтаксическое членение речи. Более дробное и искусственное членение речи типа художественной прозы употреблено автором «Мэн-цзы» для рассказа о яркой личности некоего Бэйгун Ю: «Он исполнен мужества, //не сгибается ни перед кем,// не опускает глаза ни перед кем...// Для него все одинаковы:// простой человек в своей хижине,// государь с 10 000 боевых колесниц».

Заметим кстати, что если в первом отрывке параллелизмы сообщали внутреннюю энергию плавному развертыванию мысли, то во втором — энергией дышит каждый смысловой отрезок.

А вот отрывок из книги «Дао дэ цзин» (или «Лао-цзы», по имени ее автора, жившего в IV в. до н. э.), в котором выдержано еще более дробное и мерное членение — стихотворного типа:

Тот, кто знает,— тот безмолвен.
Кто безмолвен — тот не знает.
Он подавляет чувства.
Он закрывает ворота.
Он надломил острия.
Он распустил узлы.
Он умерил блеск.
Он превратил все в прах.
Это и есть торжество Мрака.

Нельзя его обрести и сделать своим.
Нельзя его обрести и сделать чужим.
Нельзя его обрести — обратить на пользу.
Нельзя его обрести — обратить во вред.
Нельзя его обрести и его почитать.
Нельзя его обрести и его презирать.
Вся Поднебесная его почитает.

(Переводы Н. И. Конрада)

Мы видим здесь и прием единоначатия, и повторы, и параллелизмы, и, главное, ритмометр.

Здесь мы вплотную подходим к самой сути проблемы искусства слова, его образности.

Гениальная догадка древних о решающем значении подражания природе в зарождении искусства, первоначально наиболее глубоко и ярко вы-

сказаипан Аристотелем, пашла подтверждение в иаблюдеииях и исследованиях современной иауки.

В иачатках словесного искусства тоже сказалось аиачение подражанин природе.

Но на более высоких ступеиях искусства слова, красноречин, прпродное подражательное начало все более осложняется и обогащается иачалом человеческим.

Из обыкиовеиной речи выделнютсн ранние художественные *образы.*

Для первобытного мышлеиия свойствеипо прямое отождествлеиие, иапример, объекта с его «прародителем». Поэтому, иапример, древиевосточное выражение типа «девушка-сериа» поиималось когда-то не как сравнеиие, а как прнмое отождествление: «девушка = серна» — как выражеиие слитиого, синкретического восприятия. Когда же от этого представления отделяетсн воспринтие, в даином случае, человека как *отдельного объекта* наблюдеиия, то п возиикает иекан особая двучленность «образа», в котором одии объект — человеческий, «девушка», уже ие сливаетсн, а лишь уподобляетсн другому — нечеловеческому, а животиому объекту, «серие», сравиивается с ним. Это и есть зарождение раииего художествениого образа, *образа-сравнения.* Формируется все усложинющанся *система образов:* наглядного описаиин, красочного изображенин, олицетворения, уподобленин, иносказаания. Создается основа всей совокупности художественных изобразительиых средств — эпитетов и метафор, всевозможиых тропов и фигур. В основе обрааиых средств, этой самой сути художествеиности («красиоречин»), лежит *полярная двучленность* особого рода, когда одпи полюс относится к человеку, к естественной и обычной человеческой особи, или к человеческому ощущеиию, воспринтию, чуеству, а сочетающийся с иим второй полюс отиосится либо к сфере ие-человеческой (предметы и явленин живой и мертвой природы), либо к чему-то не вполне обычному или вовсе иеобычиому для человека (иапример, к иеобычиой, допустим, форме словоупотреблеиия).

Нагляднее всего это видио на примерах образов, осиоваиных иа сравиенпи; тот же пример «девушка словно серна», «луиоподобиое лицо», илп из древнеегипетского текста: человек действует, «словно сокол», и т. п. Или в шумерской любовной песне иевеста, обращаясь к жеииху, употребляет метафору-сравнение: «Лев, дорогой моему сердцу».

Эта полнрнан двучленность всегда, хотя и ие одинаково выпукло, осуществляется и во всех других видах образиой системы, иапример, в эпитете, где человеческан грань, человеческое качество (сила, красота, ловкость) соотноситсн с иекпм сверхчеловеческим, или ие-человеческим, или иеобычно-человеческим («железная длаиь» и т. п. или «сладостиан красота» в той же шумерской песне: «Велика твоя красота, сладостиая, точно мед»).

Такова же, по существу, психологическая основа эстетпческого наслаждеиия и от стихотворной формы, в которой (когда стихотворная речь особенно иасыщена созвучиями и метрической организованностью) обычные челове-

ческие мысли, чувства и действия выражены не естественным неразмеренным типом обыденной речи, а необычно, неожиданно, мерно-ритмизированно и метризированно, а потому — красноречиво. Полюс знакомого, обычного, человеческого сталкивается с полюсом непривычного для человека, необычного, чудесного, и от этого столкновения высекается искра поэтической образности, художественной речи. Лаконично выражено подобное восприятие поэтической речи — мерной в отличие от обычной — в «Гатах Заратуштры», где Заратуштра похваляется тем, что он «пророк, славословящий богов»: «Размеренными словами песнопения обращаюсь я, а не неразмеренными».

В небольшом отрывке из аккадской поэмы «О все видавшем» (Вавилония) нам доставляет эстетическое наслаждение именно эта полярность, противоположенность «человеческого» и «не-человеческого, необычно-человеческого» в их поэтическом единстве — в художественных образах. Прежде всего нас привлекает мерность речи, в которой обычные человеческие наблюдения излагаются необычно, ритмизированно, стихами. Далее, в каждом образе элемент не-человеческого — явления природы («черная туча», «ветер», «буря», «потоп» и т. д.) очеловечивается («туча встала», «ветер ходит», «буря с потопом войну прекратили»). Человеческое действие, человеческое переживание «применяется» к природе (не-человеческому), возникает художественный образ, становящийся для нас близким, а тем самым и прекрасным. Таково описание потопа в поэме:

Едва занялось сияние утра,
С основанья небес встала черная туча.
. . . .
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне.
Я взглянул на море — тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу,
По лицу моему побежали слезы.

(Перевод И. Дьяконова)

Если бы в подобном тексте «присутствовало» только обыденно-человеческое, привычное, или, напротив, только нечеловеческое, необычное, то изображение воспринималось бы либо как простое изложение фактов, события, либо как нечто «несусветное», не близкое, не живо переживаемое. Когда же сталкиваются друг с другом два полюса — обычно-человеческое, интимное, и необычайное, то и «получается» эффект образности, красноречия, возникает *поэзия*.

Высшая ступень устного творчества, обычно связанная с созданием больших произведений древневосточного «ораторского искусства», властно требовала записи, чтобы обеспечить сохранность древнего слова, и письменность, уже изобретенная, была применена для записи художественного слова.

Так обстоит с характеристикой первого, древнейшего «слоя» в каждой древневосточной литературе, ее субстрата, позволяющего нам осмыслить самый *онтогенез* художественного слова, то есть его первоначало.

* * *

Судя по археологическим данным, культурам Ближнего Востока, чьи литературы нам сейчас известны, предшествовали культуры иноплеменные. Их первыми известными нам наследниками были шумеры в Двуречье и древние египтяне в Северной Африке в бассейне Нила. И в Индии арийской культуре, выразившей себя в древнеиндийской литературе, предшествовала высокая цивилизация иноплеменного характера (возможно, дравидийская) в бассейне Инда — так называемая (по местам находок) «Мохенджо-Даро и Харрапа», современница Шумера, имевшая и свою, еще не прочитанную, письменность. И в Китае китайской (ханьской) культуре предшествовала иноплеменная, оставившая в числе прочих памятников «гадательные надписи» на панцирях.

«...«Старый» Древний мир,— писал Н. И. Конрад,— своими разными сторонами и в каждой зоне — по-своему как бы врос в «новый» и многое в нем предопределил. Однако для литературы самым важным из всего, что дал старый Древний мир новому, было *письмо*... Важность письма для литературы не требует объяснений. Достаточно уже одного того, что европейское слово «литература» идет от слова «литера» — «письменный знак»: в древнем же китайском языке понятие «литература» просто отождествлялось с понятием ее письменного выражения, что и проявилось в обозначении и того и другого одним и тем же словом «вэнь». Так что появление в старом Древнем мире письма создало почву, на которой зародилась и развилась литература как особое явление общественной жизни и культуры... Уже одно это может оправдать отношение к старому Древнему миру как к *прологу* нового: прологу в смысле создания «начал», от которых потом развилась огромная творческая работа человеческого духа, воплощаемая в литературе... Старый Древний мир дал первый материал для литературы нового; иначе говоря, «завязка» произошла еще тогда, последующая же история этого материала, вылившаяся в конечном счете в создание известных нам великих литературных памятников,— творческая разработка этой первоначальной завязки. И эта разработка, во всяком случае ее «тональность», также была во многом предопределена тем же старым миром. Он уходил с авансцены истории в ореоле грандиозности, величия, силы и блеска, и этот ореол отразился на необъятной широте сюжетной основы литературных памятников, на яркости образов действующих персонажей, на могучей силе эмоций, движущих их действиями,

на осмыслении *героического характера человеческой личности*. Недаром в этих памятниках действуют герои и боги, как в греческих и индийских поэмах; «совершенные» правители — «устроители мира», как в китайской «Книге истории» («Шуцзин») и «Книге песен» («Шицзин»)»[1].

• • •

Роль устного творчества на *архаическом этапе* древневосточных литератур сохраняется, оно почитаемо, часто продолжает признаваться боговдохновенным, остается одним из важнейших (но теперь далеко не единственным) источников литературных произведений, но литература уже выделилась из синкретической словесности, став самостоятельной и основной формой художественного слова.

Решающим, принципиально новым качеством литературы является то, что она творится профессионально-подготовленными к этому людьми, которых мы вправе назвать не иначе как писателями в точном смысле этого слова. Они могли занимать различное положение, а в тогдашних условиях — почти исключительно в иерархии правителей и священнослужителей, они могли именоваться по-разному — жрецами, писцами, судьями, царями, чиновниками, фараонами, сановниками, военачальниками и по-иному, но они не могли не обладать, по крайней мере, двумя качествами: творческим талантом, умением передать словесные творения и грамотностью, умением писать. На этой ступени еще не сложилось нынешнее понимание авторства — хотя уже распространилось псевдоавторство, приписывание произведений легендарному либо историческому выдающемуся представителю «более древней древности»,— но уже реально, фактически появились авторы-сочинители, то есть именно писатели, «компиляторы народных преданий», как называл Н. Г. Чернышевский и таких величайших писателей, как Шекспир, Боккаччо...

Насколько осознавалась ценность писателя уже в то время, можно судить по древнеегипетскому тексту [«Прославление писцов»], где говорится, что произведения письменности увековечивают имена их авторов: «Они не строили себе пирамид из меди //И надгробий из бронзы//... Но они оставили свое наследство в писаниях, //В поучениях, сделанных ими». Как верно отмечает М. А. Коростовцев, «перед нами мотив «нерукотворного памятника», прозвучавший на берегах Нила еще в конце II тыс. до н. э.».

Получается закономерная «цепная реакция»: появление литературы породило писателей, но появление писателей сделало самое литературу литературой. Это и определяет иное, чем в наше время, понимание *состава* литературы того архаического времени: понятие «литература» почти целиком сливается с понятием письменности, за исключением, вероятно, переписки

---

[1] Н. И. Конрад, Заключение в кн.: «История всемирной литературы», т. I (макет), М., 1967, стр. 145—148.

документации узко-делового, практического характера,— все равно культового или светского.

В художественной же древневосточной литературе отдельный человек в полной мере становится предметом, целью и изобразительным средством (основой образа) литературы, и «присутствует» он в прочитанном произведении (как и в нынешнем) в трех видах: и как автор (писатель), и как восприемник (читатель), и как объект (персонаж литературы). Поэтому мы имеем все основания применить емкую горьковскую формулу — «литература — это художественное человековедение»— уже к архаическому уровню литературы. Это обобщение можно не только доказать, но и показать: читайте тексты тех далеких времен, тексты самых различных «жанров» и предназначения (о человеке и не о человеке, о богах, животных, природе и т. п.), и вы сами убедитесь, каково оно, это литературное художественное слово у самых его истоков — на Древнем Востоке!

При всей столь далекой нам архаичности в литературе начинает проявляться борьба двух противоположных тенденций. Это еще, разумеется, не борьба «двух культур», свойственная более поздним эпохам. Это даже не столько борьба, сколько столкновение, а иногда и переплетение двух противоположных мировосприятий и этических взглядов, а иногда противоречивое сплетение их в одном и том же произведении. Однако эти две тенденции вполне определенные: гуманистическая — за человека и антигуманистическая — против человека, проповедь добра или проповедь зла — для человека.

* * *

Древневосточным литературам на *завершающем этапе* свойственно гораздо большее, чем прежде, жанровое разнообразие, в них больше проявляются и региональные различия, и местное своеобразие. Одни имеют внутри завершающего этапа свой «классический» период, время особого подъема и расцвета, у других развитие в резные отрезки времени протекало более равномерно: одни литературы дошли до нас в форме канонизированных сводов, другие не «дожили» до канонизации, третьи дошли и вовсе лишь фрагментарно. В одних — «писательство» достигло признанного индивидуального авторства, у других — нет. Одни либо пережили полосу упадка, либо прямо вросли своим завершением в начало новой литературной эпохи, знаменующей конец древности и начало средневековья, другие — нет.

И вместе с тем всем им свойственны некоторые общие черты, результат развития в сходных исторических и культурных условиях — а именно, расцвета «античности» (древности) и начала перехода к средним векам.

Устное творчество, продолжавшее развиваться параллельно, оформилось как фольклор, то есть не долитературное, а внелитературное, коллективное творчество народных масс, впервые сосуществующее рядом с письменной литературой как формой общественного сознания, присущей образованной части общества.

Более четко пролегают границы и между двумя тенденциями в литературе. Аристократически-церковное отношение к обычному человеку как к рабу земных и небесных господ, как к «сосуду зла», является выражением антигуманистической тенденции. Гуманистическая же тенденция, напротив, выражается и в расширении социального круга людей, изображаемых в литературе, и в большем выявлении *духовного* качества выдающейся, героической личности.

На последнем этапе, по существу, уже переходном к новой исторической эпохе, по-новому ставится в некоторых произведениях основная проблема, волновавшая писателей того времени,— отношения человека и бога. В центре внимания в таких произведениях находится не преклонение человека перед божеством, и, с другой стороны, не мотивы богоборчества, а неизбывная, самоотверженная любовь человека к богу; человек — не раб божий, а друг божий. С этим связано и новое выражение гуманистической идеи — *человеколюбие*. Литература создает образ человека-брата, сострадателя; образ же героической личности преобразуется в образ человека — сына божьего, богочеловека. Из древневосточных литератур это особенно характерно для манихейской и буддийской.

С этим связано и стремление литературы выйти за узкие территориально-этнические границы, преодолеть жесткий смысл понятий: «единоплеменник», «единоверец» — «чужак», «иноплеменник», — и стать единой, вселенской разноязычной литературой.

Эти общие черты укрепляются благодаря усилению и прежде существовавших, но менее тесных, контактных взаимосвязей литератур Древнего Востока между собой, связей не только внутри регионов, но и между регионами; ближневосточных с индийской, индийской с китайской и др.

Возникает новое явление — *литературный синтез*, складываются литературы, основанные на этом синтезе. Таковыми стали, например, древнеиранская и древнееврейская — особенно к концу завершающего периода своего развития.

Даже общее знакомство с текстами древнеиранской литературы на всем ее протяжении выявляет наличие в ней отзвуков, элементов словесности и литератур шумеро-аккадской, индийской, древнееврейской, хеттской, в последние века — и китайской. Признание Мазды верховным божеством было подготовлено распространением этого культа в Урарту. Но из-за этого древнеиранская литература вовсе не стала подражательной, «заемной», а стала еще более самобытной, органически сплавив все эти воспринятые ею элементы, органически переработав их по-своему, в собственном, оригинальном духе. Развив идеи вечной борьбы Добра и Зла, древнеиранская литература и религия (общие в своем синкретическом единстве) дошли до идеи Верховного бога как всемогущего воплощения Добра, приблизились к абстрактной идее единого бога и оказали свое влияние на другие литературы, в том числе древнееврейскую. На двух этапах развития гуманистической идеи в древневосточной литературе в целом древнеиранская литература создала: на первом — бес-

смертные образы героической личности — человека духовной силы, пророка Заратуштры и человека физической силы — Рустама, а на втором — образ великого «художника» и пророка Мани, сочетавшего в своем учении идеи зороастризма, раннего христианства, буддизма... Таковы черты древнеиранского синтеза[1].

Древнееврейская литература также унаследовала многое из древнеегипетской, шумеро-аккадской, угаритской и древнеиранской литератур и воззрений. Но и здесь мы имеем дело не с подражательством и эклектическим смешением часто разнородных элементов, а с литературным синтезом литератур Ближнего Востока. Именно это, а не некое «избранничество» и обусловило высокие литературно-художественные достоинства такого памятника, как Библия.

В самой структуре Библии («Ветхого завета») отразился принцип традиционализма, который состоит в том, что каждая следующая литературная стадия представляет собою как бы «комментарий» к предыдущей. Библия, как известно, состоит из трех частей: «Пятикнижие», «Пророки» (Малые и Большие), «Писания». «Пророки» опираются на «Пятикнижие», отстаивают его неукоснительное соблюдение и рассматривают его как источник и оправдание всех событий и проповедей, содержащихся в книге «Пророки». «Писания» все время как бы апеллируют к двум первым частям, особенно к «Пятикнижию», но — и к «Пророкам». Такие книги, как «Псалмы», «Экклесиаст», «Притчи», «Песнь песней», связываются с личностями, являющимися основными героями в «Пророках»,— царями Давидом и Соломоном; «Плач» — приписывается пророку Иеремии и т. п. Этот «комментарийный традиционализм» свойствен и формированию индийской и китайской литератур (о чем говорится в соответствующих очерках в настоящем томе).

Отчетливо выразились в Библии и острые столкновения гуманистической и негуманистической (нногда антигуманистической) тенденций. Это отразилось уже в трактовке образа бога Яхве, который, став из племенного, полутелесного совершенно духовным, монотеистическим богом, был вынужден логикой этой метаморфозы вобрать в себя и вместить в себе одном обе стороны древнеиранского дуализма — и Добра и Зла. Недаром говорит Яхве о себе: «Мне благословение и Мне проклятие». Однако этот «сверхъединый» бог недалеко ушел от двуликого Януса. У писателей из корпорации ортодоксальных священнослужителей, выразителей антигуманистической тенденции, Яхве совершенно подавляет человека, проявляя себя не только яростным ревнивцем, требующим во что бы то ни стало покорной любви к себе, любви из-за страха и боязни, но и коварным, жестоким, мстительным: он «избирает» себе «свой» народ и заключает с ним сделку («Берйт» — «Завет»), требующую за обещанные блага беспрекословного рабского подчинения. Подобные антигуманистические, даже человеконенавистнические элементы существуют в таких книгах Библии, как «Числа», «Иисус Навин», «Судьи».

[1] См. об этом в настоящем томе в специальной статье и примечаниях.

В противоположность этому, у писателей, хотя и происходивших из той же среды священнослужителей, но поднявшихся уже в тот век до гуманистической идеи, совершенно иное изображение образа того же бога Яхве — как милосердного, сближающего друг с другом иноплеменные народы (яркий образец — «Книга Ионы»). Изображается и дружба между людьми разных племени и веры («Книга Руфь»). Эти тенденции весьма противоречиво переплетаются у «Больших пророков». Особенно это можно увидеть у «Исайи», у которого, наряду с выражением жреческих воззрений, можно прочитать и стихи о социальной утопии всеобщего братства людей, и гневные проповеди против угнетателей, и человеколюбивое пророчество о том, как будут благоденствовать в дружбе между собой извечные противники: «Асур», «Мицраим» и «Исраэль» (Ассирия, Египет и Иудея).

Сквозь все противоречия различных составных частей Библии в ней ярко прорывается выстраданная великими писателями *всего* Ближнего Востока мысль о человеке и его счастливом уделе на земле, мысль о его значимости, выраженная и в религиозной формуле создания человека по «образу и подобию божьему», ставящая таким путем человека рядом с богом, и в художественном образе героической личности — богоборца, начиная с эпизода борьбы Иакова с богом и завершая Иовом.

Литературный синтез, осуществленный в древнееврейской литературе, в концентрированном виде выявляет многие общие черты, свойственные завершающей ступени *всех* древневосточных литератур.

В очерке П. А. Гринцера о древнеиндийской литературе в настоящем томе отмечены черты присущего ей литературного синтеза. Все это подтверждает, что создание подобного литературного синтеза само по себе является одной из важнейших общетипологических черт, по-разному проявляющихся в разных регионах.

Что касается местного своеобразия отдельных литератур, то они освещаются в каждом из очерков, помещенных в настоящей книге.

* * *

Противоречивое многообразие художественной формы не только всей совокупности древневосточных литератур, но и каждой в отдельности, невероятная гамма изобразительных средств и приемов действуют ошеломляюще: то, знакомясь с иными произведениями тысячелетней давности, поражаешься, до чего это близко нам по своему нравственному, эмоциональному и даже эстетическому настрою, а то — как чуждо, далеко и невоспринимаемо!

Вот почему можно ограничиться лишь самыми общими определениями «стиля» древневосточной литературы. Первым определением и является характеристика ошеломляющего разнообразия, следствия того, что в этой древней литературе, как в зародыше, «завязи», содержатся те элементы, которые на основе литературного синтеза принимают в последующем развитии более определенно выраженные, обновленные и новые формы.

Более четкие очертания в древневосточных литературах на завершающей ступени приняли жанровые различия как в поэзии, так и в прозе.

Подобно тому как в древних представлениях переплелось практическое сознание с фантастическим отлетом мысли от действительности, так и на вершине художественного творчества Древнего Востока сочеталось эмпирическое, натуралистическое изображение с абстрактной символикой, героическое с будничным, монументальность с миниатюрностью.

Вся литература Древнего Востока пронизана религиозной идеологией. Но сколь противоречиво в литературе идеологическое выражение — от языческого антропо- и зооморфирования божества к рабскому богопочитанию или, напротив, героическому богоборчеству и человеколюбию, то ли в образах беззаветной любви к богу, а то и полного игнорирования его.

* * *

Как известно, мировая литература сложилась лишь в новое время, на рубеже XVIII и XIX веков. Но это могло произойти лишь потому, что с самого возникновения письменных литератур на земле (вначале — древневосточных) они развивались в постоянной оплодотворяющей связи друг с другом, питались одними и теми же общественно-историческими корнями.

Западная античная литература также никогда не была изолирована от древневосточной, пережив две эпохи этой связи; одну — в самом начале зарождения (I тыс. до н. э.), другую — при ее завершении в культуре эллинизма, в последние века до нашей эры. Отличие ее от восточных хотя и является глубоко качественным, но вовсе не принципиально противоположным.

Мир просторен, многолик, и вместе с тем он един — такой вывод вытекает из изучения проблемы начала, и даже самого «начала начал», литературного творчества.

Выше уже говорилось, что литературы Древнего Востока всегда были связаны меж собой, учились друг у друга и друг друга обогащали. Эти связи перерастают региональные рамки и становятся всемирными. Литературный синтез — яркий показатель плодотворности сближения и взаимообогащения литератур.

На рубеже двух эпох — до нашей эры и нашей эры — сближение литератур Древнего Востока и античного западного мира привело к созданию нового явления — *западно-восточного* литературного синтеза, воплощенного, в частности, в эллинистической литературе.

Значит, литература в каком-то смысле слова всегда была «всемирной», но она не осознавала себя таковой. Когда литературы, выйдя из условий средневековья, стали национальными литературами, то их дальнейшие связи и привели к литературе интернациональной, мировой, в которую включаются все новые и новые литературы народов, добившихся национального освобождения. Мировая литература все больше перестает быть только европейской (даже — только западноевропейской), она становится и азиатской, и афри-

канской, и латиноамериканской, короче — мировой литературой всех континентов.

Но, как мы видели, она была уже с самого начала мировой литературой «в себе», она была фактически всемирной, но не осознавшей себя, пока не стала интернациональной многоязычной мировой литературой «для себя», то есть мировой в нынешнем смысле этого слова.

Ознакомление с литературами Древнего Востока не только дает нам возможность пережить радость встречи с «началом начал», но и — убедиться еще раз в том, что мир — един и неделим, что человечество, осознавшее всю ответственность и все благо возложенных на него историей задач, — едино и вечно. Это и обеспечивает бессмертие нестареющему в веках гуманистическому художественному слову Древнего Востока.

* * *

В заключение автор вступительной статьи с благодарностью вспоминает неизменный интерес, проявленный к подготовке тома академиком Н. И. Конрадом, и его многочисленные советы.

И. БРАГИНСКИЙ

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И СОСТАВЛЕНИЕ
М. КОРОСТОВЦЕВА

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Приблизительно пять тысяч лет тому назад на территории современного Египта сложилось одно из древнейших государств на нашей планете. Этому историческому факту предшествовала многовековая и почти нам неизвестная история борьбы за гегемонию в стране мелких самостоятельных политических образований (по современной научной терминологии, «номы»). Эта борьба завершилась приблизительно на рубеже IV и III тыс. до н. э. объединением всех номов, которых было около сорока, в два более крупные государственные объединения: царство Верхнего Египта и царство Нижнего Египта. В конце концов первое из них силой оружия подчинило второе, и весь Египет объединился под властью одного фараона. История объединенного Египта охватывает огромный период времени — приблизительно в три тысячелетия — и по установившейся в науке традиции делится на большие периоды: Древнее царство, Первый переходный период, Среднее царство, Второй переходный период, Новое царство, Позднее время. В 332 г. до н. э. Египет был покорен Александром Македонским, а в 30 г. до н. э. вошел в качестве провинции в Римскую империю. Перечисленные периоды разделяются, в свою очередь, на династии, и, таким образом, династийный признак лежит в основании периодизации не только истории Египта, но и истории его культуры.

Египетская литература, возникшая как часть египетской культуры и вместе с нею исчезнувшая, прожила более долгую жизнь, чем прожило независимое египетское государство; начиная с 332 г. до н. э. государство это становится частью политического мира эллинизма. Однако же самобытная египетская культура продолжает жить и развиваться и в новых политических условиях даже и в первые века господства римлян.

«Династийная» хронологизация египетской литературы является вынужденной, поскольку она обусловлена в основном состоянием источников и невозможностью проследить шаг за шагом развитие самого литературного процесса. Практически принята следующая периодизация египетской литературы:

I. Литература Древнего царства, III тыс до н. э.
II. Литература Среднего царства, XXI—XVII вв. до н. э.
III. Литература Нового царства, XVI—IX вв. до н. э.
IV. Литература демотическая, VIII в. до н. э.— III в. н. э.

Эта периодизация в основном соответствует большим этапам развития языка; Древнее царство — староегипетский язык: Среднее царство — среднеегипетский, так называемый «классический» язык; Новое царство — новоегипетский язык и, наконец, литература на демотическом языке (записывается так называемым демотическим письмом)[1].

От эпохи Древнего царства сохранились так называемые «Тексты пирамид», начертанные на стенах внутренних коридоров и камер в пирамидах некоторых фараонов V и VI династий (ок. 2700—2400 гг. до н. э.). «Тексты пирамид» — едва ли не древнейшая в мировой истории коллекция религиозных текстов. В этом огромном собрании магических формул и изречений с большой силой запечатлено стремление смертного обрести бессмертие богов. В текстах используются такие приемы красноречия, как аллитерация, параллелизм, повтор (см. в нашем томе переведенный Анной Ахматовой фрагмент [«К богине»]).

В эпоху Древнего царства «Тексты пирамид» были уже архаизмом (при фараонах V и VI династий они были лишь записаны). О литературе эпохи Древнего царства мы располагаем весьма отрывочными данными. Однако не приходится сомневаться, что тогда существовала богатая и разнообразная литература, в основном полностью для нас погибшая. Нам известны тексты совершенно иного типа, чем «Тексты пирамид», хотя они тоже относятся к религиозному ритуалу. Это автобиографические надписи вельмож: на надгробной плите необходимо было увековечить имя умершего. Упоминание имени сопровождалось перечислением титулов и должностей покойного, а также списком жертвенных даров, которые ему предназначались. К этой чисто ритуальной части текста мало-помалу для прославления умершего стали прибавлять описания различных эпизодов из его жизни, свидетельствующих о его заслугах перед фараоном, благосклонности последнего к умершему

[1] В Египте на всем протяжении его древнейшей истории было два вида письма: иероглифическое и иератическое. Последнее — скоропись; оно относится к иероглифам приблизительно так же, как наши написанные от руки тексты к печатным текстам. В VIII в. до н. э. появилось сложное и трудное демотическое письмо, которое, несмотря на свою специфику, является дальнейшим развитием иератического письма. Все эти виды египетского письма возникли и развились в Египте самостоятельно.

и т. д., словом, все, что могло возвеличить и приукрасить его личность. Ритуальная надгробная надпись развертывалась в автобиографию. Историческая и художественная ценность произведений этого жанра не подлежит сомнению.

Так, в плохо сохранившейся надписи Уашпты, вазира и главного строителя одного из фараонов V династии, содержится драматический рассказ о том, как царь в сопровождении своих детей и свиты осматривал строительные работы, которые возглавлял Уашпта. Царь выразил удовлетворение и вдруг заметил, что Уашпта ему не отвечает. Оказалось, что вазир в обмороке. Царь распорядился перенести его во дворец и немедленно вызвать придворных лекарей. Последние явились со своими папирусами-изречениями, но все их искусство оказалось напрасным; верный слуга царя скончался.

Весьма примечательна надпись жреца Шеши. Мы читаем: «Я творил истину ради ее владыки, я удовлетворял его тем, что он желает: я говорил истину, я поступал правильно, я говорил хорошее и повторял хорошее. Я рассуждал сестру и двух братьев, дабы примирить их. Я спасал несчастного от более сильного... Я давал хлеб голодному, одеяние нагому. Я перевозил на своей лодке не имеющего ее. Я хоронил не имеющего сына своего... Я сделал лодку не имеющему своей лодки. Я уважал отца моего, я был нежен к матери. Я воспитал детей их». Подобные высказывания не так уж редки в текстах той отдаленной эпохи. Еще чаще они встречаются в последующие времена. Это свидетельствует о наличии сильной гуманистической струи, пронизывающей всю египетскую литературу в целом и, в частности, общественную мысль времен Древнего царства.

Развита была и дидактическая литература.

В знаменитом [«Поучении Птахотепа»], дошедшем до нас в редакции Среднего царства, но составленного еще в эпоху Древнего царства, Птахотеп говорит сыну: «Если ты начальник, отдающий распоряжение многим людям, стремись ко всякому добру, чтобы в распоряжениях твоих не было зла. Велика справедливость, устойчиво все отличное». Опытный старый вазир этими словами предостерегает своего сына от жестокости и нарушения законов...

Уже в эпоху Древнего царства египтяне ценили красноречие, ораторское искусство. Тот же Птахотеп поучает: «Если ты приближенный царя, заседающий в совете господина владыки своего, будь осмотрительным и молчи — это полезнее чем... [?]. Говори [лишь] после того, как ты осознал, [что] ты понимаешь [суть дела]. Это умелец — говорящий в совете. Труднее [умная] речь, чем любая работа...»

От времен Древнего царства не сохранилось произведений повествовательных жанров, если не считать упомянутые надписи вельмож времен Древнего царства. Однако знаменитые сказки папируса Весткар, повествующие о фараонах Древнего царства (правда, дошедшие до нас в поздней редакции времени Второго переходного периода), с несомненностью сви-

детельствуют, что уже во времена Древнего царства такая литература существовала: вместе с тем надо учитывать, что древнее ядро этих сказок могло и, вероятно, подверглось значительной переработке в более поздние времена.

От Первого переходного периода, то есть от времени между концом Древнего царства и началом Среднего царства, то есть от конца III тыс. до н. э., сохранилось замечательное дидактическое произведение, известное в науке как «Поучение» фараона, имя которого нам неизвестно, своему наследнику — Мерикара. Там мы читаем, например: «Подражай отцам своим и предкам своим... вот речи их закреплены в писаниях. Разверни их, читай их, подражай им в знаниях. Становится умельцем [лишь] обученный. Не будь злым, прекрасно самообладание, установи [себе] памятник свой расположением к себе [других]». Далее следуют замечательные слова: «Будь умельцем в речи, дабы ты был силен... сильнее речь, чем любое оружие». Поучение, адресованное Мерикара, еще одно свидетельство того, что к исходу Древнего царства в Египте была создана большая литература, навеки для нас утерянная.

Время Среднего царства не без основания считается в науке временем расцвета литературного творчества, некоторые памятники которого дошли до нас. Таковы, например, [«Рассказ Синухе»], [«Сказка потерпевшего кораблекрушение»], искусные, тонкие обработки фольклора — сказки упомянутого папируса Весткар, поучение основателя XII династии (ок. 2000—1800 гг. до н. э.) фараона Аменемхета I, [«Поучение Неферти»] или, точнее, [«Пророчество Неферти»].

Из гимнов эпохи Среднего царства, обращенных к божествам, наибольшими литературными достоинствами отличается гимн Хапи, богу Нила. Несколько версий гимна, дошедших до нас, относятся к эпохе Нового царства, но несомненно, что они лишь поздние записи, свидетельствующие о популярности произведения. Интерес, представляемый гимном, двоякий; во-первых, в нем красочно отражается отношение египтян к могучей реке, не только создавшей их страну, но и в течение тысячелетий кормящей ее население (иначе говоря, в гимне выражено отношение человека к обожествляемой им природе); во-вторых, эти чувства выражены в нем в яркой художественной форме. Гимн — не молитва, не собрание просьб, а именно выражение восхищения и благодарности великой природе, давшей жизнь стране и ее людям.

В гимне богу Осирису, начертанном на надгробной плите времени Среднего царства (хранится в Парижской Национальной библиотеке), воспевается божество, культ которого широко распространился в эпоху Среднего царства: Осирис стал в египетском обществе чем-то вроде «властителя дум». С именем его связывалось представление о доступном и желанном для каждого смертного бессмертии за гробом, и культ Осириса демократизовал и упростил заупокойный ритуал. Достаточно было самое скромное надгробие в виде плиты с начертанными на ней священными формулами

и упоминанием Осириса, чтобы обеспечить вечную жизнь в потустороннем мире.

В качестве антитезы общераспространенной догмы о бессмертии, теснейшим образом связанной с культом Осириса, в эпоху Среднего царства появилась так называемая [«Песнь арфиста»] — совокупность приблизительно пятнадцати текстов, дошедших частично от периода Среднего, а частично от начала Нового царства (последние, однако, являются копиями или версиями более древних среднеегипетских оригиналов). Эти тексты связаны между собой общим направлением мысли, одним мироощущением и мироотношением; все на земле бренно, решительно все обречено на исчезновение; испокон веков поколения людей одно за другим нисходят в могилы, заупокойные памятники разрушаются и исчезают, и от этих людей не остается даже воспоминания. (См. в нашем томе переведенную Анной Ахматовой [«Песнь из дома усопшего царя Антефа...»].) Потому надо использовать все блага жизни, веселиться и наслаждаться, ибо ничто не отвратит неизбежную смерть. Таким образом, [«Песнь...»] высоко ценит земную жизнь и в то же время полна неприкрытого скептицизма по отношению к загробным верованиям. [«Песнь арфиста»], бесспорно, обнаруживает наличие в Египте эпохи Среднего царства разных течений религиозно-общественной мысли, иногда прямо противостоящих друг другу.

Очень интересным и, может быть, не до конца еще понятным произведением древнеегипетской литературы является широко известный «Спор разочарованного со своей душой», содержащийся в одном из берлинских папирусов.

Совершенно ясно, что «разочарованный» имеет в виду какие-то новые общественные порядки и нравы, которые диаметрально противоположны тем, которые ему дороги и близки («никто не помнит прошлого»). Словом, он чувствует себя одиноким в окружающем его обществе, в котором ему все чуждо и враждебно.

Социальные потрясения в Египте конца III тыс. до н. э., отразившиеся на содержании «Спора разочарованного со своей душой», наложили отпечаток и на другие произведения египетской литературы эпохи Среднего царства — произведения, так сказать, публицистического плана. Более того, целая группа произведений того времени была инспирирована дворцом с целью укрепить и пропагандировать авторитет фараонов XII династии, положившей конец предшествующей вековой политической неурядице. Сюда относится и [«Рассказ Синухе»] и [«Пророчество Неферти»].

Литература времени Нового царства в основном является развитием тех литературных традиций и жанров, которые сложились уже в эпоху Среднего царства. Главное, хотя в основном лишь внешнее, отличие литературы Нового царства от литературы Среднего царства заключается в языке,— литература Среднего царства написана на среднеегипетском, так называемом классическом языке, литература Нового царства — на новоегипетском языке.

Литература Нового царства представлена множеством сказок,— таковы, например, [«Два брата»], [«Правда и Кривда»], [«Обреченный царевич»],— а также множеством дидактических произведений — «поучений». Особо следует назвать рассказ о путешествии некоего Ун-Амуна в Библ. Это произведение не содержит никаких сказочных моментов и, подобно среднеегипетскому [«Рассказу Синухе»], может быть отнесено к произведениям, правдиво отражающим историческое время событий, в нем описанных.

Ко времени Нового царства относится и ряд произведений, воспевающих воинскую доблесть фараонов, а также высокопоэтические гимны разным божествам, например, гимн богу Атону. Особыми поэтическими достоинствами отличается тонкая любовная лирика этих времен.

Переходя к произведениям демотической литературы, также следует сказать, что она развивалась, продолжая установившиеся литературные традиции. Здесь и фантастические сказки (например, сказки цикла о жреце Хасмуасе), сказания эпического характера о фараоне Петубасте, поучения,— например, [«Поучение Анхшешонка»], басни — новый, ранее не встречавшийся жанр, в котором действующими лицами являются только животные.

Особо надо упомянуть содержание папируса Райланд IX, в котором рассказывается история одной жреческой семьи на протяжении трех поколений. Это произведение насыщено достоверными бытовыми и историческими реалиями и никаких фантастических деталей не содержит. Это едва ли не самое древнее в мировой литературе произведение, действующими лицами которого являются три поколения (деды, отцы, внуки) одной семьи. Известный бельгийский египтолог Ж. Капар, взяв за основу сюжет папируса Райланд IX, написал увлекательный роман из жизни древнего Египта.

Египетское общество в древние времена жило напряженной, богатой и многосторонней духовной жизнью. Египетская культура в целом является одним из истоков культуры всемирной. Египетская литература, представляющая собой одно из самых ярких и художественно ценных проявлений этой культуры, самобытна и глубоко человечна. Она неразрывно связана с жизнью общества и его идеологией. А так как в эпоху ее развития в идеологии преобладающую роль играла религия, не удивительно, что египетская литература испытала на себе существенное влияние религии, и нередко в ее произведениях мы обнаруживаем религиозное мироощущение в различных его проявлениях. Однако отсюда вовсе не следует, что египетская литература в основном литература религиозная или богословская. Наоборот, она представлена самыми разнообразными жанрами. Наряду с переработанным и записанным в виде сказок фольклором — сказки папируса Весткар, [«Два брата»], [«Обреченный царевич»] — есть повести о реальных событиях: [«Рассказ Синухе»] и [«Рассказ Ун-Амуна»], надписи царей и вельмож исторического содержания; наряду с религиозными текстами (гимны Амону, Атону,

Хапи и др.) — произведения скептического содержания, например, «Спор разочарованного со своей душой»; наряду с мифологическими сказками (сказка о Хоре и Сете) — басни и любовная лирика. (Известны ли были египтянам стихотворения в нашем понимании этого термина — ничего определенного сказать нельзя, так как огласовка египетских текстов вплоть до наших дней является проблематичной.) Египтянам не чужды были и театральные представления, причем не только мистерии, но и в какой-то мере светская драма.

Выше уже говорилось, что ряд произведений египетской литературы создавался под импульсом современных им политических веяний и, например, некоторые сочинения эпохи XII династии были инспирированы фараоном и его ближайшим окружением. На это впервые обратил внимание и убедительно доказал один из самых авторитетных египтологов нашего времени французский профессор Г. Познер.

Вряд ли есть основание сомневаться в том, что этот факт вовсе не исключение в истории египетской литературы, что фараоны последующих времен не упускали возможности воспользоваться литературой для усиления своего авторитета и популяризации самих себя. При великом фараоне-завоевателе Тутмосе III постоянно находился писец Ченен, который описывал ярко и образно походы фараона, блестящие победы египетских войск и роль самого царя. Несомненно, что Ченен описывал все так, как это было желательно царю. При другом знаменитом фараоне, Рамсесе II, был другой такой же писец, имени которого мы не знаем, но произведение которого скопировал писец Пентаур. В этом, хорошо известном нам произведении описывается знаменитая Кадешская битва между египтянами и хеттами, подробно и в явно преувеличенном виде описываются воинские доблести Рамсеса II. Тексты, повествующие о Кадешской битве и подвигах Рамсеса II, сопровождаемые соответствующими изображениями, находятся в разных храмах. Тексты и изображения были выполнены высококвалифицированными писцами и художниками, но сам Рамсес II влиял на содержание и направление их работы.

Когда говорят о литературе, невозможно не говорить о ее создателях, об авторах. Здесь, однако, мы встречаемся с очень серьезными трудностями, которые относятся, конечно, и к ряду других литератур древности. Все дошедшие до нас египетские тексты, конечно, были когда-то и кем-то составлены, написаны, даже и тогда, когда они представляли собой письменную фиксацию устных преданий. Тем не менее в большинстве этих текстов нет ни малейшего намека на автора. Кто же были они, эти авторы, и почему их имена отсутствуют в текстах? На этот очень важный вопрос ответить однозначно и вполне определенно очень трудно. Несомненно, что этот вопрос связан с другим, более общим вопросом: известно или неизвестно было древним египтянам понятие авторства? Отрицательный ответ на этот вопрос (а такой отрицательный ответ широко распространен в научной литературе) не соответствует действительности. Понятие авторства

существовало, но почти исключительио в сфере дидактической литературы.

Как и в других страиах древности, понятие авторства в древнем Египте ие было еще прочным достоянием общественной мысли. Оио лишь стало стабилизироваться и осозиаваться и укрепилось имеиио в дидактнческой литературе. По-видимому, сами египтяне считали этот жанр иаиболее важным и существениым. В одиом из папирусов эпохи Нового царства содержнтся в высшей степеии замечательное место, где восхваляются авторы древних поучений:

Оии ие строили себе пирамид из меди
И иадгробий из бронзы.
Не оставили после себя иаследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое иаследство в писаниях,
В поучениях, сделаниых ими.
. . . .
Построены были двери и дома, ио оии разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имеиа их произиосят, читая эти кннги,
Написаиные, пока оии жили,
И память о том, кто иаписал их,
Вечна.
. . . .
...Книга лучше расписного иадгробья
И прочной стены.
Написаиное в книгах возводит дома и пирамнды в сердцах тех,
Кто повторяет имена писцов,
Чтобы иа устах была истииа.

(Перевод А. Ахматовой)

Перед иами мотив «иерукотвориого памятника», прозвучавший на берегах Нила еще в конце II тыс. до и. э. Строки эти служат ярким свидетельством почета, уважения и благодариости к авторам — мудрецам, обогатившим египетскую культуру своими произведеииями.

Такие мысли могли родиться только там, где любили и ценили литературу, где творческий труд заслужеиио считался высшим достижеиием человека. Ограничимся указаиием на то, что слово «писец» в египетском языке означало не только профессиоиальиого писаря или переписчика, ио и вообще имело значение «грамотиый» или «образованный» человек. Даииые памятников свидетельствуют о том, что писцы (иечто вроде древиейшей «иителлигенции») вербовались изо всех классов иаселеиия (преимущественно из правящих слоев) и заиимали самые разиообразные ступеии в общественной иерархии, от лиц, очень близких к трону, вплоть до самых скромиых чииовииков и писарей. Писцы в целом представляли собой огромиый бюрократический аппарат, весьма привилегированный, а в осиовиом заиимавшийся админи-

стративно-хозяйственной деятельностью. И в этой многочисленной чиновной массе всегда были люди одаренные и любознательные, которых не могла удовлетворить серая рутина чиновничьих обязанностей, которые стремились к знанию и творческой работе. Вот они-то и становились писателями и учеными, непосредственными создателями египетской культуры и литературы.

Гуманистическая идея, выражавшая интерес общества к человеку, и неразрывно связанное с этим интересом человеколюбивое отношение к нему пронизывают литературу древнего Египта.

Отдельные ученые рассматривают Египет как единственную родину многих жанров и литературных сюжетов, проникших впоследствии в другие древние литературы. Это — преувеличение, но никак нельзя отвергать серьезное влияние египетской литературы на другие литературы древности. Отметим прежде всего, что египетская литература оказала влияние на Библию. Хотя определение объема этого влияния вызывает противоречивые мнения, однако факты такого воздействия несомненны. Рассказ Библии об исходе евреев из Египта содержит следующий эпизод: Моисей «разделил» воды Красного моря, и по суше, то есть дну моря, провел весь еврейский народ с одного берега на другой. В папирусе Весткар египетский жрец также «разделяет» воды пруда. Библейская книга «Притчи Соломоновы» по своей структуре и стилю напоминает египетские поучения. В [«Поучении Аменемопе»] мы читаем: «Дай уши твои, внимай [словам], сказанным мной, обрати сердце свое к пониманию их». В «Притчах Соломоновых»: «Приклони ухо свое, внимай словам моим и обрати сердце свое к пониманию их». Такое совпадение, конечно, не случайность, египетский текст является в данном случае первоисточником. Бросается в глаза близость библейских псалмов 104, 110 и некоторых других к египетским текстам, и т. д. Исследование ряда библейских сюжетов, например, [«Пребывание Иосифа в Египте»] («Книга Бытия») и др. показывало, что они навеяны египетским бытом и литературой. Египетские мотивы через Библию, а затем и через коптскую литературу проникли в Европу. Восхваление римского полководца Стилихона латинским поэтом IV в. н. э. Клавдианом содержит совершенно явные следы религиозных и мифологических представлений древних египтян. Надо отметить и выявленную исследователями связь между египетской и античной любовной лирикой. Так называемый параклауситрон, то есть любовная песнь у закрытых дверей любимой (Плавт, Катулл, Проперций), традиционно рассматривался как исконно античный жанр. Оказалось, однако, что задолго до античных авторов египтяне знали этот литературный прием. Приведенные факты достаточно убедительны, хотя далеко не представляют собой систематического или исчерпывающего обзора литературных связей между Египтом и античным миром.

В целом древнеегипетская литература была в большей мере дающей, а не берущей, влияющей, а не подвергающейся влиянию. Конечно, исключать всякое влияние на египетскую литературу было бы неверно. В демотической

литературе существует цикл сказаний о фараоне Петубасте. В этих сказаниях имеются неегипетские литературные моменты, и можно допустить здесь влияние «Илиады». Тот факт, что знакомство с «Илиадой» наложило какой-то отпечаток на цикл о Петубасте, свидетельствует вместе с тем, что впечатление от «Илиады» было воспринято по-египетски, как всегда бывает при взаимовлиянии двух больших литератур. Египетская культура и литература, воспринимавшие иноземные элементы, адаптировали их к себе, не теряя при этом своего самобытного облика.

М. КОРОСТОВЦЕВ

Фараон Рамсес II.
Фрагмент росписи.
Гробница Нехтамона (№ 341) в Фивах. XIII в. до н. э.

[СКАЗКА ПОТЕРПЕВШЕГО КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ]

1 Сказал достойный «спутник»: «Да будет спокойно
2 сердце твое, первый среди нас, ибо вот достигли мы
царского подворья, подан
3 на берег деревянный молот,
4 вбит в землю причальный кол, носовой канат
5 брошен на сушу. Звучит благодарность и хвала богу, и
6 каждый обнимает своего товарища.
7 Люди наши вернулись невредимы, нет
8 потерь в отряде нашем. Мы достигли
9 рубежей страны Уауат и миновали
10 остров Сенмут. И вот вернулись
11 с миром. Прибыли в страну нашу.
12 Послушай меня, первый среди нас,— я ничего
13 не прибавлю лишнего: сверши омовение и возлей
14 воду на пальцы твои. И,
15 когда спросят тебя, отвечай. Говоря с
16 царем, владей собою,
17 отвечай как подобает, не запинайся, ибо спасение чело-
18 века — в устах его, ибо слово
19 пробуждает снисхождение.
20 Поступай, однако ж, по желанию сердца твоего, ибо
21 утомительно уговаривать тебя. Поведаю
22 тебе лучше, как случилось и со мною
23 подобное. Отправился я в
24 рудники царя.
25 Спустился я к морю, и вот — судно:
26 сто двадцать локтей в длину и сорок в ширину
27 и сто двадцать отборных моряков из

Египта. Озирают ли они
небо, озирают ли землю — сердце их неустрашимее,
чем у льва. И возвещают они
бурю до прихода ее и грозу
до наступления ее. И вот грянула буря,
когда мы были в море, и не успели
мы достигнуть суши, плывя под парусами.
И вот ветер все крепче, и волны высотою в
восемь локтей. И вот рухнула мачта
в волну, и судно
погибло, и никто из моряков
не уцелел. Я один был выброшен
на остров волнами моря.
Я провел три дня в одиночестве, и лишь
сердце мое было другом моим. Я лежал
в зарослях
деревьев, в объятиях
тени. После поднялся я на ноги,
чтобы поискать, что положу в рот свой.
И вот нашел я фиги,
и виноград, и всякие прекрасные овощи, и
плоды сикомора, и
огурцы, словно выращенные человеком, и рыбу, и
птицу. И нет такого яства,
которого бы там не было. И вот
насытился я и положил на землю
то, что осталось в руках моих. Вырезал я коловорот,
добыл огонь и
принес огненную жертву богам. Тут услыхал я
голос грома. Поду-
мал я, что это волны
моря. Деревья трещали,
земля дрожала.
Когда же раскрыл я лицо свое, то увидел, что это
змей приближается ко мне.
Длина его — тридцать локтей. Борода его — больше
двух локтей. Чешуя его — из
золота, брови его — из лазурита.
Тело его изогнуто кверху.
Он разверз уста свои предо мной, я же
лежал, распростершись ниц.
Сказал он мне: «Кто принес тебя сюда, кто принес тебя, малыш?
Кто принес тебя? Если замедлишь
назвать мне его, то гляди,

72 изведаешь превращенье в золу,
73 исчезнешь, и никто тебя не увидит».
74 Отвечал я ему: «Вот, ты говоришь со мной, а я не понимаю.
75 Ниц распростерт я перед тобой». И
76 я обмер от страха. Тогда забрал он меня в пасть свою,
77 и отнес
78 в жилище свое, и положил на землю,
79 невредимого, ибо я был
80 цел и члены мои не оторваны от туловища.
81 И отвел он уста свои, я же
82 простерся на чреве ниц перед ним.
83 Сказал он мне: «Кто принес тебя сюда, кто принес тебя,
84 малыш? Кто принес тебя на этот остров средь
85 моря, берега которого — волны?»
86 Отвечал я ему,
87 сложив почтительно
88 руки, сказал я ему так:
89 «Я отправился
90 в рудники посланцем
91 царя на судне
92 длиною сто двадцать локтей и шириною — сорок,
93 со ста двадцатью отборными моряками
94 из Египта.
95 Озирают ли они небо, озирают ли землю,
96 сердца их неустрашимее, чем у льва.
97 Возвещают они бурю
98 до прихода ее и грозу до наступления ее.
99 Один отважнее другого сердцем и
100 сильнее руками, и не
101 было недостойного среди них. И вот грянула
102 буря, когда мы были в море,
103 и не успели мы достигнуть земли, плывя под парусами.
104 И вот ветер все крепче, и волны
105 высотою в восемь локтей. И вот мачта рухнула
106 в волну, и судно погибло,
107 и не уцелел ни один,
108 кроме меня. И вот я близ тебя.
109 Я был выброшен на этот остров
110 волнами моря».
111 Сказал он мне: «Не бойся, не бойся,
112 малыш, не закрывай от страха лица своего здесь,
113 предо мною. Вот бог даровал тебе
114 жизнь, он принес тебя на этот остров ка.
115 Нет такого, чего бы на нем не было,

116 он полон всяким добром.
117 Вот ты проведешь, месяц за месяцем,
118 четыре месяца
119 на этом острове,
120 пока не придет из царского подворья судно,
121 и люди на нем — твои знакомцы.
122 С ними ты вернешься в царское подворье
123 и умрешь в городе своем.
124 Как радуется повествующий о былых горестях, ибо страдание миновало!
125 Вот я поведаю тебе о происшедшем на этом острове.
126 Я жил здесь с моими братьями и детьми,
127 нас было семьдесят пять змеев
128 с детьми и братьями моими, не считая
129 малой дочери, которую я добыл себе молитвой. И вот упала звезда
130 и попалила их. Это случилось, когда меня не было —
131 не было меня среди них. Я чуть было не умер, когда нашел их всех
132 в одной груде спаленных тел. Если ты силен, владей сердцем своим, ибо
133 ты еще обнимешь детей своих, и поцелуешь
134 жену свою, и увидишь дом свой,— это прекраснее всего.
135 Ты достигнешь царского подворья и будешь там
136 среди подобных тебе». Я
137 простерся ниц и коснулся челом
138 земли, говоря ему так:
139 «Я поведаю о могуществе твоем царю — пусть узнает
140 о величии твоем. Моею заботою царь пришлет тебе благовония — иби, хекену,
141 нуденб, хесант и храмовый ладан,
142 которым умилостивляют всех богов. Я поведаю ему о происшедшем здесь,
143 и, узрев мощь твою,
144 воздадут тебе хвалу пред лицом Совета страны. Я принесу тебе в огненную жертву
145 быков. Я принесу тебе в жертву
146 птиц. Моими заботами доставят тебе суда, груженные
147 лучшим, что рождает Египет,— словно как богу, любящему
148 людей, в стране далекой, безвестной человеку».
149 Тогда посмеялся он надо мною, ибо сказал я пустое.
150 Сказал он мне: «Ты не богат миррою, не родился ты хозяином ладана.
151 Я же владыка Пунта, и вся мирра его — моя.

152 Ты говорил о хекену — обилен хекену этот остров.
153 И вот ты расстанешься с этим местом — и никогда
154 не увидишь его снова, ибо превратится оно в воду». Судно, о
155 котором заранее известил меня он, прибыло.
156 Я взобрался на высокое дерево, и узнал знакомцев своих
по царскому подворью,
157 и пошел доложить змею. И увидел я, что ему уже ведомо все.
158 И сказал он мне: «Прощай, прощай, малыш, в доме твоем да
узришь ты
159 детей твоих, и да прославишь имя мое в городе твоем — вот
и все, чего
160 я хочу от тебя».
161 Распростерся я ниц перед ним, сложив почтительно руки.
162 Он даровал мне груз мирры,
163 иби, хекену, нуденба, хесанта, даровал черни
для глаз, хвосты
164 жираф, большую груду ладана, слоновьи клыки,
165 охотничьих собак, обезьян и всякое прекрасное добро.
166 Погрузил я все на судно и распростерся ниц,
167 чтобы воздать ему хвалу. Тогда сказал он мне:
«Вот достигнешь ты царского подворья
168 через два месяца. Обнимешь ты детей своих и помолодеешь
169 в царском подворье и там же будешь погребен». Тогда
спустился я к берегу,
170 туда, где стояло судно, и окликнул
171 людей, которые были на нем. И воздал я хвалу владыке этого
острова,
172 и моряки на судне — также. И двинулись мы на север,
173 к подворью царя. Достигли мы царского под-
174 ворья через два месяца, как предсказал змей. Тогда я предстал
перед царем
175 и принес ему дары, которые доставил с того острова.
176 И тогда царь воздал мне хвалу перед Советом страны, и
177 удостоен я был звания «спутник царя»,
178 и вознагражден
179 подначальными людьми.
180 Вот как я причалил счастливо к земле, после того как
181 испытал все, что довелось испытать. И вот ты видишь меня.
Слушай же меня,
182 ибо хорошо внимать людям».
183 Сказал он мне: «Не хитри,
184 друг! Кто дает воду
185 птице на заре, перед тем как
186 зарезать ее поутру?» [Колофон:] Доведено сие от начала

187 до конца — как было найдено написанным
188 в писании писца, искусного пальцами своими, сына Амени, Аменаа,—
189 да будет он жив, невредим и здрав!

[РАССКАЗ СИНУХЕ]

R 1 Благородный, первенствующий, правитель земель царя в стране кочевников,
R 2 истинный знакомец царя, любимец царя, спутник царя, Синухе. Так говорит он: «Я спутник царя,
R 3 сопутствующий владыке моему, слуга женских покоев царя и благородной царицы, вознесенной милостью царя,
R 4 супруги царя Сенусерта в Хнум-сут и дочери царя Аменемхета в
R 5 Канефру — Нефру достойной. Год 30-й, время разлива, месяц 3-й, день 7-й.
R 6 Вознесся бог к окоему своему, царь Верхнего и царь Нижнего Египта Схетепибра.
R 7 Вознесся он в небеса и соединился с солнцем. Божественная
R 8 плоть царя слилась с тем, кто породил ее. Царский двор погрузился в безмолвие,
R 9 сердца погрузились в печаль. Великие Врата замкнулись,
R 10 придворные опустили головы на колени,
R 11 народ рыдал. Отправили его величество войско
R 12 в страну Темеху, старший сын царя
R 13 возглавлял войско, бог благой Сенусерт. Для того послал царь Сенусерта,
R 14 чтобы победить чужеземцев, истребить жителей страны Чехен. Вот он уже
R 15 возвращается, ведет за собою пленных из страны Чехен
R 16 и всякого скота без числа.
R 17 Царские друзья послали на западный берег
R 18 известить царского сына о том, что произошло
R 19 во дворце. Нашли его посланные в пути,
R 20 встретились с ним ночью.
R 21 Ни мгновения не промедлил Сокол — тотчас улетел со
R 22 спутниками своими, не сообщив даже войску своему. Но послали также
R 23 и к другим царским детям, что были с ним вместе в войске,
R 24 и вызвали гонцы одного из них. Я стоял неподалеку,
R 25 а он разговаривал с ними, отойдя в сторону, и я слышал его голос.

R 26 Сердце мое смутилось, руки мои дрожали, тре-
R 27 пет охватил все тело — удалился я прыжками, нашел
R 28 укрытие и затаился в кустах, очищая
R 29 дорогу идущему. Направился я на юг,
R 30 уже и не помышляя о царском подворье, ибо думал я:
R 31 будет резня во Дворце и не уйти мне живым после нее.
R 32 Пересек я озеро Маати вблизи
R 33 Сикоморы. Остановился я на острове Снефру и провел день
R 34 у края полей. Двинулся я дальше на рассвете. Встретил
R 35 я человека на дороге. Приветствовал он меня с почтением,
R 36 а я боялся его. Настало время ужина.
R 37 Приблизился я к селению Негау.
R 38 Переправился я через Нил на плоту без руля,
R 39 под западным ветром. Я прошел к востоку
R 40 каменоломни над Владычицей Красной горы.
R 41 И направил я стопы свои
R 42 к северу. Дошел я до Стены Правителя,
R 43 возведенной, чтобы отразить кочевников и растоптать кочующих по пескам.
R 44 Скорчился я в кустах, опасаясь, что увидит меня со стены воин,
R 45 стоявший на страже в тот день. Отправился я ночью дальше.
R 46 Когда озарилась земля, достиг я Петен. Остановился я на острове,
R 47 на Великом Черном озере. Жажда напала на меня, овладела мною жажда, задыхался я, горло мое пылало, и
R 48 я подумал: «Это вкус смерти». Но тут ободрил я свое сердце и овладел своим телом, услыхав
R 49 мычание стад. Увидел я кочевников.
R 50 Узнал меня их вожак — он бывал в Египте.
R 51 Дал он мне воды и вскипятил мне молока. Я отправился с ним
R 52 к его племени. Прекрасно обошлись они со мною! Страна передавала меня стране!
R 53 Ушел я из Библа, и достиг я Кедема.
R 54 Провел я там полтора года. Принял меня
R 55 к себе Амуненши — он правитель Верхней Ретену. Сказал он мне: «Хорошо тебе будет со мной,—
R 56 услышишь речь египетскую». Сказал он так потому, что знал мои достоинства
R 57 и слышал о мудрости моей,—
R 58 рассказали ему люди Египта, бывшие при нем. Сказал он мне: «Из-за чего ты здесь?
R 59 Случилось ли что в царском подворье?» Сказал я ему:

в 36 «Царь Верхнего и Нижнего Египта Схетепибра вознесся к окоему своему.

в 37 Что будет дальше, неизвестно». И солгал я:

в 38 «Вернулся я из похода в страну Темеку, и доложили мне о случившемся. И тогда сердце мое смутилось,

в 39 и хотело выпрыгнуть вон, и увлекло

в 40 меня на путь бегства, хотя и не осуждали меня,

в 41 и не плевали в лицо мне,— ибо не внимал я клевете,— и не звучало имя мое в устах

в 42 глашатая. Не знаю, что привело меня в чужеземную стра-

в 43 ну,— это подобно предначертанию бога, подобно тому, как если б увидел себя житель Дельты в Элефантине, человек Болот — в Нубии». Тогда сказал он мне: «Что же будет впредь с Египтом без него, без

в 44 бога прекрасного,— страх перед ним проникал

в 45 в чужие земли, точно страх пред Сехмет в годину чумы?» И сказал я ему

в 46 в ответ: «Нет сомнения, сын его вступил во Дворец, принял

в 47 наследие отца своего. Он тоже бог, не знающий себе

в 48 равного, и не было подобного ему прежде! Владеет он мудростью, замыслы его

в 49 прекрасны и повеления отменны, по приказу его

в 50 входят и выходят. Это он смирял чужие земли, меж тем как отец его пребывал во Дворце.

в 51 Он докладывал отцу, когда сбывалось предначертанное отцом. Это муж

в 52 с могучею дланью, храбрец, нет ему подобного, когда,

в 53 у всех на виду, обрушивается он на чужеземцев, когда приближается к врагам.

в 54 Он сокрушает рог и ослабляет руку врагов своих, так что не в силах враги его

в 55 построить свои ряды. Это каратель, дробящий лбы, никому не устоять

в 56 против него. Он широко шагает и истребляет бегущих от него,— и

в 57 нет числа обращающим тыл. Он стоек сердцем в миг схватки,

в 58 он всегда обращает к врагу свой лик, никогда не обратит к нему спину свою. Отвага в его сердце,

в 59 когда узревает он пред собою множество врагов,— не допускает он робости в сердце свое.

в 60 Неустрашим он, когда видит восточных кочевников, веселится он, когда

в 61 набрасывается на азиатов,— хватает щит свой и топчет их. Не

В 62 разит он дважды, убивая врагов. Нет никого, кто бы мог уклониться от стрелы его. Нет никого,
В 63 кто бы натянул лук его. Бегут чужеземцы пред десницею его, словно
В 64 пред мощью Великой богини. Бьется он без устали,
В 65 не щадя никого и истребляя всех без остатка. Всеобщий любимец, он полон очарования,
В 66 он внушает любовь. Город любит его больше, чем себя, предан
В 67 ему больше, чем своим богам. Проходят мимо мужчины и женщины и приветствуют его с
В 68 восторгом,— он царь!
В 69 Он обрел царскую власть еще в яйце, обратил к ней лик свой еще младенцем. Он умножает число современников своих.
В 70 Он единственный, он дан людям от бога. О, как ликует страна, которую он правит!
В 71 Это он расширяет пределы ее. Он одолел страны Юга,
В 72 и он с презрением глядит на страны Севера,— он рожден, чтобы разбить азиатов и
В 73 растоптать бродящих по пескам. Пошли к нему гонцов, дабы
В 74 узнал он имя твое! Не высказывай злого против его величества! Ибо неиссякаемы
В 75 благодеяния его чужеземной стране, которая предана ему!»
Тогда сказал он мне:
В 76 «Нет сомнения, счастлив Египет, ибо ведает доблесть его.
В 77 Но ты здесь. Ты будешь со мной. Благо сотворю я тебе».
В 78 Поставил он меня во главе детей
В 79 своих и выдал замуж за меня старшую дочь. Дал он мне выбрать землю в стране своей —
В 80 лучшую, в том краю, что лежала на границе
В 81 с другой страной; это красная земля, имя ей — Иаа. Там росли фиги
В 82 и виноград, и вина было больше, чем воды, и мед в изобилии, и
В 83 много оливкового масла; на деревьях всевозможные плоды;
В 84 ячмень, и пшеница, и бесчисленные стада скота.
В 85 Велики были выгоды мои из-за любви
В 86 его ко мне. Он назначил меня правителем
В 87 лучшего племени в стране своей. Доставляли мне хлеба и питье мину
В 88 ежедневно, и вареное мясо, и птицу
В 89 жареную, и это — не считая дичи пустыни,
В 90 которую ловили для меня и клали передо мною, и не считая того, что приносили

в 91 мои собаки. Много доброго делали для меня. И было молоко во
в 92 всем вареном. И прошло много лет, и сыны мои
в 93 стали силачами: каждый правил
в 94 племенем своим. Гонец, поспешавший на Север или на Юг, в подворье царя,
в 95 останавливался у меня,— я всех приглашал к себе.
в 96 Я поил жаждущего и направлял на путь заблудившегося.
в 97 Я спасал ограбленного. Азиатам,
в 98 принуждаемым к борьбе против чужеземных владык,
в 99 я советовал, куда двинуть войско.
в 100 Много лет провел я у правителя Ретену во главе
в 101 войска его. Каждый народ, против которого я выступал, я покорял, и
в 102 уходил он с пастбищ своих и от колодцев своих.
в 103 Захватывал я в добычу стада его, уводил
в 104 людей его, отбирал припасы его, истреблял мужей его
в 105 своею дланью, луком своим, своими походами,
в 106 своими мудрыми предначертаниями. Покорил я сердце Амуненши.
в 107 Любил он меня, ибо знал, что я могуч. Поставил он меня
в 108 во главе детей своих. Видел он мощь
в 109 рук моих. Пришел силач Ретену. Вызвал он меня
в 110 в шатре моем на поединок. Это был смельчак, и не было равного ему. Покорил он страну Ретену
в 111 от края до края. Сказал он, что хочет биться со мной. Думал он
в 112 убить меня. Задумал взять в добычу стада мои,—
в 113 так научало его племя его. Правитель Амуненши совещался
в 114 со мною, и сказал я так: «Я не знаю его, я не
в 115 ходил в стан его. Разве я открывал
в 116 двери его? Разве сносил его ограды?
в 117 Это завистливое сердце,—
в 118 видит он, как я исполняю твои повеления. Истинно, подобен я быку, забредшему в
в 119 чужое стадо: нападает на него бык стада,
в 120 схватывается с ним длиннорогий бык. Нет человека толпы, который
в 121 был бы любим, сделавшись начальником. И нет кочевника, который
в 122 любил бы выходца из Дельты. [... ...] прикрепить папирус к горе.
в 123 Но разве согласится пришелец показать спину драчливому
в 124 быку — из страха, как бы драчливый с ним не сравнялся?

в 125 Если сердце его жаждет боя, пусть выскажет, что у него на сердце.
в 126 Разве бог не знает, что он же и предопределил? Он знает!»
в 127 С наступлением ночи натянул я тетиву лука моего,
в 128 уложил стрелы мои в колчан, дал легкий ход мечу моему
в 129 в ножнах, начистил оружие мое. Когда озарилась земля, народ Ретену пришел,
в 130 собрались племена его и
в 131 соседние народы, — силач изготовился биться.
в 132 И вот двинулся он на меня. Мужчины и женщины зашептали —
в 133 каждое сердце болело за меня. Думали
в 134 люди: «Кто может сразиться с ним?» Щит его, топор его и все дротики его
в 135 выпали из рук его, — я принудил его выпустить из рук все оружие.
в 136 И колчан его заставил я опорожнить — все стрелы
в 137 до последней, одна за другой, пролетели мимо. И тогда бросился он на меня.
в 138 И я застрелил его — стрела моя застряла в шее его.
в 139 Закричал он и упал ниц.
в 140 Я прикончил его топором и издал клич победы
в 141 на спине его. Все азиаты зарычали от радости,
в 142 а я вознес хвалу богу Монту. Челядь его оплакивала его. Правитель
в 143 Амуненши заключил меня в свои объятия. Я завладел
в 144 добром его и взял в добычу стада его. Что замыслил он
в 145 против меня, то исполнил я против него. Захватил я все, что было в шатре его,
в 146 и наложил руку на весь стан его. Так возвысился я, возвеличился
в 147 добром, разбогател стадами.
в 148 Так одарил бог милостью своею того, на кого прежде гневался, кого изгнал
в 149 в чужеземную страну, и сегодня сердце его омыто от греха.
в 150 Прежде был я беглец, теперь же знают обо мне в царском подворье.
в 151 Полз я ползком от голода, а теперь я оделяю хлебом соседа.
в 152 Бежал человек из страны своей нагим,
в 153 теперь же щеголяю я в платьях из тонкого льна.
в 154 Бежал человек без спутников и провожатых,
в 155 теперь же богат я людьми, прекрасен мой дом, обширно поместье мое,
в 156 и помнят обо мне во Дворце. О бог, предначертавший мое бегство, кто бы ни был ты,

в 157 будь милосерд, приведи меня в царское подворье! Быть может
в 158 ты дашь мне узреть края, где сердце мое бывает что ни день.
в 159 Что желаннее погребения в той стране, где я ро-
в 160 дился? Приди мне на помощь! Прошедшее — прекрасно:
в 161 даровал мне бог милость свою. Ныне вновь да будет милость его, да украсит он кончину того, кого прежде унизил.
в 162 Сердце его болело за изгнанника на чужбине. И сегодня
в 163 он полон милости и внимает мольбе издалека,
в 164 и длань его, обрекшая меня на кочевья, ныне простирается туда, откуда ты исторгнул меня.
в 165 Да будет милостив ко мне царь Египта, да буду я жив милостью его!
в 166 Приветствую Госпожу Страны, которая во Дворце его! Да получу я
в 167 вести от детей его, и да омолодится
в 168 тело его, ибо вот, подступила старость:
в 169 слабость одолела меня, и глаза отяжелели, и руки обессилели, и
в 170 ноги уже не повинуются усталому сердцу. Я приближаюсь
в 171 к уходу, и уведут меня в город Вечности. Да последую
в 172 я за Владычицей, и да возвестит она мне добрую для детей весть, и да проведет она
в 173 вечность надо мною. И было доложено обо мне его величеству царю Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара.
в 174 И послали его величество
в 175 мне царские дары, словно правителю чужеземной страны, желая обрадовать слугу своего
в 176 Царские дети во Дворце дали
в 177 мне знать о себе.
в 178 «Список царского указа, доставленный этому слуге: о возвращении его в Египет.
в 179 [Следует официальная царская титулатура:]
Хор, живущий своими рождениями, обе Владычицы, живущий своими рождениями, царь Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара, сын Ра,
в 180 Сенусерт, одаренный жизнью навеки. Царский указ спутнику царя, Синухе.
в 181 Доставлен тебе этот царский указ, дабы ведал ты:
в 182 Вот обошел ты чужие страны от Кедема до Ретену, и страна передавала тебя стране
в 183 по влечению сердца твоего. Но что сделал ты дурного, дабы ждать возмездия? Ты не злословил — некому отвергать речи твои.

В 184 Ты не изрекал хулы на Совет вельмож — некому опровергать слова твои.
В 185 Твоим сердцем овладело желание бежать, но не было ничего против тебя в сердце моем. Небо твое — царица Нефру, что во Дворце,
В 186 пребывает в цвете и поныне. Покрыта глава ее царским убором, дети ее
В 187 в царских покоях. Ты будешь копить добро, которое они тебе будут давать, и будешь жить от щедрости их. Итак,
В 188 отправляйся в Египет! Узришь ты подворье, в котором вырос, облобызаешь землю
В 189 у Великих Врат и соединишься с царскими друзьями. Ведь ты уже на-
В 190 чал стареть и уже расстался с мужеством. Подумай о дне
В 191 погребенья, о сопричислении к достоинству умершего. Получишь ты «ночь», и масла,
В 192 и погребальные пелена из рук Таит. Составят для тебя погребальную свиту,
В 193 изготовят золотой гроб для мумии и возглавие гроба из лазурита, и небо напишут над тобою, и опустят тебя
В 194 в деревянный ящик, и быки потянут тебя, и певцы будут шагать пред тобою. Будут
В 195 плясать карлики у входа в гробницу твою. Прочтут тебе список заупокойных жертв, и вот —
В 196 заклания многие у входа к жертвенникам твоим. Колонны твоей гробницы высечены будут из белого камня, и усыпальница твоя — средь
В 197 усыпальниц царских детей. Не встретишь ты кончину в чужеземной стране, и не азиаты проводят тебя в могилу,
В 198 и не будешь завернут в баранью шкуру, и не насыплют холма над тобою. Поздно тебе
В 199 бродяжничать по земле. Подумай о недугах. Вернись!»
Застиг меня царский указ, когда я стоял
В 200 среди племени моего. И прочитали мне указ, и простерся я ниц, и коснулся
В 201 земли, и взложил землю на волосы мои. Обошел я свой стан, ликуя, и говорил я:
В 202 «Как сделано сие для слуги, чье сердце направило его в чужеземные страны?
В 203 Поистине прекрасна снисходительность сердца, спасающая меня от смерти! И да соизволишь ты повелеть, дабы
В 204 завершил я телесную жизнь свою в царском подворье».
Список извещения, что указ получен:

В 205 «Слуга Дворца, Синухе, говорит: «Мир тебе! Прекрасно, что ведомо
В 206 богу благому, Владыке Обеих Земель, любимцу Ра, избраннику бога Монту, Владыке Фив Амону, неумышленное бегство слуги его.
В 207 Владыка Обеих Земель, Себек, Ра, Хор, Хатхор, Атум и его Девятерица,
В 208 Сопд, Нефербау, Семсеру, Хор восточный, Владычица Буто (да оберегает она
В 209 главу твою), боги на водах, Мин среди пустынь, Уререт, Владычица
В 210 Пунта, Нут, Хорур и все боги Страны Возлюбленной
В 211 и островов в море — да ниспошлют они жизнь и власть ноздрям твоим, да одарят тебя дарами по щедрости своей,
В 212 да оделят тебя вечностью без предела и конца! Да охватит страх пред тобой
В 213 равнины и горы, и да покоришь ты все, что обегает солнечный диск. Это мольба слуги
В 214 господину своему, спасающему его от Аменти.
В 215 Владыка познания человеческого, он знал про раба своего Синухе, что страшится раб высказать это и тяжко ему и трудно
В 216 повторить это. Бог великий, подобие Ра, он сам образумил своего слугу.
В 217 Слуга — в руках пекущегося о нем; поистине, есть мне место в предначертаниях твоих. Твое величество —
В 218 Хор-победитель, в дланях твоих больше мощи, чем во всех горах и равнинах.
В 219 Да повелит твое величество доставить Меки из Кедема, Хентиуше
В 220 из Хенткешу, Менуса из Финикии.
В 221 Это все правители, славные именами своими,
В 222 неизменные в любви к тебе, не говоря уже о правителе Ретену: его страна — твое имение,
В 223 подобно псам твоим. Непредумышленно было бегство слуги твоего, не задумывал я бегства в сердце моем,
В 224 не знаю, что удалило меня от моего места. Это
В 225 подобно сновидению: как если бы видел себя житель Дельты в
В 226 Элефантине, человек Болот — в Нубии. Ведь
В 227 не боялся я, и не было погони за мною. Ведь не внимал я клевете, и не звучало имя мое
В 228 в устах глашатая. И все же дрожало тело мое, и ноги

в 229 пустились бежать — сердце мое увлекло меня в бегство. Бог предначертал это, он

в 230 увел меня из страны моей. Ведь нет во мне высокомерия, и опаслив тот, кто знает

в 231 страну свою, и разлил Ра страх пред тобой по равнинам и ужас пред тобой

в 232 надо всеми горами. Будь я в твоем подворье — ты, и только ты властен закрыть мне

в 233 свет неба. Солнечный диск восходит по желанию твоему. Воду речную — пьют ее

в 234 по воле твоей. Ветер вышний — вдыхают его, когда ты прикажешь.

в 235 Слуга твой передаст должность верховного сановника, которой достигнул в месте этом, кому повелишь.

в 236 Да поступит твое величество, как заблагорассудит, ибо мы живем воздухом, который даруешь нам ты.

в 237 Да любят Ра, Хор, Хатхор ноздри твои благородные, присно-любимые богом Монту, Владыкою Фив! И да будут ноздри твои вечны!»

в 238 И вот пришли к слуге и дали ему провести еще день в стране Иаа.

в 239 И передал я добро мое детям моим. Первенец мой стал во главе племени,

в 240 и все племя мое и все имущество мое перешло в руку его — все мои люди и скот,

в 241 все припасы, все плодоносные деревья. Отправился затем слуга на юг.

в 242 Остановился я у Путей Хора. Начальник рубежной стражи

в 243 послал в царское подворье гонца с вестью о моем возвращении. Повелели его величество, дабы

в 244 отправился в путь искусный начальник царских земледельцев и доставил мне на судах

в 245 царские дары для азиатов, сопровождавших меня до Путей Хора.

в 246 Каждого из прибывших назвал я по имени его, и каждый слуга был при деле своем. Отплыл я под

в 247 парусами. Месили рядом тесто и делали сусло, пока не достиг я города Иту.

в 248 Озарилась земля очень рано, и вот пришли и позвали меня. Десять человек пришли за мною,

в 249 чтобы отвести меня во Дворец. Я коснулся челом земли между сфинксами.

в 250 Царские дети ждали с приветствиями у ворот.

в 251 Повели меня царские друзья колонным двором в покои.

в 252 Застал я его величество, восседающим на Великом золотом
троне под навесом. Распростерся я перед ним
в 253 ниц и обеспамятел. Бог
в 254 обратился ко мне милостиво, я же был подобен охваченному
мраком.
в 255 Душа моя исчезла, тело ослабло, и не было больше сердца
в груди, и не различал я
в 256 жизнь от смерти. Изрекли тогда его величество одному из
друзей: «Подними
в 257 его, пусть говорит со мною». И еще изрекли его величество:
«Вот ты прибыл. На чужбине, после твоего бегства, покорил
ты чужеземные страны.
в 258 Но нагрянула старость, достиг ты ее порога. Немалое
дело — погребение
в 259 тела твоего. Не азиаты проводят тебя в могилу. Так не
поступай, не поступай, как раньше,— ведь безмолвствуешь
ты теперь, когда
в 260 названо имя твое». Я боялся возмездия и отвечал ответом
в 261 испуганного: «Что вещает мне мой владыка? Как мне ответить на это. Лучше промолчать.
в 262 Ведь это длань божия: ужас, который ныне во мне, подобен
тому, что обратил меня в бегство, предначертанное богом.
в 263 Вот я пред тобою — жизнь моя принадлежит тебе. Да поступит твое величество по изволению своему».
в 264 Повелели его величество привести царских детей. Изрекли
его величество царской супруге: «Смотри,
в 265 вот пришел Синухе, он как азиат, он превратился в кочевника». Издала она громкий крик, а
в 266 царские дети в один голос сказали
в 267 его величеству: «Воистину, это не он, царь, владыка наш».
Изрекли его величество: «Это
в 268 воистину он». И вот принесли они ожерелья свои — мениты
и систры свои, и трещотки свои с собой
в 269 и теперь поднесли его величеству, говоря: «Руки твои, о
царь, да простираются
в 270 к прекрасному,— к убранству Владычицы Неба, о непреложный владыка! Богиня золота да ниспошлет
в 271 вечную жизнь твоим ноздрям! И да соединится с тобою
Владычица Звезд! Да спустится венец Юга вниз по течению,
и да поднимется вверх по течению венец Севера,
в 272 и да соединятся по слову его величества, и да возложат урей
на чело твое! Ограждал
в 273 ты простолюдина от несчастья. Да будет милостив к тебе
Ра, Владыка Обеих Земель.

В 274 Слава тебе и Владычице Мира! Ослабь свой лук, отложи стрелу свою.
В 275 Верни дыхание задыхающемуся, а нас одари даром прекрасным —
В 276 даруй нам этого вождя кочевников, сына богини Мехит, азиата, рожденного в Стране Возлюбленной,
В 277 совершившего побег из страха пред тобою, бежавшего из
В 278 ужаса пред тобою. Но у созерцавшего лик твой нет более страха, и
В 279 не ужасается глаз, видавший тебя». Изрекли его величество: «Пусть не страшится
В 280 и не ужасается. Он будет царским другом,
В 281 одним из числа придворных.
В 282 Ступайте в утренние покои, отведите
В 283 ему место». Я вышел из покоя,
В 284 и царские дети подали мне руки свои, и направились мы к Великим Вратам.
В 285 Отвели мне место в доме царского сына.
В 286 Прекрасно там — прохладительная палата,
В 287 и лики богов, и образ небосвода. И повсюду бесценные
В 288 сокровища, а там — одеяния из царского полотна и
В 289 самолучшее царское умащение для вельмож, которых любит царь, и
В 290 при каждом деле — свой служитель. Стерли следы годов с тела моего,
В 291 побрили меня, причесали волосы, пустыне оставил я мерзость,
В 292 ветошь — скитающимся в песках.
В 293 Одет я в тонкое полотно, умащен самолучшим умащением и лежу
В 294 на кровати. Оставил я пески живущим в них
В 295 и деревянное масло — умащающимся им. Дали мне дом
В 296 владельца сада, он был царским другом. Множество мастеров,
В 297 строили дом, и каждое дерево посажено заново. Кушанья приносили мне
В 298 из Дворца три и четыре раза в день,
В 299 не считая того, что давали царские дети, и не было ни в чем промедления.
В 300 Построили мне пирамиду из камня среди
В 301 пирамид. Начальник над строителями размерил
В 302 место для постройки. Начальник над художниками писал изображения.
В 303 Начальник над ваятелями

B 304 работал резцом. Начальник над зодчим города Вечности следил за пирамидой. Все, что кладут обычно
B 305 в гробницу, было наготове. Назначили жрецов для посмертных священнослужений.
B 306 Отвели посмертный надел с полями в должном месте,
B 307 как подобает царскому другу первой близости. Изваяние мое украшено
B 308 золотом, набедренник из тонкого золота. Его величество повелели сделать так.
B 309 Нет человека толпы, которому сотворили подобные благодеяния! И был я
B 310 в милости у царя по день смерти.
B 311 [Колофон:] Доведено до конца, как было найдено написанным.

[ПРАВДА И КРИВДА]

2. 1 [...] Сказал Кривда
2. 2 Девятерице: «Пусть приведут Правду и ослепят его на оба глаза, и пусть сидит
2. 3 привратником у ворот моего дома». И Девятерица исполнила все, что он сказал.
2. 4 И вот прошли дни, и взглянул Кривда на Правду, своего старшего брата,— и увидел
2. 5 многие его достоинства. Тут же сказал он двум слугам Правды:
2. 6 «Возьмите своего господина и бросьте его
2. 7 злому льву и многим [... ...] Повиновались слуги и
2. 8 поднялись с Правдой. И Правда [...]: «Не касайтесь меня». [... ...]
3. 1–[... ... ...]
3. 3 [... ...]
3. 4 [...] И вот, прошло много дней,
3. 5 вышла [...] из дому [...]
3. 6 [... ...] не было подобного ему во всей стране.
3. 7 Тогда они явились к ней и сказали: «Пойдем с нами, посмотри [...]
4. 1 [...] брошенный у холма, и пусть сидит привратником у ворот нашего дома».
4. 2 Она отвечала: «Ступай взгляни на него». Служанка пошла и привела его.
4. 3 Когда она увидела его, то загорелась вожделением неудержимым. Когда она увидела его [...]
4. 4 что он [...] Он провел с нею ночь и познал ее, как познает

4. 5 мужчина. И тою же ночью понесла она мальчика. И вот
4. 6 прошло много дней, и она родила сына. И не было подобного ему
4. 7 во всей этой стране. Он был большой [...] и подобен рожденному от бога. Отдали его в
5. 1 школу. Он выучился писать отлично и исполнял все мужские работы. Он
5. 2 превзошел во всем старших товарищей, которые были в школе с ним вместе.
5. 3 Тогда товарищи сказали ему: «Чей ты сын? У тебя нет отца».
5. 4 И они издевались над ним и оскорбляли его, говоря: «В самом деле, нет у тебя отца!» Тогда
5. 5 мальчик сказал своей матери: «Кто мой отец? Я назову его имя
5. 6 моим товарищам. Они все говорят мне: «Где твой отец?»
5. 7 Так говорят они и обижают меня». Тогда мать сказала: «Смотри,
5. 8 вот слепой сидит у ворот — это отец твой».
6. 1 Так сказала ему мать. Он сказал: «По-настоящему стоило бы созвать
6. 2 твоих родичей и призвать крокодила!» Мальчик привел
6. 3 отца в дом, усадил его на стул, и подставил скамейку
6. 4 ему под ноги, и положил перед ним хлеб,— он дал ему есть
6. 5 и пить. И сказал мальчик своему отцу: «Кто
6. 6 ослепил тебя? Скажи, чтобы я мог отомстить за тебя». Отец сказал ему: «Мой младший брат
6. 7 ослепил меня». И он рассказал сыну все, что с ним произошло. И сын пошел, чтобы отомстить
7. 1 за отца. Он взял десять хлебов, посох,
7. 2 сандалии, один мех и один меч. Взял он одного быка,
7. 3 прекрасного с виду, и направился туда, где паслось стадо Кривды.
7. 4 Он сказал пастуху: «Вот десять хлебов, и посох,
7. 5 и мех, и меч, и сандалии — это все тебе.
7. 6 А быка сохрани для меня, пока я не возвращусь из города». И вот прошло много дней,
7. 7 и бык оставался много месяцев
7. 8 в стаде Кривды. И вот Кривда
8. 1 пришел на пастбище посмотреть свои стада и увидел этого быка,
8. 2 который был прекрасен с виду. Он сказал своему пастуху: «Отдай мне этого быка, я его съем».
8. 3 Пастух сказал ему: «Это не мой бык [...], не могу отдать его тебе». Тогда Кривда сказал ему:

8. 4 «Все мои быки в твоих руках — отдай любого из них хозяину». Услышал мальчик,
8. 5 что забрал Кривда его быка, и отправился туда, где паслось стадо
8. 6 Кривды. Он сказал пастуху: «Где мой бык? Я не вижу его
8. 7 между твоих быков». Пастух сказал ему: «Все быки до единого в твоем распоряжении. Выбирай
9. 1 любого, какой тебе нравится». Сказал ему мальчик: «Есть ли среди них подобный моему по размерам?
9. 2 Ведь когда он стоит в Пайамуне, кончик хвоста его — в зарослях папируса.
9. 3 Один его рог покоится на западной горе, другой — на
9. 4 восточной. Место его отдохновения — главное русло реки. И шестьдесят телят рождаются от него
9. 5 ежедневно». Тогда сказал ему пастух: «Разве бывают быки таких размеров, как ты говоришь?»
9. 6 Тогда мальчик схватил его и потащил к Кривде. А Кривду он потащил
10. 1 на суд Девятерицы. Боги Девятерицы сказали мальчику: «Неправда [...],
10. 2 мы не видали быка таких размеров, как ты говоришь». Тогда мальчик сказал Девятерице:
10. 3 «А нож таких размеров, как вы говорите,— чтобы гора Ял была клинком [...],
10. 4 а рукоятью [...] Коптоса, ножнами — гробница бога, а поясом — стада Кал[...]?
10. 5 Потом он сказал Девятерице: «Рассудите Правду и Кривду. Я пришел
10. 6 отомстить за него». Тогда Кривда поклялся именем Владыки,— да будет он жив, невредим и здрав! — говоря: «Как вечен Амон, как вечен Владыка — так да разыщут
10. 7 Правду и, если жив он, да ослепят меня на оба глаза и да посадят привратником у ворот его дома!» Тогда и
11. 1 мальчик поклялся именем Владыки,— да будет он жив, невредим и здрав!» Как вечен Амон, как вечен Владыка — так да разыщут
11. 2 Кривду и, если он жив, [......] и нанесут ему пятьсот ударов и пять ран,
11. 3 и ослепят на оба глаза, и посадят привратником у врат дома Правды».
11. 4 [...] Правды и Кривды.

(Далее следы поврежденного колофона.)

[ДВА БРАТА]

1. 1 Рассказывают, что были два брата, родившиеся от одной матери и одного отца. Апупу — так звали старшего, звали меньшого Бата. Были у Апупу и дом и жена, а
1. 2 меньшой брат был ему наместо сына: он делал старшему его одежду и выходил со скотом его в поле, и
1. 3 он пахал, и собирал жатву в его житницы. Все это исполнял он для брата, всякие работы в поле. Меньшой брат
1. 4 был прекрасный юноша, и не было подобного ему во всей стране, и была сила бога в нем. И вот прошло много дней, и меньшой брат
1. 5 каждый день, по заведенному порядку, уходил со скотом, и каждый вечер возвращался, нагруженный
1. 6 всяческими травами полей и молоком, деревом и всяческим прекрасным полевым добром, и все складывал перед братом своим, который сидел
1. 7 со своею женой, и пил он, и ел, а потом удалялся в хлев, чтобы провести ночь среди скота своего.
1. 8 [...] А после того как земля озарялась и паступал следующий день [...], он варил пищу и ставил перед братом своим старшим,
1. 9 а тот давал ему хлебы в поле, и он выгонял свой скот в поле пасти и шел со своим скотом.
1.10 И животные говорили ему: «Хороша трава там или там»,— и он слушал их и вел их в
2. 1 место, обильное прекрасной травой, как они хотели. И скот, который он пас, тучнел весьма и давал приплод
2. 2 весьма щедрый. И вот, когда наступило время пахать, старший брат сказал ему: «Готовь нам упряжку [...],
2. 3 будем пахать, потому что поле вышло из-под разлива, оно хорошо для пахоты. И ты тоже придешь
2. 4 в поле, с зерном для посева придешь ты, потому что мы начинаем пахать завтра утром». Так он сказал.
2. 5 И меньшой брат выполнил все наказы старшего, о чем бы тот ни сказал: «Сделай это!» И после того как земля
2. 6 озарилась и наступил следующий день, оба отправились в поле с зерном для посева. И сердца их
2. 7 ликовали весьма и радовались их трудам уже в начале труда. И вот прошло много дней,
2. 8 и братья были в поле и перестали сеять — все зерно вышло. Тогда старший послал брата в селение,

2.9 сказав: «Поспеши принести нам зерна из селения». Меньшой
застал невестку свою за
2.10 причесыванием. Он сказал ей: «Встань и дай мне зерна,
3.1 я спешу обратно, потому что брат мой старший ждет меня в
поле. Не медли!» Она сказала ему: «Ступай и
3.2 открой житницу и возьми сам, сколько нужно,— чтобы не
остановилась прическа моя на полпути». Тогда юноша пошел
3.3 в свой хлев и взял большой сосуд. Хотелось ему унести по-
больше зерна. Нагрузился он
3.4 пшеницею и ячменем и вышел из житницы. Тогда она сказала
ему: «Что за ноша у тебя на плече?» Он сказал ей: «Три хара
3.5 пшеницы, два хара ячменя, всего пять хар — вот какая ноша
на плече моем». Так он сказал. Она же сказала: «Много силы
3.6 в тебе! Я вижу твои достоинства ежедневно». И пожелало
сердце ее познать его, как познают мужчину.
3.7 Она встала, и обняла его, и сказала ему: «Идем, полежим
вместе час. На пользу будет это тебе — я сделаю
3.8 тебе красивую одежду». Тогда юноша стал подобен южной
пантере в гневе [...] из-за
3.9 скверных слов, которые она произнесла, и она испугалась
весьма. И он заговорил с ней и сказал: «Как же это? Ведь
ты мне
3.10 наместо матери, а твой муж наместо отца, ведь он старший
брат, он вырастил меня.
4.1 Что за мерзость ты мне сказала! Не повторяй ее мне никогда,
и я не скажу никому, и замкну уста свои, чтобы не
4.2 услыхал об этом никто из людей». И он поднял свою ношу и
отправился в поле. Он вернулся к брату, и они снова взялись
за дело и
4.3 занялись своею работою. И вот, когда наступил вечер, стар-
ший брат пошел в
4.4 дом свой, а меньшой погнал скот, нагрузившись всяческим
полевым добром.
4.5 В селение погнал он скот свой, чтобы спал скот в хлеве своем
ночью. И вот жена старшего брата была в страхе
4.6 из-за слов, которые она сказала. Взяла она жир и натерлась
им, словно бы перенесла побои,— чтобы
4.7 сказать своему мужу: «Это брат твой меньшой избил меня».
А муж возвратился вечером, как
4.8 и всякий день, по заведенному порядку. Вошел он в дом свой
и застал жену свою лежащей и якобы больной.
4.9 Не полила она воды ему на руки, как обычно. Не зажгла
света перед ним, и дом был во мраке. Она лежала, жалуясь

4.10 на тошноту. Муж сказал ей: «Кто обидел тебя?» Она сказала
ему: «Никто не обижал меня, кроме твоего брата
5. 1 меньшого. Пришел он взять для тебя зерно, и застал меня
одну, и сказал мне: «Идем, полежим
5. 2 вместе час. Надень свой парик». Так он сказал. Но я не
стала слушать его. «Разве я не мать тебе? Разве твой брат
тебе не наместо твоего отца?»
5. 3 Так я сказала ему. Он испугался и избил меня, чтобы я не рас-
сказывала тебе. Если оставишь его жить, я умру. Вот, когда
5. 4 он придет [...], ибо я страдаю из-за этого скверного умысла,
который он собирался исполнить вчера». Тогда старший брат
5. 5 сделался подобен южной пантере. Он наточил свой нож и
сжал его в руке своей. Он встал за воротами
5. 6 хлева, чтобы убить брата своего меньшого, когда тот возвра-
тится вечером и станет загонять скот свой в
5. 7 хлев. И вот, когда солнце село, меньшой брат, нагруженный,
по ежедневному своему обыкновению, всякими травами
полевыми,
5. 8 пришел. И первая корова взошла в хлев. И сказала она
своему пастуху: «Вот твой старший брат стоит
5. 9 с ножом, чтобы убить тебя. Беги от него!» И услыхал он,
что сказала первая корова.
6. 1 Взошла и другая корова и сказала то же. Тогда взглянул он
под ворота хлева
6. 2 и увидел ноги брата, который стоял за воротами с ножом
в руке.
6. 3 Тогда положил он ношу свою на землю и бросился бежать,
спасаясь. А старший брат
6. 4 пустился вдогонку с ножом в руке. Тогда меньшой призвал
на помощь бога Ра-Хорахти, воззвав:
6. 5 «Владыка благой! Ты, правящий суд над лживым и правед-
ным!» И
6. 6 внял Ра его мольбе. И повелел Ра, чтобы легли воды между
ним и его братом
6. 7 и кишели бы крокодилами те воды. И вот один из братьев
оказался на одном берегу, второй — на другом.
6. 8 И вот старший дважды ударил себя по руке, досадуя, что не
убил меньшого. Тогда
6. 9 меньшой обратился к нему с другого берега и сказал: «Ос-
танься на месте, пока не озарится земля. Когда же взойдет
солнечный диск, я буду
7. 1 судиться с тобой пред его ликом, и он воздаст по заслугам
лживому и праведному — потому что я не останусь с тобой
[...] во веки веков,

7. 2 не буду там, где ты, но отправлюсь в долину Кедра». И вот земля озарилась, и наступил следующий день,
7. 3 и поднялся Ра-Хорахти, и смотрели один на другого братья. И тогда заговорил меньшой и сказал так:
7. 4 «Что это значит? Ты погнался за мною, чтобы убить коварно! А ведь ты даже не выслушал моих слов! Ведь я — твой брат меньшой,
7. 5 ведь ты мне наместо отца! Ведь супруга твоя мне наместо матери! Поистине это так! Когда ты послал меня принести зерна, твоя
7. 6 жена сказала мне: «Идем, полежим час вместе». Но погляди, как она все вывернула и перевернула в глазах твоих!» После этого он
7. 7 поведал брату обо всем, что случилось между ним и невесткою. И он поклялся именем Ра-Хорахти и примолвил:
7. 8 «Так что же это значит, что ты гонишься за мною и хочешь коварно убить меня ножом ради распутницы?» И взял он
7. 9 острый лист тростника, и отсек себе тайный уд, и бросил в воду, а потом рыба-сом проглотила его. И
8. 1 лишился он силы, и стал несчастен, а старший брат сокрушался сердцем своим весьма и громко зарыдал, но не мог перебраться к брату своему меньшому через воды, кишевшие крокодилами.
8. 2 И обратился к нему меньшой и сказал:
«Почему ты думал одно лишь дурное, почему не вспомнил чего-либо доброго, что сделал я для тебя? Ступай же теперь в свой дом
8. 3 и сам ходи за своим скотом, ибо не буду больше там, где ты, но отправлюсь в долину Кедра. Но вот ты сделаешь для меня — ты придешь мне на помощь, если
8. 4 узнаешь, что приключилось со мною недоброе. Я вырву свое сердце и возложу его на верхушку цветка кедра. Если срубят кедр и свалят наземь,
8. 5 ты придешь, чтобы найти мое сердце. И если семь лет пройдет в поисках — не падай духом. Когда же ты найдешь его, то положишь в сосуд с прохладной водой, и я оживу и отомщу
8. 6 тому, кто причинил мне зло. А что недоброе приключилось со мною, ты узнаешь, когда подадут тебе в руки пиво и вдруг выплеснется оно за край. Не медли тогда нисколько!» И он отправился
8. 7 в долину Кедра, а старший брат отправился в дом свой, схватившись руками за голову и осыпав себя пылью. И достиг он дома своего, и убил

8. 8 жену, и бросил ее собакам, и сел оплакивать брата своего
меньшого. И вот прошло много дней, и меньшой брат оставался в долине Кедра
8. 9 и был один. Дни проводил он в охоте за дичью пустыни, вечером ложился спать под кедром, на верхушку цветка которого положил свое сердце.
9. 1 И вот прошло много дней, и он собственными руками построил себе в долине Кедра дворец
9. 2 полный всевозможными прекрасными вещами, и желал обзавестись семьей. И вот вышел он из своего дворца и встретился с Девятерицею.
9. 3 Боги шли, исполняя предначертанное ими для всей земли. Изрекла Девятерица, обращаясь
9. 4 к нему: «Эй, Бата, бык Девятерицы, ты живешь здесь в одиночестве, после того как покинул селение свое из-за жены Анупу, брата твоего
9. 5 старшего? Но гляди, убита жена его, ты отомстил». И сокрушались боги сердцем
9. 6 из-за него весьма. Сказал Ра-Хорахти богу Хнуму: «Сотвори для Баты жену, чтобы не жил он
9. 7 в одиночестве». И Хнум сотворил ему супругу. Телом и лицом была она прекраснее всех женщин
9. 8 во всей стране. Семя всех богов пребывало в ней. И вот явились семь Хатхор взглянуть на нее и изрекли
9. 9 единогласно: «Она умрет от меча». Бата хотел ее весьма сильно, и она поселилась в его дворце. И проводил он дни
10. 1 в охоте за дичью пустыни и приносил добычу домой и складывал перед нею. А после он сказал ей: «Не выходи наружу, чтобы море
10. 2 не схватило тебя: ты не сможешь спастись, потому что ты женщина. Мое сердце покоится на верхушке
10. 3 цветка кедра. Если кто найдет его, я буду сражаться». И он открыл ей все до
10. 4 конца. И вот прошло много дней, и Бата отправился на охоту по заведенному порядку.
10. 5 Вышла женщина погулять под кедром рядом с ее домом. Увидело ее море,
10. 6 погнало за нею свои волны. Она побежала и укрылась в доме. А море
10. 7 обратилось к кедру и сказало: «Поймай ее для меня!» И кедр раздобыл для моря прядь ее волос, а
10. 8 море отнесло их в Египет и вынесло на берег там, где работали портомои фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! И запах

10. 9 ее волос пропитал одеяния фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! И его величество бранили портомоев фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! — говоря: «Запах умащений в одеяниях фараона,— да будет он жив, невредим и здрав!» Так бранили они портомоев ежедневно, и портомои

11. 1 не знали, что делать. И начальник портомоев фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! — вышел на берег, и на сердце его было тяжело

11. 2 весьма из-за того, что ежедневно бранил его фараон. Он остановился на возвышении как раз против пряди волос,

11. 3 лежавшей в воде. И он велел спуститься и принести их. Оказалось, что запах их весьма приятен, и он взял их с собою и отнес фараону,— да будет он жив, невредим и здрав!

11. 4 И призвали мудрых писцов к фараону,— да будет он жив, невредим и здрав! — и сказали они фараону,— да будет он жив, невредим и здрав! — так: «Это волосы

11. 5 девицы бога Ра-Хорахти, семя всех богов в ней. Это дар тебе из чужой страны. Разошли

11. 6 посланных твоих во все чужестранные земли, чтобы найти ее. Что же до посланного, который отправится в долину Кедра, пусть множество

11. 7 людей сопутствуют ему, дабы доставить ее сюда». Тогда изрекли его величество,— да будет он жив, невредим и здрав! — так: «Весьма прекрасно то, что вы сказали». И дозволено было им удалиться. И вот прошло много дней, и

11. 8 посланцы, разосланные по чужестранным землям, возвратились и доложили его величеству,— да будет он жив, невредим и здрав! — так:

11. 9 «Не вернулись посланные в долину Кедра — всех перебил Бата и только одного пощадил, чтобы известил он об этом его величество,— да будет он жив, невредим и здрав!»

11.10 Тогда его величество,— да будет он жив, невредим и здрав! — повелели отправить множество воинов и колесниц

12. 1 и с ними женщину, которой вложили в руки всяческие прекрасные украшения для женщин. И женщина вернулась в

12. 2 Египет с супругою Баты. И было ликование по всей стране. И его величество,— да будет он жив, невредим и здрав! — полюбили

12. 3 ее весьма и нарекли ее «Великою любимицей». И говорили с ней и велели поведать о ее

12. 4 супруге. И она сказала его величеству,—да будет он жив, невредим и здрав! — так: «Пусть срубят кедр — и он умрет».

12. 5 И фараон приказал послать воинов с оружием и срубить кедр. И воины пришли к
12. 6 кедру и срубили цветок, на котором покоилось сердце Баты.
12. 7 И Бата упал мертвым тотчас же. Когда же земля озарилась и наступил день, следующий за тем, как был
12. 8 срублен кедр, Анупу, старший брат Баты, вошел в дом свой. Он
12. 9 сел помыть руки свои. И подали ему сосуд с пивом, и оно выплеснулось за край;
12.10 подали ему другой сосуд, с вином, и оно замутилось. Тогда он взял свой
13. 1 посох, и свою обувь, и одежду свою, и свое оружие. И направился он в
13. 2 долину Кедра. И вошел он во дворец брата своего меньшого и застал брата лежащим
13. 3 на кровати, был он мертв. Заплакал старший брат, увидев брата меньшого мертвым. И пошел он
13. 4 искать сердце брата своего меньшого под кедром, на месте, где спал меньшой по ночам.
13. 5 Три года провел старший брат в поисках сердца и не находил. И когда начался четвертый год, пожелал он вернуться в Египет.
13. 6 Подумал он: «Завтра отправлюсь в Египет». Но после того как земля озарилась и наступил следующий день, снова
13. 7 направился он к кедру, и провел день в поисках сердца брата своего меньшого, и вернулся вечером, озабоченный мыслью найти сердце во что бы то ни стало.
13. 8 И вот нашел он горошину, и это было сердце брата его меньшого. Он взял сосуд с
13. 9 прохладною водой, и бросил в него горошину, и сел, по каждодневному своему обыкновению. Когда же наступила ночь,
14. 1 сердце впитало в себя воду, и Бата задрожал всем телом и обратил взгляд к брату своему,
14. 2 в то время как сердце его было еще в сосуде. И тогда старший брат, Анупу, взял сосуд с прохладною водой, где
14. 3 лежало сердце брата его меньшого, и дал ему выпить. И встало сердце на место свое, и сделался Бата таким, как раньше. И они
14. 4 обняли друг друга и заговорили друг с другом. И сказал меньшой брат
14. 5 старшему брату: «Вот я превращусь в большого быка, масть его прекрасна, замыслы же неведомы,
14. 6 и ты сядешь мне на спину до восхода солнца, и мы будем там, где моя

14. 7 жена. Я отомщу за себя. Ты поведешь меня туда, где его
величество, потому что облагодетельствуют тебя его величество за то,
14. 8 что приведешь ты меня к фараону,— да будет он жив, невредим и здрав! — отвесят тебе золота и серебра столько,
сколько весишь сам, ибо буду я чудом великим,
14. 9 и будет ликовать народ по всей стране, ты же возвратишься
в селение свое». И после того как земля
15. 1 озарилась и наступил следующий день, Бата принял
обличье, о котором сказал брату своему старшему. И тогда
Анупу,
15. 2 старший его брат, сел на его спину спозаранку, и он достигнул
того места, где пребывали его величество. И доложили
15. 3 его величеству,— да будет он жив, невредим и здрав! —
о быке. И его величество осмотрели быка и радовались весьма.
И устроено было по сему случаю большое
15. 4 жертвоприношение, и говорили: «Чудо великое свершилось!» — и ликовал народ по всей стране. И
15. 5 отвесили старшему брату серебром и золотом собственный
его вес, и возвратился он в свое селение, и дали ему его величество множество
15. 6 людей и всяческого добра, ибо фараон,— да будет он жив,
невредим и здрав! — полюбил его весьма, больше всякого
иного во всей стране.
15. 7 И вот прошло много дней, и бык взошел в кухню, и встал
подле Великой
15. 8 любимицы, и заговорил с ней, и сказал: «Смотри, я поистине
жив». Она сказала
15. 9 ему: «Кто ты?» Он сказал ей: «Я Бата. Я знаю, когда
15.10 ты просила фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! —
срубить кедр, это было из-за меня, чтобы я умер. Но
смотри,
16. 1 я поистине жив, я бык». Она испугалась весьма, услышав
эти слова, которые
16. 2 сказал ей муж. Он же вышел из кухни. Его величество,—
да будет он жив, невредим и здрав! — воссели, чтобы провести приятный день со своею любимицей. Она
16. 3 налила вина его величеству,— да будет он жив, невредим
и здрав! — и его величество были с нею милостивы весьма.
И она сказала его величеству,— да будет он жив, невредим
и здрав! — так: «Поклянись мне богом и скажи: «О чем ты
просишь, исполню ради тебя».
16. 4 И он слушал ее со вниманием, и она сказала: «Дай мне поесть
печени этого быка,

16. 5 потому что ничего более мы от него не увидим». Так сказала
она фараону. И его величество фараон,— да будет он жив,
невредим и здрав! — были весьма огорчены тем, что она
сказала, и
16. 6 сокрушались из-за быка сердцем своим весьма. И после того
как земля озарилась и наступил следующий день, объявили
великое жертвоприношение.
16. 7 Послали первого мясника фараона,— да будет он жив, не-
вредим и здрав! — заколоть быка.
16. 8 После этого приказали заколоть его. И когда был он уже
на плечах прислужников и мясник нанес ему
16. 9 удар в шею, упали две капли крови у косяков Великих Врат
его величества,— да будет он жив, невредим и здрав! —
одна капля по одну сторону Великих Врат фараона,—
16.10 да будет он жив, невредим и здрав! — а другая по другую, и
выросли из них
17. 1 две больших персеи, и каждая из них была совершенна.
И пошли доложить об этом фараону,— да будет он жив, не-
вредим и здрав! — и сказали так:
17. 2 «Чудо великое фараону,— да будет он жив, невредим и
здрав!» И ликовали по
17. 3 всей стране, приносили жертвы чудесным деревьям. И вот
прошло много дней, и его величество,— да будет он жив,
невредим и здрав! —
17. 4 явились в лазуритовом окне, сияя ликом, с цветочным венком
на шее, а после
17. 5 и выехали из дворца фараона,— да будет он жив, невредим
и здрав! — чтобы взглянуть на обе персеи. И Великая лю-
бимица выехала вслед за фараоном,— да будет он жив, не-
вредим и здрав!
17. 6 И тогда его величество, — да будет он жив, невредим и
здрав! — сели под одною из персей и беседовали со своею су-
пругой. И сказал бык: «Эй, лживая! Я
17. 7 Бата, я все живу вопреки твоему коварству. Я знаю, зто ты
сделала, чтобы фараон, — да будет он жив, невредим и
здрав! — повелел срубить
17. 8 кедр. Я превратился в быка. А ты сделала так, чтобы меня
убили». И вот прошло много дней, и
17. 9 встала любимица и налила вина фараону, — да будет
он жив, невредим и здрав! И его величество были с нею
очень милостивы. И она сказала его величеству,— да бу-
дет он жив, невредим и здрав! — так:
17.10 «Поклянись мне богом и скажи: «О чем бы ни просила лю-
бимица — исполню ради нее». Так скажи!» И он слушал

18. 1 ее со вниманием, и она сказала: «Вели срубить эти персеи и сделать из них красивую мебель».

18. 2 И его величество выслушали все, что она сказала. И в следующий миг его величество,— да будет он жив, невредим и здрав! — повелели

18. 3 послать искусных мастеров, и срубили они персеи для фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! А царская

18. 4 супруга, любимица, смотрела на это. И отскочила щепка, и влетела любимице в рот, и она

18. 5 проглотила ее и в тот же миг понесла. И его величество повелели сделать из

18. 6 срубленных деревьев все, что она желала. И вот прошло много дней, и она

18. 7 родила мальчика. И явились к фараону,— да будет он жив, невредим и здрав! — с вестью: «Родился

18. 8 у тебя сын». И показали его фараону. И его величество назначили ему кормилицу и охрану. И

18. 9 ликовали по всей стране. И воссели его величество, чтобы провести приятный день, и

18.10 пребывали они в радости. И его величество,— да будет он жив невредим и здрав! — возлюбили младенца весьма и с первого взгляда и назначили его

19. 1 царским сыном Куш. И вот прошло много дней, и его величество,—да будет он жив, невредим и здрав!—назначили его

19. 2 наследником всей страны. И прошло много дней, и

19. 3 много лет оставался он наследником всей страны. И его величество,— да будет он жив, невредим и здрав, вознеслись на небо.

19. 4 И сказал тогда фараон: «Пусть явятся ко мне мои вельможи, и фараон,— да будет он жив, невредим и здрав! — поведает им обо всем, что

19. 5 произошло с ним». И привели его жену. И он судился с нею перед ними. И сказали они: «Да».

19. 6 И привели к нему старшего его брата.
И он сделал его наследником всей своей страны. И был он царем Египта тридцать лет, а

19. 7 затем умер. И старший брат его вступил на его место в день погребения. [Колофон:] доведено сие до конца

19. 8 прекрасно и мирно,— для души писца из сокровищницы фараона,— да будет он жив невредим и здрав!—писца Кагабу,

19. 9 писца Хори, писца Меримне. Исполнил писец Иннана, владелец этой книги. Если же кто станет оспаривать истинность ее, да будет бог Тот ему врагом.

[ОБРЕЧЕННЫЙ ЦАРЕВИЧ]

[. . . . . .]
4. 1 Рассказывают об одном царе, что не было у него сына и
просил он сына у богов своей земли [. . .]
4. 2 И повелели боги, чтобы родился у него сын, и провел царь
ночь со своею женой, и она [. . .] понесла. Когда же исполнился
4. 3 положенный срок, родила она сына. И пришли богини Хатхор
предсказать судьбу младенца. И провещали они:
4. 4 «Умрет от крокодила, или от змеи, или от собаки». Те, что
приставлены были к младенцу, услыхали и доложили
4. 5 его величеству,— да будет он жив, невредим и здрав!
И тогда его величество,— да будет он жив, невредим и
здрав!—огорчились и опечалились сердцем. И приказали тогда его величество,— да будет он жив, невредим и
здрав!—построить каменный дом
4. 6 в пустыне и наполнить его людьми и всякими прекрасными
вещами из палат царя,— да будет он жив, невредим и здрав! —
дабы жил сын его в том доме и не выходил наружу. И вот
4. 7 вырос младенец и поднялся однажды на крышу дома и увидел
на дороге человека, а позади собаку.
4. 8 Тогда сказал царевич слуге, который стоял рядом: «Что это
там движется вслед за человеком на дороге?»
4. 9 Слуга сказал: «Это собака». Царевич сказал: «Пусть приведут
ко мне такую же». Тогда слуга отправился доложить его
4.10 величеству,— да будет он жив, невредим и здрав! Тогда его
величество,— да будет он жив, невредим и здрав! — сказали:
«Доставить ему маленького щенка, дабы не огорчался он
сердцем». И привели к нему щенка.
4.11 И вот прошли дни, и возмужал царевич всем телом
своим,
4.12 и сказал отцу: «Что проку сидеть безвыходно, взаперти?
Все равно я обречен своей судьбе. Пусть же позволят мне
4.13 поступать по влечению моего сердца, пока бог не поступит
по воле своей!»
И тогда запрягли ему колесницу, и снабдили всевозможным
5. 1 оружием, и дали слугу в услужение, и переправили на восточный берег.
5. 2 И сказали ему: «Отправляйся по влечению сердца своего!»
И его собака была с ним. И отправился он по влечению сердца
в пустыню и питался лучшим из дичи пустыни.
5. 3 И вот достиг он владений правителя Нахарины. И вот не
было у правителя Нахарины иных детей, кроме

5.4 дочери. И выстроили для нее дом, и окно возвышалось над землею на

5.5 семьдесят локтей. И повелел владыка Нахарины созвать сыновей всех правителей сирийской земли и сказал им:

5.6 «Кто допрыгнет до окна моей дочери, тому станет она женою».

5.7 Много дней миновало в бесплодных попытках, и вот проезжает мимо юноша на колеснице. И взяли сыновья

5.8 правителей юношу в свой дом, и омыли его, и задали

5.9 корма его упряжке, и сделали для него все, что могли,— умастили его, перевязали его ноги, дали

5.10 хлеба его слуге. И, беседуя, сказали ему: «Откуда ты прибыл, прекрасный

5.11 юноша?» Он сказал им: «Я сын воина из земли египетской.

5.12 Моя мать умерла. Отец взял другую жену. Мачеха возненавидела меня, и я бежал от нее». И они обняли

5.13 его и целовали. Много дней миновало после этого, и он сказал сыновьям правителей:

5.14 «Что вы делаете [...]» «[...] тремя месяцами раньше. С того времени мы и прыгаем.

6.1 Кто допрыгнет до окна, тому

6.2 правитель Нахарины отдает дочь в жены». Он сказал им: «Если бы ноги не болели, пошел бы и я прыгать

6.3 с вами вместе». И они отправились прыгать, как и во всякий день, а юноша

6.4 стоял в отдалении и смотрел. И лицо дочери правителя обернулось к нему, и

6.5 после этого он пошел прыгать вместе с остальными. Прыгнул юноша и допрыгнул до окна.

6.6 И дочь правителя поцеловала его и

6.7 обняла его. И вот отправили доложить правителю. Сказали ему: «Один человек допрыгнул до

6.8 окна твоей дочери». А правитель спросил: «Которого правителя это сын?» Ему сказали:

6.9 «Это сын какого-то воина, он бежал из земли египетской от своей мачехи». Тогда

6.10 правитель Нахарины очень разгневался. Он сказал: «Неуже-

6.11 ли я отдам свою дочь беглецу из Египта? Пусть отправляется восвояси!» И передали юноше: «Отправляйся туда, откуда пришел».

6.12 И тогда дочь правителя обняла юношу и поклялась именем бога, промолвив: «Как вечен бог Ра-Хорахти, так,

6.13 если отнимут у меня этого юношу, не буду есть, не буду пить, умру тотчас же».

Дама, приглашенная в гости, со своими прислужницами.
Фрагмент росписи. Гробница Джесеркересенеба (№ 38) в Фивах.
XV в. до н. э.

6.14 Тогда отправились доложить обо всем, что она сказала, ее отцу, и тот приказал послать людей и убить юношу
6.15 на месте. Но дочь сказала посланцам: «Как вечен Ра, так, если его убьют, умру тотчас после захода солнца.
6.16 На миг единый не останусь жива после него». Тогда отправились доложить об этом ее отцу, и тот приказал
7. 1 привести юношу вместе с дочерью.
Тогда юноша [...] в то время, как дочь правителя
7. 2 вошла к отцу [...] И обнял его правитель и целовал его. И сказал ему: «Поведай о себе —
7. 3 ты у меня как сын». Юноша сказал правителю: «Я сын воина из земли египетской. Моя мать умерла. Мой отец взял
7. 4 другую жену, она возненавидела меня, и я бежал».
Правитель дал ему в жены свою дочь. Он дал ему
7. 5 поле и дом, а также скот и всякое иное добро. И вот миновало после того много дней, и сказал юноша
7. 6 жене: «Я обречен трем судьбам — крокодилу, змее, собаке». Жена сказала ему: «Прикажи
7. 7 убить свою собаку». Он сказал ей:
«Не прикажу убить собаку, которую взял щенком и вырастил».
7. 8 С тех пор жена очень оберегала мужа и не давала ему выходить одному.
7. 9 В тот самый день, как юноша прибыл из земли египетской, чтобы [...], крокодил,
7.10 который был одною из его судеб [...] оказался подле [...
7.11 ...] в водоеме. Но был в том же водоеме могучий водяной дух. И не позволял дух крокодилу выйти
7.12 из воды, а крокодил не давал духу отлучиться.
7.13 Когда поднималось солнце, они бились, сходясь в единоборстве, и так — что ни день, полных три месяца.
7.14 И вот истекли и миновали дни, и юноша воссел, чтобы провести радостный день в своем доме. А после того как затих
7.15 вечерний ветер, юноша лег на свою кровать, и сон овладел всем его телом. Тогда
8. 1 жена наполнила один сосуд [...], а другой пивом. И вот выползла змея
8. 2 из своей норы, чтобы укусить юношу. Жена сидела с ним рядом, она не спала. И вот [...
8. 3 ...]змея. Она пила, и опьянела, и заснула, перевернувшись кверху брюхом. Тогда
8. 4 жена приказала разрубить ее на куски секачом. Тогда разбудили ее мужа [...]

8. 5 Она сказала ему: «Смотри, твой бог отдал в твои руки одну из твоих судеб. Он будет оберегать тебя и впредь».
8. 6 Юноша принес жертвы Ра и восхвалял его и его могущество ежедневно. И после того как миновали дни,
8. 7 юноша вышел погулять [...] на своей земле [...]
8. 8 И его собака следовала за ним. И вот обрела собака дар речи [...
8. 9 ...] он бросился бежать от нее и приблизился к водоему. Он спустился к [...]
8.10 Крокодил схватил его на том самом месте, где имел пребывание водяной дух.
8.11 Крокодил сказал ему: «Я твоя судьба, преследующая тебя. Вот уже полных три месяца
8.12 я сражаюсь с водяным духом. Теперь я отпущу тебя [...
8.13 ...] убей водяного духа». [...]
8.14 И после того как земля озарилась и наступил следующий день, прибыл [...]

(Здесь текст обрывается.)

[ВЗЯТИЕ ЮПЫ]

1. 1 [...] сто двадцать сирийских воинов [...] как и корзины [...]
1. 2 для Джехути [...]
1. 3 войско фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! [...] их лица [...] И через час они были пьяны. Джехути сказал правителю Юпы [...]
1. 4 [...] с моей женой и детьми в твой город. Пусть войдут с ними вместе сирийские
1. 5 воины и кони, и пусть дадут им есть, или же пусть один апр сопровождает
1. 6 [...] каждого из них. И дали им коров и пищу.
1. 7 [...] царь Менхеперра,— да будет он жив, невредим и здрав! Пришли доложить об этом Джехути.
1. 8 Враг из Юпы сказал Джехути: «Мое желание — взглянуть на великую палицу царя Менхеперры,— да будет он жив, невредим и здрав! —
1. 9 имя которой — [...] Прекрасная. Клянусь душой царя Менхеперры,— да будет он жив, невредим и здрав! — она твоя сегодня в твоих руках [...]
1.10 [...] принеси ее мне». И вот как поступил Джехути: он принес палицу царя Менхеперры

1.11 [...] в его (?) одежде. Встал Джехути перед врагом из Юпы
и сказал: «Взгляни на меня, враг из
1.12 Юпы! Вот палица царя Менхеперры,— да будет он жив,
невредим и здрав! — грозного льва, сына богини Сехмет,
Амон наделил его
1.13 своею силой». И поднял он руку и нанес удар в висок врагу
из Юпы. И враг из Юпы упал [...
2. 1 ...] перед ним. Джехути приказал надеть на него ярмо и
связать ремнем из кожи
2. 2 [...] поверженного врага из
2. 3 Юпы. И привязали к его ногам медный груз весом в четыре
немсета. И Джехути приказал
2. 4 доставить двести корзин, которые загодя повелел сплести,
и приказал спрятать в них двести воинов.
2. 5 И вот полны руки воинов веревками и ярмами, и опечатаны
корзины
2. 6 печатью. И дали людям в корзинах также их обувь
2. 7 и оружие [...] И отрядили отборных воинов — всего пятьсот
человек — нести корзины.
2. 8 И сказали им: «Когда войдете в
2. 9 город, откройте корзины, выпустите товарищей своих. И вы
захватите всякого человека в городе и свяжете его
2.10 без промедления». И вышли сказать возничему врага из Юпы:
2.11 «Твой господин говорит: «Иди скажи своей госпоже: «Ликуй!
Бог Сутех отдал нам в руки Джехути, жену его и детей его!
2.12 Лик мой отнял у них свободу». Так скажи ей про эти двести
корзин, полных людьми,
2.13 веревками и ярмами». И возничий отправился впереди отряда,
чтобы порадовать сердце своей госпожи,
2.14 сказав: «Мы захватили Джехути!» И открыли врата города
перед отрядом Джехути,
3. 1 и воины вступили в город. Они
3. 2 выпустили своих товарищей и захватили
3. 3 город,— юных и возмужалых,— и наложили
3. 4 на всех узы и ярма без промедления. Так могучая длань
3. 5 фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! — захватила
вражеский город.
3. 6 А Джехути лег спать, отписавши сперва в Египет
3. 7 царю Менхеперра,— да будет он жив, невредим и здрав! —
своему владыке:
3. 8 «Да возликует сердце твое — отдал в твои руки Амон, твой
благой отец, врага
3. 9 из Юпы, и всех его людей, и город его.
3.10 Присылай за пленными

3.11 и добычею, и да наполнишь ты дом отца твоего Амона-Ра, царя богов,
3.12 рабами и рабынями. И да будут они повержены под стопы твои
3.13 навеки!»
[Колофон:] доведено сие прекрасно до конца
3.14 ради души искусного своими пальцами войскового писца [...]

(Конец колофона не сохранился.)

[ГИМН БОГУ АТОНУ]

(1) Прославляем бога по имени его: «Жив бог Ра-Хорахти, ликующий на небосклоне, в имени его имя Шу,— он и есть Атон». Да живет он во веки веков, Атон живой и великий, Владыка всего, что обегает диск солнца, Владыка неба и Владыка земли, Владыка храма Атона в Ахетатоне и слава царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдою, слава Владыки Обеих Земель Неферхепрура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдою, Владыки венцов Эхнатона,— да продлятся дни его жизни! — слава великой царицы любимой царем, Владычицы Обеих Земель, Нефернефруитен Нефертити,— да живет она, да будет здрава и молода во веки веков!

(2) Говорит он Эйе: «Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю нисполнил своею красотою. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою.

(3) Ты Ра, ты достигаешь пределов.

Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле, ты пред людьми [...] твое движение. Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. Спят люди в домах, и головы их покрыты, и не видит один глаз другого, и похищено имущество их, скрытое под изголовьем их,— а они не ведают.

(4) Лев выходит из своего логова. Змеи жалят людей во мраке, когда приходит ночь и земля погружается в молчание, ибо создавший все опустился на небосклоне своем. Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются

на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою.

(5) Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землей, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих —

(6) все оживают, когда озаришь ты их сияньем своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его, ты успокаиваешь дитя — и оно не плачет,— ты питаешь его

(7) во чреве, ты даруешь дыхание тому, что ты сотворил, в миг, когда выходит дитя из чрева [...] день своего рождения, ты отверзаешь уста его, ты создаешь все, что потребно ему. Когда птенец в яйце и послышался голос его, ты посылаешь ему дыхание сквозь скорлупу и даешь ему жизнь. Ты назначаешь ему срок разбить яйцо, и вот выходит он из яйца, чтобы подать голос в назначенный тобою срок. И он идет на лапках своих, когда покинет свое яйцо. О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный,

(8) нет другого, кроме тебя! Ты был один — и сотворил землю по желанию сердца твоего, землю с людьми, скотом и всеми животными, которые ступают ногами своими внизу и летают на крыльях своих вверху. Чужеземные страны, Сирия, Куш, Египет — каждому человеку отведено тобою место его. Ты создаешь все, что потребно им. У каждого своя пища, и каждому отмерено время жизни его. Языки людей различаются меж собою, несхожи и образы их, и

(9) цвет кожи их, ибо отличил ты одну страну от другой. Ты создал Нил в преисподней и вывел его на землю по желанию своему, чтобы продлить жизнь людей,— подобно тому как даровал ты им жизнь, сотворив их для себя, о всеобщий Владыка, утомленный трудами своими, Владыка всех земель, восходящий ради них, диск солнца дневного, великий, почитаемый! Все чужеземные, далекие страны созданы тобою и живут милостью твоею,— ведь это ты даровал небесам их Нил, чтобы падал он наземь,—

(10) и вот на горах волны, подобные волнам морским, и они напоят поле каждого в местности его. Как прекрасны предначертания твои, владыка вечности! Нил на небе — для чужестранцев и

для диких животных о четырех ногах, а Нил, выходящий из преисподней,— для Земли Возлюбленной. Лучи твои кормят все пашни: ты восходишь — и они живут и цветут. Ты установил ход времени, чтобы вновь и вновь рождалось сотворенное тобою,— установил

(11) зиму, чтобы охладить пашни свои, жару, чтобы [...] Ты создал далекое небо, чтобы восходить на нем, чтобы видеть все, сотворенное тобой. Ты единственный, ты восходишь в образе своем, Атон живой, сияющий и блестящий, далекий и близкий! Из себя, единого, творишь ты миллионы образов своих.

Города и селения, поля и дороги и Река созерцают тебя, каждое око устремлено к тебе, когда ты, диск дневного солнца,

(12) [... ... ...].

Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепрура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предначертания твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают. Ты время их жизни, они живут в тебе. До самого захода твоего все глаза обращены к красоте твоей. Останавливаются все работы, когда заходишь ты на западе. Когда же восходишь, то велишь процветать [...] для царя. Спешат все ноги с тех пор, как ты основал земную твердь. Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдою, Владыки Обеих Земель, Неферхепрура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого,— да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Нефернефруитен Нефертити,— да живет она, да будет молода она во веки веков!»

[125 ГЛАВА «КНИГИ МЕРТВЫХ»]

[ВВЕДЕНИЕ]

Привет тебе, великий бог, Владыка Двух Истин!

Я пришел, дабы узреть твою красоту!

Я знаю тебя, я знаю имена сорока двух богов, пребывающих здесь, на Великом Дворе Двух Истин,— они поджидают злодеев и пьют их кровь в день, как предстанут злодеи на суд Уннефера. Вот, я знаю вас Владыки справедливости! К вам прихожу со справедливостью, ради вас отринул несправедливость.

1 Я не чинил зла людям.
2 Я не нанес ущерба скоту.
3 Я не совершил греха в месте Истины.
4 Я не [...]
5 Я не творил дурного.
6 [... ... ...]
7 Имя мое не коснулось слуха кормчего священной ладьи.
8 Я пе кощунствовал.
9 Я не поднимал руку на слабого.
10 Я не делал мерзкого пред богами.
11 Я не угнетал раба пред лицом его господина.
12 Я не был причиною недуга.
13 Я не был причиною слез.
14 Я не убивал.
15 Я не приказывал убивать.
16 Я никому не причинял страданий.
17 Я не истощал припасы в храмах.
18 Я не портил хлебы богов.
19 Я не присваивал хлебы умерших.
20 Я не совершал прелюбодеяния.
21 Я не сквернословил.
22 Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от нее.
23 Я не убавлял от аруры.
24 Я не обманывал и на пол-аруры.
25 Я не давил на гирю.
26 Я не плутовал с отвесом.
27 Я не отнимал молока от уст детей.
28 Я не сгонял овец и коз с пастбища их.
29 Я не ловил в силки птицу богов.
30 Я не ловил рыбу богов в прудах ее.
31 Я не останавливал воду в пору ее.
32 Я не преграждал путь бегущей воде.
33 Я не гасил жертвенного огня в час его.
34 Я не пропускал дней мясных жертвоприношений.
35 Я не распугивал стада в имениях бога.
36 Я не чинил препятствий богу в его выходе.
37 Я чист, я чист, я чист, я чист!

Чистота моя — чистота великого феникса в Гераклеополе, ибо я нос Владыки дыхания, что дарует жизнь всем египтянам в сей день полноты ока Хора в Гелиополе — во второй месяц зимы, в день последний — в присутствии Владыки этой земли.

Да, я зрел полноту ока Хора в Гелиополе!

Не случится со мной ничего дурного в этой стране, на Великом Дворе Двух Истин, ибо я знаю имена сорока двух богов, пребывающих на нем, спутников великого бога.

[ВТОРАЯ ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ УМЕРШЕГО]

1 О Усех-немтут, являющийся в Гелиополе, я не чинил зла!
2 О Хепет-седежет, являющийся в Хер-аха, я не крал!
3 О Денджи, являющийся в Гермополе, я не завидовал!
4 О Акшут, являющийся в Керерт, я не грабил!
5 О Нехехау, являющийся в Ра-Сетау, я не убивал!
6 О Рути, являющийся на небе, я не убавлял от меры веса!
7 О Ирти-ем-дес, являющийся в Летополе, я не лицемерил!
8 О Неби, являющийся задом, я не святотатствовал!
9 О Сед-кесу, являющийся в Гераклеополе! Я не лгал!
10 О Уди-Несер, являющийся в Мемфисе, я не крал съестного!
11 О Керти, являющийся на Западе, я не ворчал попусту!
12 О Хеджи-ибеху, являющийся в Фаюме, я ничего не нарушил!
13 О Унем-сенф, являющийся у жертвенного алтаря, я не резал коров и быков, принадлежащих богам!
14 О Унем-бесеку, являющийся в подворье 30-ти, я не захватывал хлеб в колосьях!
15 О Владыка Истины, являющийся в Маати, я не отбирал печеный хлеб!
16 О Тенми, являющийся в Бубасте, я не подслушивал!
17 О Аади, являющийся в Гелиополе! Я не пустословил!
18 О Джуджу, являющийся в Анеджи! Я не ссорился из-за имущества!
19 О Уамти, являющийся в месте суда, я не совершал прелюбодеяния!
20 О Манитеф, являющийся в храме Мина, я не совершал непристойного!
21 О Хериуру, являющийся в Имад, я не угрожал!
22 О Хеми, являющийся в Туи, я ничего не нарушил!
23 О Шед-Херу, являющийся в Урит, я не гневался!
24 О Нехен, являющийся в Хеха-Джи, я не был глух к правой речи!
25 О Сер-Херу, являющийся в Унси, я не был несносен!
26 О Басти, являющийся в Шетит, я не подавал знаков в суде!
27 О Херефхаеф, являющийся в Тепхет-Джат, я не мужеложествовал!
28 О Та-Ред, являющийся на заре! Не скрывает ничего мое сердце!
29 О Кенемтче, являющийся во мраке, я не оскорблял другого!
30 О Инхетенеф, являющийся в Саисе, я не был груб с другим!

31 О Неб-Херу, являющийся в Неджефет, я не был тороплив в сердце моем!
32 О Серехи, появляющийся в Удженет, я не нарушил [...]
33 О Неб-Аци, появляющийся в Сиуте, я не был болтлив!
34 О Нефертум, являющийся в Мемфисе, нет на мне пятна, я не делал худого!
35 О Тем-Сен, являющийся в Бусирксе, я не оскорблял царя!
36 О Иремибеф, являющийся в Чебу, я не плавал в воде!
37 О Хеи, являющийся в Куне, я не шумел!
38 О Уджи-рехит, являющийся в подворье, я не кощунствовал!
39 О Нехеб-Неферт, являющийся в Нефер, я не надменничал!
40 О Нехеб-Хау, являющийся в городе, я не отличал себя от другого!
41 О Джесер-теп, являющийся в пещере, [... ... ...]
42 О Инаеф, появляющийся в Югерт, я не оклеветал бога в городе своем!

‹ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА›

В переводах Анны Ахматовой и Веры Потаповой

[СИЛА ЛЮБВИ]

1

Любовь к тебе вошла мне в плоть и в кровь
И с ними, как вино с водой, смешалась,
Как с пряною приправой — померанец
Иль с молоком — душистый мед.

О, поспеши к Сестре своей,
Как на ристалище — летящий конь,
Как бык,
Стремглав бегущий к яслям.

Твоя любовь — небесный дар,
Огонь, воспламеняющий солому,
Добычу бьющий с лету ловчий сокол.

2

Меня смущает прелесть водоема.
Как лотос нераскрывшийся, уста
Сестры моей, а груди — померанцы.
Нет сил разжать объятья этих рук.

Ее точеный лоб меня пленил,
Подобно западне из кипариса.
Приманкой были кудри,
И я, как дикий гусь, попал в ловушку.

3

Твоей любви отвергнуть я не в силах.
Будь верен упоенью своему!

Не отступлюсь от милого, хоть бейте!
Хоть продержите целый день в болоте!
Хоть в Сирию меня плетьми гоните,
Хоть в Нубию — дубьем,
Хоть пальмовыми розгами — в пустыню
Иль тумаками — к устью Нила.

На увещанья ваши не поддамся.
Я не хочу противиться любви.

4

Согласно плещут весла нашей барки.
По Нилу вниз плыву с вязанкой тростника.
В Мемфис хочу поспеть и богу Пта взмолиться:
Любимую дай мне сегодня ночью!

Река — вино!
Бог Пта — ее тростник,
Растений водяных листы — богиня Се́хмет,
Бутоны их — богиня Иари́т, бог Нефертум— цветок.

Блистая красотой, ликует Золотая,
И на земле светло. Вдали Мемфис,
Как чаша с померанцами, поставлен
Рукою бога.

5

Улягусь я на ложе
И притворюсь больным.
Соседи навестят меня.
Придет возлюбленная с ними
И лекарей сословье посрамит,
В моем недуге зная толк.

6

Вот загородный дом Сестры моей,
Распахнута двустворчатая дверь,
Откинута щеколда.
Любимая разгневана донельзя.

Взяла бы хоть в привратники меня!
Ее бы выводил я из терпенья,
Чтоб чаще слышать этот голос гневный,
Робея, как мальчишка, перед ней.

7

Пройдя Канал Владыки по теченью,
Свернула я в другой, носящий имя Ра,
Чтоб вовремя поспеть к разбивке
Шатров, когда канал Мерти́у
Свое откроет устье.

Плыву,— не опоздать бы мне на праздник! —
А сердцем порываюсь к богу Ра.
Пускай поможет мне увидеть Брата,
Когда направится он в храм Владыки.

Канала устье нам двоим предстало.
Мое унес ты сердце в Гелиополь,
И я ушла с тобой к деревьям рощи,
Всевышнему Владыке посвященной.

С деревьев Солнечного бога
Срываю ветвь — себе на опахало.
Лицом я обернулась к роще
И в сторону святилища гляжу.

Отяжелив густым бальзамом кудри,
Наполнив руки ветками персе́и,
Себе кажусь владычицей Египта,
Когда сжимаешь ты меня в объятьях.

НАЧАЛО ПРЕКРАСНЫХ И РАДОСТНЫХ ПЕСЕН СЕСТРЫ, КОГДА ОНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ЛУГА

1

О Брат мой! Желанья твои
Предугаданы мной.
Забота у сердца одна:
Чтоб милый меня возлюбил.

Я вышла на промысел птичий.
В руке у меня западня,
В другой — птицеловная сеть
И острого дротика древко.

Из Пунта в Египет летят
Пернатые, чье оперенье
Пропитано миррой. В приманку
Впивается первая птица.

Душистыми смолами Пунта
Наполнены когти у ней.
На волю отпустим ее,
Чтоб остаться вдвоем!

Прощальный услышал ты крик
Прекрасной моей, умащенной бальзамом,
Когда я силки расставляла,
И были мы вместе.

Несказáнная радость —
К любимому выйти на луг!

2

Дикий гусь кричит
Жалобно в силках.
Бьюсь в плену любовном,
Словно в западне.

Дичи не поймав,
Как я без добычи
К матери вернусь?
Что отвечу ей?

Я сетей не ставила сегодня:
Я сама в сетях его любви.

3

Дикий гусь кружи́т
И ныряет в заводь.
Вьется птичья стая. Что мне до нее,
Если я поглощена любовью?

В одиночестве — и то
Не нарадуюсь любви!
Сердце у меня в ладу с твоим.
Красота моя с твоей поспорит.

4

От милого я вышла,
И сердце замирает
При мысли о его любви.

И яства сладкие —
Мне соли солоне́й
И вина сладкие —
Гусиной желчи горше.

Лишь поцелуй его
Живителен для сердца.
Что́ я нашла, Амон,
Мне сохрани навеки!

5

Как бы я желала, мой прекрасный,
Стать твоей заботливой хозяйкой,
Чтоб рука моя в руке твоей лежала,
Чтоб любовь моя была тебе отрадой.

К сердцу своему — в твоей груди! —
Я взмолилась: «Дай сегодня ночью
Мне в мужья того, кого люблю!
Без него — что ложе, что гробница».

Ты — само здоровье, жизнь сама!
Ты живешь — о, счастье!
Ты здоров — о, радость
Для души, стремящейся к тебе!

6

Ласточки я слышу голос:
«Брезжит свет, пора в дорогу!»
Птица, не сердись,
Не брани меня!

Милый у себя в опочивальне.
Радуется сердце.
Говорю я другу: «Не уйду!»
И рука моя — в его руке.

Для прогулок выбираем оба
Уголок уединенный сада.
Стала я счастливейшей из женщин.
Сердца моего не ранит милый.

7

К воротам обратив лицо,—
Вот-вот придет любимый! —
С дороги не спускаю глаз
И каждый звук ловлю.

Любовь — моя забота.
Мое занятье — ждать.
Любви — и только ей! —
Я сердцем откликаюсь.

Послал бы скорохода,
Чтоб вестник быстроногий
Мне без обиняков
Сказал про твой обман!

Признайся, ты завел другую!
Она тебя прельщает.
Возможно ль кознями своими
Ей вытеснить меня?

8

Мне вспомнилась твоя любовь!
Кудрей заплетена лишь половина:
Стремглав бегу тебя искать,
Пренебрегая гребнем и прической.

О, если ты не разлюбил и ждешь —
Я косы живо заплету,
Готова буду вмиг!

НАЧАЛО РАДОСТНЫХ ПЕСЕН

1

Цветок мех-мех вплетаю в свой венок.
Как полный мех уравновешен мехом,
Так сердце у меня в ладу с твоим;
И, волю дав ему, лежу в твоих объятьях.

Мое желанье — снадобье для глаз:
При взгляде на тебя они сияют!
Я нежно льну к тебе, любви ища,
О мой супруг, запечатленный в сердце!

Прекрасен этот час!
Пусть он продлится вечность,
С тех пор, как я спала с тобой,
С тех пор, как ты мое возвысил сердце.

Ликует ли, тоскует ли оно —
Со мной не разлучайся!

2

В моем венке — вьюнок.
Я вью венок — твой юный лоб венчать.

Ведь я тебе принадлежу,
Как сад,
Где мной взлелеяны цветы
И сладко пахнущие травы.

Ты выкопал прохладный водоем.
И северного ветра дуновенье
Приносит свежесть,
Когда вдвоем гуляем у воды.

Рука моя лежит в руке твоей.
По телу разливается блаженство,
Ликует сердце.
Мы идем бок о бок....

Мне голос твой — что сладкое вино.
Я им жива.
Еды с питьем нужнее мне
Твой взгляд.

[ДЕРЕВЬЯ ЕЕ САДА]

1

Говорит гранатник

Ряд ее зубов за образец
Я избрал для зерен, а примером
Для плодов — ее грудей округлость.
Я листвой красуюсь круглый год.

Под моим шатром чета влюбленных,
Умащенных маслом и бальзамом,
От вина и браги охмелев,
В знойный день приют себе находит.

Соблюдая года времена,
Осыпаются деревья сада.
Я, не увядая, зеленею
Все двенадцать месяцев подряд.

Не успеет облететь мой цвет —
На ветвях уже набухли почки.
Дерево я первое в саду!
Мало чести мне вторым считаться.

На себя пеняйте, если впредь
Вы меня осмелитесь унизить!
Я уловки ваши обнаружу:
Пусть в глаза бросается обман!

Милая получит по заслугам,
И — жгутом из голубых и белых
Лотосов — любимого проучит,
Выместит на нем свою досаду.

Заточит его по обвиненью
В опьяненье пивом всех сортов;
Взаперти заставит провести
День любви в беседке тростниковой.

— Что и говорить, гранатник прав!
Улестим как следует его,
Чтоб на целый день под ним укрыться!

Говорит смоковница

Вот блаженство — ей повиноваться!
Среди знатных женщин равной нет!
Если мало у нее рабынь,
Я могу пойти к ней в услуженье.

Уроженку Сирии — меня
Привезли, как пленницу, влюбленным.
Было госпоже моей угодно.
Чтобы я росла в ее саду.

Сами наслаждаясь опьяненьем,
Мне вина не жертвуют ни капли.
Из мехов прохладною водой
Тела моего не наполняют.

Тень моя нужна им для утех
Только в день, когда они не пьют.
О прекрасная, клянусь душой,
Будет за меня тебе отмщенье!

Заговорил маленький сикомор,
посаженный ее рукой

Шелест листвы сикомора
Запаху меда подобен.
Пышные ветви его
Свежестью взор веселят.

Грузно свисают плоды
Яшмы краснее.
Листья под стать бирюзе,
Лоском поспорят с глазурью.

Ствол будто выбит из камня
Серого с голубизной.
Манит к себе сикомор,
В зной навевая прохладу.

Владелица сада
Любимому пишет письмо
И дает отнести
Быстроногой садовника дочке:
«Приходи погостить в окруженье подруг!»

Деревья в роскошном цвету.
Шатер и беседка
Тебя дожидаются здесь,
И домочадцы, как мальчики, рады тебе.

Нагруженных пожитками слуг
Выслать вперед поспеши.
Предчувствие встречи с тобой
Пьянее вина.

Челядь сосуды несет
С пивом различных сортов,
Хлебы и овощи,
Пряные травы, плоды в изобилье.
О, приходи провести
Три усладительных дня под моими ветвями!

Друга сажают
По правую руку прекрасной.
Она опьяняет его
И покорна ему.
Где стояло хмельное — гости хмельные лежат.
Она остается с любимым.

Обыкновенье у них —
Уединяться под сенью моей.
Что видел — то видел... Но я не болтлив
И не обмолвлюсь об этом ни словом.

НАЧАЛЬНОЕ СЛОВО ВЕЛИКОЙ ПОДАТЕЛЬНИЦЫ РАДОСТИ

[ПЕСНЬ ПЕРВАЯ]

Одна несравненная дева
Желаннее всех для меня,—
Та, что блистает под стать Новогодней звезде
В начале счастливого года.

Лучится ее добродетель,
И светится кожа ее.
Взгляд упоителен, сладкоречивы уста,
Без пустословья.

Горделивая шея у ней над сверкающей грудью.
Кудри ее — лазурит неподдельный.
Золота лучше — округлые руки ее!
С венчиком лотоса могут сравниться персты.

Поступь ее благородна,
И стройные бедра
Словно ведут на ходу спор об ее красоте.
Сердце мое похищает она, величаво кивнув.

Встречных мужей вынуждает она обернуться
И вслед поглядеть непременно.
Кому улыбнется — счастливец,
Средь юношей равных — избранник!

Ей стоит лишь из дому выйти —
И люди ее, как богиню, приветствуют — с первого шага.

[ПЕСНЬ ВТОРАЯ]

Два слова промолвит мой Брат, и заходится сердце.
От этого голоса я, как больная, брожу.
Наши дома — по соседству, рукою подать,
Но к нему я дороги не знаю.

Было бы славно, вступись моя мать в это дело.
Она бы ему запретила глазеть на меня.
Силится сердце о нем позабыть,
А само любовью пылает!

Вот он, какой бессердечный!
Его я желаю обнять, а ему невдомек.
Хочу, чтоб у матери выпросил в жены меня,
А ему невдогад.

Если тебе Золотою заступницей женщин
Я предназначена, Брат,
Приходи, чтобы я любовалась твоей красотой.
Чтобы мать и отец ликовали,

Чтобы люди чужие тобой восхищались,
Двойник мой прекрасный!

[ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ]

Три сердечных желанья слились у меня воедино:
Храм посетить, Золотую увидеть и ей помолиться.
В колеснице попался мне Ме́хи,
Юношами окруженный своими.

Неискушенное сердце мое!
Зачем ты меня подстрекаешь противиться Мехи?
Не лучше ли, с ним поравнявшись,
Обнаружить свою благосклонность?

«Я — для утехи твоей!» — намекнуть,
И он поместит меня в главном покое,
Где содержится свита его.
На радостях имя мое возвеличит он трижды.

[ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ]

Раза в четыре быстрее колотится сердце,
Когда о любви помышляю.
Шагу ступить по-людски не дает,
Торопливо на привязи скачет.

Ни тебе платье надеть,
Ни тебе взять опахало,
Ни глаза подвести,
Ни душистой смолой умаститься!

О милом подумаю — под руку так и толкает:
«Не медли, не мешкай! Желанной метьí добивайся!»
Ты опрометчиво, сердце мое!
Угомонись и не мучай меня сумасбродством.

Любимый придет к тебе сам,
А с ним — любопытные взоры.
Не допускай, чтобы мне в осужденье сказали:
«Женщина эта сама не своя от любви!»

При мысли о милом терпеливее будь, мое сердце:
Бейся, по крайности, медленней раза в четыре!

[ПЕСНЬ ПЯТАЯ]

Пять славословий вознес я Владычице неба,
Перед богиней Хатхор Золотой преклонился.
Всевластной вознес я хвалу,
Благодарности к ней преисполнен.

Мою госпожу побудила, внимая мольбам,
Проведать меня Золотая.
Счастье безмерное выпало мне:
Сестра посетила мой дом!

Восторг, ликованье и гордость
Мной овладели, когда услыхал я: «Гляди, она здесь!»
При ее появленье, любовью великой пылая,
Юноши молча склонились.

Я воскурил благовонья Владычице неба
И любимую в дар получил на три дня.
Божественным именем я заклинал, но она удалилась.
Теперь в одиночестве пятые сутки живу.

[ПЕСНЪ ШЕСТАЯ]

Шесть локтей отделяли меня от распахнутой двери,
Когда мне случилось пройти мимо дома его.
Любимый стоял подле матери, ласково льнули
Братья и сестры к нему.

Невольно прохожих сердца проникались любовью
К прекрасному мальчику, полному высших достоинств,
К несравненному юноше,
Чье благородство отменно.

Когда проходила я мимо,
Он бегло взглянул на меня.
Взгляд уловив,
Я ликовала душой.

Хочу, чтобы мать умудрилась раскрыть мое сердце.
О Золотая, не медли,— уменьем таким
Сердце ее надели!
И войду я к любимому в дом.

Его на глазах у родни поцелую,
Не устыжусь и чужих.
Пусть их завидуют люди,
Что любимый позна́ет меня!

Справлю я праздник богини своей.
О, как порывисто мечется сердце в груди!
«Позволь мне,— скажу,— Золотая,
На Брата глядеть шесть ночей напролет!»

[ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ]

Семь дней не видал я любимой.
Болезнь одолела меня.
Наполнилось тяжестью тело.
Я словно в беспамятство впал.

Ученые лекари ходят —
Что́ пользы больному в их зелье?
В тупик заклинатели стали:
Нельзя распознать мою хворь.

Шепните мне имя Сестры —
И с ложа болезни я встану.
Посланец приди от нее —
И сердце мое оживет.

Лечебные по́боку книги,
Целебные снадобья прочь!
Любимая — мой амулет:
При ней становлюсь я здоров.

От взглядов ее — молодею,
В речах ее — черпаю силу,
В объятиях — неуязвимость.
Семь дней глаз не кажет она!

[ТРИ ЖЕЛАНИЯ]

1

О, торопись к Сестре,
Подобно посланцу,
Вестей которого в нетерпенье ждет царь,
Потому что он желает узнать их как можно скорее.

Для него запряжены все упряжки,
Для него приготовлены лошади,
Всюду, где он находится, закладывают для него колесницы,
Он не должен отдыхать в дороге.

Кто достигает дома Сестры,
Сердце того начинает ликовать.

2

Ах, если бы ты примчался ко мне,
Как царский конь,
Выбранный из тысячи упряжек,
Украшение царских конюшен.

Его кормят отборным зерном,
Хозяин узнает его поступь;
Когда он слышит свист хлыста,
Его нельзя удержать.

Лучший возница
Не может обогнать его.
Сердце Сестры знает,
Когда он недалеко от нее.

3

Ах, если бы ты устремился к Сестре,
Подобно газели, мчащейся через пустыню,—
Ноги ее устали, тело ее ослабело,
Всю ее охватил страх.

Охотники гонятся за ней, собаки окружили ее,
Она не видна в облаке пыли,
Место отдыха — только помеха в ее бегстве,
А река стелется дорогой перед ней.

Пусть ты достигнешь ее обиталища
Быстрее, чем твою руку четырежды поцелуют.
Потому что Золотая так велела, друг мой.

НАЧАЛО СЛАДОСТНЫХ, НАЙДЕННЫХ В ПИСЬМЕНАХ РЕЧЕНИЙ, НАЧЕРТАННЫХ ПИСЦОМ НЕКРОПОЛЯ НАХТ-СОБЕКОМ

1

Если ты придешь с этим к дому Сестры,
Если ты устремишься к обиталищу ее,
Жилище ее станет иным,
Украсившись песнями и танцами.
Вдобавок дай ей вина.

Тогда ты победишь ее хитрость
И вознаградишь ее за ночь.
И она скажет тебе: «Заключи меня в свои объятья!»
И завтра сделай так же.

2

Когда ты приносишь песни во двор к Сестре,
Если ты один и рядом нет никого,
Ты поступаешь по своему желанию на ее празднике.
Ветер колеблет гирлянды на стене.

Небо опускается на воздух, воздуху не удержать его,
Небо приносит тебе свой запах,
Одуряющий запах,
Опьяняющий всех вокруг.

Смотри, Золотая одаряет тебя,
Вкуси жизнь свою.

3

Хорошо умеет бросать петлю Сестра,
Не заботясь об уплате налога на скот.
Она накидывает на меня петлю из своих волос,
Она притягивает меня своими глазами,
Она опутывает меня своими ожерельями,
Она ставит на мне клеймо своим перстнем.

4

Почему говоришь ты своему сердцу:
«К ней влечет меня, жажду обнять ее!»
Клянусь Амоном, я приду
И одежду принесу в руках.

5

Я нашла брата у воды,
Ноги он опустил в реку.
Перед ним был праздничный поднос с едой и вином,
Похожий на грудь мою.

6

Вот что сделала со мной Сестра.
Должен ли я молчать об этом?
Она оставила меня у дверей своего дома,
А сама ушла вовнутрь.
Она не сказала мне: «Войди ты, красивый».
Она была глухой сегодня ночью.

7

Ночью я проходил мимо ее дома.
Я постучал, но мне не открыли,—
Превосходная ночь для привратника.
О засов, я хочу отомкнуть тебя!

Дверь! Ты судьба моя,
Ты мой добрый дух.
Там, внутри, для тебя зарежут быка.
В жертву твоему могуществу, о дверь!

На закланье принесут длиннорогого быка — тебе, дверь!
Короткорогого быка — тебе, замок!
Жирного гуся — вам, петли!
Жир — тебе, ключ!

Самые лакомые куски быка —
Подмастерьям плотника,
Чтоб он сделал засов из тростника,
А дверь из соломы.

Пусть приходит Брат, когда захочет,
Он найдет дом открытым,
Он найдет постель, покрытую лучшим полотном,
И прекрасную девушку в этой постели.

И девушка скажет мне:
«Дом принадлежит правителю города».

[У РЕКИ]

1

Сестра — на другом берегу.
Преграждая дорогу любви,
Протекает река между нами.
На припеке лежит крокодил.

Вброд я иду по волнам,
Пересекая теченье.
Храбрости сердце полно.
Тверди подобна река.

Любовь укрепляет меня,—
Как от воды заклинанье,
Пропетое девой.
Я вижу ее приближенье — и руки простер.

Сердце взыграло,
Как бы имея вечность в запасе.
Царица моя, подойди,—
Не медли вдали от меня!

2

Ее обняв, я ощущаю
Ответное объятье рук ее,
Напоминающее негу Пунта,
Смолою благовонной умащенье!

3

Когда от поцелуя моего,
Помедлив, разомкнутся
Ее уста —
Я опьянен без хмеля.

4

Когда наконец уготовишь ты ложе, слуга?
Говорю я тебе:
Покров из виссона возьми, чтобы тело ее облегал.
Только не вздумай царское класть полотно!
Простого — белёного — остерегайся подавно!
Тканью, что миррой пропитана, ложе укрась для нее.

5

Быть бы мне черной рабыней,
Мойщицей ног!
Мог бы я вволю
Кожей твоей любоваться.

6

Рад бы стиральщиком стать я
На один-единственный месяц:
Платья твои отмывать
От бальзама и мирры душистой.

7

Быть бы мне перстнем с печатью на пальце твоем!
Ты бы меня берегла,
Как безделушку,
Из тех, что жизнь услаждают.

[ФРАГМЕНТЫ]

1

Целый день я молю мою госпожу:
Не будь мне врагом!
О госпожа моя, не заставляй,
Не заставляй меня ждать.

Я не могу сдержать мою лошадь,
В ее теле — буря.
Но я еще могу править,
Лежа поверженный в колеснице.

2

Госпожа моя отплывает в страну опьяненья,
На остров из чистейшего золота.
Не жертвуй Мехи во имя любви,
Скажи, что мы пробудем там целый день.

3

О, прекрасный день, день чудесного опьянения,
Я проведу этот день рядом с ним,
Не покидая его,—
Пусть бушует ветер.

Я обращаюсь к своему сердцу:
«Почему сердца́ любят его?
Я отдана тебе
Силою моей любви».
Мой голос охрип от слов:
«Да будет Мехи жив и невредим,
Он в своем доме!»

[ВЕТЕР]

Приходит ветер — и слетает к сикомору,
Приходишь ты — спешишь ко мне...

[ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЬ]

Любовь твоя — птицы любовь.
Облик твой — отрока облик.
Благоуханье твое — благоуханье бальзама.
Кожу твою уподоблю кожице нежной плода.
Жизненной силе зерна жизнь уподоблю твою.
Восходящее солнце — твой лик.
Веселости полон твой взор.
Руки свои простираешь и раскрываешь уста
Для восхваления Ра, отрок божественный!
Есть на тебе отпечаток владыки Гермополя.
Сие начертал Амоннехт, сын И́пуи.

[ЖРИЦА ХАТХОР]

Сладостная, сладкая любовью, говорит жрица Хатхор Мутирдис;
Сладостная, сладкая любовью, говорит царь Менхеперра.
Госпожа, сладостная любовью, говорят мужчины.
Повелительница любви, говорят женщины.

Царская дочь, сладостная любовью,
Прекраснейшая из женщин.
Отроковица, подобной которой никогда не видели,
Волосы ее чернее мрака ночи.

Уста ее слаще винограда и фиников.
Ее зубы выровнены лучше, чем зерна.
Они прямее и тверже зарубок кремневого ножа.
Груди ее стоят торчком на ее теле...

[ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ]

1

Мы будем с тобою вместе,
И бог разлучить нас не сможет.
Клянусь, что я с тобой не расстанусь
До тех пор, пока не наскучу тебе.

Отныне пребудем свободными от труда,
И дурного с нами не будет.
Мы удалились в страну вечности,
Чтоб наши имена не были позабыты.

Прекрасно время,
Когда сияние солнца видно
Вовеки и когда оно царит
Над гробницами.

2

Ах, вечно ты пребываешь здесь
И остаешься постоянно,
Я вижу тебя день изо дня,
Я не могу расстаться с тобою.

В радостном сердце моем — ликованье,
Когда вспоминаю тебя вновь молодым,
И рассказываю детям, по обыкновению,
Непрестанно об отце и матери.

[ХВАЛА ЛЮБЯЩЕЙ СУПРУГЕ]

Любимая мужем супруга, влекущая, сладостная любовью,
С чарующими устами и приятной речью.
Все, что исходило из ее губ, было подобно творению Истины.
Женщина превосходная, восхваляемая в своем городе,
Всякому протягивает она руку помощи,
Говорит хорошее и рассказывает то, что любят слышать.
Творит то, что нравится людям,
Уста ее не породили никакого зла.
Все любят ее, Ренпетнефрет.

ИЗ [ПОУЧЕНИЙ ПТАХОТЕПА]

1

Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых —
И неискушенных совета ищи.

Искусство не знает предела.
Разве может художник достигнуть вершин мастерства?

Как изумруд, скрыто под спудом разумное слово.
Находишь его между тем у рабыни, что мелет зерно.

2

Если дружбой дорожишь
Ты в дому, куда вступаешь
Как почтенный гость иль брат,—
Обходи с опаской женщин!

Не к добру сближенье с ними,
Раскусить их мудрено.
Тьмы людей пренебрегли
Ради них своею пользой.

Женских тел фаянс прохладный ослепляет, обольщает,
Чтобы тотчас превратиться в пламенеющий сардóникс.
Обладанье ими — краткий сон.
Постиженье их — подобно смерти!

3

Если ты склонен к добру, заведи себе дом.
Как подобает, его госпожу возлюби.
Чрево ее насыщай, одевай ее тело,
Кожу ее умащай благовонным бальзамом,
Сердце ее услаждай, поколе ты жив!
Она — превосходная пашня для своего господина.

[ЛЮБОВНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ]

Привет тебе, Ра — Хорахти, отче богов,
Привет вам, Семь Хатхор,
Вам, украшенным алыми повязками!
Привет вам, боги,
Владыки небес и земли!
Пусть она, дочь его, будет следовать за мной,
Словно бык за кормом.
Словно служанка за детьми,
Словно пастух за стадом.
Если вы не принудите ее следовать за мной,
Я напущу огонь на Бусирис
И спалю его.

[ПРАЗДНИК В САДУ]

Прими цветок лотоса из твоего сада,
Его не отняли у тебя.
Пусть несет он тебе всякие дары
И плоды, созревающие в нем,

Богиня Исида ведет царицу Нефретаре в гробницу.
Фрагмент росписи.
Гробница Нефретаре (№ 66) в Долине цариц в Фивах.
XIII в. до н. э.

Чтобы ты мог утешиться его лакомствами
И насладиться его приношениями.
Сердце твое освежают цветы сада.
Тело твое охлаждает тень его деревьев.
Во веки веков ты будешь делать то, чего пожелает твое сердце.

[ПИРШЕСТВО]

1

Не желает ли Истина
В сердце своем опьянения?

2

Умасти миррой локоны Истины —
Пусть благополучие и здоровье будут с ней.

3

О, приди, северный ветер,
Я высматривал тебя,
Когда был в башне.

ИЗ [СПОРА РАЗОЧАРОВАННОГО СО СВОЕЙ ДУШОЙ]

[ПЕРВАЯ ЖАЛОБА]

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как птичий помет
В летний полдень, когда пылает небо.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как рыбьи отбросы
После ловли под небом раскаленным.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как утиное гнездовье
В тростниках на болоте гнилотворном.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как болотная тина,
Как рыбачьи отрепья и невод.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как дыханье крокодилье,
Как житье с крокодилами в соседстве.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как напраслина, которой
Очернили жену перед мужем.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как навет непристойный
На отрока, чистого сердцем.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, словно город-изменник,
Что задумал от царства отложиться.

[ВТОРАЯ ЖАЛОБА]

Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны,
Друзья охладели.

Кому мне открыться сегодня?
Алчны сердца,
На чужое зарится каждый.

Кому мне открыться сегодня?
Раздолье насильнику,
Вывелись добрые люди.

Кому мне открыться сегодня?
Худу мирволят повсюду,
Благу везде поруганье.

Кому мне открыться сегодня?
Над жертвой глумится наглец,
А людям потеха — и только!

Кому мне открыться сегодня?
У ближнего рады
Последний кусок заграбастать!

Кому мне открыться сегодня?
Злодею — доверие,
Брата — врагом почитают.

Кому мне открыться сегодня?
Не помнит былого никто.
Добра за добро не дождешься.

Кому мне открыться сегодня?
Друзья очерствели,
Ищи у чужих сострaданья!

Кому мне открыться сегодня?
Потуплены взоры,
От братьев отвернуты лица.

Кому мне открыться сегодня?
В сердцах воцарилась корысть.
Что толку — искать в них опоры?

Кому мне открыться сегодня?
Нет справедливых,
Земля отдана криводушным.

Кому мне открыться сегодня?
Нет закадычных друзей,
С незнакомцами душу отводят.

Кому мне открыться сегодня?
Нету счастливых,
Нет и того, с кем дружбу водили.

Кому мне открыться сегодня?
Бремя беды на плечах,
И нет задушевного друга.

Кому мне открыться сегодня?
Зло наводнило землю,
Нет ему ни конца, ни края.

[ТРЕТЬЯ ЖАЛОБА]

Мне смерть представляется ныне
Исцеленьем больного,
Исходом из плена страданья.

Мне смерть представляется ныне
Благовонною миррой,
Сиденьем в тени паруса, полного ветром.

Мне смерть представляется ныне
Лотоса благоуханьем,
Безмятежностью на берегу опьяненья.

Мне смерть представляется ныне
Торной дорогой,
Возвращеньем домой из похода.

Мне смерть представляется ныне
Небес проясненьем,
Постижением истины скрытой.

Мне смерть представляется ныне
Домом родным
После долгих лет заточенья.

[ЧЕТВЕРТАЯ ЖАЛОБА]

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет живым божеством,
Творящим возмездье за зло.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в ладье солнечной плыть,
Изливая оттуда благодать, угодную храму.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в числе мудрецов, без помехи
Говорящих с божественным Ра.

ПЕСНЬ ИЗ ДОМА УСОПШЕГО ЦАРЯ АНТЕФА, НАЧЕРТАННАЯ ПЕРЕД ПЕВЦОМ С АРФОЙ

Процветает он, этот добрый властитель,
Прекрасный конец настиг его.
Одни поколения проходят, а другие продолжают существовать
Со времен предков.
Боги, бывшие некогда,
Покоятся в своих пирамидах.
Благородные и славные люди
Тоже погребены в своих пирамидах.

Они строили дома —
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Смотри, что случилось с ними.
Я слышал слова Имхотепа и Джедефхора,
Слова, которые все повторяют.
А что с их гробницами?
Стены обрушились,
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Словно никогда их и не было.
Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.
А потому утешь свое сердце,
Пусть твое сердце забудет
О приготовленьях к твоему просветленью.
Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовоньями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство.
Не давай обессилеть сердцу.
Следуй своим желаньям и себе на благо.
Свершай дела свои на земле
По веленью своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакиванья.
Утомленный сердцем не слышит их криков и воплей,
Причитания никого не спасают от могилы.
А потому празднуй прекрасный день
И не изнуряй себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

[ПОХВАЛА СМЕРТИ]

Благолюбивые духи, Гелиополя девять богов!
Услышьте похвальное слово «Отцу божества».
Был он саном возвышен и безупречен душой.
В городе Вечности он сопричислен к бессмертным богам.

Вы печетесь о судьбах
Посетителей этой гробницы.
Мне песни известны, что издревле взывают со стен усыпальниц,
Бытие восхваляя земное обители вечной в ущерб.

Зачем они сводят на нет славу загробного мира,—
Страны справедливой, блаженной, где страху нет места,
Обители упокоенья, чьим жильцам омерзительны распри,
Где нечего ближних бояться, ибо нету вражды в этом крае?

Наши предки покоятся там со времен мирозданья.
Из тех, что родятся на свет во множестве неисчислимом,
Не осядет в Египте никто:
В городе Вечности всем поголовно приют уготован.

Разве долго продлится пора гостеванья земного?
Время, как сон, промелькнет,
И «добро пожаловать!» — скажут
В полях Заката пришельцу.

[ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПИСЦОВ]

Мудрые писцы
Времен преемников самих богов,
Предрекавшие будущее,
Их имена сохранятся навеки.
Они ушли, завершив свое время,
Позабыты все их близкие.

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.

Писания становились их жрецами,
А палетка для письма — их сыном.
Их пирамиды — книги поучений,
Их дитя — тростниковое перо,

Их супруга — поверхность камня.
И большие и малые —
Все их дети,
Потому что писец — их глава.

Построены были двери и дома, но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.

Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочной стены.
Написанное в книге возводит дома и пирамиды в сердцах тех,
Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина,
Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

Есть ли где-нибудь кто-то, подобный Джедефхору?
Есть ли кто-то, подобный Имхотепу?
Нет среди нас такого, как Нефри
И Хетти, первого из всех.
Я напомню тебе имя Птахемджхути
И Хахеперра-сенеба.
Есть ли кто-нибудь, подобный Птахотепу
Или Каресу?
Мудрецы, предрекавшие будущее,—
Вышло так, как говорили их уста.
Это написано в их книгах,
Это существует в виде изречения.
Их наследники — дети разных людей,
Как будто все они — их собственные дети.

Они скрыли свое волшебство от людей,
Но их читают в наставлениях.
Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.

[ТОСКА ПО МЕМФИСУ]

Видишь, сердце мое убежало тайком
И помчалось к знакомому месту.
Заспешило на юг, чтоб увидеть Мемфис.
О, когда бы хватило мне силы сидеть,
Дожидаясь его возвращенья, чтоб сердце
Рассказало, что слышно у Белой стены!

Я беспомощен, все выпадает из рук,
Потому что нет сердца на месте обычном.
Приходи ко мне, Пта, и в Мемфис отнеси.
Неотрывно дозволь мне глядеть на тебя.

Целый день мое сердце в мечтанье,
А в груди моей нет больше сердца.

Злым недугом охвачены все мои члены,
Слух закрылся мой, очи устали глядеть,
Все слова исказились, и голос охрип.
О, будь милостив, дай до него мне добраться.

[СЛОВО О СБОРЕ ВИНОГРАДА]

О, погляди на свои виноградники,
Наш повелитель, и сердцем возрадуйся!
Сок выжимают ногами давильщики.
Лозы увешаны крупными гроздьями.

Ягоды, соком обильнее прежнего,
Сердце твое услаждать предназначены.
Ты в опьяненье себе не отказывай,
Пей, предавайся утехам и радостям!

Время приметно склоняется к вечеру.
Спелые кисти подернулись росами.
Ягоды выжать спешат виноградари,
Сусло в сосудах несут повелителю.

Пей, господин, божеству в прославление.
Всякое благо богами даровано.
Доброму духу, садов покровителю,
Ты соверши возлиянье и вымоли
В новом году нам вина изобилие.

ВОСХВАЛЕНИЕ НИЛА

1

Слава тебе, Хапи!
Ты пришел в эту землю,
Явился, чтоб оживить Египет.
Бег его таится, подобно мраку
Среди дня, когда слуги его воздают хвалу ему.
Он орошает поля, созданные Ра,
Чтобы дать жизнь каждой козе;
Он поит и пустыню и сушь,—
Ведь это его роса падает с неба;
Он любит землю,
Он правит Непра,
Он дарует процветание ремеслам Пта.

2

Владыка рыб, повелевающий им подниматься к порогам,
Нет птиц, кружащихся над теми,
Кто сеет зерно и сбирает полбу.
Когда же пальцы его пребывают в лени, а ноздри закупорены,
Нищают все люди.
Когда случается так, скудеет небо богов
И гибнут люди целыми народами.

3

Когда случается самое страшное, вся земля в бедствии,
Гибнут и большие и малые.
Но собираются в толпы люди при приближении его.

Когда Хнум сотворил его,
Когда появляется он — и земля ликует,
Всякая тварь радуется,
Каждый позвонок хохочет
И все зубы обнажаются в смехе.

4

Приносящий пищу, богатый едою,
Творящий прекрасное.
Владыка силы, благоуханный,
Тот, кому радуются,
Кто родит траву стадам,
Кто сердцем помнит о жертвах богу,
Пребывающему под его покровительством,
Где бы ни был он: в преисподней, в небесах или на земле.
Он держит в своей власти Обе Земли,
Он наполняет житницы, и насыпает груды зерна,
И отдает добро беднякам.

5

Одаряющий деревья цветеньем,
Рождающий деревья в изобилье
Для всех, кто желает их видеть.
Строящий суда своей мощью,
Возлагающий на статуи белый венец
Без стараний каменотесов.
Незримый,
Он не держит слуг и сборщиков налогов.
Тайны сути его — непостижимы,
Никто не знает места, откуда он,
И, читая писания, не найти его пещеры.

6

Нет таких житниц, чтоб вместили твои дары,
Никому не надо повелевать твоим сердцем.
Тебе радуются юноши твои и дети твои.
Тебе воздают почести, как царю.
Законы при тебе неколебимы.
Ты выходишь у Верхнего и у Нижнего Египта.
Каждый пьет очами воду твою.
Всем сердцем стремишься ты умножить прекрасное.

7

Когда о тебе возвещает глашатай,
Радость выходит наружу, каждое сердце веселится.
Крокодилы беременны, у Нейт начинаются роды.
Все твои девять богов Гелиополя — прекрасны.
Всходы на полях подобны излишкам чревоугодия.
Урожай делает людей сильными,
Одного насыщает, другого услаждает,
И нет между ними спора,
Готовящий дары кому-то, никого нет с ним рядом.
Люди ставят ему границы.

8

Всё освещающий, выходящий из мрака,
Тучность стад своих,
Мощь, творящая все.
Нет среди живущих никого, кто бы не знал его.
Одаряющий людей, чтобы они выполняли его намерения,
Сердцем обращенный к работе на поле
И вечером ласкающий свои поля.
Друг Пта,
Трудящийся с ним вместе,
Творец божественных писаний
И всего в Нижнем Египте.

9

Ты входишь с журчащей речью в середину земли,
Желанный, расстающийся с тайной.
Когда ты гневаешься, исчезает рыба,
Тогда ждут люди большой воды,
Тогда богатый подобен бедняку.
Тогда заметен всякий, идущий на поля с орудиями,
И нет друга, оставшегося ради друзей.
Нет тканей, чтобы одеться.
Нет украшений для детей из знатных семей.
Нет никого, ночью слышащего воду.
И нет в речах желанной прохлады.
Все люди умащивают кожу
На радости, что начинается половодье.

10

Утверждающий истину, которой алчут люди,
В изреченье: «Пребывай в готовности до тех пор,
Пока тебе ответят».
Тогда ответит о Ниле Великое Зеленое море.
Знатные следуют за бедняками,
Непра правит живущими,
Ему воздают хвалу боги.
Нет птиц, слетающихся из пустыни.
Руки твои помнят золото,
Когда льют серебро в формы.
Никто не ест лазурит,
Когда созревает зерно.

11

Для тебя звучит арфа,
Тебе рукоплещут.
Юноши твои и дети твои радуются тебе
И достойно воздают тебе, когда наступает урожай.
Когда приносит он ценности,
Земля украшается.
Суда его несут людям прибыль.
Он, дающий жизнь сердцам беременных,
Любящий бесконечные стада свои.

12

Когда вступаешь ты в город,
Торжествует владелец прекрасных вещей.
Бедняк говорит: «О, если бы был у меня лотос!»
Все на земле едино.
Все травы отданы детям его.
Если же вкушающие пищу забывают его,
Довольство покидает дома
И земля впадает в бедствие.

13

Когда прибываешь ты, о Хапи,
Тебе приносят жертвы,
Приводят быков на закланье,
Откармливают птиц для тебя,
Ловят для тебя львов в пустыне,

Дарят тебе прекрасные вещи.
И так же, как приносят жертвы Хапи,
Приносят их каждому богу:
Небесные благовония, быки, скот,
Птицы, огонь.

Хапи прорыл пещеры в Фивах,
Но имя его неизвестно в преисподней.

14

Взывают люди к богам
Из страха перед могуществом Владыки всего земного,
Моля о процветании для обоих берегов.
Процветай же, процветай же, Хапи.
Процветай же,
Дарами полей
Оживляющий людей и скот.
Процветай же, процветай же, Хапи,
Процветай, процветай, ты, прекрасный дарами.

Доведено до конца благополучно в мире
Трудами писца обоих домов серебра Кагабу.

[К БОГИНЕ]

О ты, шагающая так широко,
Сеющая смарагды, малахит и бирюзу, словно звезды,
Когда цветешь ты, цвету и я,
Цвету, подобно живому растению.

[К УТРЕННЕМУ СОЛНЦУ]

Золотая появляется на судне Солнца,—
Ра любит ее.
Дневное судно могуче,—
Ра любит ее.
Твоя сила достигает Средиземного моря,—
Ра любит ее.
Ра вышел, чтоб узреть красоту ее,—
Ра любит ее.

[К НОЧИ]

Во чреве неба зрела ночь.
Из чрева неба вышла ночь.
Ночь принадлежит матери своей.
Мне принадлежит покой телесный.

О ночь, даруй мне мир —
И я подарю тебе мир!
О ночь, даруй мне отдых —
И я подарю тебе отдых!

Вечер убрался прочь,
Сломан посох его,
Расколот его кувшин,
И дурная вода пролилась.

Ночь принадлежит матери своей, Золотой богине.
Мне принадлежит покой природы.

[ЦАРИЦА ХАТШЕПСУТ ОТМЕРЯЕТ БЛАГОВОНИЯ ДЛЯ СВОЕГО ОТЦА АМОНА]

Благовонное масло мерит царица своими руками.
Бесценною миррой умащено ее тело.
Росою божественной пахнет оно.
Его аромат мешается с благоуханием Пунта.
Подернута золотом, кожа ее сверкает,
Как звезды, что блещут на сводах высокого храма,
Страну озаряя до самых ее рубежей.

[ПЕСНЬ СЕМИ ХАТХОР]

Мерные наши удары — для тебя,
Мы пляшем для величества твоего,
До высот неба
Мы воздаем хвалу тебе.

Ведь ты владычица скипетров,
Владычица ожерелья и систра,
Владычица музыки,
Которая звучит для тебя.

Мы воздаем хвалу величеству твоему каждый день,
С вечера до той поры, когда заря встает над землей,
Мы ликуем пред ликом твоим, повелительница Дендера,
Мы чествуем тебя песнопеньями.

Ведь ты владычица ликованья, повелительница пляски,
Ты владычица музыки, повелительница игры на арфе,
Ты владычица хороводов, повелительница плетенья венков,
Ты владычица благовоний, повелительница танцев.

Мы славим величество твое,
Мы воздаем хвалу тебе,
Мы возносим твою славу
Над всеми богами и богинями.

Ведь ты владычица гимнов,
Повелительница книг,
Великая обладательница знаний,
Хозяйка дома писцов.

Мы радуемся величеству твоему каждый день,
Сердце твое ликует, когда внимаешь ты нашим песням.
Мы радуемся, глядя на тебя каждый день, каждый день,
И наши сердца ликуют при виде тебя.

Ты владычица венков, повелительница хороводов,
Владычица беспредельного опьянения,
Мы ликуем перед тобой, мы играем тебе,
И твое сердце радуется тому, что свершаем мы для тебя.

[ПЛАЧ ИСИДЫ ПО ОСИРИСУ]

Я — женщина, прекрасная для своего мужа,
Жена твоя, Сестра твоя,
Приди ко мне скорее!
Потому что я жажду узреть тебя
После того, как не видела лица твоего.
Тьма вокруг нас, хотя Ра в небесах.

Небо смешалось с землей. Тень легла на землю.
Сердце мое горит от злой разлуки.
Сердце мое горит, потому что стеною отгородился ты от меня,
Хотя не было зла во мне.

Оба наши города разрушены, перепутались дороги.
Я ищу тебя, потому что жажду видеть тебя.
Я в городе, в котором нету защитной стены.
Я тоскую по твоей любви ко мне.
Приходи! Не оставайся там один! Не будь так далек от меня!

Гляди, сын твой Гор гонит Сета к месту казни.
Я спряталась в камышах и спрятала твоего сына,
Чтобы отомстить за тебя.
Потому что так плохо пребывать вдали от тебя
И невыносимо для плоти твоей.

[ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ]

О господин мой, пребывающий вдалеке от меня в Джебауте
Я увижу тебя сегодня. Тело твое источает аромат Пунта.
Тебе воздают хвалу знатные женщины,
Радуется тебе вся Эннеада.
Возвращайся к своей супруге.
Сердце ее трепещет от любви к тебе.
Она обнимет тебя, и ты не покинешь ее,
Потому что сердце ее ликует при виде твоей красоты.

[СЕТОВАНИЕ НА ПОХОРОНАХ]

Любитель хмельного питья
Удалился в Страну без воды.
Житниц несчетных владелец
Нуждается в горсти зерна.

ЛИТЕРАТУРА
ШУМЕРА И ВАВИЛОНИИ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ В. АФАНАСЬЕВОЙ.
СОСТАВЛЕНИЕ ШУМЕРСКОГО РАЗДЕЛА И ПЕРЕВОД В. АФАНАСЬЕВОЙ.
СОСТАВЛЕНИЕ ВАВИЛОНСКОГО РАЗДЕЛА И. ДЬЯКОНОВА.
ПЕРЕВОДЫ В. АФАНАСЬЕВОЙ, И. ДЬЯКОНОВА и В. К. ШИЛЕЙКО.

ЛИТЕРАТУРА ШУМЕРА И ВАВИЛОНИИ

Древннн культура застыла для нас в двух формах — в зрительном образе и в письменном слове. Даже те цивилизации, чьн письменность сохранилась и ныне нам понятна, все равно для нас гораздо более вещественны и образны, чем словесны, не говорн уже об археологических культурах (а ведь каждый из этих миров охватывает несколько тысячелетий). Шумеро-вавилонская культура представляет в этом плане одно из немногпх, если не единственное, исключение. Ее можно назвать цивилизацией письменности, настолько количество письменных памнтников превосходит памнтники вещественные. Такой, казалось бы, громоздкий и неудобный для письма материал, как глпна (а затем и камень), оказался едва ли не самым надежным хранилищем древнего слова, и теперь в нашем распоряжении сотни тысяч клинописных табличек, целые гигантские архивы. По числу сохранившихся произведений литература клинописная превосходит многие литературы древности, хотя памятники зти и составляют не такую уж большую часть клинописного наследства: на первых порах письменность не имела к словесности, к литературе никакого отношения и, будучи изобретена с практической целью, обслуживала хозяйство. Поэтому бо́льшан часть дошедших до нас архивов состоит из хозяйственных, административных и юридических документов, дающих возможность судить о социальной структуре и экономическом состоянии общества, а также об его истории.

История древнего Двуречьн в том виде, в каком она представлнется нам сейчас, вкратце такова: в конце IV тыс. до н. з. шумеры, или шумерийцы, племена неизвестного зтнического происхождения, освоили болотистую, но очень плодородную аллювиальную долину рек Тпгра и Евфрата, осушили болота, справились с нерегулнрными, по временам катастрофическими разливами Евфрата путем создания системы искусственной ирригации и образовали первые в Двуречье города-государства. Среди разнообразных достижений цивилизации, приписываемых шумерийцам, наиболее значительным следует признать изобретение в конце IV — начале III тыс. до н. э. письменности. Шумерский период истории Двуречьн охватывает около полутора тысяч лет,

он завершается в конце III—начале II тыс. до н. э. так называемой III династией города Ура (XX в. до н. э.) и династиями Исина и Ларсы, уже только частично шумерскими. С самой глубокой древности соседями шумерийцев были семиты-аккадцы, которые в III тыс. до н. э. занимали северную часть нижнего Двуречья и находились под сильным шумерским влиянием. Во второй половине III тыс. до н. э. аккадцы проникают и утверждаются на самом юге Двуречья, чему способствует объединение Двуречья в XXII в. до н. э. аккадским правителем Саргоном Древним, или Великим. История Двуречья во II тыс. до н. э.— это уже история семитских народов; из них главную роль в первой половине II тыс. до н. з. играли вавилоняне — народ, говоривший по-аккадски и образовавшийся из слияния шумерийцев и аккадцев. Шумерский язык к этому времени становится языком мертвым и в вавилонской культуре играет примерно такую же роль, что и латынь в средневековье: его изучают в школах, на нем записывают многие тексты, это язык науки и литературы. Наивысшего расцвета Вавилон достигает при шестом царе I Вавилонской династии Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.), но уже при последних царях этой династии Вавилония подвергается нашествию горных племен и приходит в упадок более чем на пятьсот лет. Ассирия, с чьими памятниками для нас связано первое знакомство с переднеазиатской культурой, появляется на исторической арене примерно в XIII в. до н. э., а в конце IX—VII вв. до н. з. становится могущественнейшим государством Передней Азии и подчиняет себе все Двуречье, распространяя свое влияние на Малую Азию, Средиземноморье и одно время даже на Египет. Именно в этот период была собрана библиотека Ашшурбанапала, многочисленнейшее собрание клинописных текстов, собрание, снабженное каталогами-списками, один из значительных источников наших знаний клинописной литературы.

Последние страницы истории Двуречья снова связаны с Вавилоном. В конце VII в. до н. э. вавилонянам совместно с соседями-мидийцами удалось нанести Ассирии поражение, после которого она не могла уже оправиться. Еще около ста лет существует Нововавилонское царство (так принято называть этот период в современной историографии), пока в 538 г. до н. э. оно не пало под ударами персидских войск. Однако клинопись по-прежнему остается господствующей системой письма в Двуречье, и самые поздние клинописные тексты датируются селевкидским и парфянским временем, то есть последними веками до нашей эры.

Как соотносится с историей Двуречья история его литературы? В общих чертах ее можно представить следующим образом.

Начало III тыс. до н. з. Первые литературные тексты на шумерском языке; списки богов, записи гимнов, пословиц, побасенок и поговорок, некоторые мифы.

Конец III тыс. до н. э.—начало II тыс. до н. з. Основная масса известных нам ныне шумерских литературных памятников: гимны (главным образом в канонических списках из города Ниппура, так называемый «Ниппурский канон»): гимны, мифы, молитвы, эпос, обрядовые песни, тексты школьные и

дидактические, погребальные элегии, каталоги-списки литературных произведений, названных по первой, начальной строке текста и сохранившие нам, таким образом, заглавия восьмидесяти семи памятников, из которых пока известно немногим более трети (всего же мы знаем более ста пятидесяти шумерских литературных текстов). Первые литературные тексты на аккадском языке. Старовавилонская версия эпоса о Гильгамеше; сказание о потопе, рассказ о полете на орле (сказание об Этане); переводы с шумерского.

Конец II тыс. до н. э. Создание общелитературного религиозного канона. Основная масса известных нам памятников на аккадском языке. Поэма о сотворении мира. Гимны и молитвы. Заклинания. Дидактическая литература.

Середина I тыс. до н. э. Ассирийские библиотеки. Библиотека Ашшурбанапала. Основная версия эпоса о Гильгамеше. Царские надписи, молитвы и другие произведения.

Уже из этого краткого конспективного обзора, который все же может дать читателю некоторое представление о «месте и времени действия», видно, что речь должна пойти о нескольких литературах. Действительно, с самого раннего знакомства с клинописью исследователи увидели, что ассирийская литература, пожалуй, самостоятельна только в жанре надписей и что легенда о потопе, сказания о Гильгамеше и его друге Энкиду (или о Издубаре и Эабани, как тогда ошибочно прочли их имена), равно как и многие другие истории, являются переработкой произведений другого народа — вавилонян, говоривших на языке, близком ассирийскому (по существу, вавилонский и ассирийский — это диалекты аккадского языка, принадлежащего к семье семитских языков).

Скоро к представлениям о вавилонской литературе прибавилось понятие «литература шумерская». Отдельные шумерские литературные тексты были известны с того же времени, что и вавилонские, но так как изучение шумерского языка началось гораздо позже, чем аккадского, и двигалось много медленнее, то и первые публикации носили как бы предварительный характер. Немногие известные нам шумерские тексты были настолько труднопонимаемы, что одно время получили даже репутацию малохудожественных и невыразительных. В последние десятилетия положение изменилось. К шумерской литературе, родоначальнице литератур клинописных, привлечено внимание ученых. Очень много сделал для того, чтобы открыть нам шумерскую литературу, американский шумеролог С.-Н. Крамер, который одним из первых начал регулярно и последовательно публиковать памятник за памятником. И тут обнаружилось, что большинство сюжетов литературы вавилонской заимствовано у шумерийцев, что она как будто выросла из шумерской литературы. Значит ли это, что вавилонскую литературу следует рассматривать только как придаток шумерской литературы? Конечно, наши представления о древних литературах сглажены несколькими тысячелетиями, которые отделяют нас от нее, и литературу, насчитывающую, как мы видели, более трех с половиной тысяч лет, вполне можно бы воспринять как

единое целое, тем более что это литература, связанная общностью территории и единой системой письма. Но если мы это сделаем, то от нас ускользнет одна «деталь», которая представляется нам весьма существенной не только в историческом (или литературно-историческом), но и в чисто человеческом плане, а именно, процесс рождения литературы. Мы можем проследить его, изучая шумеро-вавилонские памятники в сравнении, путем сопоставления друг с другом односюжетных, но разновременных версий, а это один из путей и к познанию клинописной литературы в целом.

Ибо мы до сих пор не можем сказать, что эта литература изучена нами и понятна нам. Не удивительно, что специалисты-шумерологи и ассириологи все еще заняты главным образом публикациями новых текстов, и обобщение до сих пор не поспевает за публикациями. Перед шумерологами, например, все еще стоит проблема элементарного понимания памятников. Мы вынуждены сознаться, что мы еще не очень хорошо знаем шумерский язык. То обстоятельство, что не удается обнаружить языков, родственных шумерскому, осложняет его изучение. И, конечно, в первую очередь это сказывается на текстах литературных, с их идиомами, образными сравнениями, магическими формулами, требующих знания и понимания реалий. Во многих случаях шумерологи вынуждены оставлять лакуны, ставить вопросительные знаки, иногда довольствуясь только общим пониманием абзаца и часто надеясь лишь на интуицию. Но и этого мало. Мы не можем точно датировать наши памятники, причем это относится не только к шумерским, но и к вавилонским текстам.

Большинство шумерских литературных произведений, как уже было сказано, датируются XIX — XVIII вв. до н. э., то есть тем временем, когда шумерский язык был уже мертв, и на этом основании считаются копиями более ранних записей. Значительная часть вавилонских текстов дошла до нас через библиотеку Ашшурбанапала,— ясно, что оригиналы списков в массе своей были гораздо древнее, но насколько, сказать нелегко, так как язык при переписке подновлялся, в текстах делались вставки, к тому же языковые архаизмы вполне могут оказаться стилистическим приемом и не должны являться надежным критерием при попытке датировки. В отдельных случаях можно датировать памятник по характерным терминам, по историческим аллюзиям, но упоминание исторических лиц и событий в клинописных литературных текстах, как правило, редкое явление, время жизни действительных авторов также неизвестно. Некоторую возможность для датировки дают географические названия, но и они могут оказаться поздними вставками. Поэтому почти все датировки текстов приблизительны, а часто очень спорны, и пока не может быть речи ни о какой истории клинописной литературы, представленной в строго хронологическом порядке.

К этим частным проблемам добавляются проблемы общего характера.

Древние литературы обычно принято рассматривать как нечто промежуточное между литературой и фольклором, с одной стороны, и между литературой и памятниками письменности — с другой. В этом есть определенный ре-

зон. Действительно, древняя литература почти сплошь безымянна, что, как известно, является неотъемлемым признаком фольклора. Народная словесность знает как будто бы только исполнителя, а последний, как правило, считает себя не автором, но лишь хранителем традиции («передаю, как отцы рассказывали»), тем не менее это не исключает его творческого, а тем самым авторского соучастия. С того же момента, как определенные тексты начали записываться, у них появился еще один автор — переписчик, большей частью тоже безымянный, который, конечно, подобно сказителю, мог рассматривать себя только носителем и передатчиком древней традиции, но мог и восприниматься как автор произведения в том виде, как оно было записано. Можно высказывать разнообразные предположения, но для нас важнее всего было бы узнать отношение самих шумерийцев и вавилонян к этому вопросу.

Вот перед нами раздел древнего каталога, куда вошел целый ряд произведений на шумерском и вавилонском языке,— своды обрядов, заклинаний, предзнаменований, но среди них и тексты литературного характера. В конце списка читаем: «записано из уст бога Эа». Здесь логика как будто понятна: тексты эти как бы божественное откровение, «слова бога». Но вот еще один текст: спор-диалог между конем и волом. Оказывается, он записан «из уст коня». Следует ли это понимать как остроумную шутку или как-то иначе, может быть, как стремление «авторизировать» литературу? Знаменитый аккадский эпос о Гильгамеше записан из уст «заклинателя Син-леке-уннинни», эпос о герое Этане — со слов Лу-Нанны («человека Нанны»), эпос об Эрре якобы приснился человеку по имени Кабту-илани-Мардук, а довольно поздний текст под условным названием «Вавилонская Теодицея» содержит акростих, дающий имя автора — Саггиль-кина-уббиб («молитва очистила верного»). Не все из этих имен неправдоподобны. В ряде случаев, сопоставляя их с лексикой текста, можно ставить вопрос и о реальности некоторых авторов; например, Лу-Нанна вполне может оказаться автором эпоса об Этане, ибо имена такого типа характерны для последних столетий III и первых столетий II тыс. до н. э., времени первой записи этого текста; возможно, не вымышлен и автор эпоса об Эрре, поскольку в тексте о нем даны подробные сведения, а вот Син-леке-уннинни никак не мог быть автором ранней версии эпоса о Гильгамеше, относящейся к первой половине II тыс. до н. э., так как имена из трех составных частей обычно позднего происхождения, не ранее второй половины II тыс. до н. э. Значит, Син-леке-уннинни может оказаться только редактором последней версии поэмы. Следовательно, независимо от фантастичности имени автора мы можем говорить об определенном стремлении к литературе авторской.

Далее. Какими критериями мы пользуемся, когда пытаемся говорить о художественной литературе древности, отделить ее от культовой, ритуальной, деловой, исторической? Очень часто это оказывается для нас невозможным, ибо идеология древности тесно связана с религией, и не легко разделить литературу на светскую и религиозную, а там, где мы хотим видеть литературу светскую, мы рискуем обнаружить материал, к литературе в нашем

пониманий никакого отношения не имеющий. Но не можем же мы относить к древней литературе «все, что записано», и на этом основании считать ее «предлитературой», «межлитературой». Здесь опять было бы уместно обратиться к самим создателям древней литературы, если это возможно. Видимо, какое-то свое понятие жанра в клинописной литературе существовало. В конце большинства текстов (и даже в самых ранних из известных нам записей) есть название категории, к которой данное произведение относится, иногда с указанием, как его надо исполнять. Правда, сам принцип жанровой классификации большей частью нам неясен (особенно, если судить по спискам и каталогам, видимо, каноническим. Но, может быть, это были каталоги наличия, составленные по порядку их расположения в храмовой библиотеке?). Так, среди группы текстов, которые в нашем представлении относятся к гимнам, есть песни «баль-баль», но не все, с нашей точки зрения, однородные категории названы так. Есть «за-ми» — «хвалебные песни», к которым относятся произведения, называемые нами и гимном, и мифологическим эпосом, и героической песнью; есть «ир-шем» — плач, который должен был сопровождаться исполнением на музыкальном инструменте «шем», но опять-таки не все плачи древние авторы относили в эту категорию.

Здесь, конечно, нужно быть очень осторожным, чтобы не впасть в другую крайность — излишнюю модернизацию. То, например, обстоятельство, что среди очень ранних клинописных текстов, датируемых примерно XXVII в. до н. э., мы находим записи пословиц и поговорок, невольно вызывает современные ассоциации. Кто и с какой целью записал эти тексты? Не должны ли мы представить себе древних писцов кем-то вроде собирателей фольклора XVII — XIX вв., а если нет, то чем объясняется этот непривычный для историков литературы факт?

И тут перед нами раскрываются возможности, которые представляет нам сама древняя литература уже в той стадии, какой она нами изучена. Клинописная литература вводит нас в мир, который во многом оказывается нам уже знакомым. Вот вождь, предводитель дружины, кличет в трудный и опасный поход холостых одиноких молодцов, и «пятьдесят их, как один», становятся рядом с ним... Находчивый и отважный юноша-подросток, младший из братьев, очутился один-одинешенек в темном лесу. Он находит орленка — птенца чудовищной птицы, исполинского орла, наряжает его и кормит лакомствами: в награду за это орел готов одарить хитреца всеми благами мира; а тому ничего не надо, он хочет вернуться к своим братьям и своему войску, и тогда орел наделяет его даром скорохода... Два владыки двух городов-соперников пытаются одолеть друг друга, неоднократно посылая гонца туда и обратно и загадывая друг другу загадки. Победа будет на стороне того, кто сумеет волшебным путем разрешить и выполнить загадку-задачу... Два могучих героя-побратима бродят по свету, совершая чудесные подвиги; гибель одного приводит другого в такое отчаяние, что он готов удалиться от мира и в «тоске по своем друге горько плачет и бежит пустыней...». Для спасения спустившейся в подземное царство и погибшей там богини достают «травы

жизни и во́ды жизни». К ней прикладывают чудесную траву, ее кропят целебной водой, и она встает... Пастух, спасаясь от злобных демонов, воздевает в мольбе руки к солнцу, и оно превращает его в быстроногую газель... Змея заводит дружбу с орлом, а тот пожирает ее детенышей, и змея жестоко мстит ему. Орла спасает и выкармливает царь, который ждет наследника и жена которого не может разродиться. В награду за спасение орел обещает помочь царю достать «траву рождения» и на своих крыльях возносит его в небо, к богам, у которых эта трава есть... Злое чудовище-божество обманом занимает престол законного владыки мира и пытается погубить человечество, насылая на него голод и болезни. Еле удается его утихомирить и вернуть престол законному владельцу...

Одна из древнейших литератур мира, возможно, и родина многих названных нами сюжетов, открытая нами слишком поздно, может быть, и лишила нас радости первого узнавания, но зато облегчила нам первое с ней знакомство и ввела нас в мир сказок, мифов и легенд, близкий нам с детства и потому особенно дорогой. И вот что еще интересно: когда мы вошли в этот мир, узнали его, как будто бы освоились с ним и готовы продолжить за рассказчика уже слышанный сюжет, нас подстерегает неожиданность: он вдруг начинает звучать как-то по-иному, не совсем привычно нам, и этот нежданный поворот знакомой дороги, видимо, и следует назвать своеобразием клинописной литературы, за которой встает еще один мир — мир ее создателей.

Люди в этом мире вылеплены из глины, замешанной на крови убитого божества, и благословлены пьяными богами. Бог близок человеку,— через тростниковую хижину и глиняную стенку он передает ему решение совета богов, спасая его и обманывая своих божественных братьев. Но и человек держится на равных с богом — он может отказаться от любви, предложенной ему богиней, и поносить ее при этом, как девку, проклиная ее вероломство и коварство. Богиня, спустившаяся под землю, не может подняться обратно без выкупа, ибо закон подземелья один для богов и смертных — «за голову — голову». Спасая себя, она предает своего любимого супруга. Боги как будто бы живут на одной земле с людьми, в их тростниково-глиняном мире, очень скудном и незатейливом. Воин, поднявшийся на крепостную стену, принят главой враждебного войска за вождя-предводителя (не потому ли, что одевались они одинаково?), прекрасная девушка хороша, как молодая телочка, как коровье масло и сливки, и добиться ее любви можно, поколдовав с маслом, молоком и сливками. Она поражает воображение юноши, пронзив ему грудь «стрелой-тростником» (как Эрот). Она блудница, которая шляется по рынкам и постоялым дворам, но при этом она — существо крайне почитаемое и вызывающее чувство необыкновенного уважения, ибо она служительница культа богини, который обеспечивает плодородие и рождение, а потому — самого важного.

Эту жизнь среди тростников и глины, которая и объясняет нам, почему красота птичьего оперения может быть сравнена с клинописными табличками, а таинство священного брака со сверлением каменной цилиндрической

печати или любовные стрелы названы тростниковыми,— уже не спутаешь ни с какой другой.

И в этой жизни, в которой ходили, распевая свои сказы, сказители, собирались для совместных обрядов с пением и плясками толпы людей, устраивались общенародные моления к богам, зарождался непонятным и незаметным образом для них самих новый вид искусства — литература. Сперва, наверное, это были просто грамотеи, которые могли постичь удивительную премудрость — записать остроугольными знаками текст, а потом по складам прочесть-расшифровать его слушателям, текст, который постепенно становился таким необходимым, что во многих частных домах при раскопках мы находим клинописные таблички с записью какой-нибудь песни (видимо, чуть ли не в каждой семье был хоть один такой «грамотей»), затем это писец, ученик «эдуббы» (шумерской школы), который сам сочиняет, то ли как упражнение, то ли для своего удовольствия, текст любовной ссоры, полный живых интонаций и искреннего чувства, и, наконец, это вполне образованный человек, который уже один, не «с листа», но глазами только, «про себя», и, наверное, не без наслаждения смакует нравоучительную поэму, где начальные строки каждого стиха составляют акростих: «Я, Саггиль-кина-уббиб, заклинатель, благословляющий бога и царя» (автор произведения? Или, быть может, тот, кто заказывал и для кого составлен этот текст?).

Так что же все-таки, фольклор или литература, литература или запись?

I. ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

Как уже было упомянуто, письменность на первых порах не имела к литературе никакого отношения,— первые пиктографические тексты были документами учета, хозяйственными списками, перечнями. Но уже очень скоро письменность начинает делать свои первые шаги в сторону литературы, и способствовал этому не столько культ, как того можно было бы ожидать, но школа. Шумерская школа оказалась именно тем учреждением, которое не только сохранило нам основные литературные памятники, но и способствовало развитию литературы. С самого начала существования «эдуббы» (или «дома табличек», так называлась шумерская школа), видимо, обнаружилось, что тексты фольклорные более всего удобны для заучивания, легче воспринимаются, поэтому в ранние записи попали пословицы, поговорки, побасенки и прочие тексты, которые принято называть памятниками «народной мудрости». Школа, которая своим возникновением сама обязана изобретению письменности, становится, таким образом, хранителем памятников народного творчества. Одновременно она показывает, как могло происходить создание литературного произведения,— сочинения «эдуббы» много рассказывают о школьной жизни, о процессе обучения.

Мифология, культ оказали на литературу, вернее, на запись литературных текстов, скорее косвенное влияние, так как культовые тексты заучивались наизусть из поколения в поколение и начали записываться только

при канонизации, которая произошла сравнительно поздно и была лишь частичной. Мифологическое начало древней литературы сказалось в другом — в мировоззрении. Древневосточная, в частности, клинописная литература настолько пронизана мифологией, религией, что невозможно безболезненно отделить первую от последней, она подобна кровеносным сосудам, пронизывающим живую ткань, в то время, как фольклор составляет ее костяк, остов.

II. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Предполагается, и вполне справедливо, что литература, письменность, возникла из словесности и развивалась на ее основе. Действительно, возникновение литературы как бы перерезает процесс развития словесности, но, конечно, дальнейшего развития устного творчества оно не останавливает, ибо литература и фольклор имеют каждый свои способы воздействия на слушателя и, может быть, даже разного адресата. Но это не относится к древней клинописной литературе, ибо она еще не была литературой, рассчитанной на чтение про себя, глазами. Клинописную табличку нельзя читать просто так, «с листа», исключая те редкие случаи, когда знакомый текст и заранее известное приблизительное содержание текста могло подсказать правильный выбор чтения для того или иного клинообразного знака (каждый из которых допускает много чтений). Обычно и для древнего грамотного человека чтение клинописного текста содержало определенный элемент дешифровки, интуитивного угадывания текста. Человек должен был постоянно останавливаться, чтобы задумываться над читаемым. В таких условиях письменный текст оставался в какой-то мере мнемоническим пособием для последующей передачи его содержания наизусть и вслух. Поэтому грамотный читатель в Двуречье не только адресат, на которого рассчитано создаваемое произведение, но и посредник между автором и слушателем текста. Поэтому древнее произведение, записанное клинописью, могло быть адресовано не только грамотному читателю, но сколь угодно широкой аудитории, а каноническая запись текста не исключала известной, и иногда даже значительной доли импровизации при исполнении произведения (она не допускалась лишь в культовых памятниках). В некультовых текстах творческая роль сказителя может быть гораздо большей, поэтому многие из них дошли до нас в нескольких вариантах. Но и сказительская импровизация должна была использовать уже выработанные словесные формы, образы и обороты, поскольку это помогает не только лучше запомнить произведение, но и лучше его воспринять: монотонные ритмические повторы-формулы приводят слушателя в экстатическое состояние, возбуждают его. Кроме того, эти повторы помогают сохранить и содержание, и форму произведения (в основных чертах), передавая его от сказителя к сказителю. Если мы вспомним также, что для всего периода древней литературы характерна еще одна важная черта — каноничность сюжета, то мы можем представить себе, в каком направлении могла развиваться такая литература. Сюжет, который восходит к мифу и культу, не сочиняется, а только разрабаты-

вается поэтом, содержание большей частью известно слушателям заранее, и им важно не что им рассказывают, а как, им важно не само узнавание события, а вызываемые рассказом коллективные эмоции. Герои таких произведений, как правило, обобщены и являют собой определенные мифологические типы, нет особого интереса к личности как таковой, не раскрыты внутренние переживания героев.

III. ЛИТЕРАТУРА ШУМЕРСКАЯ И ЛИТЕРАТУРА ВАВИЛОНСКАЯ

Вавилонская литература в сюжетном отношении как будто целиком вышла из литературы шумерской — в ней мы встречаем те же имена героев, те же события, иногда это просто шумерские тексты, переведенные на аккадский язык. И все же это уже не та литература, что-то, иногда, может быть, неуловимое, появилось в ней. Размеры клинописной таблички не изменились, а умещается на ней как будто больше, нет той композиционной расплывчатости, которую мы наблюдали в литературе шумерской, нет и многочисленных повторов, которыми так пестрила литература шумерская. Процесс «устной литературы», если можно так выразиться, закончился. Начинаются подходы к собственно литературе. Одним из завершающих ее признаков можно считать и такое формальное явление, как акростих, показывающее, что эмоциональность уступает созерцательности, слух — зрению. Но это произошло не сразу, и на всем пути своего развития вавилонская литература обнаруживает то там, то здесь, и во многих направлениях, свое медленное привыкание к абстрактному, графическому образу.

Сравним два текста — начало шумерского мифа о нисхождении Инанны и начало вавилонского сказания о нисхождении Иштар в подземное царство — текст, прототипом которого является шумерское сказание.

В первых тринадцати строках развивается одна только мысль — Инанна уходит в подземное царство (глагол «уходить» повторен десять раз). Важен не сам факт ухода, а то, как она уходит, то есть сам показ того, как развертывается действие. Эти многочисленные повторы есть не что иное, как прием, позволяющий слушателю лучше запомнить происходящее, а певцу-сказителю — настроиться и распеться. Такого рода повторами изобилует вся шумерская литература. Прямая речь, которая вводится в текст очень охотно,— причем она не всегда вводится фразой «такой-то сказал такому-то то-то», как это принято в вавилонских произведениях (что опять-таки заставляет предполагать, что слушатели знали, а может быть, и видели, кто произносит эти речи),—будет повторена в тексте столько раз, сколько это кажется необходимым рассказчику произведения, без какого бы то ни было логического усечения. Это обилие прямой речи и повторов при некоторой монотонности и однообразии придает тексту особую эмоциональную выразительность.

Иного рода выразительность литературы вавилонской.

Текст о нисхождении Иштар начинается так:

К «Стране без возврата», земле великой,
Иштар, дочь Сина, обратила мысли.
Обратила дочь Сина светлые мысли
К дому мрака, жилищу Иркаллы,
Откуда входящему нет возвращенья,
К пути, откуда нет возврата,
Где напрасно вошедшие жаждут света,
Где пища их — прах, где еда их — глина,
Где, света не видя, живут во мраке,
Как птицы, одеты одеждою крыльев,
На дверях и засовах стелется пыль...

Интонация распева заменилась интонацией рассказа, описанием мрачного места, куда отправляется богиня, описанием, проникнутым отношением автора к ее уходу.

В таком же духе построено все произведение. Композиция от этого стала как будто лаконичнее, строже, потеряла прежнюю кажущуюся рыхлость, приобрела бо́льшую выразительность.

Мы не можем отдельные шумерские песни-сказы о Гильгамеше, приведенные в нашем издании, воспринять как монументальную эпопею (это скорее волшебные сказки или что-то близкое нашим былинам), а вавилонское сказание называем эпопеей, сходной с гомеровскими. Дело тут, конечно, не в количестве текста, а в продуманном компоновании материала, пронизанного единым авторским замыслом (материала, кстати, того же шумерского), в глубине мысли, последовательно развиваемой автором, в силе чувства, в трагизме образов. Не то чтобы герои шумерских произведений были бледнее многих вавилонских героев,— они просто другие, и Гильгамеш шумерский, и Гильгамеш аккадский — это разные люди.

Герои шумерских произведений ближе к удачливым сказочным молодцам, которые всеми своими доблестями, всеми подвигами обязаны не самим себе, а какому-то могучему покровителю (волшебному помощнику, роль которого в шумерских сказаниях часто выполняет божество). Шумерский Гильгамеш по сравнению с вавилонским более статичен, он герой только потому, что герой, и в этом его качестве (равно как и в волшебной помощи ему) единственное объяснение его подвигов.

Гильгамеш вавилонский предстает перед нами в развитии. В начале поэмы он буйствующий богатырь, наделенный силой, которую ему некуда девать (вспомним юность Давида Сасунского, или Амирана с его братьями, или Добрыни Никитича, которые калечили своих сверстников: «кого дернет за праву ручушку, оторвет у того праву ручушку, кого дернет за леву ноженьку, оторвет у того леву ноженьку», и т. п.).

Второй этап становления образа Гильгамеша — его решение «все. что есть злого, уничтожить на свете», принятое им под влиянием облагораживающей дружбы с Энкиду, и поход его на свирепого Хумбабу.

И следующий этап (и еще один скачок духовного роста) — отчаяние при виде смерти друга, раздумья о смысле жизни, отрицание «гедонизма»,

Сидури, тщетная попытка добыть цветок вечной молодости и, наконец, высшее проявление мужества — признание собственного поражения.

А Энкиду — названый брат-близнец, друг Гильгамеша, равный ему по силе? В шумерских сказаниях Энкиду — слуга Гильгамеша, почти безликое существо. Энкиду вавилонский также преображается в ходе повествования: вначале дикарь, живущий среди животных, затем — существо, познавшее любовь женщины-блудницы и вкусившее хлеба и вина, то есть дикарь, приобщившийся к цивилизации, и, наконец,— герой, человек, полный благородных чувств, преданный друг, страданиями и гибелью заплативший богам за общие свершения — свои и Гильгамеша.

Если сравнить шумерские эпизоды с аналогичными в аккадском эпосе, но имеющими шумерскую основу, то окажется, что шумерские происходят как бы мимоходом, по принципу «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»,— и вот перед нами сразу же результат действия. В эпосе сказитель подготавливает нас к этому действию, подводит к нему не спеша; оно обрастает такими чисто «эпическими» деталями, как описание вооружения, готовящегося специально к походу, совещание героев перед битвой, троекратные кличи Хумбабы. Вместо волшебных даров солнечного бога Уту (не то амулетов, не то волшебных помощников) появляются семь ветров, которые дуют по воле Шамаша (аккадская ипостась шумерского Уту) на Хумбабу и облегчают Гильгамешу победу над страшным чудовищем...

Сто лет назад один из первых ассириологов Сэйс в своем очерке вавилоно-ассирийской литературы (первом обзоре клинописной литературы), пересказывая содержание немногих известных к тому времени памятников клинописной литературы, писал: «...пройдет еще много времени, прежде чем ассириолог решится сделать попытку передать их (то есть вавилонские сказания.— *В. А.*) в надлежащей поэтической форме, и еще больше понадобится времени для того, чтобы ему удалось восполнить многочисленные пробелы и пропуски, ослабляющие теперь впечатление даже наилучших мест...»

Представленная здесь антология древней поэзии шумерских и вавилонских памятников (из которых большинство публикуется в поэтическом переводе впервые) показывает, насколько прав оказался Сэйс. Но, может быть, именно это и составляет для нас главную прелесть древней клинописной литературы — ее... молодость. Она молода, потому что мы все еще находимся в стадии «открывания» ее, познавания, проникновения в ее внутренний мир. И она будет молодой и новой для нас еще очень долго.

В. АФАНАСЬЕВА

«ПОСЛЫ АГИ...»

Послы Аги, сына Эн-Мебарагеси,
Из Киша в Урук к Гильгамешу явились.
Гильгамеш перед старцами своего города
Слово говорит, слова их ищет:
«Чтобы нам колодцы вырыть, все колодцы в стране вырыть,
Большие и малые в стране вырыть,
Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,
Перед Кишем главы не склоним, Киш оружием сразим!»
Собрание старцев города Урука
Гильгамешу отвечает:
«Чтобы нам колодцы вырыть, все колодцы в стране вырыть,
Большие и малые в стране вырыть,
Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,
Перед Кишем главу склоним, Киш оружием не сразим!»
Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
На Инанну он надеется,
Слова старцев не принял сердцем,
И второй раз Гильгамеш, жрец Кулаба,
Перед мужами города слово говорит, слова их ищет:
«Чтобы нам колодцы вырыть, все колодцы в стране вырыть,
Большие и малые в стране вырыть,
Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,
Перед Кишем главы не клоните, Киш оружием разите!»
Собрание мужей города Урука
Гильгамешу отвечает:
«О стоящие, о сидящие!
За военным вождем идущие!
Бока осла сжимающие! —

Кто для защиты города дышит? —
Перед Кишем главы не склоним, Киш оружием сразим!
Урук — божьих рук работа,
Эана — храм, спустившийся с неба:
Великие боги его создавали!
Мощной стены, коснувшейся грозных туч,
Могучего города, достигшего небесных круч,
Отныне хранитель, военный вождь-предводитель — ты!
Отныне воитель, Аном любимый князь — ты!
Как можешь ты страшиться Аги?
Войско Аги мало, редеют его ряды,
Поднять глаза его люди не смеют!»
Тогда Гильгамеш, жрец Кулаба,—
Как взыграло сердце от речей воинов, взвеселилась печень! —
Говорит слуге своему Энкиду:
«Ныне мотыгу секира заменит!
Боевое оружье к бедру твоему вернется,
Сияньем славы его покроешь!
А Агу, как выйдет он, мое сиянье покроет!
Да смешаются мысли его, помутится рассудок!»
И пяти дней нет, и десяти дней нет,
А уж Ага, сын Эн-Мебарагеси, на подступах к Уруку.
Смешались мысли Урука.
Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
Мужам своим доблестным молвит слово:
«Герои мои! *Острогляды* мои!
Отважный да встанет, к Аге пойдет!»
Гиришхуртура, *главный советчик* вождя,
Вождю своему хвалу возносит!
«Воистину я к Аге пойду!
Да смешаются мысли его, помутится рассудок!»
Гиришхуртура из главных ворот выходит.
Гиришхуртуру у главных ворот, при выходе,
При выходе у главных ворот схватили.
Тело Гиришхуртуры они истязают.
К Аге его приводят.
К Аге он обращается.
Он говорит, а *кравчий* урукский поднимается по стене.
Через стену голову свесил.
Ага его там заметил,
Гиришхуртуре говорит:
«Слуга! Муж сей — вождь твой?»
«Муж сей не вождь мой!
Ибо вождь мой — воистину муж!

Табличка старовавилонского времени
с отрывком
из шумерской притчи
«Труд писцов, собратьев моих...»
Собрание Государственного Эрмитажа (№ 15234), Ленинград.

Чело его грозно, воистину так!
Гнев тура в очах, воистину так!
Борода — лазурит, воистину так!
Милость в пальцах, воистину так!
Разве он не поверг бы людей, разве он не вознес бы людей?
С пылью он не смешал бы людей?
Страны враждебные не сокрушил бы?
Прахом «уста земель» не покрыл бы?
Ладьи груженой нос не отсек бы?
Агу, вождя Киша, средь войска его в плен бы не взял?»
Они его бьют, они его рвут,
Тело Гиришхуртуры они истязают,
Вслед за *кравчим* урукским Гильгамеш на стену поднялся.
На малых и старых Кулаба пало его сиянье.
Воины Урука схватились за оружье свое боевое,
У ворот городских и в проулочках встали.
Энкиду вышел из городских ворот.
Гильгамеш через стену голову свесил.
Ага его там заметил.
«Слуга! Муж сей — вождь твой?»
«Муж сей — вождь мой!
Верно сказано, воистину так!»
Людей он поверг, людей он вознес,
С пылью он людей смешал,
Страны враждебные он сокрушил,
Прахом «уста земель» покрыл,
Ладьи груженой нос отсек,
Агу, вождя Киша, средь войска его в плен забрал.
Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
Обращается к Аге:
«Ага — староста у меня, Ага — смотритель работ у меня!
Ага — начальник в войсках у меня!
Ага, птицу-беглянку ты кормишь зерном!
Ага, ты беглецов возвращаешь домой!
Ага, ты вернул мне дыханье, Ага, ты вернул мне жизнь!»
«Урук — божьих рук работа!
Мощной стены, коснувшейся грозных туч,
Могучего города, достигшего небесных круч,
Ты хранитель, военный вождь-предводитель — ты!
Воитель, Аном любимый князь!
Перед Уту прежнюю силу себе вернул,
Агу для Киша освободил!
О, Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
Хороша хвалебная песнь тебе!»

«ЖРЕЦ К «ГОРЕ́ БЕССМЕРТНОГО»...»

Жрец к «Горе́ Бессмертного» обратил помыслы,
Жрец Гильгамеш к «Горе Бессмертного» обратил помыслы.
Рабу своему Энкиду молвит слово:
«Энкиду, *гаданье на кирпиче* не сулит жизни!
В горы пойду, добуду славы!
Среди славных имен себя прославлю!
Где имен не славят, богов прославлю!»
Раб его Энкиду ему отвечает:
«Господин, если в горы пойдешь, Уту оповести!
Бога Уту, героя Уту оповести!
Горы! Они —творение Уту, Уту оповести!
Горы, где рубят кедры,— творенье героя Уту, Уту оповести!»
Вот Уту в небесах диадемой лазурной себя венчал,
С воздетой главой по небу пошел.
Гильгамеш козленка чистого, светлого взял,
Козленка рыжего, жертвенного к груди прижал,
Руку к устам в молитве поднес,
Богу Уту на небеса кричит:
«Уту, в горы стремлю я путь, ты ж помощником мне будь!
В горы кедров стремлю я путь, ты ж помощником мне будь!»
Уту с небес ему отвечает:
Могуч и *почитаем ты*, зачем же в горы стремишься ты?»
Гильгамеш ему отвечает:
«Уту, слово тебе скажу, к моему слову ухо склони!
О моих замыслах скажу, к моим надеждам слух обрати!
В моем городе умирают люди, горюет сердце!
Люди уходят, сердце сжимается!
Через стену городскую свесился я,
Трупы в реке увидел я,
Разве не так уйду и я? Воистину так, воистину так!
Самый высокий не достигнет небес,
Самый огромный не покроет земли,
Гаданье на кирпиче не сулит жизни!
В горы пойду, добуду славы!
Среди славных имен себя прославлю!
Где имен не славят, богов прославлю!»
Уту мольбам его внял благосклонно,
Как благодетель оказал ему милость:
Семь дивных героев, порождение единой матери:

Первый — старший брат, лапы льва и когти орла у него,
Второй — змея ядоносная,[........................]
Третий — змей-дракон, змей *яростный*,
Четвертый — огонь, пожирающий... [.............]
Пятый — *дикий змей*, [*удушающий*],
Шестой — поток разрушающий, горы и скалы разбивающий,
Седьмой — скорпион [*жалящий*], *пути назад не ведающий.*
Семеро их, [*семеро их...*]
Они — звезды небесные,
Пути на земле знающие,
Среди звезд в небесах [си]яющие,
К Аратте пути указу[ющие],
[В дороге] купцов [направляющие],
Вражьи страны обозревающие,
[Над землей] голубями [порхающие],
Горные страны знающие...
На шестах пред горою их установят.
Кедры срубающий берет их радостно,
Жрец Гильгамеш берет их радостно.
Всех горожан до единого кличет.
Как близнецы, откликнулись люди.
«Семью имеющий — к семье своей! Мать имеющий — к матери своей!
Молодцы одинокие — ко мне! Пятьдесят из них за мною да встанут!»
Семью имеющий — к семье своей, мать имеющий — к матери своей,
Молодцы одинокие — к нему, пятьдесят из них за ним встало.
К дому кузнеца он держит путь.
Медный топор по руке богатырской отлили ему.
В темный средь поля сад он держит путь.
Крепкое дерево — *яблоню*, *самшит* [*срубили ему*].
Его сограждане, его сопутники берут их в руки.
И вот первый, старший брат, лапы льва и когти орла у него,
На шесте к горе воистину [*его приносят*].
Первую [го]ру перевалили, [*кедров в горах*] не увидали.
Семь гор перевалили.
[Гор], где рубят [кедры], не достигли.
Жрец Гильгамеш, срубающий кедры,—
[Кедры!] Их рубить Гильгамешу,—
[Жрец] Гильгамеш [привал] устроил.
[..]

Как [*мгла пустыни*], охватил его [сон].
[*Удел человека*], объял его сон.
[Его сограждане], его сопутники,
[*У подножья горы* бьют] в барабаны!
[Это] сон, и *во сне — виденье!*
[*Спроси его*] — молчанье в ответ!
Коснись его — он не встанет,
Зови его — он не отве[тит].
«О ты, кто спит, о ты, кто спит!
Гильгамеш! Жрец! Сын Кулаба! Доколе ты будешь спать?
Нахмурились горы, бросили тени,
Заря [бросила] свет вечерний,
Уту к матери своей Нингаль, главу воздев, домой ушел,
О, Гильгамеш, доколе ты [будешь] спать?
Твои сограждане, твои сопутники,
У подножья горы вкруг тебя столпились!
Мать-родительница твоя да *не пожалуется* на тебя на улицах города твоего!»
Светел разумом, он проснулся.
По слову богатырскому его *одеянье дорожное* [*несут ему*].
Одеянье дорожное легкое берет, грудь свою [им покрывает].
Как бык «Земли великой» встал.
Лицо к земле склонил, зубами заскрежетал.
«Жизнью матери-родительницы моей Нинсун, отца моего светлого Лугальбанды *клянусь!*
Во славу матери-родительницы моей Нинсун, как во сне мне явлено было, совершу это!»
И второй раз воистину он сказал:
«Жизнью матери-родительницы моей Нинсун, отца моего светлого Лугальбанды клянусь!
Доколе муж тот,— муж ли он, бог ли он, — доколе не будет схвачен он,
В горы буду стремить мой путь, от города — прочь стремить мой путь!»
Верный раб *произносит слово*, жизнь [*сохраняющее слово*].
Своему господину молвит слово:
«Господин, ты мужа того не видел,— не трепетало сердце!
Я мужа того видел,— трепетало сердце!
Богатырь! Его зубы — зубы дракона!
Его лик — лик львиный!
Его глотка — потоп ревущий!
Его чело — жгучее пламя! Нет от него спасения!

Господин мой, тебе — в горы, а мне — в город!
О закате светоча твоего матери родимой твоей скажу, заголосит она,
105 О гибели твоей затем скажу, завопит она!»
«*Никто другой за меня не умрет!*
106a Лодка с грузом в воде не тонет!
Нить тройную нож не режет!
[*Один двоих*] не осилит!
В тростниковой хижине огонь не гаснет.
110 Ты мне стань подмогой, я тебе стану подмогой, что может нас погубить?
Когда затоплена, когда затоплена,
Когда ладья Магана была затоплена,
Когда ладья Магилума была затоплена,
То в ладью, «Жизнь дающая», все живое было погружено!
115 Давай-ка твердо встанем здесь, на него [мы] глянем здесь!
Если мы встанем здесь,
Увидишь блеск, увидишь блеск,— тогда вернись!
Услышишь вопль, услышишь вопль,— тогда вернись!»
«*За тебя* воистину вста[ну я!]
120 *Одного тебя* не ос[тавлю я!]» [...]
А Хувава в кедровом лесу своем [*затаился*].
Взглянул на них — во взгляде смерть!
Чело повернул — гибель в челе!
Крик издал — проклятия крик!
125 Герой-богатырь! *Крик его* — [*буря!*]
Гильгамеш *к нему направляет путь.*

[.................................]

«Жизнью матери-родительницы моей [Нинсун, отца моего светлого Лугальбанды клянусь!]
135 Воистину горы — жилище твое, [горы] — логовище твое!
Ради потомства моего я в горы твои войду,
В твои владения вступлю!
137а Для ног твоих, малых ног,
137б Оковы малые сделаю я!
137в Для ног твоих, больших ног,
137г Оковы большие сделаю я!»
138 (52) Луч ужаса, первый свой, Хувава сбросил на них.
139 (53) Сограждане Гильгамеша, сопутники Гильгамеша,
140 (54) Срубили ветви его, связали ветви его,
141 (54) К подножью горы сложили его.
(55) Луч ужаса, [свой второй], Хувава сбросил на них.
(56) Согражда[не Гильгамеша], сопутни[ки Гильгамеша],

(57) Сру[били ветви его, связали ветви его],
(57) К подножью горы [сложили его],
(58) Луч ужаса, [третий свой], Хувава сбросил на них.
(59) Сограждане Гильгамеша, сопутники Гильгамеша,
(60) Срубили ветви его, связали ветви его,
(60) К подножью горы сложили его.
(61) Луч ужаса, четвертый свой, Хувава сбросил на них,
(62) Сограждане Гильгамеша, сопутн[ики] Гильгамеша,
(63) Срубили ветви его, связали ветви его,
(64) [К подножью горы сложили его].
(64) Луч ужаса, пятый свой, Хувава сбросил на них,
(65) Сограждане Гильгамеша, [сопутни]ки Гильгамеша,
(66) Срубили ветви его, связали ветви его,
(66) К подножью горы сложили его.
(67) Луч ужаса, свой шестой, Хувава сбросил на них,
(68) Сограждане Гильгамеша, сопутники Гильгамеша,
(69) Срубили ветви его, связали ветви его,
(69) К подножью горы сложили его.
142 (70) Когда же последний, седьмой, сбросил на них, в покои Хувавы вступил Гильгамеш.
143 (71) *Лик* Хувавы подобен змее, свернувшейся в винограднике!
144 (72) *Как огнем палящим*, Гильгамеш пощечиной его ожег!
145 (73) Хувава лязгает зубами!
(74) Как пойманному быку, свя[зали ноги],
(75) Как плененному [воину], скрутили локти!
(76) Хувава рыдает, позеленел!
146 (77) «[Гильга]меш, [*дозволь обратиться к тебе!*]
147 (78) [Господин мой], слово дай сказать!
148 (79) Родимой [матери] я не ведаю, отца-родителя я не знаю!
149 (80) В горах я родился, воистину ты — родитель мой!»
150 (81) Гильгамеша душою небес заклинал, душою земли заклинал, душою недр заклинал!
151 (82) За руку его хватал: «*Перед тобой склонюсь!*»
152 (83) Тогда Гильгамеш, сын Нинсун, смягчился сердцем,
153 (84) Рабу Энкиду молвит слово:
154 (85) «Пусть, Энкиду, плененная птица к гнезду своему вернется!
155 (86) Воин плененный к материнскому лону вернется!»
156 Энкиду Гильгамешу отвечает:
157 «Если самый высокий не сознает деяний,
157а Если самый огромный не сознает деяний,
157б [Если самый мудрый] не сознает деяний,
158 Судьба пожирает его, судьба, что не знает различий!
159 Если плененная птица к гнезду своему вернется,

160 Если воин плененный к материнскому лону вернется,
161 (87) То к матери, тебя породившей, ты не вернешься!
(88) [Героя] плененного освобожденного, эна плене[нного], в гипар [возвращенного,]
(89) Жреца плененного, весельем полного,— издревле [кто подобное видел?]
(90) Он преградит тебе горные [тропы],
(91) [Разрушит] тебе [пути-дороги]».
(92) [*Хувава*] слышит слова Энкиду,
162 (93) Хувава молвит Энкиду слово:
163 (94) «Злые речи сказал обо мне Энкиду!
164 (95) Наймит, что за пищу себя продает,
164 (95) Позади соперника идет,
164 (95) Сказал обо мне злые речи!»
165 (96) Как только это он сказал,
166 Его судьбу они решили.
(97) Сам Энкиду в гневе своем
167 (98) Срубил ему голову, обернул *тканью.*
168 (99) К богу Энлилю, к богине Нинлиль они пришли.
171 Когда Энлиль и Нинлиль к ним повернулись,
(100) Когда перед Энлилем поцеловали землю,
(101) *Покров* развернули, голову вынули,
(102) Перед Энлилем положили.
(103) Голову Хувавы Энлиль увидел,
(104) На Гильгамеша воспылал гневом.
172 (105) «Зачем вы совершили это?»
(106) [......................................]
(107) Перед вами пусть бы сел он!
(108) Вашего хлеба пусть бы поел он!
(109) Воды вашей чистой пусть бы попил он!»
(110) И Энлиль оттуда, где жил Хувава, [убр]ал лучи сиянья.
(111) Луч его первый великой реке отда́л.
(112) Второй его луч [.................] отда́л.
(113) Третий луч [................], отда́л.
(114) Четвертый луч могучему льву отда́л.
(115) Пятый луч «камню проклятия» отда́л.
(116) Шестой луч Великой горе отда́л.
(117) Седьмой луч богине *Нунгаль* (?) отда́л.
(118) *Владыке* лучей [Гиль]гамешу, дикому быку, до гор дошедшему, к *морю сошедшему,*
(119) Могучему богу [*Энлилю*] — слава! Богу Энки — слава!
(120) [Гильгамеш, верховный жрец Кулаба!] Хороша хвалебная песнь тебе!

«ЭНЛИЛЬ! ПОВСЮДУ...»

Энлиль! Повсюду могучие кличи его, священные речи его!
То, что из уст его,— ненарушимо, что присудил он — дано навечно.
Он взоры вздымает — колеблет горы!
Он свет излучает — пронзает горы!
Отец Энлиль восседает державно в священном капище, в могучем капище!
Он — Нунамнир! Совершенно его правление, его княжение!
Боги Земли перед ним склоняются,
Ануннаки-боги к нему стекаются,
С верою в мудрость его стекаются!
Исполин! Владыка! Он велик во вселенной! Он мудрец, в законах всесведущ!
Могучий разумом! Своим жилищем избрал священный округ Дуранки.
Он Киуру, месту величья, дал воссиять в княженье и блеске!
Его обиталище — Ни́ппур-город, козел-вожак небес и земли!

*

Город! Лик его излучает ужас!
Его стены! К ним и бог не подступится!
За стенами — гул, кличи жаждущих битвы, кличи военного становища!
Он — западня для стран враждебных, он их ловит ловушкой и сетью!
Спорщикам он не продлит жизни,
В суде хулы не позволит молвить.
И внутри, и снаружи — речей неверных.
Слов вражды, нарушений, споров,
Злобных судей и угнетенья,
Злобных взглядов, насилья, доносов,
Наглости, измены слову —
Подобной мерзости не знает город!
Руки Ниппура — великие сети!
Орел по городу гуляет свободно!
Враг и злодей от них не скроется!
Дар города Ниппура — правда:
Правосудие вершит навечно!
На набережных — нарядные люди.

Старший воспитывает младшего, наставляет его, выводит в люди,
Словам отца покорно внимая, дитя берет табличку в руки.
В кротости мать свою почитая, сын до старости доживает.

*

В городе, священном селенье Энлиля,
В Ниппуре, святая святых Отца, Могучего Утеса,
Цветущее капище, Экур, храм лазурный, из праха вознес он,
Как гору высокую, на чистом месте его возвел.
И он, его князь, Могучий Утес, Отец Энлиль,
В Экуре, в могучем святилище, в капище восседает!
Таинства храма не отменят боги,
Обряды чисты, как земля бесконечны,
Его тайные силы недоступны взору,
Его покои, как море, бескрайни,
Его символы-знаки — звезды,
Его владыка сотворил безупречно таинства вечные!
Все слова его — реченья,
Его заклинания — молитвы,
Его дела — предсказанья благие.
Его алтари прочны и могучи,
В праздник масло и сливки льются обильно!
Предначертанья его прекрасны, его намеренья полны величья!
На закате — праздник, на восходе — праздник,
Храм Энлиля — гора изобилья,
Принимают там жертвы, грехи отпускают!
Верховный жрец возвеличен с храмом,
Источники храма сильны в исцеленье,
Его жрецы совершенны в обрядах,
Его служители чисты в молитвах,
Могуч его пахарь, верный пастырь Шумера,
В добрые дни рожден с надеждой!
Пахарь, создавший поля обширные,
Пройдет по полю — *хлеба колосятся!*
Не грозит битва Экуру лазурному!

*

Энлиль! Когда своею рукою на земле начертил святое селенье,
Когда город Ниппур себе сам построил,
То Киур, громаду, твою чистую землю, напоил сладкою водою,

В средоточье всех сторон света, в округе Дуранки себе построил!
Твердь его — душа чужедальних и ближних стран,
Кирпичи его — глянцево-красные, основанье его — лазурита синего!
Как бык, вознес он в Шумере рога сиянья!
Чужеземные страны перед ним склонились!
В великих праздниках, в изобилье дни свои там проводят люди!
Энлиль! *Небо и Земля* щедро одарили тебя!
В Абзу могучее капище поставили тебе!
В глуби горы, в темной кумирне — чтить тебя.
В Экуре лазурном, храме величья,— *сиять тебе!*
Блеск храма достигает неба!
Тень его пала на все страны!
Зубцы его пронзают небо!
Жрецы храма, служители храма,
Приносят в храме священные жертвы,
Со словами молитвы в нем склоняются!
Энлиль! Пастырю, которого узришь ты,
Избраннику, кого в стране возвысишь,
Страну — ему в руки, страну — ему под ноги,
Склонишь перед ним далекие страны!
Как вода, что льется повсюду в мире,
Дары стекаются в хранилище,
Жертвы скапливаются в сокровищнице,
Дань на главном дворе слагают,
Приношенья Экуру, храму лазурному.

*

Энлиль! Добрый пастырь вселенной,
Пастух, что ведает всеми жизнями,
Чье княженье восходит в сиянье!
Тиарой священной себя венчал он!
Когда он в горах восседает на троне,
Он, как радуга, обнимает небо,
Как плывущее облако, парит в поднебесье!
Князь небес — только он, дракон земли — только он!
Величайший среди ануннаков — он!
Он сам называет судьбы,
И никто из богов его не видит!
Его посол и советник Нуску
Слова и дела, что Энлиль замыслил,

Ведает с ним, совет с ним держит,
Наказов Энлиля он исполнитель,
К нему воздевает в молитве руки!

*

Без Энлиля, Могучего Утеса,
Не выстроен город, не заложен поселок,
Не выстроен хлев, не заложен загон,
Вождь не возвышен, жрец не рожден,
Не избран оракулом служитель храма,
Нет в отрядах начальников войска.
Потоки воды не отводят в каналы,
Мол хвостом не врезается в море,
Море насыпи не рождает.
Глубоководные рыбы в тростниковых зарослях икру не мечут,
Небесные птицы на земле просторной не вьют гнезда,
В небесах грозовые тучи не раскрывают пасти.
На ниве и в поле пестрый ячмень не колосится,
В степи — краса ее — злаки и травы не зацветают,
В садах деревья тяжелых плодов не рождают.
Без Энлиля, Могучего Утеса,
Богиня Нинту *людей не косит,*
Корова в хлеву не приносит теленка,
Овца в загоне не приносит ягненка,
Люди, что множатся постоянно,
127a Не изливают семя в слиянье,
128 Звери, четвероногие твари,
128a Не покрывают друг друга в случке.
Энлиль! Твое *совершенство заставляет умолкнуть!*
Суть твою не понять, не распутать нити,
Нити в скрещенье, незримые смертным,
Во славу божью твою — сражаться!
Ты себе сам — господин и советчик!
Твои замыслы кто угадает?
Твои тайные силы никому не подвластны!
Твой лик невидим ни одному богу!
Верховный жрец, бог, Энлиль,— ты!
Верховный судья небес и земли — ты!
Твое несравненное Слово! Могуче оно! Как небеса оно! Как туча оно!
По Слову твоему ануннаки-боги создают плодородие!
Слово твое небесам — опора, Слово твое земле — основа!
Небесам опора, небесам поддержка,

Земле — основа неразрушимая!
К небесам приближаясь, оно плодородно:
Льет дождем с небес изобилие!
К земле приближаясь, оно плодоносно:
Плоды земли растут в изобилье!
Слово твое! Плоды — оно! Слово твое! Зерно — оно!
Слово твое — полноводный поток, жизнь всех поднебесных стран!
. . . .
[Мать] Нинлиль, твоя супруга, *на небо похищенная тобою*,
В одеждах чистых, [*прекрасных, светлых*,]
Избранница верная, тобой возвышенная!
Ласковая, заботливая хозяйка Экура!
Твоя советчица с речами мудрыми,
Многомудрая, сладкоречивая,
В чистом капище, священном капище, восседает рядом с тобою,
С тобой говорит, подает советы,
[Там], у солнечного восхода, определяет с тобою судьбы!
Нинлиль! Владычица вселенной! Всех поднебесных стран хозяйка!
Вместе с Могучим Утесом воспетая!
Вершина, слово которой прочно,
Помощница, чьи нерушимы речи,
Чьи изречения мгновенны,
Чьи намеренья — слова твердые!
О, Могучий Утес, Отец Энлиль! Хвалебная песнь тебе — вот что превыше всего!

«ТРУД ПИСЦОВ, СОБРАТЬЕВ МОИХ...»

«Труд писцов, собратьев моих, тебе не по нраву!
[А ведь они по десять] гуров зерна приносят!
Молодые люди! Любой из них десять гуров зерна отцу приносит,
Зерно, шерсть, масло, овец ему приносит!
Как уважаем такой человек!
Рядом с ним — ты не человек!
Да и можешь ли ты так же трудиться?
Мальчишка! Трудится и стар и млад!
Даже мне порой не угнаться за ними,
А уж моя голова повыше твоей!
Кто еще так недоволен сыном?

Среди моих собратьев не было таких!
Скажи-ка это родичам моим!
Побойся или постыдись!
Соученики твои и товарищи —
Не пример тебе?! Почему им не следуешь?
Друзья твои и сверстники — не пример тебе?!
Почему им не следуешь?
И со старших бери пример,
Да и с младших бери пример!
Мудрые люди, что средь нас живут,
С тех пор как Энки всему название дал,
Столь искусной работы, как дело писца, что я избрал,
Не могут назвать! *Коль не умеешь петь,*
До середины песни, как до морского берега,
Не добредешь! Так и дело писца!
Ты не думаешь о деле моем,
Уж не говорю — о деле отца моего!
[Эн]лиль уготовил людям судьбу,
С тех пор как всему название дал!
[Сын] да наследует [де]ло отца!
[А не то] — ни почета ему, ни привета!»

«ЕСЛИ БЫ НЕ МАТЬ МОЯ...»

«Если бы не мать моя, на улицу и в степь тебя бы прогнали!
Герой! Если бы не мать моя, на улицу и в степь тебя бы прогнали!
Если бы не мать моя Ни́нгаль, на улицу и в степь тебя бы прогнали!
Если бы не Нингику́га, на улицу и в степь тебя бы прогнали!
Если б не отец мой Зуэ́н, на улицу и в степь тебя бы прогнали!
Если бы не брат мой Уту, на улицу и в степь тебя бы прогнали!»
«Девушка, не заводи ссоры!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Инанна, не заводи ссоры!
Нинэгалла, посоветуемся спокойно!
Мой отец твоего не хуже!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Мать моя твоей не хуже!
Нинэгалла, посоветуемся спокойно!
Гештинанна [*сестры твоей*] не хуже!
Инанна, обменяемся речами достойно!

Сам я бога Уту не хуже!
Нинэгалла, посоветуемся спокойно!
Бог Э́нки Зуэна не хуже!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Богиня Ту́ртур Ни́нгаль не хуже!
Нинэгалла, посоветуемся спокойно!»
Речи, что сказаны,— речи желанья!
С ссорою в сердце вошло желанье!
Драгоценный камень! Драгоценный камень! Пусть он просверлит драгоценный камень!
Амаушумгальанна! Пусть он просверлит драгоценный камень!
Драгоценный камень! Драгоценный камень! [Он просверлил драгоценный камень!]
Драгоценный камень! Драгоценный камень! [Он просверлил драгоценный камень!]
[Он] наполнил [влагой кровлю], он наполнил ей влагой кровлю!
[Он] наполнил [влагой стены], он наполнил ей влагой стены!
[Его супр]уга, владычная жрица, Амаушумгальанне молвит:
«Камни просверлены, камни просверлены, кто ей просверлил драгоценный камень?
Амаушумгальанна, кто ей просверлил драгоценный камень?
Драгоценные камни, их мелкие зерна — дивным ноздрям?
Драгоценные камни, их крупные зерна — дивной груди?»
Амаушумгальанна владычной жрице отвечает:
«Отныне она — владычная жрица! Отныне она — моя супруга!»
Светлая Инанна, могучая жрица! Он ей просверлил драгоценный камень!»
Драгоценный камень! Драгоценный камень! Пусть он сверлит драгоценный камень!
Амаушумгальанна! Пусть он сверлит драгоценный камень!
Камни просверлены, камни просверлены, кто ей просверлил драгоценный камень?
Амаушумгальанна, камни просверлены! Кто ей просверлил драгоценный камень?
«Он, созданный для меня! Он, созданный для меня!
Темно-синий камень — его борода!
Дикий бык, Аном созданный для меня! Темно-синий камень его борода!
О, дикий бык! Его борода — темно-синий камень! Его борода — темно-синий камень!»

Эта песнь — «дургар» Инанны!
Написана палочкой из тростника!

«Когда я, госпожа, в небесах сияла,
Когда я, госпожа, в небесах сияла,
Когда я сияла, когда я плясала,
От рассвета до заката песни распевала,
Напротив меня, напротив меня,
Господин Кулианна встал напротив меня!
Господин мою руку сжал,
Ушумгальанна обнял меня!
«*Оставь меня*, Дикий бык! Я должна идти домой!
Оставь меня, Кули-Э́нлиль! Я должна идти домой!
Что я матушке [моей] скажу-солгу,
Нингаль, матушке моей, скажу-солгу?»
«Дозволь научить тебя, дозволь научить тебя!
О Инанна, хитрейшая! Дозволь научить тебя!
«Подруга моя завлекла меня гулять,
[Попеть-погулять], под бубен поплясать!
Ах, как песни ее хороши,— она распевала для меня!
Ах, веселилась я от души,— до рассвета веселилась я!»
Родимой матушке своей ты так скажи, ты так солги!
А мы с тобою в лунном сиянье будем ласкать-обнимать друг друга!
Я при[готовлю] светлое ложе, роскошное ложе, царское ложе!
Ах, настанет сладкое время, ах, придет *веселье-радость!*»
«Сагидда» — песня эта!
— *Я, дева,* [*хожу*] *по улице,*
[*Хожу по улице*] *в сиянии дня,*
[*Я, Инанна, хожу по улице,*]

Оборот

[*Хожу по улице в сиянии дня!*]
. . . .
К воротам матушки пришла,
И вот я в радости хожу.
К воротам Нингаль подошла,
И вот я в радости хожу.
Матушке он скажет слово,
Кипарисовое масло изольет на землю,
Матушке Нингаль он скажет слово,
Кипарисовое масло изольет на землю!
Ароматов полно жилище его!
Ласки полно слово его!
Мой господин достоин светлого лона!

О, Амаушумгальанна, зять Зуэна!
Владыка Думузи достоин светлого лона!
О, Амаушумгальанна, зять Зуэна!
О, господин, как сладко твое желание для души!
В твоей степи твои травы, твои злаки как хороши!
Амаушумгальанна, сладко желанье твое для души!
В твоей степи твои травы, твои злаки как хороши!
«Сагарра» — песня эта, под *барабаны* песня эта,— Инанне!

«С ВЕЛИКИХ НЕБЕС К ВЕЛИКИМ НЕДРАМ...»

С [Великих Небес] к Великим Недрам помыслы обрати[ла].
Богиня с Великих Небес к Великим Недрам помыслы обратила.
Инанна с Великих Небес к Великим Недрам помыслы обрати[ла].
Моя госпожа покинула небо, покинула землю, в нутро земное она уходит.
Инанна покинула небо, покинула землю, в нутро земное она уходит.
Жреца власть покинула, *жрицы власть* покинула, в нутро земное она уходит.
В Уруке храм Эану покинула, в нутро земное она уходит.
В Бадтибире Эмушкаламу покинула, в нутро земное она уходит.
В Забаламе Гигуну покинула, в нутро земное она уходит.
В Адабе Эшарру покинула, в нутро земное она уходит.
В Ниппуре Барадургару покинула, в нутро земное она уходит.
В Кише Хурсангкаламу покинула, в нутро земное она уходит.
В Аккадэ Эульмаш покинула, в нутро земное она уходит.
Свои тайные силы — их семь — собрала.
Собрала силы, в руке зажала.
Свои тайные силы у ног сложила.
На ее голове — венец Эдена, «Шугур».
На ее челе — налобная лента «Прелесть чела».
В ее руках — знаки владычества и суда.
Ожерелье лазурное обнимает шею.
Двойная подвеска [укра]шает груди.
Золотые запястья обвивают руки.
Прикрыты груди сеткой «Ко мне, мужчина, ко мне».
Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычиц.

Притираньем «Приди, приди» подведены глаза.
Инанна в подземное царство идет.
Ее посол Ниншубур с нею [рядом] идет.
Светлая Инанна говорит Ниншубуру:
«Гонец мой, гонец!
Глашатай слов милосердных моих!
Вестник слов *быстрокрылых* моих!
Когда в подземный мир я сойду,
Когда в подземный мир я войду,
На холмах погребальных заплачь обо мне,
В доме собраний забей в барабан,
Храмы богов для меня обойди,
Лицо расцарапай, рот раздери,
Тело ради меня изрань,
Рубище, точно бедняк, надень!
В Экур, храм Энлиля, одиноко войди.
Когда в Экур, храм Энлиля, войдешь,
Перед Энлилем зарыдай:
«Отец Энлиль, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом в подземном мире!
Прекрасный твой лазурит да не расколет гранильщик в подземном мире!
Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»
И когда Энлиль на эти слова не отзовется, в Ур иди!
В городе Уре, в *Эмуд*каламе,
В Экишнугаль, к Нанне войдя,
Перед Нанной зарыдай:
«Отец Нанна, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом в подземном мире!
Прекрасный твой лазурит да не расколет гранильщик в подземном мире!
Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»
И когда Нанна на эти слова не отзовется, в Эреду иди!
Когда в Эреду, в храм Энки войдешь,
Перед Энки зарыдай:
«Отец Энки, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом в подземном мире!

Прекрасный твой лазурит да не расколет гранильщик в подземном мире!
Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»
Отец Энки мудр и [мо]гуч,
Тра́вы жизни знает он, во́ды жизни знает он,
Он меня и оживит!»
Инанна в подземное царство идет,
Нинщубуру, послу своему, говорит:
«Ступай, возвращайся, Нинщубур!
Моих нака[зов] не забы[вай!»]
Инанна ко дворцу, лазурной горе, подходит,
К воротам подземного царства спешит, полна гнева,
У ворот подземного царства кричит гневно:
«Открой дворец, привратник, открой!
Открой дворец, Нети, открой, и к единой моей я да войду!»
Нети, главный страж царства,
Светлой Инанне отвечает:
«Кто же ты, кто?»
«Я — звезда солнечного восхода!»
«Если ты — звезда солнечного восхода,
Зачем пришла к «Стране без возврата»?
Как твое сердце тебя послало на путь, откуда нет возврата?»
Светлая Инанна ему отвечает:
«К великой владычице, Эрешкигаль,
Ибо мертв Гугальанна, ее супруг,—
Погребальные травы ему воскурить.
Погребальное пиво ему возлить. Воистину так, воистину так!»
Нети, главный страж царства,
Светлой Инанне отвечает:
Постой, о Инанна, моей госпоже о тебе доложу!
Моей госпоже Эрешкигаль о тебе скажу, о тебе доложу!»
Нети, главный страж царства,
К Эрешкигаль, своей госпоже, приходит и так говорит:
«О госпожа моя! Там дева!
Богам подобна величьем и [*статью*].
[*У*] ворот [*«Страны без возврата»*].
. . . .
В Эане [*оставила свои владенья*].
Свои тайные силы — их семь — собрала.
Собрала силы, в руке зажала.
Свои тайные силы у ног сложила.
На ее голове — венец Эдена, «Шугур».

На ее челе — налобная лента «Прелесть чела».
В ее руках — знаки владычества и суда.
Ожерелье лазурное обнимает шею.
Двойная подвеска украшает груди.
Золотые запястья обвивают руки.
Прикрыты груди сеткой «Ко мне, мужчина, ко мне».
Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычиц.
Притираньем «Приди, приди» подведены глаза».
Эрешкигаль ударила себя по ляжкам,
В лице изменилась, за голову схватилась.
Нети, главному стражу царства, дает наказы:
«О Нети, главный страж царства,
То, что скажу я, да не преступишь!
Подземного мира семь [отодвинь] засовов,
Во дворце Ганзира, [что пред подземным миром] первый, врата раствори!
И ее, когда она войдет
И, склонясь, приблизится, [*сама я встречу*».]
Нети, главный страж царства,
Слова своей госпожи сла[вит].
Подземного мира семь отодвинул засовов,
Во дворце Ганзира, что пред подземным миром первый, врата растворил.
Светлой Инанне молвит так:
«Войди же, Инанна!»
И у нее, когда она вошла,
Венец Эдена, «Шугур», снял с головы.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда вошла во вторые ворота,
Знаки владычества и суда у нее отобрал.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда вошла она в третьи ворота,
Ожерелье лазурное с шеи снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда вошла в четвертые ворота,
Двойную подвеску с груди ее снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда в пятые вошла ворота,
Золотые запястья с рук ее снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда вошла в шестые ворота,
Сетку «Ко мне, мужчина, ко мне» с груди ее снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда в седьмые вошла ворота,
Повязку, одеянье владычиц, с бедер снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И она вошла и, склонясь, приблизилась.
161a Сестра ее вскочила с трона.
Затем снова на трон уселась.
Семь судей-ануннаков пред нею суд вершат.
На Инанну взглянула — взгляд ее смерть!
Слова изрекла — в словах ее гнев!
Крик издала — проклятья крик!
Ту, что вошла, обратила в труп.
Труп повесила на крюк.
Когда прошло три дня и три ночи,
Ниншубур, ее посол,
Глашатай слов милосердных ее,
Вестник слов *быстрокрылых* ее,
На холмах погребальных заплакал о ней,
В доме собраний забил в барабан,
Храмы богов для нее обошел,
Лицо расцарапал, рот разодрал,
Тело изранил ради нее,
Рубище, точно бедняк, надел.
В Экур, храм Энлиля, одиноко побрел.
Когда в Экур, храм Энлиля, вошел,
Перед Энлилем зарыдал:
«Отец Энлиль! Не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом в подземном мире!
Прекрасный твой лазурит да не расколет гранильщик в подземном мире!

Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»
Отец Энлиль Ниншубуру отвечает:
«Дочь моя Великих Небес *возжелала*, Великих Недр *возжелала*,
Инанна Великих Небес *возжелала*, Великих Недр *возжелала*,
Подземного мира всесильны законы, вековечны ему приношенья,
Кто же здесь о ней скажет, за нее замолвит слово?»
Отец Энлиль на мольбы его не отозвался, и в Ур он пошел.
В Уре, в Эмудкаламе,
В Экишнугаль к Нанне войдя,
Перед Нанной зарыдал:
«Отец Нанна, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом в подземном мире!
Прекрасный твой лазурит да не расколет гранильщик в подземном мире!
Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»
Отец Нанна Ниншубуру отвечает:
«Дочь моя Великих Небес *возжелала*, Великих Недр *возжелала*,
Инанна Великих Небес *возжелала*, Великих Недр *возжелала!*
Подземного мира всесильны законы, вековечны ему приношенья,
Кто же здесь о ней скажет, за нее замолвит слово?»
Отец Нанна на мольбы его не отозвался, и в Эреду он пошел.
В Эреду, к богу Энки войдя,
Перед Энки зарыдал:
«Отец Энки, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом в подземном мире!
Прекрасный твой лазурит да не расколет гранильщик в подземном мире!
Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»
Отец Энки Ниншубуру отвечает:
«Дочь моя! Что с ней случилось? Я тревожусь!
Инанна! Что с ней случилось? Я тревожусь!
Владычица стран! Что с ней случилось? Я тревожусь!
Жрица небес! Что с ней случилось? Я тревожусь!»
Из-под ногтей своих грязи достал, кургара сделал,

Из-под ногтей своих, крашенных красным, грязи достал, гала[тура] сделал.
Кургару тра́вы жизни [дал].
Галатуру во́ды жизни [дал].
Отец Энки молвит кургару и галатуру:
«Ступайте, в подземный мир отправьтесь!
У врат подземных, как мухи, летайте,
У оси дверной, как *змеи*, вейтесь!
Мать-роженица в муках родов,
Эрешкигаль лежит и страждет!
Ее белые бедра не покрыты одеждой,
Ее груди, как чаши, ничем не прикрыты,
Ее голос как звонкая медь звенит,
Растрепаны косы, как лук-порей.
И когда она скажет: «Увы, утроба моя!»
«О ты, [что страждешь,] госпожа наша, увы, утроба твоя!» — [так ей скажите].
И когда она скажет: [«Увы], о лик мой!»
[«О ты, что страждешь], госпожа наша, увы, о лик твой!» — так ей скажите!
[«Кто вы], откуда?»
[«От моей] утробы — к твоей утробе, от моего лика — [к твоему лику!» — так ей скажите!]
[«Если вы боги] — наде[лю] Словом,
[Если вы люди] — награжу [Судьбою!»]
[«Душою небес, душою земли] ее заклян[ите],
[*Душою недр ее закл*]*яните!*»
Воду речную вам дадут — а вы не берите!
Зерно полевое вам дадут — а вы не берите!
«Труп с крюка, отдай!» — скажите!
И один — травой жизни, и второй — водой жизни тела ее коснитесь —
Восстанет Инанна!»
Галатур и кургар слова Энки славят.
У подземных врат, как мухи, летают,
У оси дверной, как *змеи*, вьются.
[Мать-роже]ница в муках родов,
[Эрешки]галь лежит и страждет.
[Ее белые бедра] не покрыты одеждой,
[Ее груди, как] чаши, ничем не прикрыты.
И когда застонала: [«Увы], утроба моя!»
«О ты, что страждешь, госпожа наша, увы, утроба твоя!»— они сказали.
И когда застонала: [«Увы], о лик мой!»

«О ты, что страждешь, госпожа наша, увы, о лик твой!» — они сказали.
«Кто вы, откуда?
Вы сказали: «От моей утробы — к твоей утробе!» Вы сказали: «От моего лика — к твоему лику!»
Если вы боги — наделю Словом!
Если вы люди — награжу Судьбою!»
Душою небес, душою земли ее закляли!
263a [*Душою недр ее закляли*].
Воду речную им дают — а они не берут!
Зерно полевое им дают — а они не берут!
«Труп с крюка отдай!»— сказали.
Светлая Эрешкигаль кургару и галатуру отвечает:
«Тело это — вашей госпожи!»
«Тело это нашей госпожи, воистину, отдай!» — они сказали!
Труп с крюка они взяли.
И один — травой жизни и второй — водой жизни ее тела коснулись.
Инанна встает.
Инанна из подземного мира выходит.
Ануннаки ее хватают.
«Кто из спускавшихся в мир подземный выходил невредимо из мира подземного?
Если Инанна покинет «Страну без возврата»,
За голову голову пусть оставит!»
Инанна из подземного мира выходит.
И малые демоны «галла», *как острые стрелы*,
И большие демоны «галла», *как лес знаменный*,
Со всех сторон ее окружили.
Тот, кто перед ней,— не гонец, но жезл у него в руке.
Тот, кто за ней,— не боец, но оружье у него на боку.
Они, что за нею идут,
Они, что за Инанной идут,
Не ведают голода, не ведают жажды,
Муки просеянной не едят,
Воды проточной они не пьют,
Из объятий человека вырывают жену,
От груди кормилицы отрывают дитя.
Инанна из подземного мира выходит.
Инанна из подземного мира вышла.
И посол Ниншубур к ногам ее пал.
В пыль повалился, рубищем рваным одет.
Демоны светлой Инанне молвят:
«Что ж, Инанна, вернись в свой город, а его мы схватим!»

Светлая Инанна демонам отвечает:
«Глашатай слов милосердных моих,
Вестник слов *быстрокрылых* моих,
Мои наказы не преступал,
Мои приказы не забывал.
На холмах погребальных рыдал обо мне,
В доме собраний бил в барабан,
Храмы богов для меня обошел,
Лицо расцарапал, рот разодрал,
Тело изранил ради меня,
Рубище, точно бедняк, надел,
Был в Экуре, доме Энлиля,
Был в Уре, доме Нанны,
Был в Эреду, доме Энки,
Он вернул мне жизнь!»
«Что ж, пойдем в Умму, в Зигкуршаггу пойдем!»
И вот в Умме, в Зигкуршагге,
Бог Шара к ногам ее пал.
В пыль повалился, рубищем рваным одет.
Демоны светлой Инанне молвят:
«Что ж, Инанна, вернись в свой город, а его мы схватим!»
Светлая Инанна демонам отвечает:
«Песни [*пел*] мне мой Шара,
Стриг мне ногти, чесал кудри.
Оставьте его, не берите его!»
«Что ж, пойдем в Бадтибиру, в Эмушкаламу пойдем!»
В Бадтибире, в Эмушкаламе,
Бог Лулаль к ногам ее пал.
В пыль повалился, рубищем рваным одет.
Демоны светлой Инанне молвят:
«Что ж, Инанна, вернись в свой город, а его мы схватим!»
Светлая Инанна демонам отвечает:
Бог Лулаль, *великий князь!* Со мною справа, со мною слева!
Оставьте его, не берите его!»
«Тогда пошли в Хашхургулэдену, в Кулабе!»
За нею в Хашхургулэдене, в Кулабе идут по пятам.
Думузи в одежде власти в царском покое сидит на троне.
Демоны-«галла» его схватили.
Семеро их — его *грудь разодрали, его кровь излили*,
Семеро их — словно в горячке на него напали,
Пастушью флейту, свирель его на глазах его разбили!
Она на него взглянула — взгляд ее смерть!
Закричала она — в словах ее гнев,
Крик издала — проклятья крик:

«*Его*, хватайте *его!*»
Светлая Инанна пастуха Думузи отдала в их руки.
А они, те, что за нею шли,
Те, что за Думузи шли,
Не ведают голода, не ведают жажды,
Муки просеянной не едят,
Воды проточной они не пьют,
Радости лону жены не дают,
Милых детей не целуют они,
Себе сыновей не рожают они,
Невесток от свекров уводят они!
Думузи рыдает, позеленел!
«Я к Уту на небеса в мольбе взываю!
О Уту, шурин ты мой, а я твой зять!
В храм твоей матери я масло носил,
В храм Нúнгаль молоко я носил!
В лапы ящерицы руки мои преврати,
В лапы ящерицы ноги мои преврати!
От демонов моих ускользну я, не утащат они меня!»
[*И Уту внял его мольбам,*
Как благодетель, оказал милость,
В лапы ящерицы руки его превратил,
В лапы ящерицы ноги его превратил,
Он от демонов ускользнул, не утащили они его.]
. . . .
[*В погоне за ним обходят*] страны,
Место его укрытия [*ищут*],
[Демоны руками] размахивают,
[Разверстые пасти] исходят [криком].
. . . .

МАЛЫЕ ДЕМОНЫ ОТКРЫВАЮТ ПАСТИ, БОЛЬШИМ ДЕМОНАМ МОЛВЯТ СЛОВО:

«А ну, пойдем-ка к светлой Инанне!»
Демоны в Урук ворвались, светлую Инанну они хватают.
«Ну-ка, Инанна, вернись на путь, что сама избрала,— в подземное царство отправляйся!
Куда сердце тебя посылало, вернись — в подземное царство отправляйся!
В жилище Эрешкигаль вернись — в подземное царство отправляйся!
Повязку светлую, одеянье владычиц, не надевай,— в подземное царство отправляйся!

Тиару светлую, корону приветную, сними с головы — в подземное царство отправляйся!
Краску на глаза не накладывай — в подземное царство отправляйся!
Сандалии на ноги не [*надевай*] — в подземное царство отправляйся!
Когда из подземного мира ушла, [себе замены ты не на]шла!»
[*С такими словами*] к светлой Инанне они ворвались!
Инанна в страхе в руку Думузи вцепилась.
«О юноша! Ноги свои в кандалы продень!
О юноша! В ловушку бросься! Шею в ярмо продень!»
И они крючья, шилья и копья подняли на него!
Медный огромный топор подняли на него!
О, юноша! Схватили его, повалили его,
Одежду его сорвали с него!
О, юноша! Руки скрутили ему, *веревкою злой* обмотали его!
Тканью страха закрыли лицо!
И юноша к Уту на небеса руки воздел:
«Уту, я же друг тебе! Меня, героя, *знаешь ты!*
Твою сестру я в жены брал,
А она в подземный мир ушла,
Она в подземный мир ушла,
Меня заменою отдала!
Уту, ты справедливый судья, да не схватят меня!
Руки мои измени, облик мой измени!
Из рук моих демонов ускользну я, не *утащат* они меня!
Горной змеею средь гор скользну,
К Гештинанне, сестре моей, душу мою принесу!»
Уту внял его мольбам,
Изменил его руки, изменил его лик.
Горной змеей он средь гор заскользил.
Думузи! Он *соколом*-птицею, *быстрою птицей понес* свою душу,
И к Гештинанне принес свою душу.
Гештинанна взглянула на брата —
Расцарапала щеки, рот разодрала,
Оглядела — порвала на себе одежды,
Над стонущим юношей заголосила:
«О брат мой, о брат мой! О юноша! *Пусть бы те* дни не ве[рнулись!]
О брат! О пастух! Амаушумгальанна! [*Пусть бы те*] дни не *вернулись!*
О брат мой! Юноша! Без жены, без сына!
О брат мой! Юноша! Без друга-товарища!

О брат мой, юноша! Мать печалящий!»
А демоны-«галла» ищут Думузи, окружают его.
Малые демоны большим демонам молвят слово:
«Демоны без-роду-без-племени, без отца-матери, без сестры-брата, без жены-сына!
Великое воинство, в часы заката ужас сеющее в мире!
Вы, демоны, человека хва[тающие!]
Доброты-милосердия вы не знаете, радости сердца вы не ведаете!
А ну, пойдем-ка! На его страхи, на его душу, на его здравие кто хочет глянуть?
К другу его мы не пойдем, к его шурину мы не пойдем,
К Гештинанне за пастухом пойдем!»
Демоны размахивают руками, ищут Думузи.
Разверстые пасти исходят криком.
Демоны к Гештинанне явились.
«Где брат твой, скажи?» — спрашивают, а она молчит.
Близится *небо*, *уплывает земля*, а она молчит.
Земля приближается, небо *ломается*, а она молчит!
[*Земля*] приблизилась. Сорвали одежду, а она молчит!
Смолу на лоно ее излили, а она молчит!
Думузи в доме Гештинанны демоны не нашли.
[Малые] демоны бол[ьшим демонам] так молвят:
«А ну, пойдем-ка в священный загон!»
Нашли Думузи в [священном] загоне.
Окружили его, [схват]или его! *Разыскали* его, увидали его!
На юношу с криками накинулись, топором *огромным на землю повергли!*
Чрево *ножами* вспороли ему, *со всех сторон окружили его!*
Сестра за брата [*к жертве готова*], [*птицею вокруг брата*] кружится.
«О брат мой! *На великие муки за тебя пойду! Мошкой слечу!*»
. . . .
III Дева Инанна [*так решила*] . . . .
VI По приговору Инанны свершилось.
VII [*Дева Инанна*] горько рыдает.
VIII «Герой мой ушел, [*погублен!*]
IX Как теперь [*решать судьбу?*]
X Твой срок — половина года, твоей сестры — половина года!
XI [День твой] да придет, и в день тот [*вернешься!*]
XII День твоей сестры придет, и в день тот она [*вернется!*»]
XIII Светлая Инанна за свою голову отдала голову Думузи!
XIV Светлая Эрешкигаль!
XV Хороша хвалебная песнь тебе!

«В ЖАЛОБАХ СЕРДЦА...»

В жалобах сердца он бежит по равнине.
Юноша в жалобах сердца бежит по равнине.
Думузи в жалобах сердца бежит по равнине.
Посох за плечи закинул, начинает плач:
«Плачь, о, плачь, о, плачь, равнина!
Плачь, равнина, рыдай, болото!
Раки в реке, плачьте — рыдайте!
Лягушки в реке, громко вопите!
Матушке моей — голосить по мне!
Матушке Туртур — голосить по мне!
Матушке,— где ее пять хлебов? — голосить по мне!
Матушке,— где ее десять хлебов? — голосить по мне!
Если о смерти моей не узнают,
Скажи, равнина, родимой матушке!
С меньшою сестрою меня да оплачет!»
Как *в забытьи*, как *в забытьи*,
Пастух лежал, как *в забытьи*,
Пастух лежал, как *в забытьи*,— *он видел сны.*
Встает ото сна,— сновиденье тревожно,
Трет глаза — кругом тишина.
«Приведите ее, приведите ее, сестру мою, приведите ее!
Гештинанну мою, приведите ее, сестру мою, приведите ее!
Грамотейку мою, приведите ее, сестру мою, приведите ее!
Певунью мою, приведите ее, сестру мою, приведите ее!
Чародейку мою, меньшую мою, сестру мою, приведите ее!
Ведунью мою, вещунью мою, сестру мою, приведите ее!
Мой сон! Я расскажу мой сон!
Во сне, сестра моя, во сне, мне во сне — виденье!
Тростники вокруг меня взошли, тростники вокруг меня взросли!
Одинокий тростник надо мною верхушкой склонился!
Из четы тростников, что растут вдвоем, один [удалился!]
Деревья толпой [обступили] меня!
На очаг мой священный льется вода!
Маслобойку священную *рубит топор!*
Мой кубок священный свал[ился] с гвоздя!
Мой посох пастуший бежит от меня!
Орел схватил ягненка в загоне!
Ястреб схватил воробья на плетне!
В пыли влачат мои козлята бородки синие!
Бьют в овчарне мои овцы кривым копытом!
Маслобойка цела, но молоко не льется,

Кубок цел, но не живет Думузи!
Тростниковый загон развеян ветром!»
Гештинанна Думузи отвечает:
«Брат! Твой сон нехорош! Вот мое толкованье!
Думузи! Твой сон нехорош! Вот мое толкованье:
Тростники вокруг тебя взошли, тростники вокруг тебя взросли —
То убийцы тебя подстерегли!
Одинокий тростник над тобою верхушкой склонился —
То родимая матушка над тобою склонится!
Из четы тростников, что растут вдвоем, один удалился —
Это ты и я, и один из нас удалится!
Деревья толпой обступили тебя —
То злодеи в укрытии схватят тебя!
На очаг твой священный льется вода —
Домом молчания станет загон!
Маслобойку священную *рубит топор* —
То злодеи руки тянут к ней!
Твой кубок священный свалился с гвоздя —
С колен матушки родимой падешь!
Твой посох пастуший бежит от тебя —
[Малые] «галла» его разломают!
Орел схватил ягненка в загоне —
Злодеи [тебя] по щеке ударят!
Ястреб схватил воробья на плетне —
Большие «галла» из хлева тебя утащат!
Маслобойка [цела], но [молоко] не льется,
Кубок цел, но не живет Думузи!
Загон тростниковый развеян ветром!
Кисти твои [охватят] оковы!
Руки [твои] опутают путы!
В пыли влачат твои козлята бородки синие —
В вихре до небес разметаю косы!
Бьют в овчарне твои овцы кривым копытом —
Ногтями, словно острым гребнем, из-за тебя расцарапаю щеки!»
Как только так она сказала:
«Сестра моя, взойди на холм! Сестра моя, взойди на холм!
Сестра, когда взойдешь на холм,
Подобно тем, что взошли на холм,
Сердце свое, свой лик [*успокой*],
Одежду на бедрах своих [*оправь!*]
Сестра моя, взойди на холм!
Сестра, когда взойдешь на холм,

Глянь с холма, [*кругом оглянись!*]
Ненавистных людям злодеев моих,
Плывущих рекою, не видно ль вдали?!
Колодки для рук [*они несут!*]
Колодки на шею [*у них с собой!*] *Снять-развязать их никто не может!*»
Амагештинанна на холм поднялась,
Гештинанна [вытянула] шею.
Гештиндудуа, ее подруга, [*с нею рядом, дает ей*] советы.
«*Те, что хватают за горло, они* [*толпою*] *несутся!*»
«*Подруга моя, советчица, они* [*несутся?*]»
«*Тех, что хватают за горло, я их вижу!*»
«Брат! Твои демоны пришли за тобой, [скройся в зарослях!]
Думузи! Твои демоны пришли за тобой, [скройся] в зарослях!»
«Сестра! Я скроюсь в зарослях, не выдавай меня!
Я скроюсь в частом кустарнике, не выдавай меня!
Я скроюсь в густой листве, не выдавай меня!
Я скроюсь в каналах Арали, не выдавай меня!»
«Если я скажу, где ты, пусть псы твои меня пожрут!
Твои черные псы, пастушьи псы,
Твои злобные псы, хозяйские псы,
Пусть псы твои меня пожрут!
Другу своему [*о том скажи*],
Пусть друг твой [*даст тебе*] *совет!*»
[«*Брат мой*], друг, товарищ мой!
[.....................................]
[*Мои демоны*] *пришли за мной!*
Слово [*хочу*] *тебе сказать!*
Друг мой! Я скроюсь в зарослях, не выдавай меня!
Я скроюсь в частом кустарнике, не выдавай меня!
Я скроюсь в густой листве, не выдавай меня!
Я скроюсь в каналах Арали, не выдавай меня!»
«Если я скажу, где ты, пусть псы твои меня пожрут!
Твои черные псы, пастушьи псы,
Твои злобные псы, хозяйские псы,
Пусть псы твои меня пожрут!»
А они, те, что за царем шли, великим множеством за ним шли,
Не ведают голода, не ведают жажды,
Муки просеянной не едят,
Воды проточной они не пьют,
Даров смягчающих не берут.
Радости лону жены не дают.
Милых детей не целуют они,
Горький чеснок не жуют они,

Рыбу и лук не едят они.
К жителям Адаба за царем их двое пришло.
Шипы в обмелевших водах они, колючки в вонючих водах они.
Руки — столы, язык — дом большой.
К жителям Акшака за царем их двое пришло.
Каменный идол у них на шее висит.
К жителям Урука за царем их двое пришло.
Меч — голова с плеч — на бедрах висит.
К жителям Ура за царем их двое пришло.
Одежды битвы быстрой на них.
К жителям Ниппура за царем их двое пришло.
Друг другу говорят: «Пошли-ка в загон и хлев!»
Схватили Гештинанну у загона и хлева.
Воду речную ей дают, [а она] не берет.
Зерно полевое ей дают, а она [не берет].
Малые демоны большим демонам [мол]вят:
«Мудрые демоны, живые демоны!
[Великие] демоны в расцвете жизни!
[..
....]
Сестра, открывшая убежище брата! —
Кто и когда видел такое?!
А ну, пойдемте к его другу!»
И вот они его другу
Воду речную дают, и он берет.
Зерно полевое дают, и он берет.
«Друг мой скрылся в зарослях, но я не знаю, где он!»
В зарослях искали они Думузи, они не нашли его.
«Он скрылся в частом кустарнике, но я не знаю, где он!»
В частом кустарнике искали они Думузи, они не нашли его.
«Он скрылся в густой листве, но я не знаю, где он!»
В густой листве искали они Думузи, они не нашли его.
«Он скрылся в каналах Арали, но я не знаю, где он!»
В каналах Арали отыскали они Думузи.
Думузи рыдает, позеленел.
«Моя сестра спасла мне жизнь, мой друг взял мою жизнь!
Сестра пошлет сына на улицу, каждый встретит его приветом!
Друг пошлет сына на улицу, никто не встретит его приветом!»
Окружили его, *в лужу швырнули.*
Аркан набросили, сеть накинули,
Крепкой веревкою обвязали,
Пастуший жезл его *сломали.*
Идущий первым его колотит,
Последний — *под локти схватил* и волочит.

Кисти его охватили оковы.
Руки его опутали путы.
Юноша к Уту на небеса взмолился:
«Уту, ты мой шурин, а я твой зять!
В храм Эану я тра́вы носил,
Свадебный дар в Урук прино[сил!]
Светлые губы я целовал!
Светлое лоно Инанны ла[скал!]
Преврати мои руки в ноги газели,
Преврати мои ноги в ноги газели!
Я от демонов убегу!
В Кубиреш-Дильдареш душу мою принесу!»
Уту мольбам его внял благосклонно.
Как благодетель, оказал ему милость.
Превратил его руки в ноги газели.
Превратил его ноги в ноги газели.
И он от демонов убежал,
В Кубиреш-Дильдареш принес свою душу.
Демоны [ищут его, демоны] не [находят его].
«А ну, пошли в Кубиреш!»
В Кубиреше схватили они Думузи.
Окружили его, *в лужу швырнули*,
Аркан набросили, сеть накинули,
Крепкой веревкою обвязали,
Пастуший жезл его *сломали*.
Идущий первым его колотит,
Последний — *под локти схватил и* волочит.
Кисти его охватили оковы.
Руки его опутали путы.
Юноша к Уту на небеса взмолился:
«Уту! Ты мой шурин, я — твой зять!
В храм Эану я травы носил,
Свадебный дар в Урук приносил.
Светлые губы я целовал,
Светлое лоно Инанны ласкал.
Преврати мои руки в ноги газели,
Преврати мои ноги в ноги газели,
К Белили-матушке душу мою принесу!»
Уту мольбам его внял благосклонно.
Превратил его руки в ноги газели,
Превратил его ноги в ноги газели.
И он от [демонов убежал],
К Белили-матушке душу свою принес.
К храму Белили подошел.

«Матушка, я не простой смертный, я супруг богини!
Воды проточной кабы я выпил!
Муки просеянной кабы я съел!»
Налила воды, просеяла муки, и он внутри храма сел.
Белили-матушка из храма вышла.
Когда матушка из храма вышла,
Демоны-«галла» ее увидели.
Если бы матушка убежища Думузи не знала,
Она так бы не взглянула,
Она так бы не закричала.
«А ну, пошли в храм Белили-матушки!»
В храме Белили-матушки схватили они Думузи.
Окружили его, *в лужу швырнули.*
Аркан [набросили, сеть] накинули,
[Крепкой веревкою] обвязали,
[Пастуший жезл] его *сломали.*
[Идущий первым] его [колотит],
[*Последний — под локти схватил и* воло]чит.
Кисти [его] охватили [оковы,]
Руки [его опутали путы,]
[Юноша] к Уту на небеса взмолился:
«Уту! Ты мой [шурин], я — твой зять!
В храм Эану я травы [носил,]
[Свадебный дар] в Урук приносил.
Светлые губы я [целовал],
Светлое лоно Инанны ласкал.
Преврати мои руки в ноги газели,
Преврати мои ноги в ноги газели,
В [священный] загон, в загон к сестре моей душу свою принесу!»
Уту мольбам его внял благосклонно,
Превратил его руки в ноги газели,
Превратил его ноги в ноги газели.
В священный загон, в загон к сестре душу свою он принес.
К священному загону, к загону сестры подошел.
Гештинанна подняла взор к небесам. Гештинанна склонилась к земле.
Громким воплем небо и землю
Как плащом покрыла, обвила покрывалом.
Лицо расцарапала, рот разодрала,
Уши, *щеки* — взорам открытые — истерзала,
Лоно, *чрево* — взорам сокрытые — [повредила].
«Брат! В переулок [*беги, сокройся!*]»
Если бы [Гешт]инанна убежища брата не знала,

Она так бы не [взглянула],
Она так бы не закричала.
«А ну, [пошли] в загон и хлев!»
Первый демон вошел в загон и хлев,
Засовы хлева [пре]дал огню.
Второй демон вошел в загон и хлев,
Посох пастуший предал огню.
Третий демон [вошел] в загон и хлев,
Маслобойку священную [*бьет*] *топором*.
Четвертый демон [вошел] в загон и хлев,
Кубок священный [сбросил] с гвоздя.
Пятый демон [вошел] в загон и хлев.
Маслобойка цела, но молоко не льется.
Кубок цел, но не живет Думузи.
Тростниковый загон развеян ветром.

Песнь «каль-[каль»]— о смерти Д[умузи].

«ВЛАДЫКЕ ЗАКАТА — ГО́РЕ!..»

Владыке заката — го́ре! По супругу,
Госпожа восхода — по супругу,
Госпожа Эаны — по супругу,
Госпожа Урука — по супругу,
Госпожа Забалама — по супругу —
О, горе супругу, о, горе другу!
О, горе Эане, о, горе Уруку!
По супругу взятому, другу взятому!
По супругу убитому, другу убитому!
По супругу, в Уруке убитому, *павшему*,
В Кулабе, в Уруке убитому, *павшему!*
Кто в водах священных Эреду омывался недолго,
Кто мыльным корнем в Энуне натирался недолго,
Кто *матерь богов*, как мать, почитал недолго,
Кто радостный долг перед девами города выполнял недолго,
Кто с могучими города состязался недолго,
Кто кургаров города *оскоплял недолго*,
Кто, благородный, был могучим недолго —
Инанна по юному избраннику рыдает!
«Мой сладкий супруг, мой брат-супруг ушел!
Мой сладкий друг, мой брат и друг ушел!
Супруг мой с *первыми травами ушел!*

Друг мой с *последними травами ушел!*
Супруг мой, *в поисках трав ходивший, травами взят!*
Друг мой, *в поисках вод ходивший, водами взят!*
Мой юный избранник, *как тростник, жестокой рукой из города вырван!*
Мой светлый, как соцветье травы, жестокой рукой из города вырван!

В те дни, когда [*в Уруке светлом*],
В загоне священном [*скрылся Думузи*],
Козленка светлого [*в жертву принес*],
Хлеба светлые [*в жертву принес*],
[Большие] и малые демоны [*собрались*],
Семеро демонов могучих [*собралось*],
Семеро демонов на Думузи [*напало*].
Первый демон вошел в загон, [*осмотрел загон, загон расшатал*],
Второй демон вошел в загон, молоко свежее [*землей закидал*],
Третий демон вошел в загон, воду свежую землей [*закидал*],
Четвертый демон вошел в загон, кувшины [*разбил, загон повалил*]!
Пятый демон вошел в загон, пыль *взметнул, вихрем прошел*,
Шестой демон вошел в загон, загон тростниковый разметал.
Седьмой демон вошел в загон, а он, *благородный, лежал, стонал.*

Думузи *в углу лежал* и стонал.
Светлый супруг *Инанны* лежал и стонал.
«Господин! Мы за тобой! Подымайся, [иди за мной]!
Думузи-супруг! Мы за тобой, подымайся, иди [за мной]!
Друг Инанны, чадо Туртур, [подымайся], иди за мной!
Ты, чей ложен сон, брат Гештинанны, подымайся, иди за мной!
Твои овцы схвачены, ягнята похищены, подымайся, иди [за мной]!
Твои козы схвачены, козлята похищены, подымайся, [иди за мной!]
Тиару светлую на голову не [надевай, подымайся, иди за мной],
Повязку светлую на бедра [не надевай, подымайся, иди за мной!]
Посох пастуший священный не хватай, [подымайся, иди за мной!]
Сандалии на ноги не [надевай, подымайся, иди за мной!»]
Пастух [в мольбе руки простер:]
[«*Я к Уту на небеса взываю!*
О Уту, ты брат моей жены, я супруг твоей сестры,
В дом твоей матери я сливки носил,

В храм Нингаль молоко носил,
Свадебный дар в храм приносил,]
[*Светлые губы я целовал,*]
[*Светлое лоно Инанны ласкал.*]
[*Преврати мои руки в ноги газели,*]
[*Преврати мои ноги в ноги газели,*]
[*От демонов моих ускользну я, не утащат они меня.*]
[*У плотин в степи спрячусь я, не утащат они меня,*]
[*У каналов в степи спрячусь я, не утащат они меня».*]
[*Уту мольбам его внял благосклонно.*]
[*Как благодетель оказал милость.*]
Превратил его руки в ноги газели,
Превратил его ноги в ноги газели.
Демоны на демонов вз[глянули].
Малые демоны большим мо[лвят],
Демоны своим сотоварищам мол[вят:]
«Юноша! *Он убежал* [*от нас*],
Думузи! Он убежал [от нас!]
У плотин в степи схва[тим его!]
Сторож плотин [*поможет нам!*]
У каналов в степи сх[*ватим его*],
Сторож каналов *по*[*может нам.*]
Перед стадом овечьим [*схватим его*],
Перед стадом газельим [*схватим его*],
Меж овец на привале [*схватим его*].
Меж овец его друга [*схватим его*],
За стадом овечьим сх[*ватим его*],
У друга *его* [*схватим его!*]
[Схватим его, свяжем его!]
. . . .
У колен его матери [схватим его!]
Мать его [*Туртур поможет ему!*]
У доброй сестры его [*схватим его!*]
Сестра его [*поможет ему!*]
[*В доме светлой Инанны схватим его!*]
Инанна в ярости [*выдаст его!*»]
. . . .
Светлый супруг Инанны так сказал:
«Нет травы — пожрали траву!
Нет воды — выпили воду!
Нет загона — развеян загон!
Нет овец — отвязаны овцы!»
Его, у которого не было крова, схватили его демоны-«галла».
108 строк плача о Думузи и Инанне на *свирели* «шем».

«БЛАГОРОДНАЯ ДЕВА СТОИТ НА УЛИЦЕ...»

Благородная дева стоит на улице,
Дева-блудница, дочерь Инанны,
Дева, дочерь Инанны, стоит у ночлежища.
Масло и сладкие сливки она,
Телица могучей Инанны она,
Кладовая богатая Энки она,
О, дева! Сядет — яблонею цветет,
Ляжет — *радость взорам дает*,
Кедров прохладой тенистой влечет!
К ней прикован мой *лик — лик* влюбленный,
Мои руки прикованы — руки влюбленные,
Мои [очи] прикованы — очи влюбленные,
Мои ноги прикованы — ноги влюбленные.
Ах, серебром пороги пред ней, лазуритом ступеньки под ней,
Когда по лестнице она спускается!
Когда милая остановилась,
Когда милая *брови сдвинула* —
Милая с небес ветром [*повеяла*],
В [гр]удь юноши стрелой ударила.
Бог Ассаллухи это увидел,
К Энки-отцу идет и молвит:
«Отец! Благородная дева на улице!»
И второй раз он молвит:
«Что сказать, не знаю я, чем помочь, не знаю я!»
Энки отвечает своему сыну:
«Сын! Чего не знаешь ты? Что я мог бы тебе сказать?
Ассаллухи! Чего не знаешь ты? Что я мог бы тебе сказать?
Все, что знаю я, воистину это знаешь и ты!
Молоко, масло коровы священной,
Сливки, масло коровы белой,
В желтый сосуд алебастровый вылей,
На грудь девы [*каплями брызни!*»]
И дева открытую дверь не запрет,
Друга в тоске его не оттолкнет,
Воистину следом за мною пойдет!

[Заклинание из заклятий «Энури».]

«О ВСЕ ВИДАВШЕМ» СО СЛОВ СИН-ЛЕКЕ-УННИННИ, ЗАКЛИНАТЕЛЯ

ТАБЛИЦА I

I. 1 О все видавшем *до края* мира,
О познавшем *моря*, *перешедшем* все *горы*,
О врагов покорившем вместе *с другом*,
О постигшем премудрость, о все проницавшем:
*Со*кровенное видел он, тайное *ведал*,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и смирился,
Рассказ о трудах на камне *вы*сек,
Стеною обнес Урук огражденный,
Светлый амбар Эа́ны священной.—
Осмотри стену, чьи венцы, как по нити,
Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, лежащим издревле,
И вступи в Эану, жилище Иштар,—
Даже будущий царь не построит такого,—
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай:
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?

---

* Велик он более [всех человеков],

(Далее недостает около тридцати стихов.)

II. 1 На две трети он бог, на одну — человек он,
Образ его тела *на вид несравненен*,

(Далее недостает четырех стихов.)

7 *Стену* Урука он *возно*сит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружье в бою не имеет равных,—
10 Все его товарищи встают по барабану!
*По спаль*ням страшатся мужи Урука:
«Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует п*лотью:*
*Гильгаме*ш ли то, пастырь огражденного Урука,
15 Он ли пастырь *сынов Урука,*
Мощный, славный, все постигший?
Матери Гильгамеш не оставит девы,
Зачатой героем, суженой мужу!»
Часто их жалобу слыхивали *боги,*
Боги небес *призвали* владыку Урука:
20 «Создал ты буйного сына, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружье в бою не имеет равных,—
Все его товарищи встают по барабану,
23 Отцам Гильгамеш сыновей не оставит!
23a Днем и ночью буйствует п*лотью:*
Он ли — пастырь огражденного Урука,
25 Он ли пастырь *сынов Урука,*
Мощный, славный, всё постигший?
Матери Гильгамеш не оставит девы,
Зачатой героем, суженой мужу!»
Часто их жалобу слыхивал *Áну.*
30 Воззвали они к великой Арýру:
30a «Аруру, ты создала Гильгамеша,
31 Теперь создай ему подобье!
31a Когда отвагой *с Гильгамешем* он срав*нится,*
Пусть соревнуются, Урук да от*дых*ает».
33 Аруру, услышав эти речи,
33a Подобье Ану создала в своем сердце
34 Умыла Аруру руки,
34a Отщипнула глины, бросила на землю,
35 *Слепила* Энкиду, создала героя.
35a Порожденье полуночи, воин Нинурты,
36 Шерстью покрыто все его тело,
36a Подобно женщине, волосы носит,
37 Пряди волос как хлебá густые;
38 Ни людей, ни мира не ведал,
38a Одеждой одет он, словно Сумýкан.
Вместе с газелями ест он трáвы,

Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радует водою.
Человек — ловец-охотник
Перед водопоем его встречает.
Первый день, и второй, и третий
Перед водопоем его встречает.
Увидел охотник — в лице изменился,
Со скотом своим домой вернулся,
Устрашился, умолк, онемел он,
В груди его — скорбь, его лик затмился,
Тоска *проникла* в его утробу,
Идущему дальним путем стал лицом подобен.

III. Охотник уста открыл и молвит, вещает он отцу своему:
«Отец, некий муж, что из гор явился,—
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес крепки его руки,—
Бродит *вечно* по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою теснится,
Постоянно шаги *направляет* к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную,—
Он мне не дает в степи трудиться!»

Отец его уста открыл и молвит, вещает он охотнику:
«Сын мой, живет Гильгамеш в Уруке,
Нет никого его *сильнее*,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Иди, лицо к нему обрати ты,
Ему расскажи о силе человека.
Даст тебе он блудницу — приведи *ее с собою:*
Победит его женщина, как *муж* могучий!
Когда он поит зверье у водопоя,
Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет,—
Увидев ее, приблизится к ней он —
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне!»
Совету отца он был послушен,
Охотник отправился *к Гильгамешу*,
Пустился в путь, *стопы* обратил к Уруку,

Пред лицом Гильгамеша *промолвил слово:*
«Некий есть муж, что из гор явился,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Бродит *вечно* по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою теснится,
Постоянно шаги *направляет* к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную,—
Он мне не дает в степи трудиться!»
Гильгамеш ему вещает, охотнику:
«Иди, мой охотник, блудницу Ша́мхат приведи с собою,
Когда он поит зверей у водопоя,
Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет,—
Ее увидев, к ней подойдет он —
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне».
Пошел охотник, блудницу Шамхат увел с собою,
Отправились в путь, пустились в дорогу,
В третий день достигли условленного места.
Охотник и блудница сели в засаду —
Один день, два дня сидят у водопоя.
Приходят звери, пьют у водопоя,
Приходят твари, сердце радуют водою,
И он, Энкиду, чья родина — горы,
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радует водою.
Увидала Шамхат дикаря-человека,
Мужа-истребителя из глуби степи:
«Вот он, Шамхат! Раскрой свое лоно,
Свой срам обнажи, красы твои да постигнет!
Увидев тебя, к тебе подойдет он —
Не смущайся, прими его дыханье,
Распахни одежду, на тебя да ляжет!
Дай ему наслажденье, дело женщин,—
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне,
К тебе он прильнет желанием страстным».
Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила,
Не смущалась, приняла его дыханье,

Распахнула одежду, и лег он сверху,
Наслажденье дала ему, дело женщин,
И к ней он прильнул желанием страстным.
21 Шесть дней миновало, семь дней миновало —
21a Неустанно Энкиду познавал блудницу,
Когда же насытился лаской,
К зверью своему обратил лицо он.
Увидав Энкиду, убежали газели,
Степное зверье избегало его тела.
Вскочил Энкиду,— ослабели мышцы,
Остановились ноги,— и ушли его звери.
Смирился Энкиду,— ему, как прежде, не бегать!
Но стал он умней, разуменьем глубже,—
Вернулся и сел у ног блудницы,
Блуднице в лицо он смотрит,
И что скажет блудница,— его слушают уши.
Блудница ему вещает, Энкиду:
«Ты *красив*, Энкиду, ты богу подобен,—
Зачем со зверьем в степи ты бродишь?
Давай введу тебя в Урук огражденный,
К светлому дому, жилищу Ану,
Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям!»
Сказала — ему эти речи приятны,
Его мудрое сердце ищет друга.
Энкиду ей вещает, блуднице:
«Давай же, Шамхат, меня приведи ты
К светлому дому святому, жилищу Ану,
Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям.
Я его вызову, гордо скажу я,
V. 1 *Закри*чу средь Урука: я — могучий,
Я один лишь меняю судьбы,
Кто в степи рожден,— велика его сила!»
«*Пойдем, Энкиду*, *лицо* обрати к *Уруку*,—
Где бывает *Гильгамеш* — я подлинно знаю:
Пойдем *же*, Энкиду, в Урук огражденный,
Где го*рдятся* люди царственным платьем,
Что *ни* день, то они справляют праздник,
Где кимвалов и арф *раздаются звуки*,
А *блудницы* красотою *слав*ны:
Сладострастьем пол*ны*,— *суля*т отраду —
Они с ложа ноч*ного* великих *у*водят.

Энкиду, ты *не ведае*шь жизни,—
Покажу Гильгамеша, что рад стенаньям.
15 Взгляни на него, в лицо погляди ты —
Прекрасен он мужеством, силой мужскою,
Несет сладострастье всё его тело,
Больше тебя он имеет мощи,
Покоя не знает ни днем, ни ночью!
20 Энкиду, укроти твою дерзость:
Гильгамеш — его любит Ша́маш,
А́ну, Э́ллиль и Э́а его вразумили.
Прежде чем с гор ты сюда явился,
Гильгамеш среди Урука во сне тебя видел.
25 Встал Гильгамеш и сон толкует,
25а Вещает он своей матери:
«Мать моя, сон я увидел ночью:
Мне явились в нем небесные звезды,
Падал на меня будто камень с неба.
Поднял его — был меня он сильнее,
30 Тряхнул его — стряхнуть не могу я,
Край Урука к нему поднялся,
Против него весь край собрался,
Народ к нему толпою теснится,
Все мужи его окружили,
35 *Все* товарищи мои целовали ему ноги.
Полюбил я его, как к жене прилепился.
И к ногам твоим его принес я,
Ты же его сравняла со мною».
Мать Гильгамеша мудрая,— все она знает,— вещает она своему господину,
40 Ни́нсун мудрая,— все она знает,— вещает она Гильгамешу:
«Тот, что явился, как небесные звезды,
Что упал на тебя, словно камень с неба,—
Ты поднял его — был тебя он сильнее,
Тряхнул его — и стряхнуть не можешь,
47 Полюбил его, как к жене прилепился,
46 И к ногам моим его принес ты,
45 Я же его сравняла с тобою —
VI. 1 Сильный придет сотоварищ, спаситель друга,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки,—
Ты полюбишь его, как к жене прильнешь ты,
5 *Он будет другом*, тебя *не покин*ет —

Сну твоему *таково* толкованье».
Гильгамеш ей, матери своей, вещает:
«Мать моя, снова сон я увидел:
В огражденном Уруке топор упал, а кругом толпились:
10 Край Урука к нему поднялся,
11 Против него весь край собрался,
12 Народ к нему толпою теснится,—
14 Полюбил я его, как к жене прилепился,
13 И к ногам твоим его принес я,
15 Ты же его сравняла со мною».
Мать Гильгамеша мудрая,— все она знает,— вещает она своему сыну,
Нинсун мудрая,— все она знает,— вещает она Гильгамешу:
«В том топоре ты видел человека,
Ты его полюбишь, как к жене прильнешь ты,
20 Я же его сравняю с тобою —
Сильный, я сказала, придет сотоварищ, спаситель друга,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!»
Гильгамеш ей, матери своей, вещает:
25 «*Если Эллиль* повелел — да возникнет советчик,
Мне мой друг советчиком да будет,
Я моему другу советчиком да буду!»
Так свои сны *истолковал он*».
29—30 Рассказала *Энкиду* Шамхат сны Гильгамеша, и оба стали *любиться*.

ТАБЛИЦА II

(В начале таблицы «Ниневийской» версии недостает — если не считать маленьких обломков с клинописью — около ста тридцати пяти строк, содержавших эпизод, который в «Старовавилонской» версии — так называемой «Пенн-сильванской таблице» — излагается так:)

II. II. 17 * «...Энкиду, встань, тебя поведу я
* К храму Эане, жилищу Ану,
* Где *Гильгамеш* *совершенен* в деяньях.
20—21 * А ты, как *себя*, его полюбишь!
22—23 * Встань с земли, с пастушьего ложа!»
24 * Услыхал ее слово, воспринял речи,
25—26 * Женщины совет запал в его сердце.

27—28 * Ткань разорвала, одной его одела,
29—30 * Тканью второю сама оделась,
31—32 * За руку взяв, повела, как ребенка,
33—34 * К стану пастушьему, к скотьим загонам.
35 * Там в*округ* них пастухи собралися,
а Шепчут они, на него взирая:
б «Муж тот с Гильгамешем сходен обличьем,
в Ростом пониже, но костью крепче.
г То, верно, Энкиду, порожденье степи,
д *Во всей стране рука его могуча*,
е Как из камня с небес, крепки его руки:
II.III.1—2 * Молоко звериное сосал он!»
3 * На хлеб, что перед ним положили,
4—5 * Смутившись, он глядит и смотрит:
6—7 * Не умел Энкиду питаться хлебом,
8—9 * Питью сикеры обучен не был.
10—11 * Блудница уста открыла, вещает Энкиду:
12—13 * «Ешь хлеб, Энкиду,— то свойственно жизни,
14 * Сикеру пей — суждено то миру!»
15—16 * Досыта хлеба ел Энкиду,
17—18 * Сикеры испил он семь кувшинов.
19 * Взыграла душа его, разгулялась,
20—21 * Его сердце веселилось, лицо сияло.
22—23 * Он ощупал свое волосатое тело,
24—25 * Умастился елеем, уподобился людям,
26—27 * Одеждой оделся, стал похож на мужа.
28—29 * Оружие взял, сражался со львами —
30 * Пастухи покоились ночью.
31—32 * Львов побеждал и волков укрощал он —
33 * Великие пастыри спали:
34—35 * Энкиду — их стража, муж неусыпный,
36—37 * ....
II. 6 *Весть принесли в* Урук огражденный
Гильгамешу:

(Далее в «Старовавилонской» версии недостает около пяти-шести стихов.)

IV. 9 * *Энкиду с блудницей* предавался веселью,
10—11 * Поднял взор, человека видит,—
12 * Вещает он блуднице:
13 * «Шамхат, приведи человека!
14—15 * Зачем он пришел? Хочу знать его имя!»
16 * Кликнула блудница человека,
17 * Тот подошел и его увидел.

18—19 * «Куда ты, о муж, поспешаешь? Для чего поход
твой трудный?»
20—21 * Человек уста открыл, вещает Энкиду:
22 * «В брачный покой меня позвали,
23—24 * Но удел людей — подчиненье высшим!
25 * Грузит город кирпичом корзины,
26 * Пропитанье города поручено хохотуньям,
27 * Только царю огражденного Урука
28 * Брачный покой открыт бывает,
29 * Только Гильгамешу, царю огражденного
Урука,
30—31 * Брачный покой открыт бывает,—
32 * Обладает он суженой супругой!
33—34 * Так это было; скажу я: так и будет,
35 * Совета богов таково решенье,
36—37 * Обрезая пуповину, так ему судили!»
38—39 * От слов человека лицом побледнел он,

(Недостает около пяти стихов.)

V. 7, 8 * *Впереди* идет Энкиду, а Шамхат сзади,

(Далее сохранился отрывок из основной «Ниневийской» версии:)

II. 35 *Вышел Энкиду* на улицу огражденного Урука:
36 «Назови хоть тридцать могучих,— сражусь я с
ними!»
37 *В брачный покой* преградил дорогу.
38 Край Урука к нему поднялся,
39 Против него весь край собрался,
40 Народ к нему толпою теснится,
41 Мужи вкруг него собралися,
42 Как слабые ребята, *целуют ему ноги:*
43 «Прекрасный отныне герой *нам явился!»*
44 Было в ту ночь для Ишхары *постелено* ложе,
45 Но Гильгамешу, как бог, явился соперник:
46 В брачный покой Энкиду дверь заградил ногою,
47 Гильгамешу войти он не дал.
48 Схватились в двери брачного покоя,
49 Стали биться на улице, на широкой дороге,—
50 *Обрушились сени,* стена содрогнулась.
VI. 24—25 * Преклонил Гильгамеш на землю колено,
26—27 * Он смирил свой гнев, унял свое сердце
28—30 * Когда унялось его сердце, Энкиду вещает Гильгамешу:
31—32 * «Одного тебя мать родила такого,

33—34 * Буйволица Ограды, Нинсун!
35 * Над мужами главою ты высоко вознесся,
36—37 * Эллиль над людьми судил тебе царство!»

(Из дальнейшего текста II таблицы в «Ниневийской» версии опять сохранились лишь ничтожные отрывки; ясно лишь, что Гильгамеш приводит своего друга к своей матери Нинсун:)

[«.....................................
....]
III. 43 *Во всей стране рука его могуча,*
Как из камня с небес, крепки его руки!
45 *Благослови его быть мне братом!»*
46—47 Мать Гильгамеша уста открыла, вещает своему господину,
48 Буйволица Нинсун *вещает Гильгамешу:*
49 «Сын мой, [.....................]
50 Горько [.......................]»
IV. 1 *Гильгамеш уста открыл и матери своей вещает:*
[«...
Подошел он к дверям, *вразумил меня мощью,*
Горько *упрекал он меня за буйство.*
5 Не имеет Энкиду *ни матери, ни друга,*
Распущенные волосы *никогда не стриг он,*
В степи он рожден, *с ним никто не сравнится».*
Стоит Энкиду, его слушает *речи,*
Огорчился, сел и *заплакал,*
10 Очи его наполнились *слезами:*
Без дела сидит, *пропадает* сила.
Обнялись оба друга, *сели* рядом,
13 За руки *взялись,* как *братья родные.*

(Далее содержание может быть восстановлено по III, так называемой «Йэльской» таблице «Старовавилонской» версии:)

II. 32—33 * *Гильгамеш наклонил* лицо, вещает Энкиду:
34—35 * «*Почему* твои очи *наполнились* слезами,
36—37 * *Опечалилось сердце,* вздыхаешь *ты горько?»*
38—39 * Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
40—41 * «Вопли, друг мой, разрывают мне горло:
42—43 * Без дела сижу, пропадает сила».
44—45 * Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:
III. 1—2 * «*Друг мой, далеко есть горы Ливана,*
3—4 * *Кедровым те горы покрыты* лесом,
5 * *Живет в том лесу* свирепый Хумбаба,—
6 * *Давай его вместе* убьем мы с тобою,

7 * _И все, что есть злого,_ _изгоним из мира!_
8—9 * _Нарублю я_ кедра,— порослú _им горы,_—
10—11 * _Вечное имя_ _себе создам я!_»
12—13 * Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
14 * «Ведомо, друг мой, в горах мне было,
15 * Когда бродил со зверьем я вместе:
16 * Рвы там на поприще есть вкруг леса,—
17 * Кто же проникнет в средину леса?
18 * Хумбаба — ураган его голос,
19—20 * Уста его — пламя, смерть — дыханье!
21—22 * Зачем пожелал ты свершать такое?
23—24 * Неравен бой в жилище Хумбабы!»
25—26 * Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:
27 * «Хочу я подняться на гору кедра,
28 * И в лес _Хумбабы_ войти я желаю,

(Недостает двух-трех стихов.)

33 * Боевой топор _я на пояс повешу_ —
34—35 * Ты _иди сзади,_ _я пойду перед тобою!_»
36—37 * Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
38—39 * «Как же пойдем мы, _как_ в лес _мы вступим?_
40—41 * Бог Вэр, его хранитель,— он могуч, неу_сыпен_,
42 * А Хумбаба — _Шамаш_ наделил его силой,
43 * Áдду _наделил_ _его отвагой,_
44 * [..............................]
V. 1 Чтоб кедровый лес оберегал он,
Ему вверил Эллиль страхи людские.
Хумбаба — ураган его голос,
Уста его — пламя, смерть — дыханье!
4 _Люди_ молвят — _тяжек_ и путь _к тому_ лесу —
4а Кто же проникнет в середину леса?
5 Чтоб кедровый лес оберегал он,
5а Ему вверил Эллиль страхи людские,
И кто входит в тот лес, того слабость объемлет».

IV. 3—4 * Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:
5 * «Кто, мой друг, вознесся на небо?
6 * Только боги с Солнцем пребудут вечно,
7 * А человек — сочтены его годы,
8 * Что б он ни делал,— все ветер!
9 * Ты и сейчас боишься смерти,
10 * Где ж она, сила твоей отваги?

11—12 * Я пойду перед тобою, а ты кричи мне: «Иди, не бойся!»
13 * Если паду я — оставлю имя:
14—15 * «Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!»
16 * Но родился в моем доме ребенок,—
17 * К тебе подбежал: «*Скажи мне*, все ты знаешь:
18 * [.................................]
19 * *Что совершил мой отец и друг твой?»*
20 * *Ты ему* откроешь мою *славную долю!*
21 * [.................................]
22 * *А своими речами* ты печалишь мне сердце!
23—24 * Подниму я руку, *нарублю* я кедра,
25 * Вечное имя себе создам я!
26 * Друг мой, мастерам я дам *повинность:*
27 * *Оружие пусть* отольют перед нами».
28 * *Повинность* мастерам они дали,—
29 * Сели мастера, обсуждают.
30 * Секиры отлили большие,—
31 * Топоры они отлили в три таланта;
32 * Кинжалы отлили большие,—
33 * Лезвия по два таланта,
34 * Тридцать мин выступы по сторонам у лезвий,
35 * Тридцать мин золота,— *рукоять* кинжала,—
36 * Гильгамеш и Энкиду несли по десять талантов.

---

37 * С ворот Урука сняли семь запоров,
38 * Услыхав *о том*, народ собрался,
39 * *Столпился* на улице огражденного Урука.
40 * Гильгамеш ему *явился*,
41—42 * *Собранье* огражденного Урука перед ним *уселось.*
43 * *Гильгамеш так им молвит:*
44 * «*Слушайте, старейшины* огражденного Урука,
45 * *Слушай, народ огражденного Урука,*
V. 1 * Гильгамеша, что сказал: хочу я видеть,
2 * Того, чье имя опаляет страны.
3 * В кедровом лесу его хочу победить я,
4—5 * Сколь могуч я, отпрыск Урука, мир да услышит!
6 * Подниму я руку, нарублю я кедра,
7 * Вечное имя себе создам я!»
8 * Старейшины огражденного Урука

9 * Гильгамешу отвечают такою речью:
10 * «Ты юн, Гильгамеш, и следуешь сердцу,
11 * Сам ты не ведаешь, что совершаешь!
12 * Мы слыхали,— чудовищен образ Хумбабы,—
13 * Кто *отра*зит его оружье?
14 * Рвы там на поприще есть вкруг леса,—
15 * Кто же проникнет в середину леса?
16 * Хумбаба — ураган его голос,
17 * Уста его пламя, смерть — дыханье!
18 * Зачем пожелал ты свершать такое?
19 * Неравен бой в жилище Хумбабы!»
20 * Услыхал Гильгамеш советников слово,
21 * На друга он, смеясь, оглянулся:
22 * «Вот что теперь *скажу тебе*, друг мой,—
23 * Боюсь я его, *страшусь я сильно:*
24 * В кедровый лес *пойду я с тобою,*
25—26 * *Чтоб там не бояться — убьем Хумбабу!»*
27 * *Старейшины Урука вещают Гильгамешу:*
28—29 * [«.................................
30 * ....]
31—32 * Пусть *идет с* тобой *богиня*, пусть *хранит* тебя бог твой,
33 * Пусть *ведет* тебя дорогой благополучной,
34 * Пусть возвратит тебя к пристани Урука!»
35 * *Перед Шамашем* встал Гильгамеш на колени:
36 * «Слово, что сказали *старцы, я слышал,—*
37 * Я иду, но к Шамашу руки *воздел я:*
38 * Ныне жизнь моя да сохранится,
39 * Возврати меня к пристани Урука,
40 * Сень твою простри надо мною!»

(В «Старовавилонской» версии следует несколько разрушенных стихов, из которых можно предположить, что Шамаш дал двусмысленный ответ на гаданье героев.)

46—47 * Ко*гда услыхал предсказанье* — [..........
48 * ....] *он сел и заплакал,*
VI. 1 * *По лицу* Гильгамеша *побежали* слезы.
2 * «*Иду я* путем, *где* еще не ходил я,
3 * *Дорогой, которую* весь край мой не знает.
4 * *Если ныне я буду* благополучен,
5 * *В поход уходя* по доброй воле,—
6 * *Тебя, о Шамаш, я буду* славить,
7 * *Твои кумиры посажу* на престолы!»
8 * *Было положено пред ним* снаряженье,

9 * *Секиры, кинжалы* большие,
10—11 * *Лук и* колчан — их дали ему в руки.
12—15 * Взял *он* топор, *набил* колчан свой,
14 * *На плечо надел он лук* аншанский,
15 * *Кинжал заткнул он* себе за пояс,—
16 * *Приготовились* они к походу.

(Следуют две неясные строки, затем две соответствующие несохранившейся первой строке III таблицы «Ниневийской» версии.)

ТАБЛИЦА III

VI. 19 * Старейшины его благословляют
20 * На дорогу Гильгамешу дают советы:
1, 2 «Гильгамеш, на силу ты свою не надейся,
3 Лицом будь спокоен, ударяй же верно;
4 Впереди идущий сотоварища спасает:
5 Кто ведал тропы, сохранил он друга;
Пускай Энкиду идет пред тобою,—
Он знает дорогу к кедровому лесу,
Битвы он видел, бой ему ведом.
Энкиду, береги сотоварища, храни ты друга,
10 Через рытвины носи на руках его тело;
Мы в совете тебе царя поручаем,
Как вернешься ты — нам царя поручишь!»
13—14 Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он Энкиду:
15 «Давай, мой друг, пойдем в Эга́льмах
Пред очи Ни́нсун, царицы великой!
Нинсун мудрая,— все она знает,—
Путь разумный нашим стопам установит!»
За руки взялись они друг с другом,
20 Гильгамеш и Энкиду пошли в Эгальмах
Пред очи Нинсун, царицы великой.
Вступил Гильгамеш в покой царицын:
«Я *решился*, Нинсун, *идти походом*,
Дальней дорогой, туда, где Хумбаба,
25 В бою неведомом буду сражаться,
Путем неведомым буду ехать.
Пока я хожу, и назад не вернулся,
Пока не достигну кедрового леса,
Пока мной не сражен свирепый Хумбаба,
30 И все, что есть злого, не изгнал я из мира,—
Облачись в одеянье, достойное тела,
Кадильницы Шамашу ставь пред собою!»

Эти речи сына ее, Гильгамеша,
Печально слушала Нинсун, царица.
II. 1 Вступила *Нинсун в свои покои,*
Умыла тело мыльным корнем,
Облачилась в одеянья, достойные тела,
Надела ожерелье, достойное груди,
5 *Опоясана лентой,* увенчана тиарой
Чистой водой окропила землю,
Взо*шла по ступеням,* поднялась на крышу.
Поднявшись, *для* Шáмаша свершила воскуренье.
Положила мучную жертву и перед Шамашем воздела руки:
10 «Зачем ты мне дал в сыновья Гильгамеша
10a И вложил ему в грудь беспокойное сердце?
Теперь ты коснулся его, и пойдет он
Дальней дорогой, туда, где Хумбаба,
В бою неведомом будет сражаться,
Путем неведомым будет ехать,
15 Пока он ходит, и назад не вернулся,
Пока не достигнет кедрового леса,
Пока не сражен им свирепый Хумбаба,
И все, что есть злого, что ты ненавидишь, не изгнал он из мира,—
В день, когда ты ему знаменье *явишь,*
20 Пусть, тебя не страшась, тебе Айа-невеста напомнит,
Чтобы ты поручал его стражам *ночи*
В час вечерний, *когда на покой ты уходишь!*»

(Далее недостает около девяноста строк.)

IV. 15 Потушила курильницу, *завершила молитву,*
Позвала Энкиду и весть сообщила:
«Энкиду могучий, не мною рожденный!
18—19 Я тебя объявила посвященным Гильгамешу
20 Вместе с жрицами и девами, обреченными богу».
На шею Энкиду талисман надела,
За руки взялись *с ним* жены бога,
А дочери бога *его* величали.
«Я — Энкиду! *В поход Гильгамеш меня* взял *с собою!*» —
25 «Энкиду в *поход* Гильгамеш *взял с собою!*»

(Недостает двух стихов.)

28 «...Пока *он* ходит, и назад не вернулся,

28a Пока не достигнет кедрового леса.—
Месяц ли *пройдет* — *я с ним буду вместе*
Год ли *пройдет* — *я с ними буду вместе!»*

(Далее недостает свыше ста тридцати строк.)

ТАБЛИЦА IV

(От этой таблицы во всех версиях сохранились только фрагменты, взаимное расположение которых не вполне ясно.)

. . . .

а Через двадцать поприщ отломили ломтик,
б Через тридцать поприщ на привал остановились,
в Пятьдесят прошли они за день поприщ,
г Путь шести недель прошли — на третий день достигли *Евфрата.*
д Перед Солнцем вырыли колодец,
е [. . . . .]
ж Поднялся Гильгамеш на гору, *поглядел на окрестность:*
з «Гора, принеси мне сон *благоприятный!»*

. . . .

(Следует четыре непонятных строки; по-видимому, Энкиду сооружает палатку для Гильгамеша.)

н Гильгамеш подбородком уперся в колено,—
о Сон напал на него, удел человека.
п *Среди ночи сон его прекратился,*
р *Встал, говорит со своим он другом:*
с *«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?*
т *Друг мой, сон я нынче увидел,*
у Сон, что я видел,— весь он страшен:
ф *Под* обрывом горы *стоим мы с тобою,*
х Гора упала *и нас придавила,*
ц Мы [. . . . .]».
ч Кто в степи рожден — *ему ведома мудрость,*
ш Вещает другу Гильгамешу, ему сон толкует:
щ Друг мой, твой сон прекрасен, сон этот *для нас* драгоценен,
э Друг мой, гора, что ты видел,— не страшна нисколько:
ю Мы схватим Хумбабу, *его повалим,*

я А труп его бросим на поруганье!
аа Утром от Шамаша мы слово доброе услышим!»

бб Через двадцать поприщ отломили ломтик,
вв Через тридцать поприщ на привал остановились,
гг Пятьдесят прошли они за день поприщ,
дд Путь шести недель прошли — на третий день достигли [..........]
ее Перед Солнцем вырыли колодец,
жж [....................................]
зз Поднялся Гильгамеш на гору, *посмотрел на окрестность:*
ии «Гора, принеси мне сон *благоприятный!»*
[....................................]
пп Среди ночи сон его прекратился,
рр Встал, говорит со своим он другом:
сс «Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?
тт Друг мой, второй я сон увидел:
3 * Земля растрескалась, земля опустела, земля была в смятенье,
4 * Я схватил было тура степного,
5 * От рева его земля раскололась,
5а * От поднятой пыли затмилось небо,
6 * Перед ним я пал на колено;
7 * Но схватил [..... ....]
8 * Руку протянул, с земли *меня поднял,*
9 * *Утолил мой голод,* водой напоил из меха».
10 * «Бог, мой друг, к которому идем мы,
11 * Он не тур, а тот не враждебен вовсе;
12 * Тур в твоем сне — это Шамаш светлый,
13 * Руку нам в беде подает он;
14 * Тот, кто водою тебя поил из меха, —
15—16 * Это почтил тебя твой бог, Лугальбанда!
17 * Некое свершим мы дело, какого в мире не бывало!
а Утром от Шамаша мы слово доброе услышим!»

---

b Через двадцать поприщ отломили ломтик,
c Через тридцать поприщ на привал остановились,
d Пятьдесят прошли они за день поприщ —
e Путь шести недель прошли и достигли горы́ Ливана.
f Перед Солнцем вырыли колодец,

g [.....................................]
h Поднялся Гильгамеш на гору, *посмотрел на окрестность:*
i «Гора, принеси мне сон *благоприятный!»*
....

III. 6 Гильгамеш подбородком уперся в колено —
Сон напал на него, удел человека.
Среди ночи сон его прекратился,
Встал, говорит со своим он другом:
«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?
Ты меня не тронул? Отчего я вздрогнул?
Не бог ли прошел? Отчего трепещет мое тело?
Друг мой, третий сон я увидел,
Сон, что я видел,— весь он страшен!
Вопияло небо, земля громыхала,
День затих, темнота наступила,
Молния сверкала, полыхало пламя,
Огонь разгорался, смерть лила ливнем,—
Померкла зарница, погасло пламя,
Жар опустился, превратился в пепел —
В степь *мы вернемся,*— совет нам нужен!»
22 *Тут* Энкиду сон его понял, вещает Гильгамешу:

(Далее недостает около ста двадцати стихов; сохранились отдельные отрывки, из которых можно заключить, что герои, возможно, отступили, но затем повторили путешествие, во время которого Гильгамеш видел еще три сна.)

(Последний [?] из снов, в котором Гильгамеш видел великана, Энкиду истолковывает так:)

а′ «Друг мой, таково тому сну толкованье:
б′ Хумбабу,— того, что подобен *великану,*—
в′ Пока свет не забрезжит, *мы его одолеем,*
г′ *Над* ним мы *с тобою* победу добудем,
д′ На Хумбабу, кого *мы ненавидим* яро,
е′ Мы наступим ногою победоносно!»

(Однако по каким-то причинам героям нет удачи, и Гильгамеш вновь взывает к богу Шамашу:)

V. 38 . . . . Перед Шамашем, воином, бегут его слезы:
«Что ты *Нинсун* в Уруке поведал,
Вспомни, приди и услышь *нас!»*
Гильгамеша, отпрыска *огражденного* Урука,—
42 Уст его речь *услышал Шамаш* —
42а Внезапно с неба призыв раздался:

«Поспеши, подступи к нему, чтоб в лес не ушел он,
Не вошел бы в заросли, *от вас бы не скрылся!*
45 Он еще не надел свои семь одеяний *ужасных*,
46 Одно он надел, а шесть еще *сняты*».
46a А они *меж собою схватились*,
Словно буйные туры бодают *друг друга:*
Всего раз закричал еще, полный *гнева*,
Страж лесов закричал *из зарослей дальних*,
50 Хумбаба, как гром, *закричал издалека!*

Гильгамеш уста открыл, ему вещает, Энкиду:
VI. 1 «Один — лишь один, *ничего он не может*,
Чужаками *мы здесь будем поодиночке:*
По круче один не *взойдет*, *а двое — взберутся*,
[.................................]
5 Втрое скрученный канат *не скоро порвется*,
Два львенка *вместе* — льва сильнее!»

(Далее недостает около двадцати строк.)

Энкиду уста открыл, ему вещает, Гильгамешу:
23 «*Если бы в лес мы с тобою* спустились,
25 *Ослабеет тело*, онемеют *мои руки*».
Гильгамеш уста открыл, вещает он Энкиду:
«Друг мой, *ужели мы будем так* жалки?
Столько *гор* уже перешли мы,
29 *Убоимся* ли той, что теперь перед нами,
29a Прежде чем мы нарубим кедра?
30 *Друг мой*, в сраженьях ты сведущ, битвы тебе знакомы,
Натирался ты *зельем* и смерти не страшишься,
[.....................................]
Как большой барабан гремит *твой голос*!
Пусть сойдет с твоих рук онеменье, пусть покинет слабость *твое тело*,
35 Возьмемся за руки, пойдем же, друг мой!
36 *Пусть загорится* твое сердце сраженьем!
36a Забудь о смерти,— *достигнешь* жизни!
Человек осторожный *и неустрашимый*,
Идя впереди, себя сохранил бы и товарища спас бы,—
Далеко они свое прославили бы имя!»
40 *Так* достигли они *до кедрового леса*,
Прекратили свои речи и встали оба.

ТАБЛИЦА V

I. Остановились у края леса,
Кедров высоту они видят,
Леса глубину они видят,
Где Хумбаба ходит,— шагов не слышно:
Дороги проложены, путь удобен.
Видят гору кедра, жилище богов, престол Ирнини.
Пред горою кедры несут свою пышность,
Тень хороша их, полна отрады,
Поросло там терньем, поросло *кустами*,
Кедры *растут*, *растут* олеандры.
Лес на целое поприще рвы окружают,
И еще на две трети *рвы окружают.*

(Далее недостает почти шестидесяти стихов. В сохранившихся отрывках говорится о «выхваченных мечах», «отравленном железе», о том, что Хумбаба [?] «надел» свои ужасные одеянья-лучи [?], и о возможном «проклятье Эллиля». Далее идет речь Энкиду:)

II. Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
«Хумбаба [..........................],
Один — лишь один, *ничего он не может*,
Чужаками *мы здесь будем* *поодиночке*,
По круче один не *взойдет*, *а двое — взберутся*,
[....................................]
Втрое скрученный канат *не скоро порвется*,
Два львенка *вместе* — льва сильнее!»

(Далее до конца таблицы V текст «Ниневийской» версии не сохранился; судя по отрывку хеттского перевода эпоса, герои принялись рубить кедры, но были устрашены появлением Хумбабы; однако Шамаш закричал им с неба, чтобы они не боялись, и послал им на помощь восемь ветров, с помощью которых герои одолели Хумбабу; Хумбаба стал просить пощады, но Энкиду отсоветовал Гильгамешу щадить его. Помимо того, нужно было еще «убить» по отдельности волшебные «лучи-одеянья» Хумбабы. Дальнейшее известно лишь из «Старовавилонской» версии, в так называемом «Фрагменте Бауэра»:)

* Гильгамеш ему вещает, Энкиду:
* «Когда подойдем мы *убить Хумбабу*,
* Лучи сиянья в смятенье исчезнут,
* Лучи сиянья исчезнут, свет затмится!»
* Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
* «Друг мой, птичку поймай,— не уйдут и цыплята!
* Лучи сиянья потом поищем,

16 * Как цыплята в траве, они разбегутся.
17 * Самого срази,— а прислужников позже».
18 * Как услышал Гильгамеш сотоварища слово,—
19 * Боевой топор он поднял рукою,
20 * Выхватил из-за пояса меч свой,—
21 * Гильгамеш поразил его в затылок,
22 * Его друг, Энкиду, его в грудь ударил;
23 * На третьем ударе пал он,
24 * Замерли его буйные *члены*,
25 * Сразили они наземь стража, Хумбабу,—
26 * На два поприща вокруг *застонали* кедры:
27—28 * С ним вместе убил Энкиду леса́ и кедры.
29 * Сразил Энкиду стража ле́са,
30 * Чье слово *чтили* Ливан и Сари́а,
31 * Покой объял *высокие* горы,
32 * Покой объял *лесистые* вершины.
33 * Он сразил *защитников* кедра —
34 * Разбитые *лучи Хумбабы*.
34а * Когда их всех семерых убил он,
35 * Боевую сеть и кинжал в семь талантов,—
* Груз в восемь талантов,— снял с его тела,
* Жилище Ануннаков тайное открыл он.
* Гильгамеш деревья рубит, Энкиду пни корчует.
* Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
* «Друг мой, Гильгамеш! Мы кедр убили,—
* *Повесь боевой топор на* пояс,
* Возлей *перед Шамашем возлиянье*,—
* На берег Евфрата *доставим кедры*».

(Далее до конца таблицы от текста сохранились только ничтожные фрагменты.)

ТАБЛИЦА VI

1 Он умыл свое тело, все оружье блестело,
Со лба на спину власы он закинул,
С грязным он разлучился, чистым он облачился.
Как накинул он плащ и стан подпоясал,
5 Как венчал Гильгамеш себя тиарой,—
На красоту Гильгамеша подняла очи
государыня Иштар:
«Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
Зрелость тела в дар подари мне!
9 Ты лишь будешь мне мужем, я буду женою!

Приготовлю для тебя золотую колесницу,
С золотыми колесами, с янтарными рогами,
А впрягут в нее бури — могучих мулов.
Войди в наш дом в благоухании кедра!
Как входить ты в дом наш станешь,
И порог и престол да целуют твои ноги,
Да преклонят колени государи, цари и владыки,
Да несут тебе данью дар холмов и равнины,
Твои козы тройней, а овцы двойней да рожают,
Твой вьючный осел пусть догонит мула,
Твои кони в колеснице да будут горды в беге,
Под ярмом волы твои да не ведают равных!»

Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он государыне Иштар:
«*Зачем ты хочешь*, чтоб я взял тебя в жены?
Я дам тебе платьев, елея для тела,
Я дам тебе мяса в пропитанье и в пищу,
Накормлю тебя хлебом, достойным богини,
Вином напою, достойным царицы,
Твое жилище *пышно* украшу,
Твои амбары *зерном* засыплю,
Твои кумиры одену в одежды,—
Но в жены себе тебя не возьму я!
Ты — жаровня, *что гаснет* в холод,
Черная дверь, что не держит ветра и бури,
Дворец, *обвалившийся* *на голову* герою,
Слон, *растоптавший* свою попону,
Смола, которой *обварен* носильщик,
Мех, из которого *облит* носильщик,
Плита, *не сдержавшая* каменную стену,
Таран, предавший *жителей* во вражью землю,
Сандалия, жмущая ногу господина!
Какого супруга ты любила вечно,
Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!

....
Супругу юности твоей, Думузи,
Из года в год ты судила рыданья.
Птичку-пастушка еще ты любила —
Ты его ударила, крылья сломала;

Он живет среди лесов и кричит: «Мои крылья!»
И льва ты любила, совершенного силой,—
Семь и семь ему ты вырыла ловушек.
И коня ты любила, славного в битве,—
Кнут, узду и плеть ты ему судила,
Семь поприщ скакать ты ему судила,
Мутное пить ты ему судила,
Его матери, Силúли, ты судила рыданья.
И еще ты любила пастуха-козопаса,
Что тебе постоянно носил зольные хлебцы,
Каждый день сосунков тебе резал;
Ты его ударила, превратила в волка,—
Гоняют его свои же подпаски,
И собаки его за ляжки кусают.
Ишулла́ну, садовника отца, ты любила.
Что тебе постоянно носил фиников гроздья,
Каждый день тебе стол украшая,—
Подняла ты очи, к нему подошла ты:
«О мой Ишуллану, твоей зрелости вкусим,
И, рукою обнажась, коснись нашего лона!»
Ишуллану тебе отвечает:
«Чего ты от меня пожелала?
Чего мать не пекла моя, того не едал я,—
Как же буду есть хлеб прегрешенья и скверны?
Будет ли рогожа мне от стужи укрытьем?»
Ты же, услышав эти речи,
Ты его ударила, в *паука* превратила,
Поселила его среди *тяжкой* работы,—
Из *паутины* не вылезть, не спуститься *на пол*.
И со мной, полюбив, ты так же поступишь!»

Как услышала Иштар эти речи,
Иштар разъярилась, поднялась на небо,
Поднявшись, Иштар пред отцом своим, Ану, плачет,
Пред Анту, ее матерью, бегут ее слезы:
«Отец мой, Гильгамеш меня посрамляет,
Гильгамеш перечислил мои прегрешенья,
Все мои прегрешенья и все мои скверны».
Ану уста открыл и молвит, вещает ей, государыне Иштар:
«Разве не ты оскорбила царя Гильгамеша,
Что Гильгамеш перечислил твои прегрешенья,
Все твои прегрешенья и все твои скверны?»

Иштар уста открыла и молвит, вещает она отцу своему, Ану:
«Отец, создай Быка мне, чтоб убил Гильгамеша в его жилище,
За обиду Гильгамеш *поплатиться должен!*
Если же ты Быка не дашь мне —
Поражу я *Гильгамеша в* его жилище,
Проложу *я путь* в глубину преисподней,
Подниму я мертвых, чтоб живых пожирали,—
Станет меньше тогда живых, чем мертвых!»
Ану уста открыл и молвит, вещает ей, государыне Иштар:
«Если от меня ты Быка желаешь,
В краю Урука будут семь лет мякины.
Сена *для скота* должна собрать ты,
Для степного зверья должна травы взрастить ты».
Иштар уста открыла и молвит, вещает она отцу своему, Ану:
«*Для скота я сена в Уруке* скопила,
Для степного зверья травы *взрастила.*

(Далее недостает трех-четырех стихов, где говорилось о небесном Быке.)

Как услышал Ану эти речи,
Ее он *уважил*, Быка *он создал,*
[..................................]
В Урук с небес погнала его *Иштар.*
Когда достиг он *улиц* Урука,
[..................................]
Спустился к Евфрату, в семь глотков его выпил — река иссякла.
От дыханья Быка разверзлась яма,
Сто мужей Урука в нее свалились.
От второго дыханья разверзлась яма.
Двести мужей Урука в нее свалились.
При третьем дыханье стал плеваться на Энкиду;
Прыгнув, Энкиду за рог Быка ухватился,
Бык в лицо ему брызнул слюною,
Всей толщей хвоста его ударил.

Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Друг мой, гордимся мы *нашей отвагой,*
Что же мы отве*тим на эту обиду?*»

«Друг мой, видал я *Быка свирепость*,
Но силы его *для нас не опасны*.
Вырву ему сердце, *положу перед Шамашем*,—
я и ты — *Быка убьем мы*,
Встану я *над его трупом в знак победы*,
Наполню *рога елеем — подарю Лугальбанде!*
За *толщу хвоста его ухвати ты*,
А я между рогами, меж затылком и шеей,
поражу его кинжалом,
[...]».
Погнал Энкиду, Быка *повернул он*,
За толщу хвоста *его ухватил он*,
[...]
А Гильгамеш, как *увидел дело* храброго *героя*
и *верного друга*,—
Между рогами, меж затылком и шеей
Быка поразил кинжалом.
Как Быка они убили, ему вырвали сердце,
перед Шамашем положили,
Удалившись, перед Шамашем ниц склонились,
Отдыхать уселись оба брата.

Взобралась Иштар на стену огражденного
Урука,
В скорби распростерлась, бросила проклятье:
«Горе Гильгамешу! Меня он опозорил, Быка
убивши!»
Услыхал Энкиду эти речи Иштар,
Вырвал корень Быка, в лицо ей бросил:
«А с тобой — лишь достать бы,— как с ним бы
я сделал,
Кишки его на тебя намотал бы!»
Созвала Иштар любодеиц, блудниц и девок,
Корень Быка оплакивать стали.
А Гильгамеш созвал мастеров всех ремесел,—
Толщину рогов мастера хвалили.
Тридцать мин лазури — их отливка,
Толщиною в два пальца их оправа,
Шесть мер елея, что вошло в оба рога,
Подарил для помазанья своему богу
Лугальбанде,
А рога прибил у себя над хозяйским ложем.
Они руки свои омыли в Евфрате,

170—171 Обнялись, отправились, едут улицей Урука,
Толпы Урука на них взирают.
173—174 Гильгамеш вещает слово простолюдинкам Урука:
175 «Кто же красив среди героев,
Кто же горд среди мужей?
Гильгамеш красив среди героев,
Энкиду горд среди мужей!»
Бык богинин, кого *мы* изгнали в гневе,
180 Не достиг *на улицах* полноты *желанья*,
[....................................]!»

Гильгамеш во дворце устроил веселье,
Заснули герои, лежат на ложе ночи,
Заснул Энкиду — и сон увидел,
185 Поднялся Энкиду и сон толкует:
Вещает своему он другу:

ТАБЛИЦА VII

I. 1 «Друг мой, о чем совещаются великие боги?

(О дальнейшем известно лишь по отрывку из «Периферийной» версии на хеттском языке:)

2 ....
3 ** *Слушай* мой сон, что я видел ночью:
4—5 ** Ану, Эллиль и Шамаш меж собой говорили.
5a ** И Ану Эллилю вещает:
6 ** «Зачем они сразили Быка и Хумбабу?»
7 ** Ану сказал: «Умереть подобает
8 ** Тому, кто у гор похитил кедры!»
9 ** Эллиль промолвил: «Пусть умрет Энкиду,
10 ** Но Гильгамеш умереть не должен!»
** Отвечает Шамаш Эллилю-герою:
12—13 ** «Не твоим ли веленьем убиты Бык и Хумбаба?
13a ** Должен ли ныне Энкиду умереть безвинно?»
14 ** Разгневался Эллиль на Шамаша-героя:
15—16 ** «То-то ежедневно в их товарищах ты ходишь!»
17 ** Слег Энкиду перед Гильгамешем,
18 ** По лицу Гильгамеша побежали слезы:
19 ** «Брат, милый брат! Зачем вместо брата меня оправдали?»

20—21 ** И еще: «Неужели сидеть мне с призраком, у могильного входа?
22 ** Никогда не увидеть своими очами любимого брата?»

. . . .

(Возможно, сюда же относится отрывок «Периферийной» версии на аккадском языке, найденный в Мегиддо в Палестине:)

** [. . . . .]
2′—3′ ** Энкиду *прикоснулся к его руке,* говорит Гильгамешу:
4′ ** «*Не* рубил я кедра, *не убивал я Хумбабу.*
5′ ** [. . . . .]
6′ ** [. . . . .]
7′ ** *В* кедровом лесу, где обитают *боги,*
8′ ** *Не* убил *ни одного я кедра!*»
8a′ ** *Гильгамеш* от голоса *его пробудился,*
9′ ** *И* герою так он ве*щает:*
10′ ** «Благ *этот сон* и благо*п*риятен
11′ ** *Драгоценен* и благ, хотя и труден...»

(По-видимому, сюда же относится отрывок «Ниневийской» версии, хотя, возможно, в ней ему предшествовал текст, сильно отличавшийся от приведенной выше «Периферийной». После нескольких сильно разрушенных стихов из речи Энкиду идут такие стихи:)

I. 27—28 Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Давай, мой друг, *пойдем и Эллиля попросим!*»
30 У вход*а в храм* *они остановились,*
Деревянную дверь *они увидали.*
Ибо *Эллилю* *ее подарил Энкиду,*
Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Из-за *двери* *деревянной беда случилась!*»

. . . .

I. 36 Энкиду поднял *на дверь* свои очи,
С дверью беседует, как с человеком:
«Деревянная дверь, без *толка и смысла,*
Никакого в ней разумения нету!
40 Для тебя я дерево искал за двадцать поприщ,
Пока не увидел длинного кедра,—
Тому дереву не было равных *в мире!*
Восемнадцать сажен ты высотою, шесть сажен ты шириною,

Твой засов, петля и задвижка *длиною двенадцать локтей.*
Изготовил, доставил тебя, в Ниппуре *украсил* —
Знал бы я, дверь, что такова будет расплата,
Что благо такое *ты принесешь мне*,—
Взял бы топор я, порубил бы *в щепы*,
Связал бы плот — *и пустил бы по водам!*

(Далее четыре непонятных стиха.)

II. г Ану и Иштар *мне того* не *простили!*
д Ныне же, дверь,— зачем я тебя сделал?
е Сам *погубил себя* благоч*естивым даром!*
ж Пусть бы будущий царь тебя оправил,
жж Пусть бы бог *изготовил* твои *дверные* ств*орки*,
и Стер бы мое имя, свое написал бы,
ии Сорвал бы мою дверь, а свою поставил!»
к Его слово услышав, сразу жарко заплакал,
л Услыхал Гильгамеш слово друга, Энкиду,— побежали его слезы.
м Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает Энкиду:
н «*Тебе бог даровал* глубокий разум, *мудрые* речи —
о Чел*овек ты* разумный — *а мыслишь* так странно!
п Зачем, мой друг, ты мыслишь так странно?
р Драгоценен твой сон, хоть много в нем страха:
рр Как мушиные крылья, еще трепещут твои губы!
с Много в нем страха, но сон этот дорог:
т *Для живого — тосковать* — его доля,
у *Сон* тоску оставляет для живого!
ф А *теперь* помолюсь я богам великим,—
х *Милость* взыскуя, обращусь к твоему богу:
хх *Пусть*, отец богов, *будет милостив Ану*,
ц Даже Эллиль да *сжалится*, *смилуется Шамаш*,—
ч *Златом* без счета *их* украшу кумиры!»
ч—ш *Услыхал его Шамаш*, *воззвал к нему с неба:*
ш «Не трать, о царь, на кумиры злата,—
щ *Слово*, что сказано, *бог* не *изменит*,
э *Слово*, что сказано, не вернет, не отменит,
ю *Жребий*, что брошен, не вернет, не отменит,—
я Суд*ьба* людская прохо*дит*,— *ничто не останется в мире!*»
аа На веление Шамаша поднял голову Энкиду,
бб *Перед* Шамашем бегут его слезы:

III. 4 «Я молю тебя, Шамаш, из-за судьбы моей враждебной —
4a *Об* охотнике, ловце-человеке,—
5 Он не дал достичь мне, чего друг мой достигнул,
Пусть охотник не достигнет, чего друзья его достигли!
Пусть будут руки его слабы, прибыток скуден,
8 Пусть его пред тобою уменьшится доля,
8a *Пусть зверь* в ловушку нейдет, а в щели уходит!
9 *Пусть* охотник не *исполнит* желания сердца!
9a *На* Шамхат *во гневе* навел он проклятье:
10 «Давай, блудница, *тебе* долю назначу,
Что не кончится на веки вечные *в* мире;
Прокляну великим проклятьем,
Чтобы скоро то проклятье тебя бы постигло:
14 Пусть ты не устроишь себе до́ма на радость,
14a *Пусть ты не полюбишь* нагуляной *дочки*,
15 Пусть не введешь на *посиделки* девичьи,
Пусть заливают пивом твое прекрасное лоно,
Пусть пьяный заблюет твое платье в праздник,
Пусть он отберет *твои* красивые *бусы*,
Пусть горшечник *вдогонку* *тебе* глину *швыряет*,
20 Пусть из светлой доли ничего тебе не будет,
21 Чистое серебро, гордость людей и здоровье,
21a Пусть у тебя не водятся в доме,
Пусть будут брать наслажденье от тебя у порогов,
Перекрестки дорог тебе будут жилищем,
Пустыри пускай тебе будут ночевкой,
25 Тень стены обиталищем будет,
Отдыха пусть твои ноги не знают,
По щекам *пусть бьют* *калека и пьяный*,
30 Пусть кричит на тебя *жена* верного *мужа*,
Пусть не чи́нит твою кровлю строитель,
В щёлях стен пусть поселятся совы пустыни,
Пусть к тебе на пир *не сходятся гости*,
[..]
35 [..]
Пусть проход в твое лоно закроется гноем,
Пусть дар будет нищ за раскрытое лоно,—
Ибо чистому мне *притворилась* ты суп*ругой*,
И над чистым мною ты обман совершила!»

Шамаш услышал уст его слово,—
Внезапно с неба призыв раздался:
«Зачем, Энкиду, блудницу Шамхат ты проклял,
Что кормила тебя хлебом, достойным бога,
Питьем поила, царя достойным,
Тебя великой одеждой одела
И в сотоварищи добрые тебе дала Гильгамеша?
Теперь же Гильгамеш, и друг и брат твой,
Уложит тебя на великом ложе,
На ложе почетном тебя уложит,
Поселит тебя слева, в месте покоя;
Государи земли облобызают твои ноги,
Велит он оплакать тебя народу Урука,
Веселым людям скорбный обряд поручит,
А сам после тебя он рубище наденет,
Львиной шкурой облачится, бежит в пустыню».

Услыхал Энкиду слово Шамаша-героя,—
У него успокоилось гневное сердце,
Усмирилась разъярённая *печень.*
«*Давай, блудница, я иное назначу*:
IV. *Пусть тебя покинувший к тебе* вернется,
Госу*дари, цари* и владыки пусть *тебя* полюбят,
Тебя увидавший пусть тебе изумится,
Герой для тебя пусть встряхнет кудрями,
Не задержит тебя страж, а тот пусть пояс развяжет,
Даст стеклянные блестки, лазурь и злато,
Кованые серьги тебе пусть подарит,—
А за то ему ливнем зерно польется;
В храм богов заклинатель пусть тебя приводит,
Для тебя пусть покинут мать семерых, супругу!»
В утробу Энкиду боль *проникла*,
На ложе ночи, где лежал он одиноко.
Все свои скорби он *поведал* другу:
«Слушай, друг мой! Сон я видел ночью —
Вопияло небо, земля отвечала,
Только я стою между ними
Да один человек — лицо его мрачно,
Птице бури он лицом подобен,
Его крылья — орлиные крылья, его когти — орлиные когти,
Он за власы схватил, меня одолел он,

Я его ударил — как скакалка, он скачет,
Он меня ударил — исцелил мою *рану*,
Но, как тур, на меня наступил он,
Сжал, как тисками, все мое тело.
25 «Друг мой, спаси меня!» Не мог спасти ты,
Ты убоялся, не *мог сражаться*,
Ты лишь [..................................
...................................]
31 Он ко мне прикоснулся, превратил меня в птаху,
Крылья, как птичьи, надел мне на плечи:
Взглянул и увел меня в дом мрака, жилище Иркаллы,
В дом, откуда вошедший никогда не выходит,
35 В путь, по которому не выйти обратно,
В дом, где живущие лишаются света,
Где их пища — прах и еда их — глина,
А одеты, как птицы,— одеждою крыльев,
39 И света не видят, но во тьме обитают,
39а А засовы и двери покрыты пылью!
40 В Доме праха, куда вступил я,
Поглядел я — венцы смиренны:
Я послушал,— венценосцы, что в прежние дни владели миром,
Ану и Эллилю подносят жареное мясо,
Ставят *хлеб* печеный, холодную, из меха, возливают воду.
45 В Доме праха, куда вступил я,
46—47 Живут жрец и служка, живут волхв и одержимый,
Живут священники богов великих,
Живет Эта́на, живет Суму́кан,
50 Живет Эрешкигаль, земли царица;
Бе́лет-це́ри, дева-писец земли, перед ней на коленях,
Таблицу судеб держит, пред нею читает,—
Подняла лицо, меня увидала:
«*Смерть* уже взяла того человека!»

(Далее недостает около пятидесяти стихов; Энкиду видел еще сон; рассказ о нем кончается словами:)

VI. 1 «...Мы *с тобою вместе* все труды *делили*,—
Помни *меня*, *друг* мой, *не забудь* мои деянья!»

Друг его увидел сон необъясненный,
Когда сон он увидел, его иссякла сила.
Лежит Энкиду на ложе,
Первый день, второй день, что лежит Энкиду на ложе,
Третий день и четвертый, что лежит Энкиду на ложе.
Пятый, шестой и седьмой, восьмой, девятый и десятый,—
Стал недуг тяжелей у Энкиду,
Одиннадцатый и двенадцатый *дни миновались* —
На ложе своем приподнялся Энкиду,
Кликнул Гильгамеша, *ему вещает:*
«Друг мой *отныне* меня возненавидел,—
Когда в Уруке *мы с ним говорили,*
Я боялся сраженья, *а он был мне в помощь;*
Друг, что в бою спасал,— почему *меня покинул?*
Я и ты — *не равно ли мы смертны?»*

(Далее до конца таблицы недостает двадцати пяти — тридцати стихов.)

ТАБЛИЦА VIII

I. Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш уста открыл и молвит:
«Энкиду, друг мой, твоя мать антилопа
И онагр, твой отец, тебя породили,
Молоком своим тебя звери взрастили
И скот в степи на пастбищах дальних!
В кедровом лесу стези Энкиду
По тебе да *плачут* день и ночь неумолчно,
Да плачут старейшины огражденного Урука,
Да плачет руку нам вслед простиравший,
Да плачут уступы гор лесистых,
По которым мы с тобою всходили,
Да рыдает пажить, как мать родная,
Да плачут соком *кипарисы* и кедры,
Средь которых с тобою мы пробирались,
Да плачут медведи, гиены, барсы и тигры,
Козероги и рыси, львы и туры,
Олени и антилопы, скот и тварь степная,
Да плачет священный Евлей, где мы гордо ходили по брегу,

Да плачет светлый Евфрат, где мы черпали воду для меха,
Да плачут мужи обширного ограждённого Урука,
Да плачут жены, что видали, как Быка мы убили,
Да плачет земледелец доброго града, твое славивший имя,
Да плачет тот, кто, как древними людьми, гордился тобою,
Да плачет тот, кто накормил тебя хлебом,
Да плачет *рабыня*, что умастила твои ноги,
Да плачет *раб*, кто вина к устам твоим подал,
Да плачет *блудница*, тебя умастившая добрым елеем.
Да плачет в брачный *покой вступивший,*
Обретший супругу твоим добрым советом,
Братья да плачут по тебе, как сестры,
В скорби да рвут власы над тобою!
Словно мать и отец в его дальних кочевьях,
Я об Энкиду буду плакать:
36′ Внимайте же мне, мужи, внимайте,
II. 1 Внимайте, старейшины огражденного Урука!
Я об Энкиду, моем друге, плачу,
Словно плакальщица, горько рыдаю:
Мощный топор мой, сильный оплот мой,
Верный кинжал мой, надежный щит мой,
Праздничный плащ мой, пышный убор мой,—
Демон злой у меня его отнял!
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах!
Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах!
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,—
Что за сон теперь овладел тобою?
Стал ты темен и меня не слышишь!»
А тот головы поднять не может.
Тронул он сердце — оно не бьется.
Закрыл он другу лицо, как невесте,
Сам, как орел, над ним кружит он,
Точно львица, чьи львята — в ловушке,
Мечется грозно взад и вперед он,
Словно кудель, раздирает власы он,
Словно скверну, срывает одежду.

Едва занялось сияние утра,
22′ Гильгамеш по стране созывает кличем
Ваятелей, медников, кузнецов, камнерезов.
«Друг мой, сделаю кумир твой,
25′ Какого никто не делал другу:
Друга рост и облик в нем будет явлен,—
Подножье из камня, власы — из лазури,
Лицо — из алебастра, из золота — тело.

(Далее недостает около двадцати стихов.)

II. 50 + x «...*Теперь же я, и друг и брат твой,*
Тебя уложил на великом ложе,
III. 1 На ложе почетном тебя уложил я,
Поселил тебя слева, в месте покоя,
Государи земли облобызали твои ноги,
Велел оплакать тебя народу Урука,
5 Веселым людям скорбный обряд поручил я,
А сам после *друга* рубище надел я,
Львиной шкурой облачился, бегу в пустыню!»

---

8 Едва занялось сияние утра,

(Далее недостает более сотни стихов.)

V. 45 Едва занялось сияние утра,
45a Гильгамеш изготовил *из глины фигурку,*
Вынес стол большой, деревянный,
Сосуд из сердолика наполнил медом,
Сосуд из лазури наполнил маслом,
Стол украсил и для Шамаша вынес.

(До конца таблицы недостает около пятидесяти стихов; содержанием их было гадание Гильгамеша и ответ богов. Вероятно, он был сходен по содержанию с тем, который содержится в «Старовавилонской» версии, но не в этом месте, а в той таблице, которая соответствовала позднейшей десятой,— в так называемой «Таблице Мейснера». Ниже приводим текст из нее; первые строки представляют собой домысел переводчика.)

Эллиль услышал уст его слово —
Внезапно с неба призыв раздался:
«Издревле, Гильгамеш, назначено людям:
Земледелец пашет землю, урожай собирает,
Пастух и охотник со зверьем обитает,

Табл. X. 2 * *Надевает* их шкуру, ест их мясо.
* Ты же хочешь, Гильгамеш, чего не бывало,
* С тех пор как мой ветер гонит во́ды».
* Опечалился Шамаш, к нему явился,
* Вещает он Гильгамешу:
* «Гильгамеш, куда ты стремишься?
* Жизни, что ищешь, не найдешь ты!»
* Гильгамеш ему вещает, Шамашу-герою:
* «После того как бродил по свету,
* Разве довольно в земле покоя?
* Видно, проспал я все эти годы!
* Пусть же солнечным светом насытятся очи:
* Пуста темнота, как нужно света!
* Можно ль мертвому видеть сияние солнца?»

(От этого места в «Старовавилонской» версии до конца таблицы еще около двадцати стихов.)

ТАБЛИЦА IX

I.1 Гильгамеш об Энкиду, своем друге,
Горько плачет и бежит в пустыню:
«И я не так ли умру, как Энкиду?
Тоска в утробу мою проникла,
Смерти страшусь и бегу в пустыню.
Под власть Утнапи́шти, сына Убар-Ту́ту,
Путь я предпринял, иду поспешно.
Перевалов горных достигнув ночью,
Львов я видал, и бывало мне страшно,—
Главу подымая, молюсь я Сину,
И ко всем богам идут мои молитвы:
Как прежде бывало, меня сохраните!»
Ночью он лег,— от сна пробудившись,
Видит, львы резвятся, радуясь жизни.
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,—
Словно копье, упал *между* ними,
Ударял, повергал, *убивал и рубил он.*

(Далее недостает около тридцати стихов.)

II. 1 Он слыхал о горах, *чье имя* — Ма́шу,
Как только к этим горам подошел он,
Что восход и закат стерегут ежедневно,
Наверху металла небес достигают,

Внизу — преисподней   их грудь достигает,—
Люди-скорпионы   стерегут их ворота:
Грозен их вид,   их взоры — гибель,
Их мерцающий блеск   повергает горы —
При восходе и закате Солнца   они охраняют Солнце,—
Как только их   Гильгамеш увидел —
Ужас и страх   его лицо помрачили.
С духом собрался,   направился к ним он;
Человек-скорпион   жене своей крикнул:
«Тот, кто подходит к нам,—   плоть богов — его тело!»
Человеку-скорпиону   жена отвечает:
«На две трети он бог,   на одну — человек он!»
Человек-скорпион   Гильгамешу крикнул,
Потомку богов   вещает слово:
«*Почему идешь ты*   путем далеким,
Какою дорогой   меня *достиг ты*,
Реки переплыл,   где трудна переправа?
Зачем ты *пришел*,   хочу узнать я,
Куда путь твой лежит,   хочу узнать я!»
Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
«Младший мой брат,   гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
Энкиду, младший мой брат,   гонитель онагров горных, пантер на просторах,
С *кем мы, встретившись вместе,   подымались в горы,*
Вместе схвативши,   Быка убили,
В кедровом лесу   погубили Хумбабу,
Друг мой, которого   так любил я,
С которым мы все   труды делили,
Энкиду, друг мой,   которого так любил я,
С которым мы все   труды делили,—
Его постигла   судьба человека!
Шесть дней миновало,   семь ночей миновало,
Пока в его нос   не проникли черви.
Устрашился я смерти,   не найти мне жизни:
Мысль о герое   не дает мне покоя!
Дальней дорогой   бегу в пустыне:
Мысль об Энкиду, герое,   не дает мне покоя —
Дальним путем   скитаюсь в пустыне!
Как же смолчу я,   как успокоюсь?
Друг мой любимый   стал землею!
Энкиду, друг мой любимый,   стал землею!

Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?
Теперь же, скорпион, тебя я встретил,—
Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!
III. 1—2 [..]
3 К Утнапи́шти, отцу моему, иду я поспешно,
К тому, кто, выжив, в собранье богов был принят и жизнь обрел в нем:
5 *Я спрошу у него* о жизни и смерти!»
6—7 Человек-скорпион уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«*Никогда*, Гильгамеш, не бывало *дороги*,
Не ходил никто еще ходом горным:
10 На двенадцать поприщ *простирается* внутрь он:
Темнота густа, *не видно света* —
При восходе Солнца *закрывают ворота*,
При заходе Солнца *открывают ворота*,
При заходе Солнца *опять закрывают ворота*.
15 Выводят *оттуда только Шамаша боги*,
Опаляет *живущих он сияньем*,—
Ты же — *как ты сможешь пройти тем ходом?*
Ты вой*дешь и больше оттуда не выйдешь!*»

(Далее недостает более пятидесяти стихов.)

Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
«[...................................]
IV. 33 В тоске *моей плоти, в печали сердца*,
И в жар *и в стужу, в темноте и во мраке*,
35 Во вздохах *и плаче,— вперед пойду я!*
Теперь *открой* мне *ворота в горы!*»
37—38 Человек-скорпион уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Иди, Гильгамеш, *путем своим трудным*,
40 Го́ры Ма́шу *ты да минуешь*,
Леса и горы *да пройдешь отважно*,
Да *вернешься обратно* благополучно!
Ворота гор *для тебя открыты*».
Гильгамеш, *когда услышал это*,
Человеку-скорпиону был послушен,
По дороге Шамаша *стопы он направил*.
Первое поприще *уже прошел он* —
Темнота густа, не *видно света*,
Ни вперед, ни назад нельзя ему *видеть*.
Второе поприще *уже прошел он* —

V.1 Темнота густа, не *видно света*,
Ни вперед, ни назад *нельзя ему видеть.*
Третье поприще пройдя, *он вспять обратился.*

(В следующих недостающих восемнадцати стихах, вероятно, объяснялось, почему Гильгамеш решился вновь предпринять путь сквозь подземелье на краю света.)

С духом собрался, *вперед зашагал он.*
Четвертое поприще *уже прошел он —*
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему *видеть.*
Пятое поприще уже *прошел он —*
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему *видеть.*
Шестое поприще *уже прошел он —*
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему *видеть*,
Седьмое поприще пройдя — *он прислушался к мраку:*
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему *видеть.*
Восьмое поприще пройдя,— *в темноту* он крикнул:
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему *видеть.*
На девятом поприще холодок *он почуял,—*
Дыхание ветра его лица *коснулось,—*
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему *видеть*,
42—43 На *десятом поприще* *стал выход* близок,—
Но, как десять поприщ, поприще *это.*
На одиннадцатом поприще пред рассветом брезжит,
На двенадцатом поприще свет появился,
Поспешил он, рощу из каменьев увидев:
Сердолик плоды приносит,
Гроздьями увешан, на вид приятен.
Лазурит растет листвою —
Плодоносит тоже, на вид забавен.

(Далее недостает тридцать четыре стиха. Сохранились отрывки дальнейшего описания волшебного сада.)

VI. 35 Гильгамеш, проходя по саду каменьев,
Очи поднял на это чудо

I. Сидури — хозяйка богов, что живет на обрыве у моря,
Живет она и *брагой* *их угощает:*
Ей дали кувшин, ей дали золотую чашу,—
Покрывалом покрыта, *незрима людям.*
Гильгамеш приближается *к ее жилищу,*
Шкурой одетый, *покрытый* прахом,
Плоть богов таится *в его теле,*
Тоска в утробе *его обитает,*
Идущему дальним путем он лицом подобен.
Хозяйка издали его увидала,
Своему она сердцу, помыслив, *вещает,*
Сама с собою *совет* она *держит:*
«Наверное, это — убийца *буйный,*
Кого хорошего *тут увидишь?*»
Увидав его, хозяйка затворила двери,
Затворила двери, засов заложила.
А он, Гильгамеш, *тот стук* услышал,
Поднял лицо и к ней *обратился.*

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
«Хозяйка, ты что увидала, зачем затворила двери,
Затворила двери, засов заложила?
Ударю я в дверь, разломаю затворы!»
[.......................................
....]
Сидури-хозяйка крикнула Гильгамешу,
Потомку богов вещает слово:
«Почему идешь ты путем далеким,
Какою дорогой меня достиг ты,
Реки переплыл, где трудна переправа?
Зачем ты пришел, хочу узнать я,
Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»
Гильгамеш ей вещает, хозяйке Сидури:
«Я — Гильгамеш, убивший стража леса,
а В кедровом лесу *погубивший* Хумбабу,
б *Сразивший Быка, что спустился с неба,*
в Перебивший львов *на перевалах* горных».
г Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
д «Если ты — Гильгамеш, убивший стража леса,

е В кедровом лесу *погубивший Хумбабу,*
ж *Сразивший* Быка, что спустился с неба,
з Перебивший львов на перевалах горных,—
и Почему твои щеки впали, голова поникла,
к Печально сердце, лицо увяло,
л Тоска в утробе твоей обитает,
м Идущему дальним путем ты лицом подобен,
н Жара и стужи лицо спалили,
о И марева ищешь, бежишь по пустыне?»

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне?
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
С *кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,*
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
II. 1 Друг мой, которого так любил я,
1a С которым мы все труды делили,
2 Энкиду, друг мой, которого так любил я,
2a С которым мы все труды делили,—
Его постигла судьба человека!
Шесть дней, семь ночей над ним я плакал,
5 Не предавая его могиле,—
II. 7 * Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?
II. 6 Пока в его нос не проникли черви!
Устрашился я смерти, не найти мне жизни!
II.11 * Словно разбойник, брожу в пустыне:
II. 8a Слово героя не дает мне покоя —
9 Дальней дорогой бегу в пустыне:
9a Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя —
10 Дальним путем скитаюсь в пустыне:
11 Как же смолчу я, как успокоюсь?
12 Друг мой любимый стал землею!
12a Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,

14 Чтоб не встать во веки веков?
II. 12 * Теперь же, хозяйка, тебя я встретил,—
* Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!»
* Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
III. 1 * «Гильгамеш! Куда ты стремишься?
* Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
* Боги, когда создавали человека,—
* Смерть они определили человеку,
5 * Жизнь в своих руках удержали.
* Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
* Днем и ночью да будешь ты весел,
* Праздник справляй ежедневно,
* Днем и ночью играй и пляши ты!
10 * Светлы да будут твои одежды,
* Волосы чисты, водой омывайся,
* Гляди, как дитя твою руку держит,
* Своими объятьями радуй подругу —
14 * Только в этом дело *человека!*»

II. 15 Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
«Теперь, хозяйка,— где путь к Утнапишти?
17 *Каков* его признак,— дай его мне ты,
17a Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно — переправлюсь морем,
Если нельзя — побегу пустыней!»
20 Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,
И не мог переправиться морем никто, здесь бывший издревле,—
23 Шамаш-герой переправится морем,—
23a Кроме Шамаша, кто это может?
Трудна переправа, тяжела дорога,
25 Глубоки воды смерти, что ее преграждают.
А что, Гильгамеш, переправившись морем,—
Вод смерти достигнув,— ты будешь делать?
Есть, Гильгамеш, Уршана́би, корабельщик Утнапишти,
У него есть идолы, в лесу он ловит змея;
30 Найди его и с ним повидайся,
31 Если возможно — с ним переправься,
31a Если нельзя, то вспять обратися».
Гильгамеш, как услышал эти речи,
Боевой топор он поднял рукою,
34 Выхватил из-за пояса меч свой,

34a Меж деревьев углубился в заросль,
Словно копье упал между ними,
Идолов разбил, во внезапном буйстве,
Змея волшебного нашел среди леса,
Удушил его своими руками.
Когда же Гильгамеш *насытился буйством,*
В его груди *успокоилась ярость,*
Сказал он в своем сердце: «Не найти мне лодки!
Как одолею воды смерти,
Как переправлюсь чрез широкое *море?»*
Гильгамеш удержал *свое буйство,*
Из леса вышел, к Реке *спустился.*
По водам Уршанаби плыл на лодке,
Лодку к берегу *он направил.*
Гильгамеш ему вещает, корабельщику *Уршанаби:*
VI. 8 * «Я — Гильгамеш, таково мое имя,
* Что пришел из Урука, дома Ану,
* Что бродил по горам путем далеким с восхода Солнца».
III. 1 Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
«Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печально сердце, лицо увяло,
Тоска в утробе твоей обитает,
Идущему дальним путем ты лицом подобен,
Жара и стужа лицо опалили,
И марева ищешь, бежишь по пустыне?»
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне,
Не искать мне марева, не бежать по пустыне?
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
15a Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, подымались в горы,
Вместе схватившии, Быка убили,
На перевалах горных львов убивали,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,
20a С которым мы все труды делили,

21 Энкиду, друг мой, которого так любил я,
21a С которым мы все труды делили,—
Его постигла судьба человека!
Шесть дней миновало, семь ночей миновало,
Пока в его нос не проникли черви.
25 Устрашился я смерти, не найти мне жизни,
Слово героя не дает мне покоя —
27 Дальней дорогой бегу в пустыне!
27a Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя —
Дальним путем скитаюсь в пустыне:
Как же смолчу я, как успокоюсь?
30 Друг мой любимый стал землею,
30a Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
31 Так же, как он, и я не лягу ль,
31a Чтоб не встать во веки веков?»

(Ответ Уршанаби пропущен, может быть, по небрежности писца.)

32 Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Теперь, Уршанаби,— где путь к Утнапишти?
34 Каков его признак — дай его мне ты!
34a Дай же ты мне пути того признак:
35 Если возможно — переправлюсь морем,
35a Если нельзя — побегу пустыней!»
Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
IV. 7′ * «Идолы те, Гильгамеш, мне оберегом были,
8′ * Чтобы я не прикоснулся к водам смерти;
9′ * В ярости твоей ты идолы разрушил,—
10′ * *Без тех идолов тебя переправить трудно*,
Возьми, Гильгамеш, топор в свою руку,
III. 41 Углубися в лес, наруби шестов там,
41a Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен,
Осмоли, сделай лопасти и мне принеси их».
Гильгамеш, услышав эти речи,
44 Боевой топор он поднял рукою,
44a Выхватил из-за пояса меч свой,
45 Углубился в лес, нарубил шестов там,
45a Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен,—
Осмолил, сделал лопасти, к нему принес их.
Гильгамеш и Уршанаби шагнули в лодку,
Столкнули лодку на волны *и на ней поплыли*.
Путь шести недель за три дня совершили,
50 И вступил Уршанаби в воды *смерти*.
IV. 1 Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:

«Отстранись, Гильгамеш, *и шест возьми ты,*
Во́ды смерти рукою не тронь, берегися!
Второй, третий и четвертый, Гильгамеш, возьми ты,
Пятый, шестой и седьмой, Гильгамеш, возьми ты,
Восьмой, девятый и десятый, Гильгамеш, возьми ты,
Одиннадцатый и двенадцатый, Гильгамеш, возьми ты»,—
На сто двадцатом кончились шесты у Гильгамеша,
И развязал он *препоясанье* чресел,
Скинул Гильгамеш *одежду, ее развернул он,*
Как парус, ее руками поднял.
Утнапишти издали их увидел,
Помыслив, сердцу своему *вещает,*
Сам с собою *совет* он *держит:*
«Почему это *идолы* на ладье разбиты,
И плывет *на ней* не ее хозяин?
17 Тот, кто подходит,— не мой человек он,
17a И справа *гляжу я, и слева гляжу я,*
Я гляжу на него — *и узнать* не *могу я,*
Я гляжу на него — *и понять* не *могу я,*
Я гляжу на него — *и не ведаю, кто он.*
[......................................]»

(Далее недостает около двадцати стихов.)

IV. 42 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печально сердце, лицо увяло,
Тоска в утробе твоей обитает,
Идущему дальним путем ты лицом подобен,
Жара и стужа чело опалили,
И марева ищешь, бежишь по пустыне?»
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
V. 1 Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне,
Не искать мне марева, не бежать по пустыне?
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,

С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
10 В кедровом лесу погубили Хумбабу,
11 На перевалах горных львов убивали,
12 Друг мой, которого так любил я,
12a С которым мы все труды делили,
13 Энкиду, друг мой, которого так любил я,
13a С которым мы все труды делили,—
14 Его постигла судьба человека!
14a Дни и ночи над ним я плакал,
15 Не предавая его могиле,
16 Пока в его нос не проникли черви.
17 Устрашился я смерти и бегу в пустыне,—
18 Слово героя не дает мне покоя,
18a Дальней дорогой *брожу* в пустыне —
19 Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя:
20 Как же смолчу я, как успокоюсь?
21 Друг мой любимый стал землею,
21a Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
22 Так же, как он, и я не лягу ль,
22a Чтоб не встать во веки веков?»
23 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
24 «Я же, чтоб дойти до дальнего Утнапишти:
24a Чтоб увидеть того, о ком ходит преданье,
25 Я скитался долго, обошел все страны,
Я взбирался на трудные горы,
Через все моря я переправлялся,
Сладким сном не утолял свои очи,
29 Мучил себя непрерывным бденьем,
29a Плоть свою я наполнил тоскою,
30 Не дойдя до хозяйки богов, сносил я одежду,
31 Убивал я медведей, гиен, львов, барсов и тигров,
31a Оленей и серн, скот и тварь степную,
32 Ел их *мясо*, их шкурой ублажал свое тело;
33 *При виде меня хозяйка* заперла двери,
33a Смолой и киром обмазал шесты я,
34 *Когда плыл на ладье*, не тронул воды я,—
35 *Да найду я жизнь*, *которую ищу я!*»
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Почему, Гильгамеш, ты *исполнен* тоскою?
Потому ль, что плоть богов и людей в твоем теле,
Потому ль, что отец и мать тебя создали смертным?

40 Ты узнал ли,— когда-то для смертного Гильгамеша
Было ль в собранье богов поставлено кресло?
42 Даны ему, смертному, пределы:
42a *Люди — как пахтанье, боги* — как *масло*,
Человеки и боги — как мякина и пшеница!
Поспешил ты *шкурою*, Гильгамеш, *облечься*,
45 И что *царскую* перевязь, ее ты *носишь*,—
Потому что — нет *у меня для тебя ответа*,
Сло́ва совета нет *для тебя никакого!*
Обрати лицо свое, Гильгамеш, *к твоим людям:*
Почему их правитель рубище *носит?*
50 [.......................................]

(Далее недостает около двадцати пяти стихов.)

VI. 25 Ярая см*ерть не щадит человека:*
26 Разве навеки мы строим домы?
26a Разве навеки ставим печ*ати?*
Разве навеки *делятся* братья?
Разве навеки ненависть в *людях?*
Разве навеки река несет полые воды?
30 Стрекозой *навсегда ль обернется* личинка?
Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало:
Пленный и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?
35 Человек ли владыка? Когда *Эллиль* благословит *их*,
То сб*ираются* Ануннаки, великие боги,
Ма́мет, создавшая судьбы, судьбу с ними вместе судит:
Они смерть и жизнь определили,
39 Не поведали смертного часа,
39a А поведали: жить живому!»

ТАБЛИЦА XI

1 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
2 «Гляжу на тебя я, Утнапишти,
3 Не чуден ты ростом — таков, как и я, ты,
4 И сам ты не чуден — таков, как и я, ты.
5 Не страшно мне с тобою сразиться;

6 *Отдыхая*, и ты на спину ложишься —
7 Скажи, как ты, выжив, в собранье богов был принят и жизнь обрел в нем?»

---

8 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
9 «Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
10 И тайну богов тебе расскажу я.
11 Шуриппак, город, который ты знаешь,
12 Что лежит на бреге Евфрата,—
13 Этот город древен, близки к нему боги.
14 Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
15—16 Совещались отец их Ану, Эллиль, герой, их советник,
17—18 Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.
19 Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
20 Но хижине он их слово поведал:
21 «Хижина, хижина! Стенка, стенка!
22 Слушай, хижина! Стенка, запомни!
23 Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
24 Снеси жилище, построй корабль,
25 Покинь изобилье, заботься о жизни,
26 Богатство презри, спасай свою душу!
27 На свой корабль погрузи все живое.
28 Тот корабль, который ты построишь,
29 Очертаньем да будет четырехуголен,
30 Равны да будут ширина с длиною,
31 Как Океан, покрой его кровлей!»
32 Я понял и вещаю Эа, владыке:
33 «То слово, владыка, что ты мне молвил,
34 Почтить я должен, все так и исполню.
35 Что ж ответить мне граду — народу и старцам?»
36 Эа уста открыл и молвит,
37 Мне, рабу своему, он вещает:
38 «А ты такую им речь промолви:
39 «Я знаю, Эллиль меня ненавидит,—
40 Не буду я больше жить в вашем граде,
41 От почвы Эллиля стопы отвращу я.
42 Спущусь к Океану, к владыке Эа!
43 А над вами дождь прольет он обильно,
44 Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
45 На земле будет всюду богатая жатва,
46 Утром хлынет ливень, а ночью
47 Хлебный дождь вы узрите воочью».

---

48 Едва занялось сияние утра,
49 По зову моему весь край собрался,
50 [............] ....[.............]
51 [..............] ....[........]
52 Всех мужей *я призвал на повинность* —
53 Дома *сносили*, *разрушали* ограду.
54 Ребенок смолу таскает,
55 Сильный *в корзинах* снаряженье носит.
56 В пятеро суток заложил я кузов:
57 Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотою,
58 По сто двадцать локтей края его верха.
59 Заложил я обводы, чертеж начертил я:
60 Шесть в корабле положил я палуб,
61 На семь частей его разделивши ими,
62 Его дно разделил на девять отсеков,
63 Забил в него колки водяные,
64 Выбрал я руль, уложил снаряженье.
65 Три меры кира в печи расплавил;
66 Три меры смолы туда налил я,
67 Три меры носильщики натаскали елея:
68 Кроме меры елея, что пошла на промазку,
69 Две меры елея спрятал кормчий.
70 Для *жителей града* быков колол я,
71 Резал овец я ежедневно,
72 Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым
73 Народ *поил*, как водой речною,
74 И они пировали, как в день новогодний.
75 От*крыл я благовонья*, умастил свои руки.
76 Был готов корабль *в час* захода *Солнца*.
77 *Сдвигать его стали* — он был тяжелым,
78 Подпирали кольями сверху и снизу,
79 *Погрузился он в воду* на две трети.

---

80 Нагрузил его всем, что имел я,
81 Нагрузил его всем, что имел серебра я,
82 Нагрузил его всем, что имел я злата,
83 Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
84 Поднял на корабль всю семью и род мой,
85 Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.
86 Время назначил мне Шамаш:

87 «Утром хлынет ливень, а ночью
87a Хлебный дождь ты узришь воочью,—
88 Войди на корабль, засмоли его двери».
89 Настало назначенное время:
90 Утром хлынул ливень, а ночью
90a Хлебный дождь я увидел воочью.
91 Я взглянул на лицо погоды —
92 Страшно глядеть на погоду было.
93 Я вошел на корабль, засмолил его двери —
94 За смоление судна корабельщику Пузур-Аму́рри
95 Чертог я отдал и его богатства.

---

96 Едва занялось сияние утра,
97 С основанья небес встала черная туча.
98 А́дду гремит в ее середине,
99 Шу́ллат и Ха́ниш идут перед нею,
100 Идут, гонцы, горой и равниной.
101 Э̀рагаль вырывает жерди плотины,
102 Идет Нину́рта, гать прорывает,
103 Зажгли маяки Ануннаки,
104 Их сияньем они тревожат землю.
105 Из-за А́дду цепенеет небо,
106 Что было светлым,— во тьму обратилось,
107 *Вся* земля раскололась, как *чаша*.
108 Первый день *бушует* Южный ветер,
109 Быстро налетел, *затопляя горы*,
110 Словно войною, настигая *землю*.
111 Не видит один другого,
112 И с небес не видать людей.
113 Боги потопа устрашились,
114 Поднялись, удалились на небо Ану,
115 Прижались, как псы, растянулись снаружи.
116 Иштар кричит, как в муках родов,
117 Госпожа богов, чей прекрасен голос:
118 «Пусть бы тот день обратился в глину,
119 Раз в совете богов я решила злое,
120 Ка́к в совете богов я решила злое,
121 На гибель людей моих войну объявила?
122 Для того ли рожаю я сама человеков,
123 Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!»
124 Ануннакийские боги с нею плачут,

125 Боги смирились, пребывают в плаче,
126 Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
127—128 Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
128 Потопом буря покрывает землю.
129 При наступлении дня седьмого
129a Буря с потопом войну прекратили,
130 Те, что сражались подобно войску.
131 Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
135 Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
132 Я взглянул на море — тишь настала,
133 И все человечество стало глиной!
134 Плоской, как крыша, сделалась равнина.
136 Я пал на колени, сел и плачу,
137 По лицу моему побежали слезы.
138 Стал высматривать берег в открытом море —
139 В двенадцати поприщах поднялся остров.
140 У горы Ни́цир корабль остановился.
141 Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
142 Один день, два дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
143 Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
144 Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.

---

145 При наступлении дня седьмого
146 Вынес голубя и отпустил я;
147 Отправившись, голубь назад вернулся:
148 Места не нашел, прилетел обратно.
149 Вынес ласточку и отпустил я;
150 Отправившись, ласточка назад вернулась:
151 Места не нашла, прилетела обратно.
152 Вынес во́рона и отпустил я;
153 Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
154 Не вернулся; каркает, ест и гадит.
155 Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
156 На башне горы совершил воскуренье:
157 Семь и семь поставил курильниц,
158 В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
159 Боги почуяли запах,

160 Боги почуяли добрый запах,
161 Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.
162 Как только прибыла богиня-матерь,
163 Подняла она большое ожерелье,
163a Что Ану изготовил ей на радость:
164 «О боги! У меня на шее лазурный камень —
164a Как его воистину я не забуду,
165 Так эти дни я воистину помню,
165a Во веки веков я их не забуду!
166 К жертве все боги пусть подходят,
167 Эллиль к этой жертве пусть не подходит,
168 Ибо он, не размыслив, потоп устроил
169 И моих человеков обрек истребленью!»
170 Эллиль, как только туда он прибыл,
171 Увидев корабль, разъярился Эллиль,
172 Исполнился гневом на богов Игигов:
173 «Какая это душа спаслася?
173a Ни один человек не должен был выжить!»
174 Нинурта уста открыл и молвит,
174a Ему вещает, Эллилю, герою:
175 «Кто, как не Эа, замыслы строит,
176 И Эа ведает всякое дело!»
177 Эа уста открыл и молвит,
177a Ему вещает, Эллилю, герою:
178 «Ты — герой, мудрец меж богами!
179 Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил?
180 На согрешившего грех возложи ты,
180a На виноватого вину возложи ты,—
181 Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет повержен!
182 Чем бы потоп тебе делать,
182a Лучше лев бы явился, людей поубавил!
183 Чем бы потоп тебе делать,
183a Лучше волк бы явился, людей поубавил!
184 Чем бы потоп тебе делать,
184a Лучше голод настал бы, разорил бы землю!
185 Чем бы потоп тебе делать,
185a Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
186 Я ж не выдал тайны богов великих —
187 Многомудрому сон я послал, и тайну богов постиг он.
188 А теперь ему совет посоветуй!»
189 Поднялся Эллиль, взошел на корабль,
190 Взял меня за руку, вывел наружу,

191 На колени поставил жену мою рядом,
192 К нашим лбам прикоснулся, встал между нами, благословлял нас:
193 «Доселе Утнапишти был человеком,
194 Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,
195 Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!»
196 Увели меня вдаль, при устье рек поселили.
197 Кто же ныне для тебя богов собрал бы,
198 Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?
199 Вот, шесть дней и семь ночей не поспи-ка!»
200 Только он сел, раскинув ноги,—
201 Сон дохнул на него, как мгла пустыни.
202 Утнапишти ей вещает, своей подруге:
203 «Посмотри на героя, что хочет жизни!
204 Сон дохнул на него, как мгла пустыни».
205 Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
206 «Прикоснись к нему, человек да проснется!
207 Тем же путем да вернется спокойно,
208 Через те же ворота да вернется в свою землю!»
209 Утнапишти ей вещает, своей подруге:
210 «Лжив человек! Тебя он обманет:
211 Вот, пеки ему хлеба́, клади у изголовья,
212 И дни, что он спит, на стене помечай-ка».
213 Пекла она хлеба́, клала у изголовья,
214 И дни, что он спит, на стене отмечала.
215 Первый хлеб его развалился,
216 Треснул второй, заплесневел третий,
216a Четвертый — его побелела корка,
217 Пятый был черствым, шестой был свежим,
218 Седьмой — в это время его он коснулся, и тот пробудился.

---

219 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
220 «Одолел меня сон на одно мгновенье —
221 Ты меня коснулся, пробудил сейчас же».
222 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
223 «Встань, Гильгамеш, хлеба́ сосчитай-ка,
224 И дни, что ты спал, тебе будут известны:
225 Первый твой хлеб развалился,
226 Треснул второй, заплесневел третий,
226a Четвертый — его побелела корка,

227 Пятый был черствым, шестой был свежим,
228 Седьмой — в это время ты пробудился».
229 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
230 «Что же делать, Утнапишти, куда пойду я?
231 Плотью моей овладел Похититель,
232 В моих покоях смерть обитает,
233 И куда взор я ни брошу — смерть повсюду!»

---

234 Утнапишти ему вещает, корабельщику Уршанаби:
235 «Не тебя пусть ждет пристань, перевоз тебя пусть забудет,
236 Кто на берег пришел, тот к нему и стремися!
237 Человек, которого привел ты,— рубище связало его тело,
238 Погубили шкуры красоту его членов.
239 Возьми, Уршанаби, отведи его умыться,
240 Пусть свое платье он добела моет,
241 Пусть сбросит шкуры — унесет их море.
241a Прекрасным пусть станет его тело,
242 Новой повязкой главу пусть повяжет,
243 Облаченье наденет, наготу прикроет.
244 Пока идти он в свой город будет,
245 Пока не дойдет по своей дороге,
246 Облаченье не сносится, все будет новым!»
247 Взял его Уршанаби, отвел его умыться,
248 Добела вымыл он свое платье,
249 Сбросил шкуры — унесло их море,
250 Прекрасным стало его тело,
251 Новой повязкой главу повязал он,
252 Облаченье надел, наготу прикрыл он.
253 Пока идти он в свой город будет,
254 Пока не дойдет по своей дороге,
255 Облаченье не сносится, все будет новым.
256 Гильгамеш с Уршанаби шагнули в лодку,
257 Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.

---

258 Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
259 «Гильгамеш ходил, уставал и трудился,—
260 Что ж ты дашь ему, в свою страну да вернется?»
261 А Гильгамеш багор уже поднял,

262 Лодку к берегу он направил.
263 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
264 «Гильгамеш, ты ходил, уставал и трудился,—
265 Что ж мне дать тебе, в свою страну да вернешься?
266 Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
267 *И тайну цветка* тебе расскажу я:
268 Этот цветок — как тёрн на дне моря,
269 Шипы его, как у розы, твою руку уколют.
270 Если этот цветок твоя рука достанет,—
270a *Будешь всегда ты молод».*
271 Когда Гильгамеш услышал это,
271a Открыл *он крышку колодца,*
272 Привязал *к ногам* тяжелые камни,
273 Утянули они его *в глубь* Океана.
274 Он схватил цветок, уколов свою руку;
275 *От ног* отрезал тяжелые камни,
276 Вынесло море его на берег.

---

277 Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
278 «Уршанаби, цветок тот — цветок знаменитый,
279 Ибо им человек достигает жизни.
280 Принесу его я в Урук огражденный,
280a Накормлю *народ мой,* цветок испытаю:
281 Если старый от него человек молодеет,
282 Я поем от него — возвратится моя юность».
283 Через двадцать поприщ отломили ломтик,
284 Через тридцать поприщ на привал остановились.
285 Увидал Гильгамеш водоем, чьи холодны воды,
286 Спустился в него, окунулся в воду.
287 Змея цветочный учуяла запах,
288 *Из норы* поднялась, цветок утащила,
289 Назад возвращаясь, сбросила кожу.
290 Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
291 По щекам его побежали слезы;
292 Обращается к кормчему Уршанаби:
293 «Для кого же, Уршанаби, трудились руки?
294 Для кого же кровью истекает сердце?
295 Себе самому не принес я блага,
296 Доставил благо льву земляному!
297 За двадцать поприщ теперь уж качает цветок пучина,

298 Открывая колодец, потерял я орудья,—
299 Нечто нашел я, что мне знаменьем стало: да отступлю я!
300 И на берегу я ладью оставил!»
300a Через двадцать поприщ отломили ломтик,
301 Через тридцать поприщ на привал остановились,
301a И прибыли они в Урук огражденный.

---

302 Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
303 «Поднимись, Уршанаби, пройди по стенам Урука,
304 Обозри основанье, кирпичи ощупай —
304a Его кирпичи не обожжены ли
305 И заложены стены не семью ль мудрецами?»
. . . .

Таблица XI. «О все видавшем» — история Гильгамеша. Согласно древнему подлиннику списано и сверено.

(Позже была прибавлена таблица XII, являющаяся переводом шумерской былины и сюжетно не связанная с остальными.)

[МОЛИТВА К НОЧНЫМ БОГАМ]

1, 2 Уснули князья, простерты мужи, день завершен;
3, 4 Шумливые люди утихли, раскрытые замкнуты двери,
5 Боги мира, богини мира,
6 Шамаш, Син, Адад и Иштар,—
7 Ушли они почивать в небесах;
8 И не судят больше суда, не решают больше раздоров,
9, 10 Созидается ночь, дворец опустел, затихли чертоги,
11 Город улегся, Нергал кричит,
И просящий суда исполняется сном;
12 Защитник правых, отец бездомных,
13 Шамаш вошел в свой спальный покой.
14 Великие боги ночные,

15, 16 Пламенный Ги́биль, могучий Эрра,
17, 18 Лук и Ярмо, Крестовина, Дракон,
19, 20 Колесница, Коза, Овен и Змея,—
21 Ныне восходят.
22, 23 В учрежденном гаданье, в приносимом ягненке
24 Правду мне объявите!

Двадцать четыре строки: посвящение ночи.

[КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА ИЗ АШШУРА]

Заговор.
Житель потемок прочь из по[темок]
Ушел поглядеть на солнечный свет.
Что ж оно [1] осерчало так, что мать его плачет,
В небесах у богини струятся слезы?
Это кто же такой,— тот, кто на земле заводит рев?
Если это — собака, пусть отломят ей ломтик,
Если это — птица, пусть ей выбросят крошек,
Если ж это — строптивец, дитя людское,
Пусть споют ему заговор А́ну и А́нту,
Чтоб отец его спал, свой сон довершая,
Чтобы мать-рукодельница довершила урок свой.
Не мой это заговор,— заговор Эа и Асаллухи
заговор Даму и Гулы,
Заговор Нинаккукуттум, госпожи *чародейства:*
Они мне сказали, а я повторяю.

Заговор, чтобы успокоить младенца.

Обряд таков: ты положишь в головах у младенца хлеб, трижды прочтешь этот заговор, проведешь от головы до ног и бросишь этот хлеб собаке: оный младенец утихнет.

Таблетка Кицир-Набу́, заклинателя.

---

[1] Дитя. *(Прим. переводчика.)*

[ЗАКЛИНАНИЕ СОЛНЦА]

Шáмаш, когда ты восходишь над Великой Горой,
Когда ты восходишь над горою Смерти, над Великой Горой,
Когда ты выходишь из Дуль-куга, дома судьбы,
Когда ты восходишь над фундаментом неба,
Там, где небо с землею слиты в одно,—
Великие боги спешат услышать твой суд,
Ануннаки бегут услыхать твои повеленья,
Люди, сколько их есть на земле, все тебя ожидают,
Всякий скот на земле с четырьмя ногами
Навстречу твоим лучам открывает глаза.
Шамаш, мудрый и сильный, сам с собой ты в совете,
Шамаш, мощный воитель, суд небес и земли!
Все, чем полнится сердце, пусть оно тебе скажет,—
Жизнь всех человеков возвратится к тебе.
Жизнь того, о владыка, кто захвачен врагами,
От кого удалились правда и прямота,
Кто выносит немилость, кто живет в униженье,
На кого нападают,— а ему невдомек,
На кого нападают, так, что он и не видит,
Кто охвачен заразой, кто охвачен тоской,
На кого злые духи поднимают свой голос,
К кому злые демоны проникают в постель,
Кого призраки злые в ночи одолели,
Кому злые черти сокрушают главу,
У кого злые боги измучили тело,
У кого бес недобрый дыбом поднял власы,
Кем могучей рукою обладает Ламáшту
И кого лабáсу ударяет рукой,
На кого нападает демон всяческой скверны,
Кого оком наметил полуночный Лилý.
Чью могучую грудь сжимает Лили́ту,
На котором отмечен отверженный знак,
Тот, кто очарован враждебным проклятьем,
Тот, кого обозначили злые уста,
На кого клевещет язык злоречивый,
На кого поднял недруг недобрый глаз,
Кто проклятой слюной не к добру зачарован,
Кого волшебник словами связал,—
Шамаш! Его жизнь лежит пред тобою,—
Все народы ведешь ты, как единый язык.
Я сюда прихожу глашатаем Эа,—

Ради жизни больного послал он меня.
То, что Эа сказал мне, я тебе повторяю:
Моему государю, сыну своего бога,—
Рассýди его суд, прикажи повеленья,
От болезни и скорби исцели его тело,
Воду света и силы пролей на него,
И его изваянье окропи ты водою,
И омой его тело дождевою водой.
Злобный дух, злобный демон, злоумышленный призрак,
Злобный черт, злобный бог, злоумышленный бес,
Ламашту, лабасу, приносящие злое,
Лилу и Лилúту, помрачившие день,
И тоска и зараза, и болезни и скорби —
С моего государя, сына своего бога,
Как вода да стекут, от него да уйдут.
Шамаш, чье повеленье нерушимо вовеки,
В этот день да отпустит, да простит его грех;
Злоречивые козни от него да отступят,
Царский бог да прославит твою вышнюю мощь.
Этот царь исцеленный да поет твою славу,—
Я, твой раб, заклинатель, прославляю тебя!

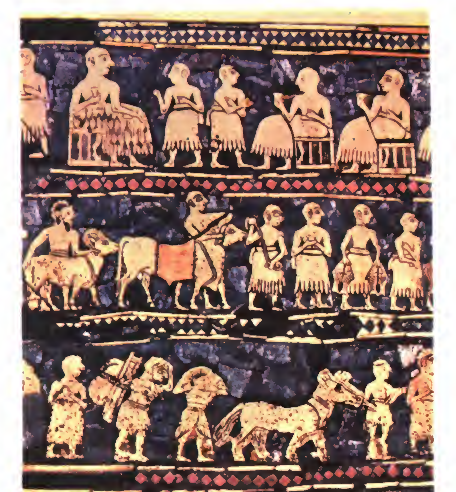
ИЗ [ЗАКЛИНАНИЙ]

Скорбь, как воды речные, устремляется долу,
Как трава полевая, вырастает тоска,
Посреди океана, на широком просторе,
Скорбь, подобно одежде, покрывает живых;
Прогоняет китов в глубину океана,
В ней пылает огонь, поражающий рыб;
В небесах ее сеть высоко распростерта,
Птиц небесных она угоняет, как вихрь,
Ухватила газелей за рога и за уши
И козлов на горах взяла за руно,
У быков на равнине пригнула выи,
Четвероногих Шаккана убила в степи;
Над больным человеком в его собственном доме
Протянула она неуклонную сеть.
Мáрдук увидел его, к Эа, отцу, в его дом вошел он и молвит:
«Отче, скорбь, как воды речные, устремляется долу,
Как трава полевая, вырастает тоска,

Посреди океана, на широком просторе,
Скорбь, подобно одежде, покрывает живых;
Прогоняет китов в глубину океана,
В ней пылает огонь, поражающий рыб;
В небесах ее сеть высоко распростерта,
Птиц небесных она угоняет, как вихрь,
Ухватила газелей за рога и за уши
И козлов на горах взяла за руно,
У быков на равнине пригнула выи,
Четвероногих Шаккана убила в степи;
Над больным человеком в его собственном доме
Протянула она неуклонную сеть».
Эа ответил Мардуку-сыну:
«Сын мой, чего ты не знаешь, чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь, чему я тебя научу?
Все, что я знаю, знаешь и ты.
Сын мой, Мардук, ступай к больному,
Его образ рукою нарисуй на земле;
Государь заболевший на свой образ да встанет,
К господину Шамашу да простреет свою длань.
Прочитай заклинанье, священное слово,
Над его головою воду пролей,
На него покропи ты заклятой водою,
Свою руку простри, свою руку простри:
Пусть проклятая скорбь, как вода, расточится,—
Как исчез его образ, пусть исчезнет с земли.
Царь сей пусть будет чист, пусть, как день, просияет,
В руки бога благого передай ты его».

[ЗАКЛИНАНИЕ]

Могучий, пресветлый муж Эре[ду,]
Верховный владыка, первородный сын Нудиммуда,
Мардук, ярый кулан Ээнгуры!
Господин Эсагилы, мощь Вавилона, покровитель Эзиды,
Хранитель душ, Эмахтилы избранник, созидатель жизней,
Сень страны, защитник рода людского!
Дракон всех капищ,
Благодатно имя твое в устах человечьих!
Мардук, великий владыка!
Всевышней волей твоей да буду жив я, да буду здрав я,
Твою божественность да увижу,



Так называемый штандарт из Ура с изображением битвы,
пригона добычи и пиршества по случаю победы.
Фрагмент. Ок. 2600 г. до н. э.

Британский музей. Лондон.

Желаний моих достигну!
В уста мои вложи истину,
В сердце мое — слова благие!
Да будут милостивы ко мне знатные мира!
Мой бог да пребудет со мною справа,
Богиня моя да пребудет слева,
Бог-хранитель мой да пребывает со мною вечно!
Одари наставленьем, вниманьем и лаской!
И что сказал я, так как сказал я, пусть и свершится!
Мардук, всемогущий владыка, прибавь мне жизни!
Душе моей дай жизни!
Долгой дай жизни — тебе молиться!
Тебе да возрадуется Эллиль, с тобою да возликует Эа!
Благословен будь богами вселенной!
Великие боги сердце твое да успокоят!

Молитва поднятия рук перед Мардуком.

[ЗАКЛИНАНИЕ]

Хорошо молиться тебе, как легко ты слышишь!
Видеть тебя — благо, воля твоя — светоч!
Помилуй меня, Иштар, надели долей!
Ласково взгляни, прими молитвы!
Выбери путь, укажи дорогу!
Лики твои я познал — одари благода[тью!]
Ярмо твое я влачил — заслужу ли отдых?
Велений твоих жду — будь милосердна!
Блеск твой охранял — обласкай и помилуй!
Сиянья искал твоего — жду для себя просветленья!
Всесилью молюсь твоему — да пребуду я в мире!
Да будет со мною Шéду благой, что стоит пред тобою!
Милость Ламáссу, что за тобою, да будет со мною!
Да прибавится мне богатства, что хранишь ты справа,
Добро, что держишь ты слева, да получу от тебя я!
Прикажи лишь — и меня услышат!
И что сказал я, так как сказал я, пусть и свершится!
В здоровье плоти и веселье сердца веди меня ежедневно!
Продли мои дни, прибавь мне жизни!
Да буду жив я, да буду здрав я, твою божественность да восславлю!

Да достигну я моих желаний!
18a Тебе да возрадуются небеса, с тобою да возликует Бездна!
Благословенна будь богами вселенной!
Великие боги сердце твое да успокоят!

Молитва поднятия рук перед Иштар.

Установить перед ликом Иштар курильницу с благовонным кипарисом, излить жертвенное пиво и трижды совершить поднятие рук.

ХЕТТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, СОСТАВЛЕНИЕ И ПЕРЕВОД
Вяч. Вс. ИВАНОВА

ХЕТТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

После того как чехословацкий ученый Б. Грозный в 1915—1917 гг. нашел ключ к пониманию клинописных текстов на хеттском языке, обнаруженных в начале XX века в архиве хеттских царей в Богазкее (центр Малой Азии), ученым открылась культура Хеттского царства (XVIII — XIII вв. до н. э.), бывшего соперником других великих держав Ближнего Востока. В ранних образцах хеттской литературы, представленных в настоящем собрании древнехеттской погребальной песней XVII в. до н. э., можно видеть следы древней обрядовой поэзии, имеющей общие истоки с ритуальными текстами на других индоевропейских языках, родственных хеттскому (в том числе на древнеиндийском языке). В частности, характерный для этой песни размер, видимо, восходит к метрам, встречающимся и в других индоевропейских поэтических традициях. Вместе с тем в ранних хеттских мифологических текстах сказывается и воздействие культуры древнего населения Анатолии, говорившего на языке хатти. Дальнейшее развитие хеттской литературы осуществлялось под воздействием месопотамских литературных образцов, влияние которых заметно и в таких ранних хеттских памятниках, как надпись царя Аниттаса (ок. XVIII в. до н. э.), написанная в духе надписей месопотамских царей, описывавших свои охоты и строительные достижения, и полулегендарный рассказ о Саргоне Аккадском. Несомненное влияние вавилонских гимнов богу Солнца Шамашу как царю и судье обнаруживается в приводимых ниже хеттских гимнах богу Солнца, содержащих, однако, и ряд особенностей, специфических для хеттской культуры (в частности, значение бога Солнца не только для людей, но и для животных). Интенсивное развитие хеттской повествовательной прозаической и поэтической литературы было связано с влиянием обитавших в Северной Сирии и Северной Месопотамии хурритов. Это влияние началось еще в эпоху Древнего царства (XVIII — XVI вв. до н. э.), но усилилось особенно во время Среднехеттского царства (XV в. до н. э.) и Нового царства (XIV — XIII вв. до н. э.). В это время на хеттский язык переводится большое число хурритских литературных сочинений (легенды, сказки, назидательные истории), из которых для истории всемирной литературы наибольшее значение имеют поэтические тексты о боге Кумарби — главном боге одного из нескольких поколений богов, сменявших друг друга на небесах. Этот хурритский мифологический цикл оказал несомненное воздействие и на древнегреческую литературу (или на ее мифологические основы): несомненно сходство хурритских мифов, известных нам в хеттских поэтических переложениях (немногочисленные фрагменты хурритских подлинников

пока еще не поддаются окончательному истолкованию), с сюжетами, отраженными у Гесиода. Весьма вероятно, что именно хетты, столкнувшиеся с греческим (ахейским) царством Аххиява, о котором много рассказывается в хеттских текстах, были проводниками этого хурритского влияния (характерно, например, что особое название «крови богов» у Гомера, видимо, было заимствовано из хеттского языка). Поэтому хеттскую литературу можно считать промежуточным звеном между литературами древней Месопотамии и древнегреческой (а тем самым и всей последующей европейской) литературой. Из хеттских поэтических переводов хурритского цикла поэм о боге Кумарби лучше всего дошла «Песнь об Улликумми», где в основную канву повествования о смене поколений хурритских богов на небесах вплетены в качестве персонажей и вавилонские боги. В свою очередь, хеттский переводчик поэмы, несомненно, обладавший поэтическим даром, использовал в переводе некоторые собственно хеттские древние мифологические формулы и названия. Из непереводной литературы времени Нового царства особенно широко представлен жанр царских анналов, первые образцы которого представлены и в Древнем царстве. Этот жанр хеттской исторической литературы, позднее повлиявший и на ассирийскую, получил развитие в ряде обширных хроник, написанных от имени царя Мурсилиса II (XIII в. до н. э.). Автор этих хроник проявил себя как выдающийся писатель-историк, сумевший представить исторические события двух царствований с единой точки зрения. От имени Мурсилиса II написан и ряд текстов религиозно-философского характера, из которых наибольший интерес представляют его «Молитвы во время чумы», которые не только некоторыми идеями (мысль о переходе греха от отца к сыну, идея искупления), но и особенностями формы (образные уподобления целых ситуаций, как в притчах) обнаруживают разительное сходство с ветхозаветной литературой и с ее более поздними продолжениями. В этих молитвах можно видеть отдаленный прообраз не только соответствующих мест Ветхого завета, но и их реминисценций в таких образцах новой литературы, как «Чума» Камю (в проповедях Панлу). Но в то же время в этих молитвах сохраняются и следы наивных антропоморфных представлений о богах, заметные и в хеттской поэтической литературе времени Нового царства.

После гибели Хеттского царства на рубеже XIII и XII вв. до н. э., связанной с продовольственным кризисом и переселением «народов моря», хеттская повествовательная традиция сохранялась в надписях на иероглифическом лувийском языке в княжествах юга Малой Азии и Северной Сирии. Следы поэтической традиции в метрических надписях на лидийском языке, непосредственно продолжавшем хеттский, быть может, следует связать с одной из линий развития хеттских поэтических форм. Характерно, что такие имена лидийских царей, сохраненные Геродотом, как Мурсилис, практически совпадают с хеттскими царскими именами. Лидийскую культуру, оказавшую существенное влияние на древнегреческую, можно рассматривать отчасти как продолжение хеттской.

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

[ДРЕВНЕХЕТТСКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕСНЯ]

Саван Несы, саван Несы
Принеси, приди!
Матери моей одежды
Принеси, приди!
Предка моего одежды
Принеси, приди!
Я прошу, прошу я!

[ГИМНЫ СОЛНЦУ]

1

Солнцу — слава! В сердце человеку
Смотришь, Солнце, прямо с высоты,
Сердца ж твоего никто не видит.
Если кто-нибудь поступит дурно,
Ты вверху увидишь и осудишь.
Я иду своей дорогой правды.
Кто б ни поступил со мною дурно,
Солнце, пусть увидишь ты его!

2

Господин мой, бог небесный Солнца,
Человечества пастух! Из моря
Ты приходишь в вышину, небесный
Солнца бог. Вступаешь ты на небо!

Бог небесный Солнца, господин мой,
Ты над человеком, над собакой,
Над свиньей, да и над зверем диким,
Ежедневно суд вершишь, бог Солнца!

3

Солнце, господин мой справедливый,
Суд вершащий! Царь земли и неба,
Ты страною правишь, и даешь ты
Силу мужества, о справедливый!
Солнца бог, всегда ты благосклонен,
Исполняешь только ты моленья!
Милостивый бог, благое Солнце!
Как ты милостив, о справедливый!
Только праведного человека
Возвышаешь ты, благое Солнце!
Сын богини-матери Нингаль,
Зрелости достиг ты совершенной,
Из лазури борода твоя!
Посмотри! Перед тобой склонился
Человек — твой раб. Тебе он молвит:

«В окоеме, где земля и небо,
Лучезарно, Солнце, только ты.
Царственный герой, благое Солнце,
Сын богини-матери Нингаль,
Всей страны обряд и договор
Устанавливаешь только ты.
Царственный герой, благое Солнце!
Ты один среди богов сверкаешь!
Власть великая тебе дана.
Справедливый господин правленья,
Прародитель сумрачного мира!
Царственный, могучий Солнца бог!
Вложены тебе отцом — Энлилем
Света стороны четыре в руку.
Суд вершишь, усталости не зная,
Ты — неутомимый судия!
Средь богов минувшего один ты
Царственный герой, благое Солнце,
Совершаешь для богов обряд.
Для богов минувшего один ты
Долю их определяешь верно.

Снова выход из небесной башни
Открывают только для тебя,
Выезжаешь из ворот небесных,
О сверкающий, лишь ты один.
Боги неба пред тобой склонились
И склоняются земные боги,
Если с ними говоришь ты, Солнце.
Боги молятся тебе, склонившись.
Как родным, обиженным ты людям
Покровительствуешь сиротливым,
И возмездие один даешь ты
За обиженных и сиротливых.

Если рано на рассвете, Солнце,
Ввысь ты поднимаешься на небо,
Верхние ты озаряешь страны,
Нижние ты озаряешь страны,
Все ты озаряешь страны, Солнце.
Ты вверху встаешь над ними, Солнце.
Суд ты совершаешь над собакой,
Над свиньей, да и над зверем диким,
Тем, который говорить не может,—
Бессловесного ты судишь зверя.
Злого и дурного человека
Праведным судом ты судишь, Солнце.
Человека, что богами всеми
Был возненавиден и отвергнут,
Пренебрегнутого возвращаешь
Ты к себе. Ты милостив к нему.
Человека этого, раба
Своего, ты защищаешь, Солнце.
Хлеб и пиво в жертву принести
Для тебя всегда готов он, Солнце.
Верного раба возьми ты в руку!

Четверым коням твоей упряжки
Человек — твой раб зерно насыпал.
Если ест зерно коней четверка,
Значит — будешь жить, о Солнце, ты.
Слышишь! Это раб твой — человек
Слово произносит в честь твою,
Он твои слова услышать хочет,
Царственный герой, благое Солнце!
Объезжаешь ты на колеснице

Света стороны четыре. Слева
От тебя летят по небу Страхи,
Справа от тебя несется Ужас[...]
Справа от тебя летит Бунене —
Колесничий и советник верный.
Слева от тебя летит Мишару,
Праведный помощник и слуга[...]
Небо все ты объезжаешь, Солнце!»

[ПЕСНЬ ОБ УЛЛИКУММИ]

[ПЕРВАЯ ТАБЛИЦА]

[...]Кумарби, отца всех богов, я пою.

[ЗАЧАТИЕ УЛЛИКУММИ]

Кумарби в душу свою мудрость вбирает.
Как злодей, он День дурной породит.
Он против бога Грозы зло замышляет:
Он соперника богу Грозы породит.

Кумарби в душу свою мудрость вбирает,
Как драгоценный камень, мудрость на нее надевает.

Когда Кумарби в душу свою мудрость вобрал,
С трона своего вверх он быстро взлетел.
Взял он в руку жезл,
А ноги обул
В буйные ветры, как в сапоги.
Из города Уркиса он отправился в путь
И к Холодному Озеру он прилетел.
А в Холодном Озере том
Большая лежала Скала —
Три версты в длину, полторы в ширину,
То, что было внизу, в полверсты,
У Кумарби подпрыгнуло сердце.
Со Скалой сочетался Кумарби,
И оставил он семя в Скале.
Сочетался пять раз со Скалою,
Десять раз со Скалой сочетался[...]

[ДЕТСТВО УЛЛИКУММИ]

[...Повивальные бабки] родиться ему помогли,
И богини Судьбы, и богини-защитницы взяли
Малыша, на колени Кумарби его положили.
Тут начни Кумарби ему радоваться,
Тут начни Кумарби его покачивать,
Ему имя придумывать поласковее.

Тут начни Кумарби со своей душой говорить:
«Как мне сына назвать,
Что богини Судьбы и богини-защитницы дали мне?
Он из чрева родного, как меч, при рождении прыгнул,
Пусть идет он. Его назову Улликумми.
Пусть на небо идет он и станет царем.
Славный город Куммия Улликумми растопчет,
Улликумми ведь бога Грозы поразит,
Как мякину развеет, наступит пятою,
И раздавит его он, как муравья!
Позвоночник Тасмису, как тростник, он сломает!
Всех богов распугает на небе, как птиц,
Как пустые горшки, разобьет их!»

Только кончил Кумарби ту речь свою,
Снова начал с душой своей он говорить:
«Кому же мне сына дать?
Кто же сына возьмет моего как дар?
Кто на Темную Землю его отведет?
Чтоб никто не увидел его —
Ни бог Солнца, ни бог Луны,
Чтоб не видел его бог Грозы, мощный Куммии царь,
Чтобы тот не убил его!
Чтоб Иштар не видала его, Ниневии царица,
Чтоб она, как тростник, не сломала ему позвоночник!»

Обратился тогда к Импалури Кумарби:
«Импалури! К словам, что скажу я тебе,
Пусть внимателен будет твой слух!
Жезл ты в руку возьми,
А ноги обуй
В буйные ветры, как в сапоги!
Ты к богам Ирсиррам иди,
И скажи ты Ирсиррам-богам
Это веское слово: «Приходите!

Вас Кумарби, отец всех богов, в дом богов призывает,
Но зачем он зовет вас,
[Не знаете вы].
Приходите скорей!»

Пусть Ирсирры возьмут малыша,
Отведут его в Темную Землю,
Пусть невидим он будет великим богам».
Как услышал ту речь Импалури,
Взял он в руку жезл,
А ноги обул
В буйные ветры, как в сапоги,
И отправился в путь Импалури,
И к богам он Ирсиррам пришел.
Импалури Ирсиррам-богам повторил:
«Приходите!
Кумарби, отец всех богов, вас зовет.
А зачем он зовет вас,
Не знаете вы.
Приходите скорей!»
Как услышали слово Ирсирры,
Заспешили и заторопились,
Поднялись они с тронов своих,
Путь мгновенно они совершили,
И к Кумарби Ирсирры пришли.
Ирсиррам Кумарби так стал говорить:

«Этого сына возьмите,
Сына как дар вы примите,
На Темную Землю его отведите!
Торопитесь! Летите быстрей!
Пусть на правом плече Упеллури лежит он, как меч! Положите
Вы его на плечо Упеллури.
Каждый день пусть растет [он] на сажень,
Пусть за месяц растет он на четверть версты.
Но тот камень, что в голову брошен ему,
Пусть глаза одевает его».

Как услышали речь ту Ирсирры,
Сына взяли они у Кумарби с колен,
Подняли сына Ирсирры
И прижали к груди его, как украшенье.
Подняли сына, как ветры,

На колени к Энлилю его положили.
Поднял глаза Энлиль,
Посмотрел он на малыша —
Тот перед богом стоял,
Тело его — Кункунуцци — из камня.

Начал Энлиль со своею душой говорить:
«Кто же он, этот сын,
Что богини Судьбы и богини-защитницы вырастили?
Кто же он? Не ему ли пойти суждено
На тяжелые битвы великих богов?
Лишь Кумарби один
Мог замыслить подобное зло:
Он, кто бога Грозы породил,
Породил и соперника богу Грозы».

Только кончил Энлиль говорить,
Положили Ирсирры на правом плече Упеллури ребенка, как меч.
Кункунуцци, он рос,
И могучие боги растили его.
Каждый день вырастал он на сажень,
Вырастал он за месяц на четверть версты.
Но тот камень, что в голову брошен ему был,
Одевал ему очи.

[ГНЕВ БОГА СОЛНЦА]

На пятнадцатый день
Вырос Камень высоко.
Словно меч, на коленях он в море стоял.
Из воды поднимался он, Камень,
В вышину был огромен,
Море было как пояс на платье его.
Он, как молот, вздымался, тот Камень,
Храмов он достигал и покоев богов в небесах.

Солнца бог посмотрел с неба вниз
И увидел внизу Улликумми:
Улликумми, казалось, на бога глядел.
Солнца бог начал так со своею душой говорить:
«Что за бог это в море растет не по дням, по часам?
Телом он не похож на богов».

Повернулся бог Солнца небесный
И направился к морю бог Солнца,
И когда он до моря дошел,
Руку он положил на чело,
[Он узнал: Улликумми из камня,]
И от гнева лицо его все исказилось.

Как увидел бог Солнца небес Улликумми,
Через горы он снова пошел
И направился к богу Грозы.
И, увидев его приближенье,
Тасмису стал так говорить:
«Почему приходит бог небесный Солнца, царь страны великой?
То, из-за чего он к нам приходит, важно.
Этим мы не можем просто пренебречь.
Тяжело сраженье,
Тяжко столкновенье.
Это — на небе мятеж,
А в стране и смерть и голод».
Бог Грозы начал так говорить, обращаясь к Тасмису:
«Чтоб мог сесть он, вы трон приготовьте,
Чтоб мог есть он, накройте вы стол!»

Но пока говорили они меж собою,
Солнца бог в их покои пришел.
Чтоб мог сесть он, поставили трон.
Но не сел он на трон.
Чтоб мог есть он, поставили стол,—
Не притронулся к пище.
Дали чашу ему для питья,
Но к губам не поднес ее он.

Бог Грозы богу Солнца так стал говорить:
«Уж не тот ли прислужник плох,
Что поставил трон,
Раз ты не хочешь сесть?
Уж не тот ли стольник плох,
Что поставил стол,
Раз ты не хочешь есть?
Уж не тот ли кравчий плох,
Что чашу тебе предложил,
Раз ты не хочешь пить?»

[ВТОРАЯ ТАБЛИЦА]

[БОГ СОЛНЦА И БОГ ГРОЗЫ]

Бог Грозы как услышал речь бога Солнца,
Исказилось от гнева лицо у него.
Бог Грозы богу Солнца небес говорить снова начал:
«На столе хлеб да будет сладким,
Ешь теперь!
В чаше вино да будет сладким,
Пей теперь!
Ешь теперь и насыщайся,
Пей теперь и угощайся,
А потом ты поднимайся,
К небу вверх лети потом!»
Как услышал слова те бог Солнца небесный,
Сразу развеселился душою,
На столе хлеб ему стал сладким,
Он поел.
В чаше вино ему сладким стало,
Он попил.
И поднялся потом бог Солнца,
К небу вверх он отправился сразу.

Как бог Солнца небесный ушел,
Бог Грозы в свою душу стал мудрость вбирать.
Бог Грозы и Тасмису за руки взялись,
Из покоев своих и из храма они полетели,
А сестра их Иштар полетела отважно с небес.
И Иштар начала со своею душой говорить:
«Но куда же летят они, братья мои?
Я должна полететь, посмотреть!»
И отправилась быстро Иштар,
Перед братьями встала она.
И взялись они за руки тут же.
Полетели к горе они Хаззи.
Царь Куммии лицо свое к морю тогда обратил,
Повернулся к ужасному он Кункунуцци,
И увидел ужасного он Кункунуцци,
И от гнева лицо его все исказилось.

И тогда бог Грозы сел на землю,
Потекли его слезы тогда, словно реки.
Весь в слезах, бог Грозы тогда слово сказал:

«Кто же выстоит в битве с чудовищем этим,
Кто же сможет сражаться?
Кого же чудовище не устрашит?»
И сказала Иштар тогда богу Грозы:
«Брат мой! Ничего он не знает совсем,
Хоть дано ему мужество десятикратно...
Я пойду к нему!..»

[ИШТАР ПОЕТ ПЕСНЮ ПЕРЕД УЛЛИКУММИ]

[...]И взяла она лютню и бубен,
[...]Запела Иштар перед ним.

И пела Иштар перед ним
На гальке, на острых камнях побережья.
И встала из моря Большая Волна.
Большая Волна обратилась к Иштар:
«Перед кем ты поешь, о Иштар?
Перед кем ты свой рот наполняешь [звучанием сладким]?
Человек этот глух,
Ничего он не слышит.
Человек этот слеп,
Ничего он не видит.
Милосердия нет у него!
Уходи, о Иштар,
Брата ты находи поскорее,
Пока воином страшным не стал этот Камень,
Пока череп его не разросся еще!»
Как услышала это Иштар,
Сразу петь перестала
И отбросила лютню и бубен,
Украшенья с себя сорвала золотые,
Плача в голос, ушла она прочь.

[ПРИГОТОВЛЕНИЯ БОГА ГРОЗЫ К БИТВЕ]

«[...]Приготовят пусть корм для быков!
Благовонное масло пускай принесут!
Пусть натрут благовоньями Серри рога!
Хвост у Теллы пусть золотом будет покрыт!
Дышло в упряжи бычьей пускай повернут!
Прикрепят эту упряжь к могучим быкам,
А снаружи на упряжь пусть камни наденут!
Поскорее пусть вызовут грозы такие,

Что за верст девяносто скалу разбивают,
Покрывая обломками области верст за восемьсот.
Ветры вызовут пусть вместе с ливнями быстро,
И те молнии, что ужасают сверканьем,
Пусть из спальных покоев скорее выводят».
Как Тасмису слова те услышал,
Заспешил он и заторопился.
Он приводит с пастбища Серри,
И приводит он Теллу с Имгарру-горы,
Помещает во внешнем дворе их.
Благовонное масло приносит,
Натирает он Серри рога.
Хвост у Теллы он золотом стал покрывать,
Дышло в упряжи бычьей тотчас повернул,
А снаружи на упряжь он камни надел,
Грозы вызвал на помощь такие,
Что за верст девяносто скалу разбивают...

[...]Боевое оружье он взял,
Колесницы он взял боевые,
С неба тучи привел грозовые.
Бог Грозы к Кункунуцци лицо свое вновь обратил,
И увидел его бог Грозы:
В двести раз стал он выше[...]

[ТРЕТЬЯ ТАБЛИЦА]

[ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ БОГОВ С УЛЛИКУММИ]

[...]Как услышали боги то слово,
В колесницы свои они встали.
Громом грянул тогда бог Аштаби,
Громыхая, он к морю понесся,
И с ним семьдесят было богов.
[...]С Улликумми он сладить не мог,
И Аштаби низвергнут был в море
И с ним семьдесят вместе богов.
[...]Кункунуцци потряс небеса,
Небесами, как платьем порожним, встряхнул он.
Кункунуцци все рос,
Если прежде на две тысячи верст возвышался он в море,
То теперь Кункунуцци стоял на земле,
Он был поднят, как меч, Кункунуцци,

Достигал он покоев и храмов богов,
Высотою он был в девять тысяч верст,
Шириною же был в девять тысяч верст.
И стоит Улликумми в воротах Куммии,
Он стоит над Хебат и над храмом Хебат,
Так, что весть о богах до Хебат не доходит,
Так, что мужа не может увидеть Хебат.

И Хебат говорить тогда стала Такити:
«Я о боге Грозы слова больше не слышу,
Я о всех богах важной вести не слышу,
Улликумми, о ком говорили они,
Может быть, одержал он победу в сраженьях с супругом моим».
И Хебат говорила, опять обращаясь к Такити:
«Слово мое услышь!
Жезл ты в руку возьми,
А ноги обуй
В буйные ветры, как в сапоги!
Ты на поле сраженья иди!
Он, быть может, убил его,— Кункунуцци убил его,—
Бога Грозы, царя, моего супруга,
Так теперь принеси мне весть!»

Как услышала слово Такити,
Заспешила, и заторопилась,
И отправилась было в путь,
Но нет для Такити пути,
И Такити вернулась обратно,
И вернулась Такити к Хебат[...]

[...]Как Тасмису услышал слово бога Грозы,
Быстро вверх поднялся,
В руки взял он жезл,
А ноги обул
В буйные ветры, как в сапоги.
На высокую башню взлетел он вверх,
Место занял на ней он напротив Хебат,
И сказал тут Тасмису, обращаясь к Хебат:
«Бог Грозы мне велел уходить из Куммии,
Место мне он велел отыскать поскромнее,
Будем там, пока наш не исполнится срок».
А когда увидала Тасмису Хебат,
Чуть она не упала с крыши тогда.
Если б сделала только шаг,
То упала бы с крыши она.

Но дворцовые женщины все
Подхватили тогда ее
И не дали ей упасть.
Как Тасмису слово свое сказал,
Вниз он с башни тогда слетел
И к богу Грозы пошел.
И Тасмису так богу Грозы начал тогда говорить:
«Где же сесть нам? Не сядем ли мы на вершине Кандурна?
Если сядем мы там, на вершине Кандурна,
А другие решат сесть на Лалападува,
[...]Не останется больше царя в небесах!»

[БОГ ГРОЗЫ И ТАСМИСУ ОТПРАВЛЯЮТСЯ К ЭА]

И Тасмису опять тогда к богу Грозы обратился:
«О бог Грозы, господин мой!
Услышь мое слово!
К словам, что скажу я тебе,
Пусть внимателен будет твой слух!
В Апсу пойдем и предстанем пред Эа.
Там мы спросим таблички древних слов.
Но когда подойдем мы к воротам дворца,
Поклониться пять раз мы должны,
А потом подойдем мы к покоям, где Эа живет,
И еще поклониться должны мы пять раз пред дверями,
И когда мы до Эа дойдем,
Мы отвесим пятнадцать поклонов.
И тогда только Эа до нас низойдет,
И тогда только Эа захочет нас слушать,
И тогда пожалеет он нас
И вернет нам могущество прежнее, Эа».

Бог Грозы, когда эти слова от Тасмису услышал,
Заспешил он и заторопился,
С трона своего вверх он быстро взлетел.
Бог Грозы и Тасмису за руки взялись,
Путь мгновенно они совершили,
Прилетели вдвоем они в Апсу.
Бог Грозы подошел ко дворцу,
Поклонился пять раз он воротам,
Подошел он к покоям, где Эа живет,
Поклонился еще он пять раз пред дверями.
Бог Грозы и Тасмису до Эа дошли,
И пятнадцать они совершили поклонов[...]

[ЭА И УПЕЛЛУРИ]

[...]Эа в душу свою мудрость вобрал,
И поднялся Эа тогда,
Вышел Эа во внутренний двор,
Боги все перед ним тогда встали,
Бог Грозы, царь Куммии отважный, встал перед Эа тогда[...]

[...]Эа начал Энлилю тогда говорить:
«Ты не знаешь разве, Энлиль?
Разве весть не донес до тебя никто?
Разве ты не знаешь его?
Как соперника богу Грозы Кумарби его сотворил —
Кункунуцци, что вырос в воде,
Девять тысяч верст — высота его,
Он, как молот, вздымается к небу».

[...]Когда Эа окончил ту речь,
К Упеллури отправился он,
Упеллури глаза свои поднял,
Начал так Упеллури тогда говорить:
«Эа, жизни желаю тебе».
И поднялся тогда Упеллури,
И в ответ Упеллури пожелал и ему благоденствия Эа:
«Упеллури, живи ты на Темной Земле,
Ты, на ком боги строили Небо и Землю!»

Эа начал тогда Упеллури опять говорить:
«Упеллури, не знаешь ты разве?
Разве весть не донес до тебя никто?
Разве ты не знаешь его?
Бога, что быстро рос, сотворенный Кумарби, чтобы против богов он сражался?
Ты не знаешь, что смерти богу Грозы Кумарби желает —
Он соперника богу Грозы сотворил.
Кункунуцци, что вырос в воде,
Разве ты не знаешь его?
Поднят он, словно молот,
Небеса он, и храмы богов, и Хебат закрывает собою!
Далеко ты, на Темной Земле,
Оттого и не знаешь его, бога, что быстро растет!»
Упеллури тогда начал так говорить:
«Когда Небо с Землею построили боги на мне,
Я не знал ничего.

И когда Небеса от Земли отделили они резаком,
Я ведь этого тоже не знал.
Вот что-то мешает на правом плече мне теперь,
Но не знаю я, что там за бог».
Когда Эа слова те услышал,
Повернул Упеллури он правым плечом,
И на правом плече Упеллури, как меч, Кункунуцци стоял.

Эа богам минувшего начал тогда говорить:
«Услышьте, боги минувшего, слово мое!
Вы, те, кто знаете древних времен дела!
Снова откройте склады родителей ваших и дедов!
И отцов минувшего пусть принесут печати!
Пусть запечатают снова потом эти склады!
Пусть достанут из них пилу минувших давнишних лет!
Той пилой отделили тогда Небеса от Земли,
А теперь Улликумми мы от подножья пилою отпилим.
Мы подпилим того, кого породил Кумарби
как соперника всем богам![...]»

[ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ БОГОВ С УЛЛИКУММИ]

[...]Эа Тасмису стал так говорить:
«С сыном моим уходи,
Передо мной не вставай!
Стала душа моя злою.
Мертвых я видел своими глазами на Темной Земле,
Праху подобны они[...]»
[...]Эа к Тасмису начал так говорить опять:
«Я поразил его, Улликумми,
Теперь вы идите и поразите его.
Больше уже, как меч, он не сможет стоять».
Тасмису начал тогда веселиться в душе,
Трижды он прокричал,
Вверх к небесам он взлетел,
Боги услышали все.
Бог Грозы, царь Куммии отважный, услышал.
К месту собрания боги пришли,
В ярости на Улликумми
Боги ревели тогда, как быки.

Бог Грозы в колесницу, как [птица], влетел,
С громовыми раскатами к морю понесся,
И сразился тогда бог Грозы с Кункунуцци[...]

ИЗ ЦИКЛА
«О ЦАРСТВОВАНИИ НА НЕБЕСАХ»

Прежде, в минувшие годы,
Был Алалу на небе царем.
Алалу сидел на престоле,
И даже бог Ану могучий,
Что прочих богов превосходит,
Склоняясь у ног его низко,
Стоял перед ним, словно кравчий,
И чашу держал для питья.

И девять веков миновало,
Как царствовал в небе Алалу.
Когда же настал век десятый,
Стал Ану сражаться с Алалу,
И он победил его, Ану.
Алалу бежал от него
В далекую Темную Землю.
Он вниз убежал от него —
В далекую Темную Землю.
И Ану сидел на престоле.
Сидел на престоле он, Ану,
И даже Кумарби могучий,
Склоняясь у ног его низко,
Стоял перед ним, словно стольник,
Еду ему он подавал.

И девять веков миновало,
Как царствовал на небе Ану.
Когда же настал век десятый,
Стал с Ану сражаться Кумарби.
Кумарби, потомок Алалу,
Стал на небе с Ану сражаться.
Тот взгляда Кумарби не вынес,
Но он ускользнул от него,
Он, Ану, бежал от Кумарби,
Как птица, взлетая на небо.
Кумарби, его настигая,
Схватил его за ноги крепко,
Вниз с неба он Ану стащил,
И он укусил его в ногу,
Откусил его силу мужскую,

И стала, как бронза, литьем
Она у Кумарби во чреве.
Когда проглотил он, Кумарби,
Всю силу мужскую врага,
Он радостно захохотал.
Но Ану, к нему повернувшись,
Сказал ему речи такие:
«Ты радуешься, проглотив
Всю силу мужскую мою.
Но радуешься ты напрасно.
Я тяжесть в тебе оставляю:
Во-первых, теперь ты чреват
Отважнейшим богом Грозы.
Чреват ты теперь, во-вторых,
Рекою безудержной — Тигром,
И, в-третьих, теперь ты чреват
Отважнейшим богом Тасмису.
Родятся три бога могучих,
Как тяжесть, в тебе их оставлю.
Теперь ты беременен ими.
Тебе остается разбиться:
Ударься теперь головою
О горы, о скалы, о камни![...]»

ИЗ [МОЛИТВЫ МУРСИЛИСА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ]

[...]Бог Грозы города Хаттусаса, господин мой, и вы, боги, господа мои, так все совершается: люди грешат. И отец мой согрешил: он нарушил слово бога Грозы города Хаттусаса, господина моего. А я ни в чем не согрешил. Но так все совершается: грех отца переходит на сына. И на меня грех отца моего перешел. Но этот грех я признал воистину перед богом Грозы города Хаттусаса, моим господином, и перед богами, моими господами: это именно так, мы это совершили. Но после того, как я признал грех моего отца как свой грех, да смягчится душа бога Грозы, моего господина, и богов, моих господ. Будьте теперь ко мне благосклонны и отошлите чуму прочь из страны хеттов! И те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть у меня больше не умирают! Видите, из-за чумы я совершаю молитву богу Грозы, господину моему; услышь меня, бог Грозы города Хатту-

саса, господин мой, и меня оставь в живых!.. Птица возвращается в клетку, и клетка спасает ей жизнь. Или если рабу почему-либо становится тяжело, он к хозяину своему обращается с мольбой. И хозяин его услышит его и будет к нему благосклонен: то, что было ему тяжело, хозяин делает легким. Или же если раб совершит какой-либо проступок, но проступок этот перед хозяином своим признает, то тогда что с ним хочет хозяин сделать, то пусть и сделает. Но после того, как он перед хозяином проступок свой признает, душа хозяина его смягчится, и хозяин этого раба не накажет. Я же признал грех отца моего как свой грех; это истинно так. Я совершил это[...]

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И СОСТАВЛЕНИЕ
Б. РИФТИНА

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Литература в Китае, как и в других странах древнего мира, родилась отнюдь не как чисто эстетическое явление, а как непременная составная часть практической деятельности. Самыми ранними письменными текстами на китайском языке были гадательные надписи, выцарапанные каким-либо острым орудием на черепашьем панцире или лопаточной кости барана. Желая узнать, например, будет ли удачной охота, правитель приказывал нанести свой вопрос на панцирь и потом положить панцирь на огонь. Специальный гадатель истолковывал «ответ божества» в соответствии с характером трещин, появившихся от огня. Впоследствии материалом для надписей стала служить бронза (на огромных ритуальных сосудах по поручению древних царей делались дарственные или иные надписи). С начала I тыс. до н. э. китайцы стали использовать для письма бамбуковые планки. На каждой такой дощечке помещалось примерно по сорок иероглифов (слов). Планки нанизывали на веревку и соединяли в связки. Легко представить себе, какими громоздкими и неудобными были первые китайские книги. Каждая, по нашим понятиям, даже небольшая книга занимала несколько возов.

В III в. до н. э. китайцы стали применять для письма шелк. Дороговизна этого материала привела в начале нашей эры к изобретению бумаги, в результате чего и появилась возможность широкого распространения письменного слова.

Утилитарно-практическое отношение к письменному слову зафиксировано и в термине, которым сами древние китайцы обозначали понятие «словесность» — «вэнь» (первоначально — рисунок, орнамент). Считается, что иероглиф «вэнь» представляет собой пиктограмму — изображение человека с татуировкой. Уже ко времени Конфуция, то есть к VI в. до н. э., «вэнь» стало обозначением письменного слова и соответственно наследия древних мудрецов, оставленного в их сочинениях. По словам академика В. М. Алексеева, у конфуцианцев «вэнь» считалось «...лучшим словом, сообщающим нас с идеей абсолютной правды». Эта нерасчлененность конфуцианской учености и древней науки — искусства слова — сохранялась на протяжении всего периода древности

(по начало III в. н. э.). Синкретическое понимание словесности как всей суммы письменных памятников обнаруживается и у одного из первых китайских историков и библиографов Бань Гу (32—92 гг. н. э.). Составляя официальную «Историю династии Хань», он отвел в ней место и специальному «Описанию искусств[1] и словесности», в котором перечислил пятьсот девяносто шесть сочинений, расклассифицировав их по шести разделам: канонические книги, произведения философов, стихи — ши и поэмы — фу, трактаты по военной науке, сочинения по астрологии и медицинские книги. В каждом разделе были свои мелкие рубрики, а также краткие примечания составителя, характеризующие особенности группы сочинений. Библиография Бань Гу дает нам возможность сказать, какие типы произведений письменности существовали в древнем Китае и как представляли себе тогдашние китайцы состав своей словесности, и помогает представить себе, какой процент древних сочинений до нас не дошел.

Поскольку при Бань Гу конфуцианство уже было провозглашено официальной государственной идеологией, то совершенно естественно, что первое место в своем перечне древний историограф отводит сочинениям конфуцианского канона: «Книге перемен»—«Ицзину» и продолжающим ее древним гадательным натурфилософским текстам, «Книге истории» — «Шуцзину» и соответственно ее толкованиям, «Книге песен» — «Шицзину», в которую будто бы сам Конфуций включил триста пять песен древних царств (современные ученые датируют эти произведения XI—VII вв. до н. э.); сочинениям, регулирующим обряды (во главе с «Книгой ритуала» — «Лицзи») и музыку («Записки о музыке» — «Юэцзи»), знаменитой летописи царства Лу «Весны и Осени» — «Чуньцю», создание или редактирование которой приписывается также Конфуцию, и всевозможным ее толкованиям, «Беседам и суждениям» — «Луньюй» — записям высказываний Конфуция, по-видимому, сделанным его учениками.

Из этих сочинений, составивших основу конфуцианского учения и бывших в Китае на протяжении веков обязательным минимумом каждого образованного человека, для развития литературы художественной первостепенное значение имела «Книга песен». Этот поэтический свод, состоящий из четырех разделов («Нравы царств», «Малые оды», «Великие оды», «Гимны») донес до нас самые различные образцы древнейшей лирической и гимнической поэзии. В песнях этих еще чувствуются дух первобытной жизни. Это заметно и в описаниях встреч девушек со своими возлюбленными, — тайных, как в песне «Чжун! В деревню нашу...», и открытых—в дни, освященные традицией, как в песне «Воды Чжэнь и Вэй...», где видны воспоминания о древнем весеннем оргиическом празднике, справлявшемся в третьем лунном месяце. Из песен мы узнаем и о древних брачных обрядах, и о жестоком обычае захоронения живых людей

[1] По древнекитайским представлениям, в это понятие включались: знание обрядов, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия и искусство счета.

вместе с умершим правителем («Желтым пташкам порхать...»). По песням «Шицзина» можно представить себе и заботы земледельцев, подробно описанные в песне «Месяцеслов», и беспокойную жизнь приближенных государя («Еще на востоке полночный мрак», «Жалоба придворного»), которых за малейшую оплошность либо опоздание во дворец ждет суровое наказание, и бесстрашие тогдашних охотников («Охотник Шу...»), смело вступавших в поединки с тиграми, и удаль молодецкой пляски («Лучший плясун»), и печаль одинокой женщины, муж которой ушел в далекий поход. В песнях «Шицзина» еще почти незаметно расслоение общества на антагонистические классы.

Песни, собранные в своде, были созданы в эпоху Чжоу, начавшуюся в XII в. до н. э., когда Китай представлял собой ряд небольших царств, номинально подчинявшихся чжоускому правителю — сыну Неба. Царства эти часто были невелики — столичный город с пригородами, в которых жили земледельцы. Отношения между правителем и подданными в таких царствах носили во многом еще патриархальный характер. Вместе с тем в песнях, видимо, более поздних, например, «Месяцеслов» или «Мыши...» (под видом мышей там выведены хозяева, отбирающие урожай у земледельцев), заметны первые ростки недовольства земледельцев своими правителями, которым, как поется в первой песне, достаются все убитые на охоте кабаны или от которых, как во второй песне, крестьяне собираются уйти в иные счастливые места. Есть в «Книге песен», особенно в последней ее части, и сравнительно большие произведения ритуального характера, подобные «Князю просо» — гимну мифическому герою-первопредку, научившему людей сеять злаки.

Песни «Шицзина» в дошедшем до нас письменном варианте представляют собой четырехсложные стихи с постоянной рифмой. В них ощущается нередко связь с танцами и играми, возможно, что некоторые тексты исполнялись хорами — мужским и женским. Чрезвычайно характерны для них, как и для народных песен всех времен, зачины, в которых использованы образы из мира природы, связанные с последующим текстом лишь ассоциативно, более специфичны постоянные повторы строк с вариацией — изменением одного, реже двух слов. Канонизация «Книги песен» конфуцианцами привела к тому, что народные в своей основе произведения были на рубеже нашей эры «обвешаны» всевозможными комментариями, предлагавшими понимать, например, обычные любовные песни как описание чувств подданных к правителю и т. п. Комментарии, конечно, затемнили текст, но, может быть, именно благодаря тому, что «Шицзин» был зачислен в число канонических книг и текст его был по императорскому указу в 175 г. н. э. вырезан на каменных барабанах, он не затерялся в веках, как это произошло с многими другими древними памятниками.

Наряду с «Книгой песен» из произведений конфуцианского канона бесспорный художественный интерес имеют и знаменитая «Книга истории», и особенно последующая историческая литература, приписанная в библиографическом своде Бань Гу к первой канонизированной летописи «Весны и Осени». Кроме «Летописи Цзо» («Цзочжуань»), составленной в IV в. до н. э. Цзоцю

Мином и считавшейся комментарием к «Веснам и Осеним», в числе последователей древних летописцеа оказался у Бань Гу и автор знаменитых «Исторических записок» Сыма Цянь (145—86 гг. до н. з.). Сыма Цянь создал свой труд как официальный исторический памятник. Он аеками поражал своих читателей богатством своего поэтического языка и стиля, особым мощным и плавным ритмом своей прозы, удивительным для древнего писателя проникновением в законы человеческого общества и а судьбы отдельных людей. Люди, оставившие свой след в истории страны, незаансимо от их социального положения, были предметом его пристального аннмания. Древние философы различных школ и направлений, сановники и полководцы, поэты и шуты-актеры, «мстители» и «скользкие говорупы» — всем им отвел место в саоей огромной книге Сыма Цянь, в том ее разделе, который он назвал «лечжуань» — «отдельные жизнеописавии». Значительная часть саедений о древних китайских авторах, образцы произведений которых даются и а этом томе, известны нам именно благодаря труду Сыма Циня.

Если историческая проза а древнем Китае создала образцы объективно-спокойного описания событий, то совершенно иной тип повествоаания был создан авторами конфуцианских философских трактатов, начало которым положила вошедшая в конфуцианский канон книга «Беседы и суждения», в которой преобладает диалогическая форма изложения. Беседы учителя Конфуция с учеником и поучительные беседы мудреца с правителем весьма часто включали а себя примеры-притчи как особую форму аргументации того или иного философского положения. Притчи эти были нередко фольклорного происхождения, они сохранили для нас отголоски то древней животной сказки, то картины древнего быта китайских царств.

Строго разделяя произаедения канонические и некаионические, Бань Гу отаел записям бесед последоаателей Конфуция, таким как мыслитель Мэн-цзы (ок. 372—289 гг. до н. э.), специальный — и, заметим, первый — параграф во втором разделе своей библиографии, назаанном «произведения философоа». Книга «Мэн-цзы», отрыаки из которой представлены в данной книге, развнвала учение Конфуция, особенно в вопросе о гуманном правлении, как о главном условии сохранения мира и спокойстаия в стране.

Следующее место за трудами конфуцианских настаанников Бань Гу отвел сочинениям представителей другой влиятельной философской школы древности — даосам. Ее родоначальником традиция считает полумифического старца Лао-цзы, жившего будто бы в одно арешя с Конфуцием, в VI а. до н. э., и аедшего с ним дискуссии по проблемам бытия. Приписываемое Лао-цзы сочинение — «Даодэцзин» — «Книга о Пути и Добродетели». В отличие от конфуцианцеа, интересовавшихся в первую очередь проблемами этики и управления государством, последователи даосизма разрабатыаали проблемы бытия, утаерждая примат естественного Пути — Дао как основы асего сущего ао вселенной, как источника всех вещей и явлений. «Добродетель» а данном случае аесьма условный перевод даосского понятия Дэ, которое рассматривалось как индивидуальное проявление Дао — Пути, как форма проявления Дао в

отдельном человеке, показывающее нравственное совершенство личности, следующей Дао и достигшей абсолютной гармонии с окружающим миром. «Книга о Пути и Добродетели» совершенно особый памятник в истории древнекитайской литературы — это ритмически организованная афористическая проза, на протяжении веков считавшаяся непревзойденной по своим художественным достоинствам и нашедшая свое продолжение в книге «Чжуан-цзы», автором которой считается другой классик даосской мысли — Чжуан Чжоу, знаменитый Чжуан-цзы (IV в. до н. э.). Он соединил поэтическую афористичность с традицией примера, притчи, поясняющей часто в весьма необычных формах идеи суетности и иллюзорности человеческого бытия и важности слияния человека с естественной природой.

В разделе философской литературы в перечне Бань Гу после даосов помещены сочинения натурфилософов, развивавших учение о взаимодействии двух полярных сил природы: света—ян и тьмы—инь. За ними шли легисты, или законники, трактовавшие и развивавшие учение о государственной власти, осуществляемой с помощью четкой системы наказаний и поощрений. Отрывки из сочинения «Хань Фэй-цзы» и «Весны и Осени Люя», помещенные в нашем разделе, как раз и должны дать представление о прозе легистов. После них Бань Гу перечислил труды древних номиналистов-логиков и затем упомянул последователей мыслителя Мо-цзы (V в. до н. э.), проповедовавшего принцип «всеобщей любви» и равенства всех людей. В отличие от конфуцианцев, с которыми Мо-цзы и его ученики резко полемизировали, моисты рассматривали управление страной не как морально-этическую проблему, а как определенное профессиональное мастерство. Провозглашение всеобщей любви сочеталось у Мо-цзы с заметным пренебрежением к отдельному человеку, он больше думал о государстве в целом и пытался своими увещеваниями предотвратить войны между правителями. Как он это делал, читатель узнает из фрагмента книги «Мо-цзы». Затем Бань Гу поместил еще несколько менее известных философских школ, включая и авторов аграрных трактатов, а затем в самом конце списка философских произведений прибавил особую школу сяошоцзя (сочинителей сяошо). Сяошо — буквально: «малые (пустячные) речения» — стало впоследствии обозначением сюжетной повествовательной прозы. К сожалению, ни одно из пятнадцати отнесенных к этой категории произведений до нас не дошло. Сам историограф пояснил, что к этой группе отнес он сочинения, составленные из записей различных уличных толков и рассказов, услышанных на дорогах и в глухих городских переулках. Рассказы эти, представлявшие тогдашний прозаический фольклор, собирали специальные чиновники — байгуани. По представлениям конфуцианцев, если правитель хотел знать о настроениях народа, ему следовало обязать чиновников собирать все, что говорят в народе, то есть толки, слухи, предания, рассказы об обычаях (именно несколько подобных фрагментов и сохранилось случайно в комментариях к сочинениям об обрядах). Эти записи народных преданий и были предшественниками того, из чего родилась впоследствии богатейшая повествовательная литература китайцев. (Можно предположить,

что первые книги сяошо напоминали знаменитые «Пестрые рассказы» римского писателя конца II в. н. э. Клавдия Элиана.)

Перечислив десять школ мыслителей, Бань Гу перешел к описанию литературы поэтической (вспомним, что «Книга песен» как памятник конфуцианского канона была рассмотрена им ранее). К литературе этой он отнес произведения двух ведущих в его время жанров: поэм-фу и песен-гэши. Если гэши пелись, то фу скандировались, они писались вроде бы и прозой, но рифмованной, являя собой промежуточное явление между поэзией и прозой. «Традиция гласит: «То, что не поется, а скандируется, называется фу. Тот, кто, поднявшись высоко, может слагать фу, достоин именоваться великим мужем. ...Мужи, изучавшие «Книгу песен», стоят над простым людом в холщовом платье, высокомудрые, потеряв надежду осуществить свои стремления, слагали поэмы-фу. Великий конфуцианец Сунь Цин и Цюй Юань, сановник царства Чу, который, будучи оклеветан и устранен от дел, скорбел по своей отчизне,— оба слагали поэмы, чтобы увещевать правителя. сочинения их передавали боль души, и смысл их фу подобен значению древних стихов. А после них Сян Юй, Тан Лэ, а при расцвете династии Хань: Мэй Шэн, Сыма Сян-жу и под конец Ян Сюн — все состязались в пышности и разнообразии слов. Они уже не вкладывали в свои поэмы аллегорический и назидательный смысл» — так пояснял Бань Гу особенности и эволюцию жанра фу. К этому следует добавить, что поэмы фу писались обычно в трехчастной форме и состояли из вступления (сюй), собственно описания (фу) и завершения (луань или сюнь). Вступление нередко представляло собой диалог поэта с кем-либо из правителей, в котором высказывалась основная идея поэмы, развиваемая уже во второй части, а в заключении автор давал свое резюме и высказывал свой личный взгляд на описанные события.

Авторы, о которых говорит Бань Гу, представлены в нашем разделе и своими поэтическими произведениями (стихи Цюй Юаня), и своими поэмами-фу (Сян Юй, Сыма Сян-жу, Чжан Хэн). Цюй Юань жил в царстве Чу, на юго-западе тогдашнего Китая. В культуре тех мест было немало своеобразных черт, обусловленных бытом иных, некитайских племен, но поэзия его быстро стала известна по всей стране. Оклеветанного поэта дважды изгоняли из Чу, он видел, как, не вняв его советам войти в союз с царством Ци и доверившись вероломному царству Цинь, правитель Чу потерял свою страну. Циньские войска разрушили древнюю столицу Чуского царства город Ин. Нет меры той печали поэта, которой овеяно стихотворение, описывающее гибель родной страны («Плач по столице Ину»).

Как мы уже говорили, Бань Гу соединил в одном разделе своей библиографии поэмы-фу и песни-гэши. Ни одного из перечисленных им двадцати восьми сборников песен до нас не дошло, но по названиям их мы можем судить, что это были в основном сборники песен отдельных местностей или собрания ритуальных песнопений, вроде «Песнопений божествам» или «Гимнов, исполняемых при проводах и встречах души». Песни в древнем Китае, так же как и всевозможные «уличные толки», собирались с целью выяснения настроений

先師孔子行教像
德侔天地 道冠古今
刪述六經 垂憲萬世

Изображение Конфуция по рисунку художника У Дао-цзы (VIII в.)
Эстампаж со средневековой стелы.

подданных. Император Сяо-у-ди, правивший в 140—86 гг. до н. э., учредил даже специальную Музыкальную палату — Юэфу. «Со времени Сяо-у-ди, когда была учреждена Музыкальная палата, начали собирать народные песни. Так стали известны песни местностей Дай и Чжао, напевы Цинь и Чу, в них были чувства радости и скорби, их появление было вызвано теми или иными событиями, и по ним можно судить об обычаях и нравах, узнать их достоинства и недостатки» — так сам Бань Гу определил роль Музыкальной палаты, в которой в ранний период ее деятельности состояло на службе до шестисот чиновников. Около ста пятидесяти из собранных ими песенных текстов дошло до нас. Отдельные образцы их включены и в эту книгу.

После песен и поэм-фу в библиографии Бань Гу помещены сочинения уже в основном прикладного характера; разные виды книг по военному искусству, по астрономии, по вопросам календаря, гаданий, медицины. Все сочинения, перечисленные Бань Гу, считались в его время составными частями письменной литературы. Литература при этом рассматривалась в тесной связи с ее функциональной предназначенностью, со строго определенным местом в иерархии древнекитайского общества. Не случайно, видимо, и то, что большинство упоминаемых Бань Гу философских школ и их сочинений связывается с отправлением определенных деловых функций в древнекитайском обществе. Так, про конфуцианцев он пишет, что они вышли из чиновников, ведающих делами управления и заботящихся о просвещении и совершенствовании государя и его людей. Даосов он связывает с историографами, которые вели записи о взлетах и падениях царств, что и заставило их задуматься о причинах явлений; законников-легистов — с чиновниками, отправлявшими наказания, моистов — со смотрителями в храме предков царского дома и т. д. И даже говоря о песенной поэзии и поэмах-фу, непосредственно не ассоциированных в сознании древних китайцев с деловыми функциями словесности, Бань Гу усматривал их общественную роль в связи с ритуалом. Он напоминал, например, что сановники, отправлявшиеся в соседние царства с посольской миссией, использовали песни «Шицзина» для того, чтобы намеком выразить свои стремления. Можно сказать, что в древнем Китае художественность как чисто эстетическая категория еще не была открыта, и литература собственно художественная не была еще выделена и противопоставлена другим видам словесности, преследовавшей прикладные цели, вроде, например, медицинских или военных трактатов. При этом не следует забывать, что древние трактаты по различным отраслям знаний писались отточенным, выразительным языком, подлежали литературной, стилистической отделке, а нередко и ритмизации, что приближало их к произведениям, далеким от прикладного применения.

В древнем Китае постепенно зарождались жанры, составившие в средние века изящную бессюжетную прозу. Во времена Бань Гу жанры эти только начинали свою самостоятельную жизнь в литературе. Многие из них в момент своего появления не осознавались в качестве самостоятельной художественной структуры. Это были составные, но уже как-то выделенные части древних

памятников, некое инородное тело в них. Такими были, по-видимому, древние указы или обращения к государю, входившие в свод «Книги исторических преданий». Так в составе «Исторических записок» Сыма Цяня родился жанр чжуань — жизнеописаний, очень скоро, в I в. н. э., осознанный как самостоятельное литературное явление. Были, однако, в древности и формы выражения, как, например, притчи, которые в Китае вплоть до XX века так и не выделились в самостоятельный литературный жанр.

В древности, во времена Бань Гу, жанры, однако, не были еще, как в средние века, ведущей стилеформирующей категорией, и поэтому принцип классификации древнего историографа был утилитарно-тематическим, а не чисто жанровым, как у его средневековых последователей. Так, произведения жанра нцзоу — доклады государю — фигурируют у него как в разделе «Книги исторических преданий» и в разделе «Книги ритуалов», так и среди летописных произведений, продолжающих «Весны и Осени», и даже среди книг, примыкающих к «Беседам и суждениям» Конфуция.

Бань Гу писал свой труд в I в. н. э., но развитие древнекитайской литературы продолжалось, естественно, и в последующее столетие. Это вынуждает нас сказать еще и о тех сочинениях, которые не попали в его обширную библиографию, но сохранились до наших дней и представлены в переводах в данном томе. Речь идет о двух принципиально важных для развития китайской литературы явлениях: о поэтическом цикле, получившем впоследствии название «Девятнадцать древних стихотворений», и о повествовательной прозе, завершающей наш раздел древней литературы.

О «Девятнадцати древних стихотворениях» на протяжении многих веков высказывались весьма противоречивые суждения. Современные китайские ученые пришли к выводу, что стихи эти, отобранные из явно большего числа текстов царевичем Сяо Туном в начале VI века и включенные в его «Изборник», были созданы в I — II вв. н. э. Имена авторов были забыты уже ко времени Сяо Туна. Стихи эти написаны на традиционные темы тогдашней поэзии: разлука друзей, тоска покинутых или оставленных дома жен, грусть путника, раздумья о жизни и смерти. По точному выражению Л. З. Эйдлина, стихи эти подчинены «одной главной мысли — быстротечности того краткого мига, которым отмерен человеческий жребий». Стихи эти стоят как бы на стыке поэзии народной и авторской. Они написаны явно под влиянием тогдашней народной песни, собиравшейся чиновниками Музыкальной палаты, в них есть даже целые строки, заимствованные из народных текстов, но в этой поэзии есть уже и авторское начало. Об этом свидетельствуют обнаруженные китайскими учеными скрытые цитаты из «Книги песен», «Чуских строф» и даже прозаических «Речей царств». Влияние поэтов-литераторов сказалось и на форме стиха. Если современные им народные песни имели строку разной длины, то девятнадцать древних стихотворений фактически начинают в китайской поэзии пятисложный стих (каждая строка состоит из пяти слогов и соответственно слов), который на протяжении веков был одним из ведущих размеров в китайской и всей дальневосточной поэзии. То, что до нас не дошли

имена авторов стихотворений, видимо, не случайно. Как показали исследования последних лет, проведенные И. С. Лисевичем, для переходного периода от фольклорной поэзии к авторской в Китае было характерно не только движение от фольклора к письменному творчеству, но в этих условиях легко совершался и обратный переход древних поэтических произведений в устную стихию. Между индивидуальной и народной поэзией в ту пору еще не было ни языкового, ни стилистического барьера, общей была и образная система.

Анонимность творчества характерна в известной мере и для первых повествовательных произведений в прозе. Проза повествовательная в Китае, как и в других странах древнего мира, например, в Греции, начинает складываться лишь в самом конце древнего периода. В I — II вв. н. э. в Китае появляются беллетризованные жизнеописания и истории, которые весьма условно могут быть названы древними повестями. И те и другие своими корнями связаны с историографической прозой. Это прежде всего «Яньский наследник Дань» — история покушения храбреца Цзин Кэ на циньского князя — жестокого тирана, создавшего в III в. до н. э. первую китайскую империю, известного под именем Цинь Ши-хуана. Повесть эта близка к жизнеописанию Цзин Кэ, помещенному в «Исторических записках» Сыма Цяня в разделе «Жизнеописания мстителей». Повесть во многом близка к жизнеописанию, и потому филологи в средние века не раз высказывали мнение, что именно она послужила источником для Сыма Цяня. Утверждения эти вызывали, однако, и возражения других ученых, считавших, что, наоборот, анонимный автор повести использовал текст Сыма Цяня. Но, как справедливо отметил еще известный библиограф XVI века Ху Ин-линь, «Яньский наследник Дань» — «предок древних и современных повествовательных произведений». И действительно, основное отличие этой повести от официального жизнеописания Цзин Кэ — именно в большей ее повествовательности, во введении целого ряда новых эпизодов явно легендарного характера, вроде истории о том, как в ответ на мольбу наследника Даня у ворона побелела голова, а у коня выросли рога, или эпизод о том, как невозмутимый Цзин Кэ швырял золотыми слитками в лягушек, или страшной истории о том, как наследник, выражая свое почтение к Цзин Кэ, повелел отрубить руки красавице музыкантше, игра которой понравилась герою, и поднести их Цзин Кэ. Все те эпизоды, которые и составляют сейчас едва ли не главный интерес для читателя, как раз и отсутствовали у Сыма Цяня.

Древность этой конфуцианской по своим идеям повести косвенно может быть подтверждена и китайским изобразительным искусством рубежа нашей эры. Именно в это время на каменных рельефах, украшавших собой гробницы и иные ритуальные сооружения, часто изображалась сцена покушения Цзин Кэ. Такие рельефы были найдены и на полуострове Шаньдун, и в далекой юго-западной провинции Сычуань. На одном из них, видимо, чтобы выразить свою ненависть к тирану, мастер изобразил императора в одеянии простолюдина, придав его фигуре гротескный характер. На другом рельефе отчетливо видно, как государь бежит от Цзин Кэ, теряя свои туфли.

Аналогичным образом отличается и «Частное жизнеописание Чжао — Летящей Ласточки» от официального жизнеописания этой знаменитой наложницы, а затем и супруги императора Чэн-ди (правил с 33 по 7 г. до н. э.). Жизнеописание ее, помещенное Бань Гу в «Истории династии Хань», весьма лаконично, основной его текст — всего тринадцать строк. Частное же жизнеописание, наоборот, стремится к максимальной подробности, включая и описание интимных сторон жизни двора. Традиция приписывает авторство этого произведения крупному сановнику рубежа нашей эры Лин Сюаню (или Лин Юаню), наложница которого, некая Фань Тун-дэ, будто бы хорошо знала историю Чжао — Летящей Ласточки. От нее-то, по преданию, Лин Сюань и записал всю историю. И авторство Лин Сюаня, и подлинность самого текста — вопросы далеко еще не решенные. На протяжении последних восьмисот лет не раз высказывались сомнения в аутентичности текста «Частного жизнеописания...», но основательных доказательств так никто и не смог привести. Как заметил тот же Ху Ин-линь, стиль этого произведения весьма безыскусствен и не похож на сочинения более поздних эпох. Некоторые типологические соображения о зарождении относительно большой повествовательной формы в позднюю пору древности говорят также в пользу древнего происхождения подобных произведений, что, однако, отнюдь не отрицает возможности и отдельных более поздних интерполяций в их текстах.

Раздел древней повествовательной прозы завершается небольшим «Жизнеописанием девы из У по прозванию Пурпурный Нефрит» историографа I в. н. э. Чжао Е. Это, по-видимому, одно из первых в китайской прозе произведений о встрече бедного юноши с духом своей возлюбленной—сюжет этот потом, в средние века, многократно будет использоваться дальневосточными новеллистами. Здесь он дан как бы в наиболее архаическом виде — свидетельство тому нисхождение студента в могилу, где он вступает в брак с девицей по прозванию Пурпурный Нефрит, а также оголенное, еще не обросшее, как у поздних новеллистов, сложными сюжетными ходами, повествование. Автора интересует здесь не столько судьба героев, сколько само по себе удивительное событие. Так же как и в других случаях, нельзя говорить уверенно здесь ни о точной датировке текста, ни об авторстве его. За отсутствием критических исследований приходится доверять многовековой традиции.

Мы попытались обрисовать в общих чертах всю совокупность древнекитайских письменных памятников, чуть подробнее, естественно, останавливаясь на тех, которые здесь представлены. В древнем Китае была заложена идеологическая основа, на которой развивались средневековое искусство и словесность не только в самом Китае, но и в сопредельных странах Дальнего Востока — Японии, Корее, Вьетнаме. Тогда же сложились и многие темы китайской поэзии, тот богатый арсенал символов и образов, без знания которого нельзя правильно понять классическую литературу дальневосточных народов.

Б. РИФТИН

ПОЭЗИЯ И ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ИЗ «КНИГИ ПЕСЕН»

ИЗ КНИГИ «НРАВЫ ЦАРСТВ»

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖОУ И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

«УТКИ КРЯКАЮТ...» (1)

Утки крякают в камышах речных.
Остров маленький. Там гнездо у них.
Эта девушка хороша, скромна.
Эту девушку полюбил жених.

Лилий водяных множество кругом.
Мелких наберем, крупных наберем.
Эта девушка хороша, скромна.
Он грустил в ночи, он томился днем.

Он томился днем, он бродил с тоской
В долгих поисках девушки такой.
И, ложась в постель, он заснуть не мог.
Не смыкал он глаз, потеряв покой.

Лилий водяных множество кругом.
Слева мелкие, справа покрупней.
Эта девушка хороша, скромна.
Цитры с гуслями нам поют о ней.

Лилий водяных множество кругом.
Мелких запасли, крупных запасли.
Эта девушка хороша, скромна.
Вторит колоколу барабан вдали.

«ШЕВЕЛИТ КРЫЛАМИ САРАНЧА...» (5)

Шевелит крылами саранча.
Ей на белом свете счету нет.
Если бы сыны твои и внуки
Так же заселили белый свет!

Шевелит крылами саранча.
Стая затмевает белый свет.
Если бы сыны твои и внуки
Размножались тысячами лет!

Шевелит крылами саранча.
В жизни дружный рой не знает бед.
Так пускай сыны твои и внуки
Тучами летят на белый свет!

ПЕСНИ ЦАРСТВА ШАО И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

«ЛАНЬ В ЛЕСУ...» (12)

Лань в лесу стрелою сражена.
Лань прикрыта белою травой.
Нà сердце у девушки — весна.
С девушкой красавец молодой.

Лань мертва. Она в тени куста
Белою травой перевита.
Здесь листва зеленая густа.
Яшмою — девичья красота.

Лучше ты меня не трогай, друг!
Мой передник не для дерзких рук!
Как бы не залаял пес мой вдруг.

ПЕСНИ ЦАРСТВА БЭЙ

ПЕСНЬ ОСТАВЛЕННОЙ ЖЕНЫ (10)
(«ВНОВЬ НАГНАЛ ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР ОБЛАКА...»)

1

Вновь нагнал восточный ветер облака.
Я с тобой была всем сердцем заодно.
Нет, не должен ты сердиться на меня,
И, по-моему, известно всем давно:
Репа спелая особенно сладка.
Я творила только добрые дела.
За собой не знаю никакого зла,
И с тобою вместе я бы умерла.

2

Я иду по самой горькой из дорог.
У меня в груди — обида и упрек.
Проводить не соизволил ты меня,
И одна переступила я порог.
Говорят, что слишком горек молочай.
Как трава пастушья, он голодным впрок.
С молодой женой ты ласков, как родной.
Мною, старой, ты жестоко пренебрег.

3

Цзин-река рекою Вэй замутнена,
Но, как только замедляется поток,
Возле берега прозрачная вода.
Господин мой! Как со мною ты жесток!
На мою запруду не пускай чужих!
Вершу бедную мою не повреди!
С молодой женой ты ласков, как родной.
Ждут меня одни печали впереди.

4

Речку маленькую вброд мы перейдем.
У большой реки всегда найдешь паром,
И воспользоваться можно челноком.
Я не брезговала никаким трудом,

На коленях помогала беднякам,
И спасенный поминал меня добром,
Когда хворь косила слабых здесь и там
И когда несчастья множились кругом.

5

Ты меня лишил надежды и услад.
Что ни сделаю — в ответ сердитый взгляд.
Опорочил добродетель ты мою,
И нигде меня купить не захотят.
Неимущий, был ты мне когда-то рад.
Я с тобой страдала сколько лет подряд!
А теперь, когда дела пошли на лад,
Для тебя я словно смертоносный яд.

6

Изобильные запасы у меня.
С ними лютая зима не так страшна.
С молодой женой ты ласков, как родной.
Я работница теперь, а не жена.
Ничего ты не принес мне, кроме зла.
Разорил теперь ты жизнь мою дотла.
Вспомни, как совсем немного лет назад
Я одна твоей утехою была.

ЛУЧШИЙ ПЛЯСУН (13)

(«ВЕЛИКОЛЕПНО!..»)

Великолепно! Великолепно!
Солнце в зените. Час настает.
Княжеский двор. Великая пляска.
Лучший плясун выходит вперед.

И восхищенье в сердцах и страх.
Ну и проворство! Ну и размах!
Высок и строен, силен, как тигр.
Вожжи, как шелковые, в руках.

С флейтою и с фазаньим пером
Пляшет он перед всем двором.
Как нарумяненный, покраснел,
Княжеским разгорячен вином.

Лакричник низкие любит места.
Милее орешнику высота.
О ком я думаю весь мой век?
Меня пленила чья красота?
Родился на западе тот человек.
С запада родом тот человек.

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЮН

«ЕСЛИ КРЫСА...» (8)

Если крыса шерсткой горда,
Хуже крысы неуч тогда,
Хуже крысы неуч тогда.
Он ведь не умер еще со стыда.

Если крыса зубами горда,
Хуже крысы невежа тогда,
Хуже крысы невежа тогда.
Он ведь не умер еще со стыда.

Если крыса проворством горда,
Хуже крысы олух тогда,
Хуже крысы олух тогда.
Он ведь не умер еще со стыда.

ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ

«ГОСПОДИН МОЙ...» (8)

Господин мой! Ты в сраженье всех смелей.
Ты размахиваешь палицей своей.
Ты, великий полководец, впереди.
За тобою следом войско и вожди.

С той поры, как ты уехал на восток,
Волосы мои, как высохший вьюнок.
И зачем теперь причесываться мне?
И какой бальзам теперь бы мне помог?

Хоть бы дождика дождаться наконец!
Солнце яркое сверкает и палит.
Господин мой! Как я сохну по тебе!
Сердце бьется, голова моя болит.

Если бы трава забвения росла
Возле дома, тут, под северной стеной!
Господин мой! Как я сохну по тебе!
Тяжело мне год за годом быть одной.

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖЭН

«ЧЖУН! В ДЕРЕВНЮ НАШУ...» (2)

Чжун! В деревню нашу не ходи ты!
Наши не ломай ты, Чжун, ракиты!
Чжун, мой милый! Что мне все ракиты!
На меня родители сердиты.
В Чжуна не могла я не влюбиться.
Но нельзя родителей не слушать.
Их боится каждая девица.

Чжун! Ломать ограду не годится.
Наши пожалей ты шелковицы!
Чжун, мой милый! Что мне шелковицы!
Братья будут на меня сердиться.
В Чжуна не могла я не влюбиться.
Но нельзя не слушать старших братьев.
Их боится каждая девица.

Чжун! Чтобы в беду я не попала,
Не ломай в саду моем сандала!
Чжун, мой милый! Что мне до сандала!
Сплетников кругом живет немало.

В Чжуна не могла я не влюбиться.
Но нельзя не думать мне о сплетнях.
Их боится каждая девица.

«ОХОТНИК ШУ...» (4)

1

Охотник Шу на своей колеснице.
Он правит четверкою лошадей.
Вожжи, как шелк, для него легки.
Приплясывают на бегу рысаки.
Горят огни среди болот.
Шу полуголый шагнул в тростники.
Тигр добычу рвет на куски.
Тигр падет от его руки.
Князю тигра Шу принесет.
Шу, берегись! У тигра клыки!

2

Охотник Шу на своей колеснице
Правит гнедою четверкой своей.
Вытянуты шеи коней.
Кони похожи на диких гусей.
Горят огни среди болот.
Каменный гонг на болотах слышней.
Мчатся кони, грызут удила.
Четыре коня — четыре крыла.
И тетиву рука напрягла,
И настигает зверя стрела.

3

Охотник Шу на своей колеснице.
Он правит четверкою серых коней.
Тянутся кони, как руки, вперед.
Рады пуститься кони в полет.
Горят огни среди болот.
Но вот колесница замедлила ход.
Кони уже не грызут удила.
Сгущается ночная мгла.
Убран лук. Тетива замерла.
И остается в колчане стрела.

«ВОДЫ ЧЖЭНЬ И ВЭЙ...» (21)

1

Воды Чжэнь и Вэй
Быстрого быстрей.
Девушкам и юношам
Хватит орхидей.
Говорит она:
«Ты придешь туда?»
Говорит он: «Да!»
«Приходи скорей!»
Для влюбленных он,
Этот берег Вэй,
От тебя — пион,
И тебе — пион.

2

Воды Чжэнь и Вэй
Светлого светлей.
Молодым встречаться там
Будет веселей.
Говорит она:
«Ты придешь туда?»
Говорит он: «Да!»
«Приходи скорей!»
Для влюбленных он,
Этот берег Вэй.
От тебя — пион,
И тебе — пион.

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИ

«СЛЫШИШЬ? ПОЕТ...» (1)

«Слышишь? Поет петух на заре.
Уже придворные на дворе».
«Какие придворные? Ночь на дворе.
Самое время петь мошкаре».

«Смотри! На востоке солнце встает.
Уже во дворе толпится народ».
«Какое там солнце! Спит весь народ.
Луна выходит на небосвод».

«Поет мошкара в тумане ночном».
«Как сладко нам лежать вдвоем!
Идут придворные на прием.
В опалу мы с тобой попадем».

«ЕЩЕ НА ВОСТОКЕ...» (5)

Еще на востоке полночный мрак.
Одеться хоть бы кое-как!
Нет, промедление не к добру,
Когда тебя требуют ко двору.

Еще на востоке не брезжит рассвет.
Ты второпях кое-как одет.
Князю медлительность не по нутру.
Придворного требуют ко двору.

Ивы ломаешь, бежишь бегом.
Мчишься, как бешеный, напролом.
Пускай темнотою окутан восток.
Не раньше срока, значит, не в срок.

ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ

«МЫШИ, НЕ ЕШЬТЕ НАШЕ ЗЕРНО!..» (7)

1

Мыши, не ешьте наше зерно!
Три года ели вы наше пшено.
Так объедаться, мыши, грешно.
Вы не уйдете? Что ж, решено!
Нам остается только одно.
Если нам счастья здесь не дано,
В другой далекой стране оно.
Там правда ждет нас давным-давно.

2

Мыши, не ешьте наше зерно!
Мы без пшеницы — в который раз!
Так объедаться, мыши, грешно.
Снова пропал наш зимний запас.
Нам остается только одно.
Если совесть вам не указ,
Мы переселимся в добрый час.
Где-то ждет справедливость нас.

3

Мыши, не ешьте наше зерно!
Всюду раздолье вашим зубам.
Так объедаться, мыши, грешно.
Не прокормить вас нашим хлебам!
Нам остается только одно:
Не наниматься к таким господам.
Мы будем рады новым местам.
Плакать нам не придется там.

ПЕСНИ ЦАРСТВА ТАН

«В ГОРАХ КАРАГАЧ РАСТЕТ...» (2)

1

В горах карагач растет.
Вязы — среди болот.
Наряды неношеные твои
Пылятся который год.
Добрые кони в конюшнях твоих
Других заждались господ.
И все это после смерти твоей
Получит какой-нибудь мот.

2

Сумах вырастает в горах.
Терновник в болоте зачах.
Твои покои не помнят гостей.
Народ — на других дворах.

Пока барабаны твои молчат
При запертых дверях.
Получит все после смерти твоей
Какой-нибудь вертопрах.

3

Холм сумахом богат.
Дикий внизу виноград.
Яств не жалей, вина не жалей!
Цитры твои молчат.
Продлил бы за полночь дни твои
Их полнозвучный лад.
Другой распахнет после смерти твоей
Двери твоих палат.

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИНЬ

«ЖЕЛТЫМ ПТАШКАМ ПОРХАТЬ...» (6)

1

Желтым пташкам порхать хорошо.
Зеленые ветви — отрадный кров.
Кто с государем в последний путь?
Цзы-Цзюйя янь-си, боец из бойцов.
Он в битве стоил ста храбрецов.
В сраженье враг от него бежал,
А перед могилой он сам задрожал.
Синее небо! Закон твой суров.
Неумолима твоя высота.
Могила все еще не сыта.
Живыми закапываем смельчаков.
Каждый из них нам дороже ста.

2

Желтым пташкам порхать хорошо
Среди зеленых древесных вершин.
Кто с государем в последний путь?
Чжун-хан, богатырь, Чжун-хан, исполин.
Он стоил сотни в битве один.

В сраженье враг от него бежал,
А перед могилой он сам задрожал.
Синее небо! Закон твой суров.
Неумолима твоя высота.
Могила все еще не сыта.
Живыми закапываем смельчаков.
Каждый из них нам дороже ста.

3

Желтым пташкам порхать хорошо.
Вокруг тернового вьются куста.
Кто с государем в последний путь?
Чжэнь-ху, чья совесть навеки чиста.
Один он стоил в битве ста.
В сраженье враг от него бежал,
А перед могилой он сам задрожал.
Синее небо! Закон твой суров.
Неумолима твоя высота.
Могила все еще не сыта.
Живыми закапываем смельчаков.
Каждый из них нам дороже ста.

ПЕСНИ ЦАРСТВА БИНЬ

МЕСЯЦЕСЛОВ (1)
(«НИКНЕТ В МЕСЯЦЕ СЕДЬМОМ ЗВЕЗДА ОГНЯ...»)

1

Никнет в месяце седьмом звезда огня.
На девятый месяц шуба нам нужна.
Непогода в первом месяце страшна.
Холод лютый будет в месяце втором.
Без одежды теплой мы не проживем.
В третьем месяце пахать уже пора.
На четвертый месяц в поле мы с утра.
Пашем южные поля мы допоздна.
В поле пахарю обед несет жена.
Нам весной смотритель спуску не дает,
И на пахоту выходит весь народ.

2

Никнет в месяце седьмом звезда огня.
На девятый месяц шуба нам нужна.
Всей земле тепло, когда придет весна.
Иволга поет весною там и тут.
Девушки с корзинками по тропе идут.
Листья с шелковицы дружно рвут они.
Все длиннее эти солнечные дни.
Белизною на ветру полынь блестит.
Растревоженная девушка грустит.
Видно, скоро в дом чужой войдет она,
Молодому господину отдана.

3

Никнет в месяце седьмом звезда огня,
Тростники густые в месяце восьмом.
В месяц шелкопряда топоры возьмем!
Чтобы шелковица разрослась пышней,
Обрубают ветки лишние на ней.
В месяце седьмом кричит сорокопут.
В месяце восьмом у нас в селеньях ткут.
Краска черная и желтая — для нас.
Ярко-красная приятнее для глаз.
Ткани лучшие покрасим в красный цвет,
Чтобы княжич наш нарядней был одет!

4

На четвертый месяц травам расцветать,
В пятом месяце цикадам стрекотать.
В месяце восьмом зерном народ богат.
Будет в месяце десятом листопад.
В первом месяце охотимся в лесу.
Барсука добуду, кошку и лису.
Теплый мех я господину принесу.
Снова быть облаве в месяце втором.
Состязаться нам в искусстве боевом.
Князь—хозяин всем убитым кабанам.
Только поросята остаются нам.

5

В пятом месяце кузнечик прыг да скок.
На шестой крылами шевелит сверчок.
В месяце седьмом сверчок среди полей,
В месяце восьмом — под крышею твоей,
В месяце девятом — около дверей,
Чтобы на десятый месяц — под кровать.
Время северные окна закрывать,
Дыры затыкать и двери шпаклевать,
Крыс выкуривать и дома зимовать.
Старый год уже закончится вот-вот.
Возвращаемся домой под Новый год.

6

Вишен в месяце шестом себе нарвем.
Поедим бобов мы в месяце седьмом.
Финики поспеют в месяце восьмом,
На десятый месяц рис в полях мы жнем,
Чтоб весною дедов угостить вином,
Чтобы жить подольше старикам седым,
Дыни в месяце седьмом всегда едим.
Тыквы поспевают в месяце восьмом.
Семя конопляное в девятом соберем.
Запасли растопки, натаскали дров.
Будет сыт хозяин, будет он здоров.

7

В месяце девятом трамбуем огород.
На току хорошем целее умолот.
Урожай в десятом принесут поля.
Рис, бобы, пшеница, просо, конопля...
Много всяких злаков нам дает земля.
Урожай собрали. Близится зима.
Приводить в порядок надо нам дома.
Травы рвать придется нам теперь с утра.
На витье веревок остаются вечера.
Залатать бы нашу крышу поскорей!
Только снег растает — вновь паши да сей!

8

В месяце втором колоть мы будем лед.
Йонг-йонг-йонг,— звенит он, йонг-йонг-йонг,— поет.
А на третий заготовим лед мы впрок.
На четвертый месяц наступает срок
В жертву принести барана и чеснок.
В месяце девятом лист уже поблек.
В месяце десятом расчищаем ток.
И на празднике вином наполнен рог.
Пьем вино из рога за глотком глоток,
Чтобы нам не ведать горестей и бед,
Чтобы жить на свете десять тысяч лет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА (3)

1

Воевать нас посылали на восток,
И не смели возвратиться мы назад.
Возвращаемся с востока мы домой.
Мы в пути окружены дождливой тьмой.
Как хотелось возвратиться нам назад!
Дом родной увидеть каждый был бы рад.
Там ты больше не в строю, ты не солдат.
Надеваешь деревенский свой халат.
Чуть заметно черви двигаются днем
Под густыми шелковицами в тени.
Днем на запад мы, усталые, ползем,
Ночью спим под колесницами одни.

2

Воевать нас посылали на восток,
И не смели возвратиться мы назад.
Возвращаемся с востока мы домой.
Мы в пути окружены дождливой тьмой.
Там на крышах тыквы дикие висят.
Заползли мокрицы в дом давным-давно.
Паутина, будто шелк, на первый взгляд,
И следов оленьих на поле полно.
И мерцает огонек издалека,
И не сразу узнаешь ты светляка.

Не пугайся! Это добрый огонек.
С ним ночами человек не одинок.

3

Воевать нас посылали на восток,
И не смели возвратиться мы назад.
Возвращаемся с востока мы домой.
Мы в пути окружены дождливой тьмой.
Цапли там на муравейниках кричат.
Дома женщины вздыхают в листопад,
Подметают, моют, чистят и скоблят,
Затыкают в стенах дыры все подряд.
Тыквы горькие на хворосте лежат.
Весь валежник наш каштановый гниет.
Вспомнил я: сегодня минул третий год
С той поры, как мы отправились в поход.

4

Воевать нас посылали на восток,
И не смели возвратиться мы назад.
Возвращаемся с востока мы домой.
Мы в пути окружены дождливой тьмой.
Как на солнце перья иволги блестят!
Сколько девушек успело подрасти!
И такой же точно свадебный обряд.
Дочку замуж выдает уже сосед.
Кони рыжие запряжены чуть свет.
И жених, как подобает, разодет.
Что ж, любовь молодоженам да совет!
Никому до старых дела больше нет.

ИЗ КНИГИ «МАЛЫЕ ОДЫ»

ЖАЛОБА ПРИДВОРНОГО (IV, 10)
(«ВСЕВЫШНИЙ ГРОЗЕН...»)

1

Всевышний грозен, суров, жесток.
Голод, погибель,— все от него.
Смута в стране, в государстве раскол.
Сильных и слабых казнит божество.

Не смотрит, кто прав, а кто виноват.
Пускай страдал бы только злодей.
Однако столько кругом утрат,
Что нет спасенья для всех людей.
Всюду напасти, всюду разлад.
Сегодня худо державе всей.

2

Дом Чжоу повержен, и нечем жить.
Сановники скрылись, бежала знать.
Никто не хочет забот моих знать.
Никто при дворе не хочет служить.
Ни днем, ни ночью не сыщешь слуг.
Теперь впустую любой приказ.
Вельможи в бегах, князьям недосуг.
Безлюдно в ранний и в поздний час.
Никто не делает нынче добра,
И только зло постигает нас.

3

Всевышний! Где же твой вечный закон?
Ни на кого положиться нельзя.
Вожди ведут неизвестно куда.
Только несчастья со всех сторон.
И отовсюду грозит беда.
Князь против князя ожесточен.
Ни благочестья, ни стыда.
Презрели даже небесный закон.

4

Конца не видно этой войне.
Голод, разруха в нашей стране.
Измучен я, государев слуга.
Никто не служит со мной наравне.
Что же молчите вы, господа?
Если я прав, отвечайте мне!
Стоит ли слушать клеветника?
Или правда теперь не в цене?

5

Когда бы мне говорить краснó!
Неповоротлив мой бедный язык.
В трудах тяжелых я жить привык.
Мне благоденствовать не дано.
Вновь при дворе торжествует лесть.
Приносит она достаток и честь.

6

«Служить опасно»,— мне говорят.
Не служишь — так перед царем виноват.
Служишь — так жизни своей не рад.
Клянут чиновника стар и млад.
Общая ненависть вместо наград.
Плохо тебе и друзьям твоим.

7

Скрываться на чужбине — позор!
Вы говорите, приюта вам нет,
Слушайте горькую речь мою!
Кровавые слезы один я лью.
Когда вы бросили царский двор,
Кто приютил вас в чужом краю?

ИЗ КНИГИ «ВЕЛИКИЕ ОДЫ»

«ДИВНУЮ БАШНЮ ЗАДУМАЛ ОН...» (I, 8)

1

Дивную башню задумал он.
В ней соразмерность, в ней строгий закон.
Народ собрался со всех сторон.
Работой был народ увлечен.
И не успел потемнеть небосклон,
Труд всенародный был завершен.

2

Властитель вышел в свой дивный сад.
Олени и лани в тени лежат,
Лоснится шерстка, радуя взгляд.
Птичьи перья в листве блестят.
Когда властитель в своем саду,
Прыгают рыбы в дивном пруду.

3

Всюду изделья искусных рук.
У всякого гонга чистейший звук.
На круглом озере дивный чертог.
Бой барабанный слышен вокруг.

4

На круглом озере дивный чертог.
Бунг, бунг, бунг,— барабаны вокруг.
Из крокодиловой кожи они.
Поют слепые для царских слуг.

ИЗ КНИГИ «ГИМНЫ»

КНЯЗЬ ПРОСО (I, 10)

(«ПРАМАТЕРЬ НАШУ ПОМНИМ...»)

1

Праматерь нашу помним и чтим,
Государыню мудрую Цзянь Юань.
Всевышнему угодила она.
Благоразумно вступила в след,
Оставленный пальцем его большим.
Осилила жертвами порчу и вред.
В награду за праведные дела
Затяжелела и родила.
Князь Просо родился на белый свет.

2

Младенец родился в положенный срок.
Всевышний к матери не был жесток.
Явное чудо: роды без мук.
Всевышний сам роженице помог.
Была за жертвы свои она
Легкими родами награждена.
Многое множество добрых примет!
Князь Просо родился на белый свет.

3

На выгоне положили его.
Корова кормит его и овца.
В лес отнесли, где нет ни души.
Его нашли дровосеки в глуши.
Забыли зимой младенца на льду.
Птицы пригрели его, как птенца.
Скроются птицы среди лесов,—
Князь Просо плачет, кричит без конца.
Издалека — пронзительный зов.
Громче не слыхано голосов.

4

Искал он пищу голодным ртом.
Сначала передвигался ползком.
Ходить на ногах учился потом.
Впервые поле засеял он.
И, словно стяги, бобы кругом.
Зерно к зерну, колосок с колоском.
Густеет пшеница, растет конопля.
Крупные тыквы родит земля.

5

Пахать умел он, сеять умел,
Очистил землю от сорняков.
Желтому кладу приют готов.
В земле отборные семена.
Взошел посев после стольких трудов.

Сначала нива была зелена.
Густела, цвела, колосилась она.
Пышен строй золотых колосков.
Богаты колосья добрым зерном.
Отныне в Тае княжеский дом.

6

Князь даровал народу хлеба.
Черное просо было при нем,
Черное просо с двойным зерном,
Красное просо с густым колоском,
Белое просо, чудесный злак.
Убрал урожай он погожим днем.
Зерно к зерну, изобилие благ!
Жертву принес он в доме своем.

7

Как мы приносим жертву свою?
Чистим и веем наше зерно.
Приготовляем так мы пшено:
Водой пропитывается оно.
И вот оно прокипячено.
Во всяком деле важен расчет.
Обдумать надо все наперед.
Свой запах жиру полынь придает.
Духам дороги в жертву — баран.
Жарим и варим под Новый год.

8

Сосуды мы наполняем едой.
Благоухание — к небесам.
Доволен в небе всевышний сам.
Небесный радуется властелин.
Благоуханье на целый свет.
Князь Просо дал нам такой завет.
С тех пор поныне тысячи лет
Жертву приносим все, как один.

«СОВЕТНИКИ, СМОТРИТЕЛИ...» (II, 1)

Советники, смотрители, рачительно служите!
Надлежит заботиться о царевом жите!
Волю государеву прилежно выполняйте,
Чтобы все работали под вашим надзором!

Не мешкайте, смотрители! Кончается весна.
Дожидаться нечего. Работать пора.
Как у вас посевы? Как у вас хлеба?
Хороша пшеница, и ячмень хорош.
Если урожаем будешь дорожить,
Много-много хлеба тогда соберешь.

Ниспослал всевышний нам счастливый год.
Приготовьте вовремя мотыги и лопаты!
Хватит всем тогда пшена, будут все богаты.
Замелькают осенью повсюду серпы,
Когда на работу выйдет весь народ.

ЦЮЙ ЮАНЬ

ПЛАЧУ ПО СТОЛИЦЕ ИНУ

Справедливое небо,
Ты закон преступило!

Почему весь народ мой
Ты повергло в смятенье?

Люди с кровом расстались,
Растеряли друг друга,

В мирный месяц весенний
На восток устремились —

Из родимого края
В чужедальние страны

Вдоль реки потянулись,
Чтобы вечно скитаться.

Мы покинули город —
Как сжимается сердце!

Этим утром я с ними
В путь отправился тоже.

Мы ушли за столицу,
Миновали селенья;

Даль покрыта туманом,—
Где предел наших странствий?

Разом вскинуты весла,
И нет сил опустить их;

Мы скорбим — государя
Нам в живых не увидеть.

О, деревья отчизны!
Долгим вздохом прощаюсь.

Льются, падают слезы
Частым градом осенним.

Мы выходим из устья
И поплыли рекою.

Где Ворота Дракона?
Их уже я не вижу.

Только сердцем тянусь к ним,
Только думой тревожусь.

Путь далек, и не знаю,
Где ступлю я на землю.

Гонит странника ветер
За бегущей волною.

На безбрежных просторах
Бесприютный скиталец!

И несет меня лодка
На разливах Ян-хоу.

Вдруг взлетает, как птица.
Где желанная пристань?

Эту боль в моем сердце
Мне ничем не утишить,

И клубок моих мыслей
Мне никак не распутать.

Повернул свою лодку
И иду по теченью —

Поднялся по Дунтину
И спустился по Цзяну.

Вот уже и покинул
Колыбель моих предков

И сегодня волною
На восток я заброшен.

Но душа, как и прежде,
Рвется к дому обратно,

Ни на миг я не в силах
Позабыть о столице.

И Сяпу за спиною,
А о западе думы,

И я плачу по Ину —
Он все дальше и дальше.

Поднимаюсь на остров,
Взглядом дали пронзаю:

Я хочу успокоить
Неутешное сердце.

Но я плачу — земля здесь
Дышит счастьем и миром,

Но скорблю я — здесь в людях
Живы предков заветы.

Предо мною стихия
Без конца и без краю,

Юг подернут туманом —
Мне и там нет приюта.

Кто бы знал, что дворец твой
Ляжет грудой развалин,

Городские Ворота
Все рассыплются прахом!

Нет веселья на сердце
Так давно и так долго,

И печаль за печалью
Вереницей приходят.

Ах, дорога до Ина
Далека и опасна:

Цзян и Ся протянулись
Между домом и мною.

Нет, не хочется верить,
Что ушел я из дома,

Девять лет миновало,
Как томлюсь на чужбине.

Я печалюсь и знаю,
Что печаль безысходна.

Так, теряя надежду,
Я ношу мое горе.

Государевой ласки
Ждут умильные лица.

Должен честный в бессилье
Отступить перед ними.

Я без лести был предан.
Я стремился быть ближе,

Встала черная зависть
И дороги закрыла.

Слава Яо и Шуня,
Их высоких деяний,

Из глубин поколений
Поднимается к небу.

Своры жалких людишек
Беспокойная зависть

Даже праведных этих
Клеветой загрязнила.

Вам противно раздумье
Тех, кто искренне служит.

Вам милее поспешность
Угождающих лестью.

К вам бегут эти люди —
Что ни день, то их больше.

Только честный не с вами —
Он уходит все дальше.

Я свой взор обращаю
На восток и на запад.

Ну когда же смогу я
Снова в дом мой вернуться!

Прилетают и птицы
В свои гнезда обратно,

И лиса умирает
Головою к кургану.

Без вины осужденный,
Я скитаюсь в изгнанье,

И ни днем и ни ночью
Не забыть мне об этом!

С КАМНЕМ В ОБЪЯТИЯХ

Прекрасен тихий день в начале лета,
Зазеленели травы и деревья.
Лишь я один тоскую и печалюсь
И ухожу все дальше, дальше к югу.

Все беспредельно пусто предо мною,
Все тишиной глубокою укрыто.
Тоскливые меня терзают мысли,
И скорбь изгнанья угнетает душу.

Я чувства сдерживаю и скрываю,
Но разве должен я скрывать обиду?
Ты можешь обтесать бревно, как хочешь,
Но свойства дерева в нем сохранятся.

Кто благороден, тот от злой обиды
Своим не изменяет убежденьям.
Нам надо помнить о заветах предков
И следовать их мудрости старинной.

Богатство духа, прямоту и честность —
Вот что великие ценили люди.
И если б Чуй искусный не работал,
То кто бы знал, как мудр он и способен.

Когда мудрец живет в уединенье,
Его глупцом слепые называют.
Когда прищуривал глаза Ли Лоу,
Незрячие слепым его считали.

И те, кто белое считают черным
И смешивают низкое с высоким,
Кто думает, что феникс заперт в клетке,
А куры — высоко летают в небе;

Кто с яшмой спутает простые камни,
Не отличает преданность от лести, —
Те, знаю я, завистливы и грубы,
И помыслы мои им непонятны.

Суровый груз ответственности тяжкой
Меня в болотную трясину тянет.
Владею драгоценными камнями,
Но некому на свете показать их.

Обычно деревенские собаки
Встречают злобным лаем незнакомца.
Чернить людей, талантом одаренных,—
Вот свойство подлое людей ничтожных.

Во мне глубоко скрыто дарованье,
Никто не знает о его значенье.
Способен я к искусству и наукам,
Но никому об этом не известно.

Я утверждать стараюсь справедливость,
Я знаю, честность у меня в почете.
Но Чун-хуа не встретится со мною,
И не оценит он моих поступков.

О, почему на свете так ведется,
Что мудрецы рождаются столь редко?
Чэн Тан и Юй из старины глубокой
Не подают ни голоса, ни вести.

Стараюсь избегать воспоминаний
И сдерживать нахлынувшие чувства.
Терплю обиды я, но верен долгу,
Чтобы служить примером для потомков.

Я ухожу, гостиницу покинув,
В последний путь под заходящим солнцем.
И скорбь свою и горе изливая,
К границе смерти быстро приближаюсь.

Юань и Сян раскинулись широко
И катят бурные, седые волны.
Ночною мглой окутана дорога,
И даль закрыта мутной пеленою.

Я неизменно искренен и честен,
Но никому об этом не известно.
Бо Лэ давно уже лежит в могиле,
И кто коней оценит быстроногих?

Жизнь каждого судьбе своей подвластна,
Никто не может избежать ошибок.
И, неуклонно укрепляя душу,
Я не пугаюсь приближенья смерти.

Все время я страдаю и печалюсь
И поневоле тяжело вздыхаю.
Как грязен мир! Никто меня не знает,
И некому свою открыть мне душу.

Я знаю, что умру, но перед смертью
Не отступлю назад, себя жалея.
Пусть мудрецы из глубины столетий
Мне образцом величественным служат.

ОДА МАНДАРИНОВОМУ ДЕРЕВУ

Я любуюсь тобой —
мандариновым деревом гордым,
О, как пышен убор твой —
блестящие листья и ветви.
Высоко поднимаешься ты,
никогда не сгибаясь,
На прекрасной земле,
где раскинуты южные царства.

Корни в землю вросли,
и никто тебя с места не сдвинет,
Никому не сломить
вековое твое постоянство.
Благовонные листья
цветов белизну оттеняют,
Густотою и пышностью
радуя глаз человека.

Сотни острых шипов
покрывают тяжелые ветви,
Сотни крупных плодов
среди зелени свежей повисли,
Изумрудный их цвет
постепенно становится желтым,
Ярким цветом горят они
и пламенеют на солнце.

А разрежешь плоды —
так чиста и прозрачна их мякоть,
Что сравню я ее
с чистотою души благородной.
Но для нежности дивной
тончайшего их аромата,
Для нее, признаюсь,
не могу отыскать я сравненья.

Я любуюсь тобою,
о юноша смелый и стройный,
Ты стоишь — одинок —
среди тех, кто тебя окружает.
Высоко ты возвысился
и, никогда не сгибаясь,
Восхищаешь людей,
с мандариновым деревом схожий.

Глубоко твои корни
уходят в родимую землю,
И стремлений твоих
Охватить нам почти невозможно.
Среди мира живого
стоишь независим и крепок
И, преград не страшась,
никогда не плывешь по теченью.

Непреклонна душа твоя,
но осторожны поступки,—
Ты себя ограждаешь
от промахов или ошибок.
Добродетель твою
я сравню лишь с твоим бескорыстьем,
И, живя на земле,
как луна и как солнце, ты светел.

Все года моей жизни,
отпущенные судьбою,
Я хочу быть твоим
неизменным и преданным другом!
Ты пленяешь невольно
своим целомудрием строгим,
Но за правду святую
сражаешься стойко и твердо.

Пусть ты молод годами
    и опытом не умудрен ты,—
У тебя поучиться
    не стыдно и старцу седому.
С поведеньем Бо И
    я сравнил бы твое поведенье,
Да послужит оно
    для других благородным примером.

СУН ЮЙ

ВЕТЕР

Поэма

В уделе Чу князь Сян гулял и развлекался в своем дворце, им названном Терраса Орхидей. Сун Юй, Цзин Ча — ему прислуживали оба. Вдруг ветер явился, донесся к нему он в свистящем порыве... И князь распахнул свой халат, и в ветер встал. Сказал: «Ах, как приятен этот ветер! Что ж, им я вместе наслаждаюсь с простым, совсем простым народом?»

Сун Юй в ответ сказал: «Нет, этот ветер только ваш, великий государь! Простой же человек,— куда ему совместно с вами наслаждаться!» А князь ему: «Послушай, ты! Ведь ветер — что? Дух между небом и землею. Является порывами сплошными, не различая, кто здесь знатный и кто простой, кто здесь по положению высок, кто низок, ко всем, ко всем он проникает. А ты один здесь говоришь, что этот ветер мой. Ну что теперь найдешь ты сказать мне в объясненье?»

Сун Юй ответил: «Ваш раб слыхал от своего наставника былого, что стоит дереву скривиться в крюк, как на него уже летят гнездиться птицы; и стоит лишь образоваться щели, как ветер уж влетел. И если то, что он сказал мне, верно, то дуновенье ветра одно с другим не совпадает также».

И князь спросил: «Скажи, откуда, как родится ветер?»

Сун Юй в ответ: «Скажу. Родится ветер на земле. Вздымается он от верхушек плавучих зеленых кувшинок. Захватывает своею струей и овраги. Свирепствует во весь размах в отверстиях земных мешков... Взлезает на хребет Тайшаньских гор и пляшет у подножья сосен, туй. Порывом легким налетает: ппынг-ппанг...

Вот взвился ураганом он, вот пламенем свирепствует. Хунг-хунг — гремит, как гром. Кружит в пещерах и потом со всех сторон рванется вдруг навстречу всем. Скалы свергает и валит деревья, насмерть сражает леса и кусты...

Но вот теперь, когда слабеет он, то начинает разлетаться, делиться на какие-то потоки. На яму налетит, ударит в порог двери. И все тогда милее и новее, светлеет и блестит. Он то уходит, разлетаясь повсюду, то вновь возвращается. И тогда этот ветер-мужчина становится чист и прохладен, порывами вздымается вверх или книзу идет, лезет, валит через стены высокие города-крепости или влетает в глубокий дворцовый покой. Коснется цветка иль листка и дыханьем его воздымает. Разгуливает то там, то здесь средь кассий и перцев душистых; летает, порхает по бурной поверхности вод. Вот сейчас прикоснется он к самому сердцу фужуна-мимозы... Облавою идет на купы орхидей, приникает плотно к цинь иль к астре, накроет свежий ряд магнолий, захватит линию душистых тополей. Покружит в пещере и вырвется снова к холмам. И когда сиротеть начинают уныло душистые купы цветов, тогда только он заснует, закружит по строеньям, дворам, во дворце и на север поднимется к яшмовым залам его. Влетит он под полог атласный, проникнет в глубокий альков. Тогда только может назваться тот ветер ветром величества вашего, князь! Поэтому, когда он, этот ветер, на человека попадает, то обдает прохладою свежей, от чистого холода тот даже вздыхает. А ветер чистейший, свежейший, струями холодными действующий, больных исцеляет и хмель разрушает. Он глаз наш и слух проясняет, он телу здоровье дает, благотворно влияя на нас. Вот этот ветер и есть тот самый, который называю я мужчиной, ветром вашим, государь!»

Князь сказал: «Отлично, да, именно отлично ты рассудил об этом деле. А вот теперь о ветре тех простых людей могу ли я услышать от тебя?»

Сун Юй ответствовал ему в таких словах: «Скажу, что тот ветер простых как-то глухо, незаметно поднимается откуда-то, из бедных тупиков и захолустья, столбом вздымая сор и пыль... Какими-то клубами он валит и удручающе застаивается, суется в ямы и на двери наседает, кучи песка шевелит, мертвою дует золой... В исступление приводит грязью нечистот, вздымает всякое вонючее гнилье... Косой струей вползает он в горшок с пробитым дном для окон и появляется в жилище человека. Поэтому, когда подобный ветер на человека попадает, сплошная мерзость нечистот, склубившиеся в ней тоска и омерзенье, бьет гнусной теплотой, с собой приносит сырость. Он в сердце вселяет страданье и горе, рождает болезни и жар причиняет... На губы попадет —

растрескаются губы, на глаз набросится — ослепнет человек... У человека сводит рот, его тошнит и кашель мучит. Ни смерть, ни жизнь — и нет конца.

Вот то, что называю я женским, самочным ветром простого народа!»

ДЭНТУ-СЛАДОСТРАСТНИК

Поэма

Вельможа Дэнту, неся службу у князя чуского Сян-вана, старался очернить Сун Юя и говорил: «Юй — вот какой: с виду — наружностью — он тихий, спокойный красавец; много во рту у него ловких словес, что не всякий, пожалуй, поймет... Меж тем он по натуре сладострастник, и я б хотел, чтоб государь с ним вместе не входил, не выходил из апартаментов дворца, лежащих позади парадных».

Князь об этих словах Дэнту спросил Сун Юя. Юй сказал: «Что я по наружности, внешности, спокоен, выдержан, красив, то это мне дано от неба. Что у меня во рту много ловких словес, что не всякий, пожалуй, поймет, то этому учился я у своего учителя. Но что касается того, что женолюбив, мол, я и сладострастник, то этого, скажу вам, государь, во мне нет совершенно».

Князь сказал: «Ты не любитель женщин, вот как! Есть у тебя на это что сказать? Коль есть, останься у меня, коль нет, в отставку уходи».

Юй сказал: «Красавиц нашей Поднебесной нет лучше, чем у нас здесь, в Чу. Но средь очаровательниц из Чу нет равных, государь, живущим у меня в селе; а из красавиц на селе нет равных, государь, дитяти моего соседа. А дочь соседа моего вот какова: прибавить один только дюйм ей, так будет она уже слишком длинна; убавить ей дюймик один лишь, так будет она чересчур коротка. Белил на лицо положить ей, так будет излишне бела; румян ей придать, так будет излишне красива. Брови у ней — что крылья у зимородка; кожа у ней снег белый мне напоминает. Талия — вроде рулона чистейшего шелка; зубы у ней — словно держит во рту она раковинки. И стоит ей ласково так улыбнуться — с ума сведет весь город (как Янчэн), в неистовство введет другой (как, например, Сяцай).

И тем не менее вот эта девушка все лезет на забор и на меня все смотрит, государь. Так длится третий год, а до сих пор я все не соглашаюсь. А вот Дэнту, тот не таков. Жена его с лохматой головой, с кривулей вместо уха и боком как-то ходит, сутулая какая-то. Да ко всему тому парша у ней и геморрой. Дэнту ж обожает

ее и дал ей родить пятерых. Вы хорошенько взвесьте, государь, который же из нас двоих любитель женщин, сладострастник настоящий?»

Как раз во время разговора из Цинь пришедший Чжан Хуа, вельможа тамошний известный, стоял тут рядом с ним. Он выступил вперед и так сказал об этом государю: «Сейчас перед вами Сун Юй хвалил непомерно соседскую деву, которая, думает он, своей красотою дурачит и сводит с ума. Не так ли, ведь правда? Я сам, государь, считаю себя соблюдающим честь и порядочность деятелем, но должен сказать, что в сравненье с ним не иду. И все же я думаю так, что какая-то девка из чуской глуши навряд ли заслуживает, чтоб о ней здесь вести разговор перед лицом великого монарха. А я, государь, по убожеству, скромности личной, о том, что я видел своими глазами, пожалуй, не смею сказать».

Князь сказал: «А ты попробуй и скажи, дай скромному величеству послушать».

Вельможа ответил: «Слушаю-с, слушаю-с! Я, ваш покорнейший слуга, когда-то в юности своей свершал далекие поездки и повидать успел все девять областей Китая. Своими ногами прошел я все важные местности и города во всех направлениях света. Я вышел прямо из Сяньяна, я веселился, знаете, в Ханьдане, и я разгуливал привольно по Чжэн и Вэй, по берегам и Цинь и Хуэй.

Однажды — было то весной, весна была уж на исходе и подходило дело к лету, и даже к полному разгару. Пели чудесно дрозды... И девушки толпой пошли по тутовым делам. А красавицы этой деревни в цветущей, чудесной своей красоте сияньем каким-то полны, прекрасные статью своей и фигурой, лицом прямо очаровательны были; и их лицу не нужно было ни румян, ни украшений. Я, государь, взглянул на самую красивую из них, привел канон стихотворений и так сказал: «Иду по большой, да, по большой, я дороге, тебя за рукав потяну». И я ей поднес роскошный цветок, в словах выражаясь весьма прихотливых.

На это невинность моя смущеньем ответила мне, свой взор на меня поднимая, ко мне же не шла. Затем в замешательстве полном своем движение сделала, чтоб подойти, на меня, тем не менее, уж не смотрела. Ее настроение было насыщено чем-то, движения стана же какие-то мало понятные мне. То потупляя взор, то поднимая взор, она смотрела так и этак... А по устам заметно было, что довольна, и на губах была улыбка. Украдкой взглянув на меня струею очей, она привела в ответ все тот же канон и сказала: «Разбуженный ветром, ветром весенним, который уже распустил всю свежесть и красоту, в чистом святом воздержании жди, знай и жди, чтоб дать мне любезную весть о себе... А если одаришь меня

вот так, да, так, то лучше б, право, мне не жить». И, сказав это мне нерешительно как-то, она отказалась, отвергла меня.

А дело-то было какое? Ведь я ее замысловатыми словами готов был взволновать. Я всей как есть душой своей в ее был обаянии, глазами жаждал ее лица, умом же созерцал ее девическую честь. Она понять могла канон и соблюсти приличие, не ошибаясь как есть ни в чем. За это все она достойна похвалы».

Теперь князь Чуского царства сказал, что это хорошо. Сун Юй же не был уволен.

ЦЗЯ И

ОДА ПАМЯТИ ЦЮЙ ЮАНЯ

Августейшую милость монарха я принял с поклоном;
    Ожидаю заслуженной кары в Чанша.
Услыхав стороной, что поэт Цюй Юань знаменитый
    Покончил с собою здесь, в водах Мило,
Прихожу к волнам Сяна и им поручаю стенанье
    И моленье тебе, о учитель-поэт.
Ты столкнулся с людьми беспримерно, безмерно дурными
    И тогда погубил, уничтожил себя.
О, злосчастье! О, горе! О, стон! О, терзанье! О, крик мой!
    Тебе выпало время невзгод, неудач.
И жар-птица и феникс засажены, загнаны в яму,
Ну, а совы, сычи — те сновали везде.
Сорный хлам, мелюзга возвеличены были в светлейших,
    Клеветник, подлый льстец добивались всего.
Совершенные, мудрые люди дорогу свою искривили,
    С дороги своей были сбиты,
Извращен был путь честных и стойких людей.
И считалось: что герой Суй-и — это гадость,
    Разбойники ж Чжэ или Цяо — честны.
Меч «Нечистых долой» почитался тупейшим,
    А ножи из свинца — острее других.
Ужасаюсь! О, горе, позор! Как мог так невинно страдать ты, поэт,
    и так безысходно?
Вдруг отбросили вон даты Чжоу сосуд, дорожить стали днищем
    горшечным!
А в колесницу впрягли изможденных волов,— тройкой в дышло
    ослов хромоногих.
А чудесный рысак, понурив оба уха, везет соляную телегу,

Взять парадную шапку, надеть под подошву: на время — пожалуй,— а дальше?
О, страданье! Учитель, тебе одному это горе изведать досталось!
Вот, ода напевная:
Увы, увы! В твоей стране тебя не понял государь!
Ты одиноко горевал, кому б ты высказаться мог,
Порхая там, в глуби небес, высоко феникс улетел
И удалился от земли своею волей навсегда.
Святой дракон из девяти слоистых бездн, пучин морских,
Ушел глубоко в бездну вод, чтоб сохранить свой чудный дар,
Он, презирая выдр, угрей, нырнет укрыться в тайники:
Ведь разве может жить он там, где жабы, где кишат глисты?
Всего дороже — это честь, святая честь, честь мудреца:
Уйти от грязных дел мирских, чтоб самому себя сберечь!
Подумать только, чтоб скакун дал вдруг себя связать, взнуздать!
Тогда где ж разница меж ним и псом домашним иль овцой?
Толкаться в хаосе мирском и вот в такую впасть беду!
Виной всех бед и катастроф, увы, учитель, был ты сам.
Пройти б тебе все «Девять стран», служа лишь князю «своему»!
Зачем ты так облюбовал лишь это место, этот двор?
Порхает феникс там, в выси,— на много тысяч саженей
И смотрит, где сияет честь: туда садится он тотчас.
А там, где он увидит зло, опасный признак подлых дел,
Взмахнет тогда крылами он, все выше, выше отлетит.
...Полуаршинной глубины канавка грязная, дыра:
Вместит ли рыбу ту она, что может проглотить корабль?
А рыба кит, что поперек лежит и Цзяна и озер,
Придется ль ей в работе быть на муравьиную орду?

СЫМА СЯН-ЖУ

ТАМ, ГДЕ ДЛИННЫ ВОРОТА

Поэма

Императрица из рода Чэней, супруга Доблестного сына, Воинственного августейшего монарха, в описываемое нами время, пользуясь его благосклонностью, стала чрезвычайно ревнива, и государь поселил ее отдельно, во дворце Длинных Ворот. Она предавалась там тоске и печали, думая о горе своем...

Затем прослышала она, что в городе Чэнду, который в область входит Шу, живет Сыма Сян-жу, что он искусней всех в стране под

небом нашим в писании красивых сочинений. И вот она, взяв из казны сотню цзиней желтого золота, дала жене Сян-жу, по имени Вэнь-цзюнь, иль Образованная Госпожа, чтоб та купила себе вина и чтобы это все пошло на строфы, объясняющие ее тоску и огорченье. И Сян-жу написал свое стильное произведение, имея в виду образумить владыку-монарха. Императрица Чэнь вновь удостоилась теперь фавора и сближенья. Вот что гласили слова его оды-поэмы.

«Скажите, какая там красивая женщина, да, красавица, ходит и бродит, шагает, в грустные думы свои погрузившись. Душа ее, уйдя за грани тела, потерявшись, не возвращается назад, обратно, да, и вид она имеет изможденный, вся высохла она, сидит, живет совсем одна.

Он говорил мне: «Ведь я утром буду уходить, а вечером к тебе опять приду — да, да, приду». А сам теперь и пьет, и ест, и забавляется, забыв обо мне. И в сердце его все испарилось сразу. Он мне изменил, и не вспомнит уже о былом: связался теперь с фавориткой своей и сблизился с нею! Я так бы желала, чтоб он мне соблаговолил бы вопросы поставить, меня допросить, чтоб сам повелел мне приблизиться снова — да, вновь подойти; чтоб мне удостоиться счастья вновь услышать, ценить драгоценный голос его. Соизволил сказать лишь пустые слова, а я-то надеюсь всей полной душой, да, искренне очень; но, мой повелитель, он так и не хочет меня осчастливить, приехать ко мне. Я в этих хоромах одна, как на дне и вся своим чувством захвачена — вся! А ветер летит, налетает, как вихрь, этот ветер!..

Взойду на Пахучую башню и стану с надеждою вдаль я смотреть, с надеждой смотреть; душа же до самых глубин охвачена сильным порывом, и вся, как поток, устремляюсь куда-то туда. А тучи плывут, тяжелыми грудами тучи со всех четырех заслонили сторон небосклон, да, отовсюду; и небо, бездонно-бездонное небо вдруг днем потемнело совсем. Гром прокатился, раскатами гром, и губы его восстали, восстали; но грохот от грома напомнил мне грохот того экипажа, в котором сидел государь. Вот летящая буря свернула с пути и влетает в ворота мои, во дворец; поднимает все занавеси и все пологи разом, и вдруг коричное дерево сплелось и запуталось все в корнях и ветвях — да, ветвях; а запах и острый, и резкий идет и идет. Великая птица павлин садится на дерево это и к нему приникает любовно... А черная там обезьяна свистит и стонет протяжно. Вот зимородок, изумрудная, синяя птица, сложила свои крылья, сюда прилетев, уселась совместно с другой. Фениксы, он и она, летают на юг и на север... Сердце мое полно до краев безысходной тоскою, дух, сбитый с пути, бушует вовсю, на меня изнутри нападает...

Спускаюсь с Террасы Пахучей, смотрю, озираюсь вокруг, вокруг озираюсь и медленным шагом иду потихоньку по самым глубоким дворцовым путям. Вот главная зала... Как глыба... Она упирается в небо — да, в самое небо... Строенья другие громадою темной с ней вместе поднялись и высятся к небу. По временам я прислоняюсь в истоме к флигелю направо, к востоку, да; смотрю на пестрые громады, и без конца, и без конца. Толкну в инкрустациях дверь, золоченые бляхи затрону — схвачусь я, их звук загудит, загудит, как звон колокольный какой-то. Перекладины двери моей из скульптурной магнолии все — да, все резные, карниз абрикосом ажурным отделан. Здесь целая сеть густая-густая деревьев, бродящих, качающихся; подперты пролеты утуном-деревом. Отделаны все редкими деревьями верхи колонн, их капители; неровными рядами они крепят упоры крыш. И в этот час все выглядит неясным и туманным, по одному могу лишь угадать другое — другое; а в общем кажется, как будто глыбы скал нависли сверху кое-как... А днем все пять цветов слепят, один перед другим — слепят; блестят и огненно сверкают — сплошное яркое сиянье! И плотно так скрестились камни, нет — это черепицы крыш — да, крыш; напоминает их узор игру каких-то самоцветов. Везде растянуты сплошной, причудливою сетью там занавесы, да; свисают вниз перевитыми узлами чуской бахромы. Дотянусь до карниза дверей, чтобы сделать движенье какое-нибудь, да, чтобы двигаться мне, и смотрю на широкую панораму причудливых дворцовых помостов-террас.

Белый журавль кричит и жалобно воет — да, воет; его одинокая самка стоит на одной ноге у сухих тополей. День уже в сумерках желтых, надежды мои прерываются — да, оборвались; печально одна отдаю себя зале пустой. Свисает, сияет луна, лучи надо мной лишь блистают — да, только; иду в эту чистую ночь одна в свой глубокий альков. Берусь за классически строгую лютню, сыграть отходящий от строгих мотив; играю о том, что не может быть долгой печальная дума моя. Под пальцем течет высокая нота, она изменяется дальше и переходит в другую: и тембром струна упоительно чистым звенит, мелодия вздымается вверх. Проходит сквозь все, что я вижу теперь, ее четкая, строгая тема — проходит; мысль моя крепнет, растет и себя поднимает сама. Но те, кто со мной, по обе руки, в своем огорченье роняют слезу — да, плачут; их слезы струятся потоком во всех направленьях, и этак и так. Не сдерживают уж рыданий своих, все громче и громче от горя вздыхают, вздыхают; но я уже вновь поднялась, шатаясь, иду, не зная куда. Рукав подымаю свой длинный, лицо закрываю свое — закрываю; и все пересчитываю свои неудачи, ошибки былого... Ни глаз, ни лица показать, показать... И вот

в удрученном таком настроении я приближаюсь к постели своей. Собираю душистые разные травы себе в изголовье, в подушку; себе постилаю цветы, которые пахнут чудесно, на ложе. И вдруг засыпаю, и сплю, и грежу во сне и в сонной мечте, да, в думе своей; в душе же творится такое, как будто бы сам государь был здесь, рядом со мною. В испуге от сна пробуждаюсь — ах, нет, никого не видать, не видать; душа вся встревожена, будто потерю познала. Поют петухи целым хором уже, и меня им приходится горько жалеть, горевать; и я поднимаюсь, смотрю на луну, на ее сосредоточенный блеск. И взираю на звезды, рядами своими, рядами мерцающие; Би-Маобиады уже проступают в восточной окраине неба. Я вглядываюсь в середину двора, где лежит — да, лежит полусвет-полумрак; и как будто то изморозь выпала там, как бывает лишь осенью поздней. И тянется-тянется ночь, словно год, а не ночь; а в сердце моем клубится, клубится тоска, и никак невозможно ее утишить, изменить. Вот так я блуждаю в волненье, и места себе я найти не могу, не могу до утра... Мутнеет и брызжет рассвет... А я грущу про себя, грущу и горюю, и так весь год до конца — и не смею, не смею забыть».

ИМПЕРАТОР ВЭНЬ-ДИ

МАНИФЕСТ ПРОСВЕЩЕННОГО МОНАРХА ОБ ОБСУЖДЕНИИ МЕР ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ

За это последнее время было несколько лет подряд, когда хлеба не всходили. Да к этому ж были несчастья потопов и засух, поветрий и моров. Мы этим всем удручены чрезвычайно. Мы неумны, непросветленны; постичь еще не можем Мы, чья здесь вина и преступленье. Возможно, что правительство у Нас в себе содержит упущенье, и в Нашем поведенье также Мы видим промахи, ошибки. Или тогда к путям небес Мы допустили непокорство, несогласованность какую? Или тогда от благ земных Мы, может быть, чего не взяли? Или тогда в делах людских бывало много расхожденья с нормальной жизнью мирных лет? Или тогда земные духи иль те, что на земле с небес, бросают Нас, не принимая молений Наших или жертв? Чем Мы теперь доведены до этих бед? А может быть, что содержанье всех сотен Наших должностных чресчур расходно и огромно? Иль, может быть, что бесполезных, ненужных дел уж слишком много? Откуда ж эта недостача и оскудение народа в его питании сейчас? А можно думать ведь, что

при расчетах за землепользование Мы не имели еще дальнейшего их снижения для народа? Иль, обсуждая, как быть с народом, Мы не усилили, как бы надо, о нем заботы? Когда рассчитываем рты и применяем их к земле, то, по сравненью с древним миром, в земле есть даже преизбыток; когда ж народ свою ест пищу, то слишком многого не хватает. Всему вот этому вина, в чем находить ее возможно?

В том, может быть, что все роды и кланы народных наших масс работают излишне много на несущественные вещи и этим своему земельному труду наносят вред, ущерб? Иль, может быть, при выделке вина уничтожают хлеба слишком много? Иль, может быть, домашних «шесть животных» едят помногу все и многочисленны уж очень? Что важно, что не важно здесь, я не умею разобраться, напасть на самый центр вещей. Мне б обсудить все это надо с премьером, с разными князьями, а также и с чинами покрупнее — которые две тысячи мер риса получают, с учеными большими и другими! Пусть те из них, что в состоянии помочь всем сотням наших масс народа, свободно, как они хотят, и с дальним озареньем мысли, не скроют ровно ничего!

ЧЖАН ХЭН

ВЕРНУСЬ К ПОЛЯМ

Живу в столичных городах уже давным-давно, но нет во мне ума и светлого сознанья, чтоб помогать моменту дня. Все, что я делаю, — так это — подхожу к Реке, чтобы на рыбок любоваться, и подождать, когда Река будет прозрачна и чиста, что вряд ли будет когда-нибудь. Я близко к сердцу принимаю отрывистость и настроение Цай'я; и я последовать готов за разрешением сомнений тому, что скажет Тан.

Воистину непостижима и темна небесная стезя! Я мысленно иду за рыбаком-отцом и с ним сливаюсь в его счастье. Я стану выше мира грязи, уйдя подальше от него, и навсегда я распрощаюсь с делами суетного света.

Теперь как раз средина самая весны и лучший месяц в ней. Погода теплая сейчас и воздух чист. И на полях, и на низинах все сплошь цветет и заросло. Все сотни разных трав цветут богато и роскошно. Утенок «королевский глаз» захлопал крыльями уже, а щеголь песню затянул на свой безрадостный мотив. Скрестившись шеями, созданья порхают вверх, порхают вниз — квань-квань,

чирикают, йин-йин. Вот среди этого всего я начинаю здесь блуждать, гулять и странствовать повсюду и все хочу, чтоб усладить свое мне в этом чувство, душу.

И вот я тогда, как дракон, запою, гуляя в просторных лугах; и, как тигр, засвищу на горах и холмах. В воздух взгляну — и пущу влет стрелу с тетивы; вниз погляжу — и удить буду в долгой струе. Напоровшись на стрелу, птица найдет в ней смерть; а набросясь на живца, рыба проглотит крюк. Я сброшу ушедшую в облако птицу; подвешу глубоко заплывшую рыбу.

Затем уж светящее чудо косить начинает свой луч, и преемствуется оно полной луной, просторным светилом. До высшей радости и беспредельной довел свободные свои блужданья,— хоть солнце на вечер идет, а я усталость позабыл. Я весь в обаянье той заповеди, что оставил нам Лао-мудрец, и сейчас же готов повернуть я коней к своей хижине, крытой пыреем. Там я трону чудесный уклад пятиструнки моей, запою я о том, что надумали, что написали и Чжоу и Кун. Взмахну я кистью с тушью на конце и ею выражу цветы моей души. Я встану в колею, в орбиту Трех Монархов великой древности хуанов.

И если теперь я дал волю душе идти за пределы земные, зачем мне учитывать все, что ведет к блеску-славе одних, к поношенью других?

ИЗ «ДЕВЯТНАДЦАТИ ДРЕВНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ»

* * *

В пути и в пути,
все время в пути и в пути...
И мы, господин,
расстались на целую жизнь.

Меж нами лежат
бессчетные тысячи ли,
И каждый из нас
у самого края небес.

Дорога твоя
опасна да и далека.
Увидеться вновь,
кто знает, придется ли нам?

Конь хуских степей
    за северным ветром бежит,
И птицы Юэ
    гнездятся на южных ветвях.

А вот от меня
    все далее ты, что ни день.
Одежда висит
    свободней на мне, что ни день.

Плывут облака,
    все белое солнце закрыв.
И странник в дали́
    забыл, как вернуться домой.

Тоска по тебе
    состарила сразу меня.
Вслед месяцам год
    приходит внезапно к концу.

Но хватит уже,
    не буду о том говорить...
Себя береги,
    ешь вовремя в долгом пути!

* * *

Зелена-зелена
    на речном берегу трава.
Густо-густо листвой
    ветви ив покрыты в саду.

Хороша-хороша
    в доме женщина наверху —
Так мила и светла —
    У распахнутого окна.

Нежен-нежен и чист
    легкий слой белил и румян.
И тонки и длинны
    пальцы белых прелестных рук.

Та, что в юные дни
    для веселых пела домов,
Обратилась теперь
    в ту, что мужа из странствий ждет.

Из чужой стороны
он никак не вернется к ней,
И пустую постель
очень трудно хранить одной.

* * *

Вечно зелен, растет
кипарис на вершине горы.
Недвижимы, лежат
камни в горном ущелье в реке.

А живет человек
между небом и этой землей
Так непрочно, как будто
он странник и в дальнем пути.

Только доу вина —
и веселье и радость у нас:
Важно вкус восхвалить,
малой мерою не пренебречь.

Я повозку погнал,—
свою клячу кнутом подстегнул
И поехал гулять
там, где Вань, на просторах, где Ло.

Стольный город Лоян,—
до чего он роскошен и горд.
«Шапки и пояса»
в нем не смешиваются с толпой.

И сквозь улицы в нем
переулки с обеих сторон,
Там у ванов и хоу
пожалованные дома.

Два огромных дворца
издалёка друг в друга глядят
Парой башен, взнесенных
на сто или более чи.

И повсюду пиры,
и в веселых утехах сердца!
А печаль, а печаль
как же так подступает сюда?

* * *

Проезжая рекою,
лотосов я нарвал.
В орхидеевой топи
много душистых трав.

Все, что здесь собираю,
в дар я пошлю кому?
К той, о ком мои думы,
слишком далекий путь.

Я назад обернулся
глянуть на дом родной.
Но большая дорога
тянется в пустоте.

Два так любящих сердца
разделены навек.
Только горе и зная,
к старости мы придем.

* * *

У нас во дворе
чудесное дерево есть.
В зеленой листве
раскрылись на нем цветы.

Я ветку тяну,
срываю ее красу,
Чтоб эти цветы
любимому поднести.

Их запах уже
наполнил мои рукава.
А он далеко —
цветы не дойдут туда.

Простые цветы,
казалось бы, что дарить?
Они говорят,
как давно мы в разлуке с ним!

* * *

Я назад повернул
    и погнал лошадей моих прямо,
Далеко-далеко
    их пустил по великой дороге.

Я куда ни взгляну —
    беспредельны просторы, бескрайни!
Всюду ветер восточный
    колышет деревья и травы.

Я нигде не встречаю
    того, что здесь ранее было,—
Как же можно хотеть,
    чтоб движенье замедлила старость!

И цветенью и тлену
    свое предназначено время.
Потому-то успех
    огорчает неранним приходом.

Ни один человек
    не подобен металлу и камню,
И не в силах никто
    больше срока продлить себе годы.

Так нежданно, так вдруг
    превращенье и нас постигает,
Только добрую славу
    оставляя сокровищем вечным.

* * *

Все то, что ушло,
    отчуждается с каждым днем,
И то, что приходит,
    роднее нам с каждым днем...

Шагнув за ворота
    предместья, гляжу вперед
И только и вижу
    холмы и надгробья в ряд.

А древних могилы
    распаханы под поля,
Кипарисы и сосны
    порублены на дрова.

И листья осин
    здесь печальным ветром полны.
Шумит он, шумит,
    убивая меня тоской.

Мне снова прийти бы
    ко входу в родимый дом.
Я хочу возвратиться,
    и нет предо мной дорог!

* * *

Человеческий век
    не вмещает и ста годов,
Но содержит всегда
    он на тысячу лет забот.

Когда краток твой день
    и досадно, что ночь длинна,
Почему бы тебе
    со свечою не побродить?

Если радость пришла,
    не теряй ее ни на миг:
Разве можешь ты знать,
    что наступит будущий год!

Безрассудный глупец —
    кто дрожит над своим добром.
Ожидает его
    непочтительных внуков смех.

Как преданье гласит,
    вечной жизни Цяо достиг.
Очень мало притом
    на бессмертье надежд у нас.

* * *

Ясный месяц на небе —
    белый и яркий-яркий —
Осветил в моей спальне
    шелковый полог кровати.

И в тоске и печали
    глаз я уже не смыкаю
И, накинув одежду,
    не нахожу себе места...

У тебя на чужбине
    хоть и бывает радость,
Ты бы все-таки лучше
    в дом наш скорей вернулся.

Выхожу из покоев,
    долго одна блуждаю:
О тоске моей мысли
    разве кому перескажешь?..

И, вглядевшись в дорогу,
    снова к себе возвращаюсь.
Тихо падая, слезы
    платье мое орошают.

ИЗ ХАНЬСКИХ ПЕСЕН-ЮЭФУ

ТУТЫ НА МЕЖЕ

Вставало солнце на востоке
И шло на юг,
Дома у Циней освещая
И все вокруг.
Красавица родилась в доме
Семьи моей.
Она себя Ло-фу назвала —
Вот имя ей.
Ло-фу искусна в шелководстве
И листья рвет

На тутах, что растут на юге
От городских ворот.
Тесьмою связана корзина —
Шелк голубой.
Надежно сколота корзина
Акации иглой.
На голове узлом прическа
Так хороша!
И серьги жемчугом сияют
В ее ушах.
Оранжевым узорным шелком
Расшит наряд.
Поверх лиловыми шелками
Блестит халат.
Увидевший Ло-фу прохожий
Бросает груз,
Глядит и теребит рукою
Колючий ус.
И юноша мечтает с нею
Узнать любовь,
Рисуется, снимая шапку
И надевая вновь.

И пашущие от восторга
Бросают плуг,
И у мотыжащих мотыга
Скользит из рук.
Обидно им, домой вернувшись,
Смотреть на жен,
Ведь каждый, кто Ло-фу увидит,
Навек пленен.

Вельможа знатный едет с юга
Под стук копыт.
И много слуг и приближенных
За ним спешит.
Ло-фу увидев, шлет вельможа
Слугу спросить,
В чьем доме девушка такая
Изволит жить.
В семействе Цинь, слуга проведал,
Она живет
И именем Ло-фу старинным
Себя зовет.

«А сколько лет девице этой?
Узнай скорей».
«Еще не двадцать, а пятнадцать
Минуло ей».
Несет слуга слова вельможи:
«Велел спросить:
Не согласится ли девица
С ним вместе жить?»
Ло-фу немедля отвечает —
Ответ прямой:
«Как глуп, хотя богат и знатен,
Вельможа твой!
Есть у богатого вельможи
Своя жена,
Есть у Ло-фу супруг желанный —
Я не одна.

В краю восточном много войска,
И муж мой там.
Он скачет первый, беспощаден
Ко всем врагам.
Как сможете узнать супруга
Среди других?
Его скакун заметен белый
Средь вороных.
Тесьмою синей хвост украшен
Его коня.
Сверкает золотом уздечка,
Как сноп огня.
Широкий меч с противовесом —
Для мощных рук.
В пятнадцать лет — чиновник видный
Был мой супруг.
А в двадцать — крупному вельможе
Помощник он.
Постом большим в тридцатилетье
Был награжден.
И целым городом он править
Стал в сорок лет.
С людьми он честен, чист и ясен —
Честнее нет.
С красивой бородою длинной,
Он бел лицом.
Степенною походкой входит

В чиновный дом.
Заходит поступью красивой
Он в свой приказ.
Толпа людей с него не сводит
Влюбленных глаз,
И говорит, что он отличен
От всех вокруг.
Вот видите, каким быть должен
Ло-фу супруг».

К ЮГУ ОТ РЕКИ

Рву лотосы я к югу от реки —
Как лотосы роскошны и ярки!
Резвятся рыбки среди их стеблей;
То на восток от лотосов играют,
То к западу от лотосов ныряют,
То вдруг появятся они южней,
А то на север от цветов всплывают.

В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ УШЕЛ В ПОХОД

В пятнадцать лет ушел в поход с войсками,
Лишь в восемьдесят смог домой вернуться.
Крестьянина спросил, войдя в деревню:
«Скажи, кто жив в семье моей остался?»
«Смотрите сами — дом ваш виден вам».

Могильный холм с рядами кипарисов.
Из лаза пса выскакивает заяц,
Фазан взлетает со стропил прогнивших.
Несеяный горох в подворье вьется,
И овощи колодец оплетают.

Толку горох я, чтобы сделать кашу,
И овощи срываю для приправы.
Отвар и кашу быстро приготовил,
Но для кого? Кто сядет есть со мною?

Из дома выйду, обращусь к востоку,
И слезы горькие с одежды пыль смывают.

РОСА НА ЛИСТЬЯХ

Как легко высыхает на листьях роса!
Исчезает роса по утрам — и является вновь.
А когда человек,
Раз умерший, воротится к нам?

* * *

Беседка в высоких-высоких горах,
И звезды так близко горят в облаках.
Я в дали смотрю, мое сердце тоскует,
Любимую мать вспоминаю в слезах.

Я выехал быстро из северных врат,
Смотрю на Лоян, оглянувшись назад.
Согнул свои ветви колючий терновник,
К земле нарастающим ветром прижат.

И иволга вслед устремляется мне
И грустно поет о родной стороне.
Смотрю на Сихэ, и завязки у шляпы
От слез намокают в глухой тишине.

ЛЕБЕДИ

Летят по небу пары лебедей,
Летят они из северного края.
К пятку пяток, десяток к десяти,
За клином клин, за стаей стая.

Одна не может мужу вслед лететь —
В дороге лебедь тяжко заболела.
В тревоге озирается вокруг
И кружится и кружится несмело.

«Летела б за тобой, как в поводу,—
Но клюв закрыт, открыть его нет силы.
Нести тебя хотела б на спине —
Болезнь мне крылья белые сломила!

В веселье повстречались и сошлись,
В печали довелось нам разлучаться.
Мне не сдержать печальных слез,
А стаи лебедей спешат умчаться.

Сейчас должны расстаться мы с тобой.
Дышать мне тяжко, говорить нет мочи.
Заботься о себе, лети на юг.
Далек твой путь. Обратный — не короче.

Я буду дом блюсти всегда пустым,
Дверь заложу надежнейшим засовом.
Погибнем — свидимся у Желтых вод,
А будем живы — встретимся мы снова».

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

Кто из встречавшихся мне на пути
О родных не думал в печали?
Ветер осенний угрюмо свистит,
Мысли о доме меня истерзали.
Машут деревья устало листвой,
Бури сильнее в чужой стороне.
Дальше и дальше дом мой родной,
И все просторнее пояс на мне.
Плачу в тоске, и не счесть моих слез,
Сердце — дорога, разбитая сотней колес.

О НЕБО!

О небо! Я хочу любимого найти,
Такого, чтоб вовек не разлучаться.
Когда вершины гор сровняются с землею,
Снег ляжет летом, грянет гром зимою,
Когда земля сольется с небесами,—
Мы лишь тогда расстанемся с тобою!

ИЗ КНИГИ «ЛУНЬЮЙ» («СУЖДЕНИЯ И БЕСЕДЫ»)

Учитель сказал:

— Для того, чтобы управлять государством, имеющим тысячу боевых колесниц, нужно быть осмотрительным, правдивым, умеренным в потребностях, любить народ, знать время, когда можно привлекать народ к исполнению повинностей.

(Гл. I, 5)

Учитель сказал:

— Младшие братья и сыновья! Когда вы в отцовском доме, с почтением служите своим родителям! Когда вы покидаете отцовский дом, с любовью заботьтесь о младших членах семьи! Будьте немногоречивы и правдивы! Любите всех, будьте привержены к своему человеческому началу! Будьте деятельны и, если у вас найдутся силы, учитесь просвещению!

(Гл. I, 6)

Учитель сказал:

— Цзюньцзы ест, но не ищет насыщения; живет, но не ищет покоя; в делах он проворен, но в словах осторожен; он идет к тому, что обладает Дао, и исправляет себя. Вот это и называется овладеть познанием.

(Гл. I, 14)

Цзы Лу, Цзэн Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели вокруг своего Учителя.

Учитель сказал:

— Я старше вас всего на один день. Поэтому не стесняйтесь меня. Вот вы постоянно говорите: «Меня не знают!» Но предположим, что вас узнали бы, что вы стали бы делать?

Цзы Лу тут же, не задумываясь, ответил:

— Государство, обладающее тысячью боевых колесниц, зажато между несколькими большими государствами. А тут еще на

него двинуты целые армии. Да еще вдобавок в нем самом — голод. И вот я, Цзы Лу... Пусть мне дадут такое государство в управление, и через три года у всех появится мужество, все будут знать, что такое долг!

Учитель улыбнулся.

— Ну, а ты, Жань Ю, что скажешь?

Тот ответил:

— Вот маленькое владение в шестьдесят — семьдесят ли в ширину и длину, даже еще меньше, в пятьдесят — шестьдесят ли... Пусть мне дадут такое владение в управление, и через три года у народа будет достаток во всем. Ну, а по части законов и правил я обращусь к цзюньцзы.

— А ты, Гунси Хуа, что скажешь?

Тот ответил:

— Я не скажу, чтобы я сам что-нибудь сумел сделать. Я попросил бы, чтобы меня научили. Я хотел бы стать младшим министром государя; в парадном одеянии, в парадной шапке распоряжаться в святилище предков, при встречах князей.

— А ты, Цзэн Си, что скажешь?

Тот сидел, время от времени касаясь струн гуслей-сэ. Он отложил гусли, и струны еще звучали, он привстал и сказал:

— Я хотел бы совсем другого, чем все они, трое.

Учитель сказал:

— Что же? Почему ты колеблешься с ответом?

— Я хотел бы поздней весной, когда уже весенние одежды готовы, с пятью-шестью юношами, с шестью-семью отроками купаться в реке И, подставить себя на холме Уюй ветерку и потом с песнями вернуться домой.

Учитель вздохнул и проговорил:

— Я присоединяюсь к Цзэн Си!

Трое учеников вышли из комнаты. Цзэн Си задержался. Цзэн Си обратился к Учителю:

— Что вы, Учитель, думаете о словах их троих?

Учитель ответил:

— Что же, каждый из них высказал свое желание.

Цзэн Си тогда спросил:

— Почему вы улыбнулись на слова Цзы Лу?

Учитель ответил:

— Государством управляют посредством законов и правил. Его слова слишком самонадеянны. Поэтому я и улыбнулся.

— А разве Жань Ю также не говорил о государстве?

— Да, говорил... Владение в шестьдесят—семьдесят ли, или еще меньше, в пятьдесят—шестьдесят ли,—тоже государство.

— Ну, а Гунси Хуа, разве он не говорил о государстве?

— Да, говорил... Святилище предков, встреча князей... Что же это такое, если не государство? Но если младший министр в таком государстве будет таким человеком, как Чи, кто же сможет стать там старшим министром?

(Гл. XI, 26)

Учитель сказал:

— Когда нужно говорить и не говорят, теряют людей. Когда не нужно говорить и говорят, теряют слова. Мудрый не теряет людей, не теряет слов.

(Гл. XV, 8)

Яо сказал:

— Шунь! Жребий Неба пал на тебя. Твердо придерживайся во всем середины! Если вся страна вокруг тебя бедствует, исчезает и дарованное Небом богатство правителя.

Шунь то же передал Юю.

Тан-ван, обращаясь к Властителю Неба, сказал:

— Я, ничтожный, осмеливаюсь принести тебе жертву — черного быка и осмеливаюсь открыто сказать тебе: «Я не пощадил Цзе-вана, так как он был виновен. От тебя, Властитель, не скрыты слуги твои. Выбор — в сердце твоем. Если я виновен, не вменяй это в вину народу. Если же виновен народ, значит, виновен я».

У чжоуских правителей были великие дары: их государство было богато людьми Добра. У правителей были родственники, но они не ставили их выше людей человеколюбивых. Они говорили: если кто-нибудь из народа совершил проступок, вина на мне одном.

При Чжоу всемерно блюли правильность мер и весов, тщательно следили за действием существующих установлений. Вновь создали упраздненные должности,— и блага правления распространялись повсюду. Возродили повергнутые государства и восстановили преемственность. Собрали разбежавшихся, и народ в Поднебесной отдал Чжоу свои сердца.

Самое важное — народ, пища, достойные похороны умерших и жертвоприношения предкам. Когда великодушны, обретают народную массу. Когда усердны в труде, добиваются благих результатов. Когда справедливы, все радуются.

Цзы Чжан спросил у Конфуция:

— Как можно правильно осуществлять управление государством?

Учитель ответил:

— Если чтить «пять красот» и устранять «четыре зла», можно правильно осуществлять управление государством.

Цзы Чжан сказал:

— А что это такое «пять красот»?

Учитель ответил:

— Когда достойный муж добр, но не расточителен; когда он заставляет других трудиться, но на него за это не злобствуют; когда он имеет желания, но при этом не жаден; когда он имеет в себе все, но у него нет гордыни; когда он исполнен силы, но не свиреп.

Цзы Чжан спросил:

— Что значит: «добр, но не расточителен»?

Учитель сказал:

— Когда он считает выгодным то, что выгодно народу, разве это не значит, что он добр, но не расточителен? Когда он заставляет других трудиться, выбирая то, над чем следует трудиться, кто станет злобствовать на него? Когда он желает стать человеколюбивым и становится человеколюбивым, откуда же тогда появится жадность? Для мужа достойного нет ни массы, ни немногих; для него нет ни малых, ни больших; он ни к кому не относится с пренебрежением. Разве это не значит иметь в себе все, но не знать при этом гордыни? Муж достойный носит шапку и одежду, какие полагается; к тому, что видит, относится с уважением; он всегда выдержан, и люди взирают на него с доверием и в то же время боятся его. Разве это не значит быть исполненным силы, но не быть при этом свирепым?

Цзы Чжан спросил:

— А что такое «четыре зла»?

Учитель ответил:

— Не наставлять, а убивать; это значит быть угнетателем. Не удерживать, а попустительствовать; это значит быть распущенным. Не давать указаний, а потом подгонять; это значит быть разбойником. Людям дают, что им нужно. Давать меньше, чем нужно, а брать больше, чем нужно; это значит быть представителем власти.

(Гл. XX, 1)

ИЗ КНИГИ «МЭН-ЦЗЫ»

Некто Сюй Син, проповедующий учение Божественного Земледельца, прибыл в Тэн из Чу. Вступив на порог дворца, он сказал царю Взнь-гуну:

— Пришедший издалека наслышан о гуманном правлении государя. Хотелось бы получить землю для поселения и стать вашим подданным.

Взнь-гун указал ему место.

Последователей Сюй Сина было несколько десятков; все они были одеты в сермяги, а дабы снискать себе пропитание, плели туфли и вязали циновки.

Ученик конфуцианца Чэнь Ляна Чэнь Сян и его младший брат Цзай взвалили на плечи свои сохи и пришли в Тэн из Сун и сказали:

— Мы наслышаны о совершенно-мудром правлении государя. Вы совершенно-мудрый человек, и мы хотим быть вашими подданными!

Чэнь Сян встретился с Сюй Сином и испытал великую радость. Он отринул то, чему учил сам, и стал учиться у Сюй Сина.

Чэнь Сян встретился и с Мэн-цзы и передал ему речи Сюй Сина:

— Тэнский государь поистине мудрый правитель, однако же не слыхал о Пути. Мудрые пашут вместе с народом ради пропитания, сами готовят пищу и сами управляют людьми. Ныне же у государя есть и амбары и сокровищницы, чтобы кормиться, он обирает народ, это ли мудрость?!

Мэн-цзы сказал:

— Учитель Сюй, разумеется, ест лишь хлеб, который вырастил сам?

— Да, это так.

— Учитель Сюй, разумеется, носит платье из ткани, которую выткал сам?

— Нет, учитель просто надевает сермягу.

— Носит ли учитель Сюй шапку?

— Носит.

— Какую же?

— Из белого холста.

— А холст он выткал сам?

— Нет, выменял на зерно.

— Отчего же он не сам его выткал?

— Это помешало бы хлебопашеству.

Затем Мэн-цзы сказал:

— А ведь учитель Сюй готовит пищу в железных котлах и глиняных мисках и пашет железом?

— Да, это так.

— Сам ли он их делает?

— Нет, выменивает на зерно.

— Ах, так. Но разве, когда зерно меняют на железные котлы и глиняные миски, не обирают гончаров и плавильщиков? Да и когда гончары и плавильщики меняют сосуды на зерно, разве не обирают они землепашцев?! Почему же учитель Сюй сам не мнет глину и не плавит железо? Почему он не изготовляет все, что ему нужно, у себя дома? Отчего он без конца то одно, то другое выменивает у ремесленников? Разве это учителя не удручает?!

Чэнь Сян ответил:

— Нельзя же промышлять столькими ремеслами и пахать землю!

— Выходит, с землепашеством можно сочетать только управление Поднебесной?! Не согласен! Есть удел великих людей и есть удел малых. Когда бы каждый сам делал все, что способны принести человеческому телу сто ремесел, да и пользовался бы только тем, что сделал сам, весь народ не знал бы отдыха. Потому и говорят: «Можно утруждать ум, и можно утруждать тело. Утруждающие ум управляют людьми, а утруждающие тело людьми управляются». Управляемые кормят других, а управляющие от них кормятся. Таков всеобщий закон Поднебесной.

(Гл. «Тэн Вэнь-гун», ч. I)

* * *

У некоего жителя царства Ци была жена и наложница. Их супруг нередко отлучался из дому и возвращался обратно сытым и пьяным. Когда жена спрашивала, с кем он пил и ел, то каждый раз оказывалось, что все это были знать и богачи. Тогда жена сказала наложнице:

— Муж отлучается из дому и непременно возвращается сытым и пьяным, когда же спросишь, с кем он ел и пил, оказывается, что все это знать и богачи. Однако еще ни один почтенный человек не навещал нашего дома! Пойду-ка я разузнаю, куда это ходит муж!

Встав очень рано, она украдкой последовала за мужем. Во всем городе не нашлось никого, кто бы остановился с ним и перемолвился хотя бы словечком. Наконец он дошел до кладбища у Восточной стены и принялся клянчить там остатки еды у совершающих жертвоприношения. Но ему, как видно, показалось мало, и, осмотревшись кругом, он тут же направился к другим... Вот так он насыщался!

Возвратившись домой, жена сказала наложнице:

— Вот, выходит, каков наш муж, а мы должны на него полагаться и быть с ним до конца наших дней!

И тут она поведала наложнице об их муже, и обе, затворившись во внутренних покоях, стали лить слезы. Муж же, ни о чем не подозревая, веселый и довольный вернулся домой и с гордым видом предстал перед женой и наложницей.

На взгляд благородного мужа, редко бывает, чтобы люди, стремящиеся к богатству и знатности, к выгоде и высокой должности, не заставляли своих жен и наложниц лить слезы стыда!

(Гл. «Лилоу», ч. II)

ИЗ КНИГИ «ДАОДЭЦЗИН»

ИЗ ГЛАВЫ 2

Когда в Поднебесной узнали, что красота — это красота, появилось и уродство. Когда узнали, что добро — это добро, появилось и зло. Вот почему бытие и небытие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг с другом гармонируют, предыдущее и последующее друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует недеянием и учит молчанием...

ГЛАВА 3

Если не превозносить таланты, среди людей не будет соперничества. Если не ценить редкие вещи, люди не станут красть. Если люди не видят того, что возбуждает желания, их сердца не волнуются. Поэтому, когда правит мудрец, он опорожняет их сердца — и наполняет желудки, ослабляет их волю — и укрепляет кости. Он постоянно стремится к тому, чтоб у народа не было знаний и желаний и чтобы те, кто знает,— не смели действовать. Он действует недеянием — и всем управляет.

ГЛАВА 12

От пяти цветов слепнут глаза, от пяти звуков глохнут уши, от пяти вкусов тупеет язык; скачка и охота доводят до неистовства, редкостные вещи толкают на преступления. Поэтому мудрец заботится о желудке, а не о глазах: он берет необходимое и отбрасывает лишнее.

ГЛАВА 18

Когда великий Путь утрачен — появляются «добро» и «долг», Вместе с остротой ума рождается и великое притворство. Когда шесть родичей не ладят — появляются «сыновняя почтительность» и «родительская любовь». Когда в государстве смута — возникают «верноподданные».

ГЛАВА 57

Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью, Поднебесная добывается недеянием. Откуда я знаю, что это так? А вот откуда: когда в Поднебесной много запретов, народ беднеет. Когда у народа много оружия, в стране растут

раздоры. Когда среди людей много искусников и умельцев, умножаются редкостные вещи. Когда множатся законы и указы, растут разбои и грабежи. Поэтому мудрец говорит: я ничего не делаю — и народ сам по себе совершенствуется; люблю покой — и народ сам по себе исправляется; не занимаюсь делами — и народ сам по себе богатеет; не знаю желаний — и народ сам блюдет себя в простоте.

ГЛАВА 64

Малоподвижное — легко удержать в руках. Еще не проявившееся — легко направить. Хрупкое — легко разбить. Мелкое — легко рассеять. Действовать надо там, где ничего еще нет. Наводить порядок надо тогда, когда еще нет смуты. Дерево в обхват рождается из крошечного ростка, башня в девять ярусов вырастает из кучки земли, путь в тысячу ли начинается под ногами.

Кто действует — проиграет, кто имеет — потеряет. Поэтому мудрец не действует — и не проигрывает, не имеет — и не теряет. Затевая дела, люди часто терпят неудачу при их завершении. Тот, кто кончает так же осмотрительно, как начал, неудачи не потерпит. Поэтому мудрец стремится к бесстрастию, не ценит редкие вещи, учится у неученых и вновь проходит путь, пройденный другими. Он следует естественности вещей и не осмеливается действовать.

ИЗ ГЛАВЫ 65

В древности те, кто умел следовать Пути, не просвещали народ, а оставляли его в невежестве. Когда народ много знает, им трудно управлять. Поэтому тот, кто, правя страною, мудрствует,— действует ей во вред; тот же, кто правит, не мудрствуя,— действует ей на пользу. Постигший эти две вещи будет примером для всех...

ИЗ КНИГИ «ЛЕ-ЦЗЫ»

Циньский князь Мугун сказал конюшему Бо Лэ:

— Ты уже стар годами. Нет ли кого-нибудь в твоем роду, кто бы умел отбирать коней?

— Доброго коня,— отвечал Бо Лэ,— можно узнать по стати, мускулам и костяку. Однако у Первого Коня в Поднебесной все это — словно бы стерто и смыто, скрыто и спрятано. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов. Сыновья же мои малоспособны: они сумеют отыскать хорошего коня, но не смогут найти Первого Коня в Поднебесной. Когда-то я таскал вязан-

Цзин Кэ покушается на жизнь циньского князя.
Реконструкция художника Л. П. Сычева по каменной стеле. I в.

ки дров и связки овощей совместно с неким Цзюфан Гао. Он разбирался в лошадях не хуже вашего слуги. Пригласите его.

Князь принял Цзюфан Гао и немедля отправил его за конем. Через три месяца Цзюфан Гао вернулся и доложил:

— Отыскал. В Песчаных Холмах.

— А что за конь?— спросил Мугун.

— Гнедая кобыла.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец.

Князь, опечалившись, позвал Бо Лэ и сказал ему:

— Ничего не получилось! Тот, кого ты прислал отбирать коней, не способен разобраться даже в масти, не умеет отличить кобылу от жеребца — какой уж из него лошадник!

— Неужели он этого достиг! — сказал Бо Лэ, вздохнув в глубоком восхищении.— Да после этого тысячи и тьмы таких, как я,— ничто в сравнении с ним! Ведь Гао видит природную суть. Отбирает зерно, отметая мякину, проникает вовнутрь, забывая о внешнем. Видит то, что нужно видеть, а ненужного — не замечает. Смотрит на то, на что следует смотреть, пренебрегая тем, на что смотреть не стоит. Да такое умение — дороже всяких коней!

Когда жеребца привели, это и впрямь оказался Первый Конь в Поднебесной!

(Из гл. 8 — «О совпадениях»)

Горы Тайхан и Ванъу, в семьсот ли окружностью, в десять тысяч жэнь высотою, помещались поначалу к югу от Цзичжоу,— севернее Хэяна.

Простак с Северной горы жил там же, напротив. А было ему уже под девяносто. Устав карабкаться по горным перевалам, совершать дальние обходы и делать крюки, он собрал как-то своих домашних и стал совещаться:

— А что, если приналечь да срыть эти горы до основания — чтобы открылась прямая дорога на юг Юйчжоу, аж до самой реки Ханьшуй?

Все дружно согласились, но жена Простака усомнилась:

— С твоими силами не одолеть и холмика Куйфу — тебе ли сладить с этакими горами! Да и куда девать землю и камень?

— Будем сбрасывать в залив Бохай — севернее отмели! — отвечали ей.

И, взяв с собой троих сыновей и внуков покрепче, Простак принялся ломать скалы, рыть землю и перетаскивать ее в корзинах к заливу Бохай. У соседки-вдовы из семейства Цзинчэн был сын, едва успевший сменить молочные зубы,—он тоже примчался на помощь. Зима сменилась летом, а обернуться до залива и обратно успели только один раз.

Умник с Речной Излучины, подсмеиваясь, отговаривал Простака:

— Ну и дурень же ты! В твои-то годы да с твоими силами — да ты в горах песчинки не сдвинешь с места, не говоря уж о земле и о камнях!

Простак вздохнул:

— А ты так туп, что разумеешь хуже малого ребенка — мальчонка-сирота и то умней тебя. Я умру, а сыновья останутся, а у сыновей еще народятся внуки, а у внуков тоже будут сыновья, а у тех — свои сыновья и внуки; так и пойдут — сыновья за сыновьями, внуки за внуками — и не будет им конца и переводу. А горы-то уже не вырастут — так чего же горевать, что я не успею их срыть?

Умник так и не нашелся, что ответить.

Горный дух, начальник над змеями, прослышав об этом, испугался, что старик не отступится, и доложил обо всем Небесному Владыке. Владыка, тронутый простодушием старика, повелел двум духам из рода Муравьев-Великанов перетащить горы на себе: одну — на северо-восток, другую — на юг Юнчжоу. С той поры от самого юга Цзичжоу и вплоть до реки Ханьшуй нет больше горных преград.

(Из гл. 5 — «Вопросы Тана»)

ИЗ КНИГИ «ЧЖУАН-ЦЗЫ»

Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он бабочка: он весело порхал, был счастлив и не знал, что он — Чжоу. А проснувшись внезапно, даже удивился, что он — Чжоу. И не знал уже: Чжоу ли снилось, что он — бабочка, или бабочке снится, что она — Чжоу. Ведь бабочка и Чжоу — совсем не одно и то же. Или это то, что называют превращением?

(Из гл. 2 — «О равенстве вещей»)

Болотный фазан через десять шагов поклюет, через сто — напьется, а в клетке жить не хочет: хотя и сыт — а все как-то не то!

(Из гл. 3 — «Искусство жить»)

Когда скончался Лао Дань, Цинь И, соболезнуя о нем, простонал трижды и вышел. Ученики спросили:

— Разве вы не были другом Учителя?

— Был,— сказал Цинь И.

— А если так, то можно ли оплакивать его подобным образом?

— Можно,— ответил Цинь И.— Я было думал, что вы и впрямь его ученики, теперь же вижу, что — нет. Когда я пришел сюда с соболезнованием, то увидел, что старики оплакивают его, как сына, а молодые плачут по нем, как по матери. Собравшись здесь, они уже не могли удержаться от слез и стенаний. Но это ведь значит — противиться Небу, отойти от Истины, забыть о своем предназначении: в старину это называлось «грехом непослушания». Время пришло — Учитель родился; настало время уйти — Учитель покорился. Если смириться со своей участью и покориться неизбежному — к вам не найдут доступа ни радость, ни печаль; в старину это называлось «освобождением из петли».

(Из гл. 3 — «Искусство жить»)

У коня есть копыта — чтоб ступать по инею и снегу, шерсть — чтобы уберечься от ветра и стужи; он щиплет траву и пьет воду, встает на дыбы и скачет — в этом истинная природа коня. Не нужны ему ни высокие башни, ни богатые хоромы.

Но вот появился Бо Лэ и сказал:

— Я знаю, как укрощать коней.

И принялся их прижигать и клеймить, стреноживать и взнуздывать, подстригать им гриву и подрезать копыта, приучать к стойлам и яслям. Из десяти коней подыхало два-три. А он морил их голодом и жаждой, гонял рысью и галопом, учил держать строй, терзал удилами спереди, грозил кнутом и плетью сзади — и коней стало подыхать больше половины.

— А я,— сказал Гончар,— знаю, как обращаться с глиной: круги делаю — строго по циркулю, квадраты — по угломеру.

— А я,—сказал Плотник,—знаю, как управляться с деревом: кривое — подгоняю по крюку, прямое — выравниваю по отвесу.

Но разве природа дерева и глины — в том, чтоб подчиняться крюку и отвесу, циркулю и угломеру! Однако умельцев славили из поколения в поколение, повторяя: «Бо Лэ умел укрощать коней, а Гончар и Плотник знали, как управляться с глиной и с деревом».

Такую же ошибку совершают и те, кто правит Поднебесной. Те, кто умел ею править,— поступали не так.

Природа людей постоянна: они ткут и одеваются, пашут и едят,— это можно назвать общими их свойствами. Единство и равенство — естественное их состояние. Вот почему во времена Высшей Добродетели их поступь была степенна, а взгляд — сосредоточен. В те времена в горах не было дорог и тропинок, а на реках — лодок и мостов; все живое держалось вместе, не зная границ; птицы и звери бродили стаями, а трава и деревья росли, как им вздумается. Зверя и птицу можно было водить на веревочке, можно было, взобравшись на дерево, заглянуть в гнездо к

вороне или сороке. Тогда люди жили вместе с птицами и зверьми, были родней всему живому — где уж им было знать о низких и о благородных! Все были равно невежественны — и добродетель их не оставляла; в равной мере не знали желаний — и были просты и естественны. Так, живя в простоте и естественности, народ сохранял свою природу.

Но вот явились мудрецы, выдавая свои потуги — за «добро», свои ухищрения — за «долг»,— и в Поднебесной родились сомнения. Беспутство и неистовство стали выдавать за музыку, а мелочные правила — за обряды,— и в Поднебесной начались раздоры. Разве можно вырезать жертвенный кубок — не калеча дерева? Разве можно выточить скипетр — не губя белой яшмы? Как научить «добру» и «долгу» — если не отрешиться от Пути и Добродетели? Как научить обрядам и музыке — если не поступиться естественными чувствами? Разве можно создать узор — не перемешав пяти цветов? Разве можно построить шесть ладов — не смешав пяти звуков? Когда ради утвари калечат дерево — в этом повинен плотник; когда ради «добра» и «долга» забывают о Пути и Добродетели — в этом повинны мудрецы.

Живя на воле, кони щипали траву и пили воду. Радуясь — ласкались, сплетаясь шеями, осерчав — лягались, повернувшись задом. Только это они и умели. Когда же на них надели хомут да нацепили им на морду полумесяц — они выучились злобно коситься и выгибать шею, грызть удила и рвать поводья. Это Бо Лэ научил их лукавить и буйствовать,— и в этом его преступление...

В Хэсюевы времена народ жил, не ведая, чем бы ему заняться, ходил, не зная, куда бы ему пойти; с полным ртом, с тугим животом гулял себе и радовался. Только это он и умел! Но явились мудрецы и начали насаждать свои обряды и музыку — дабы с их помощью исправить Поднебесную, стали превозносить «добро» и «долг» — дабы умиротворить сердца в Поднебесной. С тех-то пор народ и бросился без удержу за знаниями и за наживой,— и повинны в этом — мудрецы!

(Гл. 9 — «У коня копыта...»)

Когда Чжуан-цзы удил рыбу в реке Пушуй, от чуского царя явились к нему два знатных мужа и сказали:

— Государь пожелал обременить вас службой в своем царстве!

Не выпуская из рук удочки и даже не обернувшись, Чжуан-цзы ответил:

— Слыхал я, что есть у вас в Чу священная черепаха: три тысячи лет как издохла, а цари хранят ее у себя в храме предков,

в ларце, под покрывалом. Что лучше для черепахи: издохнуть и удостоиться почестей? Или жить, волоча хвост по грязи?

— Лучше жить, волоча хвост по грязи,— ответили сановники.

— Тогда ступайте прочь,— сказал Чжуан-цзы,— я тоже предпочитаю волочить хвост по грязи!

(Из гл. 17 — «Осенние воды»)

По дороге в Чу Чжуан-цзы наткнулся на пустой череп — совсем уже высохший, но еще целый. Он постучал по нему кнутовищем и спросил:

— Отчего ты таким стал? Оттого ли, что был ненасытен в желаниях и преступил закон? Или погиб под топором на плахе, когда пала твоя страна? Или стал таким от стыда, что дурными делами опозорил отца и мать, жену и детей? Или муки голода и холода довели тебя до этого? Или просто скончался от старости?

И, прекратив расспросы, положил череп себе под голову и лег спать.

Ночью череп явился ему во сне и сказал:

— По речам твоим видно, что ты искусный краснобай. Но все, о чем ты спрашивал, заботит только живых, мертвецы же этого не знают. Хочешь — я расскажу тебе о мертвых?

— Хочу,— ответил Чжуан-цзы.

— У мертвых,— сказал череп,— нет ни государя наверху, ни подданных внизу; нет у них и забот, что приносят четыре времени года. Беспечные и вольные, они так же вечны, как небо и земля, и даже утехи царей, что восседают, обратясь ликом к югу, не сравнятся с их блаженством.

Чжуан-цзы усомнился и спросил:

— А хочешь, я велю Владыке Судеб возвратить тебе жизнь, дать тебе кости, кожу и мясо, вернуть тебя к отцу и матери, к жене и детям, к соседям и друзьям?

Но череп отвечал, нахмурясь:

— Неужто я променяю царские услады на людские муки?!

(Из гл. 18 — «Высшая радость»)

Когда у Чжуан-цзы умерла жена, Хуэй-цзы пришел ее оплакать. А Чжуан-цзы сидел на корточках, стучал по глиняной корчаге и пел песни.

— Ты ведь нажил с нею детей,— сказал Хуэй-цзы,— а теперь, когда она скончалась от старости, не только не плачешь, а еще колотишь в посудину и распеваешь песни,— на что это похоже!

— Нет, это не так,— ответил Чжуан-цзы.— Когда она умерла и я остался один — мог ли я не печалиться? Но вот я задумался

над ее началом — когда она еще не родилась; не только не родилась, но и не обладала телом; не только телом, но и дыханием. Смешанная с хаосом, она стала развиваться — и появилось дыхание; дыхание развилось — и возникло тело; тело развилось — и возникла жизнь, а ныне — новое превращение и смерть. Все это следует одно за другим, как времена года: за весною — лето, за осенью — зима. Зачем же теперь, когда она покоится в Мироздании, провожать ее плачем и воплями? Ведь это значит — не понимать веления Неба. И я перестал плакать.

(Из гл. 18 — «Высшая радость»)

Цзисинцзы взялся обучать для царя бойцового петуха. Через десять дней государь спросил:

— Ну, как, готов петух?

— Нет еще,— ответил Цзисинцзы,— полон тщеславия, кичится попусту.

Через десять дней государь вновь осведомился и получил ответ:

— Пока еще нет: отзывается на каждый звук, кидается на каждую тень.

Через десять дней государь спросил опять:

— Все еще нет,— ответил Цзисинцзы,— смотрит злобно, весь переполнен яростью.

Через десять дней царь вновь полюбопытствовал и услышал в ответ:

— Вот теперь почти готов: услышит другого петуха — даже не шелохнется; посмотришь на него — как деревянный. Воля и выдержка его — безупречны. Ни один петух не посмеет откликнуться на его вызов: повернется и сбежит.

(Из гл. 19 — «Постигший жизнь»)

Чжун-ни направлялся в Чу. Выйдя из леса, он увидел, как некий горбун ловил цикад на кончик палки, смазанный клеем, да так ловко, будто собирал их руками.

— До чего же ты ловок! — сказал Чжун-ни,— Видно, владеешь каким-то секретом?

— Есть один,— ответил горбун.— В пятую и шестую луну кладу на кончик палки пару бусин и осторожно поднимаю: если не падают — то из десятка цикад от меня убегают две-три; если не падают три — то удирает одна; а уж если не скатятся пять — тогда будто руками собираю. Стою — как пень, руку тяну — как сухую ветку. И пусть огромны небо и земля, пусть много в мире

всякой твари — у меня на уме только крылышки цикады; не отступлю, не отклонюсь, на целый мир их не променяю — как же после этого да не поймать!

Конфуций взглянул на учеников и сказал:

— «Если соберешь волю воедино — уподобишься божеству» — да ведь это сказано про нашего горбуна!

(Из гл. 19 — «Постигший жизнь»)

Плотник Цин вырезал из дерева раму для колоколов. Когда рама была готова, все поражались: казалось, ее делали духи. Увидел раму луский князь и спросил плотника:

— Каким искусством ты этого достиг?

— Я всего лишь ремесленник,— ответил плотник,— какое у меня может быть искусство? Впрочем, один способ есть. Никогда не берусь за работу в душевном смятении: чтобы очиститься сердцем, непременно пощусь. После трех дней поста уже не смею помышлять о почестях или наградах, о жалованье и чинах. После пяти — не смею думать о хвале или хуле, удаче или неудаче. После семи — в оцепенении не ощущаю собственного тела, забываю о руках и ногах. И уже нет для меня ни князя, ни его двора, все внешнее исчезает, и все мое умение сосредоточивается на одном. Тогда я иду в горы и присматриваюсь к природным свойствам деревьев. И только мысленно увидев в самом лучшем из стволов уже готовую раму, я принимаюсь за дело — иначе не стоит и браться. Так мое естество сочетается с естеством дерева — поэтому и работа кажется волшебной.

(Из гл. 19 — «Постигший жизнь»)

Чжуан-цзы был на похоронах. Проходя мимо могилы Хуэйцзы, он обернулся к спутникам и сказал:

— Однажды некий инец запачкал белой глиной кончик носа: пятнышко было — с мушиное крылышко. Он приказал плотнику Ши стесать его. Умелец так заиграл топором — аж ветер поднялся: только выслушал приказ — и все стесал. Снял дочиста всю глину, не задев носа. А инец — и бровью не повел. Услыхав об этом, сунский князь Юань позвал к себе плотника и сказал ему:

— Попробуй сделать это же самое и для меня.

А плотник ответил:

— Когда-то я сумел это сделать — да только нет уже в живых того материала!

Вот так и у меня не стало материала: с тех пор как умер Учитель — мне больше не с кем спорить.

(Из гл. 24 — «Сюй У-гуй»)

Верша нужна — чтоб поймать рыбу: когда рыба поймана, про вершу забывают. Ловушка нужна — чтоб поймать зайца: когда заяц пойман, про ловушку забывают. Слова нужны — чтоб поймать мысль: когда мысль поймана, про слова забывают. Как бы мне найти человека, забывшего про слова, — и поговорить с ним!

(Из гл. 26 — «Вещи вне нас»)

Некто звал Чжуан-цзы к себе на службу. Чжуан-цзы так ответил посланцу:

— Видали вы когда-нибудь жертвенного быка? Наряжают его в расшитые ткани, откармливают сеном и бобами! А потом ведут в храм предков — на заклание. Он и рад бы тогда снова стать простым теленком — да не тут-то было!

(Из гл. 32 — «Ле Юй-коу»)

Чжуан-цзы лежал при смерти, и ученики задумали устроить ему пышные похороны.

— К чему это? — сказал Чжуан-цзы.— Гробом моим будет земля, саркофагом — небо; нефритовыми бляхами — солнце и луна, жемчужинами — звезды, и все живое — погребальным шествием; разве не все уже готово для моих похорон?

— Мы боимся,— отвечали ученики,— чтоб вас не расклевали вороны и коршуны.

— На земле,— сказал Чжуан-цзы,— расклюют вороны и коршуны, под землей — сожрут муравьи и медведки. Так стоит ли отнимать у одних — чтоб отдать другим?

(Из гл. 32 — «Ле Юй-коу»)

ИЗ КНИГИ «МО-ЦЗЫ»

Гуншу Бань соорудил для царства Чу снасть для взятия городских стен под названием «облачные лестницы», чтобы напасть на царство Сун. Учитель Мо прослышал об этом и быстро покинул царство Лу. Он шел десять дней и десять ночей. На ногах у него выступили кровавые волдыри, но он шел, не ведая отдыха. В изодранной одежде и сношенной обуви он прибыл в чускую столицу Ин и разыскал там Гуншу Баня.

Гуншу Бань спросил:

— О чем хотел поведать учитель?

Мо-цзы сказал:

— На севере объявился человек, меня оскорбивший. Хочу просить вас пойти и убить его.

Гуншу Бань помрачнел.

Мо-цзы сказал далее:

— Я дам вам за это десять мер золота!

— Я блюду закон нравственности и не убиваю людей понапрасну,— ответил Гуншу Бань.

Мо-цзы поднялся и, совершив двойной поклон, сказал Гуншу Баню:

— Дозвольте мне пояснить. Когда я был на севере, до меня дошли слухи, что вы соорудили облачные лестницы, дабы напасть на царство Сун. Но чем провинилось Сун? Ведь в Чу и так избыток земли и не хватает людей. Убивать то, в чем и так недостаток, и домогаться того, что и так в избытке,— можно ли это назвать целесообразным? И потом, царство Сун не совершило никаких злодеяний, однако на него нападают,— можно ли это назвать человеколюбивым? Понимать это и не отговорить от этого правителя,— можно ли это назвать преданностью? Если же ты пытался отговорить его, но переубедить не смог, значит, ты не силен в искусстве спора. Блюсти закон нравственности, отказываться убить одного, но готовить убийство многих,— можно ли это назвать разумным?

Гуншу Бань не знал, что ответить.

Мо-цзы сказал:

— Итак, вы отступаетесь от своего намерения?

— Я не в силах,— ответил Гуншу Бань. — Я уже твердо обещал это правителю Чу.

— Ну что ж, тогда отведите меня к правителю Чу,— сказал Мо-цзы.

— Хорошо,— ответил Гуншу Бань.

Увидев правителя, учитель Мо сказал:

— Есть один человек, который отказывается от резной колесницы, но жаждет украсть разбитую повозку соседа, отказывается от длиннополой одежды из расшитой парчи, но желает заполучить короткую войлочную накидку соседа, не ест собственного отборного проса и мяса, но хочет украсть и съесть мякину и отруби у соседа. Что это за человек?

Правитель сказал:

— Да ведь это больной жаждою воровства!

Тогда учитель Мо сказал:

— Царство Чу растянулось на пять тысяч ли и поперек и вдоль, а Сун — всего только на пятьсот. Это все равно что резная колесница и разбитая повозка. В Чу есть озеро Юньмын, в котором полно носорогов, а возле озера много оленей, в реках Янцзы

и Хань много всякой рыбы, черепах, крокодилов, то есть всего, в чем заключено богатство Поднебесной. А в Сун нет даже фазанов, зайцев и лисиц. Это все равно что отборное просо и мясо — и мякина и отруби. В Чу есть леса, где растут высокие сосны, катальпы и другие большие деревья. В Сун же больших деревьев нет. Это все равно что расшитая парча — и грубая войлочная накидка.

Далее Мо-цзы сказал:

— Мне кажется, подготовка вашими слугами нападенья на Сун подобна поступкам того больного жаждою воровства. Я полагаю, если князь пойдет войною на Сун, то это не только не оправдаешь никакими доводами, но и, кроме того, не принесет князю успеха.

Правитель сказал:

— Искусная речь! Однако Гуншу Бань уже соорудил для нас облачные лестницы, и мы непременно захватим Сун.

Затем учитель Мо оборотился к Гуншу Баню, снял свой пояс и разложил его на земле, как словно бы городскую стену, а дощечки для письма послужили ему как бы орудием нападения и обороны. Гуншу Бань применил девять способов приступа, однако Мо-цзы всякий раз отбивал их. Гуншу Бань исчерпал все способы приступа, но города не взял, а у Мо-цзы в запасе еще остались способы обороны.

Гуншу Бань потерпел поражение, но сказал:

— Я знаю, как побороть тебя, но я не скажу.

Мо-цзы ответил:

— И я знаю способ, каким ты хочешь выиграть у меня сражение, и тоже не скажу.

Чуский правитель спросил пояснений. Мо-цзы сказал:

— Мысль Гуншу Баня не идет далее того, чтобы убить меня, ибо он думает, что, убив меня, отнимет у Сун возможность обороняться. Но мой ученик Цинь Гу-ли и другие триста человек, вооруженные моими орудиями обороны, уже стоят на сунских стенах и ждут врагов из Чу. Так что, если и убьете меня, все равно победы вам не добиться.

— Прекрасно! — сказал правитель.— Повелеваю отменить поход на Сун!

Мо-цзы отправился обратно. Когда он проходил через Сун, полил сильный дождь. Он хотел было укрыться от дождя в крепостных воротах, но стражник не разрешил ему войти. Вот почему говорится: «Толпа не ведает о заслугах тех, кто делает стройным свой дух, но хорошо знает о тех, кто домогается громкой славы».

(Глава «Гуншу...»)

В царстве Лу один человек искусно ткал матерчатые туфли, а жена его — белый шелк «гао». И захотели они переселиться в царство Юэ. Некто сказал им:

— Вы не минуете разоренья!

Луский житель спросил:

— Как так?

В ответ же было сказано:

— Матерчатые туфли делают, чтобы обувать на ноги, а жители Юэ ходят босыми; белый шелк «гао» идет на головные уборы, а жители Юэ простоволосы. И вы надеетесь не разориться там, где ваши способности никому не нужны?!

* * *

Чии Цзы-пи служил у Тянь Чэнь-цзы. Тянь Чэнь-цзы, бежав в царство Ци, отправился затем в Янь, а Чии Цзы-пи следовал за ним, и у него был пропуск для проезда через пограничную заставу. Когда они достигли удела Ван, Цзы-пи сказал:

— Неужто господин не слыхал о змеях в пересохшем болоте? Когда болото высохло, змеи собрались уползать. И вот маленькая змейка сказала большой змее: «Если вы пойдете вперед, а я за вами следом, люди подумают, что это всего-навсего ползут змеи, и непременно найдется кто-нибудь, кто убьет вас; не лучше ли вам взять меня к себе на спину — люди непременно решат, что я — царь змей!»

Большая змея положила на себя маленькую и поползла через проезжую дорогу, а люди расступались перед ними, говоря: «Змеиный царь!»

Ныне вы, господин, прекрасны, а я безобразен. Если бы вы были моим приближенным, меня приняли бы за государя, обладающего тысячью боевых колесниц, были б слугой—за властителя десяти тысяч. Не лучше ли вам, господин, притвориться челядинцем?

И вот уже Тянь Чэнь-цзы, неся пропуск, стал сопровождать Чии Цзы-пи. И когда они достигли постоялого двора, хозяин встретил их с великим почтением и поднес вина и мяса.

* * *

Рассказывают и так.

Яньскому жителю Ли Цзи полюбились дальние путешествия, жена же его вступила в связь с неким чиновным мужем. Когда внезапно прибыл Ли, муж этот был во внутренних покоях и жена пришла в отчаяние. Наложница, жившая в доме, сказала ей:

— Пусть молодой господин смело выходит в двери нагой и с распущенными волосами, а мы притворимся, будто никого не видим!

И вот молодой господин, последовав ее совету, словно обезумевший вылетел из дверей.

— Кто это?! — изумился Ли.

Домочадцы ответили:

— Никого здесь не было!

Ли спросил:

— Значит, мне привиделся дух?

Женщины ответили:

— Именно так!

— Как же мне теперь поступить?

— Взять мочу пяти видов жертвенных животных и омыться ею! — был ответ.

Ли согласился с ними и омылся мочой.

Некоторые, правда, утверждают, что умывался он все же отваром лотоса.

* * *

Жил при дворе циского царя рисовальщик. Циский царь задал ему вопрос:

— Что всего труднее рисовать?

— Собак и лошадей,— был ответ.

— А что всего легче?

— Бесов и души умерших,— был ответ.— Ведь собаки и лошади людям известны, с утра до вечера они перед глазами, поэтому здесь нельзя ошибиться, а значит, и рисовать их труднее. Бесы же и души умерших не имеют телесных форм, не доступны взору — поэтому и рисовать их легко.

* * *

Некий житель царства Чжэн однажды пожелал купить туфли. Он заранее обмерил свои ноги и положил мерку рядом с собой. А отправившись на рынок, забыл ее. Вот уже взял туфли и вдруг говорит:

— Я забыл размер!

Пошел обратно домой. Когда возвратился, рынок уже закончился, туфель он не купил. Его спросили:

— Почему же ты не примерил их прямо на ноги?!

Он же сказал:

— Лучше я доверюсь мерке, чем понадеюсь на себя!

* * *

Во времена глубокой древности народ был малолюден, а дикие звери и птицы водились во множестве, и не мог народ одолеть птиц, зверей, насекомых и гадов. И тогда явился мудрец, который соорудил на дереве гнездо, чтобы упастись от тьмы несчастий, народ же, возликовав, сделал его государем Поднебесной и нарек именем Ючао ши, что значит: «Хозяин гнезда».

Люди питались дикими плодами и семенами трав, моллюсками и устрицами, дурной запах сырого мяса вредил их желудку и печени, люди тогда часто болели. Но вот явился мудрец, который, вращая деревянную палочку, добыл огонь, и мясо изменило свой запах. Народ же, возрадовавшись, сделал его государем Поднебесной и нарек именем Суйжэнь ши, что значит: «Добывающий огонь».

Во времена древности не столь отдаленной на Поднебесную обрушился потоп, но Гунь и Юй отвели воды в каналы. Во времена ближней древности творили бесчинства Цзе и Чжоу, но Тан и У их покарали. Однако, если бы во времена династии Ся кто-нибудь принялся строить жилище-гнездо на дереве или же добывать огонь трением палочки — Гунь и Юй наверняка посмеялись бы над ним. И если бы кто-нибудь стал осушать землю каналами при династиях Инь и Чжоу, наверняка Тан и У посмеялись бы над ним! Потому, разумеется, новым мудрецам смешны те, кто, восхищаясь ныне деяниями Яо, Гуня, Юя, Тана и У, применяют их к нынешнему же поколению! Ибо мудрец не стремится следовать древнему, не берет за образец неизменное, а обсуждая дела своего века, применяется к обстоятельствам...

Некий житель царства Сун пахал поле, а среди поля стоял пень. Бежал откуда-то заяц, наскочил на пень, сломал себе шею и сдох. Увидев это, пахарь оставил соху и стал у пня в надежде заполучить еще одного зайца.

Второго зайца он, конечно, не заполучил, а сам сделался посмешищем всего Сунского царства.

Ныне те, кто желает мерами прежних государей управлять нынешним народом, подобны этому стерегущему у пня.

ИЗ КНИГИ «ВЕСНЫ И ОСЕНИ ЛЮЯ»

Когда по пути из Чэнь в Цай бедствия обрушились на Конфуция, он не мог съесть даже и простой похлебки из лебеды, семь дней не держал во рту ни единого зернышка и среди бела дня спал от слабости.

Его ученик Янь Хуэй с трудом раздобыл рису и начал варить его. Когда рис был уже почти сварен, Конфуций открыл глаза и вдруг увидел, что Янь Хуэй выхватил что-то из котла и съел. Конфуций притворился, что ничего не видит.

Немного погодя рис был готов, и Янь Хуэй попросил Конфуция его отведать. Поднявшись на ноги, Конфуций сказал:

— Нынче видел во сне покойного отца, но принести жертву его душе можно, лишь если пища чиста.

— Увы, это невозможно! — ответил ему Янь Хуэй.— Только что в котел упал уголек, и ваш ученик достал и съел его, чтобы устранить недоброе предзнаменование!

И Конфуций, вздохнув, произнес:

— Мы доверяем своим глазам — но и им нельзя верить; мы полагаемся на свое сердце — но и на него не стоит полагаться. Запомните же, ученики: поистине нелегко познать человека!

* * *

Это случилось в царстве Сун. У семьи по фамилии Дин не было своего колодца. Когда наступало время полива, один из Динов то и дело уходил со двора. Наконец семья вырыла колодец, и Дины сказали людям:

— Вот выкопали мы колодец — считайте, получили еще одного человека!

А те стали передавать другим:

— Слыхали, Дины выкопали колодец и получили оттуда еще одного человека.

Россказни эти пошли по всему царству и дошли наконец до сунского царя.

Царь отправил посланца, чтобы тот расспросил самих Динов. Те ответили ему так:

— Не человека из колодца мы получили, а добыли себе лишнего работника!

* * *

В царстве Ци жили некие двое похвалявшиеся своей храбростью, один жил у Восточной стены, другой — у Западной. Случайно они встретились на дороге и тут же решили: «Не выпить ли нам вместе?»

Пропустили по нескольку чарок, и вот один из них сказал:

— Не раздобыть ли нам мяса?

Другой ответил:

— Ты из мяса, и я из мяса, к чему же еще куда-то за ним ходить?! — И они купили только подливку.

Потом вынули ножи и стали поедать друг друга; лишь смерть остановила их...

Чем такая храбрость, не лучше ли и вовсе без'нее?!

* * *

Конфуций как-то остановился в пути на отдых, а лошадь, освободившись от пут, ушла. Она потравила посевы одного селянина, и тот загнал ее к себе.

Цзы Гун вызвался поговорить с ним. Он истощил свое красноречие, но селянин не желал ничего слушать.

С Конфуцием был еще человек — неотесанный, едва приступивший к учению. Он сказал:

— Дозволь мне пойти поговорить с ним.

Он отправился к селянину и сказал ему:

— Ты у Восточного моря пашешь, а я пашу у Западного. Что же, моей лошади и попробовать твоего хлеба нельзя?!

Селянин широко улыбнулся и ответил:

— Вот это так! Ты меня убедил — не в пример тому, первому.— Отвязал лошадь и отдал ее.

* * *

Один житель Чуского царства переправлялся через реку. И его меч свалился с лодки в воду. Сделав зарубку на борту лодки, он сказал: «Вот здесь упал мой меч!»

Как только лодку остановили, он бросился в воду на поиски меча с того места, где была зарубка... Однако лодка уже прошла вперед, а меч-то на дне не двигался...

Разве не глупо разыскивать меч подобным образом!

* * *

Река Вэй сильно разлилась, и в ней утонул один чжэньский богач. Некто выловил его труп. Родные богача просили продать им его тело, но тот требовал очень много золота. Тогда обратились к Дэн Си.

Дэн Си сказал:

— Не тревожьтесь! Кому еще, кроме вас, он продаст его!

Завладевший телом тоже беспокоился и обратился, в свой черед, к Дэн Си.

Дэн Си сказал:

— Не тревожься! Где еще, кроме тебя, они его купят?!

* * *

На севере царства Лян стоял Черный холм, где жил бес-оборотень, любивший принимать облик чьего-нибудь родственника.

Некий житель тамошнего села, бывший уже в летах, как-то возвращался с рынка домой под хмельком. Бес тотчас принял облик его сына: вроде бы и поддерживал, а сам всю дорогу мешал идти!

Селянин добрался домой, протрезвел и обратился к сыну с упреком:

— Разве я тебе не отец, разве я тебя не любил, не оберегал? За что же ты мучал меня по дороге, пьяного?!

Сын его зарыдал, бросился на землю и сказал:

— О, горе! Не было этого! Спросите людей: я ходил на восточный конец села получать долги!

Отец поверил ему и сказал:

— Э-ге! Наверняка это был тот самый бес-оборотень, про которого я давно уже слышал!

На следующий день он уж нарочно отправился на рынок и напился пьян в надежде повстречать снова беса и убить его. А его сын, опасаясь, что отец не дойдет до дому, вышел его встречать. Селянин увидел сына, выхватил меч и пронзил его. Разум отца был затуманен тем, кто принимал сыновний образ, а своего настоящего сына он убил!

* * *

Среди жителей царства Лу был некто Гунсунь Чо, который объявил во всеуслышанье:

— Я могу поставить на ноги мертвого!

Люди стали допытываться о его секрете.

Он же отвечал так:

— Я ведь способен излечивать тех, у кого отнялась половина тела, а ныне у меня двойная порция этого снадобья, следовательно, я в состоянии поднять на ноги мертвеца!

СЫМА ЦЯНЬ

ИЗ «ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСОК»

ОТДЕЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЦЮЙ ЮАНЕ

Цюй Юань — ему имя было Пин. Он был сородичем и однофамильцем чуского дома, служил у чуского князя Хуая приближенным «левым докладчиком». Он обладал обширною наслышанностью и начитанностью, память у него была мощная. Он ясно разбирался в вопросах, касающихся государственного благоустройства. Был искусный оратор. Во дворце он с князем обсуждал государственные дела, издавал приказы и указы, а за пределами дворца имел поручение по приему гостей и беседам с приезжавшими удельными князьями. Князь дорожил им как дельным. Один высший чин, вельможа, бывший с ним в одном ранге, соперничал с ним в княжеском благоволении и втайне замышлял против его талантов. Князь Хуай дал Цюй Юаню составить свод государственных законов. Цюй Пин набросал их вчерне, но работу еще не закончил. Этот вельможа ее увидел и захотел присвоить, но Цюй Пин не давал. Тогда тот стал на него возводить клевету, что, мол, когда князь велит Цюй Пину составлять законы, то нет никого в народе, кто бы об этом не узнал, и каждый раз как только какой-нибудь закон выходит, то Пин хвастает своими заслугами: без меня, мол, никто ничего сделать не может. Князь рассердился и удалил от себя Цюй Пина. Цюй Юань был оскорблен, негодовал на то, что князь слушает все неразумно; что клевета закрывает собою тех, кто честен, и кривда губит тех, кто бескорыстен; что

тот, кто строго прям, оказался вдруг неприемлем. Тогда он предался печали и весь ушел в себя: сочинил поэму «Лисао» — «Как впал я в беду», это названье, «Как впал я в беду», значит как бы «Как впал я в досаду».

Скажу и я теперь: «Что небо значит? Начало оно людей! Что отец и мать? Основа они людей! Когда человек дошел до конца, он снова обращается к основе своей. И вот, когда он в тяготе и страде дошел до усталости крайней, нет случая, чтоб не вопил бы он к небу; иль если он болен и страждет, печален, тоскует, нет случая, чтобы не звал к себе он отца или мать. Цюй Пин шел правой стезею, путем прямоты, исчерпал всю честную душу свою и ум свой использовал весь на службе царю своему. Но клеветник разъединил обоих их, и можно говорить о том, что это было дном паденья. Ведь он был честен и заслуживал доверия, но пострадал от подозренья; служил он с преданной душой, а жертвой стал клеветника... Ну, мог ли он не возмущаться? Поэма Цюй Пина «Лисао» («Как впал я в беду») родилась, конечно, из чувства его возмущения. «Настроенья в уделах» есть книга, которая склонна к любовным мотивам, но блуда в ней нет. «Малые оды» полны возмущений, нападок, но бунта в них нет. Когда ж мы теперь говорим об одах «Впавшего в грусть» («Как впал я в беду»), то можем сказать, что в них достоинства того и другого соединились.

В глубь древности входит он, нам говоря о Ди Ку, спускаясь к нам, говорит он о циском Хуане. А в промежутке между ними он повествует нам о Тане и об У, чтоб обличить дела своей эпохи. Он выяснил нам всю ширь, высоту пути бесконечного дао, стезю безупречного дэ, статьи и подробности мира, порядка и благоустройства, а также той смуты, которая им обратна. Все это теперь нам стало понятно и ясно вполне. Его поэтический стиль отличается сжатой формой, слова его речи тонки и едва уловимы; его настроенье души отлично своей чистотою; его поведенье, поступки его безупречно честны. То, что в стихах говорит он, по форме невелико, но по значенью огромно, превыше всех мер. Им взятое в образ нам близко, но мысль, идеал далеки. Его стремления чисты: поэтому все, что он хвалит в природе,— прекрасно. В стезе своей жизни он был благочестен, и вот даже в смерти своей не позволил себе отойти от нее. Он погрязал, тонул в грязи и тине, но, как цикада, выходил из смрада грязи преображенный; освобождался, плыл, носился далеко за страною праха, за гранью всех скверност земли. Не принял тот мир с его жидкою, топкою грязью; белейше был бел, не мараясь от грязи его. И если взять его душу, соперницей сделав ее и солнца и месяца, то нет невозможного в этом.

После того как Цюй Юань был прогнан со службы, Цинь решил напасть на Ци. Ци был связан родственными узами с Чу,

и циньского князя Хоя тревожило это. Он велел своему Чжан И сделать вид, что тот покидает Цинь и идет служить уделу Чу с весьма значительными дарами и с усердием всецело преданного Чу человека. Чжан И сказал чускому князю так:

— Цинь сильно ненавидит Ци, а Ци с вашим Чу находится в родственных отношениях. Но если бы ваш Чу сумел решительно порвать с Ци, то Цинь готов предложить вам местность Шаньюй, пространством в шестьсот ли.

Чуский князь Хуай был жаден, поверил Чжан И и порвал с Ци. Отправил посла в Цинь принять землю. Чжан И лукаво сказал:

— Я, И, с вашим князем договорился о шести ли, а о шестистах ли не слыхал даже.

Чуский посол в гневе ушел, прибыл к себе в Чу и доложил об этом князю Хуаю. Князь Хуай разгневался, поднял огромную рать и пошел на Цинь. Цинь вывел свои войска, ударил и совершенно разбил чуские войска между реками Дань и Си. Отрезал восемьдесят тысяч голов. Взял в плен чуского воеводу Цюй Гая и затем отобрал у Чу всю страну при реке Хань (Ханьчжун). Тогда князь Хуай двинул все войска, что были в его уделе, и, глубоко зайдя в Цинь, ударил на врага. Сражение произошло при Ланьтянь. Удел Вэй, узнав об этом, внезапно ударил на Чу. Вэйские войска дошли до Дэн. Чуское войско пришло в страх и ушло из Цинь к себе домой, а Ци, все еще в гневе на Чу, ему не помог. Чу был в тяжелом положении. На следующий год Цинь отрезал Ханьчжун и подарил его Чу в виде мирного предложения.

Чуский князь сказал:

— Я не хочу земли, я хочу получить Чжан И. Я тогда лишь буду считать себя удовлетворенным.

Чжан И, узнав об этом, сказал так:

— За одного лишь И — и вдруг целую страну Ханьчжун! Прошу у вашего величества разрешения пойти мне самому в Чу.— И пошел в Чу. Там он снова богатыми вещами задарил временщика, придворного Цзинь Шана, а также повел хитрые и ловкие разговоры с фавориткой князя Хуая, Чжэн Сю.

Князь Хуай целиком послушался Чжэн Сю и снова отпустил Чжан И. В это время Цюй Юань как раз был отстранен и на свой пост не возвращался. Его отправили послом в Ци. Вернувшись в Чу, он обратился с укором к князю Хуаю и сказал:

— Зачем вы не убили Чжан И?

Князь Хуай раскаялся, послал погоню за Чжан И, но его уже было не догнать. Затем целый ряд князей напал на Чу и основательно его потрепал. Убили чуского воеводу Тан Мэя. В это время циньский князь Чжао вступил в брачный союз с Чу

и хотел встретиться с князем Хуаем. Князь Хуай собрался поехать. Цюй Пин сказал:

— Цинь — государство тигров и волков. Доверять ему нельзя. Вам лучше не ездить.

Младший сын князя Хуая Цзы-лань советовал ему поехать:

— К чему отказываться от радушия Цинь?

Князь Хуай кончил тем, что поехал и вступил в заставу Угуань. А Цинь устроил военную засаду и отрезал ему тыл. Затем задержал князя Хуая и требовал выделить ему землю. Князь Хуай рассердился и не хотел слушать. Бежал в Чжао. В Чжао его не приняли и вернули в Цинь, где он в конце концов умер и был отправлен на родину для похорон. Его старший сын, князь Цин Сян, занял трон. Сделал главным правителем своего младшего брата Цзы-ланя. А народ в Чу обвинял Цзы-ланя в том, что это он уговорил князя Хуая отправиться в Цинь, откуда тот и не вернулся. Цюй Пин его ненавидел давно. И, находясь в изгнании, он с любовью думал о своем Чу и всем сердцем был привязан к князю Хуаю и не забывал о своем намерении вернуться ко двору. Он все еще рассчитывал, что, на его счастье, поймет его хоть раз владыка-царь, изменится хоть раз и пошлый мир. И вот о том, как он живет одним своим лишь государем и процветанием своей страны и как он хотел бы все это и так и этак доказать,— об этом он в одной песне своей три раза доводит до нас. В конце концов никакой к этому возможности не оказалось, и вернуться ему не удалось. Итак, он в этом видел, что князь Хуай так-таки его и не понял. Среди правителей, какие бы они ни были,—иль глупые, иль мудрые, достойные, дурные,— такого не сыскать, который себе не хотел бы найти преданных сердцем слуг, достойных выдвиженья лиц, чтобы те ему помогали. Однако мы видим теряющих царства и рушащих дом. Один за другим проходят они перед нами; меж тем сверхмудрец и властитель людей, который бы царствами правил,— проходят века один за другим, а такого не видит никто. «Что же это значит?» — я спрошу. А вот что: тот, кого преданным князю считают, не преданный он человек; и тот, кого все считают достойным, отнюдь не бывает таким.

Князь Хуай не умел отличить, где преданный был слуга. Поэтому он у себя во дворце поддался внушеньям своей Чжэн Сю, затем он, с другой стороны, был обманут пришедшим Чжан И. Он отстранил от себя Цюй Пина и доверился высшему чину, вельможе и правителю Цзы-ланю. Войско с позором погибло, и землю ему окорнали. Потерял целых шесть областей и сам умер в Цинь, на чужбине, посмешищем став для всей страны. Вот где беда произошла от недопонимания людей! В «Переменах» читаем: «Колодец прозрачен, а он не пьет,— и это на сердце моем лежит

огорченьем. Но можно ту воду черпнуть! Коль светел наш царь, и он и другие получат от неба каждый свою благостыню». Ведь если нет света в уме государя, то разве достоит ему благостыня?

Главный правитель Цзы-лань, услышав, что так говорят, пришел в ярость и предоставил верховному вельможе очернить и умалить Цюй Юаня перед князем Цин Сяном. Цин Сян разгневался и выгнал его. Цюй Юань пришел к берегу Цзяна, с распущенными в беспорядке волосами, гулял и горестно пел на берегу затона. Лицо его было страдальчески изможденное, весь иссох он, скелет скелетом. Отец-рыбак увидел его и спросил:

— Ты не тот ли сановник, что заведовал здесь тремя родовыми княжескими уделами? Почему это ты вдруг дошел до такой жизни?

Цюй Юань отвечал:

— Весь мир стал грязен и мутен, а я в нем один лишь чист. Все люди толпы опьянели, а я средь них трезв один. Вот почему я и прогнан.

Отец-рыбак говорил:

— Скажу тебе, что совершенный человек — он не грязнится и не портится от прочих. А между тем умеет он со всею жизнью вместе быть, идти туда или сюда. Если весь мир стал грязен и мутен, то почему ты не поплыл вслед за течением его и не вознесся на его волне? Если все люди толпы опьянели, почему бы не дожрать ту барду, что осталась, не допить ту гущу вина? Зачем, на груди лелея топаз, в руке зажимая опал, себя отдавать в жертву изгнанию?

Сказал Цюй Юань:

— Я слышал такое: «Тот, кто только что вымыл себе лицо, непременно отщелкает шапку от пыли; а тот, кто купался в воде, сейчас же он платье свое отряхнет. А кто же еще из людей сумеет, оставшись весь чистеньким чист, терпеть от других липкую, жидкую грязь?» Уж лучше, пожалуй, направиться мне к идущему вечно потоку, себя схоронить в животах там, в Цзяне, живущих рыб. И как бы я мог, с белизною сверкающей, чистой, позволить себе замараться грязью мирской?

И сочинил он поэму «В тоске по речному песку»[1]. Затем он засунул за пазуху камень и бросился в воды Мило, где и умер. После смерти Цюй Юаня в Чу жили Сун Юй, Тан Лэ, Цзин Ча и другие последователи его. Все они были увлеченные поэты и особенно прославились своими одами. Но все они имеют своим родоначальником свободно изливающийся стиль Цюй Юаня. Никто

---

[1] В «Исторических записках» Сыма Цяня после этих слов следует текст поэмы Цюй Юаня.

из них уже не рисковал открыто князю возражать. После Цюй Юаня Чу часть за частью все больше терял свою территорию, пока через несколько десятков лет не был окончательно Цинем уничтожен. Через сто с чем-то лет после гибели Цюй Юаня в реке Мило при Хань жил ученый Цзя. Он служил в Чанша главным наставником у тамошнего князя. Он побывал на реке Сян и бросил в нее свою рукопись, в которой оплакал Цюй Юаня»[1].

Здесь граф великий астролог сказал бы так: «Я читал поэмы «Лисао» — «Как впал я в грусть», «Мои к небу вопросы», «Зову к себе душу» и «Плачу по Ину». И грустно мне стало за душу его. Я ходил и в Чанша, проходил там, где он, Цюй Юань, покончил с собою в пучине воды. Ни на минуту не прекращал я лить слезы по нем, представлял себе, что я вижу, какой это был человек. Когда ж говорю я о Цзя, ученом, который оплакал его, не могу я понять, отчего б Цюй Юаню, с его гениальной душой, не заехать к другому удельному князю и с ним бы дружить? Какой бы удел не принял его? Не пойму, чтобы надо себя ему было до этих вещей доводить! Я читал и поэму Цзя И о сове. Но равнять жизнь со смертью, как он, несерьезно смотреть на принятие мира вещей или их отверженье — его вопиющая прямо ошибка!»

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ЯНЬСКИЙ НАСЛЕДНИК ДАНЬ

Дань, наследник царства Янь, жил заложником в Цинь. При встречах с ним циньский князь не оказывал ему должного почтения; недовольный Дань мечтал воротиться на родину. Князь и слышать об этом не хотел и однажды, глумясь над ним, сказал:

— Когда у ворона побелеет голова, а у лошади вырастут рога, отпущу тебя.

Тогда Дань со стенаньем поднял лицо к небу. И вот уже побелела голова у черного ворона, и выросли рога у коня. И циньскому князю пришлось отпустить Даня. Однако он учинил некую хитрость с мостом в надежде, что тот попадет в ловушку. Но мост не обрушился, Дань прошел по нему. Ночью достиг он пограничной заставы. Ворота были еще закрыты. Тогда он крикнул петухом, и все петухи окрест разом ответили ему. Так Дань исполнил свое желание и бежал домой.

[1] В «Исторических записках» Сыма Цяня далее следует текст поэмы Цзя И.

Дань был глубоко обижен циньским князем и мечтал о мести. Он начал сзывать к себе храбрейших воинов, суля им многие блага и достойное обращение, и не было ни одного, кто бы не пришел к нему.

Затем Дань написал письмо своему учителю Цюй У: «Дань недостоин своих предков. Рожден в захолустном царстве, вырос в бесплодных землях. Оттого никогда в своей жизни не лицезрел он мужа высокого долга, не внимал его драгоценным советам, оттого не постиг он Пути, коим надлежит следовать. Однако он попытается стройно изъяснить ничтожные мысли и счастлив надеяться, что учитель остановит взор на них.

Дань слыхал, что, снеся оскорбление, жить в унижении — позор для достойного мужа, равно как, повстречав насильника, потерять девство — бесчестие для девицы. Потому думаю, что тот, кто готов перерезать себе горло, не будет колебаться, равно как тот, кого захотят сварить в котле-треножнике, не побежит в страхе. Быть может, они находят усладу в смерти и позабывают о жизни? Нет, просто в глубине сердца хранят они верность своим помыслам. Ныне циньский князь восстает на установления Неба, он поступает со всяким, как тигр или волк. В обхождении с Данем он не оказывал ему почтения, считая, что он теперь как высший среди князей. Воспоминанье о нем болью пронзает Даня до мозга костей.

Если и взять в расчет весь народ, населяющий Янь, то и тогда Янь не одолеет Цинь. Долгие годы уйдут на войну, и все равно впустую, ибо ясно — сил не хватит. Уповаю на одно — созвать наиотважнейших мужей Поднебесной, собрать великих воинов, какие ни есть среди Четырех морей. Разорю страну, опустошу казну — лишь бы достойно принять храбрецов. Дорогие богатства и сладкие речи продам я Цинь, и Цинь, позарившись на подачки мои, мне поверит. А там уж дело — за одним мечом. Он — замена войску, в котором сто раз по десять тысяч воинов. Меч разом избавит от позора, что лежал бы на роде Даня десять тысяч поколений. Ну, а если не выйдет, как задумано, пусть живой Дань спрячет свой лик от Неба. Пусть в неутоленной досаде уйдет он, мертвый, к Девяти истокам. И уж тогда любой князек засмеется, указуя пальцем на Даня. Кто останется жив, кто будет мертв во владениях моих, что к северу от реки Ишуй, не знаю. Но тогда и ты, достойный муж, не избегнешь позора. С почтением направляю тебе письмо и надеюсь, что ты со всей зрелостью мысли обдумаешь написанное».

Наставник Цюй У в ответ написал: «Ваш подданный слыхал: кто быстр в решениях, несет убыток, кто поддается соблазнам сердца — губит натуру. Ныне, когда князь желает избавиться от

позора, что томит его, и тем избыть давнюю печаль, долг настоящего подданного, как говорится, «обратить тело в прах и разбить череп вдребезги», а не уклоняться от правого дела. Ваш слуга мыслит так: мудрый, когда хочет добиться признания заслуг, не полагается на удачу, а ясный умом не станет, дабы утешиться любой ценой, потакать прихоти сердца. Потому прежде заверши дело, а уж затем можешь возвыситься, потому успокой прежде себя, а уж затем действуй. Вот тогда, принимаясь за дело, уже не совершишь промаха, отчего потеряешь и положение, а отправляясь в путь, уже не будешь сокрушаться, что споткнулся. Принц ценит мужество храбреца и уповает на силу меча. Но дело, от коего принц ожидает успеха, я считаю до конца не продуманным. Ваш подданный предлагает войти в союз с Чу, объединиться силами с Чжао, вовлечь в сговор также царства Хань и Вэй и только после пойти на Цинь. Только так можно разбить Цинь. Добавлю: Хань и Вэй с царством Цинь по видимости друзья, но недруги по сути. Поднимем войско, и Чу откликнется, а вслед присоединятся Хань и Вэй. Сила такого союза очевидна. Последует наследник совету, избудет свое бесчестие, ну, а я, ничтожный, избавлюсь от забот. Обдумайте мое предложение».

Прочтя письмо, наследник остался недоволен. Тогда он призвал наставника Цюй У, чтобы тот изъяснил свои мысли. Наставник сказал:

— Ваш подданный полагает, что если наследник последует его совету, то земли к северу от реки Ишуй более не будут бояться, что Цинь их захватит. А удельные князья — соседи непременно станут домогаться нашей поддержки.

Наследник ответил:

— Но ведь томительно потянутся бесконечные дни. А сердце не может ждать.

Цюй У возразил:

— Ваш подданный хорошо продумал свой план. Когда дело идет о Цинь, то уж тут, как говорится, лучше помедлить, чем поспешить, лучше сидеть, нежели бежать. Хотя минуют и луны и года, прежде чем войдете вы в союз с Чу и Чжао, привлечете к себе Хань и Вэй, но дело в конце концов завершится успехом. Подданный считает, что план его можно исполнить на деле.

Наследник лег на ложе, он приготовился ко сну, не желая более слушать наставника. Тогда Цюй У сказал принцу:

— Подданный, как видно, не угодил принцу. Но он знаком с Тянь Гуаном, он человек глубокого ума и полон замыслов. Хотел бы я привести его к вам.

На что наследник ответил:

— Согласен.

Когда Тянь Гуан пришел к наследнику, тот стоял подле ступеней трона. Дань вышел встретить гостя. Приветствуя Гуана, он совершил двойной поклон. После того как оба уселись, Дань обратился к нему со следующей речью:

— Вижу, что наставник не счел царство Янь землей варваров, а Даня — недостойным потомком своих предков, когда Дань послал за ним, прося снизойти до нашего захолустья. Впрочем, ведь это и правда, ибо царство Янь расположено в глуши, на северных границах, так что вполне можно сравнить его с краем южных дикарей. Учитель не почел за стыд приехать, и вот Дань готов прислуживать ему и стоять подле него справа или слева. Гляжу на ваш нефритовый лик,— добавил он,— и мнится мне, то явился к нам дух-предок, дабы защитить царство Янь. Прошу вас снизойти до нас и претерпеть нашу скудость.

Тянь Гуан ответил ему таким словом:

— С тех пор, как волосы связал пучком и утвердился плотью, и по сей день я, как ваш ученик, с завистью взирал на высокие поступки принца и славил его доброе имя. Каким наставлением ныне вы удостоите меня?

Тогда Дань опустился на колени и пополз к Тянь Гуану. Слезы ручьями текли по его лицу. Он сказал:

— Прежде Дань был заложником у Цинь, и циньский князь при встрече с ним не оказывал ему должного почтения. День и ночь сердце Даня жжет мысль о мести. Если считать подданных, то в Цинь их больше, если мерить силу, то Янь слабее. Хотел бы я сказать: заключим союз и призовем соседей, да не могу, мешает месть, терзающая сердце. Из-за нее, вкушая пищу, не замечаю, где сижу, из-за нее верчусь на циновке ночами. Пусть даже Янь и Цинь погибнут однажды вместе, но и тогда мой холодный пепел вспыхнет огнем, а белые кости оживут! Надеюсь, учитель предложит мне план действий.

Тянь Гуан испросил отсрочки, сказав:

— Дело это государственной важности, прошу дать мне время подумать.

Князь велел поселить наставника в верхних покоях. Он сам трижды на дню подносил ему еду и то и дело справлялся о здоровье.

Прошло три месяца. Наследник был удивлен тем, что учитель хранит молчание. Он решил сам обратиться к Гуану. Удалив слуг, он сказал ему:

— Учитель пришел ко мне и тем самым явил свое сострадание. Я надеялся, что он одарит меня удачным планом. Но вот уже три месяца, как я нахожусь возле вас, весь обратясь в слух. Так неужто у господина наставника не возник никакой замысел?

Тянь Гуан ответил:

— Если бы вы и не напомнили мне, все равно—время приспело, и я готов высказаться. Ваш подданный слыхал, что быстроногий скакун, когда он молод, легко покроет и тысячу ли, а одряхлев, и малого пути не пройдет. Когда наследник прознал обо мне, я уже состарился. Предложи я ему некий удачный замысел, в одиночку он его все равно не исполнит. Хотел я набраться сил и сам взяться за дело и не могу. Я наблюдал тайком за вашими гостями. Среди них нет человека, способного на дело. Вот Ся Фу, у него кровь храбреца, но в гневе лик его красен. Или Сун И, у него жилы храбреца, но в гневе он ликом темен. Далее, возьмем У Яна, у него кости храбреца, но в гневе он ликом бел. Про одного лишь Цзин Кэ Гуан скажет: вот муж, обладающий духом храбреца, ибо лик его в гневе невозмутим. Познанья Цзин Кэ обширны, память верна, телом он могуч, костью крепок; не стесняя себя соблюденьем приличия в малом, он жаждет отличиться в большом. Еще в бытность свою в царстве Вэй он спас жизнь не одному десятку великих мужей. Остальные ваши гости — все заурядны, их нечего и называть, вот и выходит, что дело, задуманное наследником, без Цзин Кэ не совершить.

Наследник опустился на циновку, отдал наставнику двойной поклон и сказал:

— Уверен, что если последовать вашему мудрому совету и завязать дружбу с Цзин Кэ, жертвоприношения духам земли и неба в царстве Янь не прервутся вовеки. И это будет только ваша заслуга, наставник.

Тянь Гуан тотчас собрался в обратный путь. Наследник самолично провожал его, а при прощании, взяв руку Гуана в свою, сказал так:

— Это государственное дело. Прошу вас не разглашать тайну.

На что Гуан улыбнулся и ответил:

— Хорошо.

По возвращении Гуан сразу же повидал Цзин Кэ. Он сказал ему:

— Гуан, который не рассчитывает более на себя и отныне не достоин своих предков, рассказал о вас наследнику. Наследник царства Янь — муж редкостной добродетели. Он сердцем склоняется к вам, и я хотел бы, чтобы вы доверились ему.

Цзин Кэ ответил:

— Устремления мои вот каковы: для того, кто мне по душе, и бренного тела не пощажу, а для того, с кем мыслю розно, и волоска не выдерну. Ныне вы удостоили меня просьбой стать другом наследника. Почтительнейше принимаю предложение.

Услыхав о его согласии, Тянь Гуан сказал далее:

— Говорят, что истинный муж не вызывает в других сомнений. Но Гуану стыдно жить под подозрением. — И тут, оборотясь к Цзин Кэ лицом, он заглотил язык и умер. Цзин Кэ тотчас отправился в царство Янь.

Когда Цзин Кэ прибыл в Янь, его с почетом усадили в колесницу, правил которой принц.

Принц предложил ему почетное место слева от себя, и Кэ, взявшись за веревочные поручни колесницы, поднялся в экипаж, не соблюдая дальнейшего чина.

Цзин Кэ спокойно сидел в зале, пока все рассаживались по своим местам. Затем он заговорил, и речь его была такова:

— Тянь Гуан превозносил мне человеколюбие и добросердечие наследника, он говорил также, что Дань наделен редкими в мире добродетелями, что высокие деяния его угодны Небу. Поистине слухом о вашей славе полнится земля. Потому Кэ покинул столицу Вэй и, взглянув на яньскую дорогу, не испугался опасности пути, не почел дальность за трудность. Сегодня наследник радушно приветствовал меня, как встречают, по обычаю, старого друга, притом он оказал мне почести, какие воздают по обряду впервые прибывшему гостю. Я принял это как должное, не чинясь, ибо достойный муж полагается на тех, кто разделяет его устремления.

Наследник осведомился у него:

— Не поразил ли какой недуг учителя Тяня?

Цзин Кэ ответил:

— Пред тем как послать Цзин Кэ в Янь, он сказал, что вы просили его не разглашать государеву тайну, выказав тем свое недоверие, а это позор для достойного мужа. Потому в моем присутствии он, заглотив язык, умер.

Наследник был испуган, он посерел в лице, а затем, всхлипывая и рыдая, залился слезами:

— Так ведь Дань хотел только предостеречь учителя. Разве мог он усомниться в нем? А ныне, когда наставник покончил с собой, Даню остается одно — самому покинуть сей мир.

Наследник долго потом пребывал в беспамятстве, был сумрачен и темен.

Однажды наследник устроил пир, на который пригласил и Цзин Кэ. Когда все изрядно охмелели, Дань поднялся, чтобы самолично поднести ему чашу. Тогда храбрейший муж по имени Ся Фу выступил вперед и обратился к Цзин Кэ с таким словом:

— Известно, что с тем, кто не обрел доброй славы на родине, нечего толковать о высоких деяниях, равно как, не зная об умении коня мчать колесницу, нельзя судить, хорош он или же

плох. Вот я и спрашиваю: какую службу может исполнять у нашего принца Цзин Кэ, ныне издалека прибывший к нам? — Так Ся Фу хотел исподтишка задеть Цзин Кэ.

Тот ответил:

— Мужа редкостных в мире достоинств не всегда годится равнять с жителями его родной деревни. Коня, по всем статьям равного тысячеверстому скакуну, не следует впрягать в колесницу. Так, в древности Люй-ван, покуда резал скот и удил рыбу, был презреннейшим человеком в Поднебесной. Лишь повстречав Вэнь-вана, он сделался наставником в царстве Чжоу. Жеребец быстроногий, когда возит соль,— бездарнейшая кляча. Но заметь его конюший Бо Лэ, и он обернется тысячеверстым скакуном. Вряд ли это справедливо — судить о доблести мужа по славе, какую стяжал он у себя в деревне, столь же неверно судить о достоинствах коня по тому, возил ли он прежде колесницу.

Тогда Ся Фу опять спросил гостя, как тот намеревается служить принцу. И Цзин Кэ поведал им о своих упованиях. Он сказал:

— Хочу, чтобы царство Янь пошло по стопам князя Чжао Гуна, хочу, чтобы усластились плоды дикой яблони, под сенью которой каждый некогда совершенствовался в добронравии. Заветное мое желание, чтобы вместе с тремя князьями древности называли и четвертого мудрого князя, чтобы шестой властитель прибавился к прославленным пяти. Как вы находите мои помыслы? — спросил он присутствующих.

И все стали восхвалять таланты Цзин Кэ. И пока не кончился пир, никто не смел его задеть. Наследник же был счастлив, радуясь, что теперь, когда ему служит такой человек, как Цзин Кэ, ему более не посмеет наносить обиды царство Цинь.

Два дня спустя наследник вместе с Цзин Кэ прогуливался по Восточному дворцу. Подойдя к пруду, они залюбовались прекрасным видом. Цзин Кэ подобрал осколок черепицы и бросил в жабу. Наследник тотчас приказал слуге поднести Цзин Кэ блюдо, полное золота, и Цзин Кэ принялся кидать в лягушек золотыми слитками заместо черепицы. Когда они кончились, ему поднесли еще одно блюдо. Но Цзин Кэ оставил развлечение, пояснив наследнику поступок свой так:

— Я перестал кидать не оттого, что опасаюсь, будто вам жаль своего золота, а просто рука устала.

Затем оба воссели в колесницу, запряженную тысячеверстым скакуном, и отправились на прогулку. Цзин Кэ сказал:

— У этого скакуна, как я слышал, на диво вкусная печень.

Принц тотчас велел заколоть коня и поднести его печень Цзин Кэ.

Некоторое время спустя полководец Фань из Цинь совершил проступок, и циньский князь его повсюду разыскивал. Фань предпочел искать убежища у наследника Даня. Наследник в его честь устроил пир в башне Хуаян. Посреди общего веселья принц велел позвать некую красавицу, которая славилась игрою на цитре. Цзин Кэ похвалил ее:

— Какая искусница!

Наследник тотчас предложил ему ее в подарок. Тот возразил:

— Но мне нравятся только ее руки.

Тогда принц отрубил у красавицы руки и, положив их на яшмовое блюдо, почтительнейше поднес Цзин Кэ.

Принц обычно вкушал пищу с Цзин Кэ за одним столом и спал с ним на одном ложе.

Как-то несколько дней спустя Цзин Кэ словно бы невзначай сказал принцу:

— Вот уж три года, как Цзин Кэ находится подле вас. Все это время принц был ко мне милостив: дал золота, чтобы кидать в лягушек, потчевал печенью тысячеверстого скакуна, не пожалел даже искусных рук своей наложницы и поднес их на яшмовом блюде. Когда простой человек встречается с подобною щедростью, достоинства его от радости умножаются, на целый, как говорится, аршин и еще на вершок, и он уж готов преданно служить господину, словно бы конь или пес. Находясь ныне подле принца, Цзин Кэ нередко слышит рассказы о примерной верности павших героев. Но вот выходит, что смерть одного из них — весомей горы Тайшань, а смерть иного — легче лебяжьего пуха. Спрашивается, ради чего они гибли. Быть может, наследник осчастливит меня разъяснением?

В знак почтительного внимания к Цзин Кэ, державшему речь, Дань оправил полу своего платья и с ликом задумчивым и важным сказал ему:

— Некогда Дань жил при Циньском дворе, и тамошний князь не соблюдал при встречах с ним положенных обрядов. Даню стыдно жить с ним на одном свете. Цзин Кэ же не почитает Даня недостойным, он одарил своим присутствием малое наше владение. Дань хотел бы вверить Цзин Кэ алтарь духов-покровителей царства, однако не знает, что он ответит на это.

Цзин Кэ ответил:

— Сейчас в Поднебесной нет царства сильнее, чем Цинь. Вы не настолько сильны, чтобы вас уважали и боялись правители соседних царств, кроме того, они и не согласятся служить делу наследника. Даже если Дань поведет против Цинь всех своих подданных, это будет все равно, что послать стадо баранов на волка или как если бы стая волков кинулась в погоню за тигром.

Наследник в ответ сказал:

— Поистине много уж лет меня снедает эта забота, но и по сию пору не знаю, что придумать.

Тогда Цзин Кэ предложил:

— Фань Юй-ци виноват перед Цинь, и циньский князь желает поимки Фаня. Циньский же князь с вожделеньем взирает на дуканские земли. Будь у нас голова Фань Юй-ци, а к ней — чертеж дуканских земель, задуманное претворится.

Наследник сказал:

— Если дело наше закончится успешно, готов подарить вам царство Янь целиком. Это лишь усладило бы мое сердце. Но полководец Фань бежал ко мне от беды, и выдачи его не стерпит сердце Даня.

Цзин Кэ в ответ промолчал.

С той поры минуло пять лун, и наследник уже стал побаиваться, как бы Цзин Кэ не изменил своему намерению. Однажды он сказал ему:

— Царство Цинь разгромило Чжао, циньские воины подошли к границам Янь; я встревожен. Я готов поступить по-вашему, не знаю только, с чего начать. Быть может, сперва мы пошлем на это дело У Яна?

Цзин Кэ разгневался:

— Зачем же мальчишку-сопляка посылать туда, откуда нет возврата? Цзин Кэ потому лишь бездействует, что ждет благоприятного случая.

Вскоре Цзин Кэ тайно пришел к Фань Юй-ци и сказал ему:

— Я слышал, что полководец совершил перед Цинь проступок, и семью его — отца, мать, жену и детей,— всех сожгли на костре. За вашу поимку обещана награда — город в сотни сотен дворов, да в придачу тысяча цзиней золота. Я скорблю о вашей участи, полководец. Но у меня есть и слово к вам. Я вопрошаю: «Готовы ли вы искупить свой позор, а заодно избавить от стыда царство Янь?»

Фань ответил:

— Мысли мои о том же. День и ночь я глотаю слезы, но я не знаю, на что решиться. Если господин Цзин Кэ одарит меня наставлением, с покорностью его выслушаю.

Тогда Цзин Кэ сказал:

— Мне нужна ваша голова, чтобы вместе с чертежом дуканских земель поднести ее Цинь. Циньский князь будет рад такому подарку, а обрадовавшись, непременно пожелает увидеть Цзин Кэ. Тогда Цзин Кэ левой рукою ухватится за княжеский рукав, чтоб правой поразить его в грудь кинжалом. Цзин Кэ исчислит ему все его вины перед царством Янь. Он исполнит и вашу месть, пол-

ководец. Тогда-то все увидят холм мести, который, словно бы снег, обелит царство Янь и от которого развеется гнев, отягчающий ваше сердце.

Фань поднялся. Он сжал запястья, выражая тем свою решимость. Затем выхватил меч и сказал Цзин Кэ:

— Приказ ваш и есть то, о чем мечтал я и днем и ночью.

В единый миг Фань перерезал себе горло. Голова его повисла, откинувшись назад, глаза так и не успели закрыться.

Дань, узнав об этом, вскочил в колесницу и, сам правя лошадьми, примчался к месту смерти. Он упал на труп Фаня и громко заплакал. Печаль его была неутолима.

Некоторое время спустя, приняв в рассуждение, что ничего уже изменить невозможно, принц велел поместить голову Фань Юй-ци в ларец и поднести ее царству Цинь вместе с чертежом дуканских земель. Цзин Кэ повез их, сопровождаемый У Яном.

Цзин Кэ отправился в Цинь, не дожидаясь счастливого дня. Принц и избранные его друзья в скромных холщовых одеждах и простых шапках проводили его до самой реки Ишуй. Здесь Цзин Кэ остановился, чтобы поднять чашу за долголетие принца, а потом запел:

Ветер суров, вода в Ишуй холодна.
Храбрец уйдет и не вернется вовек...

Гао Цзянь-ли подыгрывал ему на тринадцатиструнной цитре, а Сун И вторил ей в лад. Когда звуки цитры были мужественны, то волосы у них вставали от гнева, вздымая шапки. Когда цитра печалилась, храбрецы проливали слезы.

Вот двое поднялись на колесницу и уж более ни разу не оглянулись назад. Когда они проезжали мимо провожавших, Ся Фу перерезал себе горло, напутствуя тем самым храбрецов.

Цзин Кэ и У Ян проезжали через селенье Янди. Цзин Кэ решил купить там мяса. Он вступил в спор с мясником, сколько весу в куске. Мясник оскорбил Цзин Кэ. Тогда У Ян замахнулся было на мясника, но Цзин Кэ остановил его руку.

Они явились в Цинь с запада и прибыли в столицу Сяньян. Когда они вошли во дворец, некий придворный по имени Мэн доложил о них:

— Яньский наследник Дань, убоявшись могущества великого князя, подносит вам голову Фань Юй-ци и чертеж земель области Дукан и обещает стать вашим вассалом на северных границах.

Циньский князь сильно обрадовался. В сопровождении множества сановников и нескольких сотен стражников, вооруженных рогатыми копьями, он вышел к яньским послам. Цзин Кэ почти-

тельно держал в руках голову Фань Юй-ци, У Ян — чертеж. Когда согласно зазвучали барабаны и колокола, толпа сановников провозгласила: «Десять тысяч лет великому князю!» — У Яна одолел страх, ноги его застыли на месте, а лицо стало пепельно-серым, как у покойника. Циньский князь удивился. Тогда Цзин Кэ обратил на У Яна пристальный взор, выступил вперед и попросил о прощении:

— Мы, подлые люди, выходцы из северных дикарей и южных племен — мань, никогда прежде не видели Сына Неба. Уповаю на снисхождение вашего величества: великий князь дозволит нам завершить начатую церемонию.

Циньский князь приказал Цзин Кэ:

— Возьми чертеж и подойди к нам поближе.

И вот князь стал разворачивать чертеж, а когда развернул — увидел кончик короткого меча. Тогда Цзин Кэ левой рукою ухватил князя за рукав его платья, а мечом в правой изготовился ударить его в грудь. Но прежде чем убить князя, он стал исчислять его вины:

— Много дней прошло с тех пор, как ты провинился перед Янь; теперь ты жаждешь совершить насилие над всеми землями, какие ни есть среди Четырех морей, и не ведаешь ты в жажде своей ни удержу, ни меры. Фань Юй-ци был невиновен перед тобой, но ты истребил весь его род. Ныне Цзин Кэ намерен покарать тебя, дабы отомстить за всю Поднебесную. У яньского князя больна мать, и это заставляет Кэ торопиться. Если удастся, захвачу тебя живым, если нет — убью!

Циньский князь ответил:

— Вижу, что надлежит мне следовать вашей воле. Молю лишь об одном: дайте послушать мне цитру, и я умру.

Позвали наложницу государя. Та прикоснулась к струнам, и цитра запела:

Платья легкотканого рукав
Можно потянуть и оборвать;
Ширму высотою в восемь чи
Можно перепрыгнуть и бежать;
Меч, что за спиною прикреплен,
Можно быстро вынуть из ножон[1].

Цзин Кэ не понял цитры. Князь же внял цитре и выхватил меч из ножен. Затем он решительно вырвал свой рукав, перепрыгнул через ширму и побежал. Цзин Кэ метнул в князя кинжалом. Но кинжал угодил в бронзовую колонну, поранив лишь князю ухо. Из колонны во все стороны посыпались искры. Тут

---

[1] Перевод Г. Ярославцева.

Изображение мудреца Лао-цзы по рисунку художника У Дао-цзы (VIII в.).
Эстампаж со средневековой стелы в одном из храмов г. Сучжоу.

княаь внезапно обернулся и единым взмахом меча отсек Цзин Кэ обе руки. Цзин Кэ прислонился к колонне и аахохотал. Затем опустился на корточки. Он был похож на совок для мусора. Цзин Кэ сказал в сердцах:

— Так я и не предусмотрел всего, позволил мальчишке себя провести. И аа Янь не отомстил, и замысел свой не исполнил.

ЛИН СЮАНЬ

ЧАСТНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЧЖАО — ЛЕТЯЩЕЙ ЛАСТОЧКИ

Государыня Чжао, по прозванию Летящая Ласточка, была дочерью Фэн Вань-цзиня и внучкою Фэн Да-ли. Дед ее ведал изготовлением музыкальных инструментов. Он служил при дворе князя в Цзянду и исправлял при нем должность настройщика. Сын его Вань-цзинь не пожелал наследовать семейное занятие и упражнялся в сочинении муаыки, а именно — скорбных плачей по покойнику. Печальные песнопения, которые он сочинял по долгу службы, сам он называл «Муаыкой, услаждающей сердце». И всякого, кто их слышал, они трогали до глубины сердца.

В свое время внучка старого князя в Цзянду, владетельная госпожа Гусу, была выдана аа одного чжунвэя по имени Чжао Мань родом из Цзянсу. Этот Мань до того возлюбил Вань-цзиня, что, если не ел с ним из одной посуды, не насыщался. Вань-цзинь благодаря случаю вступил в связь с госпожой Чжао, после чего та забеременела.

Мань от природы был ревнив и вспыльчив. У него рано объявился некий недуг, почему он к жене своей не приближался.

Госпожа Чжао в страхе перед супругом будто бы из-за болезни переехала во дворец старого князя. Здесь она разрешилась от бремени двойней. Девочку, которая появилась на свет первой, назвали И-чжу, вторую нарекли Хэ-дэ. Вскоре их отослали жить к Вань-цзиню, а дабы скрыть обстоятельства рождения, дали им фамилию Чжао.

Еще в нежном возрасте И-чжу отличалась умом и сообразительностью. В семье Вань-цзиня хранилось сочинение старца Пэн-цзу о различении пульсов, и по этой книге она овладела искусством управлять дыханием. Повзрослев, стала она осанкою изящна, в поступи легка, поднимет ножку, опустит — будто вспорхнет, за что и прозвали ее Фэй-янь, Летящей Ласточкой.

Хэ-дэ телом была гладка, словно бы умащена притираниями, потому после купания кожа ее никогда не бывала влажной. К тому же Хэ-дэ владела искусством пения, голос ее был приятен для слуха, лился медленно и нежно. Сестры были несравненными красавицами.

По смерти Вань-цзиня семья его разорилась. Фэй-янь с младшей сестрой вынуждены были перебраться в Чанъань, где их знали в то время как дочерей Чжао или побочных детей Маня. Сестры поселились в том же переулке, где жил Чжао Линь, начальник над стражей во дворце госпожи Ян-э. Надеясь на его покровительство, сестры не однажды подносили ему в дар свои узорные вышивки. Он всякий раз смущался донельзя, но подношения принимал. Вскоре сестры переехали в дом Линя и были приняты там, словно дочери. Родная дочь Линя служила в ту пору во дворце. Но из-за болезни должна была воротиться домой и недолго спустя умерла. Фэй-янь и прежде приходилось подменять ее во дворце госпожи Ян-э, но после ее смерти она и сестра стали служить там постоянно.

Еще в бытность свою служанками сестры начали постигать все тонкости искусства пения и танцев, украдкой подражая танцовщицам и певицам. Они могли слушать пение целыми днями, иногда же увлекались им настолько, что позабывали о еде. К тому времени они узнали крайнюю нужду и в деньгах и в платье, так как почти все сбережения тратили на пустяки вроде притираний, ароматов для купаний и пудры, покупая их безо всякой оглядки на цену. Все служанки в доме Ян-э считали их с придурью.

Между тем Фэй-янь свела знакомство с соседом, императорским ловчим. Фэй-янь была бедна, у нее с Хэ-дэ на двоих было одно-единственное одеяло. Как-то снежной ночью Фэй-янь ждала этого ловчего подле дома. Он увидел, что она стоит на улице, однако не дрожит от холода, сохраняя телесное тепло посредством задержки дыхания. Он пришел в изумленье и с тех пор почитал ее за небожительницу. В скором времени благодаря влиянию своей госпожи Фэй-янь попала в императорский дворец, и император тотчас призвал ее. Ее тетка Фань-и, дама-распорядительница высочайшей опочивальни, знала, что Фэй-янь имела дело с императорским ловчим. Вот почему при этом известии у нее похолодело сердце.

Когда прибыл государь, чтобы почтить Фэй-янь благосклонным вниманием, Фэй-янь охватило смятение. Крепко закрыв руками глаза, она плакала, и слезы стекали у нее даже с подбородка. От страха она не вышла навстречу императору. Три ночи продержал он ее в своих объятиях, но так и не смог с нею сблизиться. Однако у него и в мыслях не было корить ее.

Когда дворцовые дамы, ранее бывавшие в милости, спросили о ней государя, тот ответствовал:

— Она столь роскошна, будто в ней всего в избытке, до того мягка, словно бы без костей. Она то медлительна, то робка, то как бы отдаляется от тебя, то приближается вновь. К тому же Фэй-янь — человек долга и благопристойности. Да что там, разве идет она в сравнение с вами, которые водят дружбу со слугами и лебезят пред ними?

В конце концов государь разделил с Фэй-янь ложе, и киноварь увлажнила циновки. После этого Фань-и завела как-то с Фэй-янь беседу с глазу на глаз:

— Так что же? Выходит, ловчий и не приближался к тебе?

Фэй-янь ответила:

— Три дня я провела в высочайшем покое, отчего плоть моя налилась и набухла. Будучи телом грузен и могуч, государь нанес мне глубокую рану.

С того дня государь особо выделял Фэй-янь своей благосклонностью, а все вокруг стали именовать ее не иначе как государыней Чжао.

Однажды государь, пребывая в укромных покоях, что подле залы Уточек-Неразлучниц, изволил просматривать списки наложниц. Фань-и подробно доложила ему о состоянии дел и, кстати, обронила слово о том, что у Фэй-янь есть еще и младшая сестра по имени Хэ-дэ, равно прекрасная лицом и телом, к тому же по природе своей благонравная.

— Поверьте,— добавила Фань-и,— она ни в чем не уступит государыне.

Государь незамедлительно приказал придворному по имени Люй Янь-фу взять нефритовую пластину с изображением ста сокровищ и перьев феникса и ехать за Хэ-дэ. Однако же Хэ-дэ предложение отклонила, сказав:

— Без приглашения моей драгоценной сестры не смею следовать за вами. Уж лучше отрубите мне голову и отнесите ее во дворец.

Янь-фу воротился и в точности доложил обо всем государю. Тогда Фань-и, якобы для государевых нужд, взяла принадлежавшее Фэй-янь покрывало для жертвенных приношений с собственноручной ее разноцветной вышивкой и отправила Хэ-дэ как подтверждение воли государыни. Хэ-дэ заново омылась, надушилась ароматом алоэ из Цзюцю и убрала себя так: закрутила волосы в узел «на новый лад», тонко подвела брови черною тушью в стиле «очертания дальних гор», и, добавив к лицу красную мушку, завершила свой убор, каковой именовался юнлай — «небрежное прикосновение». У нее не было достойных одежд, она надела про-

стой наряд — платье с короткими рукавами и юбкой с вышивкою,— дополнила его носками с узором в виде слив.

Государь повелел навесить для нее полог в зале Облачного Блеска и послал Фань-и ввести Хэ-дэ в залу. Но Хэ-дэ сказала:

— Моя драгоценная сестрица злонравна и ревнива, ей не трудно будет свести на нет благодеяние государя. Я же готова принять позор, мне не жаль жизни. Лучше умереть, чем идти без наставления сестрицы.— Опустив глаза, Хэ-дэ переступала с ножки на ножку и не в силах была следовать за Фань-и. Речь ее звучала ясно и отчетливо. И все, кто были подле нее, разом шумно изъявили свое одобрение. Государь повелел отослать Хэ-дэ.

В то время при дворе находилась некая Нао Фан-чэн, которая еще при государе Сюань-ди слыла знатоком ароматов. Ныне, уже поседевшая, она исправляла должность наставницы государевых наложниц. Как-то однажды, стоя позади государя, Нао Фан-чэн сплюнула и сказала:

— Быть потопу. Как вода заливает огонь, так эти девки доведут нас до беды.

Строя разные сметы, как бы ему заполучить Хэ-дэ, государь принял замысел Фань-и: он отдалил от себя императрицу, приказав поставить для нее покои под названием Юаньтяогуань. Он пожаловал ее богатой утварью, пологом, расшитым пурпурными и зелеными облаками, узорным нефритовым столиком и девятиярусным ларцом червонного золота с изображением гор по краю крышки.

Фань-и, в свой черед, обратилась к ней как-то со словами порицания:

— Ведь у нашего государя нет наследников. Как можно, пребывая во дворце, не думать о продолжении государева рода? Не пора ли просить государя, чтобы он приблизил к себе наложницу, которая родила бы ему сына.

Фэй-янь благосклонно согласилась, и той же ночью Хэ-дэ отведена была к государю.

Император преисполнился восторга. Он прильнул к Хэ-дэ, и ни в одной линии тела ее не нашел каких-либо несовершенств. Он прозвал ее Вэньжоусян, что значит «Обитель тепла и неги». По прошествии некоторого времени он признался Фань-и:

— Я стар годами и в этой обители хотел бы и умереть. Ибо с сих пор мне не нужно, подобно государю У-ди, искать страну Белых Облаков.

Фань-и воскликнула:

— Да пусть государь живет десять тысяч лет! — И она поздравила его, сказав:— Воистину, ваше величество, вы обрели бессмертную фею.

Государь тотчас пожаловал Фань-и двадцать четыре штуки парчи, затканной золотой чешуей.

Хэ-дэ же без остатка завладела сердцем императора. Вскоре ей была дарована степень первой дамы.

Хэ-дэ обычно прислуживала сестре-императрице, воздавая ей почести, какие полагались старшей в роде. Однажды, когда сестры сидели рядом, государыня, сплюнув, случайно попала на накидку Хэ-дэ.

— Поглядите, сестрица, как вы изукрасили мой фиолетовый рукав. Получилось, словно бы узоры на камне. Да прикажи я смотрителю за придворным платьем, даже и он вряд ли исполнил бы подобный рисунок. Здесь вполне подошло бы название «Платье с узором на камне и при широких рукавах».

Государыня, будучи удалена в Юаньтяогуань, свела короткое знакомство со многими офицерами из личной своей охраны и даже с дворцовыми рабами. Правда, сходилась она с одними только многодетными отцами. Хэ-дэ жалела ее и старалась ее всячески поддержать. Она часто говорила государю:

— Моя старшая сестра от природы нелегкого нрава. Боюсь, как бы люди не оговорили ее и не навлекли беды. У государыни нет потомства, скорбь терзает ее, и она часто плачет.

Вот почему государь предавал казни всех, кто говорил, что государыня впала в разврат. А тем временем начальники над стражею и дворцовые рабы безпрепонно щеголяли в штанах диковинных расцветок, их платья благоухали ароматами, короче, они творили постыдные дела, найдя приют в покоях государыни. И никто не смел даже заикнуться об этом. Однако детей у государыни по-прежнему не было.

Государыня обычно омывалась водой, в которую добавляли пять эссенций и семь ароматов. Восседая на табурете из дерева алоэ, она омывалась, погружаясь в неземные запахи ста трав. Ее сестра Хэ-дэ чуждалась добавочных ухищрений: она купалась в воде, настоянной только на одном лишь водяном перце, и пудрилась одной только цветочной пудрой, приготовленной из ста росистых бутонов. Однажды государь признался Фань-и:

— Хотя императрица и умащается редкостными притираниями, однако что за сравнение с природным запахом тела Хэ-дэ.

При дворце жила прежняя наложница цзяндуского князя И некая Ли Ян-хуа. Она приходилась племяннидею жене Да-ли, деда государыни. Состарившись, она возвратилась в семью Фэнов. Государыня и ее младшая сестра почитали ее словно мать. Ли Ян-хуа была отменным знатоком по части туалета и украшений и нередко пользовала своими советами государыню. К примеру, советовала ей омываться настоем на листьях алоэ с горы Цзюхуэй

и для поддержания тела испробовать пилюли, содержащие густой отвар из пупка кабарги-самца. Хэ-дэ также их принимала, а нужно заметить, что если часто пользоваться этим снадобьем, то действие его таково, что женщина становится как бы беременна, поскольку месячные ее очищения с каждым разом скудеют. Государыня сказала об этом дворцовому лекарю Шангуань У, и тот ответил:

— Коль скоро снадобье оказывает подобное действие, то как же вы сможете зачать?

И по его совету Фэй-янь стала отваривать цветы мэй и омываться этой водой, но и это средство не помогало.

Как-то однажды племена инородцев чжэньшу поднесли в дар государю раковину возрастом едва ли не в десять тысяч лет, а также жемчужину, светящую в ночи. Сияние ее поспорило бы с лунным светом. В лучах жемчужины все женщины, будь они безобразны или хороши собой, оказывались невиданными красавицами. Государь подарил раковину государыне Фэй-янь, а жемчужиной пожаловал Хэ-дэ. Государыня украсила раковиной свой полог, пятикратно золоченный наподобие лучей заходящего солнца. Под пологом все заблистало, словно бы там взошла полная луна.

Через некоторое время государь сказал Хэ-дэ:

— При свете дня государыня вовсе не так прекрасна, как ночью. Каждое утро приносит мне разочарование.

Тогда Хэ-дэ решила подарить государыне в день рождения нарочно для ее изголовья жемчужину, светящую в ночи, однако до времени таилась и от нее и от государя. В день же, когда государыню пожаловали новым высоким титулом, Хэ-дэ составила поздравление, в котором писала: «В сей знаменательный день, когда небо и земля являют меж собою дивное согласие, драгоценная старшая сестра достигла наивысшего счастья, в сиятельном блеске воссев на яшмовый трон. Отныне предки наши ублаготворены, что проницает меня радостью и довольством. А посему в знак поздравления почтительнейше подношу нижепоименованные двадцать шесть предметов:

Циновка, стеганная золотыми блестками.

Чаша из ароматного дерева алоэ в виде завязи лотоса.

Большой пятицветный узел — воплощение полного единения.

Штука золотой парчи с рисунком уточек-неразлучниц.

Ширма хрустальная.

Жемчужина к изголовью государыни, светящая в ночи.

Покрывало для жертвенных приношений из шерсти черной дикой кошки, пропитанное ароматами.

Статуэтка из дерева сандала и с рисунком наподобие тигриных полос.

Серая амбра, оттиснутая в виде рыб, два куска.

Драгоценный цветок лотоса, качающий головкой.

Зеркало в виде цветка водяного ореха о семи лепестках.

Четыре перстня чистого золота.

Темно-красное платье дань из прозрачного шелка сяо.

Три покрывала из узорного крепа вэнь-ло ручной работы.

Коробочка с маслом, от коей волосы сияют и блещут на все семь сторон света.

Шитое пурпурными и золотыми нитями одеяло и тюфяк, к ним же курильница ароматов, всего три предмета.

Палочки для еды из носорожьей кости, отвращающие яд, две.

Ящичек лазоревой яшмы для притираний.

Всего двадцать шесть предметов, кои подношу Вам через служанку мою Го Юй-цюн».

В ответ государыня Фэй-янь подарила ей пятицветный полог из облачной парчи и чайник из яшмы с душистою влагой алоэ. Хэ-дэ залилась слезами, пожаловалась государю:

— Не будь это подарок государыни, ни за что не приняла бы его.

Государь благосклонно внял ее словам. Вскоре последовал указ о том, что государь на три года отбывает в Инчжоу, а для Хэ-дэ оплачен казною заказ на парчовый полог о семи рядов с рисунком дерева алоэ.

Хэ-дэ встретила императора на озере Тайи, где к тому времени построили огромную лодку, способную вместить всю дворцовую челядь числом в тысячу человек. Лодка эта стала именоваться «Дворец соединéния». Посреди озера вздымался павильон «Страна бессмертных Инчжоу», словно бы гора высотою в сорок чи.

Как-то раз государь и Фэй-янь, будучи в павильоне, любовались открывшимся видом. На государе была рубашка шань, без единого шва, из тонкого шелка и с узором в виде набегающих волн. Государыня была в наряде, присланном в дар из Южного Юэ: в пурпурной юбке с узором в виде облаков и цветов и платье из тонкого полотна сяо, напоминавшего цветом драгоценную красную яшму с лазоревым отливом.

Фэй-янь танцевала и пела на мотив «Издалека несется нам ветер навстречу». В лад ее пению государь отбивал меру, ударяя по яшмовой чаше заколкою для волос из резной носорожьей кости, меж тем как Фэн У-фан, любимец государыни, по его повелению подыгрывал Фэй-янь на шэне. Неожиданно посреди песен и хмельного веселья поднялся сильный ветер. Словно бы вторя ветру, государыня запела громче. У-фан, в свой черед, заиграл еще

затейливей, и звуки шэна полились легко и нежно. Музыка и голос отвечали друг другу согласием. Вдруг ветер приподнял юбку государыни, бедра ее обнажились, она закричала:

— Смотрите на меня!Смотрите!— И, взмахнув развевающимися по ветру рукавами, взмолилась: — О небесная фея! Отринь от меня старость, возврати мне юность! Не оставь своею заботой!

Государь, видя, что ветер вот-вот подхватит ее, попросил У-фана:

— Подержи государыню вместо меня.

Отбросив шэн, У-фан поймал государыню за ножку. Ветер вскоре стих. Фэй-янь залилась слезами:

— Государь был столь милостив, что не дал мне уйти в обитель фей.— Грустная, она принялась высвистывать изящную мелодию, потом вдруг зарыдала, и слезы многими струями потекли по ее щекам.

Государь устыдился и пожалел Фэй-янь. Он одарил У-фана слитками серебра, по весу и доброте равными тысяче монет, притом дозволил ему входить в покои государыни. Через несколько дней дворцовые красавицы обрядились особым образом, уложив свои юбки наподобие струй, и назвали этот наряд «юбка, за которую удержали фею».

Хэ-дэ пользовалась все большею благосклонностью государя. Ей был пожалован следующий титул чжаои, что значит «Сияющая благонравием». Поскольку пожелала она находиться вблизи сестры, государь выстроил Шаопиньгуань — «Павильон младшей наложницы» и несколько парадных зал, как-то: зала Росистых Цветов, зала Где Задерживается Ветер, зала Длинного Благоденствия и зала Обретаемого Спокойствия. За ними располагались купальни: комната с теплой водой, комната с чаном для льда, а также особенный покой, где устроен был водоем с плавающими орхидеями. Комнаты соединялись меж собой открытою галереей. Изнутри помещение было вызолочено и изукрашено круглыми пластинами из белого нефрита с четырехугольным отверстием посредине — стены дивно переливались на тысячу ладов. Строения эти соединялись с Дальними покоями государыни через ворота, которые именовались «Вход к небесным феям».

Хотя Фэй-янь по-прежнему пользовалась благосклонностью государя, она все более думала о распутстве: рассылая повсюду людей на поиски знахарей, в надежде получить от них снадобья, способные отвратить старость.

Как раз в то время от юго-западных инородцев — бэйпо привезли дань. Их посол мог приготовить некое яство, отведав которого человек бодрствовал целый день и целую ночь. Начальник над иноземным приказом доложил государю о его наружности,

присовокупив, что от посла исходит удивительное сияние. Государыня Фэй-янь, прослышав о нем, стала расспрашивать, что он за кудесник и каким искусством владеет. Иноземец ответил:

— Мое искусство в том заключается, что я могу покорить небо и землю, изъяснить законы жизни и смерти, уравновесить бытие и небытие, так что в моих руках все десять тысяч превращений замрут в едином обличье.

Государыня тотчас позвала помощницу Фань-и по имени Бу-чжоу и передала ей «для иноземца тысячу золотых». Однако же иноземец сказал:

— Тот, кто стремится постичь мое искусство, не должен предаваться блуду и сквернословию.

Государыня, конечно, не пожелала оставить свои привычные занятия. По прошествии нескольких дней Фань-и прислуживала при купании государыни. Голоса их речей были громки. Государыня поведала Фань-и свой разговор с иноземцем. Та, хлопнув в ладоши, сказала:

— В бытность мою на службе в Цзянду тетушка Ли Ян-хуа держала на озере уток. Но, к несчастью, выдра повадилась их жрать. Однажды старуха Нэй из Чжули поймала выдру и, поднеся ее Ли Ян-хуа, сказала ей так: «Говорят, что выдра ничего не ест, кроме уток, значит, ее надо кормить утятиной». Услышав это, тетушка Ли разгневалась и повесила выдру. Искусство иноземца напоминает мне тот случай.

Государыня громко рассмеялась и сказала ей:

— Ах вонючий дикарь! Да разве под силу ему очернить меня и добиться, чтобы меня повесили?

Ко времени, о котором ведется речь, государыня благоволила полюбить некоего дворцового раба из рода Янь по прозванию Красный Феникс. Он обладал отменною силой и проворством, легко перелезал через стены, ловко проникал в опочивальни. Хэ-дэ также принимала его на своем ложе. Однажды, когда государыня вышла из своих покоев, чтобы зазвать его к себе, то увидела, что Янь выходит из «Павильона младшей наложницы». Как велит старый обычай, каждый год на пятый день десятой луны всем двором отправлялись в храм Успокоения Души — Линъаньмяо. Весь день окрест храма звучали окарины, били барабаны. Все танцевали, взявшись за руки и притопывая ногами. Когда Красный Феникс вступил в круг, чтобы музыкой своей сопровождать пение, государыня спросила сестру:

— Ради кого он пришел?

Хэ-дэ ответила:

— Красный Феникс пришел ради моей драгоценной сестрицы. Разве может он прийти ради кого-нибудь еще?

Государыня страшно разгневалась и, взяв чашку с вином, швырнула в Хэ-дэ, залив ей юбку. Сказала при этом:

— Разве может мышь укусить человека?

На это Хэ-дэ ответила так:

— Чье платье носишь, того исподнее и видишь. Только и всего. Никого я не хочу укусить!

Хэ-дэ с давних пор держалась с сестрою, как то полагается простой наложнице перед государыней. И на этот раз государыня не ожидала услышать какого-либо резкого слова. Вот почему она оторопела и лишь безмолвно уставилась на сестру. Тогда Фань-и сбросила головной убор, грохнулась оземь и принялась биться головой так, что хлынула кровь. Затем, взяв Хэ-дэ за локти, она заставила ее поклониться государыне Фэй-янь. Хэ-дэ совершила поклон и заплакала:

— Неужто вы, сестрица, забыли, как в долгие ночи мы укрывались одним одеялом? Как не смыкали глаз, терпя нужду и холод? Как вы просили вашу сестру Хэ-дэ прижаться к спине вашей и согреть ее? А ныне? Ныне вы вознеслись высоко и знатностью превосходите других. Никто не смеет поднять на вас руку. Так неужто мы будем ссориться друг с другом попусту?

Государыня зарыдала. Она взяла Хэ-дэ за руку, вынула свою заколку из фиолетовой яшмы с изображением девяти птенцов феникса и воткнула ее в прическу сестры. Так все закончилось.

История эта слегка коснулась до государева слуха, и он стал расспрашивать, в чем дело. Но в страхе перед гневом государыни никто не проронил ни слова. Тогда он спросил Хэ-дэ. Она ответила ему так:

— Государыня возревновала меня к вам. Знаки Ханьской династии — огонь и добродетель, потому вы, государь, и есть Красный Феникс и Красный Дракон.

Государь поверил этому объяснению и остался им чрезвычайно польщен.

Однажды, отправившись спозаранку на охоту, государь попал в снегопад и занемог. С тех пор он ослабел потайным местом и более не был могуч, как прежде. Обычно, лаская Хэ-дэ, он держал ее за ножку. Но с некоторых пор государь был уже не в силах вызвать в себе страсть. Когда же внезапно он распалялся желанием, Хэ-дэ обыкновенно поворачивалась к нему спиной, так что он не мог более держать ее ножку в руках. Фань-и сказала как-то Хэ-дэ:

— Государь принимает всякие снадобья, чтобы побороть бессилие, но ни одно ему не помогает. Только держа в руках вашу ножку, он может одолеть свой недуг. Небо даровало вам большое

счастье. Почему же вы поворачиваетесь к нему спиною и лишаете его побед?

Хэ-дэ ответила:

— Лишь поворачиваясь к нему спиной и не давая ему ублаготворения, я поддерживаю в государе влечение. Если я буду поступать, как моя сестра,— ибо это она научила государя держать ее за ножку,— я быстро ему наскучу. Разве можно одним и тем же средством дважды добиться успеха?

Государыня Фэй-янь была надменна и мнила о себе высоко. Каждый раз, лишь слегка захворав, она отказывалась от еды и питья. Государю самому приходилось кормить ее с ложки и держать ее палочки. Когда же лекарство было горьким, она принимала его не иначе, как из собственных уст государя.

Хэ-дэ имела обыкновение ночью омываться в бассейне орхидей. В блеске ее тела меркло пламя свечей. Государю нравилось смотреть на нее, прячась за занавескою. Однажды, заметив его, слуги доложили Хэ-дэ. Тогда Хэ-дэ прикрылась полотенцем и велела унести свечи. На другой раз государь посулил слугам золото, если они промолчат. Но ближняя служанка Хэ-дэ не пожелала войти в этот сговор. Она стала за занавеску, ожидая появления государя. Не успел он войти, как она тотчас сказала о том Хэ-дэ. Хэ-дэ поспешила скрыться. С тех пор, отправляясь за занавеску в купальню с плавающими орхидеями, государь прятал в рукаве побольше золота, чтобы одаривать встречных слуг и служанок. Он останавливал их, хватал за одежду и оделял при этом каждого. Жадные до государева золота, слуги сновали взад и вперед непрестанно. Только одному ночному караулу государь раздал сто с лишним слитков.

Вскоре государь занемог и вконец ослабел. Главный лекарь прибег ко всем возможным средствам, но облегчения не было. Бросились на поиски чудодейственного зелья. Как-то добыли пилюли *шэньсюйцзяо* — «камедь, придающая силу». Пользование ими требовало осторожности. Лекарство передали Хэ-дэ. Во время свиданий с государем Хэ-дэ давала ему по одной пилюле, действия которой как раз хватало на единое поднятие духа. Но как-то ночью, сильно захмелев, она поднесла ему разом семь штук. После чего государь всю ночь пребывал в объятиях Хэ-дэ за ее девятислойным пологом; он смеялся и хихикал без перерыву. На рассвете государь поднялся, чтобы облачиться в одежды, однако жизненная влага все текла из потайного места. Через несколько мгновений государь упал ничком на увлажненные одежды. Хэ-дэ бросилась к нему, посмотрела: избыточное семя било ключом, увлажняя и пачкая одеяло. В сей же миг государь опочил.

Когда придворные доложили о случившемся государыне Фэйянь, она приказала выяснить все обстоятельства высочайшей кончины у Хэ-дэ. Узнав об этом, Хэ-дэ сказала:

— Я смотрела за государем, как за малым ребенком, а он отвечал мне любовью, которая способна повергать царства. Возможно ли, чтоб я смиренно предстала перед главным управителем внутренних покоев и препиралась с ним о делах, что происходили за спальным пологом.— Затем, нескончаемо ударяя себя в грудь, она горестно воскликнула: — Куда ушли вы, мой государь? — Кровь хлынула у нее горлом, и она скончалась.

ЧЖАО Е

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДЕВИЦЫ ИЗ У ПО ПРОЗВАНИЮ ПУРПУРНЫЙ НЕФРИТ

Младшая дочь Фу-ча, правителя царства У, прозывалась Цзы-юй, что значит «Пурпурный Нефрит». В свои восемнадцать лет она равно блистала талантами и красотой. Некий юноша по имени Хань Чжун, который, кстати, был почти одного возраста с Цзы-юй, обучался даосским искусствам. Юноша ей приглянулся, и они, тайно обменявшись посланиями, расспросили друг друга о чувствах, так что в конце концов решили пожениться. Чжун проходил науки в дальнем крае, где-то меж границами княжества Ци и Лу. Но прежде чем отправиться в путь, он пришел к родителям девушки с просьбою отдать ему Цзы-юй в жены. Князь разгневался и отказал юноше. От скорби Цзы-юй прервала в себе дыхание жизни и умерла. Гроб с ее телом похоронили за воротами Чанмынь.

Минуло три года, и Чжун возвратился. Тотчас он приступил к своим родителям с расспросами. Те поведали ему, как все было:

— Князь впал в неистовый гнев. Цзы-юй прервала дыхание и скончалась. Она давно погребена.

Услышав это известие, Чжун зарыдал в голос. Обливаясь слезами и стеная, он в плаче выразил скорбь. После чего принес к могиле Цзы-юй жертвенное мясо и бумажные деньги, чтобы как должно оплакать покойную. Тогда душа Юй поднялась из могилы. При виде Чжуна она залилась слезами и стала рассказывать:

— Едва вы уехали, отец с матерью посватали меня за княжеского советника и понуждали за него выйти, они хотели, чтобы

я преодолела свое великое желание соединиться с вами. Не думала я, что после разлуки меня постигнет такая судьба. Увы! Что оставалось мне делать? — Затем, повернув голову влево, она запела:

На южном склоне гор жила ворона,
На северном — ворону ждал силок.
Душа вороны высоко взлетела,
И вот силок, как прежде, одинок...
Я следовала мысленно за вами,
Но выслушала много бранных слов.
Недуг явился мне, как плод печали,
Под желтой глиной обрела я кров.
Досаду изливать теперь не стану,
Что проку в том? Судьбы не изменить!..

Среди пернатых только фэнхуану
Назначено бессмертной птицей быть.
Но потеряет самка-феникс друга —
Тоска три года застит бедной свет.
Вокруг нее летают птицы стаей,
А пары ей, печальнице, все нет.
Вам, господин, пришедший в блеске славы,
Явить решилась я ничтожный лик.
Плоть далека моя, а сердце рядом:
Оно вас не забыло ни на миг [1].

Когда закончила Цзы-юй песню, она всхлипнула и вновь залилась слезами. Затем стала просить, чтоб Чжун сопроводил ее в могилу. На просьбу ее Чжун ответил так:

— Пути живых и мертвых не схожи. Боюсь совершить проступок и потому не осмеливаюсь выполнить ваше повеление.

Тогда Цзы-юй сказала ему:

— Мне ведомо все различие путей живых и мертвых. Но нынче мы расстаемся навеки. Вы, господин, как видно, боитесь, что, ставши по смерти бесплотным духом, я навлеку на вас несчастье? Единственное, чего хочу я, это искренне услужить господину.

Чжун был тронут ее словами. Он проводил Цзы-юй в могилу. По приходе они пригубили вина. Чжун пробыл у Цзы-юй три дня и три ночи. Они сполна совершили все обряды, как то положено между мужем и женой, а когда Чжуну пришло время уходить, Цзы-юй преподнесла ему ясную жемчужину в вершок шириною и сказала при этом:

— Имя мое поругано, желания не свершились. Что мне остается? Участь моя — вечная печаль и сокрушение. А случится вам быть в родительском доме, скажите от меня поклон отцу моему великому князю.

---

[1] Перевод Г. Ярославцева.

Чжун поспешил к отцу Цзы-юй, желая рассказать ему обо всем происшедшем. Но князь в страшном гневе бросил Чжуну такие слова:

— Моя дочь умерла. А ты, Чжун, плетешь небылицы, чтобы опозорить усопшую душу. Не иначе как сам ты раскопал могилу, похитил сокровище, а теперь винишь в этом теней и духов. Эй, слуги, хватайте его!

Чжун еле вырвался от них. Тогда он снова пошел к могиле Цзы-юй и все рассказал ей. Цзы-юй ответила ему:

— Не печалься. Я сама пойду к князю.

В тот самый миг, когда Цзы-юй явилась ему, князь наряжался и убирал волосы. Увидев ее, он изумился и испугался, на лице его выступали то горе, то радость. Он спросил дочь:

— Отчего, скажи, ты вновь стала живой?

Цзы-юй опустилась пред ним на колени и ответила:

— Вы помните, что юноша по имени Хань Чжун приходил к вам и просил отдать меня ему в жены. Но великий князь не согласился. Сейчас имя мое поругано, телом я мертва, долг мой перед родителями не выполнен. Чжун, возвратясь из дальнего края, узнал, что я умерла. Потому он совершил обряд поминовения и сжег жертвенные деньги. Придя к могиле, он слезами и жалобным словом выразил свою скорбь. Тронутая бесконечной его добротой, Цзы-юй явилась к нему, так как хотела свидеться с ним. Потом оставила на память ему эту жемчужину. Поверьте, он не раскапывал могилы. Лелею надежду, что вы не обвините его в воровстве.

Услыхав голос дочери, из своих покоев вышла супруга князя, чтобы обнять ее. Но Цзы-юй стаяла, будто дым.

ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И СОСТАВЛЕНИЕ
П. ГРИНЦЕРА

ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Литературы Древнего Востока, отделенные от нашего времени десятками столетий, дошли до нас двумя принципиально отличными путями. Одни литературы, замкнутые в своем существовании рамками древнего мира, стали известны в основном благодаря счастливым находкам и археологическим открытиям. Другие, чье развитие так или иначе было продолжено в последующие века, сохранились в русле собственной, далеко не исчерпанной периодом древности культурной традиции. Естественно, что литературы первого рода (такие, как египетская, шумеро-аккадская, хеттская, угаритская) знакомы нам по большей части в случайных извлечениях и фрагментах. Однако как раз случайности знакомства с ними мы во многом и обязаны тем, что предстают они перед нами в живой динамике роста и разнообразии типов текстов. Памятники других литератур, напротив, были сознательно и планомерно отобраны, объединены в обширные своды,— обычно религиозного характера,— тщательно отредактированы составителями сводов. У нас есть все основания полагать, что отобранными оказались наиболее значительные и совершенные произведения; но поскольку при этом они подверглись целенаправленной обработке, требуется известного рода умозрительная реконструкция и немалая доля исследовательского воображения, чтобы правильно оценить их в первоначально присущих им функциях и облике. Именно к таким древним литературам, наряду с китайской, иранской и еврейской, принадлежит литература индийская.

Подавляющее большинство памятников индийской литературы древности (условно: до первых веков нашей эры) вошло в четыре грандиозных литературных комплекса: ведийский, буддийский, джайнский и эпический[1]. Индийской традицией каждый из этих комплексов и формально и по существу рассматривается как строго единый, всецело связанный с тем или иным рели-

[1] Поскольку отрывки из древнеиндийских эпических поэм «Махабхараты» и «Рамаяны» составят отдельный том «Библиотеки всемирной литературы», а тексты священного канона религиозной секты джайнов узкопрагматичны по содержанию и имеют относительно малую художественную ценность, и те и другие не включены в настоящий раздел. В дальнейшем поэтому мы будем говорить в основном о двух из четырех названных литературных комплексов — ведийском и буддийском.

гиозным движением внутри индийского общества I тыс. до н. э. Но в то же время очевидно, что все они состоят из множества независимо друг от друга сложившихся текстов, сочетают в себе гетерогенные и противоречивые элементы, нередко поэтому радикально переосмысленные. Ведийский, буддийский, эпический и даже джайнский комплексы и по масштабам своим, и по разнообразию памятников являются своего рода «литературами в литературе», и, как любая иная литература, они претерпели по ходу своего создания долгую эволюцию, имеют сложную историю и предысторию.

Одна из важнейших страниц этой предыстории открылась для нас сравнительно недавно. За последние пятьдесят лет на обширной территории бассейна реки Инда и прилегающих к нему районов была обнаружена городская цивилизация, которую археологи и историки относят к III—II тыс. до н. э. Эта цивилизация, названная цивилизацией Долины Инда или Хараппы, по имени одного из главных ее центров, нисколько не уступала современным ей передовым культурам Египта и Месопотамии. Ее отличали высокоразвитые экономика, архитектура, изобразительное искусство; обладала она, несомненно, и литературой, причем не только устной, но, возможно, и письменной, так как археологические раскопки познакомили нас с многочисленными образцами хараппской письменности, до сих пор, правда, окончательно еще не дешифрованной.

Новейшие разыскания установили между цивилизацией Хараппы и последующей, так называемой арийской, цивилизацией Индии приблизительно ту же преемственность, что существовала между цивилизациями Шумера и Вавилона или микенской и гомеровской Греции. Преемственность эту можно проследить в самых разных областях культуры, в том числе и в литературе. В индуистском пантеоне очевидны хараппские истоки таких божеств, как Адити, Притхиви, Шива; многие фольклорные и литературные мотивы (например, буддийских джатак и «Панчатантры») обнаруживают явные параллели с изображениями на хараппских печатях-амулетах; из далекого доарийского прошлого проникли в индийские религии и эпические сказания центральные фигуры Рамы и Кришны. Через хараппскую цивилизацию, находившуюся в тесных, а быть может, и генетически обусловленных связях с цивилизацией шумерской, индийская литература усвоила некоторые месопотамские сюжеты, среди которых нельзя не отметить всемирно известную легенду о потопе, засвидетельствованную и в эпосе, и в ведийских брахманах.

Открытие хараппской культуры заново поставило также вопрос об отношениях разных по языку древних индийских литератур. Поскольку первые дошедшие до нас памятники на тамильском (дравидском) языке датируются приблизительно с III в. н. э., само понятие «древнеиндийская литература» ранее прилагалось только к текстам, составленным на языках индоарийских: санскрите и его диалектах, пракритах, пали. При этом казались не заслуживающими доверия указания тамильских источников, что за ними стоит литературная традиция, уходящая в глубь I, II и даже III тыс. до н. э. Теперь, когда большинство специалистов склонно видеть в языке хараппских надписей

язык протодравидский, эти указания неожиданно обрели под собой реальную почву, и приходится считаться с наличием в древнеиндийской культуре и литературе обширного и существенно важного дравидского субстрата.

Если, реконструируя культурный вклад цивилизации Долины Инда, мы вправе говорить лишь о предыстории древнеиндийской литературы, то собственно ее история начинается с прихода в Индию (около XIV—XIII вв. до н. э.) индоарийских племен, которые до этого составляли территориальную, а отчасти и этническую общность с племенами древнеиранскими. Со своей прародины индоарии принесли верования, принадлежащие их индоиранскому прошлому, сказавшемуся на удивительной иногда близости древнейших индийских и иранских текстов. Одновременно они усвоили многое из наследия доарийского населения Индии, а также выработали новые представления и обычаи, отвечавшие потребностям изменившихся условий их жизни. И весь этот сложный синтез принесенных извне, автохтонных и заново созданных традиций и был тем культурным фоном, на котором появились первые произведения древнеиндийской литературы — веды.

Слово «веда» означает «знание», точнее — высшее духовное знание, и памятники вед рассматриваются приверженцами индуистской религии как вечно существующее и непреходящее божественное откровение. Эта культовая функция ведийской литературы не мешает ей, как мы уже говорили, быть собранием текстов самого разного происхождения, назначения и облика. В состав вед входят сочинения в стихах и прозе, гимны богам и фольклорные песни, героические легенды и житейские притчи, дидактические наставления и философские комментарии. Соответственно ведийские памятники делятся на несколько разрядов. К первому разряду ведийской литературы относятся четыре сборника *(самхиты)* гимнов, заговоров и жертвенных заклинаний; ко второму — *брахманы*, теологические трактаты в прозе, к третьему — *араньяки* и *упанишады*, философские поучения и диалоги.

По отношению к самхитам, брахманам, араньякам и упанишадам индийская традиция употребляет термин *шрути* (букв.: «услышанное»). Термин этот по смыслу соответствует понятию «священное писание» у христиан, однако в то же время он как бы призван подчеркнуть, что в своем ритуальном качестве ведийские тексты никогда не записывались и не читались, но сначала были «услышаны» от бога их творцами, святыми мудрецами-риши, а затем «выслушивались» от жрецов на религиозных церемониях и от учителя его учениками. В свою очередь к текстам категории шрути примыкают памятники четвертого (и уже не «божественного», а «земного») разряда ведийской литературы — *веданги* (букв.: «части вед»), которые излагают необходимые для правильного понимания этой литературы шесть вспомогательных дисциплин: ритуал, фонетику, грамматику, этимологию, метрику и астрономию.

Обилие и разнообразие ведийских памятников уже само по себе подсказывает, что в диахронической перспективе ведийская литература прошла много ступеней развития. И действительно, время создания вед охватывает целую эпоху: от конца II до середины I тыс. до н. э. При этом древнейшая

ведийская самхита «Ригведа» сложилась, по-видимому, к 1000 г. до н. э., оформление других самхит, «Самаведы», «Яджурведы» и «Атхарваведы», приходится на IX—VII вв.до н. в, а конечная редакция брахмвн и ранних упанишад состоялась в VIII — VI вв. до н. э. (некоторые упанишады и ведвнги относятся даже к более позднему периоду — IV—III вв. до н. в.). Отделенные друг от друга столетиями, памятники вед, естественно, отражают различные уровни социально-политических отношений (от первобытно-общинного до сословно-кастового строя), рвзличные уровни художественного осмысления действительности. И тем не менее в рамках ведийского канона, в его основной функции целостного религиозно-культового комплекса, эти памятники воспринимаются индийской традицией, да в какой-то мере и современным европейским читателем, как единая и взаимосвязвнная системв текстов.

Гимны четырех ведийских самхит формально предназначены для четырех главных жрецов ведийского ритуала и непосредственно входят в его состав, освящая и интерпретируя каждое ритуальное действие. Брахманы объясняют вкзотерический аспект ритуала, происхождение, смысл и назначение отдельных ритуальных церемоний, а арвньяки и упвнишады — эзотерический его аспект, предлагвя метафизическое толкованпе ведийской догматики. Соответственно самхиты вед принято, по традиции, рассматривать как собственно веды, а брахмвны, араньяки и упанишады квк вкзегетическую («разъяснительную») литературу вед, причем каждый из рвзрядов этой литературы связвн с определенным уровнем (ритуальным, дидактическим, философским) содержания самхит.

Конечно, подобного рода синхронный, системный подход достаточно условен, ведийские памятники, взнтые порознь, вполне самостоятельны и обладают ясно выраженной спецификой. Но при этом несомненно, что любой вз них в общей структуре ведийской литературы занимает свое, особое место в приобретает функциональную нагрузку, вытекающую из особенностей этой структуры. Заметим попутно, что так же обстоит дело и в других литературах Древнего Востока: объединение гетерогенных текстов в религиозный канон типа Библии или «Авесты» ведет, как прввило, к их переосмыслению и подчинению общим вадачам каиона.

Разнородность и вместе с тем функциональное едвнство характеризуют и отдельные памятники ведийской литературы. Среди самхит вед своими художественными достоинствами и глубиной содержания выделяется «Ригведа» («Веда гимнов»), из которой, кстати говоря, заимствовзны почти весь текст «Самаведы» и иекоторые части «Яджурведы» и «Атхарваведы». Подавляющее большинство гимнов «Ригведы» — восхваления, молитвы и просьбы, обращенные к богам. Все они приввваны обеспечить просителю расположение богов и желанные для него материальные или духовные блага. Их объединяет, таким образом, общее культовое, мвгическое назначение, нивелирующее при функциональном к ним подходе их индивидуальные особенности.

Однако нельзя не ваметить, что в пределах этой культовой функции каждый из тысячп двадцати восьми гимнов «Ригведы» обнаруживает особые

качества и облик, являясь по своему происхождению иногда фольклорной песней, иногда героическим мифом или легендой (см. «Гимн Индре», прославляющий его победу над демоном Вритрой — I, 32), иногда переосмысленным фрагментом светской поэзии (например, знаменитый «Гимн игрока» — X, 34). Специалисты находят в «Ригведе» зачатки эпических, лирических и даже драматических жанров типа мистерий либо диалогов (см. гимн-диалог Агастьи и Лопамудры — I, 179). Словно в процессе ее созидания представлена в «Ригведе» вся древняя мифология — от изображения персонифицированных природных явлений (гимны богине утренней зари Ушас, богу солнца Сурье, богу ветра Вате и т. п.) до обращений к верховным правителям мира, олицетворяющим понятие космического порядка (см. «Гимн Варуне» — VII, 86), или к таким уже чисто абстрактным божествам, как Вишвакарман — строитель мира, Шраддха — вера, Манью — гнев и т. д. При этом древние слои текста, связанные с натуральным мифом, часто оказывались переработанными в духе более позднего мифа — символического. Так, бог огня Агни обычно рисуется как простое воплощение огненной стихии: он с пламенными волосами и рыжей бородой, у него множество языков и золотых зубов, он — пожиратель деревьев, подобный бушующему в лесу разъяренному быку или скаковому коню, и одновременно Агни — жрец и наставник богов, посредник между богами и людьми, абстрактный символ конечного единства трех миров: земли, воздуха и неба (см. «Гимн Агни» — VI, 12). К позднему слою текста «Ригведы», в свете которого зачастую приобретают новый, усложненный смысл ее более ранние части, принадлежат и так называемые философские гимны, трактующие вопросы происхождения бытия, сущности богов и нераздельности их природы, первопричины и цели творения (см. «Гимн всем богам» — X, 72 и «Гимн о сотворении мира» — X, 129).

Немногим уступает «Ригведе» по своей историко-культурной ценности четвертая ведийская самхита — «Атхарваведа» («Веда заклинаний»). Она считается четвертой, поскольку вошла в ведийский канон позже других самхит и долгое время не признавалась священной. Полагают, что ее редакция была закончена уже после того, как сложились три первые веды. Однако сравнительно позднее происхождение «Атхарваведы» как сборника в целом отнюдь не означает такого же позднего происхождения отдельных ее гимнов, многие среди них даже превосходят в возрасте ранние гимны «Ригведы». В значительной своей части они являются продуктом весьма архаической культуры, представляют собой фрагменты народной магической поэзии и, возможно, были заимствованы ариями из фольклора аборигенов Индии. К такого рода гимнам в «Атхарваведе» в первую очередь относятся многочисленные полные экспрессии заклинания против всяческих болезней (см. «Заговор против проказы» — I, 23), злых демонов и враждебных человеку существ, любовные заговоры (см. «Заговор — привораживание женщины» — VI, 9), мольбы о здоровье и долгой жизни (см. «Заговор на продление жизни» — V,30). Включая эти гимны в «Атхарваведу», жрецы — составители самхиты, стремились подчинить народные верования и культы потребностям

ведийской религии, ввести их, соответствующим образом приспособив и трансформировав, в ведийский ритуал. С этой же целью заклинания и заговоры в составе «Атхарваведы» были дополнены обычными обращениями к ведийским божествам, которые по вдохновенности и выразительности нередко способны выдержать сравнение с лучшими гимнами «Ригведы» (например, «Гимн силе богов» — IV, 6), а также космогоническими и философскими гимнами, отражающими еще более высокую ступень абстрагирования и усложнения ведийской религии (см. «Гимн времени» — XIX, 53).

Ко второму разряду ведийской литературы — брахманам («толкования высшей сути») принадлежат «Айтарейя-» и «Каушитаки-брахманы» «Ригведы», «Тайттирия-» и «Шатапатха-брахманы» «Яджурведы», «Джайминия-», «Шадвинша-» и «Таидьямаха-брахманы» «Самаведы», а также около десятка других сочинений, менее древних и значительных. Содержание брахман в основном ограничено толкованием ритуала, в них скрупулезно и пространно объясняются происхождение, смысл и назначение каждой детали и каждого атрибута жертвоприношения, которому брахманы приписывают силу выше силы богов и в котором они видят первопричину творения и основу жизни. Объяснения эти даются вне связи с реальной исторической почвой, они строятся, как правило, на отождествлении понятий разных уровней, магии чисел, игре слов и ложных этимологиях. И хотя в использовании этих приемов творцы брахман достигают большого искусства, в целом стиль брахман остается сухим и монотонным, лишь иногда ритмичное чередование повторов и ритуальных формул придает ему величественность и внутреннее напряжение. Поэтому с художественной точки зрения наибольший интерес вызывают вкрапленные в прозу брахман мифы, легенды и сказания. Обычно они приводятся «к случаю», иллюстрируя происхождение того или иного ритуального акта или в качестве комментария к уже не вполне ясному ведийскому тексту (см. легенды о Пуруравасе и Урваши в «Шатапатха-брахмане» и о Шунахшепе в «Айтарейя-брахмане»). Но часто даже в культовом контексте они сохраняют относительную независимость и могут рассматриваться как древнейшие, и притом весьма яркие, образцы индийской повествовательной прозы. Иногда эти сказания, восходящие в своих истоках к общеиндийскому фольклору, обнаруживают поразительное сходство со сказаниями других народов. Неоспорима, в частности, близость легенды о Пуруравасе и Урваши к римской сказке об Амуре и Психее или легенды о потопе в «Шатапатха-брахмане» к соответствующим шумерским, семитским и греческим мифам.

Уже в брахманах (особенно в мифах о сотворении мира «владыкой живых существ» Праджапати) мы сталкиваемся с попытками философских спекуляций о сущности мироздания, богов и людей. Однако специально философской экзегезе ведийской религии посвящены произведения третьего разряда ведийской литературы — упанишады (букв.: «сидение-[ученика]-подле-[учителя»], впоследствии — «сокровенное знание»). Число упанишад чрезвычайно велико (всего их свыше двухсот), но подлинно древними, непосредственно примыкающими вместе с араньяками («лесными книгами») к брахманам и заключающими

ведийскую литературу «шрути», являются десять — четырнадцать сочинений. Среди них наиболее известны «Брихадараньяка-упанишада», «Чхандогья-упанишада», «Каушитаки-упанишада», «Катха-упанишада», «Иша-упанишада» и некоторые другие, написанные частично стихами, частично прозой. Упанишады, в отличие от брахман, ставят себе целью научить не точному и неукоснительному исполнению культовых предписаний, но, переосмыслив само понятие ритуальной жертвы в жертву духовную,— глубокому постижению законов и смысла бытия. Именно в упанишадах развиты — впоследствии ставшие кардинальными для индийской религии и философии — доктрины сансары (круговорота рождений), кармы (предопределенности форм существования индивидуума его же собственными деяниями в прошлом), мокши (освобождения) и, прежде всего, учение о Брахмане и Атмане (единстве всего сущего, объекта и субъекта). Так, в одном из самых знаменитых отрывков из «Чхандогья-упанишады» (6 гл.) мудрец Уддалаки Аруни наставляет своего сына Шветакету, что объективно сущее (Брахман) нераздельно присутствует во всех явлениях живой и неживой природы и одновременно эта высшая объективная субстанция тождественна началу субъективному, индивидуальному (Атману). Сконденсированное в формуле tat tvam asi («Ты есть То»), поучение это составляет краеугольный камень философии упанишад.

Как это вообще свойственно древним религиозно-философским текстам, создатели упанишад облекали свои идеи в форму аллегории, притчи, развернутого сравнения, нашли, подобно Платону, такой специфический прием изложения абстрактных концепций, как диалог учителя и ученика. Выразительность и своеобразие стиля упанишад, преломлявшего отвлеченную мысль в конкретно-чувственные образы, содействовали распространению их учения не только в Индии, но и далеко за ее пределами. Влияние упанишад можно обнаружить в сочинениях раннехристианских мыслителей и неоплатоников, у персидских суфиев и средневековых европейских мистиков, наконец, в новой западной философии, начиная с Шопенгауэра и Эмерсона.

Упанишады в какой-то мере отражали свободную интеллектуальную реакцию на окостеневшие и уже не вполне отвечающие изменившимся социально-историческим условиям догматы ведийской религии. Однако и формально и по существу они не порывали с ними, а лишь намечали новую возможность их интерпретации. Между тем в середине I тыс. до н. э. возникают два реформаторских движения, которые, хотя и уходят своими корнями в индийскую религиозную и культурную традицию, тем не менее пытаются предложить решительно отличную от вед систему духовных ценностей. Влияние первого из этих движений — джайнизма — исторически оказалось весьма ограниченным, зато другому — буддизму — суждено было стать одной из великих мировых религий.

Основатель буддизма Гаутама Будда выступил со своими проповедями в конце VI в. до н. э. Будда сознательно уклонялся от решения абстрактных, метафизических проблем, его учение носило практический, по преимуществу этический характер. Будда стремился указать новый путь жизни, который

избавил бы человека от страдания. Этот путь он видел не в ритуале и жертвах, но и не в аскетизме, а в добродетели, самовоспитании, знании, дающих свободу от жизненных пут и привязанностей. Только такой путь, согласно учению Будды, может избавить человека от страданий сансары — бесконечной цепи существований то в одном, то в другом облике. Проповеди Будды составили, как утверждают его последователи, основу священного буддийского канона, отрывки из которого дошли до нас на многих языках (в том числе и санскрите), а полная версия—на языке пали. Палийский канон «Типитака» («Три корзины [закона]») был записан в 80 г.до н. э. на Цейлоне, но история его создания начинается много раньше, и он включает в себя тексты, складывавшиеся на протяжении многих столетий — от VI до II в. до н. э.

«Типитака» состоит из трех разделов: «Виная-питаки» («Корзины наставлений»), «Сутта-питаки» («Корзины текстов») и «Абхидхамма-питаки» («Корзины мудрость»). Каждый из разделов, в свою очередь, делится на части, а каждая часть содержит несколько книг.

В целом «Типитаку» характеризует, казалось бы, совершенно свободное смешение стилей, жанров и форм, часто в рамках не только одной части, но и одной книги имеются отрывки разного по времени и содержанию происхождения, однако все вместе они дают широкую и взаимосвязанную панораму учения раннего буддизма, последовательно излагая правила поведения и жизни в буддийской общине, буддийскую этику и дидактику.

Само собой разумеется, что тексты «Типитаки» интересны прежде всего для историка буддийской религии. Но этим их значение далеко не исчерпывается. Многие книги канона по своим чисто литературным, художественным качествам принадлежат к выдающимся произведениям и индийской и мировой литературы. В этом отношении выделяется второй раздел «Типитаки» — «Сутта-питака», которая, будучи адресованной широкому кругу слушателей, излагает буддийское учение — дхамму наименее догматически. Тексты «Сутта-питаки» написаны прозой и стихами, содержат поучительные диалоги, легенды и притчи, связанные с именами Будды или его учеников. Самой известной частью «Сутта-питаки» является ее последняя, пятая часть — «Кхуддака-никая» («Собрание коротких поучений»). В нее, наряду с другими памятниками, включены книги, которые по праву считаются шедеврами буддийской классики: «Дхаммапада» («Путь добродетели»), «Сутта-нипата» («Малое собрание текстов»), «Тхера-гатха» и «Тхери-гатха» («Строфы монахов и монахинь») и «Джатаки» («Истории былых рождений [Будды]»).

«Дхаммапада» — своего рода компендиум буддийской мудрости, в ней в виде коротких сентенций, которые традиция приписывает самому Будде, полно и просто изложены основные моральные принципы буддизма. Каждая сентенция составляет одну строфу, звучащую лаконично и афористично, но исключительно емкую по мысли. Отдельные строфы вполне самостоятельны и закончены, тем не менее они связаны едва заметными переходами, то примыкая друг к другу как тезис и антитезис, то развивая и углубляя какую-либо одну идею. Это позволило составителям «Дхаммапады» объединить группы сен-

тенций в главы и главы эти назвать либо тематически (о мудрых, о зле, о наказании, о счастье, о гневе и т. п.), либо по центральному, обычно аллегорическому, образу, связующему отдельные строфы (глава о цветах, глава о слоне). Сравнения, метафоры, аллегории «Дхаммапады» зиждутся на явлениях повседневного опыта и почерпнуты из житейских наблюдений. Каждое из них искусно, многосторонне обыгрывается и получает дополнительные окраску и смысл в контексте всего памятника в целом. Это придает образам «Дхаммапады» необычную объемность, многозначность, и, став традиционными в последующей буддийской литературе, они всегда вызывают у читателей или слушателей множество разноплановых ассоциаций.

Та же, что и в «Дхаммападе», глубина и подкупающая простота идей, находящих созвучие в эпической литературе иных народов, та же убедительность художественных средств их воплощения обусловили мировую славу другого буддийского памятника — «Сутта-нипаты». Отдельные афоризмы «Дхаммапады» в «Сутта-нипате» как бы развернуты в небольшие поэмы — сутты, иллюстрирующие какую-либо поучительную мысль или ситуацию и композиционно организованные с помощью приемов рефрена и синтаксического параллелизма. Повествовательные отрывки чередуются в «Сутта-нипате» с диалогическими (см., например, сутту о Дханийе), многие из которых, пересказывая эпизоды из жизни Будды, послужили позднее толчком к созданию эпических его жизнеописаний. Роль «Сутта-нипаты» в буддийской традиции вообще велика, поскольку, как свидетельствуют ее язык и содержание, это одна из древнейших книг канона, и этическая доктрина Будды, еще свободная от позднейших напластований, представлена в ней наиболее адекватно.

Особое место в «Типитаке» занимают два собрания коротких лирических поэм «Тхера-гатха» и «Тхери-гатха», приписываемые соответственно монахам и монахиням, ближайшим сподвижникам и ученикам Будды. Среди других книг канона они выделяются ярко выраженной эмоциональной окраской, подробными описаниями явлений природы и различных оттенков человеческих чувств. Поэтому, оставаясь взволнованной проповедью величия Будды и его учения, они в то же время предвосхищают некоторые линии развития классической индийской лирики. С лиризмом гатх связано разнообразие используемых в них поэтических приемов (аллитераций и ассонансов, тропов, игры слов, рефренов, повторов), обилие всевозможных намеков, аллюзий и ассоциаций, иногда уже для нас непонятных, но придающих стилю гатх исповедальный пафос и ощущение непосредственности. Как и в других частях канона, тщательная реконструкция позволяет отличить в составе «Тхера-гатхи» и «Тхери-гатхи» более ранние и более поздние части, но это не противоречит конечному единству сборников, в целом дающих возможность заглянуть во внутренний мир членов древней буддийской общины.

Наконец, последнее из выдающихся произведений, входящих в «Сутта-питаку»,— «Джатаки», или рассказы о былых существованиях Будды. Джатаки наиболее наглядно воплотили в себе тот синтез общеиндийских литературных и фольклорных традиций и буддийского учения, который вообще

характерен для палийского канона. Большая часть сюжетов джатак (всего их в «Типитаке» пятьсот сорок семь) почерпнута из индийского народного творчества. Поэтому многие басни, легенды и сказки, которые используются в джатаках, встречаются в других памятниках индийской литературы (эпосе, «Панчатантре», «Катхасаритсагаре» и т. д.), в индийском и мировом фольклоре (например, джатака о верном изречении, за которой стоит общеизвестная сказка о благодарных зверях и неблагодарном человеке). Присутствуют в джатаках и традиционные для индийской литературы приемы обрамления, чередования стихов и прозы, резюмирующих сентенций и т. п., а кардинальная для религиозно-философских учений Индии идея метампсихоза реализуется в них как серия эпизодов из различных рождений Будды на пути к конечному его просветлению. В этой связи каждая джатака распадается на три части: введение, в котором изложены события, побудившие Будду рассказать последующую историю, затем сама история о прошлом и, наконец, отождествление героев этой истории с Буддой и его слушателями. Поучительность и серьезный тон сочетаются в джатаках с занимательностью рассказа, и не случайно они были главным средством буддийской пропаганды, отражая наиболее распространенное и доступное для широких масс понимание буддизма. По своей популярности с джатаками могут сравниться немногие произведения мировой классики. Они переводились и перелагались на языки всех тех стран Азии, куда проник буддизм, а кроме того, лишенные буддийской морали, вошли в десятки произведений дидактической и развлекательной литературы. Поэтому люди, не имеющие никакого отношения к буддизму и никогда не слышавшие о джатаках, тем не менее хорошо знают часть их сюжетов из книг Эзопа и Бабрия, Лафонтена и Крылова, из «Тысячи и одной ночи» и «Калилы и Димны».

Сопоставляя буддийский канон с ведийским, мы убеждаемся, что каждый из них обладает особой, только ему присущей спецификой. Мифологические представления, которые, хотя и на разных уровнях интерпретации, определяли общий характер содержания и образности ведийской литературы, в книгах «Типитаки» отошли на второй план, лишь иногда выступая в качестве декоративного фона. По-разному расставлены стилистические акценты: ведийские тексты *возвещают* истину, буддийские — *убеждают* в ней; величественному, безусловному тону проповеди вед противостоит более интимный, доверительный тон «Типитаки», ее стиль диалогичен не просто по форме, но и по внутренней сути. Человеческий опыт и мироощущение представлены в ведах в отвлеченных категориях и символах, буддийские памятники стремились найти для них конкретное и осязаемое воплощение. Эти и другие подобного рода отличия обусловлены особенностями ведийской и буддийской религии, обусловлены разрывом во времени между ведийскими и буддийскими памятниками. И тем не менее между ними есть много общего, что позволяет отнести их (а вместе с ними джайнские и эпические тексты) к одному, а именно к первому периоду древнеиндийской литературы. Прежде всего, история других литератур древности показывает, что становление этих литератур обычно начинается с появления памятников двух типов: религиозных

сводов и эпоса. Первыми произведениями китайской литературы считаются «Шуцзин», «Шицзин» и «Ицзин», вошедшие в конфуцианское «Шестикнижие», история иранской литературы открывается «Авестой», еврейской — Библией, греческой — «Илиадой» и «Одиссеей». Среди древнейших памятников месопотамской, угаритской, хеттской и египетской литератур преобладают фрагменты мифологического эпоса и ритуальных текстов. Таким образом, со сравнительной точки зрения создание четырех литературных комплексов, о которых шла речь (ведийского, буддийского, джайнского и эпического), знаменует собой начало развития индийской литературы.

Далее, и веды, и «Типитака», и эпос сложились как целое в течение многих веков, причем складывались в русле устной, а не письменной традиции. Мы знаем, что письмо было уже известно населению долины Инда в III—II тыс. до н. э., затем его навыки оказались утраченными, и возродилась письменность в Индии лишь приблизительно в середине I тыс. до н. э. Однако первоначально ею пользовались, по-видимому, в сугубо утилитарных, экономических и административных целях. Поэтому, хотя «Ригведа» существовала уже к 1000 г. до н. э., ведийская литература в целом к 500 г. до н. э., а ранние версии эпоса и первые буддийские и джайнские тексты к 400—200 гг. до н. э., записаны они были не сразу, а где-то на рубеже или в первых веках нашей эры и долгое время функционировали как памятники устные. Это привело к нескольким важным для всей индийской литературы периода древности последствиям. Поскольку произведения ее не были фиксированы, а существовали в текучей и динамической устной традиции, мы часто имеем дело не с одним, а с несколькими текстами (рецензиями) какого-либо памятника; и в таком случае бессмысленно отыскивать его оригинал или архетип, но приходится считаться с тем, что различные рецензии отражают регулярно менявшиеся от исполнения к исполнению его состав и облик. Устным бытованием объясняются и такие особенности стиля вед, эпоса, «Типитаки», как обилие в них устойчивых фразеологических оборотов (так называемых «формул»), повторов, рефренов и т. п. В формулах и повторах часто видят наследие присущих, например, гимнам вед магических функций, однако прежде всего они были необходимым условием создания любого рода текста в устной форме и последующего его воспроизведения «по памяти» новыми исполнителями. Устным происхождением определены, наконец, основные способы построения древних индийских памятников (в виде проповеди, диалога, призыва, обращения и т. п.), а также некоторые дошедшие к нам по традиции их названия (шрути, упанишады и др.).

Уже сам по себе устный характер творчества говорит об известной условности применения термина «литература» (от слова «литера» — письменный знак) к рассмотренным нами памятникам. Условность использования этого термина возрастает и оттого, что в рамках периода древности еще не произошла автономизация литературы среди иных видов духовной деятельности. Было бы неправильным утверждать, что каждый древний индийский текст преследовал только практические (религиозные либо дидактические) цели,

но в целом эстетические, собственно художественные задачи еще не выдвинулись на первый план. И хотя мы имеем дело с произведениями, чьи художественные достоинства по-своему уникальны, они не случайно входят в состав религиозных сводов, так же как не случайно, что характер санскритского эпоса, «Махабхараты» и «Рамаяны», во многом определен ясно выраженной моральной и философской тенденцией.

Отсутствие художественного самосознания сказалось и на том обстоятельстве, что в древнеиндийской литературе представление о творце текста еще не кристаллизовалось в понятие поэта. Гимны «Ригведы» приписывались святым пророкам, вдохновленным самим богом, проза брахман и диалоги упанишад — древним мудрецам, палийский канон — вероучителю Будде и его сподвижникам. При этом литература оставалась по существу анонимной, имя легендарного автора не столько отражало его реальное участие в создании памятника, сколько освящало этот памятник своим авторитетом. Литературное произведение рассматривалось скорее как одно из проявлений жизнедеятельности коллектива, чем как творение отдельной личности. Отсюда (а также в связи с ее устной природой) трудно говорить о приметах индивидуального стиля в древнеиндийской словесности, отсюда тот традиционализм тематики и средств выражения, который долго сохранялся в индийской литературе, даже на письменной ее стадии.

Естественно, что тогда, когда литература еще не осознает своей автономности, не может сложиться и литературная теория, поэтика, хотя неограниченные возможности *Слова* как такового не раз восхвалялись творцами ведийских песнопений. А поскольку не было литературной теории, нельзя говорить по отношению к древнеиндийской литературе и о четкой дифференциации в ней жанров. Поэтому, когда в ведийских самхитах мы различаем эпические, лирические и даже драматические гимны, в брахманах отделяем теологические наставления от нарративных эпизодов, в упанишадах вычленяем философские диалоги, а в «Типитаке» — басни, притчи, жизнеописания и т. п., мы в какой-то мере накладываем на синкретические по своей сути памятники жанровую сетку позднейшей литературы. В древнеиндийской литературе произведение существовало как нечленимое, подчиняющееся особым законам целое, и оценивать эту литературу нужно в первую очередь сообразно признанным ею самой нормам и принципам. Однако это отнюдь не означает, что в древней литературе, правда еще в диффузном, смешанном состоянии, не вызревали новые жанры и формы. Эти жанры и формы восприняла, разработав и уточнив их в устойчивых очертаниях, последующая литературная традиция. Вместе с ними она усвоила все то, что оказалось жизнестойким в идейных концепциях, тематике и изобразительных средствах вед, эпоса, буддийских и джайнских текстов. И памятники эти, хотя они и остаются самоценными и неповторимыми в своих достижениях, в то же время можно рассматривать как пролог всего дальнейшего развития индийской литературы.

П. ГРИНЦЕР

ИЗ «РИГВЕДЫ»

ГИМН ИНДРЕ (I, 32)

1 Индры деяния хочу возгласить ныне:
Первые, что совершил владетель палицы.
Он убил дракона, он просверлил устья рекам.
Он рассек мощные чресла гор.

2 Он убил дракона, что покоился на горе.
Тваштар для него выточил звучную палицу.
Как коровы мычащие спешат к телятам,
Так прямо к морю сбегаются воды.

3 Как бык взъяренный, он выбрал себе сому.
На празднествах этих он упился Выжатым.
Щедрый, он схватил палицу и метнул ее.
Он убил перворожденного из драконов.

4 Ты убил перворожденного из драконов,
И перехитрил все хитрости хитрецов,
И породил солнце, и небо, и утреннюю зарю,
И тогда поистине не стало тебе противника.

5 Индра убил врага, самого страшного, бесплечего,
Вритру убил палицей — великим оружием.
Как дерево без ветвей, топором обрубленных,
Вритра лежит, дракон, прильнув к земле.

6 Как неумелый боец в задоре хмельном, вызвал он
Мужа, силой всевластного, упоенного Дважды Выжатым.
Испытания своим оружием Вритра не вынес.
Он повержен, враг Индры, с проломленным носом.

7 Безногий, безрукий, он боролся с Индрой.
Тот палицей хватил его по затылку.
Холощеный, пожелавший стать образцом быка,
Вритра, разбросанный, лежал во множестве мест.

8 Через него, лежащего, как тростник разрезанный,
Текут, перекатываются воды Ма́ну.
Некогда Вритра сковал их величиной своей,—
Теперь у ног их лежал дракон.

9 Стала иссякать сила жизни у матери Вритры.
Индра метнул в нее смертоносным оружием.
Родительница была сверху, и сын был снизу.
Дану лежит, словно корова с теленком.

10 Среди непрестанных, среди неутишных
Струй водяных тело сокрыто.
Воды омывают тайное место Вритры.
Враг Индры в долгую тьму опустился.

11 Жены Дасы, драконом хранимые,— воды
Стояли скованные, как коровы — силою Пани.
Выход водам, закрытый накрепко,
Индра дал, убивши Вритру.

12 Тониной в конский волос ты стал, когда
Он тебя по зубцу ударил. Бог единый,
Ты завладел коровами, ты завладел Сомой, о муж.
Ты освободил семь потоков для бега.

13 Не помогли ни молния ему, ни гром,
Ни дождь и град, которые он рассыпал.
Индра и дракон сражались,
И навеки победителем стал Щедрый.

14 Кого же почел ты мстителем за дракона,
Если в сердце твоем — убийцы — родился страх,
Когда ты несся через девяносто и девять потоков,
Пересекая пространства, как испуганный орел?

15 Индра, царь движущегося и отдыхающего,
Безрогого и рогатого, крепко он держит палицу!
Вот он как царь правит народами!
Он объял все, как обод — спицы!

ГИМН АГНИ (VI, 12)

1 Царь жертвенной соломы, хотар посреди дома,
Бича повелитель, Агни, принести готовый
Жертву обоим мирам.
Он, сын праведной силы,
Издали, как Сурья, пламя свое простирает.

2 О, достойный жертвы, идущий издалека,— в тебя
Небо само вершит сполна жертвоприношенье, о царь.
Трех виталищ хозяин, подобный крылу, достигающему до цели,
Прими возлияния жертвенные, дары людей!

3 Царь дерева, чей жар наисильнейший, в венце из спиц,
Вспыхнул, разросся, как бич возницы в пути.
Он словно как бесхитростный скакун,
Бессмертный по воле своей, беспрепонно сущий в растениях.

4 Этот Агни прославляется в доме, как бегун,—
Нашими громкими хвалами,— как знаток всех сущих,
Пожиратель дерева, как скаковой конь,
Что выигрывает награду своим уменьем,
Как отец Ушас, возбужденный к соитью приношением жертвы.

5 Вот они восхищаются его блистаньем,
Когда он стелется по земле, легко обтесывая деревья,
Как бегун, что срывается с места по знаку!
Как неисправный должник, метнулся он по земле иссушенной!

6 О скакун, от хулений оборони нас,
Когда возжигают тебя, о Агни, вместе с другими Агни!
Ты приносишь богатство, ты пресекаешь беды.
Да возликуем мы, доблестные, живя сто зим!

ГИМН СОМЕ (IX, 7)

1 Выпущены соки, как обычай велит,
На путь истины — дивные,
Знающие дорогу свою.

2 С потоком сладости мчит вперед,
Ныряет в воды великие,
Жертва из жертв, достойный хвалы.

3 Впереди запряженной речи мчит.
Бык в сосуде ревет деревянном.
К сиденью мчит — истинный жертвенный дар.

4 Когда растекается провидец вокруг,
В силы рядясь, мужские и провидческие,
Победитель, он жаждет солнце завоевать.

5 Очищаясь, он берет в осаду врагов,
Как царь племена супротивные,
Когда жрецы дают движенье ему.

6 Любимый по овечьей цедилке кружит,
Пламенно-рыжий в сосудах сел деревянных.
С молитвой соперничает певец.

7 К Вайю, Индре, Ашвинам идет
Он со своим опьянением,
С радостью — по законам его.

8 Волны сладости, очищаясь, несут
Митру с Варуной, Бхагу,
Всю его мощь сознав.

9 О два мира, подайте богатства нам,
Чтобы наградой сладости завладели мы!
Славу, сокровища завоюйте нам!

ГИМН ВАРУНЕ (VII, 86)

1 Того могуществом умудрены поколения,
Кто оба мира порознь укрепил, сколь ни огромны они,
Протолкнул небосвод он вверх высоко,
Двуединым взмахом светило толкнул и раскинул землю.

2 К самому себе я обращаюсь ныне:
«Когда я стану близким Варуне?
Насладится ль безгневно он моею жертвой?
Когда же обрадуюсь я его милости?»

3 Вопрошаю себя о грехе своем, понять жажду, о Варуна,
Прихожу к умным, пытаю расспросами.
Все одно и то же говорят мудрецы:
«Ведь этот Варуна на тебя же и гневается».

Горельефные фигуры на фасаде
пещерного буддийского храма в Карли. I в.

4 Что за грех величайший несу, о Варуна,
Если хочешь убить слагателя гимнов хвалебных, друга?
Не таи правду, о бог, ведь тебя не обманешь, о Самосущий.
Вот я иду поклониться тебе, пока не свершен грех!

5 Отпусти же прегрешения предков нам!
Отпусти и те, что сами мы сотворили!
Отпусти, Васиштху, о царь, как отпускают вора,
Укравшего скот, как теленка отпускают с привязи!

6 Не моя воля на то была, Варуна. Смутили меня
Хмельное питье, гнев, игральные кости, неразумие.
Совиновником старший был в преступлении младшего.
Даже сон не мог злодеяния отвратить.

7 Да услужу я щедрому господину как раб,
Я, безгрешный, богу яростному!
Благородный бог вразумил неразумных.
Сметливого подгоняет к богатству тот, кто много умней.

8 Эта хвалебная песнь, о Варуна Самосущий,
Да внидет к тебе прямо в сердце!
Да будет нам счастье в мире! Да будет нам счастье в войне!
Храните нас вечно своими милостями!

ГИМН ИГРОКА (X, 34)

1 Дрожащие орехи с огромного дерева пьянят меня.
Ураганом рожденные, перекатываются по желобку.
Словно сомы напиток с Муджават-горы,
Мне предстала бодрствующая игральная кость.

2 Никогда не бранила жена, не ругала меня.
Ко мне и друзьям моим была благосклонна,
Игральные кости лишь на одну не сошлись,
И я оттолкнул от себя преданную жену.

3 Свекровь ненавидит, и отринула жена прочь.
Несчастный ни в ком не отыщет сострастия.
«Как в старой лошади, годной лишь на продажу,
Так в игроке не нахожу пользы».

4 Теперь другие обнимают жену того,
На чье богатство налетела стремглав кость.
Отец, мать и братья твердят одно:
«Мы знаем его! Свяжите его, уведите его!»

5 Вот я решаю: «Не стану с ними играть,
Уйду от сотоварищей, на игру спешащих».
Но брошенные кости подают голос.
И спешу я к ним, как спешит любовница.

6 В собрание идет игрок, с собою беседуя,
Подбодряя себя: «Ныне мой будет верх!»
Но пресекают кости стремленье его,
Отдают противнику счастливый бросок.

7 Ведь кости усеяны колючками и крючками.
Они порабощают, они мучают, испепеляют,
Одаряют, как ребенок, победителя они вновь лишают победы.
Но неистовство игрока обмазывает их медом.

8 Резвится стая их, трикраты пятидесяти,
Законы их непреложны, как закон Са́витара.
Не уступают они наимощному в ярости,
Даже царь пред ними в поклоне склоняется.

9 Они вниз катятся, они вверх прядают,
Без рук одолевают имеющего руки.
Неземные угли, брошенные в желобок,—
Сжигают сердце, хоть и сами холодные.

10 Страдает и жена, брошенная игроком,
И мать, чей сын бродит безвестно где.
Обремененный долгами, испуганно денег ищет,
Прокрадывается ночью в дома других.

11 Игрок изнывает от муки, завидев женщину,
Жену других, и приютный очаг других.
Но ведь это он запряг с утра коней ореховых,
И теперь он, жалкий, у огня никнет.

12 Тому, кто вождь вашей великой рати,
Тому, кто первый царь стаи,
Протягиваю я десять пальцев
И клятву даю: «Не удерживаю богатство!»

13 «Не играй в кости, вспахивай ниву,
Наслаждайся имуществом и почитай его глубоко.
Вот коровы твои, игрок, вот жена»,—
Так мне велит сей господин Савитар.

14 Заключите с нами дружбу! Помилуйте нас!
Не напускайте так рьяно ужасное колдовство!
Да уляжется ярость ваша и вражда!
Пусть другой попадет в тенета ореховые!

РАЗГОВОР АГАСТЬИ И ЛОПАМУДРЫ (I, 179)

[Лопамудра]

1 Многие годы я изнуряю-истомляю себя
Дни и ночи, многие зори приближают к старости.
Старость отнимает красоту у тела.
Неужто не внидут мужья к своим женам?

2 Даже и те, прежние, что услужали истине
И вели речи истинные с богами,
Даже они прекратили путь, так как не достигли конца.
Неужто не соединятся жены с мужьями?

[Агастья]

3 Не напрасно усилие, к которому доброcклонны боги,
Мы двое устояли бы во всех сражениях.
Вдвоем мы победили бы, избежав сотни ловушек,
Когда бы парой устремились к одной цели, повели войска.

4 На меня нашло желание быка вздымающегося,
Явилось во мне и оттуда и отсюда, откуда не ведаю.
Лопамудра заставляет струиться быка,
Неразумная сосет разумного, пыхтящего.

[Ученик Агастьи]

5 Этому Соме, выжатому в сердце моем,
Говорю изнутри:
Если согрешили мы против него,
Да простит он его,— ведь смертный обилен страстями!

[Автор]

6 Агастья, копавший лопатой в земле,
Возжелал детей, потомства, силы,
Могучий риши послужил процветанью обеих сфер обоих миров,
Он средь богов претворил свои желанья.

ГИМН ВСЕМ БОГАМ (X, 72)

1 Богов рожденье ныне хотим
Возгласить, прославляя
В слагаемых песнопеньях,—
Ибо кто разглядит их в грядущем веке?

2 Брахманаспáти их сковал
Вместе, кузнецу подобно.
В прошлом веке богов
Сущее возникло из не-сущего.

3 В первом веке богов
Сущее возникло из не-сущего.
Затем возникли стороны света,
И все это — от воздевшей ноги кверху.

4 От воздевшей ноги кверху земля родилась.
От земли родились стороны света.
От Адити родился Дакша,
От Дакши же — Адити.

5 Ведь Адити родилась,
Как дочь твоя, о Дакша,
Вослед ей родились боги,
Добрые товарищи бессмертья.

6 Когда вы, боги, там, в воде,
Стояли, крепко держась друг за друга,
От вас тогда, от плясунов словно,
Густая пыль воздымалась.

7 Когда вы, боги, словно волхвы,
Наполнили все миры,
Тогда достали вы солнце,
Спрятанное в море.

8 Восемь у Адити сыновей,
Что родились из ее тела.
С семью — к богам пошла она,
Мáртанду прочь отшвырнула.

9 С семью сыновьями Адити
В первый век явилась.
Вновь принесла она Мартанду,
Чтоб размножился он и вновь умер.

ГИМН О СОТВОРЕНИИ МИРА (X, 129)

1 Не было тогда не-сущего, и не было сущего.
Не было ни пространства воздуха, ни неба над ним.
Что двигалось чередой своей? Где? Под чьей защитой?
Что за вода тогда была — глубокая бездна?

2 Не было тогда ни смерти, ни бессмертия.
Не было признака дня или ночи.
Нечто одно дышало, воздуха не колебля, по своему закону,
И не было ничего другого, кроме него.

3 Мрак был вначале сокрыт мраком.
Все это было неразличимой пучиною:
Возникающее, прикровенное пустотой,—
Оно одно порождено было силою жара.

4 Вначале нашло на него желание.
Это было первым семенем мысли.
Проистеченье сущего в не-сущее открыли
Мудрецы размышлением, вопрошая в сердце.

5 Поперек была протянута их бечева.
Был ли низ тогда? Был ли верх?
Были плодотворители. Были силы растяжения.
Порыв внизу. Удовлетворение наверху.

6 Кто воистину ведает? Кто возгласит это?
Откуда родилось, откуда это творение?
Потом появились боги, ибо создали боги мир.
Так кто же знает, откуда он появился?

7 Откуда это творение появилось?
То ли само себя создало, то ли — нет,
Надзирающий над миром в высшем небе,—
Только он знает это или не знает.

ГИМН ЖЕРТВЕННОМУ КОНЮ (I, 163)

1 Ты заржал впервые, рождаясь,
Вздымаясь из океана или первого источника вод,—
С крыльями сокола и передними ногами антилопы,
И это было твое великое, достохвальное рожденье, о конь.

2 Яма принес его в дар, Трита запряг.
Индра впервые сел на него верхом.
Гандхарва схватил его поводья.
Из солнца вы сотворили коня, о боги.

3 Ты, Яма, ты, Адитья, о конь,
Ты Трита по тайному предназначению.
С Сомою связан ты тесной связью,
Три привязи, говорят, у тебя на небе.

4 Три, говорят, у тебя на небе привязи,
Три — среди вод, три твоих — в океане.
И еще, о конь, ты похож на Варуну
Ибо в нем, говорят, твое высшее место рожденья.

5 О скакун, вот здесь ты купаешься,
Вот сокровища копыт твоих — победителя.
Здесь я увидел твои поводья счастливые,
Те, что пастырей закона надзирают усердно.

6 Мыслью издали познал я твое «я»,
Птицу легкую, парящую в поднебесье.
Я видел крылатую голову, храпящую
На гладких, лишенных пыли дорогах.

7 Здесь увидел я твой высший образ,
Стремящийся почерпнуть силы в следе коровы.
Едва лишь смертный насладился тобой,
Наиглавнейший пожиратель растений пробудил его.

8 За тобой — колесница, юный муж — за тобой,
За тобой — коровы, склонность дев — за тобой.
За твоею дружбой войско следует,
Боги тебя наделили силою мужества.

9 Он с золотыми рогами, он с ногами из бронзы.
Стремителен, как мысль, Индре не догнать его.
Сами боги жертву пришли вкусить
У взлетевшего первым на коня верхом.

10 Небесные кони, силой играющие,—
В средине — скачут еще, в конце — остановились,—
В ряд, словно гуси, смыкаются,—
Они достигли небесного ристалища.

11 Твое тело, о конь,— в мощном полете,
Твой дух мчится, словно как ветер,
Твои рога во множестве мест являются,
Мечутся во все стороны по лесу.

12 На убиенье отправился быстрый конь,
Погруженный в думу,— мысль к богам обернулась.
Козла ведут впереди его — сородича.
За ним идут певцы, идут поэты.

13 Виталища высшего он достиг,
Конь. Там отец его и мать.
Так пусть он нынче уходит к богам, он, самый приятный им,
И испросит даров, желанных жертвователю.

ИЗ «АТХАРВАВЕДЫ»

ЗАГОВОР ПРОТИВ ПРОКАЗЫ (I, 23)

1 Ты ночью рождена, о трава,
Темная, черная и мрачная.
О сильная краской! Закрась это
Пятно проказы и то, серое!

2 Изгони — истрави это
Пятно проказы и то, серое, и крапленое!
Да внидет в тебя цвет твой собственный!
Да отлетят прочь пятна белые!

3 Ложе твое мрачное,
Виталище твое мрачное.
Ты мрачная, о трава,
Изгони, истрави крапленое!

4 Из пятна, порожденного костью,
Из пятна, порожденного телом,—
Из того, что явилось силою мóрока,
Изгнал-истравил я белую мету!

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗЛЫХ СНОВИДЕНИЙ (VI, 46)

1 Ты не живой, ты и не мертвый.
Бессмертный богов зародыш, о сон!
Варунани — твоя матерь, Яма — отец твой,
Именем Арару ты наречен.

2 Мы знаем, о сон, где родился ты.
Сестры богов породили тебя, помощник Ямы.
Ты конец готовишь, ты — смерть.
Мы познали тебя, о сон.
Обороні нас от сновиденья злого!

3 Как сбирают шестнадцатую часть,
Как — восьмую, как — целый долг,
Так мы сбираем все сновиденья злые
Для того, кто нас ненавидит.

ЗАГОВОР-ПРИВОРАЖИВАНИЕ ЖЕНЩИНЫ (VI, 9)

1 Возжелай тела моего, ног!
Возжелай глаз, возжелай бедер!
Глаза твои и волосы, вожделеющие
Ко мне, да пожухнут от любви!

2 Льнущей к дланям моим тебя я
Делаю, к сердцу льнущей,
Чтобы ты подпала под власть мою,
Чтоб склонилась к моему желанью!

3 О, пусть те, в чьей природе — лизание,
Те, в чьем сердце — согласие,—
Коровы, матери жира,
Да сделают ее для меня согласной!

ЗАГОВОР НА ПРОДЛЕНИЕ ЖИЗНИ (V, 30)

1 Близины твои — близины.
Дали твои — близины.
Будь же здесь! Не уходи нынче!
Не следуй прежним отцам!
Твою жизнь привязываю накрепко.

2 Если околдовал тебя кто:
Свой ли, чуженин ли, —
Освобожденье и избавленье
Я возглашаю тебе словом своим.

3 Если ты вред причинил, если проклял
Жену ли, мужа ли по неразумию, —
Освобождение и избавление
Я возглашаю тебе словом своим.

4 Если ты повергнут во прах грехом,
Совершенным матерью ли, отцом ли, —
Освобождение и избавление
Я возглашаю тебе словом своим.

5 Если матерь или отец твой,
Сестра ли, брат ли хворь на тебя нашлют,
Прими противное ей целебное зелье!
Я придаю тебе долголетия!

6 Иди сюда, человек,
Со всею своей душой!
Не следуй двум вестникам Ямы!
Постигни твердыни жизни!

7 Окликнут — приходи вновь,
Ведь знаешь подъемы пути,
Ведаешь, где восходить, где вскарабкаться,
Ибо так движется все живое.

8 Не бойся: ты не умрешь!
Я придаю тебе долголетия!
Словом я изгоняю якшму —
Боль в членах — из твоих членов!

9 Ломота в членах, боль в членах
И боль в твоем сердце, пусть, как сокол,
В дальнюю даль улетит,
Изгнанная мощным словом!

10 Два провидца, Бдение и Пробуждение,
И тот бессонный, кто бодрствует, —
Пусть эти два стража твоего дыханья
Бодрствуют денно и нощно.

11 Должно почтить этого Агни, —
Да взойдет здесь для тебя солнце!
Восстань из глубокого, черного
Мрака смерти!

12 Да поклонимся Яме! Да поклонимся смерти!
Да поклонимся отцам и уводящим к ним!
Этого Агни, которому внятно спасение, —
Я выставляю вперед для невредимости этого [человека].

13 Да придет дыхание! Да придет сознание!
Да придет зрение и сила!
Да воссоединится его тело!
Да встанет он на ноги твердо!

14 О Агни, дыханием, зрением
Надели его! Соедини
С телом, съедини с силой!
Ведь ты сведущ в бессмертье! Да не уйдет он сейчас!
Да не станет он тем, чей дом — земля!

15 Да не сякнет твое дыхание!
Да будет легким твой выдох!
Солнце-вседержитель да поднимет
Тебя из смерти лучами своими!

16 Внутри говорит этот
Связанный язык дрожащий.
С твоею помощью я изгнал якшму
И сотню приступов лихорадки.

17 Ведь это приятный сердцу
Мир богов, непобежденный!
Смерть взывает, предназначен которой
Ты родился здесь, человек, —
Она и мы взываем к тебе:
«Не умирай до старости!»

ГИМН ВРЕМЕНИ (XIX, 53)

1 Время везет воз, это конь с семью поводьями,
Тысячеглазый, нестареющий, с обильным семенем.
На него садятся верхом вдохновенные поэты.
Его колеса — все существования.

2 Семь колес везет это Время.
Семь — ступицы его, бессмертие — ось.
Время! Оно простирается во все существования.
Оно шествует, как первый бог.

3 Полный сосуд поставлен на Время.
Мы видим Время, хоть оно пребывает разом во множестве мест.
Оно — перед всеми этими существованиями.
Говорят, это Время — на высочайшем из небосводов.

4 Это оно стянуло вместе существования.
Это оно обошло вокруг существований.
Являясь отцом, оно стало их сыном.
Нет блеска превыше его блеска.

5 Время породило то небо,
Время породило эти земли.
Временем послано и существует
Все, что было и что должно быть.

6 Временем сотворена земля.
Во Времени пылает солнце.
Потому, что во Времени — все существования.
Во Времени далеко видит глаз.

7 Во Времени — сознание, во Времени — дыхание,
Во Времени предречено имя.
Времени, которое пришло,
Радуется все сущее.

8 Во Времени — жар, во Времени наилучший
Брахма предречен, во Времени!
Потому что Время — повелитель всего,
Ведь оно было отцом Праджапáти.

9 Им послано, им рождено
Это; все в нем покоится.
Потому что Время, став Брахмою,
Несет Самого Высшего.

10 Время создало все живое,
Время вначале создало Праджапати.
Самосущий Кáшьяпа — от Времени,
Космический жар — от Времени.

ГИМН СИЛЕ БОГОВ (IV, 16)

1 Великий надсмотрщик среди них
Видит все, словно он рядом.
Кто считает, будто идет украдкой,—
Ведом богам в каждом шаге.

2 Кто стоит и кто бродит; кто петляет,
Кто скрывается и кто ползет,
Кто, усевшись вдвоем, советуется,—
Обо всех знает Варуна сам-третей.

3 И эта земля — царя Варуны,
И это высокое небо, чьи пределы далёки,
И эти два океана — две стороны его чрева,
И в малой воде этой сокрыт Варуна.

4 И кто проскользнет за пределы неба,
Не свободится от царя Варуны.
Соглядатаи неба близятся неуклонно.
Тысячеглазые, смотрят они через всю землю.

5 Царь Варуна надзирает за всем,
Что внутри двух миров, и за всем, что вне.
У него сочтены все мгновенья людских очей,
Он учитывает их, как игрок в кости — очки.

6 Эти путы твои, о Варуна, числом семижды семь,
Стоят трояко расслабленные, сверкающие.
Да свяжут они того, кто говорит ложь!
А кто выскажет правду, да отпустят они того!

7 Сотнею пут обвяжи его, Варуна!
Да не спасется от тебя говорящий ложь!
Да сидит негодяй, свесив живот,
Распавшийся в стороны, как бочка без обруча!

8 Варуна продольный, Варуна поперечный,
Варуна здешний, Варуна чужестранный,
Варуна божественный, Варуна человеческий,—

9 Всеми путами Варуны я обвязываю тебя,
О такой-то, из такой-то семьи, сын такой-то.
Всех их я предназначаю тебе!

ИЗ «БРАХМАН»

[ТВОРЕНИЕ]

1. В начале мира Праджапати, поистине, был один. Он подумал: «Как мне продолжить себя?» И он напряг свои силы и воспламенил свой дух. Изо рта своего он породил Агни. Он породил его изо рта, поэтому Агни — пожиратель пищи. Кто знает, что Агни пожиратель пищи, у того никогда не будет недостатка в пище.

2. Праджапати породил его первым из богов. Оттого имя ему Агни: ведь, поистине, Агни то же, что Агри, а Агри означает «первый». Первым рожденный, он первый и пошел; а о том, кто идет первым, говорят, что он идет впереди других. Такова природа этого Агни.

3. Праджапати подумал: «Я сотворил Агни пожирателем пищи. Но, поистине, здесь нет иной пищи, кроме меня самого, а меня он не должен пожрать!» В ту пору земля была голой, и на ней не было ни травы, ни деревьев. Вот что заботило ум Праджапати.

4. Тут Агни разинул пасть и повернулся к нему, и от испуга Праджапати утратил свою Силу. Сила же его — Речь; значит, утратил он Речь. Тогда Праджапати задумал принести жертву. Он потер рукою руку, и, когда он тер, обе его ладони лишились волос. Он добыл при этом жертвенное масло и жертвенное молоко, но, поистине, и то и другое по сути своей не что иное, как молоко.

5. Эта жертва не принесла Праджапати покоя, потому что была смешана с волосами. Он воскликнул: «Оша — сожги! Дхая — выпей!» — и пролил ее в огонь. Из нее появились на свет растения; вот почему имя им — ошадхая, что и означает «растения». Во второй раз потер Праджапати рукой об руку и добыл еще одну жертву: жертвенное масло и жертвенное молоко, но, поистине, и то и другое по сути своей не что иное, как молоко.

6. Эта жертва принесла покой Праджапати. Однако он не знал, пролить ее в огонь или нет, но его Сила сказала ему: «Соверши возлияние!» Тогда Праджапати понял, что это собственная — «сва» — его сила говорит — «аха» — ему, и, возгласив: «Сваха!» — совершил жертву. Вот почему с тех пор приносят жертвы, возглашая: «Сваха!» Из этой жертвы взошел на небе Тот, кто все согревает, затем появился Тот, кто всюду веет, и тогда Агни отступил от Праджапати.

7. Так, принеся жертву, Праджапати продолжил себя и спасся от Агни-Смерти, готового его пожрать. Кто, зная это,

совершает жертвоприношение на огне — агнихотру, тот продолжает себя, как продолжил себя Праджапати, и так же, как он, спасает себя от Агни-Смерти, готового пожрать его.

8. И когда он умирает, когда возлагают его на огонь, из огня он возрождается вновь, потому что огонь сжигает одно лишь его тело. Как он появляется на свет от отца и матери, так рождается он вновь от огня. Но, поистине, навечно теряет жизнь тот, кто не совершает агнихотры. Поэтому непременно должно ее совершать...

10. ... Так родились герои среди богов: Агни-огонь, Вайю-ветер и Сурья-солнце. Кто знает этих героев среди богов, у того самого родится сын-герой.

11. Агни, Вайю и Сурья сказали: «Мы появились в мире вслед за Отцом Праджапати. Давайте же сотворим существо, которое появится вослед нам». Очертив чертою место, где они стояли, они начали слагать песнопения — гаятри, но лишенные слога «хин». И черта, проведенная ими, стала океаном, а место, где слагали они песнопения,— землей.

12. Окончив песнопения, боги пошли на восток, но сказали: «Мы вернемся!» На пути встретилась им возникшая из тех песнопений корова, и, завидев их, она произнесла слог «хин». Боги поняли, что слог «хин» принадлежит гимну-саману, и их песнопение, которое прежде лишено было слога «хин»,— теперь, поистине, стало саманом. Этот слог «хин», принадлежащий саману, был заключен в корове; потому корова дает пропитание, нужное для жизни. И всегда имеет пропитание тот, кто знает, что слог «хин», принадлежащий саману, заключен в корове.

13. Боги сказали: «Поистине, породив корову, мы произвели на свет Благо. Корова не что иное, как жертвоприношение, потому что нельзя совершить жертвоприношения без нее. И она же — пища, потому что всякая пища — от коровы»...

15. ... Эту корову возжелал Агни и сказал: «Да будет она мне парой!» Он соединился с ней и излил в нее свое семя, ставшее ей молоком. Оттого, хотя мясо коровы сырое, молоко в ней будто вареное, ибо молоко — это семя Агни. Оттого и у черной коровы и у бурой — молоко белое, ибо молоко — это семя Агни, яркое, словно огонь. Оттого, когда доишь корову, молоко ее изливается теплым, ибо молоко — это семя Агни.

16. Боги сказали: «Давайте принесем это молоко в жертву! Но кому из нас первому мы принесем его в жертву?» — «Мне»,— сказал Агни. «Мне»,— сказал Вайю. «Мне»,— сказал Сурья. И они не могли прийти к согласию. Не придя к согласию, они решили: «Пойдем к Отцу Праджапати. Пусть он скажет, кому в жертву первому принести это молоко. Как он скажет, пусть так

и будет». Они пришли к Отцу Праджапати и спросили: «Кому из нас в жертву первому должно принести это молоко?»

17. Праджапати ответил: «Агни! Ибо Агни тотчас возродит свое семя, а тогда возродитесь и вы. Затем тебе,— сказал он Сурье.— А остальное получит Тот, кто всюду веет». Так и по сей день совершают жертвоприношения: вечером — Агни, утром — Сурье, а что остается, получает Тот, кто всюду веет.

18. Принеся жертву, эти боги вновь обрели рождение, каким родились они вначале, и вновь одержали победу, какую уже одержали. Агни завоевал этот мир, Вайю — воздух, а Сурья — небо. Кто, зная это, совершает агнихотру, получает то же рождение, что и боги, одерживает ту же победу, что и они. И становится причастным их мирам тот, кто, зная это, совершает агнихотру. Поэтому непременно должно ее совершать.

[ПОТОП]

1. Однажды утром принесли Ману воды для омовения, как и теперь ее приносят, чтобы омыть руки. А когда он омывался, в руки его попала рыба.

2. Рыба сказала: «Вырасти меня, и я спасу тебя».— «От чего же ты спасешь меня?» — «Будет потоп, который унесет с собой все живое. От него я тебя спасу».— «Как же тебя вырастить?»

3. Она ответила: «Пока мы малы, нам отовсюду грозит гибель: рыба пожирает рыбу. Помести меня сначала в кувшин с водою, а когда он станет мне тесен, выкопай яму и содержи меня в ней. Когда же и она станет тесной, пусти меня в море. Тогда не страшна мне будет никакая опасность».

4. Вскоре она выросла и стала громадной рыбой, потому что росла очень быстро. Она сказала: «В такой-то и такой-то год будет потоп. Потому снаряди корабль и жди меня. А когда потоп начнется, взойди на корабль, и я тебя спасу».

5. Вырастив рыбу, как она его о том просила, Ману отпустил ее в море. И в тот са́мый год, какой она назвала, он снарядил корабль и стал ее поджидать. Лишь только потоп начался, взошел Ману на корабль, и тогда приплыла к нему рыба. К рогу ее он привязал веревку от своего корабля, и так привела его рыба к Северной горе.

6. Рыба сказала: «Я спасла тебя. Теперь привяжи корабль к дереву; а когда будешь на горе, смотри, чтобы тебя не смыло водою. Лишь только вода начнет спадать, и ты сходи вслед за нею». И вот шаг за шагом Ману сошел вниз. С тех пор этот склон

Северной горы называется «Manоравасарпана» — «Схождение Ману». Тем временем потоп унес с собой все живое, и Ману остался на земле один.

7. Желая иметь потомство, он жил, восхваляя богов и предаваясь покаянию. Однажды он замешал на воде топленое масло, кислое молоко, сметану и творог и принес жертву. Спустя год из этой жертвы восстала девушка; у нее было крепкое тело, но ноги оставляли масляный след. Повстречали девушку Митра и Варуна.

8. Они спросили ее: «Кто ты?» «Я — дочь Ману».— «Скажи, что наша!» — «Нет,— сказала она,— я принадлежу тому, кто дал мне жизнь». Тогда они пожелали, чтобы и им принадлежала часть ее. Согласилась она или не согласилась, но прошла мимо и пришла к Ману.

9. Он спросил ее: «Кто ты?» — «Я — твоя дочь!» — «Как же, прекрасная, ты можешь быть моей дочерью?» Она ответила: «Ты дал мне жизнь той жертвой, которую совершил, замешав на воде топленое масло, кислое молоко, сметану и творог. Я — Благословение. Пользуйся мною, когда станешь приносить жертву, и если будешь мною пользоваться, будешь богат скотом и потомством. И какое бы желание ты чрез меня ни высказал, любое — исполнится». Согласно ее словам, стал пользоваться ею Ману посредине жертвоприношения; середина же его — между обрядами, которыми оно начинается и которыми завершается.

10. Вместе с нею жил Ману и, желая иметь потомство, восхвалял богов и предавался покаянию. Он сотворил с нею род человеческий, который и есть «Род Ману». И какое бы желание он чрез нее ни высказывал, любое — исполнялось.

11. Эта дочь Ману по сути своей не кто иная, как Ида. Кто, зная это, совершает обряд «Ида», тот продолжает род, порожденный Ману. И какое бы желание он при этом ни высказал, любое — исполняется.

[ПОУЧЕНИЕ ДХИРЫ]

1. Дхира, сын Шатапарны, пришел к Махашале Джабале. Махашала спросил его: «Какое знание ты принес мне?» — «Я знаю Агни».— «Кто тот Агни, которого ты знаешь?» — «Он — Речь».— «Что станется с тем, кто познает этого Агни?» — «Он овладеет речью,— ответил Дхира— и речь его не покинет».

2. «Ты знаешь Агни,— сказал Махашала.— Какое еще знание ты принес мне?» — «Я знаю Агни».— «Кто тот Агни, которого ты знаешь?» — «Он — Зрение».— «Что станется с тем, кто познает

этого Агни?» — «Он овладеет зрением,— ответил Дхира,— и зрение его не покинет».

3. «Ты знаешь Агни,— сказал Махашала.— Какое еще знание ты принес мне?» — «Я знаю Агни».— «Кто тот Агни, которого ты знаешь?» — «Он — Разум». — «Что станется с тем, кто познает этого Агни?» — «Он овладеет разумом,— ответил Дхира,— и разум его не покинет».

4. «Ты знаешь Агни,— сказал Махашала.— Какое еще знание ты принес мне?» — «Я знаю Агни».— «Кто тот Агни, которого ты знаешь?».— «Он — Слух».— «Что станется с тем, кто познает этого Агни?» — «Он овладеет слухом,— ответил Дхира,— и слух его не покинет».

5. «Ты знаешь Агни,— сказал Махашала.— Какое еще знание ты принес мне?» — «Я знаю Агни».— «Кто тот Агни, которого ты знаешь?» — «Он — все, что ни есть на свете; такого Агни я знаю». Тогда Махашала сошел к Дхире и сказал: «Этому Агни научи меня, высокочтимый!»

6. Тот ответил: «Поистине, Агни — это дыхание. Ибо когда человек спит, речь его умирает в дыхании, и зрение умирает в дыхании, и разум, и слух. А когда человек пробуждается, все они возникают вновь из дыхания. Это о нашей сути.

7. А вот — о богах. Будучи речью, Агни — это Огонь; будучи зрением, он — Солнце; будучи разумом,— Луна; будучи слухом — Страны света; а будучи дыханием, он — Ветер, который всюду веет.

8. Когда огонь уходит ввысь, тогда он, поистине, исчезает в ветре. И оттого, что он исчезает в ветре, о нем говорят: «Развеялся». Когда же заходит солнце, оно тоже погружается в ветер, и луна погружается в ветер, и страны света зиждутся на ветре и из ветра появляются вновь. И когда тот, кто знает это, уходит из нашего мира, своей речью он сливается с Огнем, зрением — с Солнцем, разумом — с Луной, слухом — со Странами света, дыханием — с Ветром. А растворившись в них, он становится тем из этих божеств, каким пожелает, и обретает покой».

[ПУРУРАВАС И УРВАШИ]

1. Апсара Урваши полюбила Пурураваса, сына Иды. Когда он стал ей мужем, она сказала ему: «Трижды в день ты волен разить меня камышовым своим жезлом, но не ложись со мной против моей воли и не являйся мне обнаженным. Таков обычай у нас, женщин».

2. Долго оставалась Урваши с Пururавасом и спустя много времени зачала от него сына. Тогда гандхарвы сказали друг другу: «Слишком долго живет Урваши среди людей. Поищем средства, как нам вернуть ее». Знали гандхарвы, что к ложу Урваши привязаны овца с двумя барашками, и вот одного из барашков они похитили.

3. Зарыдала Урваши: «Ах, украли у меня сыночка! Будто нет у меня защитника, будто нет мужа!» Гандхарвы похитили второго. И снова так же зарыдала Урваши.

4. Тогда Пururавас подумал. «Как же нет у нее защитника, как же нет мужа, когда я здесь!» И голым, как был, соскочил с ложа; он думал, что уже нет времени надевать платье. Тут бросили гандхарвы молнию, и, словно при свете дня, Урваши увидела его обнаженным. В тот же миг воскликнула она: «Ухожу к себе!» — и исчезла. А Пururавас, горестно стеная: «Увы, она исчезла!» — стал скитаться по Курукшетре. Там он проходил мимо озера по имени Аньятахплакша, а в озере, приняв вид лебедей, плескались апсары.

5. Узнав Пururаваса, Урваши сказала подругам: «Вот человек, с которым я жила». Те спросили: «Не показаться ли нам ему?» Согласилась Урваши, и апсары предстали пред Пururавасом.

6. Среди них он узнал Урваши и стал молить ее:

«О жена! Не уходи, жестокая сердцем!
Пусть слова наши устремятся друг к другу!
Ведь если теперь наши мысли скроем,
Они лишат нас радости и в грядущем!»

«Не уходи! Дай поговорить с тобою!» — вот что он хотел ей сказать.

7. Ему ответила Урваши:

«К чему мне теперь говорить с тобою?
Я прошла, как утренняя заря проходит.
Иди обратно домой, Пururавас!
Словно ветер я: меня не удержишь!»

«Ты не исполнил нашего уговора. И теперь ты меня не удержишь. Возвращайся обратно домой!» — вот что она хотела ему сказать.

8. Удрученный, сказал ей Пururавас:

«Любимец богов исчезнет и не вернется,
Сегодня скроется в дальней дали.
Да отыщет покой он в лоне Смерти!
Да сожрут его свирепые волки!»

«Тот, кто был любимцем богов, сегодня либо удавится, либо исчезнет, либо его сожрут волки или собаки»,— вот что он хотел ей сказать.

9. Ему ответила Урваши:

«Не умирай, не исчезай, Пуруравас!
Не становись диких волков добычей!
Нельзя полагаться на дружбу женщин:
Сердце женщины — сердце гиены!»

«Не отчаивайся! Нельзя полагаться на дружбу женщин; возвращайся обратно домой!» — вот что она хотела ему сказать.

10. «Когда жила я женщиной среди смертных
И четыре осени проводила там ночи,
Раз на дню я съедала горшок сливок
И пресыщена ими по сию пору».

Этот разговор Пурураваса и Урваши пересказывают знатоки «Ригведы» в пятнадцати стихах.

Тут смягчилось сердце Урваши.

11. И она сказала: «Будь здесь в последнюю ночь года. Я проведу ее с тобою. К тому времени у тебя родится сын». В последнюю ночь года он вернулся, и—о, чудо!—на прежнем месте стоял дворец из золота. Всего лишь одно слово он услыхал: «Войди!» — и тут же к нему явилась Урваши.

12. Она сказала: «Завтра утром гандхарвы предложат тебе выбрать дар».— «Ты выбери за меня»,— попросил Пуруравас. Урваши ответила: «Скажи, что хочешь быть одним из них». Наутро гандхарвы предложили ему выбрать дар, и Пуруравас сказал: «Хочу быть одним из вас».

13. Гандхарвы ответили: «Чтобы стать одним из нас, нужно принести жертву на священном огне. Но, поистине, нет такого огня у людей». И они поместили этот огонь в горшок, дали его Пуруравасу и сказали: «Принеси на нем жертву, и ты станешь одним из нас». Взяв с собою огонь и сына, Пуруравас ушел. Огонь он оставил в лесу, подумав: «Я вернусь за ним»,—а сам вместе с сыном пошел к себе в селенье. Но когда он вернулся, огонь — о, чудо! — исчез. И то, что было огнем, стало смоковницей, а то, что было горшком,— деревом шами. Тогда он снова отправился к гандхарвам.

14. Гандхарвы сказали: «Год подряд день за днем ты будешь варить кашу из риса, которой смогли бы насытиться четверо человек. И каждый раз бери по три полена от смоковницы и покрывай их перетопленным маслом. А потом клади их на жертвенник и читай священные гимны, содержащие слово «полено» и

слово «масло». Огонь, который появится, и будет тем огнем, что мы тебе дали».

15. И еще они сказали: «Но едва ли понятен тебе смысл наших слов. А потому выстрогай две дощечки: верхнюю — из смоковницы и из дерева шами — нижнюю. Огонь, который появится, когда ты потрешь их одну о другую, и будет тем огнем, что мы тебе дали».

16. И еще они сказали: «Но едва ли понятен тебе смысл и этих слов, а потому выстрогай две дощечки: верхнюю — из смоковницы и из той же смоковницы — нижнюю. Огонь, который появится, когда ты потрешь их одну о другую, и будет тем огнем, что мы тебе дали».

17. Пуруравас выстрогал две дощечки: верхнюю из смоковницы и из той же смоковницы — нижнюю. Огонь, который возник, когда он потер их одну о другую, и был тот самый огонь, что дали ему гандхарвы. Он принес на нем жертву и стал одним из гандхарвов.

Поэтому пусть делают две дощечки: верхнюю — из смоковницы и из той же смоковницы—нижнюю. Огонь, который появится, когда их потрешь одну о другую, и будет тем огнем, что дали гандхарвы Пуруравасу. И тот, кто принесет на нем жертву, станет одним из гандхарвов.

[ШУНАХШЕПА]

1

Харишчандра, сын Ведхаса, царь из рода Икшваку, был бездетным. У него было сто жен, но ни одна не родила ему сына. В доме Харишчандры жили брахманы Парвата и Нарада. Однажды спросил он у Нарады:

«Поистине, все желают сына:
И мудрые люди, и невежды.
Какую же пользу приносит сын?
Скажи мне об этом, о Нарада».

На один стих Нарада ответил десятью:

«Отец, который увидит лицо
Живого, рожденного им сына,
Сыном выплачивает свой долг
И достигает бессмертия в сыне.

Много есть радостей на земле,
Много — в мирах огня и воды.
Но нет выше радости у людей
Той, что отец обретает в сыне.

Издавна с помощью сына отцы
Преодолевают густую тьму;
Ибо от «я» рождается «я»,
И сын — словно ладья в океане.

Что толку в грязи? В антилоповой шкуре?
В волосах нечесаных? В умерщвлении плоти?
Желайте, брахманы, себе сына!
Лишь он для вас безупречное благо.

Источник жизни — пища, дом — защита,
Богатство — блеск дает, женитьба — скот,
Жена — наш друг, источник скорби — дочь,
А сын — сиянье света в верхнем небе!

Муж, входящий в свою жену,
Входит семенем в материнское лоно
И, обретя в ней другую жизнь,
На десятый месяц рождается снова.

Жену тогда называют женой,
Когда в ней муж рождается снова.
Она — родительница, она — рождение,
В ней сохраняется его семя.

Боги и мудрецы святые
Наделили ее великим блеском;
И боги так сказали людям:
Жена — это ваша вторая матерь!

Бездетному недоступно небо —
Это ведомо каждому зверю,
Потому в обычае у всех животных,
Что сын мать и сестру покрывает.

Вот путь широкий, исполненный счастья,
Им беспечально идут родившие сына.
Путь этот ведают звери и птицы,
Потому случаются они с матерями».

Так сказал Харишчандре Нарада.

2

И еще он сказал: «Проси помощи у Царя Варуны! Обещай ему, что, когда родится у тебя сын, ты принесешь его ему в жертву». Согласился Харишчандра; он пошел к Царю Варуне и сказал ему: «Пусть родится у меня сын; я принесу его тебе в жертву».— «Да будет так!» — ответил Варуна.

Родился у Харишчандры сын по имени Рохита, и сказал Харишчандре Варуна: «Вот родился у тебя сын; принеси его мне в жертву!» А Харишчандра ответил: «Жертвенное животное лишь тогда пригодно к закланию, когда ему больше десяти дней от роду. Исполнится десять дней моему сыну, и я принесу его тебе в жертву».— «Да будет так!» — согласился Варуна.

Вот исполнилось Рохите десять дней, и сказал Харишчандре Варуна: «Твоему сыну уже десять дней; принеси его мне в жертву!» А Харишчандра ответил: «Жертвенное животное лишь тогда пригодно к закланию, когда у него прорежутся зубы. Прорежутся зубы у моего сына, и я принесу его тебе в жертву».— «Да будет так!» — согласился Варуна.

Вот прорезались у Рохиты зубы, и сказал Харишчандре Варуна: «У твоего сына прорезались зубы; принеси его мне в жертву!» А Харишчандра ответил: «Жертвенное животное лишь тогда пригодно к закланию, когда у него выпадут зубы. Выпадут зубы у моего сына, и я принесу его тебе в жертву».—«Да будет так!» — согласился Варуна.

Вот выпали у Рохиты зубы, и сказал Харишчандре Варуна: «У твоего сына уже выпали зубы, принеси его мне в жертву!» А Харишчандра ответил: «Жертвенное животное лишь тогда пригодно к закланию, когда у него вновь прорежутся зубы. Прорежутся вновь зубы у моего сына, и я принесу его тебе в жертву».— «Да будет так!» — согласился Варуна

Вот вновь прорезались у Рохиты зубы, и сказал Харишчандре Варуна: «У твоего сына вновь прорезались зубы; принеси его мне в жертву!» А Харишчандра ответил: «Лишь тогда можно кшатрия принести в жертву, когда он станет способен владеть оружием. Овладеет оружием мой сын, и я принесу его тебе в жертву».— «Да будет так!» — согласился Варуна.

Вот овладел оружием Рохита, и сказал Харишчандре Варуна: «Твой сын уже овладел оружием, принеси его мне в жертву!» — «Хорошо,— ответил Харишчандра и обратился к Рохите с такими словами: — Сынок, вот тот, кто дал мне тебя. Теперь я должен принести тебя ему в жертву».

«Нет!» — воскликнул Рохита, взял свой лук и убежал в лес. И он прожил в лесу один год.

3

Тем временем Варуна схватил Харишчандру, потомка Икшваку, и у того раздулся живот от водянки. Узнав об этом, пошел Рохита из леса домой, в деревню. Но ему встретился Индра, принявший человеческий облик, и сказал:

«Многолико счастье аскета —
Так говорят мудрецы нам, Рохита.
Жалок — живущий среди людей,
Индра — помощник странника.

Странствуй же!»

«Странствуй!» — сказал мне брахман»,— повторил Рохита и еще один год прожил в лесу. А когда пошел он из леса домой, в деревню, ему встретился Индра, принявший человеческий облик, и сказал:

«Цветами осыпаны ноги странника,
Плодоносно крепкое его тело,
Избавляется он ото всех грехов,
Смытых потом его странствий.

Странствуй же!»

«Странствуй!» — сказал мне брахман»,— повторил Рохита и третий год прожил в лесу. А когда пошел он из леса домой, в деревню, ему встретился Индра, принявший человеческий облик, и сказал:

«У сидящего и счастье всегда сидящее,
У стоящего оно стоит прямо,
Без движенья оно лежит у лежащего,
И вперед идет счастье странника.

Странствуй же!»

«Странствуй!» — сказал мне брахман»,— повторил Рохита и четвертый год прожил в лесу. А когда пошел он из леса домой, в деревню, ему встретился Индра, принявший человеческий облик, и сказал:

«Кали-век — это век лежащего,
Двапара — того, кто поднимается,
Трета — в долю достается вставшему,
Крита — вот удел того, кто странствует.

Странствуй же!»

«Странствуй!» — сказал мне брахман»,— повторил Рохита и пятый год прожил в лесу. А когда пошел он из леса домой,

в деревню, ему встретился Индра, принявший человеческий облик, и сказал:

«Кто странствует, себе добудет мед,
Добудет сладкий плод удумбары.
Взгляни, как безупречно солнце,
Что странствует, не уставая.

Странствуй же!»

«Странствуй!» — сказал мне брахман»,— повторил Рохита и шестой год прожил в лесу.

В лесу встретил он риши Аджигарту, потомка Суявасы, которого мучил голод. У Аджигарты было три сына: Шунахпучха, Шунахшепа и Шунолангула. Рохита сказал ему: «Риши, я дам тебе сто коров, если ты уступишь мне одного из своих сыновей, чтобы выкупил я им свою жизнь».— «Только не его!» — сказал Аджигарта и прижал к себе старшего сына. «И не его!» — сказала мать, указав на младшего. А согласились они уступить среднего — Шунахшепу.

Отдав Аджигарте сто коров, Рохита взял Шунахшепу и пошел с ним из леса домой, в деревню. Явившись к Харишчандре, он сказал: «О отец мой! Этим человеком я хочу выкупить свою жизнь». Тогда Харишчандра, придя к Царю Варуне, сказал ему: «Вот тот, кого я принесу тебе в жертву».— «Хорошо,— ответил Варуна.— Брахман, поистине, лучше, чем кшатрий». Он предписал Харишчандре совершить «раджасую» — «царское жертвоприношение» и в день помазания царя вместо жертвенного животного принести в жертву Шунахшепу.

4

На этом жертвоприношении Вишвамитра был хотаром, Джамадагни — адхварью, Васиштха — брахманом и Аясья — удгатаром. Вот привели Шунахшепу, но не нашлось человека, который согласился бы привязать его к жертвенному столбу. Тогда сказал Аджигарта Сауяваси: «Дайте мне еще сто коров, и я привяжу его». Ему дали еще сто коров, и он привязал его. Вот привели Шунахшепу, привязали, прочли над ним заклинания и обнесли вокруг него священный огонь, но не нашлось человека, который согласился бы его заколоть. Тогда сказал Аджигарта Сауяваси: «Дайте мне еще сто коров, и я заколю его». Ему дали еще сто коров, и, наточив нож, он вышел вперед.

Тут подумал Шунахшепа: «Увы! Словно не человек я,— хо-

тят меня заколоть. Призову на помощь богов!» И к первому из богов он воззвал к Праджапати, сказав такой стих:

«Кого призовем из бессмертных богов?
Чье прекрасное имя теперь восславим?
Кто возвратит нас Великому Беспредельному,
Чтобы вновь я увидел отца и мать?»

Ему ответил Праджапати: «Агни среди богов — самый близкий людям. Его призови на помощь». И Шунахшепа воззвал к Агни, сказав такой стих:

«Агни — первый из бессмертных богов,
Его прекрасное имя теперь восславим.
Он возвратит нас Великому Беспредельному,
Чтобы вновь я увидел отца и мать!»

Ему ответил Агни: «Савитар — владыка всех начинаний. Его призови на помощь». И Шунахшепа воззвал к Савитару, сказав такие три стиха:

«Тебя, Савитар, даров желанных властителя,
Тебя, хранителя нашего вечного,
Мы умоляем о благосклонности!

Все благо, что для людей уготовано,
От хулы хранимое, невраждебное,
В обеих твоих руках покоится.

Благо, дарителем благ даруемое,
Да обретем мы с твоею помощью,
Да достигнем высот благоденствия!»

Ему ответил Савитар: «Ты связан в жертву Царю Варуне. Его призови на помощь». И Шунахшепа воззвал к Царю Варуне, сказав тридцать один стих:

«Твоего царства, и мощи, и рвения, Варуна,
Не достичь ни одной птице в ее полете,
Ни этим вечно текущим водам,
Ни горам, чья сила смиряет ветер.

Светлый помыслами, Царь Варуна держит
Крону дерева в бездонном пространстве;
Корни — вверх, а ветви его вниз смотрят,
Да проникнут лучи их в сердце наше!

Сотворил Царь Варуна путь широкий,
По которому Сурья движется в небе,
И ему, безногому, дал он ноги,
Варуна, отвращающий зло от сердца.

Сотней, тысячью лекарств ты врачуешь,
Широка, неизбывна да будет твоя милость!
Далеко прочь прогони Богиню Смерти!
И избавь от грехов нас, что мы совершили!

Высоко вверху рассыпаны звезды;
Ночью видно их, а куда они днем уходят?
Нерушимо свершается воля Варуны:
Разливая свет, луна по ночам восходит.

Об одном прошу тебя, восхваляя гимном,
И о том же тебя жрец молит жертвой:
Среди нас безгневным пребудь, Варуна,
Не лишай нас жизни, Вездесущий!

Этот голос я слышу и днем и ночью,
Эту мысль читаю в собственном сердце:
Да будет нам избавителем Варуна,
К нему из оков воззвал Шунахшепа!

Привязанный к трем столбам Шунахшепа
Воззвал из оков своих к сыну Адити.
Да дарует ему свободу Царь Варуна,
Мудрый, нелживый, пусть развяжет путы!

Твой гнев, о Варуна, мы укрощаем
Молитвами, жертвами, возлияньями.
Мудрый Асура, Царь, Владыка!
Избавь от грехов нас, что мы совершили!

Сними стянувшие нас путы, Варуна,
Вверху, внизу и посредине!
Безгрешные, преданные сыну Адити,
Да обретем мы освобождение!

Если мы, людьми рожденные,
Днем за днем тобой установленный
Нарушаем закон, бог Варуна,

Не предавай нас, даже разгневанный,
Твоему оружию смертоносному,
Негодующий — твоей ярости!

Как возничий лошадь взнузданную,
Распрягаем своими гимнами
Мы твой разум для милости, Варуна!

Устремленные к благу вечному,
К тебе вдаль идут мои помыслы,
Словно птицы, в гнездо летящие.

О, когда же склоним мы к милости
Варуну, властью украшенного,
Героя, взором все проницающего!

Царство общее у Митры с Варуной;
Не оставляют они, благосклонные,
Должника их, закон их чтущего.

Знает Варуна пути далекие
В поднебесье птиц пролетающих,
Знает путь кораблей, Моря Измеривший!

Знает хранитель закона Варуна
Богатых потомством двенадцать месяцев,
Знает того, кто им вслед рождается.

Знает дорогу ветра Варуна,
Широкого, быстрого и могучего,
Знает богов, кто над ветром властвуют.

Хранитель закона, бог Варуна
Восседает в своей обители;
Мудрому, все ему повинуется.

Оттуда он ясно видит, Всеведущий,
Все тайное и все незримое,
Что сделано и что будет сделано.

Да облегчит нам мудрый сын Адити
Пути, какими привыкли мы следовать,
Да одарит нас жизнью долгою!

Золотой плащ накинут на Варуну,
Дорогое платье — его одеяние;
Вокруг восседают его соглядатаи.

Повредить ему бессильны недруги;
Ни злодеи, ни люди, вред чинящие,
Посягнуть на бога не решаются.

И для нас для всех полной мерою
Отмеряет он дары небесные,
Пропитанье для тела нашего.

К нему, Взором Все Проницающему,
Мои мысли, желания полные,
Устремляются, будто коровы к пастбищу.

Вновь и вновь хочу говорить с тобой!
Для тебя принесен мне сладкий мед,
Словно хотар, ты его пробуешь.

Вот я вижу теперь Всевидящего;
На земле колесницу его вижу я!
Да возрадуется он хвалам моим!

Моему призыву внемли, Варуна,
Будь сегодня ко мне милостив,
На тебя я уповаю, беспомощный.

Мудрый, ты повсюду царствуешь,
И земля и небо тебе повинуются.
Так услышь меня на пути своем!

Совлеки же с нас путы верхние,
Сними средние, развяжи нижние —
И даруй нам жизнь, Варуна!»

Ему сказал Варуна: «Агни — первый из богов и самый милостивый. Его восславь, и мы освободим тебя». И Шунахшепа восславил Агни такими двадцатью двумя стихами:

«Надень на себя одежды светлые,
Владыка силы, чтимый жертвами,
И соверши обряд наш жертвенный!

Сойди сюда, жрец, нами избранный,
О юный Агни! Тебя призываем мы
Своими молитвами и словом пламенным.

За нас эту жертву свершаешь ты,
Словно за друга — друг любимейший,
Отец — за сына, родич — за родича.

Пусть Арьяман и Митра с Варуной
На траву священную, будто смертные,
Рядом с нами сядут, Врагов Пожиратели!

Этой дружбе с нами возрадуйся,
Агни, первым жрецом родившийся!
И внемли нашим восхвалениям.

Когда богов чредой непрерывною
Чтим мы, Агни, своими жертвами,
Тебе одному — наше возлияние!

Да будет дорог нам Жрец, Владыка наш,
Любимый, избранный! И да будем мы
Ему, огнем богатые, дороги!

Ниспосылают, огнем богатые,
Боги смертным дары бесценные;
Огнем богатые, мы их славим гимнами.

Тебе поем мы, Агни, хвалы свои;
Ответь на них благоволением —
Благоволением к смертным бессмертного.

И эту жертву, и песнопения
Всеми своими огнями милостиво
Прими от нас, Агни, Рожденный силою!

Тебя, словно коня долгогривого,
Я прославляю своими молитвами,
О Агни, жертвами повелевающий!

Будь нашим сыном, Силу дарующий,
Широким шагом всюду странствующий!
Высокочтимый, будь к нам милостив!

Всегда и везде, вблизи и издали
От человека, зло замыслившего,
Храни нас, Агни, Всеоживляющий!

Эту песнь, для тебя сложенную,—
Этот новый дар, тебе посланный,
Средь богов возгласи без промедления!

Ниспошли нам, Агни, блага высшие,
Ниспошли нам блага срединные,
Одари нас дарами ближними!

Ты — Даритель благ, Сияющий!
Волнами реки огненной
Притекаешь ты к благочестивому.

Радостен удел того смертного,
Кого на борьбу подвигаешь ты,
Кому в битвах бываешь помощником.

Кем бы ни был он, о Агни всепобеждающий,
В мире нет для него победителя,
Его сила повсюду славится.

Друг людей, он награду победную
Пусть конями добудет на ристаниях,
Пусть жрецы ее завоюют гимнами.

К моему, певец, прислушайся голосу:
Для Сияющего, в каждом доме чтимого,
Для Агни сложи песнь хвалебную!

Великий, пределов себе не знающий,
Чье знамя — дым, блеском увенчанный,
Да ведет нас Агни к благу и мудрости!

Будто хозяин дома нашего,
Внимай нам, Агни,— свет божественный,
Окруженный наших гимнов сиянием».

Ему сказал Агни: «Восславь Все-Богов. Тогда мы освободим тебя».

И Шунахшепа восславил Все-Богов таким стихом:

«Слава великим и слава малым!
Слава старым и слава юным!
Почтим же Богов, как только можем!
Да удостоит меня хвалы Сильнейший!»

Все-Боги сказали ему: «Индра — среди богов самый сильный, самый храбрый, самый могучий и самый великий; он — лучший помощник. Восславь его, и мы освободим тебя». И Шунахшепа восславил Индру таким гимном и еще пятнадцатью стихами:

«Если даже, Сущий, Поглотитель сомы,
Недостойны мы твоего дара,
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас, Индра, богатый дарами!

Твои губы влажны, Властитель силы,
Несравненны дела твои, Многомощный!
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас, Индра, богатый дарами!

Усыпи сменяющих друг друга Стражей;
Пусть заснут они оба сном непробудным!
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас, Индра, богатый дарами!

Пусть спят те, кто у нас отнимает,
Пусть бодрствуют дарители наши, Могучий!
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас, Индра, богатый дарами!

Раздави скорее осла, о Индра,
Который ревет, нам на погибель!
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас, Индра, богатый дарами!

Пусть за лес далеко улетает ветер
Вместе с хищной птицей, что кружит над нами!
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас, Индра, богатый дарами!

Хулителя нашего убей, Индра,
Раздави злого демона Крикадашу!
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас, Индра, богатый дарами!

Наполняю я, блага ищущий,
Как колодец, Индру сомой огненным,
Стосильного, бесконечно щедрого.

Его, чистого, с молоком смешанного,
Сотнею глотков и тысячью,
Будто в пропасть, он льет в себя.

И когда пьянящим, яростным
Соком сомы он насыщается,
Будто море, живот его становится.

Для тебя этот сок! На него стремглав,
Словно голубь на голубку, ты бросаешься
И внимаешь мольбам нашим милостиво.

О Воитель, прославляемый гимнами,
О Владыка даров! Надели того,
Кто поет в твою честь, благом истинным!

О Стосильный, на подмогу встань
Рядом с нами в этом сражении,
И в других будь для нас соратником!

В каждом деле, в любом испытании,
Словно друга, всегда призываем мы
Себе в помощь Индру могучего.

И лишь только наш зов услышит он,
Пусть спешит к нам с великой помощью
И дарует награду победную!

Хозяина дома моего древнего,
Зову я Индру несокрушимого,
Как звал его отец твой некогда.

К тебе, кого призывают многие,
Взываем и мы — к Дарителю щедрому,
Благому певцов своих защитнику.

Подобно тебе, Сому Пьющему,
И мы его пьем губами жадными,
О Друг друзей своих, Громы Мечущий!

Будда из Хатры.
III—IV вв.
Археологический музей в Маттхуре.

Пусть сбудется, Друг, наше желание!
О Пьющий Сому, о Громы Мечущий,
Явись нам в помощь по зову нашему!

Да будут дары твои обильными,
О Индра, ставший нам сотрапезником,
Да взвеселимся, едой богатые!

Когда ты, Могучий, по воле собственной
Среди певцов как друг являешься,
Ты будто осью колеса стягиваешь!

Когда, Стосильный, певцам приносишь ты
Дары согласно их желаниям,
Ты будто ось вставляешь с силою!»

Возрадовался духом прославленный Шунахшепой Индра и дал ему золотую повозку. Взяв ее, Шунахшепа произнес еще один стих:

«Много богатств скопил себе Индра
Конями храпящими, сопящими, ржущими;
Вершитель подвигов славных, Даритель,
Он дал нам в дар золотую повозку».

Ему сказал Индра: «Восславь теперь Ашвинов, и мы освободим тебя». И Шунахшепа восславил Ашвинов такими тремя стихами:

«Придите, Ашвины, принесите нам
В дар лошадей, коров и золото,
О боги, чьи чудесны деяния!

Ваша повозка, не ведая устали,
Бессмертная сквозь океан проносится,
О Ашвины, чудотворцы-возничие!

Одно колесо повозки Ашвинов
Попирает солнце — бычью голову,
Другое — пробегает по небу».

Ему сказали Ашвины: «Восславь теперь Ушас, и мы освободим тебя». И Шунахшепа восславил Ушас такими тремя стихами:

«Какой смертный, Ушас бессмертная,
Тебе в радость? К кому благосклонна ты?
Для кого приходишь, Сияющая?

Тебя славим мы, о тебе думаем
И вдали от тебя, и поблизости,
О Заря, кобылица светлая!

Так спустись, приди к нам, Неба дочь!
Принеси с собою дары свои,
Надели, о Ушас, богатством нас!»

Так произносил Шунахшепа стих за стихом, и с каждым стихом ослабевали на нем путы, а живот Харишчандры, потомка Икшваку, становился меньше. Когда же произнес Шунахшепа последний стих, путы с него спали, а Харишчандра выздоровел.

5

Жрецы сказали Шунахшепе: «Теперь ты сам должен завершить жертвоприношение этого дня». Тут постиг Шунахшепа обряд скорого выжимания сомы и выжал его, произнеся такие четыре стиха:

«Пусть нет такого дома, о Ступа,
В котором тебе не нашлось бы работы,
У нас греми всех сильнее и громче,
Как барабан одержавших победу.

Вокруг твоей, о Пест, вершины,
Как в кроне дерева, веет ветер.
Так выжимай же сому, Ступа,
Чтоб им напоить смогли мы Индру.

О Пест и Ступа — благ податели!
Широко вы пасть свою разеваете,
Как кони Индры, траву жующие.

О Хозяева леса высокочтимые,
Со жрецами вместе высокочтимыми
Питье для Индры сегодня выжмите!»

Затем Шунахшепа вылил сому в большой деревянный чан, произнеся при этом такой стих:

«Возьми из чаши сому отжатого,
Сквозь сито потом процеди его,
Остатки на шкуру воловью выплесни».

Затем, когда Харишчандра коснулся Шунахшепы, как это положено жертвователю, Шунахшепа принес жертву и произнес первые четыре стиха гимна, заключая каждый восклицанием: «Сваха!»

«Туда, где камень для выжимки сомы
Возвышается, покоясь на широком ложе,
Спустись, Индра, и отведай сока,
Приготовленного для тебя в ступе!

Сваха!

Туда, где, словно женское лоно,
Наполняет чашу ступы сома,
Спустись, Индра, и отведай сока,
Приготовленного для тебя в ступе!

Сваха!

Туда, где пест в своем движенье,
Словно в женщину, входит и выходит,
Спустись, Индра, и отведай сока,
Приготовленного для тебя в ступе!

Сваха!

Туда, где пест охватила веревка,
Будто коня тугие поводья,
Спустись, Индра, и отведай сока,
Приготовленного для тебя в ступе.

Сваха!»

Затем Шунахшепа совершил очистительное омовение для Харишчандры, жертвователя, и произнес два стиха:

«О Агни всезнающий! Тебя мы молим!
Отврати от нас гнев бога Варуны.
Жрец наилучший, Наставник мудрый,
Ото всех врагов избавь нас, Сияющий!

Среди нас живи нам в помощь, Агни,
Будь вблизи, лишь только забрезжит Ушас!
Примири нас с Варуной, Благосклонный;
Милосердный, являйся по нашему зову!»

Вслед за тем подвел Шунахшепа жертвователя к жертвенному огню и произнес такой стих:

«Шунахшепу, за тысячу коров купленного,
От столба отвязал ты по его молитве.
Избавь же от пут и нас, Агни,
Снизойди к нам, о Жрец всевидящий!»

Окончив жертвоприношение, Шунахшепа сел на колени к Вишвамитре. Тогда Аджигарта, потомок Суявасы, сказал Вишвамитре: «Риши, возврати мне сына».— «Нет,— ответил Вишвамитра,— его дали мне боги». И стал Шунахшепа сыном Вишвамитры, прозванным «Богоданный», а его потомки — это те, кто принадлежит к роду капилейев и роду бабхравов.

Аджигарта Сауяваси сказал Шунахшепе: «Вернись к нам! Я и мать зовем тебя». И еще сказал Аджигарта Сауяваси:

«Ты по рожденью из рода Ангирасов,
Певец прославленный, сын Аджигарты.
Не оставляй наследия предков,
Ко мне обратно вернись, риши!»

Шунахшепа ответил:

«С ножом в руках тебя здесь видели.
Такое даже шудрам неведомо.
Вспомни, как за три сотни коров
Ты продал жизнь мою, Ангирас».

Аджигарта Сауяваси сказал:

«Теперь оно мучит меня, сынок.
Злое дело, что я совершил,
Я хотел бы память о нем стереть,
Возьми себе эти сотни коров».

Ему ответил Шунахшепа:

«Тот, кто зло учинил однажды,
Не раз, отец, учинит его снова.
Не изменить тебе нрав свой шудры,
С содеянным примириться нельзя».

Услышав слова «примириться нельзя», Вишвамитра согласился с ними и добавил:

«Ужасен стоял с ножом Сауяваси,
Когда готов был тебя зарезать.
Нельзя тебе быть его сыном!
Теперь моим сыном стань, Шунахшепа!»

Шунахшепа сказал:

«Объясни слова свои, Вишвамитра,
Скажи мне, отпрыск царского рода,
Как я, Ангирас по рождению,
Могу в сыновья быть тобою принят?»

Ему ответил Вишвамитра:

«Средь моих сыновей ты будешь старшим,
А твое потомство всех счастливей.
Раздели же мой божественный жребий —
В этом тебя убедить стараюсь».

Шунахшепа сказал:

«Пусть сыновья твои согласятся
На дружбу со мной и мое счастье!
Только тогда, о бык среди Бхаратов,
Поистине, стану я твоим сыном».

Тогда так сказал Вишвамитра своим сыновьям:

«Послушай меня ты, Мадхучхандас,
Ришабха, Рену, и ты, Аштака,
И все остальные ваши братья:
Примите как старшего Шунахшепу!»

6

Вишвамитра имел сто одного сына. Пятьдесят были старше Мадхучхандаса, а пятьдесят моложе. Те, кто были старше, решили, что Вишвамитра поступил несправедливо, и он проклял их, сказав: «Ваши потомки получат в наследие край земли!» И действительно, от них пошли племена андхров, пундров, шабаров, пулиндов и мутибов, которые по большей части живут вне пределов земли ариев: среди дасью много потомков Вишвамитры.

А Мадхучхандас и младшие пятьдесят братьев сказали:

«То, что решает наш отец,
Всегда согласно мы принимаем.
Среди нас, Богоданный, ты будешь первым,
Мы вслед за тобой идти готовы».

Тогда обрадованный Вишвамитра благословил этих сыновей:

«Отныне вы будете богаты, дети,
Скотом и многими сыновьями
За то, что, выказав послушанье,
Меня наградили таким сыном.

Впереди вас пойдет Богоданный,
Путь правды указуя вам, дети.
С ним, богатые сыновьями,
Вы будете счастливы, Гатхина внуки!

Потомки Кушики! Он — первый средь вас!
Так следуйте же за Богоданным!
Наш род и дарованное нам Знание
Он получил от меня в наследство».

Так эти сыновья Вишвамитры,
Согласные, поступая как должно,
Приняли первенство Богоданного,
Ему, как старшему, подчинились.

Он, Богоданный, мудрый риши,
Получил в наследство два дара:
Царскую славу рода Джахну,
Священное знание рода Гатхина.

Таков рассказ о Шунахшепе, который содержит сто стихов из «Ригведы», а также другие стихи. Его рассказывает хотар царю после обряда помазания.

Он рассказывает, сидя на золотой циновке, и, сидя на золотой циновке, отвечает ему адхварью. Золото — это, поистине, слава; и потому хотар наделяет царя славой.

«Ом!» — отвечает адхварью на каждый стих из «Ригведы», «Так!» — на каждый иной стих. «Ом!» — это, поистине, божественное слово, «так!» — человеческое; и потому божественным и человеческим словом адхварью очищает царя от зла и греха.

Пусть царь, желающий себе победы, просит рассказывать ему рассказ о Шунахшепе, даже если не совершает он жертвоприношения. Тогда и от малого греха будет он избавлен.

Тысячу коров должен дать царь тому, кто рассказывает, сто — тому, кто отвечает, а, кроме того, хотару — обе циновки из золота и повозку, запряженную белым мулом.

И те, кто хотят иметь сыновей, пусть слушают этот рассказ. Тогда будут у них сыновья, непременно будут сыновья!

[ОБМЕН ЗАГАДКАМИ]

Блеска и благочестия лишается тот, кто совершает ашвамедху — жертвоприношение коня. Тогда хотар и брахман задают друг другу священные загадки; ими они возвращают ему и блеск и благочестие.

Справа от жертвенника стоит брахман; поистине, правая сторона — сторона брахмана. Брахман же — воплощение Брихаспати; и справа наделяет он благочестием приносящего жертву. Потому правая половина тела богаче благочестием, чем левая.

Слева от жертвенника стоит хотар; поистине, левая сторона — сторона хотара. Хотар же — воплощение Агни, а Агни — это блеск; и слева наделяет он блеском приносящего жертву. Потому левая половина тела богаче блеском, чем правая.

Стоя по обе стороны жертвенника, задают загадки хотар и брахман. Жертвенник же, поистине,— воплощение приносящего жертву; и хотар и брахман возвращают приносящему жертву блеск и благочестие.

«Что было первой мыслью?» — спрашивает хотар. «Небо, дождь — вот, поистине, первая мысль»,— отвечает брахман. И приносящий жертву овладевает небом и дождем.

«Что было большой птицей?» — спрашивает хотар. «Конь — вот, поистине, большая птица». И приносящий жертву овладевает конем.

«Что было темным?» — спрашивает хотар. «Ночь, поистине, темная». И приносящий жертву овладевает ночью.

«Что было полным?» — спрашивает хотар. «Шри, богиня блага, поистине, полная». И приносящий жертву овладевает пищей и прочими благами.

«Кто странствует в одиночестве?» — спрашивает брахман. «Это солнце, поистине, странствует в одиночестве»,— отвечает хотар. И приносящий жертву овладевает солнцем.

«Кто каждый раз рождается снова?» — спрашивает брахман. «Луна, поистине, каждый раз рождается снова». И приносящий жертву овладевает долгой жизнью.

«Какое есть лекарство от холода?» — спрашивает брахман. «Огонь — вот, поистине, лекарство от холода». И приносящий жертву овладевает благочестием.

«Что есть великий посев?» — спрашивает брахман. «Этот мир — вот, поистине, великий посев». И приносящий жертву утверждается в этом мире.

«Я спрашиваю тебя, где верхний предел земли?» — говорит хотар. «Жертвоприношение— вот, поистине, верхний предел земли»,— отвечает брахман. И приносящий жертву овладевает жертвенником.

«Я спрашиваю тебя, где пуп вселенной?» — говорит хотар. «Жертвоприношение — вот, поистине, пуп вселенной», — отвечает брахман. И приносящий жертву овладевает жертвоприношением.

«Я спрашиваю тебя, что есть семя могучего коня?» — говорит брахман. «Сома — вот, поистине, семя могучего коня», — отвечает хотар. И приносящий жертву овладевает соком сомы.

«Я спрашиваю тебя, что есть высшее небо Слова?» — говорит брахман. «Брахман — вот, поистине, высшее небо Слова», — отвечает хотар. И приносящий жертву овладевает благочестием.

ИЗ «УПАНИШАД»

БРИХАДАРАНЬЯКА-УПАНИШАДА (II, 4)

1. «Майтрейи,— сказал Яджнявалкья,— поистине, я собираюсь оставить это состояние домохозяина. Давай же я произведу раздел между тобой и Катьяяни».

2. Майтрейи сказала: «Господин. Если бы вся эта земля, полная богатства, сделалась моей, стала бы я от этого бессмертной?» — «Нет,— сказал Яджнявалкья.— Какова жизнь наделенных имуществом, такой стала бы и твоя жизнь. Но нет надежды достичь бессмертия с помощью богатства».

3. Майтрейи сказала: «Что я буду делать с тем, от чего все равно не стану бессмертной? Поведай мне, блаженный, что ты знаешь».

4. Яджнявалкья сказал: «Да. Ты всегда была дорога нам и говоришь дорогое. Подойди же и сядь — я объясню тебе это. А ты поразмысли над тем, что я буду объяснять».

5. И он сказал: «Поистине, не ради супруга дорог супруг, но ради Атмана дорог супруг. Поистине, не ради жены дорога жена, но ради Атмана дорога жена. Поистине, не ради сыновей дороги сыновья, но ради Атмана дороги сыновья. Поистине, не ради богатства дорого богатство, но ради Атмана дорого богатство. Поистине, не ради брахманства дорого брахманство, но ради Атмана дорого брахманство. Поистине, не ради кшатры дорога кшатра, но ради Атмана дорога кшатра. Поистине, не ради миров дороги миры, но ради Атмана дороги миры. Поистине, не ради богов дороги боги, но ради Атмана дороги боги. Поистине, не ради существ дороги существа, но ради Атмана дороги существа. Поистине, не ради всего дорого все, но ради Атмана дорого все. Поистине, лишь Атмана следует видеть, следует слышать, о нем следует думать,

следует размышлять, о Майтрейи. Поистине, когда Атмана видят и слышат, когда думают о нем и распознают его, все становится известно.

6. Брахманство оставляет того, кто считает брахманство отличным от Атмана. Кшатра оставляет того, кто считает кшатру отличной от Атмана. Миры оставляют того, кто считает миры отличными от Атмана. Существа оставляют того, кто считает существ отличными от Атмана. Все оставляет того, кто считает все отличным от Атмана. Это брахманство, эта кшатра, эти миры, эти боги, эти существа, это все — Атман.

7. Это подобно тому, как не могут быть восприняты сами по себе внешние звуки, возникающие, когда ударяют в барабан, но, благодаря восприятию барабана или ударяющего в барабан, воспринимается и звук.

8. Это подобно тому, как не могут быть восприняты сами по себе внешние звуки, возникающие, когда трубят в раковину, но, благодаря восприятию раковины или трубящего в раковину, воспринимается и звук.

9. Это подобно тому, как не могут быть восприняты сами по себе внешние звуки, возникающие, когда играют на лютне, но, благодаря восприятию лютни или играющего на лютне, воспринимается и звук.

10. Подобно тому как из огня, в который подложено сырое топливо, выходят один за другим клубы дыма, поистине, так же и с дыханием этого великого существа вышли «Ригведа», «Яджурведа», «Самаведа», «Атхарвангираса», итихаса, пураны, науки, упанишады, шлоки, сутры, анувьякхьяны, вьякхьяны. Все они вышли с его дыханием.

11. Это подобно тому, как океан — средоточие всех вод, как кожа — средоточие всех прикосновений, как ноздри — средоточие всех запахов, как язык — средоточие всех вкусов, как глаз — средоточие всех образов, как ухо — средоточие всех звуков, как разум — средоточие всех решений, как сердце — средоточие всех знаний, как руки — средоточие всех дел, как детородный орган — средоточие всех удовольствий, как задний проход — средоточие всех извержений, как ноги — средоточие всех путешествий, как речь — средоточие всех вед.

12. Подобно тому как брошенный в воду комок соли растворяется в воде и нельзя вытащить его снова, но какую часть воды ни возьмешь — она соленая, поистине, так же и эта великая, бесконечная, безграничная, состоящая из одного лишь распознавания сущность, возникнув из этих элементов, исчезает в них. Нет после смерти сознания. Так говорю я», — так сказал Яджнявалкья.

13. Тогда Майтрейи сказала: «Ты смутил меня, господин, словами: «нет после смерти сознания». Тогда он сказал: «Поистине, я не говорю смущающего. И этого достаточно, чтобы понять.

14. Ибо, где есть что-либо подобное двойственности, там один обоняет другого, там один видит другого, там один слышит другого, там один говорит другому, там один мыслит о другом, там один распознаёт другого. Но когда для него все стало Атманом, то как и кого сможет он обонять, то как и кого сможет видеть, то как и кого сможет слышать, то как и кому сможет говорить, то как и о ком сможет мыслить, то как и кого сможет распознать? Как сможет он распознать того, благодаря которому он распознаёт все это? Как сможет он распознать распознающего?»

ЧХАНДОГЬЯ-УПАНИШАДА (VI, 8—16)

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

1. Уддалака Аруни сказал своему сыну Шветакету: «Узнай от меня, дорогой, об истинной природе сна. Когда человек, как это называют, спит, то он, дорогой, достигает тогда высшего бытия, достигает самого себя. Поэтому и говорят: «Он спит»,— ибо он достигает самого себя.

2. Подобно тому как привязанная за веревку птица, устремляясь в разные стороны и не зная, где пристроиться, находит прибежище там, где она привязана, так, дорогой, и этот разум, устремляясь в разные стороны и не зная, где пристроиться, находит прибежище в дыхании. Ибо разум, дорогой, привязан к дыханию.

3. Узнай от меня, дорогой, о голоде и жажде. Когда человек, как это называют, голоден, то это вода уводит съеденное им. И как говорят: «уводящий коров, уводящий лошадей, уводящий людей»,— так говорят и о воде: «уводящая пищу». Знай, дорогой, что там поднимается этот росток-тело, ибо он не может быть без корня.

4. И где еще мог бы быть его корень, как не в пище? И также, дорогой, если пища — росток, ищи корень в воде. Если вода — росток, дорогой, ищи корень в жаре. Если жар — росток, дорогой, ищи корень в Сущем. Все эти творения, дорогой, имеют корень в Сущем, прибежище в Сущем, опору в Сущем.

5. Далее, когда человек, как это называют, испытывает жажду, то это жар уводит выпитое. И как говорят: «уводящий коров, уводящий лошадей, уводящий людей»,— так говорят и о жаре:

«уводящий воду». Знай, дорогой, что там поднимается этот росток, ибо он не может быть без корня.

6. И где еще мог бы быть его корень, как не в воде? Если вода — росток, дорогой, ищи корень в жаре. Если жар — росток, дорогой, ищи корень в Сущем. Все эти творения, дорогой, имеют корень в Сущем, прибежище в Сущем, опору в Сущем. О том, дорогой, как каждое из этих трех божеств, достигнув человека, стало тройным, было сказано раньше. И когда, дорогой, этот человек умирает, то его речь погружается в разум, разум — в дыхание, дыхание — в жар, жар — в высшее божество.

7. И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты одно с Тем, Шветакету!» — «Учи меня дальше, почтенный!» — «Хорошо, дорогой», — сказал он.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

1. «Подобно тому, дорогой, как пчелы, приготовляя мед, собирают соки различных деревьев и делают из них один сок,

2. и эти соки не различают себя там, говоря: «Я — сок этого дерева! Я — сок того дерева!» — так же точно, дорогой, и все эти существа, достигнув Сущего, не знают, что они достигли Сущего.

3. Кем они ни бывают здесь — тигром, или львом, или волком, или вепрем, или червем, или крылатым насекомым, или слепнем, или мошкой, — тем они и становятся вновь.

4. И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты — одно с Тем, Шветакету!» — «Учи меня дальше, почтенный!» — «Хорошо, дорогой», — сказал он.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

1. «Эти восточные реки, дорогой, текут на запад, западные — на восток. Они идут из моря в море, они становятся самим морем. И подобно тому, как они не знают там о себе: «Я — эта река. Я — та река», —

2. так же точно, дорогой, и все эти существа, придя из Сущего, не знают, что они пришли из Сущего. Кем они ни бывают здесь — тигром, или львом, или волком, или вепрем, или червем, или крылатым насекомым, или слепнем, или мошкой, — тем они и становятся вновь.

3. И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты — одно с Тем, Шветакету!» — «Учи меня дальше, почтенный!» — «Хорошо, дорогой», — сказал он.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

1. «Если бы, дорогой, ударили по корню этого большого дерева, то оно истекало бы древесным соком, продолжая жить. Если бы ударили посередине, то оно истекало бы, продолжая жить. Если бы ударили по верхушке, то оно истекало бы, продолжая жить. Будучи проникнуто живым Атманом, оно прочно стоит, постоянно поглощая влагу и пребывая в радости.

2. И если жизнь покидает одну его ветвь, та засыхает; если покидает вторую — та засыхает; если покидает третью — та засыхает; если покидает все дерево — то все оно засыхает. Знай же, дорогой, что это так»,— сказал он.

3. «Поистине, покинутое жизнью, это существо умирает, но сама жизнь не умирает. И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты — одно с Тем, Шветакету!» — «Учи меня дальше, почтенный!» — «Хорошо, дорогой»,— сказал он.

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

1. «Принеси сюда плод ньягродхи».—«Вот он, почтенный».— «Разломи его». —«Он разломан, почтенный».— «Что ты видишь в нем?» — «Эти маленькие семена, почтенный».—«Разломай же одно из них».—«Оно разломлено, почтенный».—«Что ты видишь в нем?»— «Ничего, почтенный».

2. И он сказал ему: «Поистине, дорогой, вот — тонкая сущность, которую ты не воспринимаешь; поистине, дорогой, благодаря этой тонкой сущности существует эта большая ньягродха. Верь этому, дорогой.

3. И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты — одно с Тем, Шветакету!» — «Учи меня дальше, почтенный!» — «Хорошо, дорогой»,— сказал он.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

1.«Положи эту соль в воду и приди ко мне утром». И тот так и сделал. Отец сказал ему: «Принеси-ка ту соль, которую ты вечером положил в воду». И, поискав, он не нашел соли, ибо она растворилась.

2. Отец сказал: «Попробуй-ка эту воду сверху — какая она?»—«Соленая».—«Попробуй со дна — какая она?»—«Соленая».— «Попробуй с середины — какая она?» — «Соленая». — «Оставь ее и приблизься ко мне». И тот так и сделал и сказал: «Она все время

одинакова». Отец сказал ему: «Поистине, дорогой, ты не воспринимаешь здесь Сущего, но здесь оно и есть.

3. И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты — одно с Тем, Шветакету!» — «Учи меня дальше, почтенный!» — «Хорошо, дорогой,» — сказал он.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

1. «Подобно тому, дорогой, как если человека уведут с завязанными глазами из страны гандхарцев, и затем оставят его в безлюдном месте, и он будет восклицать, поворачиваясь то к востоку то к северу, то к югу, то к западу: «Меня привели сюда с завязанными глазами, меня оставили здесь с завязанными глазами!» —

2. и если, сняв с него повязку, ему скажут: «В той стороне — гандхарцы, иди в ту сторону», — то, спрашивая дорогу от деревни к деревне, сведущий и рассудительный, он достигнет гандхарцев, — точно так же и здесь человек, имеющий наставника, знает: «Я буду в этом мире, пока не освобожусь, затем я достигну цели».

3. И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты — одно с Тем, Шветакету!» — «Учи меня дальше, почтенный!» — «Хорошо, дорогой», — сказал он.

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

1. «Так, дорогой, вокруг смертельно больного человека собираются родные и спрашивают: «Ты узнаешь меня? Ты узнаешь меня?» И пока его речь не погружается в разум, разум — в дыхание, дыхание — в жар, жар — в высшее божество, до тех пор он узнает их.

2. Когда же его речь погружается в разум, разум — в дыхание, дыхание — в жар, жар — в высшее божество, то он не узнает их.

3. И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты — одно с Тем, Шветакету!» — «Учи меня дальше, почтенный!» — «Хорошо, дорогой», — сказал он.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

1. «Так, дорогой, схватив за руки, ведут человека, говоря: «Он утащил, он совершил воровство, раскалите для него топор!» И если он совершил это воровство, то он делается лжецом. Стремящийся к лжи, покрыв себя ложью, он берется за раскаленный топор. Он обжигается, и тогда его убивают.

2. Если же он не совершил этого воровства, то он делается правдивым. Стремящийся к правде, покрыв себя правдой, он берется за раскаленный топор. Он не обжигается, и тогда его освобождают.

3. То, что он не обжигается при этом, и есть основа всего существующего, То — действительное. То — Атман. Ты — одно с Тем, Шветакету!» Вот что тот узнал от него, узнал от него.

КАТХА-УПАНИШАДА (I, 1)

1. Поистине, Ваджашраваса охотно отдал все свое достояние. У него был сын по имени Начикетас.

2. И когда давались дары жрецам, вера проникла в него, бывшего еще мальчиком, и он подумал:

3. «Вот они выпили воду, съели траву, выдоено их молоко, они бесплодны. Воистину, безрадостны миры, в которые идет отдающий этих коров».

4. И он сказал отцу: «Отец, кому ты отдашь меня?» Во второй, в третий раз повторил он это, и отец в гневе сказал ему: «Смерти я отдам тебя!».

5. Начикетас сказал: «Среди многих иду я первым, среди многих иду я средним. Каков же долг Ямы, что он совершит сегодня через меня?

6. Погляди назад на прежних людей, погляди вперед на будущих,— подобно зерну, созревает смертный; подобно зерну, рождается он вновь».

7. «Подобно огню, входит часто брахман в дома, где ему доставляют это успокаивающее подношение. Принеси же воды, Вайвасвата.

8. Надежда и ожидание, общение с друзьями, радость, жертвоприношение и добрые дела, сыновья и скот — все это гибнет у скудоумного человека, в доме которого живет брахман, не получающий пропитания».

9. «Раз ты провел три ночи в моем доме, не получив пропитания, о брахман, почетный гость,— да будет тебе почет, брахман! Да будет мне благо! Выбирай поэтому себе три дара».

10. Начикетас сказал: «О смерть, да успокоится в своем стремлении Гаутама, мой отец, и станет милостивым, да исчезнет его гнев на меня, да признает и приветствует он меня, отпущенного тобой,— таков первый дар из трех, что я выбираю».

11. Яма сказал: «Как встарь, признáет тебя Ауддалаки Аруни по моей милости, он будет спокойно спать по ночам, исчезнет его гнев при виде тебя, спасенного из пасти смерти».

12. Начикетас сказал: «В небесном мире нет никакого страха, там нет тебя и не боятся старости. Преодолев обоих — голод и жажду,— уйдя за пределы печали, радуются люди в небесном мире.

13. Ты, смерть, знаешь об этом небесном огне. Поведай о нем мне, полному веры,— о том, как обитатели небесного мира наслаждаются бессмертием,— это я выбираю как второй дар».

14. Яма сказал: «Я поведаю тебе о небесном огне — внимай же мне, Начикетас, постигая это. Знай, что этот огонь — достижение бесконечного мира, основа, скрытая в тайнике сердца».

15. И Яма рассказал ему об огне — начале мира, о составных частях жертвенного алтаря — каковы они, сколько их и каков их порядок. И тот повторил то, что ему было сказано. Тогда удовлетворенный бог смерти снова обратился к нему.

16. И великодушный Яма сказал ему, умилостивленный: «Сейчас я дам тебе здесь еще один дар: да будет этот огонь известен под твоим именем. Возьми эту многообразную цепь.

17. Кто трижды возжег огонь начикетас, тот, соединившись с тремя, совершает три действия, преодолевает рождение и смерть. Познав и испытав знающего сотворенное Брахманом, божественного, досточтимого, он достигает бесконечного покоя.

18. Кто трижды возжег огонь начикетас, познав эту триаду, и, зная так, размышляет об огне начикетасе, тот, отбросив от себя узы смерти, преодолев печаль, радуется в небесном мире.

19. Это — твой небесный огонь, Начикетас, который ты выбрал себе как второй дар. Этот огонь все люди и назовут твоим именем. Выбирай же себе третий дар».

20. Начикетас сказал: «Сомнение возникает после смерти человека,— одни говорят: «Он есть»,— другие: «Его нет».— Да узнаю я это, обученный тобой. Вот третий дар из даров».

21. Яма сказал: «Даже боги до сих пор сомневаются здесь, ибо не легко распознать это тонкое рассуждение. Выбери себе другой дар, Начикетас, не обременяй меня, освободи меня от этого».

22. Начикетас сказал: «Даже боги — и то сомневаются здесь, и ты, бог смерти сказал, что это нелегко распознать. Не найти другого наставника в этом, равного тебе. Нет никакого другого дара, равного этому».

23. Яма сказал: «Выбери себе в дар сыновей и внуков, что проживут сотню лет; множество скота, слонов, золото, коней; выбери себе во владение обширные угодья на земле и живи сам столько осеней, сколько хочешь.

24. Если ты считаешь это равным даром, выбирай себе богатство и долгую жизнь, процветай, Начикетас, на великой земле, я сделаю тебя обладателем [всего] желанного.

25. Какие ни бывают недостижимые желания в мире смертных — проси себе вволю все, что желаешь. Вот красавицы на колесницах, сопровождаемые музыкой,— такие недоступны людям. Пусть, подаренные мною, они служат тебе, Начикетас,— не спрашивай только о смерти».

26. Начикетас сказал: «Преходящи эти удовольствия у смертного, о Антака, они иссушают жар всех чувств, да и жизнь-то вся коротка. Пусть же остаются у тебя повозки, танцы, пение.

27. Не должен человек радоваться богатству: разве сможем мы владеть богатством, если увидим тебя? Будем ли мы жить, пока ты правишь? Лишь этот дар следует мне избрать.

28. Кто из подверженных уничтожению и смерти внизу, на земле, станет радоваться слишком долгой жизни после того, как приблизится к неуничтожимости и бессмертию, узнает и поразмыслит об удовольствиях, рожденных внешней оболочкой и страстью?

29. Скажи нам, смерть, о том, в чем сомневаются, что заключено в великом переходе,— этот дар, проникший в сокрытое, а не иной, выбирает Начикетас».

ИЗ «ДХАММАПАДЫ»

I. ГЛАВА ПАРНЫХ СТРОФ

1

Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом, то за ним следует несчастье, как колесо за следом везущего.

2

Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с чистым разумом, то за ним следует счастье, как неотступная тень.

3

«Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». У тех, кто таит в себе такие мысли, ненависть не прекращается.

4

«Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». У тех, кто не таит в себе таких мыслей, ненависть прекращается.

5

Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма.

6

Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть. У тех же, кто знает это, сразу прекращаются ссоры.

7

Того, кто живет в созерцании удовольствий, необузданного в своих чувствах, неумеренного в еде, ленивого, нерешительного,— именно его сокрушает Мара, как вихрь — бессильное дерево.

8

Того, кто живет без созерцания удовольствий, сдержанного в своих чувствах и умеренного в еде, полного веры и решительности,— именно его не может сокрушить Мара, как вихрь не может сокрушить каменную гору.

9

Кто облачается в желтое одеяние, сам не очистившись от грязи, не зная ни истины, ни самоограничения, тот недостоин желтого одеяния.

10

Но кто избавился от грязи, кто стоек в добродетелях, исполнен истины и самоограничения, именно тот достоин желтого одеяния.

11

Мнящие суть в не-сути и видящие не-суть в сути, они никогда не достигнут сути, ибо их удел — ложные намерения.

12

Принимающие суть за суть и не-суть за не-суть, они достигнут сути, ибо их удел — истинные намерения.

13

Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, так в плохо развитый ум просачивается вожделение.

14

Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, так в хорошо развитый ум не просачивается вожделение.

15

В этом мире сетует он и в ином — сетует. В обоих мирах злочинец сетует. Он сетует, он страдает, видя зло своих дел.

16

В этом мире радуется он и в ином — радуется. В обоих мирах творящий добро радуется. Он радуется — не нарадуется, видя непорочность своих дел.

17

В этом мире страдает он и в ином — страдает, в обоих мирах злочинец страдает. «Зло сделано мной»,— страдает он. Еще больше страдает он, оказавшись в беде.

18

В этом мире ликует он и в ином — ликует, в обоих мирах творящий добро ликует. «Добро сделано мной!»— ликует он. Еще больше ликует он, достигнув счастья.

19

Если даже человек постоянно твердит Писание, но, нерадивый, не следует ему, он подобен пастуху, считающему коров у других. Он непричастен к святости.

20

Если даже человек мало повторяет Писание, но живет, следуя дхамме, освободившись от страсти, ненависти и невежества, обладая истинным знанием, свободным разумом, не имея привязанностей ни в этом, ни в ином мире,— он причастен к святости.

III. ГЛАВА О МЫСЛИ

33

Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу.

34

Как рыба, вырванная из своей стихии и брошенная на сушу, дрожит эта мысль: лишь бы вырваться из-под власти Мары.

35

Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало,— благо. Обузданная мысль приводит к счастью.

36

Пусть мудрец стережет свою мысль, трудно постижимую, крайне изощренную, спотыкающуюся где попало. Стереженая мысль приводит к счастью.

37

Те, которые смирят свою мысль, блуждающую вдалеке, бредущую в одиночку, бестелесную, скрытую в сердце, освободятся от Мары.

38

У того, чья мысль нестойка, кто не знает истинной дхаммы, чья вера колеблется,— мудрость не становится совершенной.

39

В непорочной мысли, в невсполошенной мысли, отказавшейся от добра и зла, в бодрствующей нет страха.

40

Зная, что это тело подобно скудели, превратив эту мысль в подобие крепости, пусть он с оружием мудрости нападет на Мару, и да сохранит он победу, и да будет он свободен от привязанности.

41

Увы! Недолго это тело проживает на земле, отверженное, бесчувственное, бесполезное, как чурбан.

42

Что бы ни сделал враг врагу или же ненавистник ненавистнику, ложно направленная мысль может сделать еще худшее.

43

Что бы ни сделали мать, отец или какой другой родственник, истинно направленная мысль может сделать еще лучшее.

IV. ГЛАВА О ЦВЕТАХ

46

Знающий, что это тело подобно пене, понимающий его призрачную природу, сломавший украшенные цветами стрелы Мары, пусть он пройдет невидимый для царя смерти.

47

Человека же, срывающего цветы, чей ум в шорах, похищает смерть, как наводнение — спящую деревню.

48

Человека же, срывающего цветы, чей ум в шорах, ненасытного в чувственных утехах, смерть делает подвластным себе.

49

Как пчела, набрав сока, улетает, не повредив цветка, его окраски и запаха, так же пусть мудрец поступает в деревне.

50

Пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и не сделанное другими, но на сделанное и не сделанное им самим.

51

Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишенный аромата.

52

Хорошо сказанное слово человека, следующего ему, плодоносно, как прекрасный цветок с приятной окраской и благоухающий.

53

Как из вороха цветов можно сделать много венков, так и смертный, когда он родится, может совершить много добрых дел.

54

У цветов аромат не распространяется против ветра, также — у сандалового дерева, у тагары или у жасмина. Аромат же добродетельных распространяется и против ветра. Благой человек проникает во все места.

55

Сандаловое дерево или тагара, лотос или вассика — среди их ароматов аромат благих дел — непревзойденнейший.

V. ГЛАВА О ГЛУПЦАХ

60

Длинна ночь для бодрствующего, длинна йоджана для уставшего, длинна сансара для глупцов, не знающих истинной дхаммы.

61

Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть он укрепится в одиночестве: с глупцом не бывает дружбы.

62

«Сыновья — мои, богатство — мое», — так мучается глупец. Он ведь сам не принадлежит себе. Откуда же сыновья? Откуда богатство?

63

Глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, а глупец, мнящий себя мудрым, воистину, как говорится, «глупец».

64

Если глупец связан с мудрым даже всю свою жизнь, он знает дхамму не больше, чем ложка — вкус похлебки.

65

Если хотя бы мгновение умный связан с мудрым, быстро знакомится он с дхаммой, как язык с вкусом похлебки.

66

Не имея разума, глупцы поступают с собой, как с врагами, совершая злое дело, которое приносит горькие плоды.

67

Нехорошо сделано то дело, совершив которое раскаиваются, чей плод принимают с заплаканным лицом, рыдая.

68

Но хорошо сделано то дело, сделав которое не раскаиваются, чей плод принимают радостно и удовлетворенно.

69

Пока зло не созреет, глупец считает его подобным меду. Когда же зло созреет, тогда глупец предается горю.

70

Пусть глупец месяц за месяцем ест пищу с кончика травинки куса, все-таки он не стоит и шестнадцатой части тех, кто знает дхамму.

71

Ибо, как не сразу свертывается молоко, так содеянное злое дело не сразу приносит плоды; тлея, подобно огню, покрытому пеплом, оно следует за этим глупцом.

72

Когда же глупец, на свое несчастье, овладевает знанием, оно уничтожает его удачливый жребий, разбивая ему голову.

VI. ГЛАВА О МУДРЫХ

76

Если кто увидит мудреца, указывающего недостатки и упрекающего за них, пусть он следует за таким мудрецом, как за указывающим сокровище. Лучше, а не хуже будет тому, кто следует за таким.

77

Пусть он советует, поучает и удерживает от зла. Он ведь приятен доброму и неприятен злому.

78

Пусть никто не соединяется с плохими друзьями, пусть никто не соединяется с низкими людьми. Привяжитесь к хорошим друзьям, привяжитесь к благородным людям.

79

Вкушающий дхамму живет счастливо; с чистым умом, мудрец всегда восхищается дхаммой, возвещенной Благородным.

80

Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя.

81

Как крепкая скала не может быть сдвинута ветром, так мудрецы непоколебимы среди хулений и похвал.

82

Услышав дхаммы, мудрецы становятся чистыми, как пруд, глубокий, чистый и незамутненный.

83

Добродетельные продолжают свой путь при любых условиях Благие, даже томясь желанием, не болтают. Тронутые счастьем или же горем, мудрецы не показывают ни того, ни другого.

84

Ни ради самого себя, ни ради другого не возжелает он ни сына, ни богатства, ни царства. На незаконной стезе не возжелает он себе успеха. Да будет он благороден, мудр и справедлив.

85

Немногие среди людей достигают противоположного берега. Остальные же люди только суетятся на здешнем берегу.

86

Те же люди, которые действительно следуют дхамме, когда дхамма хорошо возвещена, достигнут противоположного берега, минуя царство смерти, хотя его и трудно избежать.

IX. ГЛАВА О ЗЛЕ

116

Пусть он торопится совершить благое; от зла пусть он удерживает свой ум. Ибо ум того, кто не спешит делать добро, находит удовольствие в зле.

117

Если даже человек сделал зло, пусть он не делает его снова и снова, пусть не строит на нем свои намерения. Накопление зла — горестно.

118

Если даже человек сделал добро, пусть он делает его снова и снова, пусть строит на нем свои намерения. Накопление добра — радостно.

119

Даже злой видит счастье, пока зло не созрело. Но когда зло созреет, тогда злой видит зло.

120

Даже благой видит зло, пока благо не созрело. Но когда благо созреет, тогда благой видит благо.

121

Не думай легкомысленно о зле: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Глупый наполняется злом, даже понемногу накапливая его.

122

Не думай легкомысленно о добре: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Умный наполняется добром, даже понемногу накапливая его.

123

Пусть избегает он зла, как купец без спутников, но с большим богатством — опасной дороги, как желающий жить — яда.

124

Если рука не ранена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу.

125

К тому, кто обижает безвинного человека, чистого и безупречного человека, именно к такому глупцу возвращается зло, как тончайшая пыль, брошенная против ветра.

126

Одни возвращаются в материнское лоно, делающие зло попадают в преисподнюю, праведники — на небо, лишенные желаний достигают нирваны.

127

Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущий избавился от последствий злых дел.

128

Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущего не победила смерть.

XI. ГЛАВА О СТАРОСТИ

146

Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света?

147

Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства.

148

Изношено это тело, гнездо болезней, бренное; эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет концом — смерть.

149

Что за удовольствие видеть эти голубоватые кости, подобные разбросанным тыквам в осеннюю пору?

150

Из костей сделана эта крепость, плотью и кровью оштукатурена; старость и смерть, обман и лицемерие заложены в ней.

151

Изнашиваются даже разукрашенные царские колесницы, так же и тело приближается к старости. Но дхамма благих не приближается к старости, ибо добродетельные поучают ей добродетельных.

152

Малознающий человек стареет, как вол: у него разрастаются мускулы, знание же у него не растет.

153

Я прошел через сансару многих рождений, ища строителя дома, но не находя его. Рожденье вновь и вновь — горестно.

154

О строитель дома, ты видишь! Ты уже не построишь снова дома. Все твои стропила разрушены, конек на крыше уничтожен. Разум на пути к развеществлению достиг уничтожения желаний.

155

Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, гибнут, как старые цапли на пруду, в котором нет рыб.

156

Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, лежат, как сломанные луки, вздыхая о прошлом.

XV. ГЛАВА О СЧАСТЬЕ

197

О! Мы живем очень счастливо, невраждующие среди враждебных; среди враждебных людей живем мы, невраждующие.

198

О! Мы живем очень счастливо, небольные среди больных; среди больных людей живем мы, небольные.

199

О! Мы живем очень счастливо, нетомящиеся среди томящихся; среди томящихся людей живем мы, нетомящиеся.

200

О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как сияющие боги.

201

Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказавшийся от победы и поражения.

202

Нет огня большего, чем страсть; нет беды большей, чем ненависть; нет несчастья большего, чем тело; нет счастья, равного спокойствию.

XVIII. ГЛАВА О СКВЕРНЕ

235

Как увядший лист, ты теперь, и посланцы Ямы пришли за тобой. И ты стоишь у порога смерти, и у тебя нет даже запаса на дорогу.

236

Сотвори себе остров, борись энергично, будь мудрым. Очищенный от скверны, безупречный, ты достигнешь небесного царства благородных.

237

И вот твоя жизнь подошла к концу. Ты приблизился к Яме, а между тем у тебя нет даже дома, и нет у тебя даже запаса на дорогу.

238

Сотвори себе остров, борись энергично, будь мудрым! Очищенный от скверны, безупречный, ты не придешь больше к рожденью и старости.

239

Постепенно, мало-помалу, время от времени, мудрец должен стряхивать с себя грязь, как серебряных дел мастер — с серебра.

ИЗ «СУТТА-НИПАТЫ»

СУТТА О ДХАНИЙЕ

(«СУТТА-НИПАТА», 18—34)

Пастух Дханийя

«Сварен рис у меня, сдоено молоко,
Со своими живу у берега Махи;
Крышей хижина крыта, огонь зажжен,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Б л а ж е н н ы й

«Гнева нет у меня, чист я от скверны;
Ночь одну проведу у берега Махи;
Крыши нет надо мною, огонь потух,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

П а с т у х Д х а н и й я

«Здесь нет ни оводов, ни комаров;
В поймах на сочных лугах стада пасутся;
Ливень хлынет — они его перетерпят,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Б л а ж е н н ы й

«Плот надежный я себе сколотил;
Переплыв поток, вышел на тот берег;
Больше этот плот не надобен мне,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

П а с т у х Д х а н и й я

«Спутница долгих лет, милая сердцу,
Пастушка моя послушна и благонравна;
Ничего дурного о ней я не слышу,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Б л а ж е н н ы й

«Укрощенная после борьбы долголетней,
Мысль моя послушна мне и свободна.
Нет во мне теперь ничего дурного,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

П а с т у х Д х а н и й я

«В средствах я ни от кого не завишу.
Мои сыновья со мной, они здоровы;
Ничего дурного о них я не слышу,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Б л а ж е н н ы й

«Я никому не служу, мне не платят:
Съем что подадут и скитаюсь по свету.
Нет мне надобности служить,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Пастух Дханийя

«Есть у меня коровы, телята есть,
Стельные коровы есть и есть телки,
И бык, коров повелитель, есть у меня,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Блаженный

«Нет у меня коров, телят нет,
Нет стельных коров и нет телок,
И быка, коров повелителя, нет у меня,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Пастух Дханийя

«Глубоко и прочно врыты столбы;
Новы и крепки эти веревки из мунджи.
Даже бычкам молодым не сорвать привязь,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Блаженный

«Словно бык, разорвав на себе путы,
Растоптав их, будто слон — лианы,
Я освободился от новых рождений,—
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

И тут, затопляя холмы и долины,
На землю с небес обрушился ливень.
И, заслышав шум дождя, Дханийя
Такое тогда промолвил слово:

«О, немалое обрели мы благо —
Блаженный явился взорам нашим.
К тебе прибегаем мы, о Зрящий!
Будь учителем нашим, великий муни!

Послушны мы оба — я и пастушка.
Будем жить в благочестье рядом с Блаженным.
Преодолеем смерть и рожденье,
Навсегда положим конец страданьям».

Мара-грешник

«Сыновьями счастлив имеющий сыновей.
Имеющий коров коровами счастлив.
Привязанности приносят человеку счастье, —
Ведь несчастлив тот, кто ни к чему не привязан».

Блаженный

«Из-за сыновей скорбит имеющий сыновей.
Имеющий коров из-за коров плачет.
Привязанности приносят человеку горе, —
Лишь тот не скорбит, кто ни к чему не привязан».

СУТТА О ДРУЖЕСТВЕННОСТИ

(«СУТТА-НИПАТА», 142—151)

Что дóлжно делать узревшему благо,
Тому, кто ступил на стезю покоя?
Он должен быть сильным, прямым и честным,
Сдержанным в речи, негордым, кротким,

Всегда довольным и недерзким,
Нетребовательным, несуетливым,
Благоразумным и спокойным,
Нежадным, довольствующимся немногим;

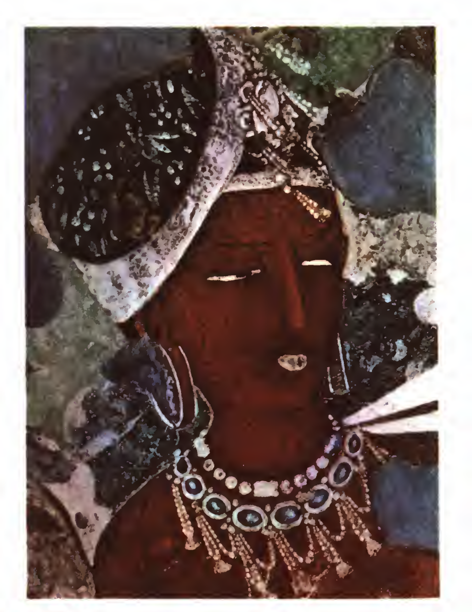
И он не должен делать такого,
Что мудрецы осудить могли бы.
Пусть будут в радости и покое,
Пусть все существа счастливыми будут!

Какие ни есть существа живые —
Сильные, слабые — все без остатка;
Длинные, средние и короткие,
Огромные, маленькие и большие,

Те, что видимы, и те, что незримы,
Те, что живут далеко, и те, что близко,
Те, что уже родились, и те, что родятся, —
Пусть все существа счастливыми будут!

И пусть один не унижает другого,
Пусть никто никого нисколько не презирает!
В гневе или чувствуя нерасположенье
Да не возжелает один другому несчастья!

И, как мать, не жалея собственной жизни,
Заботится о своем единственном сыне,
Так ко всем живым существам дóлжно
Воспитывать в себе безмерное чувство.



Голова апсары.
Фрагмент фрески из Аджанты (пещера XVII). V в.

Дружественность ко всему живому
Дóлжно в себе растить, чувство,
Свободное от вражды, недоверия, злости,
Вверх, вниз, вширь не знающее предела.

И когда ты стоишь, сидишь или ходишь,
И когда ты лежишь без сна — все время
Сосредоточенно думай об этом,
Ибо это — высшее состояние в жизни.

А кто не поддался воззрениям ложным,
Кто добродетелен и наделен знаньем,
Кто подавил в себе стремленье к усладам,
Тот освободился от новых рождений.

СУТТА О МУНИ

(«СУТТА-НИПАТА», 207—221)

От близости рождается страх,
От дома рождается пыль.
Быть бездомным, быть одиноким —
Вот чего хочет муни.

Если он родившееся вырвал с корнем,
Нарождающемуся неоткуда взяться.
Говорят о таком, одиноко живущем:
«Сей великий мудрец узрел стезю покоя».

Любви ему ничто уж внушить не может.
Ведь, постигнув вещи, он уничтожил ее семя.
Он — муни, конец рождений и смерти зрящий;
Он отбросил сомненья; он не может быть назван.

Все обители и прибежища он знает,
Но из них ни одного не желает.
Он — неалчущий, невожделеющий муни;
Он уже на том берегу; он покоен.

Он все одолел, все знает, он премудрый.
Что бы ни случилось, он незапятнан.
Все ушло, жажда исчезла, он свободен, —
Вот таким мудрые знают муни.

Сосредоточенный, праведный, мудростью сильный,
В созерцании находящий усладу,
Он очищен от язв и скверны, он свободен, —
Вот таким мудрые знают муни.

Он живет один, молчалив и серьезен;
Ни хула, ни хвала его не волнуют;
Он — как лев, не вздрагивающий от шума,
Он — как ветер, неуловимый сетями,
Он — как лотос, к которому не липнет влага;
Он ведет других, сам никем не ведомый,—
Вот таким мудрые знают муни.

Он подобен столбу в местах омовений,
При котором всяк говорит, что хочет.
Вот таким — бесстрастным, сдержанным в чувствах,—
Вот таким мудрые знают муни.

Неуклонный, словно челнок ткацкий,
О праведном и неправедном размышляя,
Отвращается он от дурных деяний,—
Вот таким мудрые знают муни.

Самообузданный, он не делает злого.
Молод иль нет — он всегда сдержан.
Негневливый сам, никого не гневит он,—
Вот таким мудрые знают муни.

Ест он то, что подадут другие.
Дадут ли из полного блюда или остатки,
Он берет, не славя подателя и не ругая,—
Вот таким мудрые знают муни.

Целомудренный, он живет одиноко,
В расцвете юности ни к чему не влечется.
Противны ему лень и беспечность,—
Вот таким мудрые знают муни.

Мир познав, он высшую истину зрит,
Он переплыл поток, пересек океан безбрежный.
Вот таким — непривязанным, порвавшим путы,—
Вот таким мудрые знают муни.

Мирянин с женой и праведник бескорыстный —
Как сравнить их, столь непохоже живущих?
Мирянин волен отнять жизнь у другого.
Всегда защищает живых сдержанный муни.

Как синегорлому павлину в полете
Никогда не достичь быстроты гуся,
Так мирянину не сравниться с бхикшу,
С одиноко в лесу размышляющим муни!

СУТТА ОБ ОТРЕЧЕНИИ

(«СУТТА-НИПАТА», 405—424)

Я поведаю об отреченье,
О том, как отрекся Зрящий,
О том, как, все обдумав,
Он избрал отреченье от мира.

«О, как тесно жить в доме,
В этом вместилище пыли!
Отреченье — жизнь на просторе»,—
Так решив, он отрекся от мира.

Отрешившись, он отвратился
От грехов, совершаемых телом,
Уничтожил проступки в речи,
Очистил свое пропитанье.

Отмеченный лучшими знаками,
Пошел к Раджагахе Будда,
И в главный город магадхов
Вошел он за подаяньем.

Тут увидел его Бимбисара,
На террасе дворца стоявший,
И, узрев богатого знаками,
Сказал своим приближенным:

«Взгляните на него, почтенные!
Он чист, высок и прекрасен,
Добродетелей преисполнен
И вперед глядит лишь на сажень;

Вниз глаза опустил, собран...
Нет, он не низкого рода!
Эй, слуги, бегом бегите
И, где живет он, узнайте!»

И посланные царем слуги
Побежали за ним следом,—
Куда направится бхикшу?
Под каким укроется кровом?

Он же, собранный и разумный,
Сдержанный, себя обуздавший,
От двери к двери переходя,
Быстро наполнил кружку.

А затем, собрав подаянья,
Вышел из города муни
И повернул к Пандаве,—
Так вот где он жить будет!

Когда он вошел в жилище,
Послы подошли поближе,
А один из них, возвратившись,
Царю обо всем поведал:

«Этот бхикшу, великий царь,
На восточном склоне Пандавы
Сидит, как могучий тигр,
Как лев в горной пещере».

Слово вестника услышав,
Царь на колеснице прекрасной
Отправился, поспешая,
Прямо к горе Пандаве.

Там, где кончалась дорога,
Кшатрий сошел с колесницы
И, пешком добравшись до места,
Вошел в хижину к бхикшу.

Усевшись, царь обменялся
С ним приветственными речами.
А затем, после приветствий,
Сказал он такое слово:

«Ты, юноша, совсем молод,
В нежном возрасте, почти мальчик,
Как родовитый кшатрий,
Красотой великой отмечен.

Я — царь, украшение войска,
Первейший из героев,—
Дарую тебе богатство.
Скажи мне, откуда ты родом?»

«В Косале, царь, прямо
У подножия Гималаев
Есть земля, что славится всюду
Могуществом и богатством.

Из славного племени сакьев,
Прародитель которого — Солнце,
Я ушел, отрешившись от мира,
Не стремясь ни к каким усладам.

В наслаждениях видя опасность,
В отречении зря защиту,
Я буду прилежно трудиться —
Для меня только в этом радость!»

СУТТА О СТРЕЛЕ

(«СУТТА-НИПАТА», 574—593)

Воистину жизнь смертных
Беспричинна и непонятна,
Краткосрочна и беспокойна,
Исполнена мук тяжких.

Невозможно ведь так сделать,
Чтоб не умереть, родившись.
За старостью следует смерть,—
Таков закон непреложный.

Как у плодов созревших
Страх поутру сорваться,
Так и у тех, кто родился,
Вечный страх перед смертью.

Ведь, как кувшины и чаши,
Что сделал из глины горшечник,
Все когда-нибудь разобьются,
Так прервется и жизнь смертных.

Глупец и мудрец ученый,
Старик и юноша нежный —
Все они кончат смертью,
Над всеми — власть смерти.

И когда она их настигнет
И они отсюда уходят,
Не удержать тогда отцу сына,
Родичу не защитить родного.

Подряд, как коров на бойню,
Смерть уводит с собой смертных
А родные глядят им вслед,
Тоскуя и горько плача.

Как видишь, мир поражен
Старостью и смертью.
Но мудрецы не скорбят,
Непреложность закона зная.

Ведь тебе не известен путь,
Каким он пришел и ушел.
Не зная конца пути,
О чем ты рыдаешь?

И если бы тот, кто скорбит,
Как безумный, себя терзая,
Выигрывал этим хоть что-то,
То же делал бы мудрый.

Но скорбью и горьким плачем
Не обретают покоя.
Лишь сильней становятся муки,
Слабеет и сохнет тело.

Тот, кто себя терзает,
Становится худ и бледен.
Но ему не вернуть умерших.
Тщетны рыданья и вопли.

Не убивающий скорбь
Страдает еще сильнее;
Рыдающий над покойным
Попадает во власть скорби.

Взгляни на этих людей,
Спешащих к перерожденью,—
Они, в лапы смерти попав,
Как рыбы в сетях, бьются.

Все ведь бывает не так,
Как о том помышляешь.
Знай же — разлука эта
С родными неизбежна.

И пусть даже сотню лет
Ты проживешь или больше,
Все равно от близких уйдешь,
Расставшись с жизнью здешней.

Так перестань же рыдать!
Послушай совет архата,
О покойном скажи себе:
«Мне его не найти больше».

Когда загорается дом,
Пламя тушат, залив водою.
Так и тот, кто мудр и учен,
Тверд и исполнен достоинств,
Разгоняет возникшую скорбь
Тут же, как ветер — солому.

И если счастья желаешь,
То причитанья и вопли,
Желания и недовольства,—
Эту стрелу — из себя вырви!

Отравленную стрелу вырвав,
Покой обретешь душевный.
Уничтожив в себе все печали,
Беспечальным станешь, потухшим.

ИЗ «ТХЕРАГАТХИ» И «ТХЕРИГАТХИ»

ГАТХА ТХЕРЫ САППАКИ
(«ТХЕРАГАТХА», 307—310)

Когда журавлиха, завидев черную тучу,
Расправляет ослепительно-белые крылья
И в страхе, стремясь укрыться от ливня, летит к скалам,
Аджакара́ни-река бывает тогда так прекрасна!

Когда журавлиха, завидев черную тучу,
Взмывает вверх, белизною слепящей сверкая,
И в страхе, не зная, где скрыться, расселину ищет,
Аджакарани-река бывает тогда так прекрасна!

Да и как тут в восторг не прийти
От раскидистых джа́мбу,
Что украшают берег реки
За моею пещерой?

Лягушкам здесь не угрожает змеиное племя.
Важно квакая, они говорят друг другу:
«Еще не время уходить от горных речек;
Аджакарани надежна, благостна и прекрасна».

ГАТХА ТХЕРЫ БХУТЫ
(«ТХЕРАГАТХА», 518—526)

Когда мудрый постиг, что не только старость и смерть,
Но и все, к чему влекутся глупцы, есть страданье,
И теперь размышляет, страданье поняв до конца,—
Есть ли в мире бо́льшее наслажденье?

Когда привязанность, приносящую горе,
Всеми печалями мира чреватую жажду
Победив и уничтожив в себе, он размышляет,—
Есть ли в мире бо́льшее наслажденье?

Когда благой, изгоняющий всякую скверну,
Восьмеричный путь, из всех путей наилучший,
Мудрости оком узрев, он размышляет,—
Есть ли в мире большее наслажденье?

Когда он творит в себе независимый мир,
Где царит покой, где нет печали и нет пыли
И где разрываются все оковы и все путы,—
Есть ли в мире большее наслажденье?

Когда в небе гремят барабаны грома
И потоки дождя затопляют пути птичьи,
А бхикшу, в пещере укрывшись, размышляет,—
Есть ли в мире большее наслажденье?

Когда на берегу заросшей цветами реки,
Над которой в венок сплелись верхушки деревьев,
Он сидит и, радостный, размышляет,—
Есть ли в мире большее наслажденье?

Когда глубокой ночью в безлюдном лесу
Дикие звери рычат и ливень шумит,
А бхикшу, в пещере укрывшись, размышляет,—
Есть ли в мире большее наслажденье!

Когда, бесстрашный, мысли свои укротив,
Среди скал, под сводом пещеры горной
Он, от скверны очистившись, размышляет,—
Есть ли в мире большее наслажденье?

И когда, счастливый, без печали, смыв скверну,
От помех, страстей, желаний освободившись
И все язвы уничтожив, он размышляет,—
Есть ли в мире большее наслажденье?

ГАТХА ТХЕРЫ КАЛУДАЙИНА
(«ТХЕРАГАТХА», 527—536)

Деревья, почтенный, сейчас словно тлеющий уголь.
Сбросив сухую листву в ожиданье плодов,
Они, как зажженные факелы, пламенеют.
Настала пора услад, о великий герой!

Прекрасные, усыпанные цветами деревья,
Роняя сухую листву и томясь по плодам,
Благоуханием наполняют пространство.
Время нам уходить отсюда, герой!

Не слишком холодно сейчас и не очень жарко.
Лучшая пора для путешествий, почтенный!
Пусть же увидят сакки и колии, как, на запад
Отправляясь, ты Рóхини переплываешь!

С надеждою пашут поле,
С надеждой зерно сеют,
С надеждой уходят в море
Купцы за большим богатством.

Да сбудется та надежда,
Которой живу!

Вновь и вновь пахари пашут поле,
Вновь и вновь бросают зерно в землю,
Вновь и вновь посылает дождь небо,
Вновь и вновь получает хлеб царство;

Вновь и вновь по дорогам нищие бродят,
Вновь и вновь подают им добрые люди,
Вновь и вновь добрые люди, подав им,
Вновь и вновь попадают в мир небесный.

Герой многомудрый очищает
Семь поколений своего рода.
Я думаю, Сакка, ты бог богов,
Ибо рожден тобой истинный муни.

Суддходаной зовут отца премудрого,
Мать Блаженного звали Майей.
Она носила Бодхисаттву под сердцем,
В мире богов теперь ликует.

Дивными радостями радуется
Отлетевшая отсюда Готами,
Всеми усладами услаждается
В окружении небожителей.

Я сын несравненного Ангирасы,
Невозможное возмогшего Будды.
Ты отец отца моего, о Сакка,
Воистину ты, о Готама, дед мой.

ГАТХА ТХЕРЫ ЭКАВИХАРИЙИ
(«ТХЕРАГАТХА», 537—546)

Хорошо, должно быть, в лесу
Бродить совсем одному,
Чтобы не было никого
Ни впереди, ни сзади.

Решено! Я уйду один
В лес, прославленный Буддой.
Благодатнее места нет
Для сильного духом бхикшу.

Объятый стремлением к цели,
Войду в прекрасную рощу,
Где любят резвиться слоны,
Где радость вкушают йоги.

В Ситаване пышноцветущей,
Омывшись в ручье прозрачном,
Под сводом прохладной пещеры
Прохаживаться стану.

О, когда, пребывая один
В огромном, прекрасном лесу,
Я исцелюсь от язв
И исполню все, что решил?

Так пусть совершится то,
Что совершить стремлюсь!
Я все буду делать сам —
Тут помощники не нужны.

В доспехи сам облачусь,
Вступлю решительно в рощу
И не уйду оттуда,
Пока не сгинут все язвы.

Когда ветерок повеет,
Прохладный и благовонный,
Я взойду на вершину горы
И там уничтожу незнанье.

Среди цветущих лесов,
В прохладной горной пещере
Счастливый счастьем свободы,
Возликую на Гириббадже.

И вот я уже у цели,
Словно луна в полнолунье:
Я знаю — все язвы исчезли
И не будет новых рождений.

ГАТХА ТХЕРИ ЧАПЫ
(«ТХЕРИГАТХА», 291—311)

«Бродил по дорогам раньше,
Теперь на зверя охочусь.
Из этой то́пи страшной
Не выберусь на тот берег.

Любовь мою вечной считая,
Чапа играет с сыном.
Но, сладкие узы порвав,
Я вновь удалюсь от мира».

«Не сердись на меня, герой!
Не сердись, о великий муни!
Ведь сдержанность и чистота
Не достигаются гневом».

«Я ухожу из Налы.
Да и кто станет жить в Нале?
Здесь в силки красоты женской
Завлекают благочестивых».

«Вернись, о, вернись, Кала!
Насладись любовью, как прежде!
Ведь я в твоей полной власти
И все родичи мои тоже».

«Влюбленному в тебя, Чапа,
Поверь, было б довольно
И четвертой части того,
Что ты сейчас говоришь мне».

«Я как такка́ри, Кала,
Расцветшая на горной вершине,
Я — как гранат в цвету,
Как пата́ли на острове диком.

Я надела прозрачное платье,
Умастилась сандалом желтым —
Меня, такую прекрасную,
На кого ты покинуть хочешь?»

«Вот так птицелов стремится
Поймать в свои сети птицу.
Но пленительной красотой
Не обольстишь меня, Чапа!»

«Вот этот сыночек мой
Рожден от тебя, Кала.
Меня и милого сына
На кого ты покинуть хочешь?»

«Мудрец оставляет сына,
Родичей и богатство.
Герой уходит от мира,
Как слон, порвав оковы»,

«Уйдешь ты — то́тчас ножом
Иль палкой ударю сына.
Чтобы не плакать о нем,
Знаю, меня не покинешь».

«О несчастная, не вернусь
Я к тебе и ради сына,
Даже если, злая, его
На съеденье шакалам кинешь».

«Что ж, будь счастлив тогда, герой!
Но куда ты пойдешь, Кала?
В какую деревню, село,
Город или столицу?»

«Это прежде по деревням,
По городам и столицам
Я ходил с толпою глупцов,
Отшельниками себя мнящих.

Но теперь Будда блаженный
Вблизи от реки Неранджа́ры
Указует живым дхарму,
Избавляющую от страданий.
К нему-то я и иду.
Он учителем моим станет».

«Спасителю несравненному
Передай мой поклон, Кала!
Воздай ему должные почести.
Обойдя слева направо».

«С радостью я принимаю
Сказанное тобой, Чапа!
Спасителю несравненному
Передам твой поклон глубокий;
Воздам ему должные почести,
Обойдя слева направо».

И, сказав так, пошел Кала
Прямо к реке Неранджаре.
Просветленного там увидел,
Поучающего о бессмертье,

О страданье, причине страданья,
О преодолении страданья,
О великом пути восьмеричном,
Что ведет к прекращенью страданья.

В ноги ему поклонившись,
Обойдя слева направо,
Передал приветствие Чапы.
А затем отрекся от мира,
Овладел тройственным знаньем
И исполнил наказ Будды.

ГАТХА ТХЕРИ СУБХИ ИЗ МАНГОВОЙ РОЩИ ДЖИВАКИ

(«ТХЕРИГАТХА», 366—399)

Бхикшуни Субхе, шедшей
В прекрасную Дживаки рощу,
Некий ветреник путь преградил.
Ему так сказала Субха:

«Что я сделала тебе дурного,
Что ты стоишь, не давая пройти мне?
Ведь ушедшей от мира не подобает
Беседовать с мужчиной, почтенный.

Заповеди Учителя не нарушая,
Следую я стезею пресветлой,
Возвещенной нам блаженным Буддой,—
Что ты стоишь, не давая пройти мне?

Что тебе, страстному, во мне, бесстрастной?
Что тебе, грешному, во мне, безгрешной?
Мысль моя обрела свободу,—
Что ты стоишь, не давая пройти мне?»

«Ты молода, безупречно красива.
Что может дать тебе отреченье?
Скинь это желтое покрывало!
Насладимся любовью в лесу цветущем!

Ароматами сладостными веют
Усыпанные цветочной пыльцой деревья.
Ранняя весна — пора блаженства.
Насладимся любовью в лесу цветущем!

Тряся хохолками цветов, деревья
Словно шепчутся при дуновении ветра.
Что за радость ждет тебя, подумай,
Если одна углубишься в чащу?

Ты без провожатого войти хочешь
В лес густой, безлюдный, внушающий ужас,
Населенный множеством зверей диких,
Оглашаемый ревом слонов в течке.

Ты словно куколка золотая,
Ты летишь, как апсара на колеснице!
О несравненная, сколь прекрасной
Будешь ты в тонком узорном платье!

Если пожелаешь в лесу остаться,
Я буду слугой твоим покорным,
Ибо нет для меня никого милее
Тебя, о дева с глазами киннáри.

Если же хочешь меня послушать,
Смени этот лес на жилье мирское!
Ты станешь жить во дворце просторном,
Где рабыни тебе прислуживать будут.

Надень тончайшее узорное платье,
Укрась себя мазями и цветами.
Я куплю тебе множество украшений
Из золота, жемчуга и алмазов.

Возляг на новое пышное ложе,
Отделанное благовонным сандалом,
Застланное белоснежными простынями
И мягким шерстяным покрывалом.

Ведь иначе, отшельница благочестивая,
Ты состаришься в одиночестве полном.
Так, никем не сорванный, бесполезно
Увядает в воде прекрасный лотос».

«Что же ты ценного увидел
В пополняющей кладбища мерзкой плоти?
В этом теле, разрушиться обреченном,
Что, скажи, с ума тебя сводит?»

«Глаза, что подобны глазам лани,
Глазам киннари в пещере горной,
Глаза твои с ума меня сводят,
Желанье страстное будят в сердце.

На лице твоем чистом, золотистом,
Как чашечка лотоса, прекрасном,
Глаза твои с ума меня сводят,
Желанье страстное будят в сердце.

Как длинны ресницы, как взор ясен!
И вдали от тебя я их помнить буду.
Ибо нет для меня ничего милее
Этих глаз твоих, нежных, как у киннари!»

«Соблазнить стараясь дщерь Будды,
Ты по бездорожью пройти мечтаешь,
Хочешь смастерить из луны игрушку,
Перепрыгнуть пытаешься через Меру.

Нет, ни человек, ни бог — никто в мире
Страсть во мне теперь пробудить не может;
Благородный путь ее вырвал с корнем.
Какова она — я уже не помню.

Я ее отшвырнула, как пылающий уголь,
Она для меня была, что сосуд с ядом.
Благородный путь ее вырвал с корнем.
Какова она — я теперь не знаю.

Соблазняй другую, учитель которой
Сам нуждается в наставленьях,
Ту, что обо всем этом только слыхала.
А знающую тебе завлечь не удастся!

Я всегда спокойна, что ни случится —
Горе ли радость, бранят меня или славят.
Знаю: составленное из частей — дурно,
И ни к чему мыслью не прилепляюсь.

Знай! Я ученица блаженного Будды,
Шествующая путем восьмеричным.
Выдернув стрелу, от язв исцелившись,
По безлюдным местам брожу, ликуя.

Я видела, помню, деревянную куклу,
Размалеванную пестро и ярко.
Когда ее подергивали за нитки,
Она танцевала так забавно!

Но попробуй вынуть из нее колья,
Развязать и выбросить все нитки,
И она разлетится на кусочки!
Что в ней тогда может пленить сердце?

Таково же, по мне, и это тело.
Ведь оно не живет без частей отдельных.
А раз оно не живет без частей отдельных,
Что в нем, скажи, может пленить сердце?

Ах, сколь бесполезна людская мудрость!
Смотришь на одно, другое — видишь;
Как если бы вдруг за живое принял
Рисунок, сделанный на стене охрой.

Слепец! Ты гоняешься за пустотою,
Принимаешь за драгоценность подделку,
Правдой мнишь придуманные людьми сказки,
Привидившиеся во сне золотые деревья!

То, что кажется глазом,— лишь комочек,
Свалянный из слизи и выделений,
Темный в середине пузырь со слезами,
С шаром, катающимся в дупле, схожий!»

И свободная духом не согрешила.
Не колеблясь, вырвала глаз прекрасный
И юноше ветреному со словами:
«На, возьми же!» — его протянула.

И в тот же миг страсть в нем исчезла,
И он стал молить ее о прощенье:
«Слава тебе, благочестивая!
Верь, это больше не повторится!

Дотронувшись до тебя, я как будто
Заключил в объятья огонь жестокий,
Голыми руками схватил кобру.
Счастлива будь и, молю, прости мне!»

А потом та свободная бхикшуни
Направилась туда, где был Будда;
Знаки добродетели высшей узрела
И сразу же стала, как прежде, с глазом.

ИЗ «ДЖАТАК»

ДЖАТАКА О СУССОНДИ (№ 360)

«Там и запах цветов тимиры...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одном удрученном бхикшу. «Правда ли, что ты тоскуешь?» — спросил Учитель. «Правда»,—отвечал тот. «По ком же ты тоскуешь?» — «Я увидел одну нарядную женщину». — «За женщинами уследить невозможно, — сказал Учитель,— даже привратники в царстве нагов берегли и не смогли уберечь женщину». И по просьбе бхикшу он рассказал историю о прошлом.

Некогда правил в городе Варанаси царь по имени Тамба. Его главная жена Суссонди была необычайно красива.

В то время Бодхисаттва возродился в образе нага и жил в царстве нагов в Серумадипе. Тогда Нагадипа называлась Серумадипой.

Однажды он явился в Варанаси и стал играть в кости с молодым царем Тамбой. Увидав его, приближенные сказали царице: «Какой-то красивый юноша играет в кости с нашим царем». Суссонди захотела на него посмотреть. Нарядившись, она явилась со своей свитой в игральную комнату и стала его разглядывать. Тот тоже посмотрел на царицу, и оба они сразу полюбили друг друга.

Тогда силою волшебства царь нагов поднял в городе ураган. Люди из царской свиты, боясь, что разрушится дворец, разбежались. А наг своими чарами сделал тьму, подхватил царицу и по воздуху перенес ее в свой дворец в Нагадипе. Как исчезла и куда делась Суссонди, никто не знал.

А царь нагов наслаждается с ней в своем дворце и снова летает к царю Тамбе играть с ним в кости.

У царя был музыкант по имени Сагга. Не зная, куда исчезла Суссонди, царь призвал к себе этого музыканта и сказал: «Иди, обойди сушу и море, разыщи царицу».

Музыкант взял денег на дорогу и, начав поиски с той деревни, что находилась за городскими воротами, дошел до города Бхаруkaччхи. В это время тамошние купцы снаряжали корабль в Суваннабхуми. Сагга подошел к ним и стал просить: «Я музыкант. Я заплачу вам и еще на вине буду играть, возьмите меня с собой».— «Ну хорошо»,— согласились купцы и взяли его на корабль. А когда отплыли от берега и корабль побежал по волнам, купцы позвали музыканта и сказали: «Сыграй нам что-нибудь».— «Я бы сыграл вам,— сказал Сагга,— но стоит мне заиграть, рыбы придут в волнение, и корабль ваш разобьется».— «Если играет смертный человек,— сказали купцы,— рыбы спокойны, сыграй нам».— «Ну, тогда пеняйте на себя»,— сказал Сагга, настроил вину и, не заглушая своего голоса музыкой, запел и заиграл.

Опьяненные звуками, рыбы задвигались, а одна ма́кара прыгнула на корабль и разбила его. Сагга схватился за доску и, лежа на ней, по ветру доплыл до Нагадипы. Там он вышел на берег у самого дворца, возле дерева нигродха.

А царица Суссонди всякий раз, как царь нагов улетал играть в кости, выходила из дворца и бродила по острову. Встретив на берегу Саггу-музыканта, она узнала его. «Как ты попал сюда?» — удивилась царица. И музыкант все ей рассказал. «Не бойся»,— успокоила его царица и, обняв, привела во дворец. Там она усадила его, накормила царской пищей, велела омыть царской водой, одеть в царские одежды и украсить царскими благовониями и цветами. Потом она позвала его на царское ложе. Так она кормила его и с ним наслаждалась, пряча, когда возвращался царь нагов.

Спустя полтора месяца прибыли на этот остров купцы из Варанаси за водой и древесиной и высадились у дерева нигродха. На

их корабле Сагга-музыкант вернулся в Варанаси и явился к царю, когда тот играл в кости. Взяв вину, Сагга заиграл на ней и произнес первую гатху:

Там и запах цветов тимиры, там и шумящее море.
Далеко отсюда Сусонди, в сердце меня поразила царица.

Услыхав это, наг произнес вторую гатху:

Как переплыл ты море, как попал ты в Серумадипу,
Как удалось тебе, Сагга, с моей повстречаться Суссонди?

Тогда Сагга произнес три гатхи:

Когда с товаром купцы вышли в море из Бхарукаччхи,
Разбила макара их корабль, один на доске я спасся.

Благовонная, ласково встретив, меня обняла царица,
Словно добрая мать своего обнимает ребенка.

Потом она усладила меня питьем, одеждой и ложем.
Страстью блестели ее глаза. Знай это, Тамба.

После рассказа музыканта нага охватило отчаяние. «Даже в царстве нагов,— подумал он,— я не смог ее уберечь, зачем мне эта развратница». И, возвратив Суссонди царю, он исчез и с тех пор больше не появлялся.

Учитель, приведя этот рассказ и показав Благородные Истины, отождествил перерождения: «Тогда царем был Ананда, а царем нагов был я».

ДЖАТАКА О ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ СЛОНЕ (№ 72)

«Повсюду так и рыскают...» Эту историю Учитель, находясь в Велуване, рассказал о Девадатте.

Собравшись в зале дхармы, бхикшу рассуждали: «Братья, Девадатта — неблагодарный, он не признает добродетелей Благословенного». В это время вошел Учитель и спросил: «Что вы тут обсуждаете, бхикшу?» Когда те объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта неблагодарный, он и прежде был таким и никогда моих добродетелей не признавал». И по их просьбе он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисатта возродился в образе слона и жил в Гималаях. Только вышел он из утробы матери, как был уже весь белый, словно сли-

ток серебра, глаза его были, как драгоценные камни, как пять божественных лучей, рот — словно красная ткань, а хобот — как серебряная цепь, украшенная каплями красного золота. Ноги его были гладкие и блестящие, как будто покрытые лаком. Словом, все десять совершенств обрела его достигшая вершин красоты природа.

Когда этот слон вырос, то все восемьдесят тысяч гималайских слонов собрались вокруг него и сделали его своим вожаком.

Но увидел он в стаде грех, удалился от своих собратьев и стал жить один в лесу. Из-за его добродетелей прозвали его «добродетельный царь слонов».

Как-то один житель Варанаси бродил по лесу в поисках пропитания и забрел в гималайские леса. Там он заблудился и, в ужасе вздевая руки и громко причитая, метался по зарослям. Услыхав его крики, Бодхисаттва подумал: «Надо помочь в беде этому человеку». Проникшись состраданием, слон стал приближаться к нему. А человек, внезапно увидев слона, испугался и побежал. Тогда Бодхисаттва остановился. И человек остановился. Но стоило Бодхисаттве двинуться с места, человек снова бежал.

Но вот слон еще раз остановился, и человек подумал: «Когда я бегу, этот слон останавливается, а когда стою, подходит. Видно, он не желает мне зла. Наверное, он хочет спасти меня». И, осмелев, человек замедлил шаг. Тогда Бодхисаттва подошел к нему и спросил: «Что ты кричишь, человек?»— «Почтенный,— отвечал тот,— я сбился с дороги, не знаю, в какую сторону идти, и боюсь здесь погибнуть».

Тогда Бодхисаттва привел его в свое жилище, накормил разными плодами и сказал: «Не бойся, я выведу тебя на дорогу, где ходят люди». И он посадил человека к себе на спину и пошел. А человек этот, по природе коварный, подумал: «Если кто-нибудь спросит, надо будет рассказать про это». И, сидя на спине Бодхисаттвы, он старался запомнить приметы гор и деревьев, мимо которых проходил слон.

И вот слон вынес его из леса и, поставив на большую дорогу, ведущую в Варанаси, сказал: «Иди, человек, по этой дороге, а о том, где я живу, спросят тебя или не спросят, никому не рассказывай». И слон пошел к себе домой.

А человек этот вернулся в Варанаси и, проходя как-то по улице, где работали резчики по слоновой кости, сказал мастерам: «Что бы вы дали мне за бивни живого слона?» — «И ты еще спрашиваешь,— сказали резчики,— конечно, бивни живого слона гораздо дороже, чем мертвого».— «Тогда я принесу вам бивни живого слона»,— сказал человек и, захватив острую пилу, отправился в те места, где жил Бодхисаттва.

«Зачем ты пришел?» — спросил слон, увидев его. — «Я, почтенный, несчастный бедняк, — отвечал тот, — жить мне не на что. Прошу тебя, дай мне один твой клык. Я продам его и на эти деньги буду кормиться». — «Ну что ж, дам тебе клык, если у тебя есть чем отпилить». — «Я захватил пилу, почтенный». — «Ну отпиливай клык и бери». Слон подогнул ноги и лег, как ложится вол. И человек отпилил у него два главных клыка.

Тогда Бодхисаттва обхватил клыки хоботом и сказал: «Послушай, человек, не думай, что эти клыки мне не дороги. Но всепроникающие клыки — клыки общего знания, с помощью которых можно постичь все дхармы, для меня в тысячу, в сто тысяч раз дороже. Да будут отданы эти клыки для достижения общего знания». И он отдал человеку пару клыков.

Человек унес эти клыки и продал, а когда истратил все деньги, снова пришел к Бодхисаттве и сказал: «Почтенный, я продал твои клыки, но деньги пришлось раздать за долги, дай мне остатки твоих клыков».

«Хорошо», — сказал Бодхисаттва и отдал остатки своих клыков.

Человек продал их и опять пришел к слону. «Почтенный, жить мне не на что, отдай мне корни твоих клыков». — «Хорошо», — сказал Бодхисаттва и лег, как прежде. А этот злобный человек по хоботу Великого Существа, как по серебряной цепи, взобрался на голову, словно на снежную вершину Кайласа, и стал пяткой бить по заросшим концам клыков, пока не оголил их. Тогда он выпилил корни и ушел.

И как только этот злодей исчез с глаз Бодхисаттвы, огромная, простирающаяся на двести девяносто четыре тысячи йоджан земля, которая выдерживала и тяжесть гор Сумеру и Югандхары, и отвратительный запах человеческих нечистот, словно не смогла выдержать всех низменных качеств этого человека, треснула и разверзлась. Из трещины вырвалось пламя великого ада и как будто роскошной шерстяной тканью окутало этого предающего друзей человека, закружило и увлекло вниз.

Когда этого злого человека поглотила земля, божество дерева, жившее в этом лесу, стало размышлять: «Человека неблагодарного, предающего своих друзей, невозможно удовлетворить, даже подарив ему могущественное царство». И, разъясняя дхарму, божество огласило лес следующей гатхой:

Повсюду так и рыскают глаза неблагодарного,
Хоть землю всю ему отдай, он этим не насытится.

Так божество, огласив лес, показало дхарму. А Бодхисаттва прожил свой жизненный срок и возродился согласно карме.

Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта неблагодарен, он был таким и прежде».

Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «Тогда предающим друзей человеком был Девадатта, божеством дерева — Сарипутта, а добродетельным царем слонов был я».

ДЖАТАКА О НЕ СЛУШАЮЩЕМ СОВЕТОВ (№ 116)

«Задумал прыгнуть далеко...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одном не слушающем советов бхикшу. Рассказ о нем подробно будет изложен в девятой книге в джатаке о грифе. Обращаясь к тому бхикшу, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, ты не слушаешь советов, ты и прежде был таким, а оттого что не исполнял наставлений умных людей, погиб от удара дротика». И он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе акробата. Когда он вырос, стал ловким и находчивым. У одного акробата обучился он прыгать через дротики и вместе с наставником бродил по стране, показывая свое искусство. Наставник его умел прыгать только через четыре дротика, а через пять — не умел.

Как-то они давали представление в одной деревне. Наставник, подвыпив, поставил пять дротиков и хвастается: «Все пять перепрыгну!» — «Послушай, учитель,— сказал Бодхисаттва,— ты же через пять дротиков прыгать не умеешь. Если будешь прыгать через пятый, наскочишь на него и погибнешь; убери один дротик». А учитель, пьяный, говорит: «Ты не знаешь, на что я способен!» Не обращая внимания на уговоры ученика, он перескочил через четыре дротика, но, подобно цветам мадхуки, нанизанным на свой стебель, напоролся на пятый и с воплем повалился на землю.

Тогда Бодхисаттва сказал: «Советов мудрых людей не слушал, оттого попал ты в такую беду». И он произнес следующую гатху:

Задумал прыгнуть далеко наставник, не послушавшись,
Четвертый дротик одолев, на пятый напоролся он.

Приведя эту историю, Учитель отождествил перерождения: «Тогда не слушающий советов бхикшу был наставником, а учеником был я».

ДЖАТАКА О ПРЕДАННОМ ДРУГЕ (№ 27)

«Ни крошки проглотить не может...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одном мирянине, принявшем учение Будды, и об одном тхере. Говорят, были в городе Саваттхи два друга. Один из них, удалившись в монастырь, имел обыкновение приходить за милостыней в мирской дом другого. Накормив друга и наевшись сам, мирянин шел с ним в вихару, и там просиживали они за разговором до захода солнца. Тогда тхера провожал его до самых городских ворот и возвращался в свою обитель. Такая их дружба стала известна всей общине.

Однажды, собравшись в зале дхармы, бхикшу стали обсуждать их дружбу. В это время вошел Учитель и спросил: «Что вы тут обсуждаете, бхикшу?» Когда ему объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, они так привязаны друг к другу, они были друзьями и прежде.» И он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва был его советником.

В то время одна собака повадилась ходить в стойло к государственному слону и там, где кормили слона, подбирала остатки риса. Привлеченная сначала обилием корма, она постепенно подружилась со слоном. Они ели всегда вместе и не могли жить друг без друга. Собака обычно забавлялась тем, что, уцепившись за хобот слона, раскачивалась на нем в разные стороны. Но вот однажды какой-то крестьянин купил ее у сторожа, смотревшего за слоном, и увел в свою деревню.

Как только собака исчезла, государственный слон не стал больше ни есть, ни пить, ни купаться. Об этом доложили царю. Царь вызвал советника и сказал ему: «Пойди, мудрейший, узнай, почему слон так ведет себя».

Бодхисаттва пришел в стойло к слону и, увидев, что он так тоскует, подумал: «Это у него не телесный недуг; наверное, он был с кем-нибудь дружен, а теперь разлучен со своим другом». И он спросил сторожа: «Скажи, любезный, был ли слон с кем-нибудь дружен?» — «Да, почтенный,— сказал тот,— он очень привязался к одной собаке».— «А где же она теперь?» — «Да один человек увел ее».— «А знаешь ли ты, где он живет?» — «Нет, не знаю, почтенный».

Тогда Бодхисаттва пришел к царю и сказал: «Божественный, у слона нет никакой болезни, но он был очень привязан к одной собаке. А не ест он теперь, я думаю, оттого, что лишился своего друга». И Бодхисаттва произнес следующую гатху:

Ни крошки проглотить не может,
Не пьет воды, купаться не желает.
Собаку в стойле часто видя,
Наверно, слон с ней крепко подружился.

Выслушав советника, царь спросил: «Что же теперь делать, мудрейший?»— «Божественный,— отвечал советник,— прикажи бить в барабан и объявить: «У государственного слона один человек увел его подружку-собаку. У кого в доме найдут ее, того постигнет такое-то наказанье».

Царь так и сделал. А тот человек, услыхав царский указ, отпустил собаку. Сразу же прибежала она к слону, а слон при виде ее взревел от радости, обхватил ее хоботом, поднял себе на голову, потом снова спустил на землю, и только, когда собака наелась, сам принялся за еду.

«Он постиг даже мысли животных»,— подумал царь и воздал Бодхисаттве большие почести.

«Не только теперь, о бхикшу,— сказал Учитель,— они так привязаны друг к другу, они были друзьями и прежде». Приведя эту историю для разъяснения дхармы и показав Четыре Благородные Истины, Учитель отождествил перерождения: «Тогда мирянин был собакой, тхера — слоном, а мудрым советником был я».

ДЖАТАКА О ЗОЛОТОМ ГУСЕ (№ 136)

«Что дали, тем доволен будь...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одной бхикшуни по имени Тхуллананда.

Как-то один буддийский мирянин, живший в Саваттхи, пригласил общину бхикшуни прийти к нему за чесноком. «Если придут бхикшуни,— сказал он сторожу,— дай каждой из них по две-три луковицы чеснока». С тех пор бхикшуни стали ходить к нему домой или на его поле за чесноком.

Однажды, когда наступили холода и все покрылось инеем, в доме мирянина кончился весь чеснок. В это время Тхуллананда явилась с другими сестрами к его дому и сказала хозяевам: «Мы пришли за чесноком».— «Дома нет чеснока, почтенные,— отвечали хозяева,— весь вышел, идите за ним в поле».

Сестры отправились в поле и, не зная меры, стали рвать чеснок.

«Ну и бхикшуни, — сказал рассердившийся сторож, — дергают чеснок, не зная никакой меры».

Услыхав его слова, некоторые сестры, соблюдавшие умеренность, обиделись, а узнав об этом с их слов, обиделись и бхикшу и рассказали об этом Благословенному.

Выслушав их рассказ, Благословенный сказал, порицая Тхулананду: «О бхикшу, алчный человек неприятен даже матери, его родившей. Он не может ни обратить в веру необращенного, ни увеличить добродетели обращенных, ни способствовать получению милостыни, ни удержать уже полученную, тогда как человек умеренный всего этого может достичь». Этим и другими подобными наставлениями разъясняя дхарму, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Тхулананда алчная, она была такой и прежде». И он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в семье одного брахмана. Когда он вырос, его женили на девушке такого же происхождения. У нее родились три дочери, и всем им дали имя Нанда.

После смерти Бодхисаттвы всех их взяли в чужую семью. А Бодхисаттва возродился в образе золотого гуся и был наделен знанием своих прежних воплощений. Когда он вырос и увидел, что тело его покрыто золотыми перьями, он стал думать: «Какое же воплощение я сменил, приняв такой вид?» И догадался: «Рождение в мире людей».

Потом он стал размышлять: «Как живут моя жена и дочери?» И увидел: они живут из милости, прислуживая другим людям. Тогда он подумал: «Мое тело покрыто золотыми перьями, которые можно выщипывать. Если я каждый раз буду отдавать одно перо моей жене и дочерям, они заживут безбедно». И, подлетев к их дому, он сел на гребень крыши.

Увидав его, жена и дочери спросили: «Откуда ты прилетел, почтенный?» — «Я ваш отец, — сказал гусь, — после смерти я возродился в образе золотого гуся и вот прилетел повидаться с вами. Теперь вы не будете жить в бедности и прислуживать чужим людям. Я буду отдавать вам каждый раз по одному перу, а вы, продавая их, заживете в достатке». И, дав им одно перо, гусь улетел.

С тех пор он стал прилетать к ним время от времени и оставлять по одному перу, и брахманки в самом деле зажили безбедно.

Но вот однажды мать позвала своих дочерей и сказала: «Милые, ведь у животных нет разума: как только ваш отец прилетит, выдернем у него все перья и возьмем их себе». — «Но это же будет ему больно», — возразили дочери.

А жене так хотелось золота, что однажды, когда прилетел гусь, она подозвала его к себе, схватила и ощипала. Но перья, выдернутые против воли Бодхисаттвы, из золотых превратились в простые, как у журавля. Бодхисаттва взмахнул крыльями, но взлететь не смог. Тогда брахманка посадила его в глиняный ящик и стала кормить. А когда у него снова отросли перья,— теперь они стали белыми,— он улетел в свое прежнее жилище и больше никогда не появлялся.

Приведя эту историю, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Тхуллананда алчная, она была такой и прежде. Желая золота, она погибла из-за своей алчности. А сейчас, желая чеснока, она тоже погибнет из-за алчности, ведь теперь и она, а из-за нее и другие бхикшуни больше чеснока есть не будут. Поэтому знайте, что, получив много, следует соблюдать меру, получив мало, довольствоваться тем, что есть, не желать большего». И Учитель произнес следующую гатху:

Довольствуйся тем, что дали. Ведет к погибели алчность,
Гуся поймавшая брахманка погибла от жажды золота.

Так сказав, Учитель стал всячески порицать Тхуллананду: «Бхикшуни, евшая чеснок,— сказал он,— должна искупить свой грех...» После этого Учитель разъяснил нравственные правила и отождествил перерождения: «Тогда брахманкой была Тхуллананда, тремя ее дочерьми были три бхикшуни, а золотым гусем был я».

ДЖАТАКА О ТЩЕТНОСТИ ПЕЧАЛИ (№ 328)

«Она уже среди мертвых...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одном мирянине. У этого мирянина умерла жена. Говорят, после ее смерти он не ел, не умывался и забросил все свои дела. Охваченный печалью, он приходил на то место, где был ее погребальный костер, и там причитал по ней. А вокруг его головы, словно как свет над светильником, поднималось сияние — знак вступления его на Первый Путь.

Учитель, оглядев на рассвете мир и увидев этого человека, подумал: «Кто, кроме меня, отвратит от него печаль и дарует ему силу вступить на Первый Путь. Я буду ему спасением». В послеобеденное время, обойдя округу и собрав подаяния, Учитель взял с собой бхикшу, который обычно его сопровождал, и отправился к дому мирянина.

Услыхав, что к нему идет Учитель, мирянин вышел ему навстречу и, выказав все должные знаки почтения, усадил на подобающее место. А когда мирянин, поклонившись Учителю, сел возле него, Учитель спросил: «Отчего ты все время молчишь, мирянин?» — «Почтенный,— отвечал тот,— у меня умерла жена, и я с печалью думаю о ней».— «Закон разрушения разрушает,— сказал Учитель.— Раз она погибла, не следует о ней думать. Мудрые люди говорили о смерти жены: «Закон разрушения разрушил»,— и больше о ней не думали». И он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в семье брахмана. Достигнув зрелого возраста, он изучил в Таксиле все искусства. А когда вернулся домой, родители ему объявили: «Мы найдем тебе жену».— «Семейная жизнь — не мой удел,— отвечал Бодхисаттва,— после вашей смерти я уйду в отшельники». Но родители стали уговаривать его жениться. Тогда он сделал золотую статую и сказал: «Если вы найдете мне девушку, такую же, как эта статуя, я возьму ее в жены». Родители приказали своим людям: «Поставьте эту статую на крытую повозку и обыщите всю Джамбудвипу. Как только увидите дочь брахмана, похожую на статую, то девушку возьмите, а золотую статую взамен оставьте».

В это время одно благочестивое существо покинуло мир Брахмы и в стране Каши в деревне, расположенной недалеко от города, возродилось в образе шестнадцатилетней девушки, дочери брахмана, у которого было состояние в восемьдесят коти. Звали ее Саммиллабхасини. Эта девушка была необычайно красива и стройна, словно небесная апсара, и наделена всеми благоприятными признаками. К тому же она отличалась редким благочестием, и мысли ее были далеки от греховных желаний.

Разъезжая по стране с золотой статуей, посланные люди заехали и в эту деревню. Увидав статую, деревенские жители стали спрашивать: «Почему вы возите здесь дочь такого-то брахмана?» Услыхав это, посланные явились в дом брахмана и стали сватать Саммиллабхасини. Но она сказала родителям: «После вашей смерти я стану отшельницей, семейная жизнь — не мой удел».— «Что ты говоришь, дочка!» — сказали родители, взяли золотую статую и отправили Саммиллабхасини с большой свитой.

Против их воли, и Бодхисаттвы и Саммиллабхасини, была устроена свадьба. Но даже находясь в одной комнате, лежа на одной постели, они не смотрели друг на друга с греховными желаниями. Словно два бхикшу или два брахмана, жили они вместе.

Чрез некоторое время родители Бодхисаттвы умерли. Тогда, совершив погребальные обряды, он сказал Саммиллабхасини: «Милая, у меня есть восемьдесят коти и у тебя — столько же. Возьми себе все эти деньги и займись хозяйством, а я уйду в отшельники». — «Почтенный, — отвечала Саммиллабхасини, — если ты уйдешь в отшельники, я тоже стану отшельницей. Не могу я тебя покинуть».

«Пусть будет так», — сказал Бодхисаттва. Они раздали все имущество, оставили, как сор, свое благополучие и ушли в Гималаи. Там они сделались отшельниками и стали жить, питаясь кореньями и плодами.

Однажды, спустившись с Гималаев за солью и уксусом, пришли они в Варанаси и поселились в царском саду. Когда они жили там, хрупкая отшельница съела разной непосоленной пищи и заболела кровавым поносом. А оттого, что у них не было лекарств, она совсем ослабела.

Направляясь в соседнюю деревню за подаяниями, Бодхисаттва довел Саммиллабхасини до городских ворот и оставил ее в одном доме на лавке. Когда он ушел, Саммиллабхасини умерла. Люди обступили тело красивой отшельницы и стали плакать и причитать.

Собрав милостыню, Бодхисаттва вернулся в этот дом и, узнав, что отшельница умерла, сказал: «Закон разрушения разрушает, таковы все смертные существа». И он сел на лавку рядом с лежащей отшельницей, поел и омыл себе рот. Люди обступили его и стали спрашивать: «Скажи, милый, кто тебе эта отшельница?» — «Когда я был мирянином, — отвечал Бодхисаттва, — она была мне женой». — «Милый, мы и то не можем сдержать себя, плачем и причитаем, почему же ты не плачешь?» — «Пока она была жива, — сказал Бодхисаттва, — она для меня что-то значила, а теперь, принятая в другой мир, она для меня ничто. Ведь она перешла в другое рожденье, о ком же я буду горевать?» И, объясняя людям дхарму, Бодхисаттва произнес четыре гатхи:

1 Она уже средп мертвых, но какое до них мне дело,
Поэтому я не печалюсь о милой Саммиллабхасини.

2 Зачем о ней горевать, ведь ее уж нет в этом мире.
О своей печалься душе, с каждым часом все ближе смерть.

3 Стоишь ты, или сидишь, или по миру странствуешь,
Не успеешь глазом моргнуть, смерти пора пришла.

4 В исполнении долга жизнь, в пресеченье сомнений жизнь.
Все живое надо жалеть, о погибшем напрасна скорбь.

Так Великое Существо четырьмя гатхами показало закон непостоянства. Люди совершили погребальные обряды над юной

отшельницей. А Бодхисаттва, отправившись в Гималаи, прошел все ступени на пути к Высшему Существу и был удостоен мира Брахмы.

Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы и показав Благородные Истины, Учитель отождествил перерождения (после этого мирянин обрел плод Первого Пути): «Тогда мать Рахулы была Саммиллабхасини, а отшельником был я».

ДЖАТАКА О ВЕРНОМ ИЗРЕЧЕНИИ (№ 73)

«Правду, думаю я...» Эту историю Учитель, находясь в Велуване, рассказал о попытке убийства. Однажды вся община бхикшу, собравшись в зале дхармы, обсуждала пороки Девадатты: «Братья, Девадатта не признает добродетелей Учителя, пытается даже совершить убийство». В это время вошел Учитель и спросил: «Что вы тут обсуждаете, бхикшу?» Когда те объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта предпринимает попытки меня убить, он пытался это сделать и раньше». И он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно царствовал в Варанаси Брахмадатта. Его сын Дуттхакумара был груб и жесток, подобно нападающей змее. Без брани и побоев он ни с кем не говорил. И своим домашним, и чужим он был неприятен и отвратителен, словно песок, попавший в глаза, словно пишача, пришедший на трапезу.

Однажды царевич захотел порезвиться в воде и отправился с большой свитой на берег реки. Вдруг появилась большая туча. И сразу стало темно. Тогда царевич сказал слугам: «Эй, вынесите-ка меня на середину реки, искупайте там и несите домой». Входя в воду, слуги стали рассуждать: «Что будет нам от царя, если мы утопим здесь этого злодея?» — «Ну-ка, иди сюда, черноухий»,— сказали они царевичу, бросили его в воду, а сами выскочили на берег.

Когда во дворце их спросили, где царевич, слуги сказали: «Мы не знаем; когда появилась большая туча, царевич стал купаться и, наверное, ушел прежде нас». Потом слуг призвали к царю. «Где мой сын?» — спросил царь. «Не знаем, Божественный,— отвечали они, — туча появилась, и он, наверное, ушел раньше нас, думая, что мы уже дома». Тогда царь приказал открыть ворота, сам вышел на берег реки и велел повсюду искать царевича. Но никто не мог его найти.

А когда совсем стемнело и начался ливень, царевич, увлекаемый потоком, заметил плывущее бревно, забрался на него и в смертельном страхе, рыдая, плыл по течению.

В это время один купец, живший прежде в Варанаси и закопавший на берегу реки клад в сорок коти, из-за жадности к деньгам возродился после смерти в образе змеи и жил над тем местом, где были зарыты деньги. Другой купец закопал в той местности тридцать коти и из-за жадности к деньгам возродился в образе крысы. И змея и крыса, смытые водой, поплыли наперерез течению и достигли бревна, на котором сидел царевич. Змея забралась на один конец бревна, а крыса — на другой.

На берегу реки росло дерево симбали, а на нем жил молодой попугай. Когда вода размыла корни этого дерева, оно упало в реку. Попугай поднялся в воздух, но из-за сильного ливня лететь не смог и сел на то же бревно, на котором плыл царевич. Так они все четверо неслись по течению.

В то время Бодхисаттва возродился в стране Каши в семье одного северного брахмана. Когда он вырос, ушел в отшельники и, построив себе хижину в тихом местечке на берегу реки, поселился там. Как-то в полночь он вышел из хижины и вдруг услышал сильный вопль царевича. «Отшельник, проникшийся любовью и состраданием ко всему живому,— подумал он,— не может равнодушно смотреть на гибель этого человека, надо вытащить его из воды и спасти ему жизнь». «Не бойся, не бойся!» — крикнул он человеку, а сам, войдя в воду, поплыл наперерез течению. Сильный, как слон, он схватил бревно за один конец, потянул за собой и быстро дотащил до берега.

Царевича он на руках вынес на берег, а змею и других животных сразу отнес к себе в хижину. Потом развел огонь и, как более слабых, отогрел сначала животных, а потом — царевича. Когда все они согрелись, отшельник стал их кормить. Сначала накормил животных, а потом принес разных плодов царевичу. «Этот негодяй-отшельник,— подумал царевич,— не почитает мое царское достоинство, а отдает предпочтение диким животным». И он затаил зло на Бодхисаттву.

Через некоторое время все они окрепли, вода в реке спала, и змея, поклонившись отшельнику, говорит: «Любезный, ты мне большую услугу оказал. У меня в таком-то месте зарыто сорок коти золотых монет, а мне деньги не нужны. Если они тебе понадобятся, я отдам тебе весь этот клад. Ты только подойди к тому месту и позови: «Эй, длинная!» И змея уползла.

Крыса тоже поклонилась отшельнику и сказала: «Если надо будет, приходи в такое-то место и позови меня: «Эй, крыса!» И она исчезла.

Попугай, поклонившись отшельнику, сказал: «Любезный, денег у меня нет, но, если тебе понадобится красный рис, приходи к такому-то месту и крикни: «Эй, попугай!» Тогда я созову моих родственников, и они соберут для тебя сколько угодно возов красного риса». И попугай улетел.

А царевич, привыкший предавать своих друзей, подумал про себя: «Если он придет ко мне, я прикажу его убить». И он сказал: «Любезный, когда я стану царем, приходи ко мне, я позабочусь о четырех необходимых тебе вещах». И, вернувшись во дворец, он вскоре сделался царем.

«Испытаю-ка я их»,— решил Бодхисаттва. Сначала он явился к змее и, став в указанном месте, позвал ее: «Эй, длинная!» Змея сразу выползла и, поклонившись, сказала: «Любезный, в этом месте лежат сорок коти золотых монет, откопай их и возьми».— «Хорошо,— сказал Бодхисаттва,— если понадобится, я буду знать».

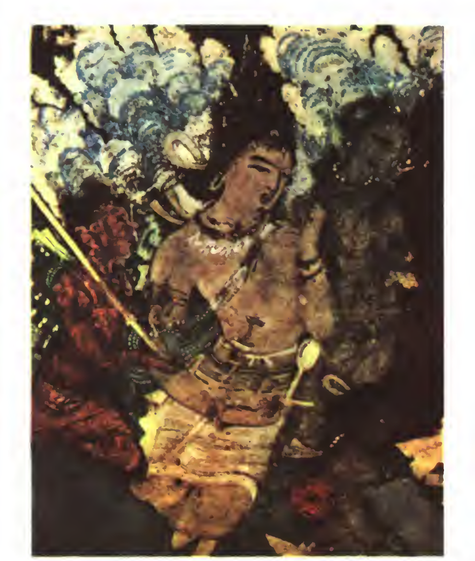
Потом он пришел к крысе и позвал ее. Крыса поступила, как и змея. От нее Бодхисаттва пошел к попугаю и позвал: «Эй, попугай!» Стоило ему крикнуть, как попугай сразу же спустился с верхушки дерева и, поклонившись, сказал: «Если хочешь, любезный, я сейчас же скажу моим родственникам, и они принесут для тебя из области Гималаев сколько угодно риса».— «Хорошо,— сказал Бодхисаттва,— если понадобится, я буду знать».

«Теперь испытаю царя»,— решил он. Поселившись в царском саду, Бодхисаттва принял вид странствующего отшельника и на следующий день пришел в город за милостыней. А в это время тот вероломный царь, восседая на пышно разукрашенном государственном слоне, в сопровождении огромной свиты торжественно объезжал город.

Еще издали заметив Бодхисаттву, царь подумал: «Этот негодяй-отшельник, наверное, пришел здесь у меня поселиться. Пока он не рассказал людям об оказанном мне благодеянии, надо отрубить ему голову». И он взглянул сверху на своих людей. «Что угодно Божественному?» — спросили приближенные. «Мне кажется,— сказал царь,— этот мерзкий отшельник пришел просить меня о чем-то. Не допускайте ко мне этого черноухого, а свяжите ему руки и, давая по четыре удара, выведите из города к месту казней. Там отрубите ему голову, а тело посадите на кол».

Люди пошли исполнять приказание. Они связали невинное Великое Существо и, давая время от времени по четыре удара палками, повели к месту казней. Всюду, где его били, Бодхисаттва только говорил: «Матушка моя! Отец мой!» И без стонов и воплей неизменно повторял одну гатху:

Правду, думаю я, говорили мудрые люди:
Лучше плывущий чурбан, чем иной человек.



Индра в окружении апсар.
Фрагмент фрески из Аджанты (пещера XVII). V в.

Услыхав эту гатху, бывшие там мудрые люди спросили: «Какое доброе дело, отшельник, сделал ты для нашего царя?» Тогда Бодхисаттва рассказал всю историю, закончив ее словами: «Так я его из речной стремнины вытащил, а себе несчастье причинил; не исполнены мною советы прежних мудрецов, так вот теперь, вспомнив, я повторяю их».

Выслушав отшельника, кшатрии, брахманы и другие городские жители стали говорить: «Этот царь предает своих друзей, даже такого добродетельного человека, спасшего ему жизнь, не ценит. Какой нам толк от такого царя! Хватайте его!» Разгневанные, они кинулись на царя. Со всех сторон посыпались на него стрелы, дротики, палки и камни. Потом горожане схватили его за ноги, стащили со слона и бросили в канаву, а Бодхисаттву помазали на царство.

Бодхисаттва справедливо управлял своим царством и вот как-то раз снова захотел испытать тех животных. С большой свитой явился он к тому месту, где жила змея, и позвал ее. Змея вышла и сказала: «Эти деньги твои, почтенный, возьми их». Царь передал советникам сорок коти золотых монет и пошел к крысе. Крыса, поклонившись, отдала ему тридцать коти золотых. Вручив эти деньги советникам, царь отправился к попугаю. Тот слетел с ветки и спросил: «Собрать для тебя рису, почтенный?» — «Когда будет необходимость, тогда соберешь,— сказал царь,— а теперь пойдем с нами».

Взяв семьдесят коти золотых монет и захватив с собой всех трех животных, царь вернулся в город. Поднявшись на плоскую крышу дворца, он приказал хранить там привезенные сокровища. Змее он велел сделать для жилья золотую трубу, крысе — хрустальную пещеру, а попугаю — золотую клетку. Каждый день по приказу царя кормили их отборной пищей: змею и попугая — сладким зерном, а крысу — очищенным рисом.

Справедливо управляя царством, Бодхисаттва раздавал дары и совершал другие благочестивые деяния. И все четверо, прожив свой жизненный срок в мире и довольстве, возродились согласно карме.

Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта пытается меня убить. Он замышлял это и прежде». Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «Тогда вероломным царем был Девадатта, змеей — Сарипутта, крысой — Моггаллана, попугаем — Ананда, а справедливым царем был я».

«Лишился глаз, одежды нет...» Эту историю Учитель, находясь в Велуване, рассказал о Девадатте. Говорят, бхикшу собрались тогда в зале дхармы и стали рассуждать: «Братья, так же как факел, обгоревший с обоих концов, а в середине испачканный навозом, не может служить поленом ни для костра в лесу, ни для очага в деревне, так и Девадатта, отказавшийся от такого превосходного, ведущего к спасению учения, с обеих сторон потерпел неудачу: и радостей мирской жизни лишился, и отшельнический долг не выполняет».

В это время вошел Учитель и спросил: «Что вы здесь обсуждаете?» Когда те объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта с обеих сторон потерпел неудачу, так было с ним и прежде». И Учитель рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе божества дерева.

Тогда в одной деревне жили рыбаки. И вот один рыбак взял рыболовный крючок и отправился с маленьким сыном к излюбленному месту, где хорошо клюет рыба. Пришел он туда и стал в разные стороны крючок вабрасывать. Вдруг крючок его зацепился за подводную корягу; никак не может рыбак его освободить. И он подумал: «Наверное, у меня на крючке большая рыба. Пошлю-ка я сына домой и велю жене с соседями поругаться, чтобы никто из них на долю моей добычи не посягнул». И он сказал сыну: «Пойди, милый, передай матери, что мы поймали большую рыбу, и скажи, чтобы она затеяла ссору с соседями».

Когда сын ушел, рыбак, боясь, как бы не оборвать леску, снял свою одежду, сложил на берегу и полез в воду. Ему так хотелось поймать большую рыбу, что он принялся искать ее в воде и, наткнувшись на корягу, выколол оба глаза. А в это время вор утащил его одежду, лежавшую на берегу. Обезумев от боли, прикрывая глаза рукой, рыбак вышел из воды и, дрожа всем телом, стал ощупью искать одежду.

А в это время жена рыбака, желая поссориться с соседями, решила принять такой вид, чтобы всем противно смотреть на нее было. Прицепив к одному уху пальмовый лист, а один глаз вымазав сажей, она взяла на руки собаку и отправилась к соседям.

«Что это с тобой? — сказала соседка,— к уху ты прицепила пальмовый лист, глаз сажей вымазан, как ребенка, держишь ты на руках собаку и ходишь из дома в дом, с ума сошла, что ли?» —

«Нет, я не сошла с ума,— отвечала жена рыбака,— а ты без причины бранишь меня и оскорбляешь. Вот я пойду к деревенскому старосте, и пусть он покарает тебя уплатою восьми каршапан». И так, затеяв ссору, обе пришли к деревенскому старосте. А когда староста разобрал дело, эта кара пала на голову жены рыбака. Ее связали и стали бить, требуя уплаты денег.

Видя оба эти несчастья: одно, которое постигло жену в деревне, а другое — мужа в лесу, божество дерева, сидя на ветке, сказало: «Эй, рыбак, и в воде, и на земле ты замышлял недоброе, оттого с обеих сторон — беда». И божество произнесло следующую гатху:

Лишился глаз, одежды нет, в соседнем доме брань слышна,
В воде и на земле беда на рыбака обрушилась.

Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «Тогда рыбаком был Девадатта, а божеством дерева был я».

ДЖАТАКА ОБ ОПЬЯНЕНИИ (№ 81)

«Мы пили и пускались в пляс...» Эту историю Учитель, находясь в Гхоситараме, недалеко от Косамби, рассказал об одном тхере по имени Сагата. Проведя время дождей в Саваттхи, Учитель отправился за милостыней в город Бхаддаватика. Встречавшиеся ему по пути пастухи со стадами коров и коз, пахари и путники кланялись и предупреждали: «Благословенный, не ходи в манговую рощу. Там в обители отшельников живет страшный ядовитый наг по прозвищу Амбатиттхака». Он может причинить вред Благословенному». Трижды они повторяли эти слова, но Учитель, будто не слыша их, отправился в манговую рощу.

В то время в одной лесной обители жил тхера по имени Сагата, обладавший высшей магической силой, какую только может иметь смертный человек. Он пришел в манговую рощу и как раз в том месте, где жил царь нагов, сел на охапку травы, скрестив ноги. Наг не мог сдержать гнева и выпустил дым. Тхера тоже выпустил дым. Тогда наг выпустил огонь, и тхера выпустил огонь. Пламя нага не причинило вреда тхере. Пламя тхеры укротило нага. Укротив царя нагов, тхера наставил его в правилах учения Будды и пришел к Учителю.

Пробыв сколько ему хотелось в Бхаддаватике, Учитель отправился в Косамби. История о том, как тхера Сагата укротил нага, распространилась среди народа. Жители города Косамби вышли встретить Учителя. Они поклонились ему, а потом подошли к тхере Сагате и, поклонившись, сказали: «Почтенный, скажи, в чем ты нуждаешься, мы дадим тебе это». Сагата молчал. Тогда шесть братьев, наблюдавшие за нравами, сказали: «Почтенные, ведь отшельникам вина не подают. Поэтому тхере приятно будет, если вы дадите ему прозрачного красного вина».

Люди согласились и решили угостить тхеру каждый в своем доме. Потом они пригласили Учителя прийти на другой день, а сами вернулись в город.

На следующий день, приготовив прозрачного красного вина и зазывая тхеру каждый в свой дом, жители угощали его. Напившись вина, тхера захмелел, а выходя из города, он свалился у городских ворот и, бормоча что-то бессвязное, заснул.

Спустя некоторое время Учитель отправился за подаяниями и, увидав пьяного Сагату, который валялся у городских ворот, велел бхикшу поднять его и отнести в обитель. Первым делом бхикшу положили тхеру головой к Благословенному, но Сагата, перевернувшись, снова лег к Благословенному ногами. Тогда Учитель сказал: «О бхикшу, есть ли у Сагаты то уважение ко мне, какое было у него прежде?» — «Нет, почтенный», — отвечали бхикшу. «А скажите, бхикшу, кто укротил царя нагов из манговой рощи?» — «Сагата». — «А мог бы теперь Сагата укротить безвредную водяную змею?» — «Нет, почтенный». — «Что же, бхикшу, следует ли пить тому, кто, напившись, совсем теряет разум?» — «Не следует, почтенный». Так порицая тхеру, Учитель сказал: «Питье разных крепких напитков требует искупления греха».

Дав бхикшу такое наставление, Учитель поднялся со своего места и пошел в зал благовоний.

Собравшись в зале дхармы, бхикшу обсуждали греховность опьянения: «Подумайте, братья, настолько велик грех опьянения, что Сагата, достигший мудрости и владеющий магической силой, забыв добродетели Учителя, так поступил». В это время вошел Учитель и спросил: «Что вы здесь обсуждаете, бхикшу?» Когда те объяснили, Учитель сказал: «Это, бхикшу, не первый раз, когда отшельники, напившись вина, теряют разум. Это бывало и прежде». И он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в стране Каши в семье одного северного брахмана. Когда он достиг зрелого возраста, то ушел в Гималаи и сделался отшельником. Овладев магической силой и одолев все ступени на пути к конечному освобождению, он жил там в созерцании и размышлениях среди пятисот учеников.

Когда наступила пора дождей, ученики сказали ему: «Учитель, мы хотим пойти туда, где живут люди, за солью и уксусом. Потом вернемся».— «Я, милые, останусь здесь,— сказал наставник,— а вы идите, проведите время дождей, как вам нравится, и возвращайтесь».

Простившись с наставником, они пришли в город Варанаси и поселились в царском саду. Утром они уходили за подаяниями в деревню, расположенную за городскими воротами, насыщались там, а потом возвращались в город. Благочестивые люди давали им пищу, а через несколько дней доложили царю: «Божественный, из Гималаев пришли пятьсот отшельников и поселились в царском саду. Это отшельники необыкновенной строгости, соблюдающие все нравственные правила и обуздавшие свои желания».

Услыхав о таких добродетелях отшельников, царь явился в сад и приветствовал их. Он взял с них обещание прожить здесь все четыре месяца дождей и пригласил их во дворец. С этого времени отшельники стали кормиться в царском дворце, а жили в царском саду.

Однажды в городе был объявлен праздник вина. «Ведь отшельникам вина не подают»,— подумал царь и приказал дать им самых лучших вин. Напившись, отшельники пришли в царский сад. Захмелев, одни из них стали плясать, другие запели, а третьи, напевшись и наплясавшись, рассыпали принесенную еду и другие свои пожитки и заснули где кому пришлось.

Когда опьянение прошло, отшельники проснулись и, узнав, какую они совершили измену нравственным правилам, решили: «Мы сделали то, что недостойно отшельников». И они стали рыдать и причитать: «Мы совершили такой грех потому, что были без наставника». И в тот миг они покинули царский сад и вернулись в Гималаи.

Положив собранное ими, они поклонились наставнику и сели возле него. «Ну как, дети мои,— спросил он,— счастливо ли вы жили среди людей? Не утомились ли, собирая подаяния? Дружно ли вы жили?» — «Мы жили счастливо, Учитель,— сказали отшельники,— но однажды мы выпили то, что нам не полагается пить, и, потеряв рассудок и память, стали петь и плясать». И, объясняя, как это произошло, они произнесли следующую гатху:

Мы пили и пускались в пляс, орали песни, плакали.
Как хорошо, что в обезьян не превратило нас вино.

«Вот что бывает с теми, кто не живет вместе с наставником,— сказал Бодхисатта, порицая отшельников,— впредь этого не делайте». Дав им такое наставление, он жил, не прекращая созерцания и размышлений, и возродился в мире Брахмы.

Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «Тогда община отшельников была окружением Будды, а наставником их был я».

ДЖАТАКА О ЦАРЕ МАХАПИНГАЛЕ (№ 240)

«Народ царем Пингалой...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал о Девадатте. Когда Девадатту, который целых девять месяцев замышлял зло против Учителя, у ворот Джетаваны поглотила земля, жители Джетаваны и других соседних мест радовались и ликовали. «Девадатту, противника Будды, поглотила земля,— говорили они.— Теперь, когда враг погиб, Учитель достиг полного просветления».

Весть о смерти Девадатты распространилась по всей Джамбудвипе, узнали об этом якши, бхуты и дэвы. Все они радовались и ликовали.

Однажды бхикшу собрались в зале дхармы и стали рассуждать: «Братья, когда Девадатту поглотила земля, народ смеялся и ликовал». В это время вошел Учитель и спросил: «Что вы здесь обсуждаете, бхикшу?» Когда те объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, люди смеются и радуются смерти Девадатты, так было и прежде». И он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно правил в городе Варанаси злой и несправедливый царь по имени Махапингала. Что ни день, совершал он по своей прихоти разные злодеяния. Словно сок из сахарного тростника, выжимал он из своих подданных налоги, карал их то и дело все новыми поборами. Всегда был он груб, суров и жесток и никогда не испытывал жалости к другим людям. Во дворце он был неумолим и беспощаден не только к своим женам, сыновьям и дочерям, но и к придворным, брахманам и знатным землевладельцам. Всем был он неприятен, словно песок в глазах, словно камень, попавший в пищу, словно колючка, застрявшая в пятке.

В то время Бодхисаттва возродился в образе сына этого царя. Когда после долгого царствования Махапингала наконец умер, все жители Варанаси радовались и хохотали. Они привезли тысячу возов дров, сожгли Махапингалу, вылили на это место тысячу кувшинов воды и помазали на царство Бодхисаттву. «Теперь у нас справедливый царь»,— говорили они. По всем улицам было приказано бить в праздничные барабаны и поднять над городом стяги и знамена. У дверей каждого дома были сделаны навесы, и люди сидели под этими навесами на помостах, усыпанных печеным зерном и цветами, ели и пили.

На диване, стоявшем на пышно разукрашенном помосте, в окружении придворных, брахманов, знатных горожан и привратников под белым зонтиком торжественно восседал Бодхисаттва.

А в это время один привратник, стоявший возле царя, все время вздыхал и всхлипывал. Заметив это, Бодхисаттва сказал: «Эй, привратник, смотри, весь народ веселится и празднует смерть моего отца, а ты стоишь и плачешь. Разве мой отец был тебе так приятен?» И он произнес первую гатху:

Народ, царем Пингалой притесненный,
В его лишь смерти видит избавленье.
Так был тебе приятен Красноглазый,
Что ты о нем теперь, привратник, плачешь?

Выслушав его, привратник сказал: «Нет, не о смерти Махапингалы я скорблю. Моей голове с лихвой от него досталось. Всякий раз, выходя из дворца и возвращаясь обратно, царь Пингала, словно кузнечным молотом, давал мне по восьми ударов кулаком по голове. Боюсь я, как только попадет он в другой мир, стукнет восемь раз по голове Ямы, привратника ада, думая, что он меня бьет. «Слишком уж он непочтителен с нами»,— скажут обитатели ада и отошлют его обратно на землю. И тогда он снова каждый день будет бить меня по голове. Вот чего я боюсь, оттого и плачу». И, разъясняя это, привратник произнес вторую гатху:

Всегда мне был противен Красноглазый,
Боюсь его сюда я возвращенья.
Он, в ад придя, побьет там бога смерти,
А тот, рассерженный, пришлет его обратно.

Выслушав привратника, Бодхисаттва сказал ему: «Царь Пингала сожжен на костре из тысячи возов дров, место сожжения залито водой из тысячи кувшинов, и борозду кругом провели. А существа, перешедшие в другой мир, в то же тело не возвращаются,

поэтому ты не бойся». Так успокаивая привратника, он произнес третью гатху:

На тысяче возов сожжен, из тысячи горшков залит,
Кругом прорыта борозда, не бойся, не вернется он.

После этого привратник успокоился, а Бодхисаттва, раздавая дары и совершая другие благочестивые деяния, справедливо управлял царством и возродился согласно карме.

Учитель, приведя эту историю, отождествил перерождения: «Тогда Пингалой был Девадатта, а сыном был я».

ДРЕВНЕИРАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, СОСТАВЛЕНИЕ И ПЕРЕВОД
И. БРАГИНСКОГО

ДРЕВНЕИРАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Произведения древнеиранской письменности являются частью культуры иранских племен и народностей, заселявших со II тыс. до н. э. обширные пространства Евразии — от Гиндукуша и до устьев Дона, от Каспия и до истоков Тигра и Евфрата. Обособление восточных иранцев от западных произошло в глубокой древности. Восточные иранцы искони заселяли Среднюю Азию (включая значительную часть нынешнего Афганистана и часть отрогов Гиндукуша), то есть земли к востоку и юго-востоку от Каспийского моря. У них были постоянные связи с населением Восточно-Европейской равнины, с тюркоязычными народностями, с Китаем и Индией. Центрами восточноиранских народностей были области Ферганы, Хорезма, Согда, Памира и Хорасана. Западные иранцы жили к западу и югу от Каспийского моря, преимущественно на территории нынешнего Ирана (исключая Хорасан), и находились в постоянном общении главным образом со странами Междуречья и Средиземноморья. Их центрами были Мидия, Азербайджан (Атропатена), Фарс. Весьма тесные и разносторонние связи восточных и западных иранцев не прекращались веками.

О древнеиранской литературе, развивавшейся в течение почти целого тысячелетия, можно судить по таким памятникам, как «Авеста», фрагменты согдийской и парфянской литератур, по произведениям среднеперсидской письменности, развивавшейся частично на территории Хорасана, а в большей мере — Фарса.

«АВЕСТА» — ДРЕВНЕЙШИЙ ИРАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

«Авеста», священная книга зороастризма (парсизма), дошла до нас в двух основных редакциях (вариантах). *Первая редакция* представляет собою сборник молитв на так называемом авестийском языке, записанных особым, авестийским алфавитом. Эти молитвы и ныне читаются зороастрийскими (парсийскими) священниками при богослужении. *Вторая редакция* представляет собою в основном собрание тех же частей, что и первая, но расположенных в ином порядке, имеющем целью не чтение при богослужении, а систематическое изучение.

Авестийский текст в этой редакции, разбитый по книгам, главам и строфам, сопровождается комментированным переводом («Зенд») на среднеперсидском языке, записанным не авестийским, а «книжнопехлевийским» алфавитом.

Состав «Авесты» второй редакции таков:

1. «Вендидад» (искаженное средвеперсидское слово «Видевдат», от авестийского выражения: «Ви дэво датем», то есть «Кодекс против дэвов») представляет собою свод законов и предписаний, направленных на отвращение злых сил и демонов (дэвов), водворение праведности («аша», точнее «арта»). Содержит преимущественно в форме диалогов между Заратуштрой и верховным божеством — Ахурой Мазда предписания о поддержании ритуальной чистоты, об искуплении грехов и различные культовые указания, а наряду с этим элементы мифологии. Состоит из двадцати двух глав («фрагард»).

2. «Висперед» (среднеперсидское «Виспрат», от авестийского «Виспе ратаво» — «все владыки», то есть «покровители благих существ») содержит молитвенные песвопения, состоит обычно из двадцати четырех глав («карде»); количество глав в разных рукописях колеблется. По содержанию примыкает к «Ясне».

3. «Ясна» (от авестийского «йаз» — «почитать», «поклоняться») включает молитвы, произносимые при жертвоприношениях и богослужении, восхваления и литургические обращения к божествам. Состоит из семидесяти двух глав («ха»), в том числе семвадцати глав так пазываемых гат Заратуштры (таджикское «гах» — «музыкальный такт», «песвя»), считающихся наиболее древней частью «Авесты».

4. «Яшт» («почитание», «восхваление», от авестийского «йаз» — «почитать») — хвалебные гимны, двадцать два песнопения, посвященные каждое одному из божеств, содержащие особенно много мифологических элементов.

5. «Малая Авеста» включает молитвенные тексты, в том числе и на среднеперсидском языке. По традиции, в «Малую Авесту» обычно зачисляют и «Яшт».

Одни ученые относят возникновение отдельных частей «Авесты» к XV — X вв. до н. э., другие — к первым векам до нашей эры. Несомненно, что в «Авесте» имеются более ранние части и более поздние, в том числе большие интерполяции. Судя по языку, по содержанию и по ряду социально-исторических моментов, значительная часть «Авесты», особенно наиболее ранние тексты (прежде всего «гатические»), сложилась хотя и позднее, чем «Ригведа» (составлевная около полутора тысяч лет до нашей эры), однако до ахеменидского царствования (IX — VII вв. до н. э.). Более точные определения хронологических координат каждой из частей «Авесты», даваемые отдельными исследователями, отличаются большим филологическим остроумием, но спорны и не всегда достаточно убедительны.

При всей неодинаковой древности различных частей «Авесты», в ней, особенно в гатах и «Яште», сохранились отголоски и элементы (идейные, сюжетные) древнейших представлений иранских народов и их древней поэзии

эпохи первобытнообщинного строя и его разложения, а также элементы дальнейшей переработки и развития этой поэзии уже в эпоху классового общества, когда осуществлялась первоначальная кодификация «Авесты».

* * *

Гаты Заратуштры являются основной поэтической частью «Авесты».

Распространение зороастрийского учения среди иранских племен и народностей относится к началу I тыс. до н. э., раньше всего — в Средней Азии, затем на территории нынешних Афганистана, Ирана и Азербайджана. В Средней Азии в то время происходил переход от родового строя к раннему классовому обществу. Уже было освоено железо, внедрялось употребление железного меча, топора и сошника. Развивалось и укреплялось оседлое скотоводство и возникало пашенное земледелие. Восточноиранские народности и племена разделялись на кочевых и оседлых. Оседлые иранцы жили большими семьями-домами, объединенными сельской общиной. Происходило расслоение на три основные социальные группы: скотоводов-земледельцев во главе с родовыми старейшинами, воинов во главе с вождем-правителем и жрецов во главе со старшим жрецом. Все более росло имущественное неравенство, появлялись богатые и бедные; усиливались противоречия и конфликты между ними. На этой основе зародилась ранняя государственность, связанная с выделением богатой, хорошо вооруженной аристократии и постепенным переходом от военной демократии к аристократической олигархии.

Тогда же новоявленными пророками, а может быть, именно одним из них, наиболее величественным, по имени Заратуштра, произносились речитативом, а может быть, и распевались гаты. Они исполнялись перед слушателями, завороженными страстным словом, бесконечными повторами и мерностью речи на залитой солнцем поляне или при отблеске жертвенного пламени. Они передавались из поколения в поколение, пока не были записаны жрецами, возможно, уже многого не понимавшими в их первоначальном смысле, который в свое время доходил до сердец иранских скотоводов и воинов глубокой древности.

Простоте социальной структуры отвечала и простота учения, выраженного в гатах. Мы не наблюдаем в них ни мистики, ни догматической сухости. Земные, а может быть, точнее, пастбищные корни этого вероучения достаточно наглядно выражены. Во всех поучениях гат внимание обращено к практической стороне, к жизненному укладу и вопросам морали. Для системы образов характерна универсальная поляризация, отражающая реальное столкновение противоположностей в природе и в обществе, и симметрия, выражавшаяся в однообразных повторах, в склонности к «триадам» разного рода и т. п.

Весь мир рассматривался как раздвоенный, разделенный на две сферы: одну — земную, реальную, телесную, «мир вещей», другую — потусторонною, воображаемую, духовную, «мир души». Такое раздвоение мира прони-

зывает многие гаты. «О помощи прошу и о поддержке в обоих мирах — телесном и духовном»,— часто повторяется в них этот призыв Заратуштры.

Главное внимание уделяется миру земному, и, по сути дела, содержание гат сводится к двум видам поучений: о пользе оседлого скотоводства и приумножении богатств и о необходимости справедливого распорядка и управления. Особенно же подчеркивается в гатах недопустимость кровавых жертвоприношений, приводящих к хищническому убою скота — главного богатства человека той поры.

В противовес мирной жизни оседлых скотоводов-земледельцев порицается жизнь кочевников, занимающихся грабежом и угоном скота, предаются поношению и проклятию их правители и жрецы, уничтожающие скот при оргиальных кровавых жертвоприношениях. Именно с этих позиций все люди и племена разделяются на три группы: на праведных, оседлых скотоводов-земледельцев, на их антиподов, кочевников-грабителей, и, наконец, на колеблющихся между одними и другими, то есть на тех, «у которых смешано то, что ложно, с тем, что они считают праведным» («Ясна», 33, 1).

Представления о земной жизни перенесены на всю вселенную. И там происходит постоянная поляризация сил, непрерывное столкновение добрых божеств и духов со злыми божествами и духами. Это столкновение восходит к первоначальному конфликту Духа добра и Духа зла, о котором наиболее выразительно рассказывается в «Проповеди о двух духах» («Ясна», 30):

А теперь обращусь я к тем, кто желает слушать...
Прислушайтесь ушами своими к наилучшему [учению],
Проникнитесь ясным пониманием двух верований,
Дабы каждый перед [лицом] Судного дня сам избрал одно из них:
    Оба духа, которые уже изначально, в сновидении
                                    были близнецам подобны
    И поныне пребывают во всех мыслях, словах и делах,
                                    суть Добро и Зло.
    Из них, из обоих благомыслящие правильный выбор сделали,
    Но — не зломыслящие.
Когда же встретились оба духа [друг с другом],
Они положили начало
Жизни и тленности, тому, чтоб к скончанию веков
Было бы уделом лживых — наихудшее,
                                    а праведных — наилучшее.
Из этих двух духов избрал себе Лживый — злодеяния,
Праведность — избрал для себя Дух священный,
Чье облачение — небесная твердь.

Многочисленное воинство Добра и Зла, различные духи и демоны, добрые и злые (дэвы), впоследствии толкуемые в зороастрийском каноне как абстрактные сущности, представляли собою первоначально — в гатах — анимистические существа типа внутреннего воздействующего духа, свойственного каждому предмету и именуемого у некоторых изучаемых этнографией первобытных народов «мана» и «оренда».

На небесах складывалась, по древним представлениям, троичная струк-

тура божества Добра, отражавшая расслоение на три социальные группы, происходившее у оседлых иранцев. Во главе «троицы» стоял верховный правитель — Владыка всеведущий — Ахура Мазда, опиравшийся на Духа огня (а также «Лучшего распорядка») — Арта, божественную персонификацию верховного жреца, и на Духа скота (также «Благой мысли») — Вохумана — божество общины оседлых скотоводов. Во главе же небесной троицы Зла стоял Друдж («Ложь»), впоследствии Ахриман.

Присутствует в гатах и человек — земледелец и кочевник, но именно только присутствует. В гатах человек — не действующий субъект, который стоит в центре художественного изображения, а лишь объект воздействия божеств. Им, божествам, посвящены гаты; они, божества, в центре внимания. Из людей привлекают слагателя гат лишь властители, «сверхчеловеческие» образы вождей, царей и жрецов. Если к активности призывается «слабый человек», то лишь в роли служителя богов, исполнителя воли властей небесных и земных. Человеку как таковому отводится место лишь чуть повыше того, которое занимает «благодетельный скот», также служащий божествам и ими опекаемый.

Понимание человека в гатах — это, таким образом, при всей первобытной наивности, религиозная трактовка человека как существа, призванного служить сильным мира сего и небесного, человека, не столько действующего ради блага своего, сколько (подобно скоту) опекаемого стоящей над ним властью земной и горней.

Художественные особенности гат неразрывно связаны с их содержанием, прежде всего а) с пониманием воздействующей роли изреченного Слова и б) с осознанием пророческой миссии поэта, слагателя гат.

В моральной триаде (мысль — слово — дело) центральное место занимает изреченное слово; оно воплощает мысль (дух) и, обладая магической силой, сливается, отождествляется с делом. Недаром в обеих небесных троицах — и Добра и Зла — именно верховное божество является обладателем воздействующего слова; Ахура Мазда (Владыка всеведущий) — благотворного слова, а Друдж (Ложь) — злого слова. В этом слове нет ничего мистического, это не «логос» в эллинистическом толковании, а скорее магически-шаманское заклинание. Изречение слова (приговора, приказа, заклинания) и есть проявление силы небесного владыки — Ахуры Мазда, акт слияния слова с делом. Именно таким было положение на земле, у земных владык; такова была сила приказа царя или заклинания верховного жреца. В этом снова и снова проявляются земные корни идеологических представлений, выраженных в гатах.

С одухотворенной размеренной, следовательно, поэтической речью связано понимание и пророческой миссии слагателя гат, о котором говорится: «Заратуштра — это Пророк славословящий, вздымающий свой голос во имя Арты (наилучшего распорядка, или Духа огня) и почитания. Научи меня, о Мазда, тому, чтобы языком моим указать правильный путь» («Ясна», 50,6).

Заратуштра воплощает в себе моральную триаду: мысль — слово — дело. Поэтому он и выступает в двух функциях: пророка и жреца. Как пророк,

служитель Владыки-Ахуры, он выступает в роли выразителя Слова. Как жрец — приверженец Духа огня (Арта), он выступает в роли исполнителя Дела, наилучшего распорядка. Он говорит: «Я — праведный жрец, я хочу преданно заниматься скотоводством» («Ясна», 33, 6). Заратуштра неоднократно подчеркивает, что тот, кто поддержит его, будет вознагражден, а тот, кто не поддержит, будет наказан.

Две функции Заратуштры — пророка и жреца — во многом определили жанровые особенности гат. При отсутствии четких жанровых различий между гатами можно, однако, отметить наличие двух их групп: в первой преобладает восхваление, во второй — проповедь. Первую группу можно именовать — хвалебные гаты пророка, вторую — назидательные гаты жреца.

Образцом хвалебной гаты может служить первая: «С упоеньем молюсь...» Образцом назидательной — гата, включающая проповедь «в форме вопросов» («Ясна», 44), начало которой таково:

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Может ли в благодарность за мое восхваление
Такой, как ты, открыться, как друг, такому, как я?..
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Как будут заложены основы наилучшей жизни?..
Сие спрашиваю тебя, открой мне правду, о Ахура!
Кто был изначальным отцом Арты [Духа огня] при зарождении его?
Кто проложил путь Солнцу и Звездам?..
Кто заставляет Луну прибывать и убывать?..
Сие спрашиваю тебя, открой мне правду, о Ахура!
Верно ли наставляю я?
Для кого создан скот?..
Кто научил сына почитать отца своего?
Как овладеть поучениями и словами правды?..
Сие спрашиваю тебя, открой мне правду, о Ахура!
Получу ли я благодаря Наилучшему распорядку воздаяние свое:
Десять кобылиц, и жеребца, и верблюда, которые, о Мазда,
Причитаются мне вместе со здоровьем и жизненной силой, присущими тебе...
Сие спрашиваю тебя, открой мне правду, о Ахура!
Кто не отдает платы тому, кто заслужил ее,
И, сдержав слово свое, счел эту [плату] своей по праву,—
Какое наказание следует ему уже сейчас?
Ибо, что уготовано ему в Конце, это — известно!

* * *

Ранний, «гатический» зороастризм в процессе своего распространения и внедрения вплоть до превращения в государственную религию Ирана при династии Сасанидов (III — VII вв.) подвергался толкованию и переосмыслению, многочисленным дополнениям, включениям разнообразных иных религиозных и культовых элементов,— что завершилось канонизацией его парсийскими жрецами. Тогда и была кодифицирована — при Сасанидах —«Авеста» в двадцати одной книге, от которой до нас дошла лишь часть, сохранившаяся как священная книга современных парсов (в Индии).

Пантеон богов, по сравнению с гатическим, значительно увеличился и усложнился. Более могущественным и величественным стал Ахура Мазда, осмысление которого жречеством приблизилось к монотеистическому, что отвечало сложившемуся самодержавию восточного деспота в рабовладельческом и раннефеодальном Иране. Сонм богов (язатов), окружающих верховного бога Ахуру Мазда, включал уже не только гатических духов, ставших абстрактными «амеша спента» в смысле «Бессмертных святых», но и многих издревле, до и вне зороастризма, почитавшихся племенных богов, отвергнутых в свое время Заратуштрой, но «введенных» жрецами в пантеон на положении «младших»: прежде всего Митру, бога Солнца и Правды, Ардвисуру Анахиту — богиню Воды и Плодородия, а также Тиштрию (звезду Сириус), Вертрагну (божество Битвы), благовестника Сраошу и других. Вместо скромного гатического «Гаронмана» («Дом песнопения») божества населяют уже свой «олимп» — гору Хара, у подножия которой клокочет море Ворукаша. Антиподом Ахуры стал «меньший» по божественному рангу Сатана — Ахриман (в «Авесте» — Ангра Маныо).

Совокупность исторических, литературных и лингвистических данных довольно убедительно говорит в пользу восточноиранского, то есть среднеазиатского, происхождения не только гат и яштов, но и «Авесты» в целом. В ней нет ничего, отражающего особенности религии западных иранцев, известные по сообщениям античных авторов, нет ничего о столь характерных для Западного Ирана тесных связях с Междуречьем, нет и западноиранских географических названий. Однако в процессе кодификации «Авесты» и ее распространения в Азербайджане и Западном Иране в нее вошли многие более поздние, западноиранские элементы, в частности, на языке, приближающемся к среднеперсидскому. Также является бесспорным, что в течение веков существенные части «Авесты» сохранялись изустно. Вследствие этого в ней переплетаются элементы двух родов: чисто религиозные — плод идеологического творчества жречества, и некоторые народные представления периода первобытнообщинного строя. С одной стороны, мы встречаем восхваление божественного происхождения царя, освящение социального неравенства («Ахуре Мазда богатый любезнее бедного» — «Вендидад», 4, 47), с другой — проповедь устоев родового строя.

Народные элементы являются наиболее древним «слоем» «Авесты». Они покрыты мощными пластами более поздних, жреческих идей, отражающих попытку внести весьма тенденциозную систематизацию в древние представления, подчинить их канонизированному учению, придать наивным анимистическим представлениям завершенную форму абстрактного религиозного мировоззрения, освятить власть царей как носителей божественного сияния (нимба) — Хварно. Жреческую линию в «Авесте» и в зороастризме, кроме культа Хварно, составляет также разработка вопросов демонологии (демонов зла и добра, которых множество) и эсхатологии, загробной жизни, конца мира и Воскресения, Страшного суда и др. Отсюда и религиозная нетерпимость в «Авесте», проявляющаяся по-разному: проповедь распространения зоро-

астризма силой оружия уже в гатах («Ясна», 53, 8, 9); резкое выступление против «кровосмесительства» при браках с представителями чужого племени, против тех, «кто смешивает семя [родичей] праведных с семенем нечестивых [чужеродцев], семя почитателей дэвов с семенами [людей], их отвергающих... об этом говорю я тебе, о Заратуштра, что их убивать важнее, чем извивающихся змей и крадущихся волков» («Вендидад», 18, 62, 65).

При кодификации «Авесты» приспособление народных представлений к жреческим шло двумя путями: включением народных мифологических элементов в молитвенные тексты или изображением некоторых абстрактных божеств в привычных народных конкретных образах.

Нашла отражение в «Авесте» и зародившаяся на заре классового общества народная мечта о справедливом, добром вожде, правителе. Впоследствии она превратилась в крестьянскую утопию о «хорошем царе», столь распространенную в средние века. В гатах говорится о добрых правителях, которые должны изгонять врагов, совершающих набеги на оседлые оазисы, и «нести мир для радостных селений» («Ясна», 48, 5; 53, 8 и др.), о приходе мессии — Сошианта для установления справедливости на земле. Сохранились в «Авесте» и отголоски социальной утопии о счастливом веке, о земле, где не бывает «ни мороза и ни зноя, ни болезней и ни смерти, ни зависти, порожденной дэвами» (свидетельство разложившего общину имущественного неравенства) («Ясна», 9, 5).

В немногих поэтических фрагментах, часто затерянных, словно оазисы, в пустыне жреческих текстов, но передающих народные сюжеты и мотивы, отражающих живое восприятие природы и бытовых реалий, язык «Авесты» весьма красочен, образен и ярок.

Наиболее характерным для поэтики «Авесты» является последовательная антитетичность всего изложения и стиля (вплоть до различной лексики для благих, «ахурийских», и злых, «дэвовских», существ), что вытекает из всего характера зороастризма (парсизма). В «Авесте» чрезвычайно широко распространены эпитеты, особенно, как и в устной народной поэзии, постоянные эпитеты, употребительны также плеоназмы («огни красные, пылающие» и т. п.). Находят в «Авесте» применение также такие стилистические фигуры, как анафора, рефрен, параллелизм, риторические вопросы, аллитерация, хиазм (например: «...избрал Лживый злодеяние, праведность избрал Священный дух») и т. п. Многочисленные анафорические введения характерны для многих яштов: в «Ардвисур-яште»: «Ты можешь восславить ради меня Ардвисуру Анахиту» (стихи 10, 12, 14, 16, 20, 24, 28 и т. д.); в «Михр-яште»: «Митру славим мы, обладающего широкими пастбищами...» и др. Анафора — наиболее распространенная фигура в «Авесте».

Значительная часть «Авесты» (преимущественно гаты и яшты) метризирована. Некоторые исследователи довольно убедительно доказали, что старый текст «Авесты» (дошедший до нас в искаженном виде) был весь метризован, подобно «Ведам», и (кроме гат) состоял из стихов в восемь слогов (иногда 10—12), то есть составлял в двустишии подобие шлоки в «Ведах».

В поэтических фрагментах «Авесты» нет квантитативности (мерного

чередования коротких и долгих слов), которая свойственна метрике стиха на языке фарси. Однако, кроме силлабики, следует в этих фрагментах отметить элементы тоники из-за ударений (повышений голоса) внутри строк, соответствующих грамматическому ударению (каждое слово — одно ударение).

ПАМЯТНИКИ ПЕРИОДА ПЕРЕХОДА ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНИМ ВЕКАМ

Закономерный процесс перехода от древности к средним векам и последующего развития литературы средневекового типа длился в ираноязычных литературах примерно шесть веков (III — VIII вв.) и имел следующие основные особенности: а) переход от античности к средневековью, в отличие от того, что происходило в культуре Запада, не сопровождался коренной сменой религиозной системы, а лишь изменениями внутри древнеиранской, зороастрийской религии в двух направлениях — догматическом (превращение в государственную религию Ирана) и еретическом (преимущественно в форме первоначального манихейства); б) в отличие от древней литературы, представленной лишь в виде литературно-художественных *элементов* в единственном памятнике письменности, «Авесте», написанной одним древнеиранским языком (авестийским), литература раннего средневековья является разножанровой и разноязычной (различные среднеиранские языки: среднеперсидский, парфянский, согдийский и др.). Дошедшие, в большинстве своем во фрагментарном виде, переводы произведений буддийской и христианской литературы не входят в понятие «древнеиранская литература».

Все произведения литературы иранского средневековья пронизаны религиозной идеологией (так или иначе связанной с зороастризмом). Даже в немногочисленных произведениях светского характера весьма значителен религиозный элемент. Однако по степени выражения в литературных памятниках аристократически-жреческой или народной тенденций можно довольно определенно сгруппировать эти памятники в «две литературы»: «книжно-пехлевийскую», освященную авторитетом официальной, зороастрийской церкви, и «манихейскую» во многом выражавшую, в еретической форме, народные представления и чаяния. До нас дошла лишь часть многочисленных литературных памятников пехлевийской литературы, причем в основном в поздней редакции IX века (когда зороастризм, уступив место победившему исламу, стал религией гонимой), а из манихейской литературы — только фрагменты произведений (частично восстанавливаемых по переводам и изложениям на других, неиранских, языках).

* * *

Пехлевийской («книжно-пехлевийской») литературой называется совокупность произведений письменности на языке, неточно именуемом «пехлевийским»,— ибо на самом деле язык этой литературы не «пехлевийский» (каким можно именовать парфянский), а среднеперсидский.

По существу, оба среднеиранских языка — среднеперсидский и парфянский — являются довольно близкими друг другу диалектами: первый — юго-западным (области Фарса), второй — северо-восточным — (области Хорасана). Следует отметить, что некоторые памятники пехлевийской литературы были действительно первоначально составлены на «пехлевийском» (парфянском) языке, но последующими переписчиками «отредактированы» в нормах среднеперсидского языка и в таком именно виде дошли до нас.

Произведения пехлевийской литературы, связанные еще с устной традицией,— жреческой, зороастрийской и народной, фольклорной,— творились авторами, выступавшими анонимно, как передатчики традиций, в период III—VII веков в мощном, относительно централизованном Сасанидском государстве, в двух центрах—Фарсе и Хорасане. После завоевания Ирана и Средней Азии войсками Арабского халифата, в период VIII — IX веков, составлялись компилятивные произведения, вобравшие в себя многие элементы предшествующего творчества и существенно переработанные зороастрийскими (парсийскими) жрецами с апологетическими целями. Некоторые произведения пехлевийской литературы, в частности, такие выдающиеся, как знаменитая обрамленная повесть «Калилак и Дмнак» (среднеперсидский переработанный перевод «Панчатантры») и «Хватай-намак» («Книга о царях»), не дошли до нас в подлиннике и известны лишь в переводах и изложениях на арабском языке. Первая из этих книг благодаря переводу стала источником мирового письменного басенного творчества (вплоть до басен Лафонтена и Крылова). Вторая книга стала важнейшим источником различных новоперсидских «Шах-наме» («Книга царей»), в том числе и бессмертной эпопеи Фирдоуси.

В эпоху своего создания эта литература понималась в гораздо более расширительном смысле, чем позже, и отнюдь не сводилась к совокупности только литературно-художественных произведений.

Феодальная идеология нашла свое наиболее полное выражение в таких памятниках, как «Денкард», этой энциклопедии позднего, канонизированного при Сасанидах, зороастризма. Резюме этой книги хорошо выражено в двух афоризмах: «Ты должен соблюдать нищенство, которое является лучшим из богатств для великих людей»; «Столбовая дорога — это религиозность, а обителью [будет] — рай». Важнейшим сводом, кроме «Денкарда», является книга «Бундахишн» («Первотворение»), сохранившаяся в двух вариантах: более полном «иранском» («Большой Бундахишн») и кратком «индийском». Это сочинение содержит изложение космогонических мифов и различных преданий и легенд, значительно дополняющих и поясняющих многие имена и обрывки упоминаний, встречающихся в «Авесте». Знакомое уже по гатам учение о жизненных эпохах приняло здесь форму догмата о четырех эрах по три тысячи лет в каждой, в течение которых происходит борьба Ормузда и Ахримана, заканчивающаяся к концу III эры разгромом Ахримана, очищением мира в расплавленном металле от скверны и наступлением IV эры — вечного блаженства для всех истинноверующих (то есть зороастрийцев). Мотивы бренности земного мира и упования на царство небесное пронизывают многочисленные дидакти-

ческие произведения, например, «Советы Аяуширвана»: «О люди, остерегайтесь грешить и будьте усердны в благодеяниях и презирайте мирские блага»; «Будьте приверженцами хорошей веры, за это вы удостоитесь рая».

Художественный характер носят в полной мере произведения: как написаные первоначально на парфянском языке поэмы «Ядгар Зареран» и «Драхт асурик», так и на среднеперсидском — «Карнамаки Артахшери Папакан» («Книга деяний Ардашира, сына Папака») и поэма о шахматах («Шатранг»).

Первая поэма, «Ядгар Зареран» («Поэма о сыне Зарера»), по своему содержанию посвящена борьбе за веру, за торжество зороастрийской религии. Однако это религиозное содержание передано в формах героического эпоса (в переработанном виде ее сюжет входит в эпопею «Шах-наме»).

Поэма «Драхт асурик» («Ассирийское дерево») в большей мере, чем «Ядгар Зарераи», сохранила следы фольклорного произведения.

Отражает реальные исторические события «Книга деяний Ардашира (Артахшера), сына Папака» об основателе Сасанидской империи, заполненная приключениями, авантюрами и тайнами, многим напоминающая, особенно в любовной линии, античный (эллинистический) роман.

* * *

Манихейская литература связана с религией манихейства. Среди религий, в наибольшей мере претендовавших с начала нашей эры на роль мировых, универсальных, занимает свое значительное место наряду с христианством и буддизмом также манихейство. Его основоположником и был Мани (Манихей).

Суть проповедуемой Мани универсальной религии, которая должна была, по его замыслу, заменить все остальные, состояла в признании того, что мир — это арена вечной борьбы светлого и темного начал, а назначением человека является помощь светлому началу для окончательного одоления зла. Манихейство вобрало в себя элементы гностицизма зороастризма, христианства и буддизма.

Канон манихейской церкви включает в себя семь произведений, составленных самим Мани на арамейском (сирийском) языке, и тексты традиционной передачи его учения учениками. Из сирийских подлинников семи произведений Мани ничего не сохранилось, а выдержки, приводимые из них мусульманскими и христианскими авторами, обрывочны и кратки.

Первое из этих семи произведений — «Евангелие Мани», состоит из двадцати двух глав, отрывки из которых сохранились на иранских языках (среднеперсидский и согдийский). Вторая книга — в персидской передаче названия известна как «Нийани зиндаган» («Сокровищница жизни»). Третья книга известна по китайскому названию как «Книга тайн», по восточноиранским источникам она также называлась «Разан» («Тайны»). Наконец, «Книга о гигантах» («Каван»). Остальные — это «Эпистолы», «Книга псалмов». Сообщение о семи великих произведениях всегда сопровождается сведениями об

их богатом иллюстрировании рисунками (миниатюрами), известными под названием свода «Ардахаяг» («Арджанг»). Традиция манихейства изложена в произведении, именуемом «Кефалая», дошедшем на коптском языке и — фрагментарно — на иранских языках. Вне канона известна книга учения, изложенная Мани для Шапура I Сасанида: «Шапухракан».

Произведениям Мани присуща энциклопедическая ученость, и чтение их нуждается в комментариях. Он пытался охватить мифологические и научные, исторические и философские познания своего времени (космогония, география, алхимия, астрология, математика, ботаника, медицина и др.) и в буквальном смысле слова *осветить* их своей натурфилософией Света и приблизить к жизни человеческих масс своей практической этикой добра и человеколюбия: «Там, где нет любви, все деяния несовершенны»,— гласит дошедший до нас на согдийском языке афоризм пророка.

Проповеди и молитвы Мани судя по дошедшим отрывкам глубоко лиричны, живописны и пересыпаны фольклорной мудростью. Часто поводом для них было какое-либо природное явление: восход солнца, гроза, покрытое облаками небо, набухание почек на деревьях, благодатный дождь. Это придает им привлекательную интимность и, в отличие от его трактатов, делает легко понятными и доходчивыми. Нередко прибегал он к поэтической форме.

Несмотря на жестокие гонения со стороны зороастрийской и христианской церквей, манихейская религия широко распространялась сторонниками Мани, рассеявшимися по восточно-римским владениям, Средней Азии, Китаю, Палестине и др. На западе манихейские идеи оказались настолько живучими, что сохранились в антиклерикальных народных сектах средневековья: павликиане и мондракиты в Армении, богомилы в Болгарии, альбигойцы в Западной Европе. На востоке манихейство особенно распространялось среди согдийцев и в их колониях в Синьцзяне (Китайский Туркестан), а с VIII века стало государственной религией Уйгурской державы. Сочинения, созданные Мани, а также приписываемые ему, переводились на разные языки и сохранились фрагментарно на сирийском и мандейском, среднеперсидском и парфянском, согдийском, коптском, китайском и уйгурском языках.

Свойственное манихейской проповеди не только Мани, но и его апостолов обильное насыщение фольклорными элементами — притчами, афоризмами, новеллами — говорит о том, что это были излюбленные жанры эпохи.

Любил Мани и разные искусства (музыку, каллиграфию, живопись). По преданию, он сам был выдающимся художником и каллиграфом, как называли его, «чинским», то есть «китайским», точнее, «синьцзянским». Действительно, при раскопках в Синьцзяне обнаружена интересная манихейская живопись, стенная и миниатюрная. Название одного из упомянутых выше произведений Мани, «Арджанг», разукрашенного, по преданию, удивительными красочными иллюстрациями, стало в Иране и на всем Ближнем Востоке нарицательным именем для обозначения шедевра живописи.

И. БРАГИНСКИЙ

ИЗ «АВЕСТЫ»

ГА́ТЫ ЗАРАТУШТРЫ

«ЯСНА», 28 [МОЛЕНИЕ О СЛОВЕ]

1 С упоением молюсь,
простираю к Ма́зде руки я,
Чтобы Добрый дух сперва
принял все, что приготовил я.
С А́ртой радуются пусть
Вохума́на и Душа быка!
2 Мазда, Мудрый Властелин,
Вохумане верно я служу,
Дай мне оба мира в дар —
мир вещей и также мир души!
За служенье Арте дай
все, что праведному следует!
3 Вохумана, Дух скота,
славлю рассудительность твою,
Мазду с Артою пою,
мать Арматай пусть придаст вам сил,
Всех молю Вас об одном,
чтоб на зов мой приходили вы!
4 В Доме песнопения
Вохумане жизнь отдать готов,
Пусть за все мои дела
сам Ахура мне воздаст сполна.

А пока я жив, путем
Арты — Правды поведу людей.
5 Арта — Правда, Дух огня,
разве в силах я постичь, понять
Вохуману и тебя,
хоть и ведаю, где к Мазде путь.
Заклинанием твоим,
языком склоним врагов к добру!
6 Вохумана! Вразуми,
пусть прибавит Арта силы мне!
Мазда, Заратýштре дай
Слово чудодейственное то,
Что поможет наконец
одолеть всех злобных недругов!
7 Арта — Правда! За дела
дай мне щедрый, Вохуманы дар!
Мать Армáтай, укрепи меня
и вождя Виштáспу утверди!
Мазда, помоги певцу
сделать всех послушными тебе!
8 О, хороший, лучший друг
Арты и порядка доброго,
Мазда, милость окажи
мне и Фрашаóштре смелому!
И тем людям, что всегда
мысли Вохумáны берегут.
9 Мы вас не прогневаем,
хоть бы и десятой долею
Той хвалы, что воздадим
Арте с Вохуманою,
Мазда, не наскучим Вам,
о, хранитель царства нашего!
10 А затем, кто заслужил
Арты дар и Вохуманин дар,
Если Мазда их признал,
пожеланья их да сбудутся,
Чтоб постичь успех хвалы,
в стройных песнях, обращенных к вам.
11 В них я сохранил навек
облик Арты с Вохуманою,
Мазда, я воспел тебя,
передай ты мне из уст в уста
Слово мудрое о том,
как впервые появилась жизнь!

«ЯСНА», 29
[МОЛЕНИЕ О ПОДДЕРЖКЕ СКОТОВОДСТВА]

1 Молит вас Душа быка:
«Кто создал меня и для чего?
Эшма злой гнетет меня,
угоняют воры и грабители,
Кроме Вас — защиты нет,
селянин пусть пестует меня!»
2 И спросил Творец быка
Арту: «Кто же защитит быка?
Дай хозяина ему,
скотовода с добрым пастбищем,
Мужем осчастливь таким,
чтоб злодейства Эшмы отвратил!»
3 Отвечала Арта: «Нет
господина, чтоб пасти быка.
Я не знаю никого,
кто б за ним ходил как следует.
Нет достойного нигде,
чтобы люди шли на зов его».
4 Мазда знает обо всем:
о свершившихся намереньях
Равно — дэвов и людей,
о делах, что лишь задуманы,
Проницателен лишь он,—
пусть Ахуры воля сбудется!
5 Простирая руки ввысь,
о Ахура, умоляю я —
И коровы стельной Дух —
Мазду просим о двояком мы:
«Чистый скот чтоб не погиб,
скотовод — чтоб Друджу не служил».
6 Мазда так сказал тогда,
он, Ахура, что мудрее всех:
«На земле и в небесах
мужа нет, кто Арте по душе.
Но ведь скот Я сотворил
ради человека, пастуха,
7 Я, Ахура, Арты друг,
также Слово — Мáнтру сотворил,
Чтобы скот тучнел и корм
преумножился. А Мантру ту,

Вохумана, лишь в уста
истинного друга стад вложи!
8 На земле есть лишь один,
кто Мои заветы свято чтит;
Заратуштра,—
верен Мазде, как и Арте, он,
Он всегда прославит нас,
если Словом одарю его».
9 Вскрикнула Душа быка:
«Разве слабосильный нужен мне
Человек, чье слово — пыль?
Всемогущего желаю я!
Пусть грядет он наконец
и десницей скот оборонит!»
10 О Ахура, дай скоту
силу Арты и величие,
И пусть Вохумана даст
дар покоя и веселия,
Разве я не ведаю,
что лишь Мазда превосходит всех.
11 Если сила Арты мне
передастся Вохуманою,
Если вдохновит меня
Мазда сам реченьем магии,
То, Ахура, снизойдут
к нам щедроты, вас достойные!

КНИГА «ЯШТ»

ГИМН АРДВИСУ́РЕ АНАХИ́ТЕ

(«АРДВИСУ́Р-ЯШТ»)

I

1 И сказал Ахура Мазда — Спитами́ду Заратуштре:
Ты можешь восславить ради меня, о Спитамид
Заратуштра,
Ее, Ардвисуру Анахиту,
Широко разлившуюся, целительную,
Дэвам враждебную, вере Ахуры преданную,

Достойную, чтоб мир телесный почитал ее,
Достойную, чтоб мир телесный восхвалял ее, —
Страсть вызывающую, Артой освященную,
Стад покровительницу, Артой освященную,
Дома и усадьбы покровительницу, Артой освященную,
Имущества покровительницу, Артой освященную,
Страны покровительницу, Артой освященную [1].
2 Она творит семя всех мужей,
Уготавливает для родов
Материнское лоно всех жен,
Делает легкими роды всех жен,
Исполняет в урочное время
Молоком материнскую грудь;
3 Бескрайняя, славная именем,
Длиною равная всем водам,
Здесь, по земле, текущим,
Мощная, сходящая с вершины Хукáрйа к морю Ворукáша.
4 Все берега Ворукаша
Приходят в волненье,
Вся средина его восстает волнами,
Когда к ним притекает,
Когда к ним устремляется
Ардвисура Анахита,
У которой заливов тысяча,
У которой притоков тысяча,
И вдоль каждого из заливов
И вдоль каждого из притоков
Лишь за четыре десятка дней
Проскачет искусный наездник.
5 И один приток этой воды моей
Простирается на семь кишваров,
И приток этой воды моей
Непрестанно струится зимой и летом.
Она для меня делает благом и воду,
И семя мужей, и утробу жен,
И молоко женской груди, —
6 Это Я, Ахура Мазда, их произвел:
Чтоб дом и селенье,
Округ и страна процветали,

---

[1] Строфа 1 со слов: «Ты можешь восславить ради меня...» — до последней строки включительно составляет рефрен, именуемый ниже: «Рефрен 1».

Чтоб защищать и охранять их,
Оборонять и оберегать их.
7 И вот, о Заратуштра, она пришла к нам,
Ардвисура Анахита,
От Мазды, творца своего.
О, воистину хороши ее руки,—
Белые, мощнее бедер коней,
Величьем своим красуется,
Дивная, потоком текущая,
Выше сажени вышиной.
Думой одной занята она:
8 «Кто восславит меня,
Кто почтит молоком, заключающим Хо́му,
Очищенным, процеженным Зао́трой?
Чье удовольствую я желание?—
Верных мне и послушных мне,
Чтобы дать им веселья и бодрости?»
9 За великолепие, за величие
Внятной молитвой хочу восславить,
Доброй молитвою и Заотрой хочу восславить
Ардвисуру Анахиту, Артой освященную.
Да воззовут к тебе все,
Да чтят тебя еще больше,
О Ардвисура Анахита,
Молоком, заключающим Хому,
Очищенным, процеженным Заотрой.
Чье удовольствую я желание?—
Верных мне и послушных мне,
Чтобы дать им веселья и бодрости?[1]

II

10 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
11 Передний — правит ее колесницей,
Держит поводья у колесницы,
В ней мчится она, Ардвисура,
Тоскуя по богатырю.
Думой одной занята она:
«Кто восславит меня?
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

---

[1] Строфа 9 составляет рефрен, именуемый ниже: «Рефрен 2».

III

12 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
13 Четыре коня у нее в упряжке,
Все четыре единой белой масти,
Единой породы, высокие,
Оборающие зломышление всех врагов,
И дэвов и людей,
Волшебников и пэри,
Кавийских и карапанских властителей.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

IV

14 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
15 Она, могучая, светлая, высокая, стройная,
Чьи воды несутся, ниспадая и днем и ночью,
Обилием равные всем водам,
Здесь, по земле, текущим,
Она вперед устремляется, полная силы.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

V

16 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
17 Ей жертву приносил творец, Ахура Мазда,
В Арйа́не Ва́джа у доброй Дайтйи
Молоком, заключающим Хому,
Барсма́ном, готовностью помочь языком своим,
И мыслью, и словом, и делом,
Заотрой и уместными изречениями.
18 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтоб сына Пуруша́спы я,
Заратуштру, что в Арту верует,
Беспрерывно пестовал, научая
Мыслить согласно вере,
Молвить согласно вере,
Делать согласно вере».
19 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,

Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

VI

20 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
21 Ей жертву приносил Хошйа́нгха Парада́та
На вершине Ха́ра —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
22 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я наивысшим властителем
Над всеми кишва́рами,
Над дэвами и людьми,
Над волшебниками и пэри,
Над кавийскими и карапанскими властителями,
Чтобы две трети мазанских дэвов
И служителей Дру́джа в Ва́рне я в прах поверг».
23 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

VII

24 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
25 Ей жертву приносил
Блестящий, богатый стадами Йи́ма
На вершине горы Хукарйа,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
26 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я наивысшим властителем
Над всеми кишварами,
Над дэвами и людьми,
Над волшебниками и пэри,
Над кавийскими и карапанскими властителями;

Чтобы от дэвов я спас
И имущество, и припасы,
И урожай, и стада,
И покой, и почет».
27 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

VIII

28 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
29 Ей жертву приносил трехпастый Ажи́ Даха́ка
В стране Бавра́й —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
30 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтоб обезлюдил я все семь кишваров».
31 Не даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

IX

32 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
33 Ей жертву приносил сын из рода Атвйа́,
Из богатырского дома Трэто́ны,
В Варне, четвероугольной стране,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
34 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над чудовищем Ажи Дахака,
Трехпастым, трехглавым, шестиоким,
Владетелем тысячи сил,
Миру Арты на гибель созданным,
Чтобы я его жен обеих похитил,
Обеих — Сангхава́к и Арнава́к,—

Их материнское лоно прекрасно,
Их проворство в домашней работе прекрасно».
35 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

X

36 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
37 Ей жертву приносил могучий Керса́спа
Перед лицом озера Пиши́на,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
38 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над златопятым Ганда́рвой
У берега Ворукаша, волнами омываемого,
Чтоб я, могучий, служителей Друджа
Здесь настиг и схватил,
На этой земле широкой, выпуклой и бескрайней».
39 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XI

40 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
41 Ей жертву приносил злодей туранец Франграсйа́н
У края пропасти,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
42 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
Добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы достиг я царственного Хва́рно,
Который среди Ворукаша сияет,

Шахиншах на охоте.
Изображение Шапура II Свснида, охотящегося на диких ослов.
Серебряное блюдо. IV в.
Государственный Эрмитаж. Ленинград.

Который причастен арийским странам, нынешним
и грядущим,
И Заратуштре причастен, что в Арту верует».
43 Не даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита.
(*Р е ф р е н 2.* За великолепие...)

XII

44 (*Р е ф р е н 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
45 Ей жертву приносил мужественный,
Деятельный Кава́й Уса́н
На горе Эрэифйа,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
46 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я наивысшим властителем
Над всеми кишварами,
Над дэвами и людьми,
Над волшебниками и пэри,
Над кавийскими и карапанскими властителями».
47 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Р е ф р е н 2.* За великолепие...)

XIII

48 (*Р е ф р е н 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
49 Ей жертву приносил
Богатырь стран арийских,
Хосра́ва, опора державы,
Перед лицом озера Чеча́ста,
Глубокого и широкого,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
50 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я наивысшим властителем
Над всеми кишварами,
Над дэвами и людьми,

Над волшебниками и пэри,
Над кавийскими и карапанскими властителями;
Чтобы я из всех колесниц переднею правил
Во все время ристания,
Чтобы я избежал западни, злодеем вырытой,
Если он, злоумышленник, верх одержит в конном бою».
51 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему...
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XIV

52 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
53 Ей жертву приносил мощный воин Ту́са,
Искусный наездник,
И просил он даровать ему силу
Колесницами править
И телесное здоровье,
Врага издали высмотреть,
Ненавистника одолеть,
Недруга сразить единым ударом.
54 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал над богатырями,
Отпрысками Вэса́ка,
У горной теснины Хшатросу́ка,
У самой высокой, надо всеми возвышенной
Крепости Ка́нгха, Артою освященной,
Чтобы я наголову разбил воинство земель туранских
Пятьдесят раз сотней ударов,
Сто раз тысячью ударов,
Тысячу раз десятью тысячами ударов,
Десять тысяч раз ста тысячами ударов».
55 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XV

56 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
57 Ей жертву приносили смелые
Отпрыски Вэсака
У горной теснины Хшатросука,
У самой высокой, надо всеми возвышенной
Крепости Кангха, Артою освященной,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
58 И просили они ее:
«Даруй нам такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы мы одолели мощного воина Тусу,
Чтоб мы наголову разбили воинство земель арийских:
Пятьдесят раэ сотней ударов,
Сто раз тысячью ударов,
Тысячу раз десятью тысячами ударов,
Десять тысяч раз ста тысячами ударов».
59 Не даровала им этой удачи
Ардвисура Анахита.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XVI

60 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
61 Ей жертву приносил Паýрва,
Бывалый лодочник,
Когда по воле Трэтона, победоносного воина,
Взлетел он в небо в образе коршуна.
62 Без отдыха он носился
Три дня и три ночи,
Стремясь к своему жилищу,
И не мог вернуться к себе.
На скончании третьей ночи
К утренней заре поспел он,
К восхождению Ардвисуры.
И на утренней заре он
Воззвал к Ардвисуре Анахите:
63 «О Ардвисура Анахита!
Приди ко мне на подмогу,
Подай мне помощь!
Если я опущусь успешно
На землю, сотворенную Ахурой,
К своему жилищу,
То воздам тебе

Тысячью жертвенных возлияний
Молоком, заключающим Хому,
Очищенным по обычаю и отцеженным Заотрой
В водах Рангха».
64 И стекла к нему Ардвисура Анахита
В образе прекрасной девушки,
Сильной, стройной,
Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого.
До самых лодыжек была она
Обута в сияющие сандалии,
Золотыми лентами схваченные.
65 Она крепко взяла его за руки,
И тут же совершилось это — в единый миг! —
Он, усердный, проворный в работе,
Очутился на земле, сотворенной Ахурой,
В своем жилище, здоров и силен,
Невредим и цел, как и прежде!
66 Так, даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

XVII

67 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
68 Ей жертву приносил Джама́спа,
Когда он увидел, что войско дэвопоклонников,
Приспешников Друджа,
Боевым строем подходит издали,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
69 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я одержал такую великую победу,
Какую другие арийцы все вместе одержат».
70 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

XVIII

71 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
72 Ей жертву приносили Ашава́зда, сын Пурудахшта́я,
И Ашавазда, и Трита, сыновья Санйуждры,
У места, посвященного высокому богу,
Сияющему повелителю,
Обладателю быстрых коней, Апам Напату,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
73 И просили они ее:
«Даруй нам такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стали мы победителями
Над туранскими Данавами,
И над отпрыском Асанба̀на, Ка̀ра,
И над отпрыском Асанба̀на, Ва̀ра,
И над доблестным Дурэкэ̀та,
В сраженье за их добро и богатства».
74 И даровала им эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XIX

75 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
76 Ей жертву приносил Вистара́в,
Он, Нотари́д,
У воды Витангуха́ити,
Когда он сказал такое
Правдивое слово:
77 «Говорю правду, высказываю истину,
О Ардвисура Анахита!
Я во прах поверг столько дэвопоклонников,
Сколько волос у меня на голове.
Открой же мне ныне,
О Ардвисура Анахита,
Сухой путь через добрую Витангухаити!»
78 И стекла к нему Ардвисура Анахита
В образе прекрасной девушки,
Сильной, стройной,

Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого.
Обута она в золотые сандалии,
Изукрашенные, сияющие.
И одни воды остановила она,
Другие принудила течь дальше;
Так освободила она сухой путь
Через добрую Витангухаити.
79 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XX

80 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
81 Ей жертву приносил Йо́йшта из дома Фрйанов
На неопалимом острове Ра́нгха,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
82 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая и мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я победителем
Над злейшим, ослепляющим А́хтйа,
Чтоб сумел ответить на вопросы его,
На девяносто и девять
Запутанных и коварных вопросов,
Злейшего, ослепляющего Ахтйа».
83 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XXI

84 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
85 Он, благодетельный Ахура Мазда, возгласил:
«Снизойди, снова вернись к нам,
О Ардвисура Анахита,

Со звезд на землю, сотворенную Ахурой,
Пусть смелые правители, властители страны,
Пусть сыновья властителей восславят тебя.
86 Пусть мощные наездники
Просят тебя о владении резвыми конями
И об увеличении славы своей,
Пусть в моленьях своих жрецы
[...] просят тебя о знании, о достижении святости,
О победе, ниспосылаемой Ахурой,
О победоносном его превосходстве;
87 Пусть готовые к браку усердные девушки [...]
Просят тебя [...] о преуспеянии
И о мужественном хозяине дома,
Пусть молодые жены, пусть роженицы
Просят тебя о легких родах:
Ты, ты подашь им все это,
Ибо все это в твоей власти,
О Ардвисура Анахита!»
88 И вот, о Заратуштра, пришла она,
Ардвисура Анахита,
Со звезд на землю, сотворенную Ахурой,
И сказала Ардвисура Анахита:
89 «Воистину, о Спитамид, в Арту верующий,
Тебя Ахура Мазда назвал
Ратáвой — Покровителем мира телесного,
Меня же Ахура Мазда назвал Покровительницей
Всего творения в Арту верующих.
Под кровом моего великолепия и величия
Мелкий скот и крупный скот
И двуногие люди умножились на земле:
Я, поистине, охраняю все доброе,
Маздой сотворенное, от Арты исходящее,
Словно как хлев охраняет овец».
90 И спросил ее Заратуштра,
Ардвисуру Анахиту:
«О Ардвисура Анахита!
Какою жертвой мне восславить тебя?
Какою жертвой мне почтить тебя,
Чтобы Мазда раскрыл тебе
Путь не по эту сторону,
А по ту сторону шара солнечного,
Чтобы и малого зла не причинили тебе
Змеи, и всякие Áртны, и Вавжáки,
И Варнáвы, и Варнавави́ши».

91 Отвечала на это Ардвисура Анахита:
«Воистину, о Спитамид, в Арту верующий!
Вот какой жертвой ты должен почитать меня,
Вот какой жертвой ты должен прославлять меня
От восхода солнца и до захода солнца.
Вот Заотра моя, ею должен ты наслаждаться.
Жрецы, что просили святых изречений,
Жрецы, что просили святых заповедей,
И мудрый посланец, которому внятно святое слово,
Пусть наслаждаются ею!
92 Но не должны Заотрой моей наслаждаться:
Ни один [...], ни болеющий горячкой,
Ни обремененный грыжею [...],
Ни одна женщина,
Ни один общинник,
Что гат не произносят,
Ни прокаженный, от остальных отторгнутый.
93 Не приму я Заотры
От слепых, и глухих, и от карликов,
От слабоумных, и [...], и припадочных,
От помеченных метой, какою, с общего гласа,
Умалишенных метят;
Не должны одарять Заотрой
Ни горбатые спереди,
Ни горбатые сзади,
Ни кривозубые карлики!»
94 И спросил Заратуштра Ардвисуру Анахиту:
«О Ардвисура Анахита!
Что бывает с твоею Заотрой,
Если тебе ее после захода солнца
В дар приносят
Дэвопоклонники, служители Друджа?»
95 Отвечала на это Ардвисура Анахита:
«Воистину, о Спитамид Заратуштра, в Арту верующий!
Ужасные, паршой покрытые, язвой изрытые,
Мерзкие,— шестьсот и тысяча,—
Они за спиною моей
Заотры касаются [...],
И служат они лишь прославлению дэвов».
96 Я хочу почтенную всеми
Золотую вершину Хукарйа восславить,—
С высоты ее, равной росту тысячи мужей,
Ниспадает Ардвисура Анахита,
Высотою равная всем водам,

Здесь, по земле, текущим,
И вперед устремляется, полная силы.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

XXII

97 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
98 Вокруг нее собираются поклонники Мазды
С барсма́ном в руках;
Ей жертву приносили Хво́вы,
Ей жертву приносили Нотари́ды;
Богатства просили Хвовы,
Резвых коней просили Нотариды.
И вскоре Хвовы
Возобладали богатством и мощью,
И вскоре свершилось
Желание Нотаридов:
Виштаспа возобладал табунами
Самых резвых коней
Этих стран.
99 И даровала им эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2*. За великолепие...)

XXIII

100 (*Рефрен 1*. Ты можешь восславить ради меня...)
101 Ее заливов тысячу
И притоков тысячу,
И вдоль каждого из заливов
И вдоль каждого из притоков
Лишь за четыре десятка дней
Проскачет искусный наездник.
У притока в каждый залив
Построен добротный дом,
Стооконный, блестящий,
Тысячеколонный, прекрасный статью,
Могучий дом, он покоится
На десяти тысячах прочных опор.
102 У каждого в доме
Гость может возлечь на ложе

С покрывалом прекрасным, благоуханным,
На мягких подушках.
Ниспадает, о Заратуштра, Ардвисура Анахита
С высоты, равной росту тысячи мужей,
Высотою равная всем водам,
Здесь, по земле, текущим,
И вперед устремляется, полная силы.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XXIV

103 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
104 Ей жертву приносил Заратуштра, в Арту верующий,
В Арйана Вэджа у доброй Даитйи
Молоком, заключающим Хому,
Барсманом, готовностью
Помочь языком своим,
И мыслью, и словом, и делом,
Заотрой и уместными изречениями.
105 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я сына Аурватаспы
Богатырского Кава́й Вишта́спу
Беспрерывно пестовал, научая
Мыслить согласно вере,
Молвить согласно вере,
Делать согласно вере».
106 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XXV

107 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
108 Ей жертву приносил
Высокий разумом Кавай Виштаспа
Перед лицом моря Фраздана́в,—
Сотню коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

109 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над Тантрйвантом,
Наделенным злой сутью,
И над служителем дэвов — Пешàна,
И над служителем Друджа — Арджатàспой,
В сраженье за его добро и богатства».
110 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XXVI

111 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
112 Ей жертву приносил
Смелый конник Зариварай
Перед лицом воды Даитйи —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
113 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над служителем дэвов — Хумайака
С длинными когтями,
Обитающим в восьми адских пещерах,
И над служителем Друджа — Арджатаспой,
В сраженье за его добро и богатства».
114 И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XXVII

115 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
116 Ей в жертву приносил
Вандарманиш, брат Арджатаспы,

У вод Ворукаша,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
117 И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над доблестным Кавай Виштаспой
И над смелым конником Зариварай,
Чтобы я наголову разбил воинство земель арийских
Пятьдесят раз сотней ударов,
Сто раз тысячью ударами,
Тысячу раз десятью тысячами ударов,
Десять тысяч раз ста тысячами ударов».
118 Не даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XXVIII

119 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
120 Ахура Мазда четырех жеребцов сотворил:
Ветер и дождь, облако и град.
Всегда, о Спитамид Заратуштра,
Четыре жеребца заставляют
Дождь лить, и снег идти,
И источать воды, и градом бить,
Ардвисуре же на долю выпали девять сотен и тысяча капель.
121 Я хочу почтенную всеми
Золотую вершину Хукарйа восславить!
С высоты ее, равной росту тысячи мужей,
Ниспадает Ардвисура Анахита,
Мощью равная всем водам,
Здесь, по земле, текущим,
И вперед устремляется, полная сил.
(*Рефрен 2.* За великолепие...)

XXIX

122 (*Рефрен 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
123 Плат золотой на груди придерживая,
Здесь стоит она, добрая

Ардвисура Анахита,
Тоскуя по голосу Заотара.
Думой одной занята она:
124 «Кто восславит меня,
Кто почтит молоком, заключающим Хому,
Очищенным, процеженным Заотрой?
Чье исполню я желание? —
Верных мне и послушных мне,
Чтобы дать им веселья и бодрости?»
(*Р е ф р е н 2.* За великолепие...)

XXX

125 (*Р е ф р е н 1.* Ты можешь восславить ради меня...)
126 Всякий может увидеть ее,
Ардвисуру Анахиту,
В образе прекрасной девушки,
Сильной, стройной,
Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого,
В нарядном плаще
С обильными складками, златопрядном.
127 Барсман в руках у нее должной меры,
Красуется она серьгами,
Четырехгранными, златоковными;
Ожерельем обвила благородная
Ардвисура Анахита
Прекрасную шею.
Стягивает она стан свой,
Чтобы дивные груди ее восстали,
Чтобы влеклись к ней людские взгляды.
128 Чело увенчала свое
Ардвисура Анахита прекрасным обручем,
Сотнями самоцветов украшенным, златоковным,
Осьмичастным, словно бы колесница,
Перевитым лентами, чудесным,
С кольцом посредине, искусно сделанным.
129 В бобровой шубе она,
Ардвисура Анахита,
Из трехсот бобров [...],
Сделанной в должное время;
Меха ослепляют очи смотрящего
Блеском золотым и серебряным.

130 И ныне, добрая, мощная
Ардвисура Анахита,
О милости прошу я тебя,—
Да обрету я, любимый тобой,
Обширные царства,
Где варят обильную пищу, наделяют большими кусками,
Где фыркают кони, грохочут колеса,
Где взмахивают плетью, где много жуют,
Где припрятаны яства,
Где благоухания,
Где каждый волен хранить в кладовых,
Сколько захочет, дабы жить в довольстве.
131 Ныне, о добрая, мощная
Ардвисура Анахита,
Ниспошли мне двух богатырей,
Одного — двуногого и одного — четырехногого.
Одного такого,
Что быстр в походных сборах
И в сраженье искусно умеет
На врага пустить колесницу;
И такого четырехногого, что оба крыла
Вражьего войска, широким строем идущего,
Заставляет назад повернуть.
Левый и правый, правый и левый.
132 Ради этих моих молитв,
Ради этих моих восхвалений,
Ради этого мира
Низойди к нам,
О Ардвисура Анахита,
Со звезд на землю, сотворенную Ахурой.
К дарующему Заотру,
К ладони, дающей жертвенную влагу,
Обильную, бескрайнюю,
[Низойди же, чтобы помочь нам!
О Ардвисура Анахита],
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему,
Дабы все богатыри с победой к семье вернулись,
Подобно воинам Кавай Виштаспы.
(*Р е ф р е н 2*. За великолепие...)

[ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА СРЕДНЕИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ]

АССИРИЙСКОЕ ДЕРЕВО

1 Дерево произросло в ассирийской земле.
Ствол его сух, купа его свежа,
Словно сахарный тростник, корни его,
Словно бы виноград, плоды его,
Сладкие ягоды дает нам дерево.
2 Справедливые! Вот — мое высокое дерево,
Состязаясь с козой, говорит оно:
«Сколь много я тебя превосходней,
3 Нет в земле Хванира́с дерева, равного мне,
Ибо царь вкушает мои ягоды,
Когда я вновь приношу плоды.
4 Я — настил для ладьи.
5 Я — ткань для ветрила.
6 Из меня метелку делают
И двор и дом подметают.
7 Из меня ступу делают,
И рис и ячмень толкут в ней.
8 Из меня поддувало делают
И им огонь раздувают.
9 Я — прочная обувь земледельца:
10 Я — пара сандалий для босоногого.
11 Из меня веревку делают
И ею ногу твою держат на привязи.
12 Из меня палку делают
И ею шею твою целуют.
13 Из меня кол вытесывают
И на нем головою вниз тебя подвешивают.
14 Я — хворост в огне,
Когда на вертел тебя нанизывают.
15 Я — летняя сень над главою правителя.
16 Я — сахар земледельца и мед азата.
Из меня оружие делают.
17 Я — короб знатока целебных снадобий,
Что из города в город носят от лекаря к лекарю.
18 Я — птичье гнездо.
19 Я — прохладу даю усталым работникам,
Ведь выросло я на влажной земле;
Люди узнали мне цену и не погрешают против меня.
20 Пусть прольются златые мои потоки,

Пусть те, кто лишен вина и хлеба,
Вкушают гроздья моих плодов!»
21 Так сказало ассирийское дерево,—
И коза моя отвечала дереву моему:
«Долго слушали тут, как ты споришь со мной,
Как ты в состязание входишь со мной.
Но едва о делах моих будет услышано,
И ты устыдишься глупых речей.
22 Вознюшусь я по воле царя высокого:
Да пребудет царственность, что у Джамшеда столь долго
В пору счастья его пребывала дэвам на муку.
23 О люди! Ведь сухое дерево — целебно,
А у этого — [никчемная] золотая верхушка!
24 А тебя сотворили на пользу лишь малым детям,
Твои золотые плоды лишь детям в радость!
Мудрый тот, кто чуток слухом.
25 Если ты скажешь: плодов у меня
Больше и они полезней твоих,—
26 А я отвечу тебе, то лишь себя опозорю,
Ибо твоя похвальба не стоит моих возражений.
27 Парсийские люди меня зовут на празднованья свои,
А ты дичок бесполезный, никчемней прочих деревьев.
28 Да если бы ты [полезный] плод приносило,
Люди пустили б тебя пастись
На пастбище, подобно корове.
29 Разве спесива я и глупа, словно бы незаконнорожденный?
30 Послушай! Я всегда побеждаю Аза, высокого дэва,
С тех пор, как творец, щедрый Ормузд, господь преславный,
Научил поклонников Мазды чистой вере.
31 Не подобает служить Ормузду щедрому
Иначе, как через меня, иже есмь коза,
Ибо джев из меня сотворяют!
32 Вот служат богам и Гошуру́ну, богу четвероногих,—
И я придаю силу быстрому Хоме.
33 Кто другой способен носить
Груз одежды, что я на спине ношу,
Из кого она, как не из меня, иже есмь коза!
34 Из меня пояс делают,
Унизанный жемчугами.
35 Я — обувь азатов, я перчатка царей
36 И наперсников их.
Из меня бурдюки делают и водяные мешки,—
В знойный день посреди пустыни ледяная вода — от меня!
37 Из меня кожу для барабана делают,—

С барабаном готовятся бодро к празднованию,
Празднованье великое мной снаряжают.
Из меня мускус делают,
38 И праведные правители, владетели областей —
Уснащают им голову и бороду,—
Объемлют они скромность и величие.
39 Из меня пергамен делают,
Книги писцов и важные списки [...] пишут на мне.
40 Из меня бутыли делают,
Их привязывают и [...],
Из меня мешки делают кожаные
И прекрасные вяжут одежды из козьей шерсти;
Азаты и вельможи носят их на плече.
41 Из меня ремешок делают и приторачивают седла,—
А в них восседали Рустам и Исфандийа́р
На большом слоне и на боевом слоне.
Я — прочный пояс, что пользу приносит в сражениях,
Наилучшие пояса из меня, иже есмь коза!
Отменная бечева для слонов и [...]
Из меня [...] для мулов,
Вот каковы богатства мои!
Из кого, как не из меня, иже есмь коза,
Сделать можно подобное?!
42 Из меня суму делают праведные торговцы,
А в ней и хлеб, и фисташки, и сыр, и баранье сало,
И камфора, и черный мускус, и шелк-сырец из Тохара,
И много дивных одежд для юных девушек носят они
43 Вплоть до Ирана.
Из меня кусти́к делают,
Белый пада́м, прекрасный ташку́к и одеяние вельмож.
Сравненьем со мною восхваляют
Девичью стать, и шею, и грудь!
Вот какова я и все мои сородичи!
Мы прикоснемся, и тело уже источает благой аромат,
Словно бы роза мира.
Два рога [...]
44 [...] у меня на спине [...]
С горы и на гору идут по земле, к большой стране,
От берегов Инда к озеру Варка́ш,
К людям многих племен,
Что остаются на другой земле в [...]
И зовутся они «варчашм» — грудоглазые,
Ибо они словно люди, что листья едят и доят молоко козы,
Ибо убранство этих людей — от меня.

45 Из меня халву делают, бессмертное яство,
Что вкушает правитель, и горный вождь, и азат.
Я — единственная на свете!
Да превзойду я тебя, о ассирийское дерево!
46 Из меня — молоко и сыр.
Из меня дети и взрослые делают творог и сыворотку.
47 Поклонники Мазды праведные, свершая службу,
Хранят патияб в моей коже.
48 Когда играют в чанг, и вини́г,
И в гиджа́к, и в барбат, и в тамбур,
Со мною поют.
Я единственная на свете.
Да превзойду я тебя, о ассирийское дерево!
49 Вот козу на базар приводят и называют ей цену,
И тот, кто не имеет десяти драхм,
Не подходит и близко к козе,—
Тебя же всего за два гроша купит ребенок!
Обида и мука в сердце твоем.
Тебя выбрасывают из [...].
50 Такова моя польза, таковы благие дела мои,
Мои дары и воздаяния, исходящие от меня, иже есмь коза,—
И здесь, и по ту сторону шири земной.
51 Таковы мои золотые слова, и я их слагаю перед тобой,
Так мечут бисер перед свиньей или боровом,
Так играют на чанге перед верблюдом бешеным.
52 Было так изначала,
От сотворения гор [...].
Я вкушаю душистую, свежую, горную траву
И упиваюсь водою ручья прохладного!
53 Тебя же любой вырвет с корнем,
Кто сильно проголодался».
54 И коза удалилась с победою.

ИЗ «ПОЭМЫ О СЫНЕ ЗАРЁРА»

[ПЛАЧ БАСТВАРА НАД ТРУПОМ ОТЦА]

Опора жизни моей!
Кто твою силу похитил?!
Доблестный мой отец!
Кто твою кровь пролил?!
Кто Симургу подобного
Коня твоего похитил?!

Ты хотел сражаться
Рядом со мною,—
Теперь убитым лежишь,
Лишенным дыханья.
Твои волосы и бороду
Теребит ветер,
И твое чистое тело топчут,
И пыль села на твой затылок.
Что же мне делать сейчас?
Если я опущусь на землю
И обниму твою голову,
О отец мой,
И пыль оботру с затылка,
Ведь тогда на коня
Я вскочить не успею!

[СОГДИЙСКИЙ ФРАГМЕНТ О РУСТАМЕ]

[1] [...] Так Рустам преследовал их до самых ворот города. Многие нашли погибель свою под его ногами. Тысячи обратились в бегство. Вбежав в город, заперли они ворота. Рустам вернулся обратно с великой славой. Он дошел до прекрасного пастбища, остановился, расседлал коня и пустил его пастись. Сам он снял доспехи, поел, насытился и сложил доспехи на землю, потом лег и уснул. Дэвы толпой [?] подошли [...] и сказали друг другу: «Какое великое зло нам и [10] великий позор для нас, что нас запер в городе один-единственный всадник. Как быть? Или мы все умрем и забудем позор, или отомстим за царей». Дэвы начали приготовляться, те, что, кроме того [?] были [...] большие и тяжелые приготовления. [15]. Всею мощью своей, сильными ударами [?] они отворили ворота города. Множество дэвов [...] одни — на колесницах, другие на слонах, многие на [...], многие на свиньях, многие на лисицах, многие на собаках, многие на змеях и ящерицах, одни шли, другие [20] летели, как коршуны, иные же [?] шли головою вниз и ногами кверху [...] долгое время. Они подняли дождь, снег, град и сильный гром; они издавали вопли; они испускали огонь, пламя и дым. Все они искали доблестного Рустама [...] [25] Рахш с пламенным дыханием [?] пришел и разбудил Рустама. Рустам проснулся [?], он быстро снова надел свою одежду из пантеровой шкуры, приторочил колчан [?], вскочил на Рахша и ринулся на дэвов. Когда Рустам издали увидел воинство дэвов, он сказал Рахшу; [30] «[...] не страшись» [... ...] «Господин, если дэвы

у луга» [...] Рахш согласился. И Рустам повернул вспять; дэвы его увидели и устремили вперед боевых коней. В тот же час пехотинцы сказали друг другу: «Теперь храбрость военачальника Рустама сломлена. Он уж больше не в силах вступить в бой с нами. Ни в коем случае не давайте ему бежать и не пожрите его, но захватите живьем, чтобы мы подвергли его жесточайшей казни». Дэвы хорошо друг друга ободрили [?], они дружно завопили и погнались за Рустамом. Тогда Рустам обернулся. Он бросился на дэвов, как яростный лев на добычу, как доблестный [...] на стадо [...], как сокол на [...]

ИЗ МАНИХЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

[ПРИТЧА О ХОЗЯИНЕ И РАБОТНИКЕ]

...И вот произошел спор, который они не могли уладить. На следующий день они предстали перед судьей. Владелец жемчуга сказал:

— Господин, я нанял этого человека на один день за сто золотых динаров, чтобы он сверлил мой жемчуг. Он не сверлил жемчуга, а теперь требует у меня оплаты.

Работник сказал:

— Господин, когда сей благородный человек увидел меня на базаре, он меня спросил. «Эй, какую работу ты можешь делать?» Я ответил: «Господин, какую бы работу вы мне ни приказали делать, я ее выполню». Когда же он привел меня в свой дом, то приказал мне играть на чанге. До наступления ночи я играл на чанге по приказу хозяина.

Судья решил:

— Ты нанял этого человека на работу, почему же ты не приказал ему сверлить жемчуг? Почему же ты вместо этого приказал ему играть на чанге? Работнику следует уплатить сполна. Если же тебе нужно сверлить жемчуг, дай ему других сто золотых динаров, и он будет сверлить твой жемчуг в другой день.

Итак, владелец жемчуга должен был уплатить работнику сто золотых динаров, жемчуг остался несверленным до другого дня, а сам он преисполнился стыда и сокрушения.

Мудрец истолковал рассказ этот так: сведущий в искусствах и ремеслах есть [тело]. Сверлильщик жемчуга — это тело. Сто динаров означает жизнь длиною в сто лет. Владелец жемчуга — это душа, а сверление [?] жемчуга означает благочестие.

ИЗ [ПРИТЧИ ОБ ОБМАНЧИВОСТИ ПЯТИ ЧУВСТВ]

Вот врата глаз, когда видением обманчивым они ошибаются. Как человек, что в пустыне видит и город, и деревья, и воду, и еще многое. А это дэв ему показывает все это и губит его.

Или как замок на скале, к которому враги и подступиться не в силах. Тогда они устраивают зрелище: песен не поют и пляшут. И вот те, что внутри замка, зрелищем этим прельстились, а враги уж подходят с тыла — и замок захвачен.

Вот врата ушей. Как человек, что шел столбовою дорогой со множеством сокровищ. Тогда два вора стали у его уха и завлекали его красивыми речами. Они отвели его в укромное место, убили его и сокровище унесли.

Или как девушка красивая, что в замке была заперта, и — человек лживый у подножия стены столь красивую песню пел, что девушка та умерла от горя.

Вот врата обоняющего носа. Это как слон, что с вершины горы по запаху цветов учуял шахский сад и ночью с горы свалился и погиб.

[ФРАГМЕНТ О ДРЕВЕ СВЕТА]

Солнце яркое и луна светлая
Блестя сверкают от ствола Древа,
Птицы на заре играют радостно,
Играет голубь, с ним птицы разные,
Голося поют, [и хоры] девичьи.

[ФРАГМЕНТ О ЗЕМЛЕ СВЕТА]

Земля света — самосущая, вечная, чудотворная; высота ее непостижна, глубина ее неподвластна взгляду. Никакому врагу, никакому злоумышленнику по этой земле не пройти. Ее божественная поверхность — из алмазного вещества, которое никогда не разрушится. Все прекрасное порождено землею: холмы, нарядные, красивые, сплошь покрытые цветами обильными; деревья, плоды которых не падают, не гниют и не знают червоточины; ключи, вечно точащие божественную влагу, исполняющую все царство света, луга и рощи; бесчисленные дома и дворцы, троны и ложа, которые существуют бесконечно, от века и до века.

[ФРАГМЕНТ О ВОЗНЕСЕНИИ МÂНИ]

[4] Подобно властелину, который оружие и одежду снимает и другую царскую одежду надевает, так и [5] Апостол света снял нательные боевые доспехи, и воссел в корабль Света, и воспринял божественное одеяние, диадему [10] Света и прекрасный венец, и с великой радостью, вместе с божествами Света, что сопровождали его справа и слева, при звуках чанга и [15] радостной песни полетел с божественной мощью, словно молния быстрая и видение блестящее, спеша к Столпу восхода [20] Света и Луносфере, к месту божественного сборища, и остался у отца Ормузда-бога.

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И. ДЬЯКОНОВА

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Для своего понимания всякая литература требует знакомства с историей народа; из-за очень специфичных условий сохранения памятников древнееврейской литературы это требование является в данном случае особенно необходимым.

В древности евреями[1] первоначально называлась группа западносемитских племен, по-видимому, выселившихся в XVI — XIV вв. до н. э. из северномесопотамских степей в Сирийско-Аравийскую полупустыню. Часть из них, отделившись от прочих, не позже начала XIII в. до н. э. осела к востоку и югу от Мертвого моря и, смешавшись с местным населением, создала здесь свои государства; перейдя к оседлости, жители этих государств (аммонитяне, моавитяне и эдомитяне, или идумеи) перестали причислять себя к евреям, а так продолжали называть себя обычно лишь люди из тех племен той же группы, которые долее других сохраняли образ жизни неоседлых скотоводов,— может быть, лишь с подсобным земледелием, игравшим незначительную роль. Эти племена пользовались самообозначением *'ибрй*, «еврей», главным образом в общении с иноплеменниками, между собой же чаще называли себя различными — более дробными или же сравнительно широкими — родо-племенными обозначениями. Среди потомков этих племен прочно держалось предание о том, что предки их переселились из Месопотамии через Палестину на территорию, контролировавшуюся египетскими фараонами, и должны были исполнять египетские строительные и другие повинности, пока не были выведе-

---

[1] Древнееврейск. *'ибрйм* — дословно, вероятно: «происходящие из-за реки» (Евфрата?).

ты в Синайскую пустыню вождем Моисеем. Поскольку такое предание пока не нашло ни древних письменных, ни археологических подтверждений, постольку мы должны считать его легендарным. Во всяком случае, к XIII в. до н. з. к югу и юго-востоку от Палестины из еврейских скотоводческих племен образовался племенной союз с общим культом бога Яхве, принявший название «Израиль» («бог сражается»)[1] и начавший вторжение в Палестину с востока через реку Иордан (а может быть, также и с юга, от Синая). Впервые в письменных источниках этот племенной союз упомянут в победной надписи фараона Мернептаха (конец XIII в. до н. з.); он обозначен как уничтоженный, по-видимому, уже к западу от Иордана.

Археологически доказано, что в XIII — XII вв. до н. э. имели место войны между вторгшимися с востока племенами и городами-государствами местных, тоже западносемитских жителей Палестины — хананеев. Как об этом рассказывало и древнееврейское предание, многие ханаанейские города (например, Иерихон, Хацор и др.) были разрушены. По-видимому, завоеватели встретили здесь и некоторые племена, близко родственные им по языку и традиционным родословиям и сходные по своему социально-хозяйственному строю, но поселившиеся в стране уже раньше; их они вобрали в свой племенной союз. Последний и сложился в своем традиционном составе, видимо, уже внутри Палестины, в XII — начале XI вв. до н. з. (он состоял из «двенадцати колен Израиля» или, вернее, из одиннадцати племен и одной специально посвященной культу союзного бога Яхве родоплеменной группы — левитов). В ходе первых войн и разрушения городов одна часть оседлых местных жителей — горожан и крестьян — погибла, другая — подчинилась вторгшимся племенам под условием дани и повинностей; но несомненно, что после первоначального периода непримиримой вражды наступил мир, и немалая часть тех же местных жителей (хананеев) влилась путем браков, усыновлений и иначе в состав племен-завоевателей, постепенно перешедших к оседлости. Классический древнееврейский язык I тыс. до н. э. являет черты смешения западносемитских говоров двух разных групп, из которых один можно отождествить как язык скотоводов Сирийско-Аравийской полупустыни II тыс. до н. э., а другой — как язык хананеев. Процесс слияния был ускорен тем, что с XII века всему палестинскому оседлому населению без различия приходилось обороняться от набегов других семитских племен из пустыни, с востока и с юга,— кочевников, одомашнивших верблюда, а потому более подвижных, чем были до них еврейские племена. Но, несмотря на постепенное этническое смешение, еще долго население городов и долин слыло по преимуществу ханаанейским, а население, осевшее на Палестинском нагорье и освоившее его под земледелие,— по преимуществу израильским.

Но и перейдя к оседлости, израильтяне в Палестине все еще продолжали

---

[1] Богу Яхве, вероятно, поклонялись также идумеи; аммонитяне и моавитяне имели своих собственных богов-покровителей.

жить родовым строем и управляться вождями — «судьями» (шофети́м). Лишь к концу XI в. до н. э. создается Израильское царство в ходе борьбы с попытками завоевания всей страны заморским народом филистимлян, осевшим в начале XII в. до н. э. на побережье, от района севернее нынешнего Тель-Авива и вплоть до Газы на юге.

Первые попытки создания царства были сделаны Гидеоном, затем Саулом; но прочная государственность на рабовладельческой основе была создана Давидом и его сыном Соломоном (конец XI — первая половина X в. до н. э.). Соломон впервые построил богу израильского племенного союза, Яхве, храм в Иерусалиме: ранее ему был посвящен лишь шатер — «скиния», содержавшая особый ларец — «ковчег завета», который считался земным местопребыванием незримо присутствующего во всем мире божества.

Однако уже при преемнике Соломона новое государство в результате народного восстания распалось на два царства — Израильское на севере Палестины и в Заиорданье и Иудейское на юге Палестины. Из «двенадцати колен Израиля» в составе Иудейского царства осталось племя Иуда, часть левитов и небольшие группы из еще двух племен; в то же время в племя Иуда влились значительные местные иноплеменные группы. Между тем в 722 г. до н. э. Израильское царство было завоевано и уничтожено Ассирией, жители его были выселены и навсегда бесследно растаяли среди разноязычного населения Ближнего Востока; таким образом, единственными представителями древнего еврейского народа того времени остались иудеи — в это время так стало обозначаться все вообще население южного, Иудейского царства, каково бы ни было его происхождение.

Период X — VII вв. до н. э. был в Израильском, а затем Иудейском царстве порой бурного развития классовых отношений, обогащения аристократии — «мужей достойных» (гибборе́ ха́йил), и одновременно порой обнищания, а затем и закабаления рядовых земледельцев. Это вызвало к жизни так называемое пророческое движение. «Пророками» первоначально назывались неофициальные жрецы или волхвы, составлявшие особую корпорацию; их наименование перешло к новым религиозно-политическим проповедникам.

«Пророки», полностью оставаясь на почве безраздельно господствовавшего в древности рабовладельческого мировоззрения, идеализировали родовое прошлое, как это характерно для социальных движений эпохи рабства; поэтому они осуждали угнетение лишь массы рядовых свободных (но не рабов) и сопутствовавшие ему общественные бедствия — долговую кабалу, обращение в рабство полноправных членов иудейско-израильских общин и принудительную скупку земли у должников кредиторами; так, в одной из проповедей «пророка» Исайи (5 : 8, 15) говорится:

«Горе прибавляющим к дому дом,
Тем, кто поле соединяет с полем, —
Пока вовсе не станет места,
Чтоб они одни остались посреди земли!

И унижен был человек, и низко пал муж,—
Но будут опущены очи гордецов!»[1]

Поскольку и в завоеванных, и в окружавших Палестину ханаанейских городах-государствах (в частности, в Финикии) классовый антагонизм развился гораздо раньше, чем у недавно перешедших к оседлости племен, постольку «пророкам» и их сторонникам представлялось, что социальное угнетение явилось лишь следствием культурного смешения израильтян с местным населением; в их религиозно-окрашенном мировоззрении это смешение воспринималось прежде всего как поклонение «чужим богам», помимо главного бога племенного союза — Яхве (это имя рано — хотя точно не известно, когда именно,— было табуировано, и было предписано заменять его словом «Господь»). Под «чужими богами» понимались прежде всего ханаанейские боги, в том числе финикийские, но также боги аммонитян и моавитян и восточных семитов — ассирийцев и вавилонян. Однако при очень близком этническом и языковом родстве евреев с другими семитскими народами вряд ли в то время было на самом деле возможно установить, каких божеств следовало считать исконно ханаанейскими и культы их — нововведением у евреев. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что евреи искони и, по крайней мере, до V в. до н. э. поклонялись не только Яхве, но и другим божествам, и эти божества не обязательно были заимствованными у какого-либо иного народа.

Пока существовало северное, Израильское царство, «пророческое движение» имело в нем мало практических успехов[2]. Между тем борьба, начатая против сельской аристократии,— а она главным образом и пыталась эксплуатировать своих более бедных соплеменников,— естественно, выливалась в борьбу против местных святилищ, которые были идеологической опорой аристократии. Поэтому «пророки» стали выступать против местных центров богослужения, даже если они были посвящены самому богу Яхве: законным был признан только культ в Иерусалимском храме. Это обеспечило «пророческому движению» поддержку царей Иудейской монархии, сидевших в Иерусалиме и увидевших в «пророках» союзников в борьбе с аристократией местных общин: находясь вне влияния дворца и столичных властей, аристократия, видимо, стремилась к максимальной независимости.

Вначале в Израильском и Иудейском царстве не отрицалось само бытие других божеств, помимо Яхве, однако «пророки» настаивали на обязательно-

---

[1] Ср. также: «Так говорит Яхве:
«Из-за трех прегрешений Израиля, из-за четырех
Я не стану отвращать его беду:
Из-за продажи праведника за серебро
И бедняка — за пару сандалий!» («Книга Амоса», гл. 2 : 6).

[2] Из сохранившихся произведений к северному царству относятся, по-видимому, «Книга Осии» и часть источников Пятикнижия и исторических книг; возможно северное (израильское) происхождение «Книги Наума», части стихов «Песни песней» и т. п. См. об этих сочинениях ниже,

сти «договора» («завета»), якобы заключенного между Яхве и израильским племенным союзом; по этому «завету» Яхве обязался будто бы вручить израильским племенам «землю обетованную» в Палестине, а члены племенного союза были за это обязаны поклоняться исключительно одному Яхве, богу «ревнивому», жестокому и свирепому, и выполнять его предначертания, переданные через легендарного Моисея и пророков. Логика спора и борьбы с противниками очень скоро привела «пророков» к провозглашению Яхве вообще единственным настоящим богом и, таким образом,— к монотеизму.

Движение «пророков» было в высшей степени противоречивым. Выступая против главнейших социальных зол эпохи, разоблачая многие отталкивающие суеверия и впервые пытаясь внести этическую струю в примитивные магически-ритуалистические верования древности (например, именно Исайе принадлежит знаменитый призыв «перековать мечи на орала»), они в то же время принимали как нечто раз навсегда данное антагонизм рабовладельцев и рабов, поддерживали своим авторитетом монархию, все более стремившуюся к деспотизму, фактически проповедовали изоляцию своего народа от окружающих культур и явились едва ли не первыми в древности поборниками нетерпимости. Некоторые из книг, ставших идеологическим орудием движения на его позднем этапе — как, например, «Книга Чисел», «Второзаконие»,— объявляли жесточайшее истребление хананеев религиозным долгом народа Яхве,— правда, задним числом, так как к VIII — VII вв. до н. э. хананеев, как особой от евреев народности, в стране, видимо, уже не было. Тем не менее именно это служило потом оправданием средневековых религиозных войн в христианском мире и образцом для учения о «священной войне» в мусульманстве.

Начиная со второй половины VIII в. до н. э. религиозно-политические речи «пророков» стали записываться. Из более ранних памятников древнееврейской устной и письменной литературы, о былом существовании которых мы иногда знаем, а иногда догадываемся, до нас дошло немногое. К IX—VIII вв. до н. э. восходят компилированные из нескольких более ранних источников книги «Бытия», «Исход», «Левит» и «Чисел», излагающие мифическую и легендарную историю мира и израильских племен в духе концепции «завета» израильтян с богом Яхве и содержащие также юридические и религиозно-этические законы и правила,— например, знаменитые «десять заповедей»; эти книги приписаны легендарному Моисею, но предполагают уже оседлое существование народа, которому адресованы их поучения. Примерно к VII и отчасти к началу VI в. до н. э. относятся исторические книги («Иисуса Навина», «Судей», «I — IV Книги Царств»,— иначе «I — II Книги Самуила» и «I — II Книги Царей»), излагающие историю Палестины с XIII по начало VI в. до н. э. главным образом с точки зрения выполнения или невыполнения народом и царями предполагаемых предписаний Яхве. В 622 г. до н. э., при перестройке Иерусалимского храма при царе Иосии, была «найдена» «Книга Второзаконие», подытоживавшая учение «пророков»; она была тоже приписана Моисею и вместе с первыми четырьмя «Книгами Моисеевыми» составила Пятикнижие, или

Тору, наиболее почитаемую часть иудейского Священного писания, получившую значение свода религиозных догматов.

К периоду «царств» (X — начало VI вв. до н. з.) относится часть дошедшей до нас древнееврейской культовой лирики (псалмы); все они без разбору позже приписывались царю Давиду. Еще старше некоторые сохраненные в прозаических книгах отрывки дружинного эпоса и других песнопений времени племенного союза; самым древним считается эпический отрывок «Песнь Деборы» («Книга Судей», гл. 5) конца XII в. до н. э.

В 597 г. до н. э. Иудейское царство было завоевано Навуходоносором II, царем Вавилона; значительная часть иудеев была переселена в 586 г. до н. э. в Вавилонию, но здесь они не были обращены в рабство и сохранили между собой идеологические связи. Здесь продолжалась деятельность «пророков»; наиболее значительный из них, Езекиил, выдвинул религиозно-утопическую идею восстановления Израиля как теократического государства с центром в Иерусалиме. В конце VI в. до н. э. персидские цари Ахемениды, завладевшие Вавилонией и всем Ближним Востоком, из стратегических соображений решили восстановить и укрепить разрушенный Иерусалим и позволили пленным иудеям вернуться туда и отстроить храм Яхве. Создалась самоуправляющаяся храмово-городская иудейская община, для членов которой догма Торы и учения пророков были обязательными; но в эту общину не были приняты многие из остававшихся после «вавилонского пленения» в Палестине, а также новые поселенцы, успевшие здесь появиться; они составили отдельную общину самаритян. Все социальные бедствия, выпадавшие до тех пор или впоследствии на долю иудеев, отныне приписывались каким-либо их отступлениям от буквы Торы в этическом и особенно в ритуальном отношении, что явилось причиной ритуалитически-буквалистского характера, который приняла иудейская религия. В то же время, во избежание подобных отступлений в будущем, всему мужскому населению было вменено повседневное изучение Торы. Грамотность среди народов древности была вообще распространена значительно шире, чем в эпоху средневековья, евреи же пронесли традицию грамотности, как часть предписанной религиозной догмы, даже и сквозь средневековье.

К периоду «вавилонского пленения» и последовавшему затем периоду «второго храма» относятся, помимо поздних пророческих книг («Книга Езекиила» и несколько более мелких[1]), также целый ряд литературных произведений различных других жанров: «Плач» о падении Иерусалима, приписанный пророку Иеремии, исторические «Книга Эзры» и «Книга Неемии», а также новый, идеологически сильно переработанный вариант истории Израильского и Иудейского царств («I — II Книги Хроник», иначе «Паралипо́менон»), дальнейшие образцы религиозной и религиозно-публицистической лирики и богослужебных текстов (псалмы), несколько прозаических повестей (не исключено что древнейшая из них — «Книга Руфь» — может относиться еще

[1] Из них «Книга Иовы» и, видимо, «Книга Иоиля» приписываются деятелям пророческого движения, в действительности жившим еще в VIII в. до н. з. в северном царстве,

к концу допленной эпохи), собрание религиозно-политических аллегорий («Книга Даниила»), собрание пословиц и афоризмов, нравоучительная поэма — «Книга Иова», замечательный образец древневосточного философствования — «Книга Экклесиаст»; в это же время был составлен сборник любовной и свадебной лирики — «Песнь песней», хотя отдельные части его восходят, видимо, еще к IX — VII вв. до н. э.

Иудейская храмово-городская община в Иерусалиме была вовлечена в бурные события, последовавшие за покорением Востока Александром Македонским в конце IV в. до н. э. и созданием великих эллинистических держав Птолемеев и Селевкидов. В течение III — II вв. большие группы иудеев подверглись выселению в Египет (Александрию), Сирию и Армению. В борьбе с Селевкидской монархией во II — I вв. до н. з. создалось новое Иудейское царство, основанное династией Маккавеев, или Хасмонеев, но их преемники были вынуждены отдаться под власть римлян; II в. до н. э.— II в. н. э. были в Палестине периодом острейшей классовой борьбы и новых идеологических исканий; возникают различные иудейские секты, например, секта ессеев, осуждавшая официальное иудаистическое учение (фарисеев) и проповедовавшая аскетизм и имущественное равенство; эта секта теперь хорошо известна по знаменитой находке ее рукописей в пустыне у Мертвого моря. Иудейской сектой было вначале и христианство, лишь позднее отделившееся от иудаизма и противопоставившее себя ему.

Два восстания против римского владычества (66—70 гг. н. э. и затем — 132—135 гг. н. з.) привели к разрушению «второго» Иерусалимского храма и к окончательному выселению иудеев из Иерусалима; многие переселились в различные концы Римской империи или бежали в Месопотамию, в царство парфян; началась пора «диаспоры», или рассеяния; хотя начальный период диаспоры все еще относится к эпохе древности, однако сочинения, созданные в зто время, ближе уже к средневековой литературе и в настоящем томе не представлены.

II

Начиная с эпохи «второго храма» духовная жизнь евреев стала регулироваться и направляться знатоками Писания — книжниками, представленными в специальном духовно-административном органе (великом совете, позже — в синедрионе). Богослужение совершалось только в Иерусалимском храме, а в других местах существовали лишь молитвенные собрания (синагоги); они получили особое значение после падения «второго храма»: ведь, согласно религиозной догме иудаизма, впредь до восстановления единственно законного Иерусалимского храма подлинное богослужение считалось невозможным. Тогда же власть синедриона была заменена авторитетом отдельных вероучителей — раввинов. К зтому времени превращение религии иудеев в веру, оспованную на письменной догме и официально регулируемую, привело к созданию канона Священного писания. Это чрезвычайно затрудняет объективное изучение памятников древнееврейской литературы: споры

вокруг них слишком легко превращаются из научных во вненаучные; одни настаивают на достоверности и неповторимой ценности каждого «боговдохновенного слова Писания», другие столь же решительно в полемическом рвении отрицают за этими памятниками какие бы то ни было исторические и художественные достоинства. Для более ясного изложения этого трудного вопроса необходимо остановиться на составе канона.

Явление циклизации и канонизации памятников письменной литературы было уже и раньше известно Древнему Востоку и не обязательно связывалось с религиозной догмой. Так, вавилонские писцовые школы тоже имели свои своды рекомендуемых к чтению произведений; эти своды составлялись не только исходя из идеологической ценности данных произведений с позиции господствовавшего мировоззрения, но и из чисто практических и педагогических соображений; вавилонский «канон» не был, однако, вполне замкнутым. Иудейские книжники эпохи «второго храма» и более позднего времени, конечно, подходили более строго к отбору круга чтения верующих (то есть, в условиях того времени, всего населения). Отбирались в первую очередь такие книги, где излагаемые идеи позволяли объявить, что автор был вдохновлен богом,— такие, где прямо пропагандировалась монотеистическая религиозная догма иудаизма, в том виде, как она сложилась ко времени поздних «пророков»; во вторую очередь отбирались книги, по крайней мере, не противоречащие догматам иудаизма и, с точки зрения иудейских книжников, достаточно нравоучительные. Однако догматический авторитет признавался только за пятью книгами Торы.

Все литературные произведения хотя и подвергались благочестивому редактированию, однако не до такой степени, чтобы любой ценой достигать устранения противоречий; так, несмотря на то, что версия истории Израильского и Иудейского царств, излагаемая в художественно слабых, но значительно более благочестивых по духу «Книгах Паралипоменон», с фактической стороны серьезно расходится с версией более древних «Книг Царств», однако в канон попали и те и другие.

Круг одобренного чтения в основном сложился к концу III в. до н. э.; евреи Александрии, сохранившие иудейскую религию, но утерявшие древнееврейский язык, сочли необходимым перевести соответствующие произведения на греческий; этот перевод (II в. до н. э.), так называемая «Септуагинта», или «Библия семидесяти толковников», впоследствии воспринятая православным христианством, полностью включает и весь позднейший иудейский древнееврейский канон, окончательно установленный лишь в I в. н. э., но содержит также некоторые сочинения, впоследствии исключенные из еврейской Библии, главным образом из-за их поздней даты: действительная или (как в случае, например, «Книги Ионы», «Экклесиаста» и «Песни песней») мнимая древность произведения казалась гарантией их мудрости и боговдохновенности; книги, явно более близкие к тогдашней современности, могли скорее казаться делом рук человеческих. Так из канона были исключены заведомо поздние книги: «Премудрость Иисуса, сына Сирахова», историческое сочинение —

Состязание.
Изображение Пируза Сасанида на позолоченном блюде. V в.
Музей «Метрополитен». Нью-Йорк.

«I Книга Маккавеев», повести — «Книга Юдифь» и «Книга Товита» (хотя обе они выдавали себя за древние, но их эллинистическая дата очевидна), отрывки «Сусанна и старцы», «Бел и дракон» и др., введенные в «Книгу Даниила», и т. п.[1].

В окончательном виде иудейский канон, или Библия (греч. «Книги») делится на три части, различные по приписываемой им «святости»: 1) «Пятикнижие Моисея», или Тора («Закон»): книги «Бытия», «Исход», «Левит», «Чисел» и «Второзаконие»; 2) «Пророки», куда входят исторические книги: «Иисуса Навина», «Судей», «I — IV Царств» (иначе «I — II Книги Самуила» и «I — II Книги Царей») и сборники речей «великих» пророков — Исайи, Иеремии, Езекиила (в православной Библии сюда присоединяется и «Книга Даниила») и «малых» пророков — Осии, Иоиля, Амоса, Овадии, Ионы[2], Михея, Наума, Аввакума (Хабаккука), Софонии, Аггея, Захарии и Малахии[3]; и, наконец, 3) «Писания»[4], куда относятся «Псалмы», «Притчи», поэмы «Книга Иова» и «Плач» (так называемый «Плач Иеремии»), сборник свадебной лирики — «Песнь песней», исторические «I — II Книги Хроник (Паралипоменон)», а также «Книга Эзры» и «Книга Неемии», посвященные построению «второго храма», повести — «Книга Руфь» и «Книга Эсфирь», аллегорическая «Книга Даниила» и поэтические мудрствования «Экклесиаста». Не вошедшие в иудейское Священное писание книги не обязательно запрещались для чтения: они лишь были объявлены не «боговдохновенными», причем это качество еще долго не признавалось частью раввинов и за книгами «Экклесиаст» и «Песнь песней». Но на практике исключение некоторых книг из канона привело к тому, что их перестали читать и переписывать в среде верующих евреев, и они сохранились только в составе христианской Библии, в греческих и других переводах.

Как уже упоминалось, все книги иудейской Библии входят также и в Библию христиан — в качестве Ветхого завета (то есть «древнего договора»), в отличие от Евангелий и других собственно христианских книг, как бы составляющих заключенный верующими с Христом Новый договор, или Новый завет[5].

---

[1] К александрийской традиции восходят также некоторые другие дохристианские книги, иногда включавшиеся в христианскую Библию, но чаще относившиеся к числу апокрифов («Откровение Эзры», «Книга премудрости Соломоновой», «Книга Варуха», «II Книга Маккавеев» и др.); большинство из них было написано александрийскими и другими эллинизованными евреями по-гречески и относится, собственно, уже к греческой литературе.

[2] «Книга Ионы» — не сборник речей, а повесть; см. о ней ниже.

[3] Такого пророка на самом деле никогда не существовало; автор этой книги так же, как частей «Книги Исайи» и «Книги Захарии», неизвестен.

[4] В разных Библиях (иудейской, православной, католической, англиканской, лютеранской и т. д.) они размещены в различном порядке; мы перечислили их произвольно.

[5] Новозаветные книги написаны по-гречески и принадлежат к греческой литературе.

Само собой понятно, что книги древнееврейской литературы, исключенные из канона, а тем более — доканонические, не соответствовавшие учениям «пророческого движения» или предшествовавшие ему, имели мало шансов сохраниться: в древней Палестине писали не клинописью на глиняных плитках, почти не разрушимых временем, а алфавитным письмом на папирусе или коже, для сохранения которых через тысячелетия требуются условия особой сухости климата и отсутствия существенных температурных изменений.

Так получилось, что почти все сохранившиеся памятники древнееврейской литературы дошли до нас только в составе тщательно отобранного религиозного канона Библии. Исключение составляют «Премудрость Иисуса, сына Сирахова», рукопись которой на древнееврейском языке была случайно найдена в начале нашего столетия, и сочинения бежавшей от мира секты ессеев, чудом сохранившиеся в тайниках сухих пещер пустыни у Мертвого моря; но эти сочинения, имеющие громадную ценность как памятники истории идеологии, как произведения публицистические и морально-этические, не относятся к области собственно художественной литературы. Книги же первоначально иудейской секты христиан почти с самого начала писались по-гречески.

Но принадлежность памятников древнееврейской литературы к определенному религиозному своду — Библии, к Священному писанию,— совершенно не означает, что они все целиком носят культовый характер. Уже из нашего изложения истории образования библейского канона видно, что он составлялся постепенно, из весьма разнородных элементов: и хотя каждое литературное произведение, получившее место в каноне, несет определенную идеологическую нагрузку, однако не каждое создавалось с самого начала в религиозных целях. Разумеется, многие произведения имели и изначально религиозный замысел; но если мы учтем, что на Древнем Востоке вообще никакой иной идеологии, кроме религиозной, еще не существовало, нам будет понятно, что и в такое произведение могли быть вложены весьма разнообразные социальные, политические и этические идеи, вплоть до идей самого широкого, общечеловеческого диапазона. Уже основные, имеющие догматическое значение религиозные книги Библии очень пестры по содержанию. Создавая свою историю мира и историю своего народа, неизвестные нам авторы Пятикнижия и исторических книг (особенно тех, которые, как, например, «Книга Судей», описывали ранний, догосударственный период) неизбежно должны были, назависимо от идеологической, религиозной задачи, которую они себе ставили, черпать из главного, почти единственного существовавшего в то время источника исторических или мнимоисторических сведений. Этим источником могла быть только память народная, народный эпос, фольклор. Точно так же народная мудрость и народная песенная лирика лежат в основе таких книг, как «Притчи Соломоновы», «Песнь песней» и т. п. Народ три тысячи лет назад весь поголовно был верующим — стоит ли удивляться, что остатки народного творчества дошли до нас в составе религиозного канона?

Мы говорили сейчас об остатках устного народного творчества; но и литература чисто письменного происхождения, сохраненная в Библии, очень

неоднородна. Здесь наряду с вещами, малохудожественными, на наш современный взгляд, вроде «Книги Чисел» или «Книг Паралипоменон», наряду с некоторыми частями «Книги Бытия» или «Книги Исход»,— на тот же наш современный взгляд, не только архаичными, но и примитивно-бесчеловечными,— наряду с фанатической нетерпимостью книг Эзры и Неемии,—мы встречаемся с некоторыми произведениями замечательных мастеров мысли и слова, оставивших неизгладимый след на всей европейской, а отчасти и мусульманской литературе и культуре.

В XX веке много внимания в науке было уделено вопросу о внешних влияниях на древнееврейскую литературу. В настоящее время наука пришла к тому выводу, что прямых заимствований в ней мало. Классическим примером является миф о потопе, несомненно, месопотамского происхождения; назвать другие столь же явственные примеры труднее; сейчас ясно, что либеральное немецкое протестантское богословие, видевшее повсюду заимствования из Вавилонии и Египта и в своем гиперкритицизме бравшее под сомнение даже подлинность чуть ли не каждой фразы в Библии (не говоря уж об ее оригинальности), допускало сильные преувеличения. Конечно, есть схождения формально-жанрового характера с вавилонской литературой («Плач Иеремии», «Книга Иова») и с египетской литературой («Песнь песней»), есть схождения отдельных мифологических мотивов и образов с засвидетельствованными для других культур Древнего Востока, особенно Финикии, Угарита (тот же «Иов», некоторые псалмы, некоторые мотивы «пророческих» книг); есть даже дословные совпадения отдельных речений, сравнений, афоризмов; но все это лучше всего объясняется не заимствованиями, а тем, что и вавилонская, и финикийская, и древнееврейская, и древнеегипетская литературы черпали из одного общего фонда народной мудрости — фольклора народов древнего Ближнего Востока. Мы лучше всего поймем древнееврейскую («библейскую») литературу, если раз навсегда откажемся расценивать ее — в позитивном или негативном смысле — как какое-то особое, уникальное, то ли боговдохновенное, то ли созданное намеренно для одурачивания народных масс «Писание», а будем рассматривать ее как то, чем она является,— одной из целого ряда литератур Древнего Востока, типологически с ними сходной, не более и не менее религиозной, чем другие, и в целом не более и не менее реакционной или прогрессивной, чем другие. Речь сейчас идет не о той политической и идеологической роли, какую Библия играла или играет в руках позднейших поколений (а роль ветхозаветных библейских книг была разной — от революционной в эпоху Крестьянской войны в Германии и нидерландской и английской революций, до крайне реакционной во многих других исторических ситуациях); мы говорим сейчас об одной из *древних* литератур в контексте истории *древнего* человечества,— времени, когда развитию производительных сил и мировой культуры соответствовал рост рабовладения и рабовладельческой идеологии, смотревшей еще вперед, в то время как народные массы оглядывались только назад, на мнимый «золотой век» первобытности.

Идейное содержание древнееврейской литературы эпохи царств и «пророческого движения» не имеет *близких* аналогий в современных ей соседних литературах, и о заимствовании здесь говорить не приходится; но в более *общем* смысле эта литература укладывается в рамки *общей* социально-этической проблематики древнего Ближнего Востока первой половины I тыс. до н. э. Относительно более близкие идейные переклички наблюдаются между древнееврейской литературой времени «вавилонского пленения» и послепленного периода — и кругом древнеиранских религиозно-философских идей. В эпоху «мировой» персидской державы Ахеменидов (VI — IV вв. до н. э.) иудейский Яхве стал полуофициально (под названием «Бога небесного») отождествляться с иранским Ахурамаздой; не без влияния иранского зороастризма нарождались у евреев такие идеологические явления, как идея мессианизма (ожидания грядущего Спасителя; иранцы ожидали потомка Заратуштры, евреи — потомка царя Давида, который восстановит их государство), и как концепция дуализма и борьбы доброго и злого начал (у иранцев это была борьба Ахурамазды и Ангхроманью, у евреев — Господа и Сатаны). Эллинистическая и вообще греческая философия и литература не оказали никакого заметного влияния на древнееврейскую литературу,— по крайней мере, поскольку речь идет о книгах, успевших попасть в библейский канон.

По своей форме дошедшие до нас произведения древнееврейской литературы можно отнести к числу стихотворных, ритмизованных прозаических, и прозаических в собственном смысле слова.

Древнееврейское стихосложение принципиально не отличалось от стихосложения других северносемитских народов (аккадцев, угаритян, финикийцев), а также древних египтян: оно было чисто тоническим, основанным на счете только логических ударений. Эпический стих «Песни Деборы» практически не отличается от стиха вавилонского эпоса (четыре ударения на стих с цезурой после второй стопы; число логически неударных слогов в принципе безразлично, но от него зависит убыстрение или замедление дикции сказителя: эпизодически появляются аллитерация и рифма). В связи с процессами языкового развития, протекавшими внутри древнееврейского языка, древнееврейское стихосложение отказалось от обязательного женского окончания стихов и полустиший; это сделало стих как ритмическую единицу менее устойчивым, более рыхлым; поэтому в древнееврейской поэзии гораздо чаще, чем в аккадской, применяются неравностопные размеры, а грань между стихом и ритмизованной прозой становится еще более условной, чем у вавилонян. Стихами написаны, помимо уже упоминавшейся «Песни Деборы», некоторые отрывки в Пятикнижии и в исторических книгах (например, «Благословение Иакова», «Прощальная песнь Моисея», «Оплакивание царя Саула»), бóльшая часть псалмов, в том числе и введенные в ткань других произведений (например, во «II Книге Царств», гл. 22, в «Книге Ионы»), вся «Песнь песней», важнейшие части «Книги Иова» и т. п. Последние два произведения приводятся ниже в нашем собрании образцов древнееврейской литературы.

Из разделов нашего тома, посвященных литературе шумеров и аккадцев,

читатель знает: на Древнем Востоке в течение III и II тыс. до н. э. признаком того, что автор словесного (устного или письменного) произведения ставил себе художественные задачи, была ритмизация его текста. И в древнееврейской литературе ритмическая проза долго занимала главное место. Важнейшие произведения ритмической прозы принадлежат к ораторскому искусству,— это проповеди «пророков». Речь «пророка» может спускаться до простой «разговорной» прозы, или, на вершине вдохновения, включать чисто стихотворные отрывки, или, наконец, быть почти чистыми стихами,— таковы экстатические прохлятия североизраильского пророка Наума гибнущей Ниневии, гнезду ассирийских завоевателей Ближнего Востока, таковы многие отрывки у Исайи, Иеремии, Езекиила, Софонии и других; но в основном эти речи — ритмическая проза. Из не-«пророческой» литературы «Книга Экклесиаст», также приведенная у нас, написана в ритмической форме, воспринимающейся как свободный стих.

Современному читателю речи «пророков» кажутся темными в своей богатой метафоричности, витиеватыми, порою мистическими; но своими первыми слушателями они так не воспринимались. Каждая «пророческая» проповедь была произнесена на политическую злобу дня и содержала прямые и часто грубые намеки на людей и события; сейчас, имея в своем распоржении многочисленные египетские, ассирийские и вавилонские источники, современные этим проповедям, мы можем часто,— а если проповедь касалась международных событий, то почти в каждом случае,— указать и соответственное событие, и его точную дату, и ту конкретную политическую обстановку на Ближнем Востоке, на которую «пророк» намекает. Так выяснилось, между прочим, что в сборнике речей, называемом по традиции «Книгой Исайи», соединены проповеди, по крайней мере, двух, а скорее трех различных политических деятелей: первый жил в VIII — VII вв. до н. з., второй— в последней трети VI в. до н. э., третий (?),— может быть, еще позже.

Но, пожалуй, наибольшим художественным достижением древнееврейской литературы явилось создание художественной прозы в собственном смысле этого слова. Ее не знала ни вавилонская литература, ни древнеегипетская (последняя, вероятно, до середины I тыс. до н. э.)[1]. Неритмизованную художественную прозу впервые создали авторы древнееврейских исторических повествований. По строгому лаконизму художественных средств, по характерному приему скрытой передачи эмоции героев, только через их действия и лишь изредка в кратких афоризмах,— проза «Книги Судей» или «Книг

[1] Если египтологи обычно передают в переводе художественные произведения древних египтян обыкновенной прозой, то это объясняется тем, что письменность этого древнего народа была лишена средств для передачи гласных, а тем более ударений. Это скрадывает ритмический или стихотворный характер художественных произведений. Однако, как убедительно доказал Г. Фехт, вся египетская «проза» вплоть до первых веков I тыс. до н. з. — это либо чистые стихи, либо проаа ритмизованная. То же, как мы видели, верно в отношении художественной литературы шумеров и вавилонян.

Царств» напоминает исландские саги; и это не удивительно: перед нами типологически тот же этап развития литературы на грани родового и классового обществ, когда люди еще полны острых воспоминаний о героических фигурах догосударственного прошлого. Лучшими образцами древнееврейской прозы нам представляется рассказ о дружбе Давида и Ионафана, и особенно — великолепное лаконичное повествование о возвышении и гибели высокомерного североизраильского царя Ахава и его жены Иезавели, попиравших человеческие права своих подданных. Как и в исландских сагах, и в этих книгах художественное сюжетное повествование перебивается длинными родословиями, а на вершине напряжения — стихами или ритмизованными отрывками. В нашем сборнике исторический и мнимоисторический жанр в древнееврейской литературе представлен повествованием о потопе из «Книги Бытия».

Но, помимо исторических повествований, древнееврейская литература создала и еще один вполне оригинальный жанр [1] — это жанр короткой [2] сюжетной назидательной повести; сюжет их прямо или косвенно связывается с отечественной историей создавшего их народа. Сюда относится в канонической еврейской Библии приведенная ниже «Книга Руфь», а также «Книга Эсфирь» и из неканонических произведений — «Книга Юдифь» и «Книга Товиа». Сюда же относится и «Книга Ионы». В библейском каноне она отнесена к «пророческим» по тому лишь формальному признаку, что ее герой выведен в качестве профессионального «пророка»: ораторских речей эта книга не содержит.

И. ДЬЯКОНОВ

---

[1] Аналогию ему представляет, но лишь до известной степени, египетская повесть I тыс. до н. э. типа цикла повестей о Петубасте, однако в Египте этот жанр, по-видимому, возник позже и вообще во многом отличен от древнееврейской повести; что касается более ранней египетской повествовательной литературы, как, например, «сказок» папируса Весткар, «Рассказа Синухе», «Речи красноречивого крестьянина», повести «Два брата» и т. п., то все они, несомненно, либо стихотворные, либо принадлежат к ритмизованной прозе. К ней же Г. Фехт относит и произведения автобиографического жанра в древнеегипетской литературе.

[2] Объем повести соответствовал нормальной величине одного папирусного или пергаментного свитка; отсюда общее название «свитки» (Мегиллот), применявшееся к «Книге Руфь», «Книге Эсфирь», а также «Книге Экклесиаст», «Плачу» и «Песни песней».

ИЗ «КНИГИ БЫТИЯ» (ГЛАВЫ 6—8)

[ПОТОП]

ГЛАВА 6

Случилось это, когда люди начали множиться на земле и стали у них рождаться дочери. И увидели красоту дочерей человеческих сыновья Бога и взяли их себе в жены, какую кто выбрал. И Господь сказал:

— Не останется дух мой в этих людях навечно, потому что они плоть. Пусть длятся дни их сто двадцать лет.

А еще на земле были исполины в то время. Ведь когда сыновья Бога стали входить к дочерям человеческим, у тех пошли дети, и они-то испокон века были сильными, именитыми людьми.

5 И вот, увидев, как много на земле зла человеческого и что
все помыслы человеческие — одно лишь каждодневное зло, Гос-
подь пожалел, что сотворил на земле человека, и опечалился
в сердце своем, и сказал:

— Сотру я с лица земли человека, которого сотворил, всех сотру, от людей до скотов, до гадов ползучих и птиц небесных, потому что мне жаль, что я сотворил их.

А Ной нашел милость у Господа. Вот родословие Ноя: Ной
был в своем поколенье человек праведный, беспорочный, о боге
10 помнящий, и родил трех сыновей — Сима, Хама и Яфета. Но
земля стала в глазах Бога растленна и полна кривды. И вот,
увидав, что земля растленна, потому что всякая плоть изврати-
ла свой путь на земле, Бог сказал Ною:

— Пришел для меня конец всякой плоти, потому что из-за них земля наполнилась кривдой. Что ж, я погублю их вместе

с землей. Сделай себе ковчег из крепкого дерева, устрой в нем
15 отсéки и осмоли его внутри и снаружи. И ковчег сделай вот
какой: длиной в триста локтей, шириной в пятьдесят локтей,
а высотой в тридцать локтей. И сделай его сводчатым, с от-
верстием в один локоть вверху. И дверь в ковчег сделай сбоку,
и сделай в нем три яруса: нижний, средний и верхний. А я
напущу на землю воды потопа, чтобы истребить под небесами
всякую плоть, в какой только ни есть дыхание жизни, и по-
гибнет все, что есть на земле. Но с тобой заключу я союз,
и ты войдешь в ковчег, и с тобою войдут в него твои сыновья,
твоя жена и жены твоих сыновей. И в ковчег ты возьмешь по
паре от всяких животных и от всяческой плоти, чтобы они
уцелели вместе с тобой, и пусть будут они мужского пола и
20 женского. Ты возьмешь с собою по паре от каждого рода птиц,
и от каждого рода скота, и от каждого рода гадов, что ползают
по земле, чтобы они уцелели вместе с тобой. И всяческой пищи,
какую только ни едят, возьмешь ты с собой и сложишь ее у себя,
чтобы было чем кормиться тебе и им.
22 И Ной сделал все; как велел ему Бог, так он и сделал.

ГЛАВА 7

И Господь сказал ему:
— Ты и твои домочадцы — войдите в ковчег, потому что
тебя я нашел праведным передо мной в этом поколении. Из
всякого чистого скота возьми с собой по семи голов мужского и
по семи женского пола, а из нечистого пó две мужского и пó
две женского. Так же из птиц небесных чистых возьми по семи,
а из нечистых пó две, самцов и самок, чтобы сохранить семя
для всей земли, потому что ровно через семь дней я буду лить
на землю дождь сорок дней и сорок ночей и сотру с лица земли
все сущее, что я создал.
5 И Ной сделал все, что ему наказал Господь. А было Ною
шестьсот лет, когда полились на землю воды потопа. И, спа-
саясь от вод потопа, Ной вошел в ковчег с сыновьями, женой и
женами сыновей. И парами чистый скот и нечистый, и птицы, и
всякие твари, что ползают по земле, мужского пола и женского,
10 вошли к Ною в ковчег, как велел ему Бог. И когда миновали
семь дней, полились на землю воды потопа.
На шестисотом году жизни Ноя, в семнадцатый день вто-
рого месяца отворились все колодцы великой бездны и ставни
неба открылись, и был на земле ливень сорок дней и сорок ночей.
В тот самый день и вошел в ковчег Ной, и Сим, и Хам, и Яфет,
сыновья Ноя, и три жены его сыновей. Они и всякого рода

звери, всякого рода скот, всякого рода гады, что ползают по
земле, всякого рода птицы и всякая тварь летучая и крылатая —
15 по паре, самец и самка, от всякой плоти, в какой только ни
есть дыхание жизни, вошли к Ною в ковчег, как наказал ему
бог. И Господь затворил за ними ковчег снаружи. И сорок дней
был потоп на земле, и вода, прибывая, подняла ковчег высоко
над землей. И вода все прибывала и так поднялась на земле,
что ковчег поплыл по воде. И вода поднялась на земле так,
20 что покрыла все высокие горы подо всем небом. На пятнадцать
локтей поднялась она над горами, покрыв их. И погибла всякая
плоть, какая движется по земле,— и птицы, и скот, и звери,
и все гады, что ползают по земле, и все люди. Умерло все, в
чем было на суше дыхание жизни. Так стер он все сущее на
земле. От человека до скота, до гадов ползучих, до птиц не-
бесных — все было стерто с лица земли, и остался лишь Ной
24 и те, что с ним были в ковчеге. И поднималась вода на земле
сто пятьдесят дней.

ГЛАВА 8

Но вспомнил Бог о Ное и обо всем зверье и скоте, обо всех
птицах и гадах ползучих, какие с ним были в ковчеге, и пустил
ветер на землю, и вода стала спадать. И затворились колодцы
бездны и ставни неба, и перестал ливень с небес. И стали воды
уходить и возвращаться с земли, и когда миновало сто пять-
десят дней, схлынули воды. И в седьмом месяце в семнадцатый
день месяца остановился ковчег на горах Араратских. А вода
5 все уходила и спадала до десятого месяца. А в десятом месяце
в первый день месяца стали видны вершины гор. А когда про-
шло сорок дней, Ной открыл окно ковчега, которое он сделал,
и выпустил ворона, и тот вылетел и летал туда и обратно, по-
куда не высохла вода на земле. И он выпустил голубя от себя,
чтобы узнать, сошла ли вода с земли. И голубь, не найдя опоры,
на которую он мог бы ступить, возвратился к нему в ковчег,
потому что вода покрывала еще всю землю. И он протянул
10 руку, взял голубя и внес его к себе в ковчег. И, подождав еще
семь дней, он снова выпустил голубя из ковчега. И голубь
вернулся к нему под вечер, и вот — в клюве его свежая ветка
маслины. И Ной узнал, что воды сошли с земли. И, подождав
еще семь дней, он снова выпустил голубя, но тот больше не
вернулся к нему. Итак, на шестьсот первом году жизни Ноя,
в первый день первого месяца спала вода с земли. И Ной от-
крыл крышку ковчега и видит: обсохло лицо земли. А во втором
месяце, в двадцать седьмой день месяца земля высохла вовсе.
15 И тогда Бог сказал Ною такие слова:

— Выйди из ковчега — ты, и твоя жена, и твои сыновья,
и жены твоих сыновей вместе с тобой. Всех зверей, какие с то-
бой, и всякую плоть из птиц и скота, и всяческих гадов, что
ползают по земле, выведи вместе с собою, и пусть кишат по
земле, и пусть плодятся и размножаются.
И Ной вышел, и его жена, и его сыновья, и жены его сыно-
вей вместе с ним. И все звери, весь скот, все птицы и всякие
гады, что ползают по земле, вышли из ковчега, все по родам
20 своим. А Ной построил жертвенник Господу, взял по толике
от всякого чистого скота и от всех чистых птиц и сотворил
всесожжение на жертвеннике. И Господь почуял приятный
запах, и сказал Господь про себя:
— Не буду я больше проклинать землю из-за человека,
потому что помыслы человека с юности его злы. Не стану я
22 больше поражать все живое, что я сотворил. Покуда земля
стоит, не прекратятся посев и жатва, холод и зной, лето и зима,
день и ночь.

КНИГА ИОНЫ

ГЛАВА 1

Привелось Ионе, Амиттаеву сыну, услыхать такое слово Господне:

— Собирайся, ступай в Ниневию, великий город, и возвести там, что их дурная слава дошла до меня.

Но Иона собрался бежать от Господа в Таршиш, спустился в Яфо, нашел корабль, который уходил в Таршиш, и сел на него, заплатив за провоз, чтобы уплыть с ними в Таршиш от Господа.

Тогда Господь напустил на море большой ветер, и подня-
лась на море большая буря, и была опасность, что корабль
5 разобьется. И моряки испугались, и каждый стал звать своего
бога и бросать в море всякую утварь, какая была на корабле,
чтобы он сделался легче. А Иона, спустившись внутрь корабля,
улегся и уснул себе крепким сном. И тогда начальник моряков
подошел к нему и сказал:

— Что ты тут разоспался? Вставай, зови своего Бога, вдруг Бог выручит нас и мы не погибнем.

И все сказали друг другу:

— Давайте метнем жребий и узнаем, из-за кого нам эта беда.

И они метнули жребий, и жребий пал на Иону. Тогда они сказали ему:

— Скажи нам, из-за кого нам эта беда, какое твое занятие, откуда ты держишь путь, из какой ты страны, из какого народа.

И он сказал им:

— Я еврей и страшусь Господа, Бога небес, который сотворил море и сушу.

10 Тогда они устрашились донельзя и сказали ему:
— Зачем ты это сделал? (Ведь они узнали, что он бежит от
Господа, потому что Иона сказал им это.)
И они сказали ему:
— Что же нам сделать с тобой, чтобы море отступилось от
нас? (Ведь море бушевало, не унимаясь.)
И он сказал им:
— Возьмите меня и выбросьте в море, и море от вас отступится. Ведь я же знаю, что застигла вас такая большая буря из-за меня.

Тогда они принялись грести изо всех сил, чтобы повернуть к берегу, но это им не удавалось, потому что море, бушуя, наступало на них. И тогда они стали звать Господа, говоря:

— Господи, не дай нам погибнуть из-за этого человека, но не взваливай на нас крови невинного! Ведь ты — Господь и поступаешь так, как захочешь.

15 И они взяли Иону и выбросили его в море, и море перестало
16 бурлить. И они устрашились донельзя Господа, и принесли
Господу жертвы, и дали обеты.

ГЛАВА 2

А Господь устроил так, что Иону проглотила большая рыба. И был Иона в брюхе этой рыбы три дня и три ночи. И в брюхе рыбы Иона помолился Господу, своему Богу, и сказал:

— Я в злосчастье Бога позвал,
И Господь меня услыхал,
Я из недр преисподней вскричал,
И ты голос мой услыхал.
Ты в пучину бросил меня,
В сердце моря меня метнул,
И потоки — вокруг меня,
И валы твои — надо мной.
И подумал я, и сказал:
«Вот и убран я с глаз твоих!
Разве храм твой увидеть вновь
Доведется мне?
5 Я до самой души своей

Влагой бездны объят, гляди,
Я травою морской, гляди! —
С головой укрыт!
Я спустился до низа гор,
Я навеки заперт землей.
Погаси же теперь во мне
Жизнь мою, Господи!»
Да, о Господе вспомнил я,
Расставаясь с душой своей,
И молитва моя дошла
До тебя в твой святой храм.
Тот, кто суетный вздор чтит,
Где он милость к себе найдет?
Так прими же мою хвалу
В дар за то, что ты спас меня!
Все, что Господу обещал,
Совершу теперь.

10 И Господь устроил так, что рыба извергла Иону на сушу.

ГЛАВА 3

И привелось Ионе во второй раз услыхать слово Господне:
— Собирайся, ступай в Ниневию, великий город, и возвести там о том, о чем я сказал тебе прежде!
И тут Иона собрался и пошел в Ниневию, как ему велел Господь. А Ниневия была у Бога великим городом, на три дня пешего хода. И, проходя по городу, сколько за день можно пройти, Иона возвещал и говорил:
— Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена.
5 И поверили люди Ниневии Богу, и объявили пост, и все, от
знатных до убогих, оделись в рубище. И дошла та весть до царя
Ниневии, и он встал с престола, снял с себя свое одеяние, надел
на себя рубище и сел на золу. И велел объявить в Ниневии такой
наказ царя и его сановников: «Пусть ни люди, ни скот, ни круп-
ный, ни мелкий, не принимают пищи, не ходят на пастбища и
не пьют воды. И рубищем пусть будут покрыты люди и скот, и
пусть изо всех сил взывают к Богу, и пусть отвернется каждый
от своего дурного пути и от зла, которое творит своими руками.
Кто знает, вдруг Бог и раздумает, и сменит на милость свой
пылкий гнев, и мы не погибнем».
10 И Бог увидал по делам их, что они отвернулись от своего
злого пути, и ему стало жаль учинять им бедствие, о котором
он говорил, и он не учинил им его.

ГЛАВА 4

А Иона огорчился этим донельзя и возмутился. И он взмо-
лился к Господу и сказал:
— Ах, Господи, не это ли я и говорил, когда еще был в своей
стороне? Потому-то я и бежал заранее в Таршиш! Ведь я же
знаю, что ты Бог добрый и кроткий, долготерпеливый и много-
милостивый, что ты полон жалости и отходчив. А теперь, Гос-
поди, отними у меня душу мою, потому что лучше умереть мне,
чем жить.
Но Господь сказал Ионе:
— Сильно ли ты огорчен?
5 Тогда Иона вышел из города, остановился восточнее города,
сделал себе там навес и сел под него в тени, ожидая увидеть, что
станет с городом. А Господь устроил так, что выросла тыква,
которая поднялась выше Ионы, чтобы тень над его головой
остудила его недовольство. И тыкве этой обрадовался Иона
донельзя. Но Бог устроил так, что на другой день на рассвете
червь подточил тыкву, и она засохла. А когда взошло солнце,
Господь послал жгучий восточный ветер, и солнце било в голову
Ионы так, что он изнемог и пожелал себе смерти.
— Лучше,— сказал он,— умереть мне, чем жить.
И тогда Бог сказал Ионе:
— Сильно ли ты огорчен из-за этой тыквы?
— Я прямо-таки до смерти огорчен,— сказал Иона.
10 И тогда сказал Господь:
— Тебе жаль тыквы, над которой ты не трудился, которой
ты не растил, которая за́ ночь родилась и за́ ночь погибла.
11 Так как же мне-то не пожалеть Ниневии, такого великого горо-
да, где больше ста двадцати тысяч жителей, которые не умеют
отличить правды от кривды, и где столько скота?

КНИГА РУФЬ

ГЛАВА 1

Во времена, когда правили Судьи, случился на земле голод, и некий человек из Вифлеема Иудейского ушел жить на полях Моава — он, и его жена, и двое сыновей. Звали его Элиме́лех, а его жену звали Ноо́ми, сыновей — Махло́н и Кильо́н, все — эфратийцы из Вифлеема Иудейского. Пришли они на поля Моава и зажили там.

Вот Элимелех умер и осталась Нооми с двумя сыновьями.
Взяли они за себя дочерей Моава, одну звали Орпа́, а другую —
5 Руфь. Прожили там еще лет десять. Но умерли и они оба —
Махлон и Кильон, и осталась Нооми одна — после обоих детей
и после мужа. Собрались тогда она и ее невестки покинуть поля
Моава, потому что достигла до полей Моава весть, что Господь
оказал милость своему народу и дал ему урожай.
Вышла Нооми из округи, где жила прежде, и невестки
с нею, и пустилась в обратный путь к селениям Иегудиным.
А обеим невесткам сказала:
— Ступайте, возвращайтесь в дома своих матерей. Пусть
Господь будет милостив к вам, как вы добры были к умершим и
ко мне. И пусть вознаградит Он вас, чтобы каждая нашла
приют в доме мужа!
10 Она их поцеловала, а они заплакали в голос. Сказали они:
— Нет, мы пойдем с тобой, к твоему народу.
А Нооми сказала:
— Возвращайтесь, дочери мои! Зачем вам со мной уходить?
Как будто в моем чреве родятся еще сыновья и станут вам мужья-
ми? Возвращайтесь, идите, ведь стара я и уж больше не быть
мне замужем. А если я и скажу вам, что не лишилась надежды,
что вот сойдусь с мужем и рожу сыновей, неужели будете вы
сохнуть, пока они вырастут, неужели протомитесь взаперти,
без мужа? Нет, не нужно, дочери мои. И так-то мне горько за
вас, потому что тяготеет на мне Господня десница.
И опять они заплакали в голос. Орпа поцеловала свекровь
и ушла, но Руфь от нее не отстала.
15 Нооми сказала:
— Вот и вернулась подружка твоя к своему народу и к
своим богам. Возвращайся и ты.
Руфь сказала:

— Не вели покинуть тебя
И не идти за тобой!
Ты пойдешь — и я за тобой пойду,
Где ты заночуешь,— там и мой ночлег,
Твой народ — мой народ, твои боги — мои боги!
Где ты умрешь — там я умру,
И с тобой погребут!
Да совершит Господь по воле своей —
И сверх того!
Разлукой нам — одна смерть!

Тогда Нооми поняла, что Руфь решила идти с нею, и больше не говорила. Пустились они в путь и достигли Вифлеема Иудей-

ского. Вошли в Вифлеем, и весь город всполошился из-за них. Женщины спрашивали наперебой:

— Это ли Нооми? Это ли — сладкая?

20 И Нооми сказала:

— Не зовите меня Нооми — сладкая,
А зовите меня Мара́ — горькая:
Так-то сильно Господь меня огорчил.
Отсюда вышла — руки полны добра,
Господь возвернул сюда — руки пусты мои.
А вы зовете меня Нооми,
Когда решил Господь против меня,
Крепкий беду наслал на меня!

Так и воротилась Нооми домой — и с нею Руфь моавитянка, невестка ее, что пришла с полей Моава. А пришли они в Вифлеем к началу жатвы ячменя.

ГЛАВА 2

У Нооми был свойственник по мужу, человек достойный из Элимелехова рода. Звали его Боаз. А Руфь моавитянка сказала Нооми:

— Дозволь мне пойти в поле? Буду подбирать колосья за кем-нибудь, кто окажется добр ко мне.

Нооми сказала:

— Иди, дочь моя.

Она отправилась в поле и стала подбирать за жнецами колосья. И случилось так, что попала она на Боазов надел. Вот пришел из Вифлеема Боаз и сказал жнецам:

— Господь вам в помощь!

Сказали они:

— Благослови тебя Господь!

5 Тут Боаз спрашивает у отрока, надзиравшего за жнецами:

— Чья это молодка?

Отрок сказал:

— Моавитянка она и пришла вместе с Нооми с полей Моава. Она сказала: «Дозволь, я буду подбирать колосья? Может, и наберу за жнецами сколько-нибудь среди копен». С утра она пришла и по сей час здесь; совсем недолго побыла она дома без дела.

И сказал Боаз Руфи:

— Выслушай и запомни, дочь моя. Не ходи подбирать на других наделах и не уходи отсель, а будь вместе с моими жницами. Смотри все время за полем, где они жнут, и следуй за ними. А я приказал отрокам не трогать тебя. А когда захочешь
10 пить, то иди к сосудам, откуда они черпают, и утоли жажду.

Руфь поверглась ниц, и поклонилась ему до земли, и сказала:

— Да чем же заслужила я милость в глазах твоих, что ты приветил меня? Ведь я — чужеземка!

И Боаз ответил:

— Много наслышан я о том, как поступила ты со своей свекровью после смерти мужа, как оставила ты отца и мать и родную землю и пришла к народу, которого ни вчера не знала, ни третьего дня. Пусть же воздаст тебе Господь за твои дела, пусть сполна наградит тебя наградою Господь, бог Израиля, потому что пришла ты под Его крыла искать приюта.

Тогда Руфь сказала:

— Да найду я милость в твоих глазах, господин, потому что ты утешил меня и ласково говорил со своей служанкой, а ведь не стою я ни одной из твоих служанок.

В час еды Боаз сказал ей:

— Иди сюда, ешь с нами хлеб, обмакивай свой ломоть в уксус.

И Руфь села рядом со жнецами, и Боз дал ей поджаренных зерен, и она поела досыта, и даже осталось у нее впрок.
15 Она поднялась и снова пошла подбирать колосья. И тут Боаз приказал отрокам:

— Пусть она подбирает и между копнами, а вы не обижайте ее. И из снопов надергайте для нее колосьев, пусть подберет, не укоряйте ее.

Она подбирала в поле до вечера и обмолотила все собранное. Вышло у нее ячменя около меры. Она взяла зерно и вернулась в город. Увидела свекровь ее Ноеми, сколько та насобирала, да ещё Руфь отдала ей то, что осталось у нее от еды. И свекровь сказала:

— Где же ты сегодня подбирала колосья и где работала, благослови Господь твоего доброхота!

И Руфь моавитянка рассказала свекрови, как повела себя с тем человеком, а потом говорит:

— Человека, у которого я работала сегодня, зовут Боаз.

20 И Ноеми сказала невестке:

— Благослови его Господь, что он не оставил своей добротой ни живых, ни умерших.

И еще Ноеми сказала ей:

— Этот человек — нам кровный и близкий. Он вызволит нас вызволением.

А Руфь моавитянка сказала:

— Он еще сказал мне: «Держись возле моих отроков, пока они не закончат работу».

Но свекровь сказала Руфи, своей невестке:

— Лучше бы, дочь моя, ты выходила в поле со жницами его, тогда никто не заденет тебя на другом поле.

И Руфь держалась возле жниц, работавших у Боаза. Она подбирала колосья, пока не кончилась жатва ячменя и жатва пшеницы. А жила она со свекровью.

ГЛАВА 3

Как-то свекровь ее Нооми ей сказала:

— Что, дочь моя, не найти ли мне приют для тебя, чтобы было тебе хорошо? Ведь вот Боаз, с чьими жницами ты работала, он — кровный и близкий нам! Нынче ночью он станет провеивать ячмень на гумне. Умойся, умастись умащением, оденься и спустись к гумну, но до времени не показывайся — прежде чем кончит Боаз есть и пить. А как отойдет он ко сну, приметь, где он ляжет. Тогда приди к нему, открой его изножье и ляг, а он скажет тебе, что делать.

5 И Руфь сказала ей:

— Сделаю все, как ты сказала.

Она спустилась к гумну и сделала, как сказала ей свекровь. А Боаз поел, попил и ублажил свое сердце и улегся спать подле вороха зерна. Руфь подошла украдкой, открыла его изножье и легла. Среди ночи он вздрогнул, повернулся, и вот — женщина у его ног!

Он сказал:

— Кто ты?

Она сказала:

— Руфь, раба твоя. Простри крыла над твоей рабой, ведь ты — кровный и близкий и вызволишь меня вызволением.

10 И Боаз сказал Руфи:

— Благослови тебя Господь, дочь моя! Этот твой добрый поступок еще добрее прежнего, ведь ты не пошла за юношами, ни за бедными, ни за богатыми. Но теперь, дочь моя, не бойся; о чем попросишь, то и сделаю для тебя,— ведь все у ворот моего народа ведают, что ты достойная женщина! Но хоть и родич я твой, но есть родич еще ближе, чем я. Поспи-ка ночь тут, а утром, если он согласится вызволить тебя выкупом, что ж, хорошо, пусть выкупает, если нет, тогда я, как жив Господь, тебя выкуплю! Спи до утра.

И Руфь проспала у его ног до утра и встала на рассвете, пока нельзя еще отличить одного человека от другого. Сказал ей Боаз:

— Пусть не знают, что сюда приходила женщина.

15 И еще он сказал:

— Возьми-ка свой плат и держи.

И она взяла плат за свой край, а он отмерил в плат шесть мер ячменя и положил ей на плечи, а потом вернулся в город. Вернулась и она к свекрови, а та сказала ей:

— Кто ты, дочь моя?

И Руфь рассказала, что сделал для нее тот человек. И еще сказала:

— Отсыпал он мне эти шесть мер ячменя и сказал: «Не возвращайся к свекрови с пустыми руками!»

Нооми сказала:

— Посиди дома, дочь моя, пока не узнаешь, как обернется дело, а он не успокоится, пока сегодня же его не закончит.

ГЛАВА 4

Поднялся Боаз к городским воротам и сел там. Вот проходит мимо него родич, о котором он говорил. Боаз окликнул его по имени и сказал:

— Послушай-ка, заверни сюда и присядь со мной.

Тот завернул к нему и присел с ним рядом. Затем Боаз призвал десятерых мужей из старейшин города и сказал им:

— Присядьте со мной.

Они сели. Он сказал родичу:

— Нооми, та, что вернулась с полей Моава, продает надел,
что прежде был у нашего брата Элимелеха. И я извещаю тебя
при всех, кто здесь, и при старейшинах нашего города. Если ты
согласен выкупить ее, то выкупай, а если не будешь — скажи,
5 чтобы я ведал, что, кроме тебя, некому, а, значит, я—за тобой.

Тот сказал:

— Я выкупаю.

Сказал Боаз:

— Как только ты купишь это поле у Нооми, ты покупаешь и у Руфи, оставшейся после умершего, и должен взять ее в замужество, чтобы восстановить его имя над его наследием.

— Нет, тогда я не могу выкупить, ведь так и мое наследие расстроится. Вызволяй выкупом ты, что мне положено, потому что мне не под силу.

А так издревле повелось у Израиля при выкупе и при мене: ради закрепления дела снимал человек сандалию с ноги и передавал другому. Таков был порядок сделки у Израиля. И сказал родич Боазу:

— Ты выкупай,— и снял сандалию с ноги.

Тогда Боаз сказал старейшинам и всему народу:

— Вы свидетельствуете ныне, что я выкупил у Нооми все,

что было Элимелеха и что принадлежало Кильону и Махлону.
10 А также и Руфь моавитянку, жену Махлона, взял себе в жены,
чтобы восстановить имя умершего над его наследием. И пусть
не исчезнет имя умершего среди братьев его и из ворот его родного города. А вы ныне свидетельствуете это!

И весь народ в городских воротах и старейшины сказали:

— Свидетельствуем! И да уподобит Господь жену, входящую в твой дом, Рахили и Лии, что воздвигли вдвоем дом Иакова, а ты процветай и величайся в Эфрате, и да восславится имя твое в Вифлееме. И да будет твой дом подобен дому Переца, которого родила Иегуде Тамар,—благодаря потомству, которое даст тебе Господь от этой молодой женщины.

Взял себе Боаз Руфь, и она была ему женой, и он вошел к ней, и Господь одарил ее беременностью, и она родила сына.

Тогда женщины сказали Нооми, ее свекрови:

— Благословен Господь, который не лишил тебя ныне на-
15 следника, и пусть прославится его имя навеки. И пусть он
оживит твою жизнь и будет тебе кормильцем к старости, потому что родила его невестка, которая полюбила тебя, а она для тебя лучше семи сыновей!

Нооми взяла ребенка, приложила его к своей груди и стала пестовать. И нарекли ему соседки имя, говоря:

— Сын родился у Нооми.

И они назвали его Обэд, а был он отцом Ишаю, отцу Давидову.

Вот родословие Переца: Перец породил Хецрона, Хецрон
20 породил Рама, а Рам породил Амминадаба. Амминадаб породил
Нахшона, а Нахшон породил Салмона; Салмон породил Боаза, а Боаз породил Обэда; Обэд породил Ишая, а Ишай породил Давида.

КНИГА ИОВА

ГЛАВА 1

Был человек в земле Уц, и звался он Иов; и человек этот был прост, и праведен, и богобоязнен, и далек от зла.

И родилось у него семеро сыновей и трое дочерей; имения же было у него семь тысяч овец, и три тысячи верблюдов, и пятьсот пар волов подъяремных, и пятьсот ослиц, и челяди весьма много. И был человек этот велик между всеми сынами земли восточной.

И сыновья его имели обыкновение сходиться, и каждый в день свой давал пир в доме своем; и посылали они за тремя сестрами

своими, и звали их есть и пить вместе. Но когда дни пира совершали круг свой, тогда посылал Иов за сынами своими и творил над ними очищение; рано утром вставал он и возжигал искупительную жертву по числу их. Ибо говорил Иов:

«Может статься, погрешили сыны мои
и похулили Бога в сердце своем?»

И так делал Иов во все дни.

И был день, когда пришли Сыны Божьи, чтобы предстоять Господу; и Противоречащий пришел с ними.

И вопросил Господь Противоречащего:

«Отколе приходишь ты?»

И ответствовал Господу Противоречащий, и сказал:

«От обхода земли,
от скитаний по ней».

И вопросил Господь Противоречащего:

«Приметило ли сердце твое
раба моего,
Иова?
Ведь нет на земле мужа, как он:
прост, и праведен,
и богобоязнен, и далек от зла!»

И ответствовал Господу Противоречащий, и сказал:

«Разве не за мзду богобоязнен Иов?

Не Ты ли кругом оградил его,
и дом его,
и все, что его?
Дело рук его Ты благословил,
разошлись по земле его стада.

Но — протяни-ка руку Твою,
дотронься до всего, что есть у него;
разве не похулит он Тебя
в лицо Тебе?»

И сказал Господь Противоречащему:

«Вот — все, что его, в руке твоей;
лишь на него не простри руки твоей!»

И отошел Противоречащий от лица Господа.

И был день, когда сыновья и дочери Иова ели и пили вино в доме брата своего первородного. И приходит к Иову вестник, и говорит:

«Орали на пашне волы
и ослицы подле паслись,
как напали савеяне
и взяли их,
а отроков сразили острием меча,
и спасся я один,
дабы известить тебя!»

Он не кончил, как приходит другой и говорит:

«Огонь Божий ниспал с небес,
овец и пастухов попалил и пожрал;
и спасся я один,
дабы известить тебя!»

Он еще не кончил, как приходит другой и говорит:

«В три отряда халдеи сошлись,
и напали на верблюдов,
и взяли их,
а отроков сразили острием меча,
и спасся я один,
дабы известить тебя!»

Он еще не кончил, как приходит другой и говорит:

«Сыны твои
и дочери твои
ели и пили вино
в доме брата своего первородного;
и вот великий вихрь
с того края пустыни пришел,
и сотряс он четыре угла
дома того,
и пал дом на юных, и они мертвы;
и спасся я один,
дабы известить тебя!»

И тогда встал Иов, и разодрал ризу свою, и обрил главу свою, и повергся на землю, и преклонился, и сказал:

«Наг вышел я из родимых недр
и наг возвращусь назад.
Господь дал, Господь взял —
благословенно имя Господне!»

При всем этом не погрешил Иов и не оказал Богу никакого неподобия.

ГЛАВА 2

И был день, когда пришли Сыны Божьи, чтобы предстоять Господу; и Противоречащий пришел с ними, чтобы предстоять Господу.

И вопросил Господь Противоречащего:

«Отколе приходишь ты?»

И ответствовал Господу Противоречащий, и сказал:

«От обхода земли,
от скитаний по ней».

И вопросил Господь Противоречащего:

«Приметило ли сердце твое
раба моего
Иова?
Ведь нет на земле мужа, как он:
прост, и праведен,
и богобоязнен, и далек от зла.
И доселе тверд он в простоте своей;
а ты наущал меня на него,
ища погубить его без вины!»

И ответствовал Господу Противоречащий, и сказал:

«Кожа за кожу! —
и все, что имеет муж,
отдаст он за жизнь свою.
Нет — протяни-ка руку твою,
дотронься до кости его
и плоти его:
разве не похулит он тебя
в лицо тебе?»

И сказал Господь Противоречащему:

«Вот — он в руке твоей;
лишь дыханье его сохрани!»

И отошел Противоречащий от лица Господа, и поразил Иова злыми язвами от подошвы стопы его по самое темя его. И взял Иов черепок, чтобы соскребать с себя гной, и сел среди пепла.

И говорила ему жена его:

«Ты все еще тверд в простоте твоей?
Похули Бога — и умри!»

Но он сказал ей:

«Словно одна из безумных жен,
так молвила ты!
Приемлем мы от Бога добро —
ужели не примем от Него зло?»

При всем этом не погрешил Иов устами своими.

И прослышали трое друзей Иова о всех несчастьях, что постигли его, и пошли они каждый из места своего: Элифаз из Темана, и Билдад из Шуаха, и Цофар из Наамы; и сговорились они идти к нему вместе, чтобы соболезновать ему и утешать его.

И когда они издали подняли глаза свои, они не узнали его. Тогда возвысили они глас свой, и возрыдали, и разодрал каждый ризу свою, и метали они прах на главы свои, к небу. И сидели они при нем на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели они, что скорбь его весьма велика.

ГЛАВА 3

После этого отверз Иов уста свои и проклял день свой. И начал Иов, и сказал:

«Да сгинет день, в который рожден я,
и ночь, что сказала: «зачат муж»!

День тот — да будет он тьма,
Бог с высот да не взыщет его,
да не сияет ему свет!

Смертная тень да емлет его,
да обложит его мгла,
затмение да ужаснет!

Ночь та—да обладает ею мрак,
Да не причтется она к дням годовым,
в месячный круг да не войдет!
Ночь та — да будет неплодна она,
да не звучит в ней веселья клик!

Да проклянут ее клянущие день,
те, что храбры Левиафана ярить!

Да тмятся звезды утра ее,
пусть ждет лучей, но они не придут,
пусть не узрит зениц зари,—

за то, что не затворила родимых недр,
не сокрыла горя от глаз моих!

Зачем не умер я при исходе из чрева
и не сгинул, выйдя из недр?
Зачем колени держали меня,
к чему питали меня сосцы?

Как недоноску, не жить бы мне,
как младенцам, что не зрели свет!

Тогда лежал бы я, дремля,
спал бы и был в покое,
среди царей и советных вельмож,
что зиждут себе строенья гробниц,
среди князей, у которых злато,
полнящих серебром домы свои.
Там кончается ярость злых,
там отдыхает, кто утомлен;
узники в кругу своем не знают тревог,
не слышат голоса палача;
малый и великий там равны,
пред господином волен раб.

На что Он дает страдальцу свет
и жизнь тому, кто душой удручен,
кто хочет смерти, и нет ее,
кто рад бы добыть ее, как клад,
до восторга бы возликовал
и восхитился, обретя гроб,—
мужу, чей путь скрыт,
кому поставил преграду Бог?

Вместо хлеба моего мне вздохи мои,
и льются, как воды, стоны мои,
ведь чего я ужасался, постигло меня,
и чего я боялся, приходит ко мне.
Нет мне затишья, и нет мне покоя,
и нет мне мира,
но пришла смута!»

ГЛАВА 4

И ответствовал Элифаз из Теманы, и сказал:

«Попытаешь слово — тебе досадишь;
но в чьих силах сдержать речь?

Бывало, многих ты вразумлял,
возвращал ослабевшей длани мощь,
поднимало падшего слово твое,
и колено дрожащее ты укреплял.
А дошло до тебя — и ты без сил,
коснулось тебя — и ты смущен?
Не страх ли Божий — надежда твоя,
не праведность ли твоя — упованье твое?

Припомни: когда чистый погиб
и где справедливый был стерт?
Насколько я видел, пахарь беды
и сеятель зол пожнут посев.
От дуновенья Божья сгинут они,
истают от дыханья гнева Его.
Глас льва, и рычащего зык,
и зубы львят исчезнут;
и погиб без добычи ярый лев,
и рассеяны отродья львицы.

И прокралось слово ко мне —
лишь отзвук до уха дошел —
при раздумьях от видений, в ночи,
когда сон людей бывает глубок;
схватил меня страх, и дрожь
кости мои сотрясла,
и овеял лицо мое дух,
и дыбом поднялись власы.

И стал пред очами зрак, —
не распознать вида его, —
лишь повеяло, и слышу слова:
«Человек ли пред Богом прав,
перед Творцом своим чист ли муж?
Вот, не верит Он и Слугам Своим,
и в Ангелах обличает порок.
Что сказать о тех, чей дом
из глины и стоит на пыли?
Их раздавят, как моль,
к вечеру их рассекут,
они сгинут — не приметит никто.
Исторгается у шатра их вервь,
и не в мудрости умирают они».

ГЛАВА 5

Взывай же! Кто даст ответ?
Кого из Святых призовешь?
Так, глупца убивает гнев,
и неискусного губит пыл.

Я видел: возрастал глупец,
но вдруг иссохла пажить его;
нет счастья его сынам,
у врат их бьют, не поможет никто,
и жатву их алчный пожрал,
и снопы их бедность берет,
скудость съедает добро.

Не из праха растет беда,
и не из почвы восстает скорбь;
но рожден человек страдать,
как искры — возлетать ввысь.

Но я бы к Силе Божьей воззвал
и Богу вверил бы дело мое,
Творящему скрытое от ума
и дивные без меры дела,
Дающему дождь на лицо земли,
Посылающему воды на лицо полей,
Возвышающему тех, кто пал —
и спасаются те, кто скорбят,—
Разрушающему умысел хитрецов,
так что руки их затеянного не совершат,
Уловляющему лукавцев в их же сеть,—
и умысел мудрых посрамлен:
среди бела дня найдет на них мрак,
и в полдень собьются они с пути;
Бог избавляет от меча, и от лжи,
и от рук насильников того, кто нищ,—
и немощному надежда есть,
и злоба затворяет свои уста.

Так,
блажен, кого обличит Бог,
и наказанья от Крепкого не отвергай!
Ибо Он уязвит, и Он исцелит,
Он бьет, и врачуют руки Его.
В шести бедах спасет тебя,
и в седьмой не коснется тебя зло;
в голод избавит от смерти тебя
и на войне — от силы меча.
От злого языка будешь укрыт,
не убоишься прихода нужды.
Нужде и гладу посмеешься ты,
и зверя земли не страшись:
ибо с камнями поля у тебя союз,
и зверь поля в мире с тобой.
И узнаешь, что дом твой цел,
оглядишь двор твой — и ущерба ни в чем,
и узнаешь, что обильно потомство твое,
и отпрыски твои, как трава земли.
Созрев до конца, сойдешь ты в гроб,
как сноп, что собран во время свое.

Ибо вот,
мы это испытали, и верно все;
услышь и ты и заметь для себя!»

И ответил Иов, и сказал:

«Если бы взвесить скорбь мою
и боль мою положить на весы!
Тяжелее она, чем песок морей;
оттого и дики слова мои!

Ибо стрелы Крепкого настигли меня,
и дух мой ядом их напоен,
и ужасы Божьи мне грозят.
Ревет ли дикий осел на траве,
и мычит ли бык над кормом своим,
и пресное ли без соли едят,
и есть ли вкус в белке яйца?
Да, чем гнушается душа моя,
то дано мне в тошную пищу мою!

О, когда бы сбылась просьба моя
и надежду мою исполнил Бог!
Соизволил бы Он сокрушить меня,
простер бы руку Свою сразить меня!
Тогда была бы отрада мне,
и я веселился бы средь муки злой!

Ибо слов Святого не предал я.

Что моя сила, чтоб терпеть и ждать,
и что моя цель, чтобы длить жизнь?
Разве твердость камней — твердость моя
и разве из меди плоть моя?
Не ушла ли помощь моя от меня
и разве осталась опора мне?

Кто друга своего не жалеет в беде,
тот оставляет пред Крепким страх.
Ненадежны братья мои, как поток
и как вешние воды, что скоро сойдут.
Ручьи мутнеют от талого льда
и принимают в себя снег,—
но в летнее время пропадают они
и в жару исчезают с лица земли.
Люди отходят от пути своего,
заходят в пустыню и гибнут там:
караваны из Темы ищут ручей,

путники из Савы уповают на него,
но посрамлены они в надежде своей,
приходят на место и терпят стыд.
Вот что стали вы для меня!
Увидели ужас, и страх вас взял.

Что я, прошу: «Дайте мне,
и заплатите за меня от ваших щедрот»?
Говорю ли: «Вырвите из рук врага,
из рук злодеев искупите меня»?
Вы наставьте меня, и я замолчу;
и в чем я неправ, скажите мне!
Разве обидит правдивая речь?
Но что укоризна одного из вас?
Думаете ли словами вершить суд,
а слова отчаявшегося — ничто?
Вы мечете жребий о сироте,
и друга своего продаете вы.

Ныне соизвольте вглядеться в меня:
что же, лгу ли я вам в лицо?
Отступитесь, да не будет зла,
отступитесь же — ведь я прав!
Разве на языке моем ложь,
не распознаёт худого моя гортань?

ГЛАВА 7

Не повинность ли несет человек на земле,
и не срок ли наемника — срок его?
Как раб, что изнывает по тени ночной,
и наемник, что ждет платы своей,
так и я принял месяцы зла,
и ночи скорби отсчитаны мне.
Ложась, думаю: «Скорей бы встать!» —
и ворочаюсь от вечера до утра.
В червях и язвах тело мое,
и на коже моей струп и гной.
Мелькают мои дни, как ткацкий челнок,
и без упованья спешат к концу.

Вспомни, что дуновение — жизнь моя;
уж не видать счастья глазам моим!
Видящий больше не увидит меня:
воззрят Твои очи, а меня — нет.

Редеет облако, уходит оно:
так сошедший долу не выйдет вспять.
В дом свой не вернется он,
и место его не вспомнит о нем.

Потому не удержу я уст моих,
и в утеснении духа моего скажу,
и пожалуюсь в удручении души моей!

Разве я пучина и разве я змий,
что ты приставляешь ко мне дозор?
Чуть помыслю: «Утешит меня постель моя,
и подымет мою горесть ложе мое»,—
как Ты снами ужасаешь меня
и наводишь на меня морок ночной!
Не дышать хотела бы моя душа;
лучше смерть, чем моя боль!
Довольно с меня! Не вечно мне жить.
Отступи от меня! Мои дни — вздох.

Что есть человек, что Ты отличил его,
занимаешь им мысли Твои,
каждое утро вспоминаешь о нем,
испытуешь его каждый миг?
Когда отведешь Ты от меня взор,
отпустишь меня сглотнуть слюну?

Пусть я погрешил,—
Тебе что я сделал, Соглядатай мой?
Зачем Ты поставил меня, как цель для стрел,
и сам для себя я в тягость стал?
Почему Ты не простишь мой грех
и не взглянешь мимо вины моей?
Ибо ныне во прах ложусь я:
будешь искать меня, а меня — нет».

ГЛАВА 8

И отвечал Билдад из Шуаха, и сказал:

«Долго ты будешь говорить так?
Шумный ветер — твои слова!

Ужели суд Свой извращает Бог
и Крепкий извращает правду Свою?
Погрешили пред Ним сыны твои,
и во власть вины их предал Он их.
Но если взыскуешь Бога ты
и с мольбою Крепкого призовешь
и если чист и праведен ты,—
Он нынче же встанет над тобой
и умирит место твоей правоты;
и если начало твое мало,
то велик будет твой конец!
Расспроси-ка старинных людей
и вникни в то, что дознали отцы;
ведь вчерашние мы, у нас знанья — нет,
ибо наши дни на земле — тень.
Не поучат ли они, не вразумят ли тебя,
из сердца своего не извлекут ли слова?

«Растет ли тростник, где топи нет,
и встает ли камыш, где нет воды?
Еще он свеж, не созрел для ножа,
как вдруг сохнет прежде всех трав.
Вот участь тех, кто о Боге забыл,
и надежда отступника придет к концу —
на нити висит упование его,
и безопасность его — как ткань паука:
обопрется о дом свой — и не устоит,
схватится за него — и рухнет с ним.

Вот он возрастает в полном соку,
за сад тянутся ветви его,
корни его оплели скалу
и между камней пробили путь,—
но когда вырвут его с места его,
его место скажет: «Не знаю тебя!»
Вот радость пути его!
А другие вырастают из земли».

Вот, Бог не отвергает того, кто прост,
и не держит руку творящих зло.
Он еще наполнит смехом твой рот
и ликованьем — твои уста.
Ненавидящие тебя оденутся в стыд,
и шатра нечестивых больше нет!»

И отвечал Иов, и сказал:

«Воистину, знаю, что это так:
но будет ли человек перед Богом прав?
Если б захотели судиться с Ним,
из тысячи ни один не даст ответ.

Мыслью мудр, силой могущ,—
кто спорил с Ним и остался здрав?
Он горы движет, неслышно как,
и рушит их во гневе Своем;
Он сдвигает землю с места ее,
и дрожат устои ее;
Он молвит солнцу, и не светит оно,
и держит звезды под печатью Своей;
Он один простирает небеса
и превыше морей совершает путь;
Он создал Медведицу и Кесиль,
Семизвездье и домы южных планет;
дивны и непостижны дела Его,
и чудесам Его нет числа!

Вот, пройдет Он предо мной, и не увижу Его,
пронесется мимо, и не примечу Его;
вот, схватит, и кто возбранит Ему?
Кто спросит Его: «Что творишь?»

Гнева Своего не сдержит Бог:
слуги Рахава падут пред ним!
Что я? Мне ли отвечать Ему,
для спора с ним подбирать слова?
Пусть правда — моя, но я смолчу,
должен умолять Судью моего.
Если б звал я и явился Он,
я не верю, что Он бы слушал меня.
В вихре налетел Он на меня,
без вины умножил раны мои,
не дает мне перевести дух,
но горечью пресыщает меня!

Если дело в силе — могущ Он;
а если в правде — кто рассудит меня?

Роспись Дамасской синагоги из Дура Европос.
Фрагмент. III в.
Музей в Дамаске.

Пусть прав я — осудят Его уста,
пусть прост — но Он отыщет вину!

Правда моя! Мне все равно,
не нужна мне моя жизнь!
Да, все едино, говорю я:
простец иль злодей — обоим казнь!
Когда убивает Его бич,
ужасу невинных смеется Он.
Предал Он землю во власть злых,
завесил лица судей земли;
а если не Он, кто еще?

Быстрей гонцов бегут мои дни,
доброго не видя, уходят прочь,
несутся, как легкие ладьи,
как орел, что летит на добычу свою!

Сказать ли: «Забуду мою печаль,
изменю лицо и буду бодр»?
Дрожь меня берет от моих бед —
знаю, не оправдает Он меня!
Все равно буду виновен я;
для чего же напрасно томлюсь?

Когда бы талым снегом омылся я
и щелоком очистил руки мои,
и тогда бы Ты в яму погрузил меня,
и побрезговали мной одежды мои!

Ведь не человек Он, как я, чтоб ответить Ему,
чтобы вместе нам предстать на суд.
Между нами посредника нет,
чтоб руку возложить на обоих нас.

Пусть уберет Он от меня розгу Свою,
чтоб угроза Его не ужасала меня —
тогда стану говорить, не страшась Его:
дело мое неладно идет!

ГЛАВА 10

Тошной стала мне моя жизнь!
Жалобам моим волю дам,
в горечи души моей заговорю!

Скажу Богу: не засуживай меня,
открой, за что Ты на меня напал?
Что за выгода Тебе неправду творить,
отвергать творение Твоих же рук,
а над умыслом злых являть свет?

Разве плотские очи у Тебя
и разве зришь Ты, как зрит человек;
разве дни Твои, как человека дни,
и, как дни мужа,— годы Твои,—
что Ты допытываешься о моей вине
и о грехе моем чинишь сыск,
хоть ведомо Тебе, что невинен я?
А из Твоих рук не избавит никто.

Твои руки дали мне вид;
а после Ты обернулся — и меня сгубил!
Вспомни, что из глины Ты создал меня —
а ныне возвращаешь меня в прах!
Не Ты ли вылил меня, как молоко,
и, как творог, сгустил меня?
Кожей и мясом Ты облек меня,
костями и жилами скрепил меня,
жизнь и милость даровал Ты мне,
и я дышал, Тобою храним.

Но вот что скрывал Ты в сердце Твоем —
знаю, вот что у Тебя на уме:
Ты выследишь меня, чуть погрешу,
и больше мне чистым не быть!

Если виновен я — горе мне!
А если прав — мне головы не поднять:
я насыщен стыдом и горем пьян.

Чуть ободрюсь, Ты травишь меня, как льва,
противу меня дивно велик:
по́слуха за по́слухом выводишь Ты,
умножаешь ярость Твою,
и новая рать на меня идет!

Зачем Ты из чрева вывел меня?
Пускай бы я умер, не увиден никем,
как будто и не было меня,
из утробы в могилу перенесен!

Вот, недолги дни мои!
Отступи ж от меня и дай вздохнуть,
прежде, чем без возврата уйду
в страну, где мрак и смертная тень,
где темная темень и мерцает мгла,
в ту неустроенную страну,
где даже и самый свет — тьма».

ГЛАВА 11

И отвечал Цофар из Наамы, и сказал:

«Разве суеслову не найдется ответ
и сильный в речах останется прав?
Похвальба твоя заткнет ли людям рты,
чтобы ты без помехи глумиться мог,
говоря: «Верно учение мое,
и чист я в глазах Твоих»?

Однако! Если бы заговорил Бог,
и отверз для тебя уста Свои,
и тайны премудрости возвестил —
вдвое больше увидел бы ты
и понял, что Бог для тебя
оставил без кары часть грехов!

Глубины Божьи измеришь ли ты,
познаешь ли Крепкого до конца?
Он выше небес — что сможешь ты?
Глубже преисподней — что знаешь ты?
Протяженней земли мера Его,
пространнее, чем моря.

Если пройдет Он и в темницу запрет,
созовет суд — кто возбранит?
Ибо ведает лукавых Он,
и видит порок, и не оставит его.
Пустоголовый наберется ума,
и запомнит науку дикий осел.

Если ты управишь сердце твое
и к Нему прострешь руки твои,—
удалишь скверну с руки твоей,
из шатра твоего прогонишь порок,

тогда вознесешь беспорочно лицо твое,
не убоишься и будешь тверд.
Так, ты позабудешь скорбь свою;
она будет для тебя, как вода, что ушла.
Светлее полудня воссияет жизнь,
и утренним светом озарится мрак.
Будешь спокоен и надеждой богат;
ты огражден отовсюду, чтоб в мире спать;
возляжешь, и грозящего тебе нет,
и многие будут угождать тебе!

Между тем истают очи злых,
и убежище их падет,
и надежда их — смертный вздох».

ГЛАВА 12

И отвечал Иов, и сказал:

«Воистину, люди,— вы одни,
и вместе с вами мудрость умрет!
Но у меня есть ум, как у вас,—
и кто же не знает того, что вы?

Смешон я стал для друга моего —
я, кто к Богу взывал, внимаем им;
да, смешон праведный и простой!
Кто в покое, смеется чужой беде,
толкает того, чья нога скользит!

Благополучны разбойничьи шатры,
раздражающие Бога имеют покой,
потому что им Бог — сила их.

Но спроси-ка у скота — он скажет тебе;
у птицы — и она возвестит тебе;
у земли — и она вразумит тебя;
и поведают тебе рыбы морей,—

есть ли тот, кто не узнал бы от них,
что это все сотворил Господь,
в чьей руке — дыхание всего, что живет,
и всякой человеческой плоти дух?

Не пробует ли ухо слова,
как рот, что отведывает вкус яств?
Разве в старцах мудрость живет
или в дряхлолетних явлен ум?

И мудрость и мощь — все у Него:
у Него — совет, у Него — ум.
Что Он разрушит, не воздвигнется вновь;
кого Он заточит, не выйдет вновь.
Он сдержит воды — и придет сушь;
пустит — и они взроют прах.
Сила и удача — в Его руке;
обман и обманувшийся — во власти Его.

Мужей совета помрачает Он
и делает глупцами судей земли;
расторгает узы царей
и возлагает запон на чресла их;
священников понуждает босыми идти
и могучих повергает во прах;
отнимает речь у опытных мужей
и лишает старцев силы ума;
обильно изливает на знатных срам
и ослабляет пояс борцов!

Отверзает Он сокрытое во тьме
и выводит затененное на свет:

умножает народы и губит их,
расселяет племена и обращает в ничто,
отнимает ум у народных вождей
и ведет в пустыню, где нет пути,—
ощупью, без света бредут они,
как пьяные, шатаются в темноте!

ГЛАВА 13

Вот, все это видело око мое,
мое ухо слыхало и приметил ум;
что знаете вы, знаю и я
и не отстал от вас ни на пядь!

Жалобу Крепкому хочу принесть
и с Богом спорить о праве моем;

а вы — слагатели поддельных слов,
худые лекари вы все!
Хоть бы вы, по крайности, умели смолчать!
И это слишком мудро для вас.

Выслушайте же доводы мои,
вникните в укоризны моих уст!
Или вы для Бога будете лгать
и неправду возвещать ради Него,
в угоду Ему кривить душой,
в споре выгораживать Его?

Что будет, если Он испытает вас?
Как человеку лгут, солжете ль Ему?
Рассудит и осудит вас Он
за то, что вы таитесь и кривите душой.
Иль величие Его не грозно для Вас
и страх перед Ним не нападает на вас?
Ваши умствования — зола,
и оплот ваш — глиняный оплот.

Замолчите, и я буду говорить,
пусть, что будет, то будет со мной!
Плоть мою я взял в зубы мои
и душу мою держу рукой моей!
Пусть убьет Он меня — я надеюсь на Него;
только б защитить мне пред лицом Его
пути мои!
И это было б спасением мне,
ибо отступник не пойдет пред лице Его.

Слушайте, выслушайте слово мое,
пусть речь моя дойдет до ваших ушей!
Вот, судебное дело начал я
и знаю, что добьюсь правды моей.
Кто может оспорить меня?
Тогда бы я затихнул и угас!

Только двух вещей не делай со мной,
чтобы не прятаться мне от лица Твоего:
сними с меня руку Твою
и ужас Твой пусть не мучит меня!
Тогда окликай, а я отзовусь;
или я спрошу, а Ты отвечай!

Сколько у меня пороков и грехов?
Вину мою и грех мой покажи мне!
Для чего скрываешь Ты лицо Твое
и почитаешь меня Твоим врагом?
Это значит крушить опавший лист
и гоняться за соломинкой сухой,
что распадается, словно гниль,
словно съеденная молью ткань,—
когда Ты пишешь горькое на меня
и грехи юности вспоминаешь мне,
забиваешь в колодки ноги мои,
подстерегаешь каждый мой шаг,
выслеживаешь ног моих следы!

ГЛАВА 14

Человек, рожденный женой,
скуден днями, но скорбью богат;
он выходит и никнет, как цветок,
ускользает, как тень, и не устоит.
И на него Ты отверзаешь очи Твои?
И меня требуешь к суду с Тобой?
Кто родится от нечистого чист?
Ни один!

Если сосчитаны дни его
и число его месяцев у Тебя,
если Ты положил ему предел,
которого он не перейдет,—
отойди от него, чтоб он отдохнул,
как наемник, порадовался своему дню!

Да, для дерева надежда есть,
что оно, и срубленное, оживет
и побеги станет пускать вновь;
пусть одряхлел в земле корень его
и обрубок ствола омертвел в пыли —
чуть дохнет влагой, зеленеет оно,
как саженец, выгоняет ветвь в рост.
А человек умирает — и его нет;
отходит — и где его искать?
Если воды в озере пропадут,
иссякнет и высохнет ручей;
так человек — ложится, и не встанет вновь,

не проснется до скончания небес,
не воспрянет от своего сна.

О, пусть бы Ты в преисподней сокрыл меня
и прятал, покуда не пройдет твой гнев,
на время — а потом вспомнил меня!
Но будет ли по смерти жив человек?

Я ждал бы все отсчитанные мне дни,
покуда не придут меня сменить;
но отзовусь, когда Ты окликнешь меня,
умилившись над творением Твоих рук!
Более б Ты шагов моих не считал,
перестал бы выслеживать мой грех;
была б вина моя упрятана под сургуч,
и провинность мою Ты бы покрыл.

Но рушится, изничтожается гора,
и скала сходит с места своего;
камни подтачивает ток струи,
землю смывает разлив воды,—
так надежду человека ничтожишь Ты!
Теснишь его до конца, и он уйдет;
исказишь его лик и отошлешь прочь.
В чести ль его дети, не знает он;
обижают ли их, не приметит он;
лишь о себе тело его болит
и о себе плачет его душа!»

ГЛАВА 15

И отвечал Элифаз из Темана, и сказал:

«Ветреным ли веденьем ответит мудрец,
вихрем обуреваемый внутри себя,
возражая словами тщеты
и речью, в которой проку нет?

Притом ты разрушаешь святой страх
и молитву к Богу вменяешь в ничто!
Искусились в нечестии твои уста,
и язык лукавых избран тобой.
Твой рот обвиняет тебя, не я,
и уста твои говорят против тебя!

Родился ли ты, как первый из людей,
и создан ли прежде холмов земли?
Божий умысел подслушал ли ты,
присвоил ли Премудрость себе?
Что знаешь ты, чего бы не знали мы,
и что разумеешь, чего нет у нас?
И седовласый между нами и старик,
днями превышающий отца твоего!

Утешения ли от Бога ты презрел
и слово благостное к тебе?
Как увлекает тебя сердце твое
и как возносится око твое —
что против Бога стремишь ты свой дух
и рот твой выговаривает такие слова!

Что человек? Как чистым быть ему
и как будет праведен рожденный женой?
Вот, Он не доверяет и святым Своим,
и небеса нечисты в Его глазах;
тем паче растленный человек,
что неправду, словно воду, пьет!

Я изъясню тебе — послушай меня!
И виденное мною расскажу,
то, что возвестили мудрецы
и не сокрыли от них отцы их,
которым одним принадлежала земля
и меж которых чужой не проходил:

все дни свои нечестивый терзает себя,
и годы насильника сочтены;
гул ужаса в его ушах,
средь мира губитель подступает к нему!
Он не надеется спастись от мглы,
и в добычу мечу он обречен;
он скитается за хлебом: где взять? —
он знает, что к погибели готов,
и в руках у него день тьмы!

Одолевает его беда
и нужда теснит, как с воинством царь, —
за то, что против Бога простер он длань

и противу Крепкого восставал,
не сгибая выи, шел на него
за тяжкими бляхами своих щитов,
нарастил на лице своем жир
и туком обложил бедра свои.

Он селится в разоренных городах,
в домах, где никто не станет жить,
которые распаду обречены.
Не устоит богатство его,
не разойдутся по земле его стада.
От мрака он не убежит;
пламя иссушит побеги его,
и плоды его унесет ветр.
Обманываясь, он вверяется тщете,
и тщета будет прибыль его.
Прежде времени увянет он,
и ветвь его не будет зеленеть;
как виноград, свои ягоды сбросит он,
и, как маслина, стряхнет свой цвет.
Бесплоден будет отступников сонм,
и шатры мздоимцев пожрет огонь;

забеременеют злом, родят ложь,
и неправду вынашивает утроба их!»

ГЛАВА 16

И отвечал Иов, и сказал:

«Я слышал такое много раз;
докучные утешители вы все!
Будет ли конец ветру слов?
Что к возраженью понуждает тебя?

И я бы мог говорить, как вы,
будь ваши души на месте моей:
изощрялся бы перед вами в речах
и головой своей над вами качал,
ободрял бы вас языком моим
и утешал движением моих губ!

Говорю ли, не утоляется моя печаль;
замолчу — и не уходит она от меня.

Да, вконец Он истомил меня!
Ты разрушил весь круг близких моих;
как свидетель, восстает на меня недуг,
в лицо мое укоряет меня.
Гнев Его мучит меня и теснит;
зубами скрежещет на меня,
пристально вперяется в меня враг!

Разинули на меня пасти свои,
глумясь, бьют меня по щекам,
все соединились против меня.
Неправедному предал меня Бог
и в руки злых бросил меня!

Спокоен был я; Он навел страх,
схватил меня за шею, и разбил,
и поставил меня, как свою мишень;
свистят вокруг меня стрелы Его,
Он пронзает мне утробу, не щадит,
проливает на землю мою желчь!
Пролом за проломом Он пробил во мне,
как ратник, устремляется на меня.

Рубище я сшил на кожу мою
и во прах опустил мой рог.
От плача покраснело мое лицо,
и на ресницах моих — смертная тень,—

хоть нет бесчестья на моих руках
и молитва моя чиста.

Земля! Не сокрой крови моей,
и да не знает покоя мой вопль!
Се, и ныне Свидетель мой на небесах,
и в вышних Заступник есть у меня!
Многоречивые друзья мои!
К Богу течет моя слеза,
чтобы человеку правда у Бога была
и между человеком и ближним его!
Ибо жизни моей приходит конец,
и я удаляюсь в невозвратный путь.

ГЛАВА 17

Слабеет мой дух,
угасают мои дни,
ждет меня гроб!

Только глумления остаются при мне,
и в горечи мрачится око мое.
Заступись Сам за меня пред Собой!
Иначе кто поручится за меня?
Сердца их для пониманья Ты закрыл;
потому и не дашь им торжества.

Кто обрекает друзей своих на беду,—
у детей его вытекут глаза.
Присказкой людской Он сделал меня,
и я стал тем, кому плюют в лицо.
От горя помутилось око мое,
и все тело мое стало как тень.
Праведные об этом восскорбят,
и невинный отступнику явит гнев;
но не сойдет праведный с пути своего,
и будет возрастать, чьи руки чисты.

А вы — подступайте ко мне все:
не сыщу между вами Мудреца!
Прошли мои дни; мне надежды нет,
чаяния сердца моего мертвы.
Ночь ли возможно превратить в день,
поднести свет к лику тьмы?
Мне ль надеяться? Преисподняя — мой дом,
и во мраке постелю я себе постель;
гробу скажу: «Ты мне отец!» —
а червям: «Ты мне мать, а ты сестра!»
Где после этого надежда моя,
и упование мое — кто увидит его?
В преисподнюю ли оно сойдет
и вместе со мной ляжет во прах?»

ГЛАВА 18

И отвечал Билдад из Шуаха, и сказал:

«Когда вы положите речам конец?
Сначала подумайте — говорите потом!
Зачем считаться нам за скотов
и терпеть унижение в своих же глазах?

Ты, раздирающий себя в гневе своем!
Из-за тебя ли опустеет земля
и скала с места своего сойдет?

Да, у виновного потухнет свет,
и не заблещет пламя его огня;
сияние померкнет в шатре его,
и светильник его угаснет над ним!
Сократятся шаги силы его,
от своего же умысла он падет;
запутается в сеть его нога,
и по тенетам — его путь;
вервие за пяту схватит его,
и петля уловит его;
разложены по земле силки на него,
и по дороге — на него западни!

Отовсюду ужасы пугают его,
понуждают кидаться туда и сюда.
Истощится от голода его мощь,
и погибель встанет рядом с ним.
По частям его кожу съест,
съест Первенец Смерти члены его.

Из шатра надежды извергнут его,
и к Царю Ужасов он сойдет;
останется без жителя шатер его,
и серой посыплют его двор!
Внизу отсохнут корни его,
а вверху увянут ветви его!
Память о нем исчезнет с земли,
и на стогнах его не помянут.
Изгонят его из света во мрак
и сотрут его с лица земли;
не оставит он потомков в народе своем,
и не будет последыша в жилищах его!

На западе ужаснутся о его дне,
на востоке с трепетом услышат о нем.
Да, так кончит беззаконного дом
и место того, кому неведом Бог!»

И отвечал Иов, и сказал:

«Долго вам мучить душу мою,
своими речами терзать меня?
Вот, уже десять раз вы срамили меня,
и вам не стыдно меня утеснять!
Положим, и впрямь я погрешил:
мой грех остается при мне!

Или хотите величаться надо мной,
попрекать меня срамом моим?

Знайте, что Бог пригнул меня
и набросил на меня Свою сеть!
Я кричу: «Насилье!» — но ответа нет;
вопию, но правды не нахожу.
Он запер мой путь, чтобы мне не пройти,
и на тропы мои навел мглу;
славу мою Он совлек с меня
и сорвал венец с моей головы;
отовсюду сокрушил меня — гибну я! —
и с корнями исторг надежду мою;
воспылал на меня гневом Своим
и к Своим врагам причислил меня!

Все вместе подступили Его полки,
приготовили дорогу против меня,
обложили осадой мой шатер.
Братьев моих Он удалил от меня,
и близкие мои обегают меня;
в дому моем гости и рабыни мои
почитают меня за чужака,—
иноплеменником стал я в их глазах!
Раба моего не дозовусь,
должен умолять его мой рот.
Моей жене омерзело дыханье мое,
и запах мой несносен братьям моим.
Даже малые дети презирают меня —
встану говорить, а им смешно.
Гнушается мной племя мое,
кого любил я, обратились против меня.
К коже прилипает моя кость,
и кожа отстает от зубов моих.

Сжальтесь, сжальтесь надо мной, друзья!
Ибо рука Божья меня бьет.
Зачем и вы, как Бог, тесните меня
и не можете насытиться плотью моей?

О, пусть бы записали мои слова,
пусть бы в книгу их занесли,
железным грифелем, залив свинцом,
в камень врезали на все времена!

Но нет, я знаю: мой Заступник жив,
и в конце встанет над прахом Он,
и, когда кожа моя спадет с меня,
лишаясь плоти, я Бога узрю!
Да, сам я узрю Его,
мои не вчуже увидят глаза —

истаивает сердце в моей груди!

Говорите: «Как нам травить его?» —
словно бы во мне корень вины;
тогда и вы убойтесь меча,
ибо мечу подпадает гнев,

чтобы вы познали, что есть суд!»

ГЛАВА 20

И отвечал Цофар из Наамы, и сказал:

«Моя мысль нудит меня отвечать,
потому что буря внутри меня!
Выслушал я обидный для меня упрек;
но ответит за меня дух ума моего!

Знаешь ли, что это искони,
с тех пор как поставлен человек на земле:
что не бывает долго ликование злых
и радость отступника — на миг один?
Пусть до небес восстанет высота его
и облаков коснется его глава;
словно кал, будет он извергнут навек,
кто видел его, спросят: «Где он?»

Словно морок, улетит, и его не сыскать;
как виденье в ночи, исчезнет прочь.
Глаз, что видел его, не увидит впредь,
и родина его не узрит его!
Нищих будут задабривать его сыны,
и руки его вернут хищенье свое.
Пусть юностью набухла его кость,
но вместе с ним ляжет во прах.

Если сладко для уст его зло
и под языком своим он держит его,
лелеет его и не бросает его,
глубоко прячет во рту своем,—

претворится в утробе его снедь,
сделается внутри него ядом амей!
Он глотает именье, но отрыгнет его;
Бог все извергнет из его недр!
Яд аспидов будет он впивать,
жало ехидны умертвит его!
Не видать ему потоков и струй,
что текут медом и молоком;
он вернет нажитое, не вкусив его,
не порадуется плодам мены своей!

Ибо теснил он бедных и покидал
и грабил дом, что строил не он;
ибо нет мира в утробе его
и в сокровищах его спасенья нет.
Алчности его не избегло ничто;
зато и счастье его не устоит.
Среди преизобилий туго ему,
и руки обиженных — на него!
Чтоб уготовать насыщенье утробе его,
Бог пошлет ему гнева Своего пыл
и ливнем ярость Свою изольет.

От железных доспехов побежит он,
но уметит его медяный лук;
через спину выйдет из него стрела,
молнией прорежет желчь его.
Ужасы поднимутся на него!
Всякая тьма — для укромов его;
никем не зажжен, пожрет его огнь,
попалит последнего в шатре его.

Откроют небеса его порок,
и земля не станет его носить;
расточится богатство дома его,
в день гнева растечется, как вода.

Вот злому человеку от Бога удел,
вот доля, уготованная от Божества!»

ГЛАВА 21

И отвечал Иов, и сказал:

«Послушайте, выслушайте речь мою!
Этим вы утешили бы меня.
Потерпите, покуда я говорю;
когда кончу слово, смейтесь тогда!

Разве на человека жалуюсь я?
Где же мне спокойствия взять?
Ужаснитесь, воззревши на меня,
и положите перст на уста свои!
Едва вспомню, колотит меня дрожь
и трепет сотрясает тело мое.

К чему злые остаются жить,
достигают старости в расцвете сил?
Их дети устроены пред лицом их,
и на глазах у них цветет их побег;
в безопасности от бед их дома,
и Божьего бича на них нет!
Их бык прыгает и плодотворит,
их корова не выкинет плода своего.
Как овец, выгоняют они своих детей,
и скачут, как телята, чада их:
ликуют под шум бубна и струн,
веселятся, слушая свирели напев.
В счастье провожают они свой век
и сходят в преисподнюю легко.

Богу они молвят: «Уйди от нас!
Не хотим мы знать путей Твоих!
Что есть Крепкий, чтоб нам служить Ему,
и что проку прибегать к Нему?»
Вот, благо не в их руках!
Прочь от меня, умысл злых!

Доколе? Да погаснет светоч злых,
да придет на них сужденная беда
и Бог их во гневе да одарит!
Пусть они будут, как солома на ветру,
словно мякина, что взвеял вихрь!
Или кару Бог отложил для сынов?
Пусть воздаст самому, чтобы знал впредь!
Пусть погибель увидят его глаза,
и от гнева Крепкого пусть он пьет;
ибо что ему судьбы дома его,
когда сроки жизни его истекут?

Но Бога ли мудрости учить,
в вышних творящего свой суд?

Один умирает в полноте своей,
всем доволен и примирен;
полны млеком сосуды его
и кости мозгом напоены.
А другой умирает, удручен душой,
ничего доброго не вкусив;
они вместе будут лежать в земле,
и покров из червей покроет их.

Вот, мысли ваши знаю я
и сплетенный на меня тайный ков,
когда вы говорите: «Где властного дом
и где шатер злых мужей?»
Или вы не спрашивали творящих путь
и не слыхали рассказов их,
как в день гибели остается злодей цел
и день гнева стороной обходит его?
Кто в лицо ему скажет правду о нем
и содеянное им кто исчислит ему?
Его с почетом к могиле несут
и ставят стражу при гробе его.
Сладок для него прах земли;
и за ним идет весь род людской,
а идущим перед ним нет числа!

Тщетою ли силитесь утешить меня?
В ваших ответах одна ложь!»

И отвечал Элифаз из Темана, и сказал:

«Богу ли в помощь человек?
Умный в помощь самому себе!
Что за радость Крепкому, коль ты прав,
что за польза, коль прост в путях твоих?
Иль, устрашившись, Он тяжбу с тобой начнет
и пожелает войти с тобой в суд?

Верно, злоба твоя велика
и провинностям твоим нет конца:

ты брал напрасно от братьев залог
и снимал одежду с полунагих,
усталому не давал испить воды
и от голодного прятал хлеба кус;
а человеку властному — земля,
и сановитый ставил на ней двор;
ты отсылал вдов ни с чем
и с пустыми руками оставлял сирот.
Потому захлестнулась на тебе петля,
и внезапный ужас тебя оглушил,—
тмится, ты не видишь ничего,
накрыла тебя хлябь вод!

Разве Бог не превыше небес?
Взгляни на звезды: они высоко.
И вот ты говоришь: «Что знает Бог?
Может ли Он судить сквозь мглу?
Облака Его скрыли, и Он не зрит,
и хождение Его — по кругу небес».

Вступил ли ты на древнюю тропу,
по которой преступные шли мужи,
истребленные до срока своего,
когда под их устои хлынула хлябь?
Они молвили Богу: «Отойди от нас!»
Что-де Крепкий сделает им!
А Он благами их домы наполнял;
прочь от меня, умысл злых!

Праведные возрадуются, узрев,
и чистый посмеется участи их:

поистине, истреблен наш враг,
и то, что оставалось, пожрал огонь!
О, сдружись с Ним, и обретешь мир;
через это придет благо к тебе.
О, прими учение из Его уст
и заключи в сердце слова Его!
Взыщешь Крепкого — и устроен ты;
удалишь от шатра твоего вину,
и почтешь золото за прах,
и сокровища Офира — за камни ручья.
Но будет Крепкий златом твоим
и серебром блистающим для тебя;
ибо о Крепком возрадуешься ты
и к Богу поднимешь твое лицо!
Воззовешь ли к Нему — Он внемлет тебе,
и ты исполнишь обеты твои;
все будет так, как ты решишь,
и над путями твоими воссияет свет.

Если кто унижен, ты скажешь: «Возвысь!» —
и поникшего лицом Он спасет;
избавит и того, кто не без вины,
исцелит чистотою твоих рук!»

ГЛАВА 23

И отвечал Иов, и сказал:

«И ныне прекословит моя речь;
тяжела Его рука над стоном моим!
О, если бы мог я найти Его,
мог перед престолом Его стать!
Я изложил бы перед Ним дело мое
и доводами наполнил мои уста;
хотел бы я знать, что Он скажет мне,
изведать, что Он ответит мне!
В полноте ли мощи Он вел бы спор?
О нет! Только б Он призрел на меня!
Тогда правый возмог бы судиться с Ним;
получил бы я свободу навек.

Вот, к востоку иду, и нет Его;
к западу — не примечаю Его;
на севере ль Он действует — не вижу Его;
таится ли на юге — не могу усмотреть!

Он же ведает мой путь;
пусть, как злато, плавит меня — я чист!
Стопа моя держалась его стези,
путь Его соблюл я, не отклонясь,
от заповеди уст Его не отступил,
в груди моей сокрыл Его слова.

Но Он решил — кто Его отклонит?
Он делает, как хочет Его душа.
Так, Он исполнит Свой приговор;
и мало ли что еще у Него на уме!
Поэтому боюсь я лика Его;
как поразмыслю, страшно мне!
Да, расслабил сердце мое Бог,
и Крепкий ужасом поразил меня;
ибо я поглощен этой мглой,
и мрак покрывает мое лицо!

ГЛАВА 24

Зачем Крепким не назначены сроки суда
и ведающие Его не видят дней Его?
Злые люди сдвигают межи,
угоняют скот и пасут у себя;
у сирот уводят осла,
у вдовы отнимают вола в залог;
сталкивают с дороги бедняка,
должны скрываться все страдальцы земли!

Вот, как онагры, они в пустошь идут,
в степи ищут себе и детям корм;
не на своем поле жнут они,
собирают у злого виноград.
Нагими, без покрова ночуют они,
и нет им одежды в холода;
под дождями мокнут они в горах,
к скале прижимаются, ища приют.

От сосцов отторгнут сирота,
и с нищего злые берут залог.
Бедные ходят в наготе,
голодая, носят снопы;
выжимают масло в затворе стен,
жаждут, топча из гроздий сок.

Из города стоны людей слышны,
и души убиваемых на помощь зовут;
и этого не прекратит Бог!

Враги света между ними есть:
путей Его не знают они,
не ходят по стезям Его.

В утренних сумерках убийца встает,
умерщвляет убогого и бедняка;
а в ночи он выходит на воровство.
И око прелюбодея ждет темноты;
он мыслит: «Пусть не видят меня глаза!» —
и завешивает свое лицо.

Во мраке прорывают они подкоп,
а днем запираются у себя,
и вовсе неведом им свет;
ибо утро для них — хуже тьмы,
но милы им ужасы кромешной тьмы!

Легок он на лице вод!
Прóклята земля надела их,
и будет невозделан виноградник их.
Как вешние воды сякнут в песках,
грешники преисподней поглощены!

Лоно матери пусть забудет его!
Пусть пожирает его червь!
Пусть исчезнет память о нем!
Пусть, как древо, сломится злодей —
кто неплодную, бесчадную гнетет,
кто не делает добра вдове!

Кто и сильных объемлет мощью Своей,
пред Кем никто не спокоен за свою жизнь, —
хранит их, опору подает им,
и очи Его видят их пути.

Поднялись высоко — и вот их нет!
Никнут и умирают, как и все,
словно колосья, что пожаты серпом.

Не так ли? Кто во лжи меня обличит
и обратит в ничто мою речь?»

ГЛАВА 25

И отвечал Билдад из Шуаха, и сказал:

«Держава и страх идут пред Ним,
умиротворяющим Высоты Свои!
Есть ли счет ратям Его,
и кому не светит свет Его?

Как же оправдается пред Богом муж
и как будет чист рожденный женой?

Вот, луна и та несветла,
и звезды нечисты в Его очах;
тем более муж — червь,
и сын человеческий — моль!»

ГЛАВА 26

И отвечал Иов, и сказал:

«Как, однако, слабому ты помог,
поддержал руку, что изнемогла!
Как вразумил немудрого ты,
как изобильно явил ум!

С чьею помощью ты вещал,
и чье дыханье веет в тебе?

Рефаимов схватила дрожь,
трепещет пучина и живущие в ней;
перед Ним преисподняя обнажена,
и Аввадону покрова нет!
Простирающий север над пустотой,
подвесивший землю ни на чем,
заключает Он воду в тучи Свои —
и не разрываются облака!
Закрывающий лицо престола Своего,
ставящий пред ним облака Свои,
Он проводит черту поверх пучин
до границы света и тьмы!

Сотрясаются устои небес,
чуют ужас от Его грозы!

Он подвиг пучину мощью Своей,
растерзал Рахав мыслью Своей!
Его дыханье небеса яснит,
и Змия сражает Его рука!

Вот, все это — лишь край Его путей;
дошел ли до нас шепот о Нем?
А гром Его мощи для кого постижим?»

ГЛАВА 27

И продолжал Иов говорить рассуждение свое и сказал:

«Клянусь Богом, отнявшим право мое,
Крепким, уязвляющим душу мою,—
доколе дыхание мое во мне
и Дух Божий в ноздрях моих,
не изрекут неправды мои уста
и язык мой не скажет лжи!

Вас правыми признать? Да не будет того!
Пока жив, не отступлюсь от простоты моей;
правоту мою держу и не выпущу из рук;
не осудит жизни моей сердце мое!

Да причтется к злодеям мой враг
и к неправедным—восстающий на меня!
Что за надежда отступнику, когда возьмет,
когда исторгнет Бог душу его?
Божья Сила услышит ли вопль его,
когда придет на него беда?
Будет ли утешаться о Крепком он
и Бога призывать на всякий час?
Покажу вам, что в Божьей руке;
как действует Крепкий, не скрою от вас.
Впрочем, вы и сами видели все;
к чему же столько пустых слов?

Вот какой от Бога злому удел,
вот часть, что от Крепкого насильник возьмет:
растут сыновья у него,— так под меч,
и не насытятся хлебом потомки его;
оставшихся по нем похоронит смерть,

и вдовы его не оплачут его;
если наберет он серебра, как песка,
как грязи, наготовит одежд,—
он наготовит, но праведник возьмет,
и серебро получит в удел, кто чист!
Он строит жилище свое, как паук,
как сторож, что ставит себе шалаш;
уснет богачом, но встанет нищ:
откроет глаза — и нет ничего!
Ужасы настигнут его, как вода,
ночью унесет его смерч —
восточный ветер подхватит его
и сдует его с места его,
ринется на него и не пощадит,
как бы ни рвался он спастись!
Только всплеснут руками о нем,
только посвищут ему вслед.

ГЛАВА 28

Так! Копи есть для сребра,
и для золота горнило есть,
железо добывают из земли
и плавят из камня медь.
Тьме ставит предел человек,
исследует все концы,
камень мрака и смертную тень.
Рудокопы, сокрытый люд,
иссекают ямы в безвестных местах,
зыблются вдали от людей.
Порождающая злаки земля
изнутри изрыта огнем:
залежь сапфира в камнях ее,
и песчинки золота в них.
К ним тропу не знает орел,
не видел ее коршуний глаз,
не топтал ее гордый зверь,
и львенок по ней не ходил.
С гранитом борется человек,
исторгает он корни гор,
прорезает проходы в скале —
все самоцветы открыты оку его;
сдерживает он напор родников
и сокровенное выносит на свет!

Но мудрость — где ее обрести
и где разумения копь?

Человек не знает к ней стезю,
и ее не сыскать в стране живых.
Бездна говорит: «Во мне ее нет!»
И Море говорит: «Не у меня!»
За золото ее не отдают,
не покупают на вес серебра;
не добудет ее Офирский клад,
ни многоценный оникс, ни ляпис-лазурь;
не оплатить ее золотом и стеклом,
не выменять ее на дорогой сосуд;
не идут в счет ни кораллы, ни хрусталь,
и ценней жемчужин мудрости дар;
не оплатит ее Кушитский топаз,
за чистое золото не отвесят ее.

Но мудрость — где ее обрести
и где разумения копь?

Она сокрыта от глаз всего, что живет,
и от птиц небесных утаена.
И Аввадон и смерть говорят:
«Только слухом мы слышали весть о ней!»

Бог — вот кто знает к ней путь,
и Он ведает место ее,
ибо видит Он до концов земли,
и все, что под небом, зримо Ему!
Когда Он ветру давал мощь,
и полагал меру движенью вод,
и для дождя назначал устав
и стезю для громоносных туч,
вот тогда Он узрел, исчислил ее,
испытал ее, и устроил ее,—

и сказал человеку так:

«Вот, бояться Господа — это мудрость,
и удаляться от зла — разум».

И продолжал Иов произносить рассуждение свое, и сказал:

«О, стать бы мне, как в прежние дни,
как в месяцы, когда хранил меня Бог,
возжигал светильник над моей главой,
и в свете Его я шел среди тьмы;
как был я во дни моих ранних лет,
когда Бог миловал мой шатер,
когда еще Крепкий был со мной
и дети мои — вокруг меня;
когда во млеке омывались мои шаги
и скала изливала для меня елей!
Выходил ли я к воротам градским,
посреди площади восседал —
юноши прятались, завидев меня,
а старцы, поднявшись, оставались стоять.
Вельможи смолкали передо мной,
прижимали палец к своим губам;
и стихала старейшин речь,
и к гортани прилипали их языки.

Слышало ухо — и завидовало мне,
видело око — и хвалило меня!

Ибо я спасал кричащего бедняка
и сироту, что помощи не найдет;
благословение страдальца было на мне,
и утешалось обо мне сердце вдовы.
Как в ризу, в правду облачался я,
возлагал на себя справедливость, как тюрбан;
я был глазами для того, кто слеп,
и ногами — для бессильного ходить.
Для нищих являл я собой отца,
в дело незнакомца вникал умом,
челюсть беззаконного сокрушал,
исторгал добычу из его зубов!

И думал я: скончаюсь в моем гнезде,
словно птица Феникс, прожив жизнь;
корни мои открыты воде,
и роса ночует на моих ветвях;
не стареет слава моя у меня,
и крепок лук мой в руке моей!

Предо мною стихали, внимали мне,
молча выслушивали мой совет;
после слов моих кончали судить,
и речь моя росилась на них.
Как проливня вод, ожидали меня,
как позднему дождю, открывали рот:
улыбнусь — не смеют верить глазам,
просияю ликом — и они не скорбят!
Я назначал им пути, воссев, как глава,
как царь в кругу дружины своей,
утешая плачущего печаль.

ГЛАВА 30

А ныне насмехаются надо мной
те, что летами моложе меня,
чьих отцов я бы не пустил
поселиться с собаками моих стад!
И сила их рук, что она для меня?
В них уже истощилась мощь.

Нуждой и гладом изнурены,
убегают они в пустынную сушь,
в место раззора, в кромешную мглу;
собирают они зелень подле кустов,
и коренья дрока — для них хлеб.
Из среды людей гонят их,
словно вору, кричат им вслед,
велят селиться на срывах долин,
в пропастях земли и в щелях скал.
Между зарослями воют они,
сбиваются в кучу под терновым кустом —
бесчестный и безвестный сброд,
извергаемый вон из земли.

Вот для кого я посмешищем стал
и обращен в срамную песнь!
Они гнушаются меня, обегают меня,
не стыдятся плевать пред лицом моим;
ибо Он разорвал мою тетиву —
и разнуздались они пред лицом моим!

Одесную меня отродья встают,
понуждают шататься ноги мои,
на меня злую осаду ведут;

разрушают предо мною мою стезю,
все делают на гибель мне,
и нет никого, чтобы их сдержать!
Приходят ко мне сквозь широкий пролом,
все руша, кидаются на меня;
ужасы противу меня встают;
словно ветром, развеяно величье мое,
как облако, спасенье мое уплыло.

Из меня вытекает моя душа,
дни унынья обступили меня;
по ночам ноют кости мои,
и грызущие меня не знают сна.
Мощно хватает Он одежду мою,
объемлет меня, как рубаха моя;
с грязью равняет Он меня,
и я становлюсь, как пыль и прах.

Взываю, а Ты не отвечаешь мне;
стою, а Ты не глядишь на меня!
Палачом сделался Ты для меня
и бьешь меня тяжелой рукой;
взвеял, на ветер пустил меня,
в вихре развеяться обрек.
Ведь знаю: к смерти Ты меня низведешь,
в дом, где собирается все, что живет.

Наложит ли на гибнущего руку Он,
не будет ли помилован молящий в беде?

Разве со страдальцем я не скорбел?
Сожалела о бедном моя душа.
Я чаял добра, но пришло зло;
надеялся на свет, и пришла тьма.
Мои недра кипят, покою чужды;
дни унынья нашли на меня.
Не от солнечных лучей я почернел;
восстаю среди люда и подъемлю вой.
Сделался я шакалам брат
и для страусов пустыни друг.
Кожа моя посмуглела на мне,
и от жара обгорела моя кость;
в рыдание обратился струнный звон
и в плачевные вопли — напев флейт.

С моими глазами условился я,
чтобы на девицу мне не глядеть.
Какой же суд от Бога с небес
и от Крепкого свыше какой приговор?
Не грешнику ли гибель суждена
и беда не тому ли, кто творит зло?
Разве Он не видел мои пути
и все мои шаги не сосчитал?

Если ходил я с людьми лжи
и к лукавству поспешала моя нога,—
пусть взвесят меня на верных весах,
и познает Бог невинность мою!
Если отклонялся мой шаг от пути,
и глазам моим следовало сердце мое,
и приставало пятно к моим рукам,—
пусть посеянное мною вкушает другой,
и с корнем исторгнут отрасль мою!

Если к женщине сердце мое влеклось
и у дверей ближнего я строил ков,—
пусть на другого мелет моя жена
и чужие наклонятся над ней!
Ибо это скверна, и это позор,
вина, караемая судом,
огонь, испепеляющий дотла,
который сжег бы все мое добро.

Если попрал я право моего раба
и служанки моей, что в тяжбе со мной,—
что делал бы я, когда восстанет Бог
и когда воззрит Он, что молвил бы я?
Не Создавший ли в родимой утробе меня,
не тот же ли Творец их сотворил?

Если отказывал я нищим в желанье их,
если печалил глаза вдовы;
если кус мой я съедал один
и не ел от него со мной сирота
(с детства он рос у меня, как при отце,
и от чрева матери я пекся о нем);
если видел я гибнущего нагим

и без одежд убогого зрел
и не благословляла меня плоть его,
и не грела его овец моих шерсть;
если руку поднимал я на сироту,
зная, что подмогу найду в суде,—

пусть плечо мое отпадет от хребта
и от локтя отломится моя длань!
Да, страшен для меня Божий гнев,
и пред величьем Его не устою.

Если в злате полагал я надежду мою
и говорил кладу: «Опора моя»;
если рад был, что богатство мое велико
и что много стяжала моя рука;
видя Солнце, как сияет оно,
и Луну, как во славе она грядет,
если совратился я в сердце моем
и целовал мой рот руку мою,—

то был бы достойный суда грех,
ибо от Бога отказался бы я.

Если рад был я гибели врага моего,
ликовал, когда беда настигала его
(но ведь не позволял я гортани грешить
и накликать проклятье на его жизнь),

если не говорили в моем шатре:
«Кто же угощением его не сыт?»
(но ведь под небом странник не ночевал,
и прохожему отворялась моя дверь) —

если грех мой я скрывал, как Адам,
прятал в груди моей порок
(но ведь тогда таился бы я от людей,
перед гневом сородичей моих робел,
молчал бы и не смел выйти за дверь),—

о, пусть бы выслушал кто меня!
Вот жалоба моя! О Крепкий, ответь!

Пусть напишет запись мой Истец!
На плече моем я носил бы ее,

возлагал бы на себя, словно венок;
все шаги мои я открыл бы Ему,
к Нему бы приблизился, словно князь.

Если вопияла земля против меня
и плакали борозды земли моей,
если я вкушал ее плод, не платя,
и душу земледельца отягощал,—

пусть вместо хлеба растет терн
и плевелы — вместо ячменя!»

Окончились речи Иова.

ГЛАВА 32

И перестали те три мужа возражать Иову, потому что он прав был в глазах своих.

Тогда возгорелся гнев Элиу, сына Барах-Эля, из рода Буз, из племени Рам:

на Иова возгорелся гнев его — за то, что Иов думал, будто прав против Бога;

и на трех друзей возгорелся гнев его — за то, что не умели они возразить и тем чернили Бога.

Но Элиу молчал, пока говорили они с Иовом, ибо они были старее летами, чем он; когда же увидел Элиу, что не было возражения в устах трех мужей, возгорелся гнев его.

И отвечал Элиу, сын Барах-Эля, из рода Буз, и сказал:

«Еще молод летами я,
меж тем как преклонны ваши года;
потому я страшился и не смел
перед вами мое знанье возвещать.
Я думал: пусть возраст говорит
и о мудрости учит преклонный век!

Но нет! Действующий в человеке Дух,
вдохновенье от Крепкого дает ум:
мудры вовсе не те, кто дряхл,
и правду разумеют не старики.

Потому говорю я: внимайте мне,
и я вам открою знанье мое!

Мозаика на полу церкви Умножения хлебов и рыб
в Табха.
Фрагмент. V в.

Вот, приготовился я слушать вас,
умствований ваших ожидал,
пока вы придумывали, что сказать.

Но стоило мне присмотреться к вам:
вот, никто Иова не опроверг,
нет возразившего на его речь!

Не говорите же: «Мы мудрость нашли!»
Бог его обличит, не человек!
Не ко мне обращал он речь;
не вашими бы словами вразумил я его.

Поникли, перестали отвечать,
не стало больше у них слов.
Чего жду, когда они не говорят,
стоят и не умеют возразить?
Вот, отвечу и я в свой черед,
мнение мое и я объявлю;
ибо переполняет меня речь,
и тесно духу в недрах моих.
Вот, мои недра, как запертое вино;
как новые мехи, рвутся они!

Заговорю и облегчу душу мою;
отверзну уста мои, дам ответ.
Ни на чье лицо не стану взирать
и не буду угождать никому из людей;
потому что угождать не умею я —
иначе убей меня, мой Творец!

ГЛАВА 33

Так послушай же, Иов, речи мои
и всем словам моим внимай!
Вот, я отверзаю мои уста,
глаголет мой язык в гортани моей!
Прямота моего сердца говорит,
и чистое знанье изрекают уста!

Дух Божий создал меня,
и дыхание Крепкого живит меня.
Если можешь, отвечай мне,
приготовь себя к отпору мне!

Вот, от Бога я, как и ты,
из той же глины я сотворен.
Вот, страх передо мной не смущает тебя,
рука моя не будет для тебя тяжела.

Да, говорил ты в уши мне,
и слышится мне звук твоих слов:
«Я чист, и греха во мне нет,
я безвинен и неправде чужд;
а Он изощряется противу меня,
объявил меня Своим врагом,
в колодки забил ноги мои,
подстерегает каждый мой шаг!»

Вот, ты неправ, отвечу я тебе:
ибо превыше человека Бог.
Зачем пререкаешься ты с Ним,
что не во всем Он тебе дает ответ?

Бог говорит один раз
и во второй раз, коль не вняли Ему:

во сне, в виденьях ночных,
когда падет на человека забытье,
дремота на ложе усыпит,—

вот тогда Он отверзает мужам слух,
внушенье Свое напечатляет им,
чтоб человека от замысла его отвратить
и отвеять от мужа гордыню его,
чтобы от бездны душу его отвести
и жизнь его — от острия меча.

Или муж болезнью на ложе вразумлен,
жестокою болью в своих костях;
жизни его опостылел хлеб,
и лакомая снедь омерзела душе;
его плоть тает, ее не видать,
и скрытая прежде торчит кость;
и приближается к могиле его душа
и к месту смерти — его жизнь.

Но если есть Ангел за него,
Ходатай, из тысячи один,

учащий человека правоте,
он сжалится над ним и скажет так:
«Избавь его, чтоб он не сошел в гроб;
я выкуп за него нашел!»

Тогда тело его юностью процветет
и молодость его вернется к нему;
он молится, и милует его Бог,
дает видеть ликующим Свое лицо,
и возвращает мужу его правоту.
Тот поет пред людьми и говорит так:
«Я погрешал и прямое кривил,
но Он не воздал мне по делам:
освободил от погибели душу мою,
и жизнь моя видит свет!»

Вот, все это делает Бог,
дважды и трижды с человеком творит,
чтоб вышла из тлена его душа
и во свете живых он воссиял.
Внимай, Иов, слушай меня;
молчи, покуда я говорю!
Если отыщешь слова, возрази мне,
я рад признать твою правоту.
А если нет, слушай меня,
молчи, и мудрость я тебе преподам!»

ГЛАВА 34

И продолжал Элиу, и сказал:

«О мудрые, слушайте мои слова,
и вы, знающие, внимайте мне!
Ведь ухо отведывает слова,
как нёбо чует вкус яств.

Право установим в нашем кругу,
меж собой рассудим, что добро!
Вот, Иов говорит: «Я прав,
право мое отобрал Бог.
В моем праве я обойден,
неисцелимо уязвлен без вины!»

Где еще такой человек, как Иов,
что кощунства, словно воду, пьет,

в сообщество грешников готов вступить
и ходить путями мужей зла?
Ведь он говорит: «Пользы нет,
если с Богом в дружбе человек»!

Потому послушайте, мудрецы,
умные люди, внимайте мне!
Далек Бог от зла,
и Крепкий кривде чужд:
ибо Он человеку по делам воздае
и по стезям мужа дарит исход.
Воистину, не делает кривды Бог,
и Крепкий не извращает суда;
кто Ему землю поручил
и кто устроил круг стран?

Если б сердце Свое Он обратил к Себе,
дух Свой и дыханье назад взял,
тотчас бы умерла всякая плоть
и человек возвратился бы во прах!

Имеешь разум, так послушай меня,
вонми гласу речей моих!
Может ли устроять, кто правде враг?
Как Праведно-Мощного обвинишь?
Он говорит царю: «Ты злодей!» —
и вельможам: «В вас правды нет!» —
не держит Он сторону владык,
не предпочтет богатому бедняка:
ведь все они — творение Его рук.
Миг, и умирают они в ночи,
толпы мятутся и уходят прочь,
и сильный низлагается без борьбы.
Ибо над стезями людей очи Его
и каждый шаг их видит Он!
Нет мрака и нет кромешной мглы,
где злодеи укрылись бы от Него.

Ибо Он не назначает человеку срок,
когда к Богу являться на суд;
без допроса властных сокрушает Он
и ставит других на место их.
Да, Он наблюдает их дела,
в одну ночь обращает в ничто,

у позорного столба их бьет
и наказывает на глазах у толпы,—
за то, что отступили они от Него
и не познали всех путей Его,
так что вопль угнетенных до Него дошел,
и стенание бедных Он внял.

Если Он безмолвен — кто Его обвинит?
Если таит Он свой лик — кто Его обличит?
Но о людях и народах забота Его,
чтобы отступник не царил,
из тех, что уловляют народ в сеть.

И должен ли Бог тебе сказать:
«Я погрешил, не буду впредь,
если чего не знаю, ты научи,
и более Я не совершу зла;
возмещу тебе, раз ты осудил,
ты должен решать, не Я;
что ты ведаешь, изреки»?
Люди разумные скажут мне,
и каждый мудрец, что слушал меня:
без ведения говорит Иов,
и речь его разуму чужда.
Да будет до конца испытан Иов
за ответы, достойные мужей зла:
ибо к вине прибавляет он грех,
меж нами, насмехаясь, в ладони бьет
и против Бога умножает слова!»

ГЛАВА 35

И продолжал Элиу, и сказал:

«Это ли считаешь правдой ты —
говорить: «Я против Бога прав!»
Ты сказал: «Что за польза мне,
что за прибыль, что я не грешил?»
Я хочу речью ответить тебе —
и вместе с тобою твоим друзьям.

Взгляни на небо и рассмотри его;
воззри на облака — они выше тебя.
Если грешишь, что делаешь ты Ему,
и если множишь вину, что причиняешь Ему?

Если праведен ты, что дашь Ему,
что получит Он из твоих рук?
Тебе подобных заденет твой грех,
и для сынов человеческих — твоя правота!

От множества насильников стонут они
и от руки властных вопиют;
но никто не спросит: «Где Бог, мой Творец,
дарующий нам песни в ночи,
разумом отличивший нас от зверей
и даром мудрости — от небесных птиц?»

Они вопиют, но не ответит Он
по причине злой гордыни их.
Все вотще, их не услышит Бог,
и Крепкий на них не кинет взор!
Пусть ты сказал, что не видишь Его;
суд у Него — так жди Его!

Но ныне гнева не являет Он
и не строго примечает гордыню людей;
вот и расширил Иов свои уста
и без разумения множит речь!»

ГЛАВА 36

И продолжал Элиу, и сказал:

«Подожди немного, и я покажу,
что в пользу Бога слова есть.
Издалека начну мою мысль
и Создателю моему правду воздам.
Ибо воистину слова мои — не ложь:
пред тобою — тот, кто знающ и прост!

Вот, мощен Бог, и Он не отверг
того, кто мощен силой ума.
Но нечестивому Он не позволяет жить
и возвращает угнетенным их права;
от праведников не отвращает Свой взор,
их возводит на престолы в кругу царей —
и они возвышаются навек!

Когда же скованы цепями они
и в узах страдания скорбят —

это Он им указывает на их дела
и на то, как умножились их грехи,
отверзает для вразумления им слух,
велит отступиться от вины.
Если услышат они и смирят себя,
во благе завершатся их дни
и в веселии — годы жизни их;
не услышат — сгинут от стрелы,
чуждыми разумению умрут.

Но отступники носят в сердце гнев
и в узах Его не взывают к Нему;
в юности умирают души их,
и с падшими пропадает их жизнь.

Страданием страдальца спасает Он
и в утеснении отверзает людям слух;
и тебя бы Он вывел из тесноты
на простор, где пределов и препон нет,
тучной снедью наполнился бы твой стол.
Но ты творишь суд злых;
суд и приговор близки к тебе!
Пусть гнев твой не доводит тебя до кощунств
и надежда откупиться не вводит в соблазн:
что Ему все богатство твое,
и золото, и вся твоя мощь?
Той ночи не смей желать,
когда народы с места своего пойдут!
Берегись и не склоняйся ко злу;
ты за это испытуем бедой.

Вот, Бог высок в силе Своей,
и где наставник, подобный Ему?
Кто предпишет Ему стези Его
и кто Ему скажет: «Ты неправ»?
Поразмысли, как восславить Его дела,
которые воспеваемы от мужей!
Все люди могут видеть их,
издали усматривает их человек.

Вот, Бог велик, непостижен для нас,
число Его годов постичь нельзя.
Когда притягивает Он капли воды
и после выпускает, цедя дождь,—
струями сочатся облака,

обильно изливаются на людей.
Да, кто постигнет парение туч,
громовой треск Его шатра?
И вот уже Он распростирает свет
и закрывает вновь корни пучин.
Через это народы питает Он,
в преизобилии подает корм.
Молнию Он держит в Своих руках,
назначает ей, кого разить;
о гневе Его гласит гром,
и о ярости Его — вихрь.

ГЛАВА 37

Да, от этого сердце мое дрожит
и прыгает с места своего прочь:
прислушайтесь, как гремит Его глас,
из уст Его извергается гул!
По всему небу — Его раскат,
и молния — до самых концов земли.
За молнией — гром, величия глас:
не приглушит Он гром, дает внять.

Чудно гласом Своим гремит Бог,
деет великое — не постичь нам.
Когда велит Он снегу: «На землю пади!» —
или дождю и ливню даст приказ,
на руки людей Он кладет печать,
чтобы все восчувствовали дело Его;
тогда уходит зверь в свою нору
и укладывается в логове своем спать.

Из Его укромов приходит вихрь,
и ветры с севера приносят мороз;
от Божьего дуновенья творится лед,
твердеет водная широта.
Или влагою тучи полнит Он
и блистания сыплет из облаков.

Так все это совершает свой оборот,
превращается по умыслу Его,
приходя так, как Он повелит,
на круг обитаемых земель:
то как бич для земли Его,
то как милость — по воле Его.

Имей к этому вниманье, Иов,
пойми, как дивны Божьи дела!
Знаешь ли, как располагает ими Бог,
как молнией озарил Он тучи свои?
Знаешь ли, как реют облака?
Вот чудо Того, Кто веденьем полн!
О ты, кому жарко в одежде твоей,
когда землю покоит южный ветр!
Построял ли ты вместе с Ним небеса,
подобную литому зеркалу твердь?

Научи нас, что сказать Ему:
мрак идет, мы не в силах мыслей связать.
Пересказано ли Ему, что я говорю?
Кто Ему возвестил мои слова?
Вот уже затмили свет облака,
но вихрь придет и разгонит их.
От севера близится златой блеск;
страшна слава, что являет Бог!
Крепкий! нам не постигнуть Его:
и в силе и в правде Он велик,
благостью богат, не гнетет никого.

Потому да убоятся Его все мужи!
Ибо на высокоумных не смотрит Он».

ГЛАВА 38

И отвечал Господь Иову из бури, и сказал:

«Кто есть сей, что промысл мрачит
речами, в которых знанья нет?
Препояшь свои чресла, стань, как муж,—
Я буду спрашивать, а ты отвечай!

Где был ты, как Землю Я утверждал?
Говори — тебе ли не знать!
Кто положил ей предел? Скажи!
Кто растянул над ней снур?
Во что опущены устои ее,
краеугольный ее камень кто заложил,
когда звезды утра издали вопль,
возликовали все Божьи сыны?

Кто вратами море сдержал,
когда из родимых недр изверглось оно?
Тогда Я сделал облака одеждой его,
и повил его пеленами мглы,
и назначил ему от Меня предел,
и поставил ворота и запор,
и сказал: «Доселе — а дальше нет;
здесь возвышай твои валы!»

В жизни твоей давал ли ты утру приказ,
назначал ли заре место ее,
чтоб она обняла края земли
и нечестивых стряхнула с нее прочь?
Земля, как глина, приемлет печать,
становится как пестрой ризы узор;
но у нечестивых отнят свет,
и мышца дерзостная сокрушена!

Дошел ли ты до родника пучин
и ходил ты по дну морей?
Врата смерти отверзались ли для тебя,
врата мрака видел ли ты?
Обозрел ли ты широту земли?
Говори, если знаешь все!
Где к обители света путь
и тьма,— где место ее?
Ты, верно, входил в пределы ее
и знаешь тропу к дому ее?
Ты знаешь! Ибо тогда рожден
и велико число твоих дней!

В укромы снега входил ли ты
и укромы града видел ли ты?
На смутное время я их берегу,
на день брани и войны!
Где место разделения ветров
и восточному вихрю где путь?
Кто хлябям льющимся отверзает проток
и проводит громоносным тучам стезю,—
оросить землю, где нет людей,
и пустыню, где не обитает никто,
дикую степь насытить водой,
побуждая траву идти в рост?

Скажи, есть ли у дождя отец,
и кто рождает капли росы?
Из чьего чрева выходит лед,
и небесный иней,— кто родитель ему?
Словно камень, смерзается вода,
и твердеет пучины лицо.

Можешь ли ты связать узел Плеяд,
оковы Кесили разрешить?
Выведешь ли зверей Зодиака в срок,
поведешь ли Медведицу с ее детьми?
Знаешь ли ты уставы небес,
утвердишь ли на земле их закон?
Окликнешь ли тучу гласом твоим,
чтобы обилие вод покрыло тебя?
Прикажешь ли молниям, чтоб они пошли,
скажут ли они тебе: «Вот мы»?

Кто премудрость в ибиса вложил,
кто разум даровал петуху?
Кто мудростью исчисляет облака
и кто отверзает мехи небес,
когда грязью становится прах
и слипаются вместе глыбы земли?

Ты ли добычу львице подаешь
и насыщаешь молодых львят,
когда они лежат в берлогах своих
или кроются в засаде под кустом?
Кто готовит ворону его корм,
когда птенцы его к Богу вопиют,
ищут еды и не находят ее?

ГЛАВА 39

Знаешь ли ты время рождения серн?
О рожающих ланях печешься ли ты?
Считаешь ли месяцы, что они тяжелы,
и знаешь ли срок, когда им родить,—
когда они, приседая, мечут детей,
освобождаются от своих мук?
В силу приходят чада их,
расходятся и не вернутся к ним.

Кто дал зебре волю ее
и узы дикого осла расторг,—
которому назначил я жилищем степь,
и домом — пустые солончаки?
Он смеется над шумом городским,
крик погонщика ему незнаком;
в горах он отыскивает себе корм
и всякую зелень рад найти.

Захочет ли буйвол тебе служить,
станет ли ночевать в стойле твоем?
На веревке ли потащишь его к борозде,
чтобы он с тобой боронил склон?
Понадеешься ли на его мощь
и доверишь ли ему работу твою?
Полагаешь ли, что вернет он твое зерно
и сложит его на гумно тебе?

Весело страус бьет крылом,
хоть не может, как аист иль ястреб, взмыть.
Он оставляет на земле яйца свои,
кладет их согреваться в песке,
забыв, что раздавить их может нога
и растоптать — зверь полей.
Жесток он к птенцам, будто к чужим,
не боится, что они пропадут,—
ибо не дал мудрости ему Бог
и рассудка ему не уделил.
Но когда он поднимется и побежит,
конь и всадник смешны ему!

Ты ли даровал силу коню,
и гривою шею ему облек,
и научил прыгать, как саранчу?
Грозно храпение его ноздрей!
Веселясь, взрывает он копытом прах,
в битву бежит, являя мощь;
он не робеет, ему страх смешон,
не побежит он от меча!
Над ним звенит колчан,
сверкают копье и дрот.
С ярым храпом он глотает прах,
не сдержать его при звуке трубы!

При трубном гуле он ржет: «Го-го!» —
издалека чует он бой,
клики вождей и бранный вопль!

По твоей ли мысли ястреб парит,
в южном ветре ширит крыла?
По твоему ли слову взлетает орел,
на высотах вьет свое гнездо?
Обитание его — на скале,
на крутизнах и срывах — ночной приют;
оттоле он высматривает себе снедь,
и в даль вперяются его глаза.
Птенцы его пьют кровь,
и где мертвечина, там он».

ГЛАВА 40

И отвечал Господь Иову, и сказал:

«Корящий Крепкого поспорит ли впредь?
Пусть винящий Бога отвечает Ему!»

И отвечал Иов Господу, и сказал:

«Вот, я ничтожен; что отвечу Тебе?
Руку мою кладу на уста мои!
Однажды говорил я — не возражу вновь;
даже и дважды — не буду впредь!»

И отвечал Господь Иову из бури, и сказал:

«Препояшь твои чресла, стань, как муж;
Я буду спрашивать, а ты отвечай!

Желаешь ли ничтожить Мой суд,
Меня обвинить, чтоб оправдать себя?
Подобна ли Божьей твоя длань
и можешь ли громами гласить, как Бог?

Так укрась же величием и славой себя,
в благолепие и блистание облекись,
излей ярость гнева твоего,
воззри на всех гордых и смири их!

Воззри на всех гордых и унизь их
и придави злых к земле,
всех их совокупно зарой во прах
и лица их мраком завесь!
Тогда и Я похвалю тебя,
что твоею десницею ты храним!

Воззри: я Бегемота сотворил, как тебя;
травой он кормится, словно вол.
Какая мощь в чреслах его
и твердость в мышцах его живота!
Как кедр, колеблется его хвост;
сухожилия бедер его сплелись.
Нога его, как медяная труба,
и, как стальная палица, его кость!
Он — начало Божьих путей,
сотворен над братьями своими царить;
ибо горы приносят ему дань
со всеми зверями, что играют в них.
Меж зарослей лотоса он лежит,
в болотах, в укроме тростника;
заросли лотоса покрывают его,
и обступают его ивы ручья.
Вздуется ль поток — не страшно ему,
хотя б пучина хлестала ему в пасть.
Кто его ухватит возле глаз,
подцепит его за нос багром?

Ты можешь Левиафана поймать удой
и прижать леской ему язык?
Проденешь ли тростник ему в нос
и проколешь ли его челюсть шипом?
Станет ли он множить мольбы,
говорить тебе умильные слова?
Заключит ли он с тобой договор,
возьмешь ли его в рабы навек?
Станешь ли, как с пташкой, с ним играть,
свяжешь ли на забаву для девиц?
Будут ли рыбаки вести о нем торг,
между хананеями тушу делить?
Пробьешь ли копьем кожу ему
и голову — рыбацкой острогой?
Подыми-ка на него свою длань
и запомни: ты бьешься в последний раз!

Смотри, надежда тебя предаст:
не падешь ли от одного вида его?
Нет смелого, кто б вызвал его на бой;
кто же предо Мной отважится стать?
Кто предварит Меня и обяжет ко мзде?
Под целым небосклоном все Мое!

Не умолчу о действии мощи его,
о дивной соразмерности членов его.

Кто приоткроет край его одежд,
кто проникнет сквозь двойную его броню?
Врата его пасти — кто их отворит?
Ужас — зубов его круг!
Величавы ряды его щитов,
как печатью, намертво скреплены,
плотно пригнаны один к одному —
и ветру не провеять между них!
Ряд к ряду тесно прижат,
они сцеплены так, что разъять нельзя.

От его чоха блистает свет,
и глаза его, как вежды зари,—
из пасти его рдеет огонь,
искры разлетаются окрест нее!
Из его ноздрей валит пар,
словно из клокочущего котла,—
его дых раздувает жар углей,
пламя пышет из гортани его!
На его вые почила мощь,
и ужас несется впереди него;
крепко сплочена его плоть,
словно литая, не задрожит;
как камень, твердо сердце его,
жестко, как жернов, на котором трут.

Когда встает, дрожат силачи,
от испуга теряют они ум!
Ударишь ли его? Не выдержит меч —
сломится копье, и дрот, и стрела:
железо с соломой равняет он
и с трухлявой древесиной — медь!

Лучник не заставит его бежать,
за мякину он считает камни пращи —
за мякину палица идет у него,
и смешон ему свист копья!

Под брюхом его грани черепиц,
он на ил налегает, как борона;
нудит он пучину клокотать, как котел,
и в кипящее аелье претворяет аыбь,—
аа ним светится его след,
словно поседела глубь морей!

Подобного ему нет на аемле:
не ведающим страха он сотворен.
На все высокое смотрит он:
всему, что горделиво, он царь!»

Глава 42

И отвечал Иов Господу, и сказал:

«Теперь знаю: Ты можешь все,
и невозможно противиться Тебе!

Кто есть сей, что промысл мрачил
речами, в которых раауменья нет?
Да, Ты явил дивное, непонятное мне,
великое, непостижное для меня.
Внемли же, я буду говорить,
и что буду спрашивать, изъясни!
Только слухом я слышал о Тебе;
ныне же глаза мои видят Тебя,—

сего ради отступаюсь
и раскаиваюсь во прахе и пепле!»

И было после того, как Господь сказал те слова Иову, и молвил Господь Элифаау из Темана:

«Гнев Мой пылает на тебя и на двух друзей твоих; ибо вы не говорили обо Мне так правдиво, как раб Мой Иов!

Потому возьмите семь тельцов и семь овнов, и пойдите к рабу Моему Иову, и принесите аа себя жертву всесожжения; и пусть раб Мой Иов помолится за вас, ибо только его молитву Я приму, чтобы не отвергнуть Мне вас за то, что вы не говорили обо Мне так правдиво, как раб Мой Иов!»

И пошли Элифаз из Темана, и Билдад из Шуаха, и Цофар из Наамы, и сделали так, как велел им Господь. И принял Господь молитву Иова.

И повернул Господь к возврату путь Иова, когда помолился Иов за друзей своих; и вдвое умножил Господь все, что было у Иова.

Тогда пришли к нему все братья его, и все сестры его, и все прежние близкие его, и ели с ним хлеб в его доме, и жалели его, и утешали его за все то зло, которому дал Господь найти на него; и каждый подарил ему по кесите золота и по золотому кольцу.

Господь же благословил конец Иова больше, чем его начало: и стало у него четырнадцать тысяч овец, и шесть тысяч верблюдов, и тысяча пар волов подъяремных, и тысяча ослиц.

И стало у него семь сыновей и три дочери: и назвал он одну — Горлица, вторую — Корица, а третью — Румяна; и по всей земле нигде нельзя было найти женщин, которые были бы так хороши, как дочери Иова. И дал им отец наследство наряду с братьями их.

После этого Иов жил еще сто сорок лет и видел своих детей и детей своих детей, вплоть до четвертого поколения. И умер Иов в старости, насытясь жизнью.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

I

1 Песнь песней Соломонова:

*

2 — Пусть уста его меня поцелуют!

— *Ибо лучше вина твои ласки!*
3 *Из-за добрых твоих умащений*
Прозрачный елей — твое имя, —
Потому тебя девушки любят.

4 — Влеки меня! *С тобой побежим мы!*

— Ввел меня царь в свои покои!

Курсивом набраны хоровые партии.

— Мы рады, мы с тобой веселимся,
Больше вина твои ласки славим —
Справедливо тебя полюбили!

*

5 — Я черна, но собою прекрасна,
девушки Иерусалима!
Как шатры Кедара,
как завесы Соломона,—
6 Не смотрите, что я смугловата,
что меня подглядело солнце,—
Мои братья на меня прогневились,—
виноградники стеречь мне велели,—
Свой же виноградник не устерегла я.

*

7 — Ты мне расскажи,
любовь моей души,
Где ты стадо пасешь,
где со стадом отдыхаешь в полдень,
Чтобы мне не бродить под покрывалом,
где товарищи твои расположились!
8 — Если ты не знаешь,
прекраснейшая из женщин,
Выходи по тропам овечьим
и паси ты своих козлят
У шатров пастушьих.

*

9 — С кобылицей в колеснице фараона
Тебя, милая, сравнил я,
10 Твои щеки украшают подвески,
Твою шею — ожерелья.
11 Мы скуем тебе подвески золотые
И серебряные бусы.

*

12 — Пока царь за столом веселился,
Мой нард разливал ароматы,
13 Для меня мой милый — ладанка с миррой,
Что ночует меж грýдями моими,
14 Для меня мой милый — соцветье кипрея
В виноградниках Эн-гéди.

*

15 — Как прекрасна ты, милая,
как ты прекрасна,
Твои очи — голубицы!
16 — Как прекрасен ты, милый, и приятен,
И наше зелено ложе,
17 Крыша дома нашего — кедры,
Его стены — кипарисы.

II

*

1 — Я — нарцисс равнины,
я — лилия долин!
2 — Как лилия между колючек —
моя милая между подруг!
3 — Как яблоня меж лесных деревьев —
мой милый между друзей!
Под сенью его я сидела,
его плод был мне сладок на вкус.

4 Он ввел меня в дом пированья,
надо мной его знамя — любовь!

5 Ягодой меня освежите,
яблоком меня подкрепите,
Ибо я любовью больна.

6 Его левая — под моей головою,
а правой он меня обнимает,—
7 Заклинаю вас, девушки Иерусалима,
газелями и оленями степными,—
Не будите, не пробуждайте
любовь, пока не проснется!

*

8 — Голос милого!
Вот он подходит,
Перебираясь по горам,
перебегая по холмам,—

9 Мой милый подобен газели
или юному оленю.
Вот стоит он
за нашей стеной,
Засматривает в окошки,
заглядывает за решетки.
10 Молвит милый мой мне, говорит мне:
«Встань, моя милая,
моя прекрасная, выйди,
Ибо вот зима миновала,
Ливни кончились, удалились,
Расцветает земля цветами,
Время пения птиц наступило,
Голос горлицы в краю нашем слышен,
Наливает смоковница смоквы,
Виноградная лоза благоухает —
Встань, моя милая,
моя прекрасная, выйди!
Моя горлица в горном ущелье,
под навесом уступов,—
Дай увидеть лицо твое,
дай услышать твой голос,
Ибо голос твой приятен,
лицо твое прекрасно!»

*

15 — *Поймайте-ка нам лисенят,*
поймайте маленьких лисенят,
Они портят нам виноградник,
а виноград-то наш не расцвел! [1]

*

16 — Отдан милый мой мне, а я — ему:
он блуждает меж лилий.
17 Пока не повеял день,
не двинулись тени,
Поспеши назад,
как газель, мой милый,
Иль как юный олень
на высотах Бе́тер.

---

[1] *Подружки ловят мальчиков-дружек?*

III

*

1 — Ночами на ложе я искала
любимого сердцем.
Я искала его, не находила.
2 Встану, обойду-ка я город
по улицам и переулкам,
Поищу любимого сердцем.
Я искала его, не находила,
3 Повстречала тут меня стража,
обходящая город:
«Вы любимого сердцем не видали ль?»
4 Едва я их миновала,
как нашла любимого сердцем,
Я схватила его, не отпустила,
Довела его в дом материнский,
в горницу родимой.
5 Заклинаю вас, девушки Иерусалима,
газелями и оленями степными,—
Не будите, не пробуждайте
любовь, пока не проснется.

*

6 — *Кто это выходит из пустыни,*
словно дымный столп,
Курящаяся миррой и благовоньем,
привозным воскуреньем?[1]

*

7 — *Вот ложе Соломона,*
Шестьдесят мужей вокруг него
из мужей израильтянских,
8 *Все они препоясаны мечами*
и обучены битве,
На бедре у каждого меч
против страшилища ночного.

---

[1] *По-видимому, исполнялось хором подружек, когда вводят невесту?*

*

9 — *Паланкин изготовил себе царь из дерев*
ливанских,
10 *Столбы из серебра изготовил,*
Спинку — из золота,
Подстилку — из багряницы,
А внутри его застлали любовью
девушки Иерусалима.
11 *Выходите-ка, девушки, на царя Соломона*
поглядите,
На венец, которым мать его в день свадьбы
венчала,
В день радости сердца[1].

IV

*

1 — Как прекрасна ты, милая,
как ты прекрасна —
твои очи — голубицы
Из-под фаты,
Твои волосы — как козье стадо,
что сбегает с гор гилеадских,
2 Твои зубы — как постриженные овцы,
возвращающиеся с купанья,
Родила из них каждая двойню,
и нет среди них бесплодной,
3 Как багряная нить твои губы,
и прекрасен твой рот,
Как разлом граната твои щеки
из-под фаты,
4 Как Давидова башня твоя шея,
вознесенная ввысь,
Тысяча щитов навешано вкруг,—
всё щиты бойцов,
5 Две груди твои — как два олененка,
как двойня газели,—
Они блуждают меж лилий.
6 Пока не повеет день,
не двинутся тени,

[1] *По-видимому, исполнялось хором дружек при выходе жениха?*

Я взойду на мирровый холм,
на гору благовоний,—
7 Вся ты, милая, прекрасна,
и нет в тебе изъяна.

*

8 — Со мною с Ливана, невеста,
со мною с Ливана приди!
Взгляни с вершины Амана,
с Сенира и Хермона вниз!
От львиных убежищ
с леопардовых гор!

*

9 — Ты сразила меня, сестра моя, невеста,
сразила одним лишь взором,
Одной цепочкой на шее,
10 Сколь хороши твои ласки, сестра моя, невеста,
сколь лучше вина,
Аромат твоих умащений
лучше бальзама,
11 Сладкий сот текучий
твои губы, невеста,
Мед и млеко
под твоим языком,
Аромат одеяний,
как ароматы Ливана.

*

12 — Замкнутый сад — сестра моя, невеста,
Замкнутый сад, запечатанный источник!
13 Твои заросли — гранатовая роща с сочными плодами,
С хною и нардом!
14 Нард и шафран,
Аир и корица,
Благовонные растенья,
Мирра и алоэ,
И весь лучший бальзам!
15 Колодец садов
источник с живой водою,
родники с Ливана!

16 Восстань, северный ветер,
приди, южный ветер,
Ветер, повей на мой сад,
пусть разольются его благовонья!
— Пусть войдет мой милый в свой сад,
пусть поест его сочных плодов!
(V, 1) — Вошел я в сад мой, сестра моя, невеста,
собрал моей мирры с бальзамом,
Поел сота с медом,
выпил вина с молоком.
Ешьте, друзья, пейте и упивайтесь, родичи!

V

*

2 — Я сплю, но сердце не спит...
Голос милого — он стучится:
«Отвори мне, моя милая, моя сестра,
моя нетронутая, моя голубка,
Голова моя полна росою,
мои кудри — каплями ночи!»
3 — Сняла я хитон —
не надевать же его снова!
Омыла я ноги —
не пачкать же их снова!
4 Мой милый руку
просунул в щелку —
От него моя утроба взыграла.
5 Встала милому отворить я,
а с рук моих капала мирра,
С пальцев — текучая мирра
на скобы засова.
6 Отворила я милому —
а милый пропал, сокрылся,
От слов его дух мой замер,
Я искала его, не находила,
кликала — он мне не ответил!
7 Повстречали меня стражи,
обходящие город,
Изранили меня, избили,
Стражи стен городских
сорвали с меня покрывало.

8 Заклинаю вас, девушки Иерусалима,—
если встретится вам мой милый,—
Что вы скажете ему? Скажите,
что я любовью больна.

9 — *Чтó твой милый среди милых,*
прекраснейшая из женщин,
Чтó твой милый среди милых,
что ты так нас заклинаешь?

10 — Милый бел и румян,
отличен из тысяч:
11 Лицо его — чистое золото,
кудри его — пальмовые гроздья,
черные, как ворон,
12 Очи его, как голуби
на водных потоках,
Купаются в молоке,
сидят у разлива,
13 Щеки его, как гряды благовоний,
растящие ароматы,
Губы его — красные лилии,
капающие миррой текучей,
14 Руки его — золотые жезлы,
унизанные самоцветом,
Живот его — слоновая кость,
обрамленная темно-синим каменьем,
15 Ноги его — мраморные столбы,
поставленные в золотые опоры,
Облик его — как Ливан,
он прекрасен, как кедры,
16 Нёбо его — сладость,
и весь он — отрада!
Таков мой милый,
таков мой друг,
Девушки Иерусалима!

VI

*

1 — *Куда ушел твой милый,*
прекраснейшая из женщин,
Куда уклонился твой милый,—
мы поищем с тобою!

2 — Мой милый в свой сад спустился,
ко грядам благовоний,
Побродить среди сада
и нарвать себе лилий,—
3 Отдан милый мой мне,
а я — ему,—
Он блуждает меж лилий.

*

4 — Прекрасна ты, милая, как столица,
хороша, как Иерусалим,
И грозна, как полк знамённый!
5 Отведи от меня глаза,
что меня победили,
Твои волосы — как стадо коз,
что сбегает с гор гилеадских,
6 Твои зубы — как стадо овец,
возвращающихся с купанья,
Родила из них каждая двойню,
и нет среди них бесплодной,
7 Как разлом граната, твои щеки —
Из-под фаты!

*

8 — Шестьдесят их, цариц,
и восемьдесят наложниц,
и девушек — без счета,—
9 Одна она, моя нетронутая, моя голубка,
Одна она — ясная дочка
у матери родимой,—
Увидали подруги —
те пожелали ей счастья,
Царицы и наложницы —
те восхвалили:

10 — *Кто это восходит, как заря,*
прекрасная, как луна,
Ясная, как солнце,
грозная, как полк знамённый?

*

11 — Я спустился в ореховый сад
посмотреть на побеги долины,
Посмотреть, зеленеют ли лозы,
зацвели ли гранаты.

12 Я и не ведал —
душа моя меня повергла
под победные колесницы:
Вернись, вернись, шуламянка,
вернись, вернись, дай взглянуть!

(VII, 1) — *Что смотреть вам на шуламянку,*
будто на хороводную пляску?

VII

*

2 — Как прекрасны твои ноги в сандалиях,
знатная дева!
Изгиб твоих бедер, как обруч,
что сделал искусник,
3 Твой пупок — это круглая чашка,
полная шербета,
Твой живот — это ворох пшеницы
с каёмкою красных лилий,
4 Твои груди, как два олененка,
двойня газели,
Шея — башня слоновой кости,
5 Твои очи — пруды в Хешбоне
у ворот Бат-раббим,
Твой нос, как горная башня
на дозоре против Арама,
6 Твоя голова — как гора Кармел,
и пряди волос — как пурпур,
Царь полонен в подземельях.

*

7 — Как ты прекрасна, как приятна,
любовь, дочь наслаждений!
8 Этот стан твой похож на пальму,
и груди — на гроздья,
9 Я сказал: заберусь на пальму,
возьмусь за фиников кисти, —
Да будут груди твои, как гроздья лозы,
как яблоки — твое дыханье,
10 И нёбо твое — как доброе вино!

— К милому поистине оно течет,
У засыпающих тает на губах.

*

11 — Досталась я милому,
и меня он желает,—
12 Пойдем, мой милый, выйдем в поля,
в шалашах заночуем,
13 Выйдем утром в виноградники:
зеленеют ли лозы,
Раскрываются ль бутоны,
зацветают ли гранаты?
Там отдам я
мои ласки тебе.
14 Мандрагоры благоухают,
у ворот наших много плодов:
Нынешних и давешних
припасла я тебе, мой милый.

VIII

*

1 — Кто бы сделал тебя моим братом,
вскормлённым матерью моею,—
Я встречала бы тебя за порогом,
невозбранно бы тебя целовала,
2 Привела бы тебя я с собою
в дом матери моей родимой,
Напоила бы душистым вином
и соком моего граната!

*

3 — Его левая — под моей головою,
а правой он меня обнимает,—
Заклинаю я вас, о девушки Иерусалима:
Что вы будите, что пробуждаете
любовь, пока не проснется?

*

5 — *Кто это идет из пустыни,*
на милого опираясь?

— Под яблоней я тебя пробудила —
там родила тебя мать,
Там родила родная.

*

6 — Положи меня печатью на сердце,
Печатью на руку!
Ибо любовь, как смерть, сильна,
Ревность, как ад, тяжка,
Жаром жжет,—
Божье пламя она—
7 И не могут многие воды любовь погасить,
Не затопить ее рекам,—
Кто ценою своего достояния станет любовь покупать,
Тому заплатят презреньем.

*

8 — *Есть у нас сестрица,*
у нее еще нету гру́дей,
Что для сестрицы нам сделать,
когда к ней свататься будут?
9 *Была бы она стеной —*
мы бы ее укрепили
серебряными зубцами,
Была бы она дверью —
мы бы ее заградили
кедровой доскою.

— А я — стена,
мои груди, как башни,
10 Потому он во мне
находит оплот.

*

11 — Был сад у Соломона
в Баал-Хамо́не,
Вверил он сад сторожам.
Каждый вносил за плоды
тысячу серебром.
12 У меня же мой сад с собой:
тысячу с тебя, Соломон,
И две сотни — со стерегущих плоды[1].

---

[1] *Подруги или сама невеста собирают с гостей деньги на счастье?*

13 — Живущая в садах!
Друзья прислушались!
Дай услышать твой голос!
— Сокройся, мой милый!
Будь подобен газели
Или юному оленю
на горах благовоний![1]

КНИГА ЭККЛЕСИАСТ

ГЛАВА 1

1 Слова Проповедующего в собрании, сына Давидова, царя в Иерусалиме:

2 Суета сует,— сказал Проповедующий,— суета сует: всё суета.

3 Что пользы человеку от всех его трудов, над чем он трудится под солнцем?
4 Род уходит, и род приходит, а Земля остается навек.
5 Восходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает,
Чтобы там опять взойти;
6 Бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своем ветер,
И на круги свои возвращается ветер;
7 Бегут все реки в море,— а море не переполнится,
К месту, куда реки бегут,—
Туда они продолжают бежать;
8 Всё — одна маята, и никто рассказать не умеет,—
Глядят, не пресытятся очи, слушают, не переполнятся уши.
9 Чтó было, тó и будет, и чтó творилось, тó творится,
И нет ничего нового под солнцем.
10 Бывает, скажут о чем-то: смотри, это новость!
А уже было оно в веках, что прошли до нас.
11 Не помнят о прежнем — так и о том, что будет,—
О нем не вспомнят те, кто будут позднее.

---

[1] *Напоминание жениха невесте, что пора звать его в брачный покой, и зов невесты.*

12 Я, Проповедующий, царил над Израилем в Иерусалиме,
13 И предал я сердце тому, чтобы мудростью изучить и изведать
Все, что делается под небесами:
Тяжкую задачу дал бог решать сынам человека!
14 Видел я все дела, что делаются под солнцем,
И вот — всё это тщета и ловля ветра:
15 Кривое нельзя расправить, и чего нет, нельзя исчислить!
16 Сам себе промолвил я так:
Вот я мудрость свою умножил более всех,
Кто был до меня над Иерусалимом,
И много видело сердце мое и мудрости и знанья.
17 Так предам же я сердце тому, чтобы мудрость познать,
Но познать и безумье и глупость,—
Я узнал, что и это — пустое томленье,
18 Ибо от многой мудрости много скорби,
И умножающий знанье умножает печаль.

ГЛАВА 2

1 Я сказал себе: давай испытаю тебя весельем,—
Познакомься с благом!
Но вот — это тоже тщета:
2 О смехе промолвил я: он безумен,
И о веселии: что̀ оно творит?
3 Попытался я увлечь свою плоть вином,
И хотя сердце оставалось мудрым,
Придержаться и глупости, пока не увижу,
Как лучше поступать сынам человека под небесами
За считанные дни их жизни?
4 Я великие делал дела,
Я виноградники насаждал, я дома себе строил,
5 Я устроил себе цветники и сады, насадил в них дерев плодовых,
6 Я устроил себе пруды — орошать из них рощи, растящие деревья,
7 Приобрел я рабов и наложниц, и были у меня домочадцы,
А коров и овец приобрел я больше, чем все до меня в Иерусалиме;
8 Серебра и золота я тоже собрал и сокровищ от царей и сатрапий,
Завел я певцов, и певиц, и наслажденье людей — плясунов и плясуний.
9 И стал велик я более всех, кто был до меня в Иерусалиме
(А мудрость осталась со мною),
10 Ни в чем, что очи мои просили, я не отказывал им,
Ни от какой я радости не удерживал сердце:

Ибо ликовало мое сердце из-за моих трудов,—
Ведь была мне вся эта доля из-за моих трудов!
11 Но оглянулся я на дела, что сделали мои руки,
И на труды, над чем я трудился,—
И вот, всё — тщета и ловля ветра,
И нет в том пользы под солнцем!
12 И я оглянулся — посмотреть на мудрость, на безумье и глупость,—
Ибо что может тот, кто следует царю? То, что делали раньше!
13 И увидел я, что полезнее мудрость, чем глупость,
Как полезнее свет, чем тьма:
14 У мудрого есть глаза, а глупый бродит во тьме,—
Но и то я узнал, что единая участь постигнет их всех.
15 И подумал я про себя:
Раз участь глупца и меня постигнет,
То зачем же я был столь премудрым?
И сказал я себе, что это тоже — тщета,
16 Ибо вместе с глупцом и о мудром вовек не вспомнят,
Потому что в грядущие дни все будет давно забыто,—
Как же это мудрый должен равно с глупцом умирать?
17 И возненавидел я жизнь,
Ибо злом показалось мне дело, что делается под солнцем,
Ибо всё — тщета и ловля ветра.
18 И возненавидел я сам весь труд, над чем я трудился под солнцем,
Потому что оставлю его человеку, что будет после,
19 И кто знает, мудрый ли он будет или глупый,—
А будет владеть моими трудами,
Над чем я трудился, явив себя мудрым под солнцем:
Это тоже — тщета.
20 И обратил я к отчаянью сердце
Из-за всего труда, над чем я трудился под солнцем,—
21 Ибо был человек, чей труд был мудрым, умелым, успешным,—
А отдаст свою долю тому, кто над ней не трудился,—
Это — тоже тщета и большое зло.
22 Что же остается человеку
За его труды и томление сердца,
Над чем он трудится под солнцем?
23 Ибо все его дни — печали, и заботы его — это скорби,
Даже ночью нет сердцу покоя,
Даже это — тоже тщета.
24 Нет человеку блага, кроме как есть и пить —
Чтобы было ему хорошо от его труда;
И, однако, я увидел, что и это дано от бога,

25 Ибо кто, и поевши, узнает вкус без него?
26 Ибо тому, кто благ для него, дает он мудрость, и знанье, и радость,
А тому, кто согрешает, дает он заботу: копить и собрать,
Чтобы отдать тому, кто благ для бога,—
Это тоже тщета и ловля ветра.

ГЛАВА 3

1 Всему свой час, и время всякому делу под небесами:
2 Время родиться и время умирать,
Время насаждать и время вырывать насажденья,
3 Время убивать и время исцелять,
Время разрушать и время строить,
4 Время плакать и время смеяться,
Время рыданью и время пляске,
5 Время разбрасывать камни и время складывать камни,
Время обнимать и время избегать объятий,
6 Время отыскивать и время дать потеряться,
Время хранить и время тратить,
7 Время рвать и время сшивать,
Время молчать и время говорить,
8 Время любить и время ненавидеть,
Время войне и время миру.
9 Что пользы творящему в том, над чем он трудится?
10 Я понял задачу, которую дал бог решать сынам человека:
11 Всё он сделал прекрасным в свой срок,
Даже вечность вложил им в сердце,—
Но чтоб дела, творимые богом,
От начала и до конца не мог постичь человек.
12 Я узнал, что блага нет человеку,
Кроме как есть, и пить, и делать благое в жизни,
13 Но даже если кто ест, и пьет, и видит благо в труде,
То это — божий дар.
14 Я узнал: все, что бог творит,— это будет вовек:
Нельзя ничего прибавить, и нельзя ничего отнять,
А сотворил так бог, чтобы его боялись.
15 Что было — уже есть, и чему быть — уже было,
А исчезнувшее бог отыщет.
16 И то еще я увидел под солнцем:
Место суда — а там нечестье,
Место праведного — а там нечестивый.
17 Подумал я про себя:
Праведного с нечестивым бог рассудит,

Ибо там есть время для каждой вещи и каждого дела.
18 Подумал я про себя:
Это бог — ради человеков, чтобы их просветить,
Дабы поняли сами, что они — это скот, и только!
19 Ибо участь сынам человека и участь скоту —
Одна и та же им участь:
Как тому умирать, так умирать и этим,
И одно дыханье у всех, и не лучше скота человек;
Ибо всё — тщета.
20 Всё туда же уходит,
Всё — из праха, и всё возвратится в прах;
21 Кто знает, что дух человека возносится ввысь,
А дух скота — тот вниз уходит, в землю?
22 Я увидел: нет большего блага, чем радоваться своим делам,
Ибо в этом и доля человека,—
Ибо кто его приведет — посмотреть, что́ будет после?

ГЛАВА 4

1 И еще я увидел все угнетение, творимое под солнцем:
Вот слезы угнетенных,— а утешителя нет им,
И в руке угнетателя — сила, а утешителя нет им!
2 И прославил я мертвых,— что умерли давно,—
Более, чем живых,— что живут поныне;
3 Но больше, чем тем и другим, благо тому, кто совсем не жил,
Кто не видел злого дела, что делается под солнцем.
4 Поглядел я на весь труд,— а весь успех работы —
Зависть человека к другому человеку;
Это — тоже тщета и ловля ветра:
5 Глупец сложит руки, а завистью себя пожирает!
6 Лучше покоя на одну ладонь,
Чем полные горсти тщеты и ловли ветра.

7 И еще я увидел тщету под солнцем:
8 Есть одинокий, и с ним никого: ни сына, ни брата,
И нет конца всем его трудам,
И не сыты его очи богатством:
«И для кого я тружусь и себя лишаю блага?»
9 Вдвоем быть лучше, чем одному,
Ибо есть им плата добрая за труды их:
10 Ибо если упадут — друг друга поднимут;
Но горе, если один упадет, а чтоб поднять его — нет другого,
11 Да и если двое лежат — тепло им; одному же как согреться?

12 И если кто одного одолеет,
То двое вместе против него устоят;
И втрое скрученная нить не скоро порвется.

13 Лучше бедный мальчик, но умный, чем царь престарелый, но глупый,
Что уже не умеет понять предостереженья —
14 Ибо этот из темницы выйдет царить,
Ибо тот рожден даже в царственном сане нищим;
15 Видел я, как все живое, все, что движется под солнцем,—
Вместе с мальчиком, с тем другим, кто займет его место:
16 Нет конца народу, всем, кто был поначалу!
Но не порадуются ему те, кто будут позже,—
Ибо это тоже тщета и пустое томленье.

ГЛАВА 5

1 Следи, как ступаешь, в дом божий идя:
Подойти, чтобы слушать, лучше, чем жертвы приносить с глупцами,
Ибо, сами не зная, творят они зло.
2 Не торопись языком и в сердце своем не спеши
Слово вымолвить, предстоя перед богом:
Ибо бог — на небесах, а ты — на земле,
Потому да будут твои речи кратки.
3 Ибо возникает мечтанье из множества забот,
И речь глупца — из множества слов.
4 Что ты богу обещал по обету — то исполни неотложно,
Ибо не жалуют глупцов: обещал — исполни!
5 Лучше не обещать, чем обещать и не исполнить;
6 Не давай устам ввести тебя в грех,
И посланцу не говори, что случилась ошибка:
На звук твоей речи зачем гневаться богу,
И дело твоих рук зачем губить?
7 Ибо от множества мечтаний — много тщетных слов,
Ибо бога ты должен бояться.

8 Если увидишь в стране угнетение бедных,
Извращение суда и правды —
Не удивляйся таким делам:
Ибо начальник за начальником следит, а за ними — начальство;
9 Но польза земли — во всем: и царю служит поле!

10 Любящий деньги не насытится деньгами,
Ни доходом — тот, кто любит копить:
Это тоже тщета.
11 Чем больше добра, тем больше едоков,
А владельцу какая прибыль? Разве что посмотрит!
12 Сладок сон работящего, поел ли мало он или много,
А сытость богача не даст ему сном забыться:
13 Есть злой недуг,— видал я под солнцем,—
Богатство, хранимое на беду владельцу!
14 А пропадет то богатство среди тяжкой заботы,—
Породивши сына, он тому ничего не оставит,
15 Ибо как вышел он наг из утробы материнской,
Так вернется, чтоб уйти, как пришел,
И за труд свой в руке унести ничего не сможет.
16 И это тоже — злой недуг:
Одинаково всякий как приходит, так уходит,
И что пользы ему, что трудился на ветер?
17 И все-то дни свои он ест во тьме,
И много скорбей, и болезни у него, и злобы!

18 Вот что я увидел благого:
Что прекрасно есть, и пить, и видеть благо в своих трудах —
Над чем кто трудится под солнцем
В считанные дни своей жизни, что дал ему бог,—
Ибо то его доля.
19 Так и всяк человек — кому дал бог добра и богатства,
И дал ему власть воспользоваться ими,
И брать свою долю, и радоваться своим трудам,—
То это есть божий дар:
20 Ибо нечего ему вспоминать о днях своей жизни,
Ибо бог посылает ему ответ в его радости сердца.

ГЛАВА 6

1 Есть зло, что я увидел под солнцем, велико оно для людей:
2 Человек, кому бог дал добра, и богатства, и почета,
И все у него есть, чего б душа ни пожелала,—
Но не дано ему богом власти воспользоваться этим,
Так что пользуется чужой человек,—
Это — тщета и злая болезнь.
3 Если сотню сынов породит и многие годы пребудет,
То сколько бы лет ни прожил,
Но коль душа не насытилась благом

Или если не было ему погребенья,—
Я подумал: лучше выкидышу, чем ему.
4 Ибо в тщете тот пришел и во тьму уйдет,
И тьмою его имя сокрыто,
5 Даже солнца не знал и не ведал —
Но тому покойней, чем ему:
6 Если б даже дважды две тысячи лет он прожил,
А блага не видел —
То разве всё не туда же уходит?
7 Трудится человек для рта, а сам недоволен:
8 Ибо чем превосходит мудрый глупца,
Чем — бедный, кто умеет лицом к лицу быть с жизнью?
9 Лучше зримое очами, чем то, к чему тянется душа,
Это тоже — тщета и ловля ветра.
10 Все, что было, уже имеет имя,
И каково оно — известно:
Человек не может тягаться с сильнейшим, чем он,
11 Ибо много есть слов, что множат тщету,—
И чем от них лучше человеку?
12 Ибо кто знает, чтó есть благо человеку в жизни
В считанные дни его тщетной жизни?
А ее он сделал себе сенью,
Потому что — кто же объявит человеку,
Чтó будет после него под солнцем?

ГЛАВА 7

1 Лучше доброе имя, чем добрый елей,
И день смерти лучше дня рождения.
2 Лучше пойти в дом плача, чем пойти в дом пира,
Потому что таков конец для всякого человека,
И живой это сердцем запомнит.
3 Лучше скорбь, чем смех, ибо с худым лицом добреет сердце,—
4 Сердце мудрых в доме плача, а сердце глупых в доме веселья.
5 Лучше слушать от мудрого порицанье,
Чем слушать человеку песню глупца,
6 Ибо как терниев треск на костре под котлом, так и смех глупца:
И это — тоже тщета.
7 [Лучше бедность, чем неправедная нажива],
Ибо лихва превращает мудреца в безумца,
А подачка разрушает сердце.
8 Лучше конец дела, чем начало дела,
Лучше терпение, чем гордыня:
9 Не спеши скорбеть, ибо скорбь обитает в груди глупцов,

10 Не говори: «Как случилось, что прежние дни были лучше этих?»,
Ибо не от мудрости ты спросил об этом.
11 Наравне с наследием мудрость — благо,
Даже лучше она для видящего солнце:
12 Ибо под сенью мудрости — под серебряной сенью,
А польза знания: мудрость знающему жизнь продлевает.
13 Посмотри на деяния бога,
Ибо кто может расправить, что он искривил?
14 В день благой будь блажен, а в день худой — пойми:
Бог наравне с тем днем и этот создал,
Чтобы после себя человек не нашел ничего.
15 Всякое я видел в мои тщетные дни:
Есть праведник, гибнущий в праведности своей,
И есть нечестивец, долговечный в своем нечестье:
16 Не очень будь праведным и не слишком мудрым —
Зачем тебе ужасаться?
17 Не очень будь нечестивым и не будь глупцом —
Зачем тебе умирать до срока?
18 Благо, если ты придержишься одного
И от другого не отпустишь руку,—
Но боящийся бога от всего уйдет.
19 Мудрость поможет мудрому лучше,
Чем в городе десять могучих,
20 Ибо праведника нет на земле такого,
Чтобы благо творил и не погрешил бы.
21 И не всё, что говорят, принимай ты к сердцу,
Чтоб не слышать, как клянет тебя раб твой,—
22 Ибо сколько раз было — твое сердце знает,
Что и сам ты тоже клял других.

23 Мудростью поверял я все это,
Думал: «Стану мудрым»,— а она от меня далекá.
24 Далеко то, что было, и глубоко,—
Глубоко — кто его отыщет?
25 Старался я и сердце мое
Узнавать, и разведывать, и разыскивать замысел и премудрость,—
Чтоб узнать, что нечестие — глупость, а глупость — безумье.
26 А горше смерти нахожу я женщину, потому что она — ловушка,
И сердце ее — тенета, и руки ее — узы:
Кто благ для бога, ее избежит, а согрешающий попадется.
27 Вот это постиг я,— сказал Проповедовавший в собрании,—
Мало-помалу замысел постигая;

28 Что еще искала душа моя, чего не нашел я?
Мужа — одного из тысячи нашел я,
А женщины — ни одной из всех их не нашел я.
29 Только вот это я нашел: что сделал бог человека прямым,
Они же ищут многих ухищрений.

ГЛАВА 8

1 Кто подобен мудрецу, кто знает толкование слова:
«Мудрость человека просветлит его лик,
И переменится дерзость его лика»?

2 По мне — приказ царя соблюдай,
Но только ради клятвы перед богом;
3 Не спеши от него идти, при деле злом не присутствуй,
Ибо все, что желает, творит он,
4 Потому что царское слово властно,
И кто ему скажет: «Чтó творишь ты?»,
5 Соблюдающий заповедь злого дела не познает,
А срок и приговóр узнает сердце мудреца.
Ибо всякой вещи есть свой срок и приговóр,
6 Ибо зло на совершившего тяжко ляжет;
7 Ибо никто не знает, чтó еще будет,
Ибо о том, что будет, кто ему объявит?
8 Нет человека, властного над ветром,—
Удержать умеющего ветер,—
И над смертным часом нет власти,
И отпуска нет на войне,
И не выручит нечестие нечестивца.
9 Все это видал я, принимая к сердцу
Все дела, что делаются под солнцем
В срок, когда властвует человек над человеком, ему на беду.
10 А потом видал я нечестивцев, несомых в могилу,
Пришли они в святое место, но уйдут
И будут забыты в городе, где так они поступали;
Это тоже тщета.
11 Оттого лишь, что указ о сделавшем злое исполняется не быстро,
И осмеливаются люди делать зло
12 (Оттого-то грешник делает сотню зол, и ему дается время);
Однако знаю я и то,
Что благо — бояться бога и тем, кто его боится,
13 А блага нет нечестивцу, не удлинятся дни его, подобно тени,
Потому что бога он не боялся.

14 Бывает на земле и такая тщета:
Есть праведники, а дана им участь в меру деяния нечестивцев,
И есть нечестивцы, а дана им участь в меру деяния добрых,—
Я подумал, что это тоже — тщета;
15 И восхвалил я радость, потому что блага нет человеку под солнцем,
Кроме как есть, и пить, и веселиться,
И да последует это за трудами дней его жизни,
Которые дал ему бог под солнцем.
16 Когда склонил я сердце мудрость познать
И увидеть заботу, что создана под солнцем
(Ибо ни днем, ни ночью сна не знают очи),
17 То увидел я все дело бога:
Что не может человек найти суть дела, что делается под солнцем,—
Сколько б ни трудился искать человек — не найдет;
И если даже скажет мудрец, что сумеет,— не найдет.

ГЛАВА 9

1 Ибо это все я запомнил в сердце,
Дабы это все объяснить,—
Что праведные и мудрые и дела их — в руке у бога:
Человек не знает, что предстоит —
Любовь или ненависть? Все возможно;
2 Всё, как всем: одна участь праведному и нечестивцу,
Благому и чистому — и нечистому;
Приносящему жертвы — и тому, кто не приносит жертвы,
Как благому — так и грешному,
Как клянущемуся всуе — так и боящемуся клятвы;
3 Это — беда во всем, что делается под солнцем,
Ибо участь для всех одна;
Потому-то осмеливаются люди на зло,
И пока они живы, в их сердцах — безумье,—
А после этого — к мертвым.
4 Ибо тому, кто сопричислен ко всему живому, есть надежда,
Ибо живой собаке лучше, чем мертвому льву;
5 Ибо живые знают, что умрут, но мертвые ничего не знают,
И нет им более платы, ибо память о них исчезла,
6 А любовь их, и ненависть их, и зависть — это сгинуло давно,
И доли нет им более в мире,
Во всем, что делается под солнцем.
7 Так ешь же в радости хлеб твой и с легким сердцем пей вино,
Ибо бог уже давно предрешил твои деянья.

8 Во всякое время да будут белы твои одежды,
И пусть не оскудевает на голове твоей умащенье;
9 Наслаждайся жизнью с женщиной, которую любишь,
Все дни твоей тщетной жизни,
Потому что дал тебе он под солнцем
Все твои тщетные дни,
Ибо это — твоя доля в жизни и в твоих трудах,
Над которыми сам ты трудишься под солнцем.
10 Все, что готова рука твоя делать,— в меру сил твоих делай,
Ибо нет ни дела, ни замысла, ни мудрости, ни знанья
В преисподней, куда ты уходишь.
11 И еще довелось мне увидеть под солнцем,
Что не быстрым удача в беге, не храбрым — в битве
И не мудрым — хлеб, не разумным — богатство
И не сведущим благословенье,
Но срок и случай постигает их всех;
12 Ибо так и человек не знает срока,
Как рыбы, захваченные злою сетью,
И как птицы, попавшие в силок, —
Как они, в злой час уловляются сыны человеков,
Когда он внезапно их настигнет.

13 Также ту я видел мудрость под солнцем,
И велика она мне показалась:
14 Небольшой городок, и людей в нем мало,
А вышел против него великий царь,
И осадил его, и воздвиг великие осадные валы,—
15 Но нашелся в нем мудрый бедный человек,
И он умел избавить город мудростью своею,—
Но никто не вспомнил того бедного человека.
16 И я подумал: лучше мудрость, чем храбрость,
Но мудрость бедного презирают и не слушают его речей:
17 Речи мудрого в спокойствии слышнее,
Нежели крик начальника глупцов;
18 Блага в мудрости больше, чем в орудиях войны,—
Но один согрешающий погубит много блага.

ГЛАВА 10

1 От подыхающих мух смердит и бродит елей умащенья,
Немного глупости перевесит почет и мудрость.
2 Думы мудрого дельны, а думы глупого бездельны,
3 И даже на пути, которым глупец идет, ему не хватает смысла,
А он говорит о каждом: «Вот глупец!»

4 Если прогневится на тебя начальник — не покидай своего места,
Ибо уступчивость прекращает большие грехи.

5 Есть зло,— видал я под солнцем,—
Что от имеющего власть исходит заблужденье:
6 Поставлена глупость на высокие посты,
А достойные внизу пребывают.
7 Видел я рабов на конях
И князей, шагавших пешком, как рабы!

8 Копающий яму в нее упадет,
И сносящего стенку укусит змея.
9 Разбивающий камни о них ушибется,
И колющему дрова от них угроза.
10 Если затупело железо,— не заточив лезвие, только силы потратишь:
Польза мудростью преуспеет!
11 Если прежде заклинания змея укусит, то в болтунах уже пользы нет,
12 Речи мудрого — благостыня, а уста глупца его же и поглотят:
13 Начало речей его — глупость,
И конец речей его — злое безумье,—
14 А глупец все множит слова.
Не знает человек, что будет,
И о том, что случится после, кто ему объявит?
15 Труды глупца его утомят,
Потому что не знает он дороги в город!

16 Горе тебе, страна, чей царь — невольник
И чьи князья пируют спозаранку,
17 Блаженна ты, страна, чей царь — свободный
И чьи князья едят в положенное время,
Для укрепления мужества, а не для пьянства.
18 От ленивых рук обрушится остов дома,
И кто опускает руки, у того протекает крыша;
19 Для того чтоб смеяться, ставят хлеб на столы,
И увеселяет жизнь вино;
А деньги все разрешают.

20 Даже в мыслях не кляни царя,
И в спальном покое не кляни богатых,
Ибо птицы небесные перенесут твою речь,
И пернатые объявят дело.

ГЛАВА 11

1 Посылай свой хлеб по водам,
Ибо спустя много дней ты его найдешь,
2 Давай долю семи и даже восьми,
Ибо ты не знаешь, какая беда на земле может статься:
3 Если наполнятся тучи, то на землю дождь они проливают,
И если упало дерево,— на юг ли, на север,—
То дерево — там, куда оно упало.
4 Следящий за ветром не будет сеять,
И глядящий на тучи не будет жать:
5 Точно так, как не знаешь ты, откуда стало дыханье
И кости откуда в беременной утробе,
Так не знаешь ты дел бога, создающего все.
6 Сей семена с утра и руке до вечера не давай отдохнуть,
Ибо ты не знаешь, что́ удастся — то или это,
Или то и другое равно хорошо.
7 И сладок свет, и благо очам — видеть солнце,
8 Ибо если много дней человек проживет,
То да радуется каждому из них —
И помнит о днях темноты, ибо тех будет больше:
Все, что наступит,— тщета.
9 Радуйся, юноша, молодости своей,
И в дни юности твоей да будет сердцу благо;
И ходи по путям, куда влечет тебя сердце,
И по зримым твоими очами,
И знай, что за все это бог призовет тебя к суду;
10 Но скорбь отвергни от сердца
И худое отведи от плоти,
Ибо молодость и черные волосы — тщета.

ГЛАВА 12

1 И о своем создателе помни с юных дней,
Еще до поры, как настанут дни худые,
И приблизятся годы, о которых ты скажешь: «Я их не хочу»,—
2 До поры, как затмится солнце,
И свет, и луна, и звезды,
И после дождя будут снова тучи,—
3 В день, когда трясущимися станут обходящие дом,
И скрючатся твои бойцы,
И будут мельничихи праздны, ибо станет их мало,
И потускнеют глядящие в окошки,

4 И запрутся на улицу двери,
Как затихнет голос зернотерок,
И еле слышен станет голос птиц,
И поющие девушки притихнут;
5 Малого холмика станешь бояться,
И препоны будут на дороге,
И цветы миндаля опадут,
И наестся саранча,
И осыплется каперс желанья —
Ибо уходит человек в свой вечный дом,
И наемные плакальщики на улице кружат;
6 До поры, как порвется серебряный шнур,
И расколется золотая чаша,
И разобьется кувшин у ключа,
И сломается вброт у колодца.
7 И прах возвратится в землю, которою он был,
И возвратится дыхание к богу, который его дал.

8 Суета сует,— сказал Проповедовавший в собрании,— все суета.

9 А сверх того, что был мудрым Проповедующий, он еще учил народ зна-
нию, и взвешивал, и исследовал, и складывал многие притчи. 10 Искал Пропо-
ведующий, как найти слова дельные и написанные верно, слова истины.

11 Слова у мудрых — как стрекало погонщика,
И как вбитые гвозди — у собирателей пословиц:
От единого пастыря даны.
А кроме них, мой сын, остерегись:
12 Много книг составлять — конца не будет,
И много читать — утомительно для плоти.
13 Послушаем всему заключенье:
Бога бойся, храни его заветы,
Ибо это каждому подобает,
14 Ибо всякое дело бог призовет к суду
Над всем сокрытым в тайне — худым и хорошим.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

[СКАЗКА ПОТЕРПЕВШЕГО КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ]

Папирус 1115 Государственного Эрмитажа в Ленинграде, датируется временем XII—XIII династии (XX—XVII вв. до н. э.). Единственный экземпляр. Начало [Сказки] не сохранилось, но совершенно ясно, что завязкой служил рассказ о возвращении откуда-то с юга египетской экспедиции, результаты которой были не совсем удачны; ее руководитель в смятении, он боится предстать перед фараоном. Другой участник экспедиции, его друг, успокаивает и наставляет его и в пример приводит собственный опыт. [Сказка] является древнейшим в мировой литературе образцом «приключенческой» повести.

Все переводы из древнеегипетской словесности выполнены М. Коростовцевым и отредактированы С. Маркишем специально для «Библиотеки всемирной литературы». Переводы А. Ахматовой и В. Потаповой даются по книге: «Лирика древнего Египта», составление, вступительная статья, подстрочные переводы и примечания И. Кацнельсона. М., «Художественная литература», 1965[1].

(3) *Деревянный молот* — употребляется на парусных судах для работы с такелажем.

(9) *Страна Уауат* — находилась в Северной Нубии.

(10) *Остров Сенмут* — находится на Ниле; современный Бигэ, немного южнее Асуана.

(61) *...раскрыл я лицо...*— То есть перестал бояться. Закрытое лицо — проявление страха.

(114) По египетским представлениям, все на свете — одушевленные и неодушевленные предметы — имеет своего двойника — *ка*, полностью похожего на оригинал и иногда видимого. Здесь не ясно — чей именно «двойник» имеется в виду.

(144) *Совет страны* — царский совет.

---

[1] Все помещенные в томе переводы, источник которых на русском языке не указан, публикуются впервые.

(150) *Мирра* — камедистая смола из многих африканских и аравийских растений, использовалась в основном как умащение.

(151) *Пунт* — страна на территории нынешнего Сомали.

(188—189) По-видимому, текст, написанный *Аменаа* и не дошедший до нас, и был оригиналом сказки, и, быть может, Аменаа был ее автором. Аменаа был, очевидно, высокопоставленным человеком, на это указывают слова, сопровождающие его имя — «да будет он жив, невредим и здрав!».

[РАССКАЗ СИНУХЕ]

Текст сохранился на берлинском папирусе 3022, обозначенном в науке буквой В; здесь нет начала. Датируется временем XII династии (XX—XVIII вв. до н. э.). Берлинский папирус 10499 на стороне R содержит начало и первую половину [Рассказа]. Папирус найден в Рамессуме и обозначается в науке буквой R. Датируется временем XVIII династии (XVI—XIV вв. до н. э.). Перевод дан по R и В. Сюжет [Рассказа]: вельможа Синухе из опасений за свою жизнь бежит из Египта и проводит многие годы в Сирии. Причина — смерть фараона *Аменемхета* I, за ней последовала дворцовая смута, исход которой был неведом. Синухе близок к законному наследнику *Сенусерту* I. При вести о заговоре против него ужас охватил Синухе, и, поддавшись малодушию, он бежал. Фараон прощает Синухе его малодушие и возвращает его на родину. Язык рассказа местами очень труден, даже вызывает в некоторых местах (например, в 118—121) разночтения и разное понимание.

(R1) *Первенствующий* — перевод египетского титула, обычно неверно переводимого словом «князья».

(R2) *Истинный знакомец царя, спутник* (или дружинник) — титулы придворных вельмож.

(R4) *Хнум-сут* — название пирамиды Сенусерта I и города при ней (в районе современного Лишта).

(R5) *Канефру* — название пирамиды Аменемхета I и города при ней, также в районе Лишта. *Время разлива.*— Египетский год делился на три времени — «разлив», «зима» и «лето» по четыре месяца в каждом.

(R6) *Бог* — фараон; фараон считался «богом» на троне страны (чаще «бог благой»). *Окоем* — образное название гробницы. *Схетепибра* — одно из имен Аменемхета I.

(R8) Фараон почитался сыном бога Солнца Ра.

(R9) *Великие Врата* — ворота царского дворца.

(R12) *Темеху* — одно из ливийских племен.

(R14) *Чехен* — также одно из ливийских племен.

(R17) *Западный Берег* — берег Нила.

(R21) *Сокол* — образное именование фараона.

(R23—24) О смерти Аменемхета I оповещен был сын и наследник его Сенусерт I и одновременно, но отдельно от него — другие дети царя, бывшие под его началом.

(R32) *Маати* — вероятно, современное озеро Мариут.

(R33) *Сикомора.*— Местонахождение неизвестно. *Остров Снефру*—находится где-то в северо-западной части дельты Нила.

(R37) *Селенье Негау* — находилось где-то у вершины Дельты.

(R40) *Владычица Красной горы* — здесь: *богиня Хатхор* и одновременно название горы. Хатхор — одна из великих древнеегипетских богинь, культ которой был весьма распространен в разные времена; супруга Хора, богиня радости, любви, рождений. Красная гора — гора Гебел-эл-Ахмар близ современного Гелиополя (см. прим. к стр. 75).

(R42) *Стена Правителя* построена Аменемхетом I на восточной границе Египта, близ современного Вади — Тумилат.

(R46) *Петен* — местонахождение неизвестно.

(R47) *Великое Черное озеро* — по-видимому, современное Тимсах.

(R53) *Библ* — находился чуть севернее современного Бейрута. Со времен глубокой древности испытывал сильное культурное и политическое влияние Египта. *Кедем* — находился где-то к юго-востоку от Библа.

(R55) *Ретену* — находилась в южной Палестине.

(B43) *Болота* — иноназвание Дельты. *Элефантин* — остров на Ниле близ первого порога, на самом юге Египта. *Нубия*—расположена по течению Нила, к югу от Первого порога.

(B44) *Бог прекрасный* — фараон; см. также (B47).

(B45) *Сехмет* — грозная львинообразная богиня, входит в так называемую мемфисскую триаду (см. прим. к стр. 75).

(B49—50) *...по приказу его входят и выходят.*— Речь идет о посланцах фараона.

(B54) *Он сокрушает рог...*— Враг отождествляется с быком, отсюда — рог.

(B142) *Монту* — исконный бог-воитель фиванского нома.

(B166) *Госпожа страны* — здесь: царица. В (B172—173) она отождествляется с богиней неба *Нут*. Последняя изображалась иногда на потолке гробницы. Отсюда — «надо мною». См. также (B185) и (B193). *Хеперкара* — одно из имен Сенусерта.

(B179) *Хор* — сын *Осириса* и *Исиды* (см. прим. к стр. 111). *Обе Владычицы* — богини Верхнего и Нижнего Египта.

(B191) *«Ночь»* — в гробнице, *масла* — для изготовления мумии.

(B192) *Таит* — богиня-покровительница ткачей и ткаческого искусства.

(B206) *Владыка Обеих Земель, Владыка Фив Амон* — эпитеты бога Амона; Фивы — столица Египта в эпоху Среднего и Нового царства. Амон — местный бог Фив; с возвышением Фив в ранг столицы он превращается в главного общегосударственного бога. Владыка Обеих Земель — царь Верхнего и Нижнего Египта.

(B207) *Себек* — бог Фаюма, изображался в виде крокодила. *Атум* (Ра-Атум) — исконный бог Гелиополя (северная часть современного Каира).

Девятерица (Эннеада) — девять богов Гелиополя: Ра-Атум, породивший бога воздуха Шу и жену его Тефнут, от которых произошли бог воздуха Геб, богиня неба Нут и дети последних: Осирис и Исида, Сет и Нефтида.

(В208) *Сопд* — бог восточной части Дельты. Упомянутые здесь и далее боги — местные боги Дельты. Бога *Семсеру* в египетском пантеоне нет,— результат ошибки писца.

(В 209) *...боги на водах.*— Боги — помощники *Хапи*, бога Нила. *Мин* — бог плодородия, главный бог города Коптоса (Верхний Египет), один из популярных древнеегипетских богов. Считался также покровителем путей, ведущих в Аравийскую пустыню из Египта. *Уререт* (великая) — эпитет богини Хатхор, которая считалась покровительницей Пунта.

(В 210) *Хорур* — одна из ипостасей Хора. *Страна Возлюбленная* — Египет.

(В 214) *Аменти* — загробный мир.

(В 215) *Владыка познания человеческого* — фараон.

(В 219) Имена некоторых правителей подвластных Египту стран. Местонахождение *Хенткешу* неизвестно.

(В 230—231) *...опаслив тот, кто знает страну свою...*— То есть тот, кто знает ее нравы и законы и поэтому боится кары за определенные преступления.

(В 242) Название укрепленного пункта на границе Египта и Сирии недалеко от современной Эль-Кантары.

(В 246) *Каждого из прибывших...*— Имеются в виду прибывшие египтяне. Синухе представляет их азиатам,— своеобразный дипломатический протокол.

(В 247) *Иту* — находился к югу от Мемфиса, близ современного Лишта.

(В 249) Перед воротами дворца стояли *сфинксы.*

(В 268) *Систры* и *трещотки* — музыкальные инструменты.

(В 270—271) *Владычица неба*, *Богиня золота*, *Владычица звезд* — эпитеты богини Хатхор.

(В 272) *Урей* — изображение кобры, эмблемы царской власти, в виде венца на голове.

(В 274) *Владычица мира* — Хатхор.

(В 276) *Мехит* — одна из рода́ львинообразных богинь, покровительница местности Тис, откуда был родом Синухе. Местонахождение Тиса неизвестно.

(В 287) *Прохладительная палата* — помещение, где старались уменьшить жару и сохранить прохладу.

[ПРАВДА И КРИВДА]

Папирус Честер-Битти II, палеографически датируется временем XIX династии (XIII в. до н. э.). Начало сказки — очень повреждено. Любопытно отметить, что Девятерица богов вовсе не отличается ни милосердием, ни спра-

ведливостью: они выполняют жестокое желание Кривды и ослепляют Правду.

(6.2) Намек на расправу с помощью крокодила.

(9.2) *Пайамун* — ныне Эль-Баламун в Нижнем Египте. *Заросли папируса* — дельтаНила. Следовательно, бык стоит хвостом к северу;он сказочных размеров.

(10.3) О *ноже*, очевидно, говорилось в несохранившейся части сказки. *Гора Ял.*— Местонахожденпе неизвестно. *Кал* — территория на юге Нубии.

[ДВА БРАТА]

Папирус Орбинэ, находится в Британском музее. Переписан рукой писца *Иннана* с не дошедшего до нас текста в конце XIX династии (конец XIII в. до н. э.).

(3.4) *Хар* — мера сыпучих тел, 76,5 л.

(5.4) *...исполнить вчера.* — Новый день начинался с заходом солнца.

(7.2) *Долина Кедра* — фантастическая местность, но в основе этого названия лежат сведения египтян о Ливане, откуда они вывозили в Египет дерево кедра для ритуальных целей.

(7.7) *Ра-Хорахти* (солнце при восходе и солнце при заходе) — одна из ипостасей Ра.

(7.9) Эпизод напоминает похожий эпизод в мифе об Осирисе (см. прим. к стр. 111).

(9.6) *Хнум* — согласно одному из мифов, бог — творец мира и людей, которых он вылепил, по поверью, на гончарном круге; его изображали с головой барана. Ему Девятерица и поручает сотворить жену для *Баты*.

(18.7—19.6) Речь идет о Бате, который возродился во чреве у *Великой Любимицы* (12.3) и стал фараоном, затем — о его старшем брате *Анупу*.

(19.1) *Царский сын Куш* — титул одного из самых высоких сановников во времена Нового царства; наместник фараона в Куш, то есть на территориях к югу от Египта.

(19.9) Здесь упоминаются имена нескольких писцов, любителей литературы, составлявших на протяжении нескольких лет нечто вроде литературного кружка. Из них самым активным, видимо, был Иннана. *Тот* — бог мудрости, письма и счета.

[ОБРЕЧЕННЫЙ ЦАРЕВИЧ]

Папирус Харрис 500, палеографически текст датируется временем XIX династии, более точно — временем царствования Рамсеса II или несколько позже (XIII в. до н. э.). Это время, как и предшествующие времена XVIII династии,— эпоха египетских завоеваний в Палестине, Сирии и прилегающих странах.

(5.1) *Восточный берег* — берег Нила.

(5.3) *Нахарина* — была расположена на территории современной Сирии.

[ВЗЯТИЕ ЮПЫ]

Папирус Харрис 500, палеографически текст датируется тем же временем, что и [Обреченный царевич]. Однако время действия отнесено к царствованию *Менхеперра*, иначе Тутмоса III, величайшего завоевателя (XVIII династия, XV в. до н. э.).

(1.2) *Джехути* — полководец времен Тутмоса III. Фараон наградил его золотой чашей (хранится в Лувре) и кинжалом (хранится в Дармштадте).

(1.3) Местонахождение *Юпы* точно не известно, большинство исследователей помещают его близ Дамаска, некоторые — на месте современного порта Яффы. Начало текста сказки повреждено, однако ясно, что Джехути хитростью заманил правителя Юпы в свой стан и взял в плен. Взятие Юпы осуществляется хитростью, напоминающей предание о троянском коне.

(1.5) *Апр* — подневольный слуга неегипетского происхождения.

(1.8) *Палица Менхеперра* — магическое победоносное оружие Тутмоса III.

(2.3) Точный вес *немсета* неизвестен.

(2.11) *Сутех* — то есть Сет.

(3.11) *Амон-Ра* — божество, носит имя, составленное из имен двух богов, бога Солнца Ра и Амона, как было сказано, местного бога Фив. С возвышением Фив в ранг столицы страны Амон стал называться Амон-Ра и второе имя освящало первое своей древностью и авторитетом.

[ГИМН БОГУ АТОНУ]

Текст гимна сохранился в гробнице сановника Эйе, приближенного фараона XVIII династии Аменхотепа IV, или, иначе, *Эхнатона* (время его правления приблизительно 1367—1350 гг. до н. э.). С именем этого царя связана грандиозная религиозная реформа: Аменхотеп IV, по-видимому, впервые в истории человечества совершил попытку провозгласить официально монотеизм. Многовековой политеизм не был, конечно, искоренен, но был, безусловно, оттеснен на задний план. Религией египетского государства стал культ единого бога Атона, который был объявлен единственным богом вместо древнего Амона и его триады (его жена Мут, их сын, бог луны Хонсу). Если Амон и его триада (как и другие бесчисленные боги) были либо зооморфными или антропоморфными, то Атон — это сам солнечный диск, единственный источник жизни во вселенной. Если ранее фараон считался сыном бога Амона, то Эхнатон рассматривал себя как сын Атона.

(1) Слова в кавычках — имя бога Атона, составленное по образцу имен фараона. *Атон* — имя солнечного диска. *Ахетатон* (что значит: небосклон Атона)—малая столица Египта, построенная Эхнатоном в 300 км к северу от Фив. *...единственного у Ра...* — Эти слова входят в имя фараона Эхнатона. Они свидетельствуют о том, что монотеизм Эхнатона не был завершенным.

(11) *Река* — Нил, единственная река в Египте.

[125 ГЛАВА «КНИГИ МЕРТВЫХ»]

«Книга Мертвых» — нечто вроде руководства для умершего в загробном мире. В полном объеме она появляется во времена XVIII династии, то есть в XV в. до н. э. Здесь нет возможности даже коротко рассказать о ее содержании в целом, о ее происхождении и т. д. [125 глава «Книги Мертвых»] — одна из самых интересных ее глав. «Книга Мертвых», и, в частности, ее [125 глава], дошла до нас во множестве экземпляров, но вряд ли можно найти два совершенно тождественных. Тем не менее композиция и содержание [125 главы] в основном во всех экземплярах одинаковы. Умерший после смерти попадает в загробный суд — *Великий Двор Двух Истин*, где председательствует «великий бог» *Уннефер* (одно из имен Осириса), суд должен рассмотреть поступки человека на земле и решить дальнейшую судьбу умершего в загробном мире. В заключении первой речи «чистота» умершего отождествляется с чистотой *великого феникса в Гераклеополе*, иначе, с чистотой самого Осириса. Каждый из сорока двух богов — членов суда «заведует» особым грехом, и во второй речи умерший убеждает каждого члена суда в отдельности в своей невинности.

М. Коростовцев

⟨ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА⟩

В переводах Анны Ахматовой и Веры Потаповой.

Стр. 75. *Мемфис* — древняя столица Египта, находившаяся южнее Каира. С XVI в. до н. э.— важнейший торговый центр, а также центр почитания бога *Пта*. Пта—владыка богов, создатель всего сущего. Считался покровителем кузнецов и скульпторов. Его жена Сехмет и сын Нефертум составляли так называемую мемфисскую триаду. Изображался в виде человека с обритой головой, закутанного в погребальные пелены. *Иарит* — богиня-змея, охранительница власти фараона. *Нефертум.*— Его изображали человеком с цветком лотоса на голове (лотос олицетворяет рождение и процветание). *Золотая* — эпитет богинь Хатхор и Сехмет. Хатхор поклонялись так же, как богине неба и дальних стран. Ее священным символом был систр, а священным животным — корова.

Стр. 76. *Канал Владыки* — находился около города Гелиополя (по-древнеегипетски: Он). *Канал Мертиу* — находился в районе Гелиополя. Здесь идет речь о празднике, справлявшемся в начале разлива Нила.

Стр. 80. *Мех-мех* — портулак.

Стр. 83. *Новогодняя звезда* — Сириус, с первым восходом которого совпадало начало разлива Нила и, следовательно, начало сельскохозяйственных работ.

Стр. 93. *Гермополь* (совр. Ашмуиен) — город в Среднем Египте, примерно в трехстах километрах южнее Каира. Центр почитания бога мудрости, письма и счета — Тота.

Стр. 95. *Птахотеп* — возможно, главный советник фараона V династии Исеси (XXV в. до н.э.). Считался позднее одним из великих древних мудрецов.

Стр. 96. *Семь Хатхор.*— По верованиям древних египтян, богиня любви Хатхор воплощалась в образы семи богинь — предсказательниц судьбы. *Бусирис* (совр. Абу Сир) — город в дельте Нила, считавшийся местом рождения бога Осириса. Здесь в святилище богини Исиды ежегодно справлялись по нему поминки.

Стр. 101. *Имхотеп* — советник фараона III династии Джосера, строитель первой пирамиды (XXVIII в. до н. э.), на протяжении многих веков считался величайшим мудрецом древности. В поздние времена Имхотеп был обожествлен, и в его честь сооружались храмы. *Джедефхор* (или, как считают некоторые египтологи, Хорджедеф)— один из сыновей фараона Хуфу, строителя Великой пирамиды, считавшийся мудрецом и ученым. *«Отец божества»* — точнее: «Отец бога» (пер-нечер) — жреческий сан. *Город Вечности* — некрополь.

Стр. 103. *Нефри* — возможно, речь идет об известном мудреце Неферти, жившем, согласно преданию, при фараоне Снефру (XXVII в. до н. э.). Его поучения дошли до нас в значительно более поздних списках. *Хетти* — автор распространенного школьного поучения, в котором восхваляются достоинства профессии певца. *Птахемджехути* — вероятно, автор не дошедших до нас поучений или наставлений. *Хахеперра-сенеб* — один из мудрецов или наставников, которому приписываются поучения. *Каресу* — возможно, один из мудрецов, чьи наставления или поучения до нас не дошли.

Стр. 104. *Белая стена* (Мен-нефер) — египетское название Мемфиса.

Стр. 105. *Непра* — бог зерна.

Стр. 107. *Нейт* — богиня-воительница, покровительница оружия и ткачества. Ей поклонялись и как богине-матери. Считалось, что имя Нейт — супруги бога-крокодила Себека — отгоняет злые чары.

Стр. 111. *Дендера* — город южнее Каира, место почитания богини Хатхор, здесь находился посвященный ей храм, сохранившийся и поныне. *Исида* — в глубокой древности была, очевидно, богиней неба. Впоследствии ее считали супругой Осириса и матерью Хора. Осирис — согласно мифам, унаследовал царство отца — бога земли Геба, управлял мудро и справедливо. Но злой брат — бог Сет — из зависти убил его и, разрезав тело на сорок частей, разбросал по Египту. Сестра и жена Осириса — Исида оживила мужа с помощью магических заклинаний, после чего он стал царем «загробного мира» и судьей умерших. Осирис считался богом зерна, подателем влаги и жизни, покровителем мертвых, которые, подобно ему, могли, по верованиям египтян, возродиться к новой жизни. Исиде поклонялись как покровительнице плодородия, материнства и даятельнице благ.

Стр. 112. *Джебаут* — место, связанное с культом бога Хора.

И. Кацнельсон

ЛИТЕРАТУРА ШУМЕРА

«ПОСЛЫ АГИ...»

Таблички основного и вариантных текстов сказания о Гильгамеше и Аге найдены экспедицией Пенсильванского университета в Ниппуре, древнейшем шумерском культовом центре (а в конце V тыс. до н. э. и центре шумерского племенного союза). Датируются началом II тыс. до н. э. и, возможно, являются копиями более ранних шумерских записей поэмы. Текст издан С.-Н. Крамером («American Journal of Archaeology», 53, 1949, N 1, с дополнениями и комментариями Т. Якобсена). На русском языке текст опубликован И. Т. Каневой в «Хрестоматии по истории Древнего Востока», М. 1963, стр. 266, след., и в «Вестнике Древней истории» (далее — ВДИ), 3, 1964, стр. 245, след. Настоящий перевод выполнен с учетом обеих публикаций, а также работ Э. Эбелинга и Д.-О. Эдцарда.

Ага (или Ака) — последний царь I династии Киша, а *Гильгамеш* — пятый царь I династии города *Урука* (XXVII в. до н. э., так называемый «II раннединастический период»). Историчность Гильгамеша, легендарного героя пяти известных нам шумерских эпических сказаний, а также знаменитого аккадского эпоса, косвенно подтверждается рядом письменных и археологических памятников. Однако только в «Послах Аги...» он выступает как историческое лицо. Сказание, видимо, отражает важнейшие политические события истории раннединастического Шумера: победу Гильгамеша над Агой, вождем политического объединения северных областей нижнего Двуречья во главе с городом Кишем. Возможно, это произведение явилось непосредственным откликом на события и представляет собой победную песнь, сложенную в честь Гильгамеша и знаменующую освобождение Урука от власти города Киша (в таком случае ее можно датировать XXVI в. до н. э.). Очень условно мы можем определить жанр этого сказания как историко-героический, и это, пожалуй, будет ближе всего к шумерскому определению жанра: «за-ми» — *хвалебная песнь*.

Заглавия текстов даны по первой строке произведения, как это было употребительно в шумерских и вавилонских каталогах-списках. В квадратных скобках помещен текст, восстанавливаемый бесспорно на основе аналогичных мест, повторяющихся в текстах. Курсивом выделена трактовка переводчиком спорных и темных мест оригинала, по которым в науке нет единомыслия. Курсивом в квадратных скобках дано условное восстановление текста.

Следует обратить внимание на то, что слова и выражения, объясняемые в примечаниях к разделу «Литература Шумера», даются курсивом или в кавычках независимо от их графического облика в тексте перевода.

1. *Эн-Мебарагеси* (верховный жрец Мебарагеси) — царь Киша, отец Аги. Находка обломка алебастровой вазы с его надписью дала возможность установить историчность династии Киша и в какой-то мере Урука.

15. *Кулаб* — священный округ Урука, когда-то бывший самостоятельным селением.

16. *Инанна* (а к к а д с к. *Иштар*) — богиня любви, плодородия и распри, богиня восхода, планета Венера (ш у м е р с к. Дильбат).

28. Воины Урука подразумевают тут всех тех, кто создан для того, чтобы защищать город. Аналогичное место мы встречаем в Библии, в «Песни Деборы» —«Книга Судей», V, 9—10.

31. *Эана* — храм бога Небес Аиа (а к к а д с к. *Ану*) и его дочери Инанны, главный храм Урука.

42. *Энкиду* — мифический персонаж, в шумерских сказаниях — слуга Гильгамеша, в аккадском эпосе — его побратим.

Строка 79, переведенная дословно, малопонятна, в 79—80 речь идет, по-видимому, о потоплении вражеских кораблей. Судя по 80, войско Аги добралось до Урука водиным путем.

Строки 105—106 даны по вариантиому тексту.

107—115. Очевидно, произносятся хором воинов Гильгамеша, *Уту* — бог Солнца, особо почитавшийся в Уруке, родовой бог правителей I династии Урука, к которой относился Гильгамеш.

«ЖРЕЦ К «ГОРЕ БЕССМЕРТНОГО»...»

Текст издаи в 1947 году С.-Н. Крамером, который собрал его из многочисленных фрагментов и табличек, главным образом из Ниппура, местами сильно разрушенных, особенно во второй части рассказа. В 1960 году Ван Дейк издал часть новой, так иазываемой «Лейденской» версии (видимо, происходит из Ларсы), где сохранилось окончание. На русском языке в 1964 году автором перевода был издан отрывок сказания в стихотворном переводе (около сорока первых строк) и остальиой текст в прозаическом переложении (ВДИ, I, 1964, стр. 84—92). Настоящий перевод соединяет обе версии и, кроме того, в отдельных случаях дополняется вариантными версиями (в частности, отрывком, изданным А. Фалькенштейном). Общее количество реальных строк нашей составной версии — двести тридцать три; строки, вставленные из вариантных версий, обозначены цифрами курсивом, а «Лейденская» версия (ЛВ) обозначена цифрами в скобках. При переводе использованы исследования Л. Матоуша.

Сказание о походе верховного жреца города Урука Гильгамеша за *кедром* и об убиении стража кедрового леса *Хувавы* по духу и настроению очень близко примыкает к вавилонской эпопее о подвигах Гильгамеша. И. М. Дьяконов считает эту героическую песнь главным источником аккадского эпоса, эпизодом, вокруг которого группировались остальные. В то же время композиция рассказа, отдельные мотивы позволяют обнаружить в тексте следы

весьма архаических моментов (например, обряда посвящения) и сближают его с мифологизированной волшебной сказкой. Шумерийцы относили текст к жанру «за-ми».

1. Дословно: «Гора человека живого [жизни]» или «Страна человека живого [живущего]», как перевел С.-Н. Крамер, который считал, что здесь подразумевается Тильмун (о. Бахрейн) — страна вечной, блаженной жизни. Безусловно, какое-то противопоставление «Страны [горы] жизни» «Стране без Возврата [стране смерти]» есть, но сказать с полной определенностью, что именно имеется в виду, мы не можем. Ясно, однако, что независимо от этой ассоциации, в понятие «бессмертный» [живой] включается и Хувава, чье бессмертие зависит от его магических семи устрашающих лучей. А так как Хувава—хранитель вечно зеленых [бессмертных] кедров, нарубив [убив] которые Гильгамеш надеется добыть себе вечное имя, то, видимо, и эту ассоциацию мы должны включить в понятие «Гора Бессмертного».

13—15. Наш перевод основан на видимой близости описания глиптическим изображениям, когда человек с козленком в руке обращается к божеству в молитвенной позе.

36—44. Очевидно, дары Уту — с одной стороны, какие-то чудовища, существа одушевленные, а с другой,— возможно, и какие-то знаки-фетиши, поскольку их надо куда-то принести и установить (см. 45 и 59—60).

44а—з. Важны для понимания сущности даров Уту, поскольку вводят в описание чудовищ дополнительный «небесный» аспект. *Аратта* — торговый город на Иранском нагорье (где-то восточнее государства Элам).

59—62. Видимо, первая гора была преодолена с помощью одного из дивных героев, подаренных Уту, и таким же способом (с помощью остальных) дружина перевалила все семь гор.

64. *Срубающий кедры* — видимо, постоянный эпитет Гильгамеша.

87. *Бык Земли Великой* — то есть бык подземного царства, возможно, имеется в виду *Гугальанна* («Великий бык небес Ана»), супруг владычицы подземного царства *Эрешкигаль* (см.: «С Великих Небес к Великим Недрам...»).

89. *Богиня Нинсун* («Госпожа дикая корова») и герой Лугальбанда — родители Гильгамеша в шумерском и в аккадском эпосах.

98. Здесь впервые упоминается не названный по имени (может быть, по магическим соображениям) страж кедрового леса Хувава. В аккадском эпосе помощник Гильгамеша в битве с Хумбабой — бог солнца *Шамаш* (Уту).

106—109 очень близки высказываниям Экклесиаста (IV, 9—12) о том, что двоим гораздо легче, чем одному. *Скрученная втрое нить* (или веревка) — то есть с одной дополнительной прядью, означает дружбу двоих.

111—114 явно упоминают о потопе, когда жизнь была сохранена лишь в ковчеге (название ковчега — «Жизнь дающая» — дошло до нас из версий касситского времени аккадского эпоса об *Атрахасисе*, см. прим. стр. 680), что опять-таки должно подбодрить Энкиду. *Маган* — страна, расположенная на аравийском побережье Персидского залива, там, где находится нынешний Оман. Местонахождение страны (или города) *Магилум* неизвестно.

119. *Энки* — бог людских судеб, мудрости, владыка пресных подземных вод.

136. О детях Гильгамеша в шумерских песнях, так же как в аккадском эпосе, ничего не сказано. Возможно, здесь имеется в виду желание Гильгамеша добыть себе вечное имя.

138 (ЛВ 52). Здесь начинается рассказ о борьбе Хувавы с Гильгамешем и его дружиной. Хувава пускает на них поочередно свои *семь* магических ужасных *лучей*, которые его окружают, как оболочки. Эти лучи связаны с кедрами. Как только он сбрасывает один из своих лучей, так один из кедров становится уязвимым (смертным) и его можно рубить. Как только срубается кедр, слабеет сила Хувавы. Поэтому весь отрывок построен на игре слов: спутники Гильгамеша рубят ветви (кедра) и лучи и одновременно все ближе продвигаются к жилищу Хувавы.

142—143 (70—71). Имена собственные добавлены по смыслу.

158. *Судьба* (Намтар) — божество, посол подземного мира.

88—89 (ЛВ). *Гипар* — священное жилище верховного жреца (*эна*), где совершался священный брак и куда не допускались непосвященные.

168 (99). *Нинлиль* — супруга Энлиля.

110. Местом жительства Хувавы, судя по аккадскому эпосу, были Ливанские горы.

115. Есть предположение, что это камни, на которых писали проклятия и которые предназначались для того, чтобы закидывать ими прелюбодеек.

117. *Богиня Нунгаль* — богиня преисподней, дочь Эрешкигаль.

«ЭНЛИЛЬ! ПОВСЮДУ...»

Гимн был составлен из фрагментов немецким ассириологом А. Фалькенштейном и опубликован им в «Sumerische Götterlieder», I, Heidelberg, 1959, 11—19. Кроме того, издавался в отрывках С.-Н. Крамером, М. Ламбером и др. Шумерский гимн представляет собой культовый текст, в котором восхваляется божество, перечисляются имена, эпитеты и деяния богов. Гимн рассчитан на хоровое исполнение и коллективные эмоции, возникающие при этом. Ни один троп в этих гимнах нельзя считать случайным, каждый имеет мифологическое значение. Многочисленные повторы также преследуют определенную цель — создать особое эмоциональное состояние и обеспечить запоминание. Роль стихотворного, ритмического, магического слова выступает здесь на первый план. Большинство гимнов, дошедших до нас, происходят из Ниппура. Естественно, что большая часть гимнов посвящена богу-покровителю Ниппура Энлилю («Владыке-ветру») и его сыну лунному божеству *Нанне*. Среди гимнов к Энлилю гимн «Энлиль! Повсюду...» выделяется размером и сложностью композиции. Гимн играл в культе Энлиля особо важную роль и, возможно, исполнялся в связи с коронацией правителей в Ниппуре при III династии Ура (XXI в. до н. э.). Для удобства восприятия части-главки в нашем переводе отделены друг от друга.

6. *Нунамнир* (возможно, «Муж могучий») — постоянный эпитет Энлиля.

8. *Ануннаки* (или анунна, обычно вместе с богами Игигами).— По шумеро-вавилонским представлениям, существовало два больших рода божеств. Ануннаки жили на земле и под землей, определяли людские судьбы и были судьями подземного мира (см. «С великих небес...»).

26. Образ Ниппура, который раскидывает свои руки, как огромные сети, возможно, возник, по ассоциации с воином, нападающим на врага со своим боевым оружием — сетью. Возможно, строки 27 и 28 перепутаны местами при переписке, ибо смысл отрывка неясен. Орел, гуляющий свободно по городу (в оригинале, далее: ор.,— «в радости»), мог быть символом победы и отваги.

32—33. *Старшие* и *младшие* (братья), равно как и *отец*, судя по контексту, не члены семьи, рядовые учителя, ученики, учитель-наставник (см. «Труд писцов, собратьев моих...», 18—19).

36. *Могучий Утес* (дословно: «могучая, великая гора») — постоянный эпитет Энлиля. *Святая святых* — дословно: «возлюбленное любимое святилище».

41. Словами *таинства, тайные силы, таинства вечные* переведено слово «ме». Это одно из сложнейших теологических шумерских понятий. (Есть миф, посвященный похищению Инанной «ме» у Энки.) Может быть, слово «ме» в какой-то мере идентично глаголу «быть». Это могущественные силы, движущие ходом развития мира. Силами «ме» обладали города и храмы, они могли превратиться во враждебные «ме», а если город подвергался катастрофе, «ме» могли покидать их обладателя. Они могли воплощаться в каком-то предметном виде, сохраняя при этом свои незримые свойства.

53. Праздник при восходе солнца в ор. определен более точно — это какой-то праздник большого урожая.

129—132. Абзац толкуется исследователями противоречиво. Возможно, смысл его в том, что сущность бога настолько непонятна смертным, что заставляет их благоговейно замолкнуть.

«ТРУД ПИСЦОВ, СОБРАТЬЕВ МОИХ...»

Один из трех литературных текстов из коллекции Государственного Эрмитажа (№ 15234, впервые был издан И. Т. Каневой, ВДИ, № 2, 1966, стр. 68 — 78) является отрывком большой шумерской поэмы-притчи, восстановленной С.-Н. Крамером из более чем двадцати фрагментов и табличек, хранящихся в музеях Европы и Америки, но до сих пор полностью не опубликованной. Эрмитажная табличка содержит часть монолога-сетования писца на своего непутевого сына, но при этом может рассматриваться и как вполне самостоятельное произведение. Такие тексты, равно как и другие произведения Эдуббы («Дома табличек»), были, по всей вероятности, составлены педагогами шумерских школ, чем и объясняется такое количество вариантов и композиций. Кроме чисто литературного интереса (ибо тексты эти в большой степени

используют живую разговорную речь, вводят пословицы и поговорки), произведения Эдуббы дают необычайно богатый материал реалий, а также представлений о методах и системе школьного воспитания.

2. *Гур* — около 150 л.

«ЕСЛИ БЫ НЕ МАТЬ МОЯ...»

Любовные песни-диалоги «Если бы не мать моя...» и «Когда я, госпожа...» опубликованы С.-Н. Крамером в 1963 г. в «Proceedings of the American Philosophical Society» (далее: PAPS), vol. 107, № 6, p. 493—495, 499—501. Первая песня, названная «дургар» Инанны (значение жанра «дургар» непонятно), как бы распадается на две части: первую половину занимает разговор — ссора между Инанной и *Думузи*, которая, как говорит далее автор, ссора любовная («речи, что сказаны,—речи желания»), и второй диалог, в котором, возможно, участвует и хор и где, по-видимому, дается описание обряда священного брака. Песня «Когда я, госпожа...» называется «тиги-песня», то есть песня, исполняемая под какой-то ударный инструмент («тиги», по-видимому, род литавров). Значения «сагидда» и «сагарра» как каких-то жанровых подразделений непонятно. Вся песня исполняется от лица Инанны (за исключением, может быть, последних четырех строк, которые могли подхватываться и хором), и диалоги с Думузи в ее рассказ вставлены. Мир, в который вводят нас эти песни, соединяет в себе сразу несколько аспектов: важнейший для жизни общины обряд, с которым связано, по древним представлениям, само существование общины и в котором действующие лица выступают как воплощение сил природы; взаимоотношения богов, где явно привлекает сам процесс развертывания этих взаимоотношений (линия интриги), и, наконец, чисто земной уровень этих взаимоотношений, при котором важно не что́ происходит, а ка́к именно это происходит: владычица Инанна, которая сияет в небесах (планета Венера), одновременно предстает перед нами и как какая-нибудь сельская девица, которая гуляет по улице, обманывает мать, довольно заносчиво препирается со своим поклонником, который также изображен этаким лихим деревенским ухажером, «пристающим» к девушке. Это создает ощущение удивительной реальности происходящего — едва ли не самое ценное, что мы можем вынести из шумерских песен, и вводит нас в круг поэзии народной (возможно, связанной с бытовым свадебным обрядом).

3—6. *Богиня Нингаль* — супруга бога луны *Зуэна* (или Наниы); оба божества, по одной из версий, являются родителями бога Солнца Уту и богини Инанны (по другой, местной версии города Урука, Инанна — дочь покровителя Урука, бога небес Ана). *Нингикуга* — дословно «владычица священного серебряного (или чистого) тростника». В данном контексте может быть эпитетом богини Нингаль, но может быть и связана с неизвестной особой в строке 15, которая сравнивается с сестрой Думузи *Гештинанной* и, следовательно, должна быть сестрой Инанны, причем старшей ее сестрой, в противном случае ее слова не были бы решающими для Инанны наравне со словами ее

родителей. Однако в других мифологических источниках ни о какой сестре Инанны никогда не упоминается. Поэтому, хотя в нашем переводе и вставлено слово «сестра», может быть, речь идет о какой-нибудь нянюшке или воспитательнице Инанны? Под Нингикугой, чье имя возможно трактовать и как «владычица серебряного стила» (слово «ги» — «тростник» нередко служит и для обозначения самой тростниковой палочки для письма), в таком случае, может быть, подразумевается богиня *Нисаба*, богиня-покровительница письма?

10. *Нингалла* — «хозяйка» (госпожа большого дома, то есть дворца), в данном случае, видимо, эпитет Инанны.

19. Судя по этой строке, Думузи считает своим отцом бога Энки.

21. *Богиня Туртур* — мать бога Думузи и его сестры Гештинанны.

26. *Амаушумгальанна* — одно из имен-прозвищ Думузи.

25—30. С этой строки начинается вторая часть песни, повествующая о совершении священного брака и построенная на игре слов. *Драгоценные камни* «шуба», которые еще надо просверлить, по всей видимости, представляли собой разновидность амулетов в форме цилиндрической печати, очень распространенных на Древнем Востоке.

31. В ор.: «ну-гиг» — высшая категория храмовых жриц, в чью обязанность входила священная проституция. Сравнение Инанны с «ну-гиг» не следует, однако, понимать в прямом смысле; поскольку земные отношения и категории переносились на небо, Инанна —«священная жрица небес».

39—42. Видимо, как рефрен исполнял хор.

43. По-видимому, снова слова Инанны. Темно-синяя, то есть иссиня-черная борода, дословно: «борода из лазурита» — один из частых эпитетов в шумерской поэзии (ср. подобные же эпитеты в разделе древнеегипетской литературы).

«КОГДА Я, ГОСПОЖА, В НЕБЕСАХ СИЯЛА...»

6. *Кулианна* («Друг Ана», или «небес») — одно из имен-прозвищ Думузи. В этой песне с каждым новым обращением к нему Инанна называет его одним из его имен: *Ушумгальанна* (сокращение от Амаушумгальанна), *Кули-Энлиль* («Друг Энлиля»), и, наконец, *Амаушумгальанна*.

«С ВЕЛИКИХ НЕБЕС К ВЕЛИКИМ НЕДРАМ...»
«МАЛЫЕ ДЕМОНЫ ОТКРЫВАЮТ ПАСТИ...»

Шумерская религия основана на общинных культах первобытного характера. Главную роль в ней играл ритуал и самую малую — этические положения. Никакого единства религии и мифологии нет, нет и единообразия мифологии и ритуалов, за некоторыми исключениями: это культы и верования, связанные с общекосмическими и общеприродными явлениями. Восход и заход солнца, чередование дня и ночи, смена времен года должны были откладываться в сознании каждого равнозначно и вызывать типологически общие ассоциации. Миф об умирании или уходе божества в подземное царство

и его возвращение (воскресание) воплощает одну из наиболее общих таких идей, связанную к тому же с действиями первостепенной практической важности — поддержанием плодородия магическими обрядами. Главный родовой бог в каждой общине был прежде всего божеством плодородия. Поэтому черты плодородия мы можем обнаружить почти у всех центральных шумерских божеств: и у Энки, и у Энлиля, и, конечно, у женских божеств, среди которых к концу IV — началу III тыс. до н. э. центральную роль начинает играть покровительница возвысившегося к этому периоду древнейшего центра шумерской культуры Урука богиня Инанна. Обряд священного брака, судя по многим данным, был главным обрядом и играл в Двуречье такую же роль, что и обряд умирания и воскресания бога в Египте. Контраст между песнями счастья и любви в цикле Инанна—Думузи и его гибелью подчеркнут жестокостью последующих событий, ибо Инанна сама отдает своего супруга в руки демонов. Идея необходимости замены влечет за собой необычайно драматическую ситуацию — страдания безвинной жертвы. Неизвестно, с чем связана сама идея замены — с представлениями ли о некоей необходимости равновесия между миром живых и мертвых (в вавилонской версии I тыс. до н. з. Иштар перед воротами подземного мира грозится выпустить на землю мертвецов, поедающих живых, и тогда «более живых умножатся мертвые», то есть опять-таки речь идет о боязни какой-то дисгармонии), или в этом мотиве звучат отзвуки какого-то жестокого обряда, но только шумерские мифы, связанные с культом умирающих и воскресающих божеств, драматичны вдвойне. Жертвой Инанны, призванной заменить ее в подземном мире, становится ее собственный супруг, пастуший бог (а может быть, в генезисе своем и не бог) Думузи. Думузи, таким образом, оказывается не только любимым супругом, а и страдающим лицом, которое предали. Инанна же, в свою очередь, выступает в образе коварном и жестоком (что не мешало шумерским поэтам создавать и плачи Инанны о своем безвременно ушедшем супруге). Но мотив Исида — Осирис, Орфей — Эвридика, также присутствует в шумерской мифологии: благородной спасительницей Думузи, антиподом Инанны, оказывается Гештинанна («Виноградная лоза небес»), сестра Думузи, которая готова претерпеть любые страдания за брата и в конце концов становится искупительной жертвой за него,— она идет в «Страну без Возврата» добровольно. Правда, в последний момент Инанна пытается создать видимость справедливости, разделив подземное царство между обоими: «полгода — он, полгода — она» (мотив Персефоны). Миф «С Великих Небес к Великим Недрам...» был издан С.-Н. Крамером в 1951 году в «Journal of Cuneiform Studies», V, pp. 1—17. Отдельные фрагменты мифа публиковались Пёбелем, Лэнгдоном, Кперой, Крамером начиная с 1914 года. В 1963 году Крамером же было издано еще несколько фрагментов мифа, часть из которых дублировала уже известные места, но среди них и совершенно новые (PAPS, 107, № 6, 1963, стр. 514—515). Интерпретацию сохранившейся части дал А. Фалькенштейн в рецензии на крамеровское издание текста (см. «Bibliotheka Orientalis» XXII, стр. 279.). Предположение, что Инанна выносит решение о судьбе Думузи и Гештинанны,

принадлежит Крамеру. В этом же издании 1968 года был помещен текст «Малые демоны открывают пасти...», который в какой-то степени также можно рассматривать как вариант основной версии, во всяком случае, текстом, который соединяет рассказ о нисхождении Инанны с историей Думузи и Гештинанны. В нашем издании дана попытка соединить тексты в один миф.

7—14. Здесь перечисляются семь главных храмов семи городов Двуречья, которые Инанна покидает одновременно. Во всех этих храмах она почиталась и стояли ее статуи.

14—25. Здесь, возможно, семь тайных сил («ме») Инанны связаны каким-то образом с магическим обрядом надевания семи предметов, обрядом, придающим ей магические силы. Она теряет их, пройдя семь ворот подземного царства, и предстает перед Эрешкигаль обнаженной и беспомощной (ср. эпизод с семью лучами Хувавы).

17—18. Слово *Эден* — буквально: пустынная земля, степь — служило также и для обозначения подземного мира. «*Шугур*» — культовая повязка из колосьев и веток, могла быть из драгоценного металла. «*Прелесть чела*» — может быть и налобной повязкой и прической.

19. *Знаки владычества и суда* — дословно: «измерительная линейка» из лазурита» и «измерительная веревка».

27. *Ниншубур* — советник и посол, верный слуга Инанны (может быть, первоначально, женское божество или гермафродит [?]).

48. Можно перевести и: «Если Энлиль на слова твои не отзовется», что как будто логичнее. Но дело в том, что Инанна (вернее, автор и слушатели) заранее очень хорошо знает все, что с ней должно произойти, и речь идет о том, чтобы обязательно выполнить все полагающиеся действия, и, хотя заранее известно, что Энлиль (а затем и Нанна) откажут, начинать надо с них.

49—50. *Эмудкалам* — возможно, священный округ Ура (или его храм), *Экишнугаль* — храм Нанны.

72—73. Подземное царство у шумеров обычно носило название «кур», этим же знаком обозначались понятия: «гора», «страна», «враждебная, чужеземная страна». *Лазурная* — постоянный эпитет.

76. *Нети* — здесь: страж ворот подземного царства. *Моя единая* — то есть «моя божественная сестра Эрешкигаль» (см. ниже).

85—88. О смерти Гугальанны («Великий бык небес» и «Великий бык Ана», возможно, второе имя бога Нергала, супруга хозяйки подземного царства Эрешкигаль — «Владычицы большой земли») никаких других мифологических сведений, кроме этих строк, нет.

117. *Ганзир* — одно из названий подземного мира.

219—220. *Кургар* и *галатур* — фантастические существа культа Инанны. Кургар — по-видимому, евнух и шут. Галатур — дословно «маленький певчий» (певчий-карлик?), наверное, тоже евнух.

224—263. Причины болезни Эрешкигаль, которая как будто бы мучится в родовых муках (имитация родовых мук?), возможно, связаны с гибелью ее сестры, олицетворения плодородия. В аккадской версии с уходом Иштар на

земле прекращается деторождение. Может быть, именно поэтому оно начинается в преисподней?

238. Смысл пожелания — «от меня да перейдет к тебе (мое здоровье)».

239. Наделение *Словом* и *Судьбой* — обычное обещание высшей награды в шумерской мифологии и эпической литературе. «Слово» здесь магическая субстанция, некая ипостась души.

279—280. *Демоны «галла»* — злобные духи подземного мира, осуществляющие его законы. Возможно, демоны сравниваются с древками знамен и тростниковыми стрелами.

312—314. *Умма*—город на реке Тигре в южном Двуречье (совр. Джоха), *Эигкуршага* — храм этого города, видимо, *бога Шары*. Бог Шара был, повидимому, также умирающим и воскресающим богом.

319. В тексте сказано «думу», то есть сын. Но возможно, что в шумерском, как и в аккадском языке словом «сын» (а к к а д с к. мару) обозначался возлюбленный.

322—323. *Бадтибира*—город в южном Двуречье (совр. Мадайн), *Эмушкалама*—его главный храм, *бог Лулаль*— божество-покровитель этого города.

357—358. В ор. Думузи просит превратить его руки и ноги в руки и ноги змеи («муш»), но, возможно, это слово служило обозначением всего класса пресмыкающихся.

(1). Начало текста «Малые демовы открывают пасти...». Можно предположить, что демоны, не поймав Думузи, снова хотят схватить Инанну.

(12). По тексту «В жалобах сердца...» также можно предположить, что Думузи, ускользнув от демонов, вернулся к Инанне.

(46). *Мать печалящий* — постоянный эпитет Думузи.

«В ЖАЛОБАХ СЕРДЦА...»

Текст, посвященный Думузи и сестре его Гештинанне, толкующей мрачный сон Думузи и пытающейся спасти его, тесно примыкает к циклу сказаний о нисхождении Инанны в подземное царство и, возможно, является центральным эпизодом среди рассказов о преследовании Думузи демонами «галла» и его трагической смерти.

Текст издан в 1972 году учеником С.-Н. Крамера Бендтом Альстером (B. Alster, Dumuzi's Dream, Copenhagen, 1972). До этого времени был известен лишь по отдельным публикациям некоторых прорисовок фрагментов клинописных табличек, а также пересказу С.-Н. Крамера.

9—11. *Туртур* (или Турдур, или Дуттур)— мать Думузи и Гештинанны. Выражение «пять хлебов» (соответственно «десять»), видимо, следует понимать как помощь, оказываемую ей сыном ее Думузи (в одном из вариантов — «ее пять хлебов не будут ей принесены»). Смысл всего отрывка — беспокойство Думузи, что после его смерти у матери не останется кормильца.

37. Эта фраза может иметь двойной смысл: иссиня-черные бородки козлят сравниваются с лазуритом; фигурки священных козлят выполнялись обычно

в известняке и с бородками из лазурита, которые прикреплялись к статуэткам.

83. *Амагештинанна*—видимо, второе имя Гештинанны, может быть, с ласкательным оттенком.

85. *Гештиндудуа*—подруга Гештинанны (дословно: «Разводящая виноградник»? или, может быть, «Делающая вино»?) — персонаж, пока не встречающийся в других текстах этого цикла.

94. *Арали* — одно из названий подземного мира, но, возможно, также было и названием какой-то определенной местности.

98, след. «Друг» Думузи, в отличие от подруги Гештинанны, не названный по имени, упоминается и в тексте о нисхождении Инанны (ср. II,59 — «к другу его мы не пойдем»).

110 и далее. «Царь», или «господин» — здесь, по-видимому, эпитет Думузи.

119—128. Отрывок малопонятен. В переводе, отличающемся от общепринятой трактовки, передается лишь общий смысл отрывка: демоны попарно ищут Думузи в разных городах, причем, каждый раз приводится одна из присущих им черт: их отвратительный внешний вид, грозное оружие, боевые одежды и т. д.

173. Название местности, куда отправляется Думузи, неидентифицировано. Чтение условное.

199. *Белили-матушка* — богиня, которую вначале отождествляли с Гештинанной, пока не стало ясно, что это два разных лица (в позднее время в аккадских памятниках она все же, видимо, с ней отождествилась, и, возможно, как раз благодаря данному тексту); иногда неверно называется сестрой Думузи.

207—208. Видимо, речь идет о воде, предназначенной для либации (жертвенного возлияния), и жертвенной муке. Возможно, Думузи, усевшись, окружает себя тем, что дала ему Белили.

«ВЛАДЫКЕ ЗАКАТА — ГÓРЕ...»

Текст впервые опубликован в 1911 году французским ассириологом Шейлем («Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale», VIII, стр. 161—169) и с тех пор не переиздавался. Известны переводы отдельных отрывков текста С.-Н. Крамера и Т. Якобсена. Состоит из двух частей — плача Инанны по Думузи и рассказа о преследовании Думузи демонами «галла». Вторая часть полуразрушена, но частично восстанавливается благодаря многочисленности вариантов рассказа о бегстве Думузи от демонов. Плач Инанны по Думузи, один из многих ее плачей по нему, который как будто противоречит жестокому поведению Инанны в мифе о нисхождении ее в подземное царство, видимо, не воспринимался в сознании шумерийцев столь же противоречиво, как в нашем: Инанна, равно и другие божества, действует в мифах как стихийная сила, сама подчиняясь неумолимым стихийным законам, она — часть этой стихии.

И, как богиня плодородия и цветущей жизни, она оплакивает гибель этой жизни, воплощенной в образе Думузи (как будто бы не зная, что она способствовала этой гибели, так же как она в этот момент как будто бы не знает, что Думузи, как символ вечного обновления, снова вернется на землю). Текст этот, может быть, один из самых важных для понимания сложности и многозначности культа умирающего и воскресающего божества, ибо пастуший бог Думузи здесь явно связывается и с жизнью растительной, а также, судя по некоторым намекам текста, выступает и как царь (вождь) общины, заботящейся о ее плодородии (ср. строку 15, по которой можно судить, что он вступал в брак с молодыми девушками — жрицами Инанны или отбивал женщин общины, как Гильгамеш в аккадском эпосе), что, возможно, являлось частью ритуала.

5. *Забалам* — шумерский город, недалеко от Урука.

12—13. Купание в священных водах *Эреду* (то есть в Персидском заливе) и в *Энуне* (святилище — в Эреду), по-видимому, часть ритуала, связанного с культом Энки (см. «С Великих Небес...», 206—207).

14. Возможно, в этом плаче и подчеркиваются материнские чувства Инанны и она названа его матерью.

15—17. По-видимому, речь идет о некоторых священных функциях Думузи как царя-жреца в культе богини Инанны.

Со строки 28 (оборотная сторона таблички, колонка 2) начинается как бы совершенно новый рассказ. Текст сильно фрагментирован и восстановлен при помощи сходных мест текстов «С Великих Небес...» (вторая часть) и «В жалобах сердца...».

47. Выражение: *Ты, чей ложен сон* (то есть тот, кто притворяется, что спит) очень часто употребляется по отношению к Думузи.

«БЛАГОРОДНАЯ ДЕВА СТОИТ НА УЛИЦЕ...»

Табличка с текстом заклинания «Благородная дева...», хранящаяся в Королевском шотландском музее в Эдинбурге, была скопирована и издана впервые в 1913 году Ст. Лэнгдоном как «Заклинание от блудницы Инанны». В 1964 году А. Фалькенштейн в «Zeitschrift für Assyriologie», Neue Folge, 722(56), 113—129, переиздал ошибочно понятый Лэнгдоном текст заклинания, опираясь на два опубликованных незадолго до этого дубликата текста, дающие вариантные разночтения в отдельных строках (изданы Гетце и Эдцардом). Шумерские заклинания, условно названные в ассириологической литературе «Заклинания типа Эа—Мардук», дошли до нас главным образом от старовавилонского времени и, видимо, являют собой вавилонскую переработку (но на шумерском языке) более древних шумерских заклинательных формул, связанных с ритуалом бога Энки. Заклинания были направлены против злых демонов, вызывающих болезни, и строились так: описание злых демонов, угрожающих человеку, описание состояния больного, его жалоб, разговор бога *Мардука* со своим отцом Энки (а к к а д с к. Эа), у которого тот спрашивает

совета, и традиционный ответ: «Сын мой, чего ты не знаешь? Все, что знаю я, знаешь и ты» (фраза, от которой и получил название тип заклинаний). Затем следует совет-наставление бога, кончающийся заверениями, что болезнь отступит в случае точного исполнения ритуальных действий. Введение бога Мардука в круг ритуалов бога Энки, равно как и подчеркивание его могущества признанием самого мудрейшего бога — «ты мне не уступаешь», — связано с возвышением местного божества города Вавилона Мардука в начале II тыс. до н. з. При этом Мардук отождествляется с богом *Ассаллухи*, божеством круга Энки, его помощником в заклинательных действиях, и сыном, был богом-покровителем соседнего с Эреду города Куары. Своеобразие настоящего заклинания прежде всего в том, что это — любовное заклинание, которое, с небольшими отклонениями, построено по формуле заклинаний от болезни. Место злых демонов занимает прекрасная благородная дева, жрица богини Инанны, в обязанность которой входила священная проституция; место больного занимает юноша, охваченный любовным недугом, от лица которого и составлена заклинательная формула и которому хочет помочь бог Ассаллухи.

19. Дословно: «...тростником ударила».

34. Со строки 33 начинается прямая речь, которую следует отнести к влюбленному, добивающемуся любви жрицы Инанны.

В. Афанасьева

ЛИТЕРАТУРА ВАВИЛОНИИ

О ВСЕ ВИДАВШЕМ

Песни и легенды о Гильгамеше записаны клинописью на глиняных плитках-«таблицах» на четырех древних языках Ближнего Востока — шумерском, аккадском, хурритском и хеттском; кроме того, упоминания о нем сохранились у греческого писателя Элиана и средневекового сирийского писателя Теодора бар-Коная. Самое раннее известное нам упоминание о Гильгамеше старше 2500 г. до н. э., самое позднее относится к IX в. н. з. Шумерские былины-сказки о Гильгамеше сложились, вероятно, еще в конце первой половины III тыс. до н. з., хотя дошедшие до нас записи восходят к XIX—XVIII вв. до н. э. К тому же времени относятся и первые сохранившиеся записи аккадской поэмы о Гильгамеше, хотя в устной форме она, вероятно, сложилась еще в XXIII—XXII вв. до н. э. На такую более древнюю дату возникновения поэмы указывает ее язык, несколько архаичный для начала II тыс. до н. э., и ошибки писцов, свидетельствующие, быть может, о том, что они уже и тогда ее не во всем ясно понимали. Некоторые изображения на печатях XXIII—XXII вв. до н. з. явно иллюстрируют уже аккадский эпос, а не шумерские былины о Гильгамеше.

Уже древнейшая, так называемая «старовавилонская», версия аккадского эпоса представляет новый этап в художественном развитии месопотам-

ской литературы. В этой версии уже содержатся все главнейшие особенности окончательной редакции эпоса, но она была значительно короче ее; так, в ней отсутствовали вступление и заключение позднего варианта, а также, вероятно, рассказ о великом потопе. От «старовавилонской» версии поэмы до нас дошло шесть-семь не связанных между собой отрывков — сильно поврежденных, написанных неразборчивой клинописной скорописью и, по крайней мере, в одном случае — ученической рукой. По-видимому, несколько иная версия эпоса представлена аккадскими фрагментами, найденными в Мегиддо в Палестине и в столице Хеттской державы в Малой Азии — в Хаттусе (ныне городище Богазкёй), а также фрагментами переводов на хурритский и хеттский языки, тоже найденными на Богазкёе; все они относятся к XV—XIII вв. до н. э. Эта так называемая «периферийная» версия была еще короче «старовавилонской». Третья, так называемая «ниневийская», версия эпоса была, согласно традиции, записана «из уст» Син-леке-уннинни, урукского заклинателя, жившего, по-видимому, в конце II тыс. до н. э. Эта версия представлена четырьмя группами источников: 1) фрагменты не моложе IX в. до н. э., найденные в г. Ашшуре в Ассирии; 2) более ста мелких фрагментов VII в. до н. э., относящихся к спискам, которые когда-то хранились в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала в Ниневии; 3) ученическая копия текста VII—VIII таблиц, записанная под диктовку с многочисленными ошибками в VII в. до н. э. и происходящая из ассирийского провинциального городка Хуэирины (ныне городище Султан-тепе); 4) фрагменты VI(?) в. до н. э., найденные на юге Месопотамии, в Уруке (ныне Варка). «Ниневийская» версия текстуально очень близка «старовавилонской», но пространнее, и язык ее несколько подновлен. Есть композиционные отличия. С «периферийной» версией у «ниневийской», насколько пока можно судить, текстуальных схождений было гораздо меньше. Есть предположение, что текст Син-леке-уннинни был переработан в конце VIII в. до н. э. ассирийским жрецом и собирателем литературных и религиозных произведений по имени Набу-зукуп-кену; в частности, высказано мнение, что ему принадлежит идея присоединить в конце поэмы дословный перевод второй половины шумерской былины «Гильгамеш и дерево хулуппу», прославляющей культ мертвых, а также, что именно он разделил эпос на двенадцать песен — «таблиц».

Издание всех сохранившихся клинописных текстов, относящихся к аккадскому эпосу о Гильгамеше, предпринималось дважды: П. Хауптом в 1884—1890 годах и Р. Кэмбелл-Томпсоном в 1930 году. Оба издания сейчас устарели и не содержат всего известного материала. Нового, сводного издания, которое включало бы все найденные до сих пор фрагменты, пока нет, поэтому для получения более или менее связного текста переводчику часто самому приходилось решать вопрос о взаимном расположении отдельных глиняных обломков. Следует учесть, что реконструкция таблиц IV, V, VII, VIII, а также некоторых мест других таблиц до сих пор является спорной проблемой в гильгамешеведении. Публикуемый перевод следует «ниневийской» версии поэмы (НВ); однако из сказанного выше ясно, что полный текст ее, составлявший

в древности около трех тысяч стихов, пока не может быть восстановлен. Все версии сохранились только в отрывках. Переводчик, соответственно каждый раз это отмечая, восполнял лакуны НВ по близкой ей «старовавилонской» версии (СВ), — стихи помечены одной звездочкой впереди, — и изредка даже по «периферийной», тогда стихи помечены двумя звездочками; если же какой-либо отрывок не сохранился полностью ни в одной версии, но лакуны между сохранившимися кусками невелики, предполагаемое содержание досочинялось переводчиком стихами же, — такие стихи или части стихов выделены в тексте курсивом. Также курсивом набраны стихи и части стихов, которые представляют собой реконструкции разрушенных или неполных мест.

В основу нынешнего издания перевода аккадского эпоса о Гильгамеше положен перевод, опубликованный в 1961 году в серии «Литературные памятники» Издательства Академии наук СССР; там же можно найти подробное введение к поэме и построчный комментарий; здесь мы ограничимся лишь самыми необходимыми для понимания поэмы пояснениями, комментируя текст несколько подробнее лишь там, где новые находки обломков с клинописью или новые исследования лексики поэмы заставили изменить наш старый перевод. Аккадскому языку свойственно распространенное и в русском тоническое стихосложение; это позволило при переводе попытаться максимально сохранить и передать ритмические ходы подлинника и вообще те именно художественные средства, которыми пользовался древний автор, при минимальном отступлении от дословного смысла каждого стиха.

Табл. I, 1,10. *Эана* — храм (см. прим. к «Послы Аги...», 31). В Шумере храмы были обычно окружены хозяйственными постройками, где держали урожай с храмовых имений; эти постройки сами считались священными.

Перед II, 1. Этот стих, возможно, был начальным в СВ поэмы. Здесь он введен, чтобы дать общее представление о том, о чем шла речь в разрушенном месте НВ.

II, 12. Речь идет о вызове всех работоспособных граждан Урука на постройку стен, так как городу в это время могли угрожать враги. Гильгамеш использует это для соблазнения дев Урука.

II, 18. Речь идет либо об *Ану*, боге неба и покровителе Урука, либо о Лугальбанде, бывшем царе, а ныне — личном боге-хранителе Гильгамеша (а по некоторым легендам — его отце).

II, 30. *Аруру* — древнейшая, дошумерская богиня-мать, создательница людей. Ниже она отождествляется с *Дингирмах* и с *Иштар*, однако такое отождествление необязательно.

II, 33а. *Подобье.* — Дословно: «название», «слово», «имя». Имя считалось частью материальной сущности человека (и божества).

II, 35а. *Нинурта* — бог-воин, сын *Э́ллиля* (см. ниже).

II, 37. Дословно: «как богиня Нисаба». *Нисаба* — богиня хлебов, а также писцовой мудрости.

II, 38. *Сумукан* — бог-покровитель зверей. Его «одежда» — по-видимому, нагота (может быть, шкуры).

II, 50. *Идущему дальним путем...* — То есть мертвому (эвфемизм — для убережения от сглаза).

III, 4. Имеется в виду метеорит и метеоритное железо.

IV, 11; IV, 10 в оригинале (далее ор.) — в обратном порядке.

V, 21. *Шамаш* — бог Солнца, а также справедливости, гаданий и оракулов, особый покровитель Гильгамеша.

V, 22. *Ану, Эллиль* и *Эйя* (*Эа*) — триада верховных богов Шумера и Аккада; Эллиль (ш у м е р с к. Энлиль)—бог воздуха, ветров и обитаемой земли; обычно считался царем богов; Эйя (ш у м е р с к. Энки)—бог мирового пресноводного океана, на котором плавает земной круг, а также подземных вод, рек и каналов; он же бог мудрости, благосклонный к людям.

Табл. II. Порядок эпизодов в СВ, несмотря на ее близость к НВ, несколько иной; стиху табл.* II, II, 17 здесь предшествует толкование снов Гильгамеша, а затем эпизод, соответствующий табл. I, IV, 18—21 и 33—37.

* IV, 22. *Брачный покой.*— Дословно: «дом свойства́». По-видимому, это и покой новобрачных, и специально покой для свершения «священного брака».

* IV, 27. Здесь и всюду в СВ «Урук площадный»; у нас унифицировано по НВ. Заметим, что здесь вовсе не идет речь о «праве первой ночи», как полагает большинство западных исследователей, а лишь о том, что граждане Урука оторваны общественной повинностью от своих невест и жен — в отличие от их царя Гильгамеша.

II, 44. *Ишхара* — богиня. В действительности в Уруке царь-жрец должен был совершать обряд священного брака в первую очередь не с чужеземной богиней Ишхарой, а с Иштар. Но в сюжете поэмы Иштар — врагиня героя (этот мотив, видимо, был введен лишь в НВ; во всяком случае, он отсутствовал в «периферийной» версии); впрочем, Ишхара присутствует уже в СВ. Текст здесь в переводе несколько смягчен, так же как в табл. I, IV, 22 и других подобных.

* VI, 33—34. *Ограда* — здесь то же, что Урук.

* III, 16. Словом *поприще* мы здесь и ниже переводим а к к а д с к. «бэру» — расстояние двух часов ходу по ровной дороге.

* Табл. III («Йэльская») (НВ, II), III, 5. В СВ Хумбаба последовательно называется Хувавой, мы сохранили форму НВ ради унификации.

* III, 40—41 и 43. *Вэр* — одна из ипостасей бога грома и дождя Адду.

* IV, 20. Дословно: «открой».

* IV, 31—36. *Талант* равен 60 минам, что равно 30 кг.

* VI, 14. *Аншан* — область в юго-западном Иране. В Месопотамии не было подходящего материала для изготовления луков.

Табл. III* 1,15. *Эгальмах* — название храма.

II, 20. *Айа* (с постоянным эпитетом «невеста») — жена Шамаша. Нинсун просит ее, чтобы она обеспечила охрану Гильгамеша небесными светилами ночью, когда Солнце-Шамаш опускается в преисподнюю. Некоторые исследователи пытаются в разрушенном тексте даже прочесть имя Сина, бога луны.

IV, 20. Культу богов было посвящено несколько категорий жриц — во-первых, энту, участницы обряда «священного брака» (в нашем переводе — просто *жрицы*, или *жены бога*), во-вторых, *священные* — кадишту, то есть священные проститутки (у нас: «девы, обреченные богу»); разновидностью их были и кезерту, упоминаемые в табл. VI, — там переведено *любодеицы*; кезерту отличались особым убором волос (по-видимому, они носили косу). Что касается «дочерей бога» (IV, 23), то это, по-видимому, дочери энту от священного брака и сами — будущие энту.

Табл. IV, V, 45. *Одеяния Хумбабы* — они же «страхи» или «лучи сиянья». См. прим. к «Жрец...», 138 (ЛВ52).

V, 46а. По-видимому, героев смутил крик Хумбабы, и они пытались силой заставить друг друга прекратить поход (?).

VI, 5. Обычная веревка скручена из двух шнуров, поэтому *втрое скрученный канат* (или нить) — образ дружбы двоих.

Табл. V, V, 6. *Ирнини* — имя Иштар как богини мертвых.

* 30. *Сариа* — гора Хермон на юге Сирии, у пределов Палестины.

Табл. VI, 9. Иштар произносит обязательную для невесты брачную формулу.

II. В ор. «эльмéшу»—сказочный камень, возможно — алмаз, но скорее желтый камень (янтарь?). *Рога* колесницы — устройство, на котором укреплялись колчаны для метательных дротиков.

35. Перевод ненадежный. О ручных слонах в древней Передней Азии мы ничего не знаем.

164. Очевидно, искусственная синяя стекловидная масса.

165. По-видимому, рога мыслились оправленными в золото.

166. *Мера* (курру) — примерно 250 литров; в каждом роге, таким образом, было около трех четвертей тонны. Словом *елей* здесь и в других местах переведено слово «шамну», что означает обычно кунжутное масло, может быть, иногда сдобренное благовонием. Им натирали тело в жару.

168. Дословно: «Внес и повесил у кровати, подобающей ему как хозяину дома». Младшие члены семьи спали на полу.

Табл. VII, I,1. Эта строка записана как «перенос» (кустос) в конце VI таблицы; начало самой VII таблицы не сохранилось. Для того чтобы не прибегать к прозаическому пересказу, мы решились включить здесь отрывок из хеттского перевода «периферийной» версии эпоса (строки 1—22) и из отрывка аккадской «периферийной» версии, тоже II тыс. до н. э., найденного в виде плохой школьной копии в Мегиддо, в Палестине (строки 2—11). Однако «периферийная» версия сильно отличалась от НВ.

** 20—21. Следует помнить, что все сверхъестественные существа мыслились материальными.

I, 43. В ор. шесть «гаров» и два «гара».

После I, 49. Кое-что из этих стихов читается. Например, I, 52: «В его двери я поставил (бы) птицу бури». Но связного текста получить не удается.

II, г. Точное местоположение этого отрывка не вполне ясно.

и. Стерший надпись с чьим-либо именем навлекает на себя проклятье.

рр. Если правильно предложенное Б. Ландсбергером прочтение, этот стих дословно значит: «Дрожат твои губы, словно мухи».

III, 29. Реконструкция по эпическому обороту, встречаемому в другом вавилонском произведении.

IV, 18. То есть волшебной птице Анзу́.

IV, 31. По-видимому — в голубя.

IV, 33. *Иркалла* — одно из имен божества — царя преисподней.

IV, 46—47. *Жрец* — собственно эн, жрец, совершавший обряд священного брака. Нередко — сам царь.

IV, 48. *Священники* — дословно: «помазыватели океана». «Океаном» назывался большой медный сосуд в храме; по-видимому, он считался олицетворением одного из божеств и поэтому, как живое существо, умащался маслом. «Помазыватели» принадлежали к рядовым служителям культа.

IV, 49. *Этана*.— Герой легенды о полете на небо с помощью орла, первый царь.

VI, 3. В ор. «Друг мой», что кажется нам необъяснимым. Предполагать здесь начало речи Гильгамеша трудно.

Табл. VIII, I, 2, и далее. До стиха 35′ от основного текста НВ сохранились лишь ничтожные отрывки, и текст восстанавливается по ученической записи, найденной в провинциальном ассирийском городе Хуэирине (ныне городище Султан-Тепе, далее — СТ). Этот текст, частично использовавшийся нами и в таблице VII (от начала столбца II до начала столбца III), видимо, писался школьником под диктовку и со многими грубыми ошибками.

I,5′. Или: «...хвостатые тебя воспитали...»

10′. Или: «Да плачет народ, что нам слал вослед благословенья».

Табл. IX, I,6. *Утнапишти Дальний* (перевод шумерского имени собственного Зиудсудра, буквально: «Нашедший далекую жизнь») — древний царь городка Шуриппака, к северу от Урука — ныне городище Фара; по верованиям вавилонян — единственный из людей, принятый в собрание богов и тем самым приобретший божественное существование для себя и своей жены; как это произошло — будет видно из дальнейшего (см. табл. XI).

После II, 23—24. Речь Гильгамеша к человеку-скорпиону, несомненно, отличалась от его же речей в X таблице, так как иначе нарушалось бы эпическое правило троичности. В тексте не хватает двадцати пяти — тридцати стихов, которые мы решились дополнить повторением последующих речей Гильгамеша, потому что смысл сказанного им должен был, во всяком случае, быть к ним близок. Нумерации стихов мы здесь не даем.

II, 1. По представлениям вавилонян, земля окаймлена круговым хребтом гор — Плотиной Небес; на ней покоятся металлические небесные своды (три, пять или семь), а позади нее находится Мировой Океан, мыслившийся то пресноводной Рекой, то водами смерти. Земля плавает на поверхности Океана или прикрывает его как крышка (см. табл. XI, 31). В Океане — острова блаженных. В той же Плотине Небес имеются горы-близнецы — *Ма́шу*, и

между ними медные ворота, охраняемые людьми-скорпионами. Через них Солнце-Шамаш ежедневно проходит из преисподней на небеса и обратно уходит с небес длинным ходом, поперек пересекающим гору Плотины Небес и выходящим к Мировому Океану, по-видимому, сообщающемуся с преисподней.

VI, 36. Гильгамеш, по-видимому, попал в Земной рай на берегу Мировой Реки (Океана). Возможно, это было первым испытанием ему — способен ли он принять вечную жизнь. Покинув волшебный сад, он не прошел первого испытания. Другие исследователи, также считая, что Гильгамешу были даны три возможности приобретения вечной жизни (или вечной молодости), не относят к ним его пребывание в Земном раю.

Табл. X, I, 22. Так как между стихами I, 22 и II, 11 основной НВ, стихами *а* — *о* позднего фрагмента и стихами «Таблицы Мейснера» (СВ) нет ясных стыков, то самые необходимые «мостики» досочинены переводчиком.

* После III, 14 НВ очень сокращает ответ Гильгамеша; в СВ содержится другой любопытный текст: «Гильгамеш ей вещает, хозяйке: // Что это, хозяйка, ты [мне] сказала? // Из-за друга моего [болит] мое сердце! // Что это, хозяйка, ты [мне] сказала? // Из-за Энкиду [болит мое сердце!] // Ты живешь, хозяйка, над обрывом [у моря], // И ты видишь все [пути через море:] // Дай мне верный путь [до Утнапишти], // Если возможно, [переправлюсь] морем!»

II, 29. Дословно: «У него есть некие каменные, в лесу он ловит [или: собирает]...» Под «некими каменными» разумеются, по-видимому, амулеты-идольчики, не называемые прямо из-за табу. Что именно ловит *Уршанаби*, чтобы переправляться через воды смерти,— неясно, однако на изображениях магическая лодка бывает связана со змеем или сама принимает вид змея.

II, 35. Следующие три стиха сочинены переводчиком для связи.

После III, 35а. Использован новонайденный СВ отрывок СТ X, VI, табл. XXVIII.

* IV, 10′. Знаки видны, но плохо читаются. Перевод по догадке.

После V, 22а ожидалась бы реплика Утнапишти, однако она отсутствует как в списке библиотеки Ашшурбанапала, так и в недавно опубликованном более позднем (?) списке Британского музея.

V, 39 и далее 40, 42. В оригинале вместо «смертный» — слово «ли́ллу», означающее: «слабый, неполноценный», но также, по-видимому, «ребенок женщины от духа или божества» (особенно злого), а может быть, и «ребенок богини от смертного». Возможно также, что «лиллу» то же, что «лилу́-инкуб» — злое сверхъестественное существо, являющееся женщинам по ночам, мужское соответствие «Лилит» (лили́ту) — «суккубе», посещающей мужчин, отчего родятся оборотни и полудемоны. По одной из легенд о Гильгамеше, он был то ли «ребенком-ли́ллу», то ли «сыном инкуба-лилу́». Смысл в любом случае тот, что Гильгамеш не принадлежит к числу бессмертных.

VI, 37. *Мамет* (Мамѐту) — древнейшая богиня-мать, возможно, та же Аруру из табл. I.

Табл. XI, 11—196. Этот отрывок, по всей вероятности, отсутствовал в разных версиях аккадской поэмы о Гильгамеше. Один из поэтов-редакто-

ров,— вероятно, Син-леке-уннинни,— вставил сюда большую часть отдельно существовавшей эпической поэмы о «Весьма премудром» — Атрахасисе — и Велнком потопе. Он сделал текст лаконичней, а вложнв его в уста героя в виде прямой речи, придал ему большую эмоциональность.

17—18. Бог войны, сын Эллиля, *Нинурта* назван «гузалу́», собственно «носителем трона», приближенным слугой царя; *Эннуги* (прозвище бога подземного царства, а в данном случае и подземных вод, Нергала) назван «гуга́ллу» — «управляющим оросительными работами», «ответственным за орошение». В Средней Азии гугаллу соответствует должности «мираба», как Эннуги и назван в переводе, так как мы не нашли более общеупотребительной передачи этого понятия.

31. Об «Океане» см. прим. к табл. IX, II, 1.

57. Площадь ковчега была равна 1 «нку» — около 1/3 гектара, высота «стен» (бортов) — 10 «гар» — около 60 м; каждая сторона также в 60 м.

63. Что такое *водяные колки* — неясно.

98—99. *Адду* — бог дождя и грозы, *Шуллат* и *Ханиш* — его гонцы.

101—102. *Эрагаль* — то же, что Нергал, бог преисподней.

103. Большинство богов из рода Ануннаков считались обитающими на земле и под землей; поэтому они изображены пытающимися спасти землю. Но Нергал принадлежал к другому роду богов — к Игигам.

114. По верованиям вавилонян, существовало несколько (три или семь) твердых небес; одно из них — небо Ану.

116. *Иштар* — здесь тождественна упоминаемой ниже Дингирмах.

162. В тексте — Дингирмах, одна из многочисленных шумерских ипостасей богини-матери.

187. *Многомудрый*—аккадск. атра хасис (ср. прим. к табл. XI, 11 сл.).

231. *Похититель* — бог судьбы, приходящий за умирающим.

236. Этими загадочными словами Утнапишти намекает Гильгамешу на волшебные свойства воды у берега моря; они способны все обновлять. Но Гильгамеш понимает его буквально и обновляет... только свою одежду, а не самого себя! Объяснение принадлежит А.-Л. Оппенхейму.

273. С Океаном может сообщаться достаточно глубокий колодец.

302—305. Концовка повторяет слова пролога (таблица I, строки I, 16—19) и, подобно ему, видимо, имеет позднейшее происхождение (конец II тыс. до н. э.?). Далее следуют не совсем понятные и, по всей вероятности, вставленные позднее строки, описывающие размеры города Урука. Они опущены нами в переводе.

И. Дьяконов

[МОЛИТВА К НОЧНЫМ БОГАМ]

Текст (копия эллинистического времени с текста начала II тыс. до н. э.) хранится в Государственном Эрмитаже. Дается в переводе известного советского ассириолога и поэта В. К. Шилейко. Издана в 1921 г., «Известия РАИМК», III.

6. *Шамаш, Син, Адад*—божества солнца, месяца, грома. *Иштар*—здесь, видимо, планета Венера.

15, 16. *Гибил* — бог огня. *Эрра* — бог чумы.

17—20. В тексте перечисляются созвездия, вавилонские названия которых не совпадают с современными. *Крестовина*.— Перевод комментатора. У Шилейко — «Распятье».

[КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА ИЗ АШШУРА]

Текст хранится в Государственном Эрмитаже. Дается в переводе В. К. Шилейко. Издано в «Докладах Академии наук СССР», 1929.

9. Богиня *Анту*—супруга бога *Ану* (шумерск. Ан). В данном тексте оба бога выступают как верховные покровители врачевания и божеств-врачевателей.

11—12. *Даму, Гула* и *Нинаккукуттум* или Нинахакудду — божества-врачеватели, охраняющие здоровье людей, а также покровители целительного колдовства.

И. Дьяконов

[ЗАКЛИНАНИЕ СОЛНЦА],
ИЗ [ЗАКЛИНАНИЙ]
(«СКОРБЬ, КАК ВОДЫ РЕЧНЫЕ...»)

В нашем собрании памятников поэзии Шумера и Вавилона приводятся, в переводе В. К. Шилейко, два образца из обширной вавилонской литературы заклинаний. Приводимые образцы в подлиннике — двуязычные, то есть написаны по-шумерски с подстрочным аккадским «переводом» — в действительности аккадский текст, по-видимому, представляет собой оригинал, вторично переведенный на «священный» шумерский язык для придачи заклинанию большей «действенности». Каждое заклинание сопровождалось шумерским описанием обряда, который должен был его сопровождать; в переводе описание опущено. По форме заклинания как будто предназначены для очищения — от злых чар и «наваждения» (выражающегося в болезни) — только царя; но, по-видимому, они же могли применяться заклинателем и по заказу любого человека.

Великая гора — здесь, мироздание. *Дуль-ку(г)* — обиталище богов. *Ламашту* — львиноголовая богиня, поднимающаяся из преисподней и наводящая болезни на людей. *Лабасу*—один из злых демонов. *Слюна*—считалась сильным ядовитым и магическим средством. *Эа* (точнее: Хайа)—бог пресноводного Океана: он же благосклонный к людям бог пресных вод и всякой мудрости.

Царский бог.— Каждый человек считался имеющим своего бога-покровителя.

И. Дьяконов

[ЗАКЛИНАНИЕ]
(«МОГУЧИЙ ПРЕСВЕТЛЫЙ МУЖ...»)

Тексты заклинаний (I тыс. до н.э.) взяты из книги: Friedrich Delitzsch, Assyrische Lesestücke mit den Elementen der Grammatik und vollständigem Glossar, 4. Ausg., Lpz. 1912. Подчеркнуто пышные эпитеты первых десяти строк объясняются тем, что Мардук (см. прим. к тексту «Благородная дева...»), как центральное божество, узурпировал эпитеты многих богов.

2. *Нудиммуд* — главный эпитет бога Энки (приблизительное значение: «созидающий», «рождающий»). В вавилонской теогонии Мардук становится сыном этого древнейшего бога.

3. *Ээнгура* — «дом Энгуры»; Энгура, или Абзу.— Мировой Океан подземной пресной воды. Так же назывался храм бога Энки в Эриду. В данном случае, видимо, мыслится последнее.

4. *Эсагила* —главный храм Мардука в городе Вавилоне. *Эзида*—храм нововавилонского времени в пригороде Вавилона, Борсиппе.

5. *Эмахтила* — святилище в Вавилоне.

[ЗАКЛИНАНИЕ]
(«ХОРОШО МОЛИТЬСЯ ТЕБЕ...»)

12—13. Так же, как и строки 17, 18, 19 — двойные. *Шеду* и *Ламассу* (или Лама) — добрые духи-хранители мужского и женского пола.

18а. Апсу, или Абзу (ш у м е р с к.) — имеет также значение «бездна».

В. Афанасьева

ХЕТТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДРЕВНЕХЕТТСКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Песня, являющаяся древнейшим образцом поэтического текста на индоевропейском языке, сохранилась в составе текста, написанного клинописью, характерной для Древнего царства (около XVII в. до н. э.), и повествующего о сражении с хурритами (см. Г. Г. Гиоргадзе, Хетты и хурриты по древнехеттским текстам.—«Вестник древней истории», 1969, № 1), в котором гибнут двое воинов. За рассказом об их гибели следует эта песня. Перевод сделан по изданию: «Keilschrifttexte aus Boghazköi», III, № 40, толкование песни дано в соответствии со статьей: C. Watkins, A Latin-Hittite etymology.—«Language», vol. 45, 1969, № 2.

Стр. 231. *Неса*— название древней столицы Хеттского царства. *Матери моей, предка моего.*— При совершении погребального обряда символически обозначалось воссоединение с умершими предками.

1 гимн (стр. 231) переводится по изданию «Keilschrifturkunden aus Boghazköi», XVII, № 28. Произносился во время жертвоприношения богу Солнца.

Я иду своей дорогой правды.— Оборот, находящий прямое соответствие в четырех местах Ветхого завета («Я хожу по пути правды», «Книга притчей Соломоновых», гл. 8, 20, ср. там же, гл. 2, 20; «Первая книга Царств», гл. 12, 23; «Книга пророка Иеремии», гл. 6, 16).

2 гимн (стр. 231), представляющий собой молитву царя Муваталлиса — сына и преемника Мурсилиса II (XIII в. до н. э.), переводится по изданию: «Keilschrifturkunden aus Boghazköi», VI, № 45.

Человечества пастух — архаическое выражение, вторая часть которого применительно к богам восходит к доисторическому периоду, как это показывает совпадение такого употребления хеттского слова «пастух» (uešaraš) с родственным авестийским (vāstar), относящимся к богам в одном из гимнов «Авесты». По-видимому, здесь отразилось общее для хеттской, индо-иранской и греческой религии представление о том, что боги пасут души умерших. Выражение «пастух людей» относится и к аккадскому богу Шамашу. *Из моря Ты приходишь в вышину...*— В этом представлении о солнце, встающем из-за моря, видели след миграции предков хеттов до их прихода в Малую Азию. Но скорее всего здесь можно видеть отражение тех же мифологических представлений, которые связывают и древнеиндийского бога Варуну с морем (мировым Океаном). Представление о связи бога Солнца с Океаном встречается и в хеттских текстах (миф о боге Телепинусе и дочери Океана) в контексте, почти дословно совпадающем с настоящим гимном.

Стр. 232. *...над человеком, над собакой, // Над свиньей да и над зверем диким...*— Человек, собака и свинья образуют ряд существ, приносившихся в жертву богам в архаических хеттских обрядах. Собака и свинья — домашние животные—занимают промежуточное место между человеком и дикими (букв.: «полевыми») зверями, о которых в параллельном месте *3* гимна говорится, что они бессловесны (букв.: «не говорят ртом»). Судя по хеттским законам, в хеттском скотоводческом обществе не только человек, но и домашние животные представляли собой юридически ответственные существа. Представление о боге Солнца как судье является общим для хеттской, аккадской и египетской религии.

3 гимн (стр. 232) переводится в извлечениях по изданию: «Keilschriftturkunde aus Boghazköi», XXXI, № 127. Переведена первая табличка гимна, написанная стихами. Гимн датируется временем среднехеттского царя Кантуциллиса—доамарнского периода. Гимн отражает характерную для ряда древневосточных религий (в частности, позднейшей египетской) тенденцию к монотеистическому пониманию единственности бога Солнца — небесного царя, соотносимого с земным царем (цари Новохеттского периода всегда именовали себя во всех документах «Мое Солнечное божество»). Для культа священного

царя характерна и выраженная в гимне идея объезжания царем Солнцем четырех сторон света, откуда обрядовая роль числа 4 в этом гимне; бог Шамаш также предстает как судья, судящий на четыре стороны света.

...Всей страны обряд и договор... — С богом Солнца в гимне связываются основные установления как миропорядка, так и порядка социального, что обнаруживают разительные аналогии с древнеиндийскими, ведийскими представлениями о порядке. Соответствующие термины, как хеттский «saklai» «обряд» (родственно лат. «sacer» — «священный»), восходят к глубокой древности. *Прародитель сумрачного мира.* — С богом Солнца связывался и подземный (невидимый) мир. *...отцом-Энлилем...* — Отец бога Солнца обозначен здесь шумерским клинописным знаком — именем шумерского бога Энлиля (как мать бога — шумерским обозначением богини Нингаль— жены бога луны Сина). *...Средь богов минувшего...* — Здесь различаются разные поколения богов. Бог Солнца, являющийся основным богом настоящего, противополагается «богам минувшего». *Долю их определяешь...* — Представление о доле, принадлежащей богу, является общим для разных древних традиций, включая месопотамскую.

Стр. 233. *Земные боги* — боги, воплощающие земные силы, в отличие от небесных (ср. ниже верхние страны и нижние страны, что находит точное соответствие в вавилонских гимнах Шамашу). *Четверым коням своей упряжки...* —Представление о том, что бог Солнца выезжает на колеснице, объединяет этот гимн с индо-иранскими, возможное воздействие которых здесь не исключено, так как к этому времени индо-иранские коневодческие племена уже проникли на Ближний Восток и вступили во взаимодействие с хеттами через посредство хурритов. *Если ест зерно...* — Описание магического ритуала, основанного на магии уподобления: давая зерно коням, посвященным богу Солнца, тем самым обеспечивали его силу.

Стр. 234. *Слева//От тебя летят по небу Страхи...* —Страхи и Ужас—персонифицированные демоны из свиты бога Солнца. *Бунене* — аккадское имя колесничего и советника бога Солнца. *Мишару* (буквально: «справедливость») — аккадское имя члена его свиты. По-видимому, один из советников назывался советником правой стороны, другой — советником левой стороны, что находит соответствие в большом числе архаических обществ.

Конец первой таблички гимна сильно поврежден. Соответствующие пропуски отмечены многоточием.

[ПЕСНЬ ОБ УЛЛИКУММИ]

Перевод сделан по изданию: H. G. Güterbock, The Song of Ullikummi.— «Journal of Cuneiform Studies», vol. V, 1951, № 4; vol. VI, 1952, № 1. Сильно разрушенные фрагменты поэмы оставлены без перевода (соответствующие пропуски отмечены многоточием). Названия главок внутри каждой таблицы добавлены переводчиком для удобства читателя (отчасти в соответствии с изданием: J. Friedrich, Hethitisches Keilschrift-Lese-

buch, Teil I, Lesestücke, Heidelberg, 1960). Деление каждой главки на строфы из нескольких строк дано в подлиннике, где писцы отделяли строфы друг от друга горизонтальной чертой. Хеттский текст (представляющий собой, по-видимому, вольное переложение хурритского) написан стихом разных размеров, основанным на чередовании более длинных строк (с четырьмя и более ударениями) и более коротких строк и с вкраплением небольших отрезков, связанных грамматической (главным образом, глагольной) рифмой.

Стр. 234 *Кумарби, отца всех богов...* — По хурритской мифологии, бог Кумарби — главный бог предпоследнего из четырех поколений богов, отец бога Грозы — главного бога последнего поколения богов, отнявшего у него царствование на небесах. *День дурной.* — Кумарби задумывает день своей мести, когда порожденное им чудовище поразит бога Грозы и отнимет у него царствование на небе. *Уркиса* — город, местопребывание Кумарби. *Холодное Озеро* — название места, где находилась Скала, представляемая в поэме как женщина-великан. *То, что было внизу...* — Описание частей Скалы, представляемой как женщина.

Стр. 235. *Повивальные бабки.* —Эпизоду рождения сына Кумарби предшествуют не полностью сохранившиеся фрагменты посещения бога мирового Океана Кумарби. *Богини Судьбы* и *богини-защитницы* — богини, помогавшие при родах. *...со своей душой говорить...* — В хурритской и хеттской литературе часто встречается разговор божества (или человека) со своей душой, соответствующий внутреннему монологу в новой литературе. *Улликумми* — хурритское имя героя поэмы. *Куммия* — город, местопребывание бога Грозы, находился в горах к северу от Месопотамии. *Тасмису* — брат и помощник бога Грозы. *...на Темную Землю...* — Кумарби хочет спрятать своего сына, пока тот еще не вырос, от врагов в Темной Земле — подземном мире, находящемся за пределами Земли и Неба. *Иштар* — сестра бога Грозы и Тасмису, связываемая с месопотамским городом Ниневией. *Импалури.* — В поэме советник и помощник бога мирового Океана. *Ирсирры* — боги, относящиеся к тому же (предпоследнему) поколению богов, что и Кумарби.

Стр. 236. [*Не знаете вы*]. — Эта и некоторые другие строки, взятые в скобки, в подлиннике разрушены и восстанавливаются на основании других параллельных мест. *Упеллури* — бог—титан, держащий, по хурритской мифологии, на себе Землю и Небо (подобие, если не прообраз, греческого Атланта). *Но тот камень, что в голову брошен ему, // Пусть глаза одевает его.* —Речь идет о слепоте Улликумми, рожденного каменной Скалой и снабженного каменным черепом. То, что Улликумми ничего не видит, здесь связывается и с тем, что его не должно видеть (по известной закономерности мифологического и всякого первобытного, в том числе и детского, мышления).

Стр. 237. *Кункунуцци* — хеттское имя героя поэмы. Его можно перевести как «Каменный убийца».

Стр. 238. *И от гнева лицо его все исказилось.* —Повторяющаяся формула, соответствующая гримасе, искажающей лицо бога или героя-воина во время битвы, в фольклоре и мифологии разных народов.

Стр. 239. *Бог Грозы как услышал речь бога Солнца...*—Часть этого эпизода, где бог Солнца рассказывает богу Грозы об Улликумми, не сохранилась. *Полетели к горе они Хацци.*— Гора в Северной Сирии возле устья реки Оронт, у античных авторов известная под именем Casius.

Стр. 240. *Серри* и *Телла* — имена двух священных быков бога Грозы, которые должны помочь ему в битве. *...камни наденут!* — Камни, видимо, предназначаются для того, чтобы сделать колесницу бога Грозы более устрашающей.

Стр. 241. *Имгарру*— хурритское название горы, где пасся бык Телла. *Аштаби* — бог-воин, выступающий на стороне бога Грозы.

Стр. 242. *Хебат*— жена хурритского бога Грозы Тешуба, главное женское божество в хурритской мифологии. *Такити* — богиня, помощница Хебат. *Место мне он велел отыскать поскромнее...*— Хеттское «tepu pedan» — малое место противопоставляется «šalli pedan» — большое место. Уходя из своего прежнего местопребывания под натиском Кункунуцци Улликумми, бог Грозы и Тасмису тем самым теряют свое былое могущество.

Стр. 243. *Кандурна, Лалападува* — названия гор, куда хотят перенести свое местопребывание боги, теснимые Улликумми. *Апсу* — аккадское название подземного Океана, где обитал бог Нижнего мира Эа. В хурритской версии поэмы Апсу выступает как название города. *...древних слов.*— Эа выступает в качестве хранителя тайн сотворения Неба и Земли, с помощью которых хотят найти спасение бог Грозы и Тасмису.

Стр. 244. *...жизни желаю тебе.*—Приветствие, совпадающее с древнеегипетским.

Стр. 245. *...и на правом плече Упеллури, как меч, Кункунуцци стоял.*— Согласно картине мира, отраженной в этом эпизоде, только бог Нижнего мира Эа может увидеть подножье Кункунуцци, стоящего на основании Земли и Неба — на плече Упеллури. Отрезав это подножье от плеча Упеллури с помощью того резака или пилы, которым некогда отделили Небо от Земли, Эа лишает Кункунуцци его силы (что также имеет параллели в греческой мифологии, в частности, в мифе об Антее). *...бог Грозы с Кункунуцци...*— За этой строкой следует сильно поврежденный фрагмент, где Кункунуцци хвалится своей силой перед богом Грозы, повторяя слова Кумарби из эпизода «Рождение Улликумми». Конец поэмы, видимо, содержался в четвертой таблице, до нас не дошедшей, где описывалось поражение Улликумми в битве с богом Грозы.

ИЗ ЦИКЛА [«О ЦАРСТВОВАНИИ НА НЕБЕСАХ»]

Перевод сделан по изданиям: «Keilschrifturkunden aus Boghazköi», XXXIII, № 1, 20; H. G. Güterbock, Kumarbi. Mythen vom churritischen Kronos, Zürich — New York, 1946; P. Meriggi, I miti di Kumarpi, il Kronos curríco.— «Athenaeum», Nuova Serie, vol. XXXI, Pavia, 1953.

Стр. 246. *Алалу*— по-видимому, хурритская форма шумерского имени бога Энлиль. *...девять веков...*—В подлиннике «девять лет»; имеются в виду ми-

ровые годы, или эпохи. ...*В далекую Темную Землю.*—Первый из побежденных богов бежит в Нижний мир, второй же пытается неудачно бежать в Верхний мир. *Кумарби, потомок Алалу...*— В смене поколений богов, сходной с «Теогонией» Гесиода, боги, мстящие за своих отцов, сменяют друг друга. *Тот взгляда Кумарби не вынес...*— Устрашающий взор бога-воина встречается в мифологиях разных народов.

Стр. 247. ...*теперь ты чреват.*—Близкий мотив встречается в египетском мифе о споре Гора с Сетом. ...*Тигром.*— Согласно одному из предложенных толкований мифа божество Тигра должно родиться вместе с братьями — богом Грозы и Тасмису.

В следующих частях поэмы, сильно поврежденных, бог Грозы, находясь еще внутри Кумарби, разговаривает с Ану о том, как ему выйти из Кумарби.

ИЗ [МОЛИТВЫ МУРСИЛИСА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ]

Перевод сделан по изданию: A. Götze, Die Pestgebete des Muršiliš.— «Kleinasiatische Forschungen», Bd. I, Heft 2, Weimar, 1929.

Стр. 247. *Хаттусас*— со времени Хаттусиллиса I (XVII в. до н. э.) — столица Хеттского царства, современный Богазкёй (около 100 км от Анкары). ...*это именно так, мы это совершили.*—Формула признания в грехе. *И те немногие жрецы...*— В других местах молитв во время чумы Мурсилис II уговаривает богов оставить в живых жрецов, потому что иначе иссякнут еда и питье, которые они дают богам во время жертвоприношений.

Стр. 248. *Проступок.*— Проступок и грех обозначаются одним и тем же хеттским словом (uastul).

Вяч. Вс. Иванов

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ПОЭЗИЯ И ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ИЗ «КНИГИ ПЕСЕН»

Переводы выполнены поэтом В. Микушевичем по изданию: B. Karlgren, Book of odes, Stockholm, 1950. Имеется полный поэтический перевод «Книги песен», принадлежащий китаеведу А. А. Штукину: «Шицзин», Изд-во АН СССР, М. 1957.

Стр. 261. *Лилий водяных множество кругом.*— Водяные лилии (по другому толкованию — кувшинки) употреблялись древними китайцами в пищу.

Стр. 271. *Цзы-Цзюйя янь-си, боец из бойцов.*— Все три храбрых воина, упоминаемые в этой песне, по свидетельству древних комментаторов, были братьями.

Стр. 274. *В месяце девятом трамбуем огород.*— После того как овощи с огорода были сняты, огород трамбовали и превращали в ток.

ЦЮЙ ЮАНЬ

Цюй Юань (340—278 гг. до н. э.) — первый поэт древнего Китая, имя которого дошло до нас. Переводы взяты из «Антологии китайской поэзии» в четырех томах, ГИХЛ, М. 1957.

Плачу по столице Ину (стр. 282).— *Ин* — столица царства Чу, где жил Цюй Юань.

С камнем в объятиях (стр. 287).—По свидетельству древних биографов, поэма «С камнем в объятиях» — последнее стихотворение Цюй Юаня. Написав его, поэт, как гласит предание, положил за пазуху камень и бросился в реку Мило (см. прим. к стр. 295).

Стр. 287. *И если б Чуй искусный не работал...*— Чуй — легендарный мастер (видимо, плотник), живший будто бы во времена мифического государя Яо. *Когда прищуривал глаза Ли Лоу...*— Ли Лоу будто бы жил во времена мифического Желтого государя, Хуан-ди, и обладал таким острым зрением, что мог видеть более чем за сто шагов тончайший волосок.

Стр. 288. *Но Чун-хуа не встретится со мною...*—Чун-хуа (букв.: «Двойное цветение») — другое имя мифического государя Шуня, который почитался как идеальный правитель. *Чэн Тан и Юй из старины глубокой...*— Юй и Тан — мифические правители древности, почитавшиеся наряду с другими первыми государями как идеальные правители. Первому приписывается основание легендарной династии Ся (возможно, XXIII в. до н. э.), а второму — следующей династии, Шан (XVIII в. до н. э.). *Юань и Сян раскинулись широко...*— Юань и Сян — названия двух рек в провинции Хунань. *Бо-лэ давно уже лежит в могиле...*— Бо-лэ — знаменитый знаток коней, живший будто бы в глубокой древности.

СУН ЮЙ

Сун Юй (290—223 гг. до н. э.) — последователь Цюй Юаня, поэмы которого средневековые филологи включали в собрание «Чуских строф», вместе со стихами Цюй Юаня. Перевод академика В. М. Алексеева публикуется по книге «Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева», Изд-во АН СССР, М. 1959.

Стр. 292. *...горшок с пробитым дном для окон...*— То есть горшок с пробитым дном вместо окна,— образ нищего дома.

Стр. 294. *Канон стихотворений.*— «Книга песен» («Шицзин»).

ЦЗЯ И

Цзя И (201—169 гг. до н. э.) — известный политический деятель и поэт. По преданию, свой плач по Цюй Юаню, начертанный на белом шелке, он бросил в реку в том месте, где утопился Цюй Юань, судьба которого была во многом сходна с его собственной. Он также был оклеветан завистниками и

не мог найти применения своему таланту. На пути в пэгнанне он и создал свою оду. Перевод В. М. Алексеева публикуется впервые.

Стр. 295. *...в водах Мило...* — Милоцзян — река в нынешней провинции Хунань. *...к волнам Сяна* — река Сян в нынешней провинции Хунань. *Суй-и* — мудрый сановник легендарной династии Инь. *Чжэ* (или Дао Чжэ) — знаменитый разбойник, в древности живший в царстве Лу; *Цяо* (или Чжуан Цяо) — разбойник, живший в царстве Чу. *Меч «Нечистых долой»* — один из двух знаменитых мечей, выкованных будто бы древним оружейником Гань Цзяном. *...даты Чжоу сосуд...* — то есть сосуд, отлитый при династии Чжоу (XII в. до н. э. — III в. до н. э.).

Стр. 296. *Святой дракон.* — По преданию считалось, что в пучине вод живет дракон с драгоценной жемчужиной во рту. *...все «Девять Стран», служа лишь князю «своему»...* — То есть все девять округов, на которые в древности был поделен Китай. Речь идет о том, что в период смут поэту следовало служить. *Цзян* (или Янцзызян) — одна из двух крупнейших рек Китая, иногда просто название любой реки в Южном Китае. *...на муравьиную орду?* — В древних памятниках говорится, что когда кит оказывается на суше, то он становится добычей муравьев.

СЫМА СЯН-ЖУ

Сыма Сян-жу (ок. 179—117 гг. до н. э.) — известный государственный деятель и поэт. По преданию, его поэма «Там, где длинны ворота» была написана по просьбе покинутой жены императора У-ди. Рассказывают, что государь, потрясенный описанием глубокого горя, вновь приблизил к себе жену. Перевод публикуется по книге «Китайская классическая проза».

Стр. 296. *Доблестного сына, Воинственного августейшего монарха* — императора Ханьской династии У-ди (правил с 140 по 87 г. до н. э.). *Шу* — местность на территории нынешней провинции Сычуань. *Цзинь* — мера веса, в древности около 250 гр.

Стр. 298. *Пять цветов* — зеленый, желтый, красный, белый, черный.

Стр. 299. *Би-мао* — две звезды, которые хорошо видны при восходе солнца в пятом-шестом месяцах по лунному календарю.

ИМПЕРАТОР ВЭНЬ-ДИ

Император Вэнь-ди (дословно: «Просвещенный») правил с 176 по 156 г. до н. э. Перевод публикуется впервые.

Чжан Хэн (78—139) — знаменитый поэт и астролог, особо прославившийся своими сочинениями в жанре фу. Перевод публикуется впервые.

Стр. 300. *...когда Река будет прозрачна и чиста...* — Имеется в виду река Хуанхэ. По преданию, раз в тысячу лет мутная вода Хуанхэ, несущей обычно лёсс, становится будто бы чистой. *...и настроение Цай'я...* — Имеется в виду Цай Цзэ из царства Янь, который, не встретив правителя, которому

мог бы с успехом послужить, обратился к физиогномисту Тан Цзюю с вопросом о будущем. *...за рыбаком-отцом.*— Намек на встречу поэта Цюй Юаня с мудрым старцем-рыбаком.

Стр. 301. *...пятиструнки моей...* — пятиструнной цитры. *...Чжоу и Кун...*— Чжоу-гун (XII в. до н. э.)— сын чжоуского князя Вэнь-вана, почитавшийся за свою мудрость и высокие моральные качества, и — Конфуций. *...Трех Монархов, великой древности хуанов* — мифических первопредков Фу-си, Шэнь-нуна и Хуан-ди.

Из «Девятнадцати древних стихотворений» (стр. 301).— Так называется цикл, помещенный Сяо Туном (VI в.) в его «Вэньсюань» («Литературном изборнике»). Написаны они в разное время, но, по-видимому, не ранее I в. Имена их авторов затеряны. Перевод выполнен по изданию: «Лю чэнь чжу вэньсюань» в серии «Сы бу цункань», Шанхай (без указания года), цзюань 29. (Примечания переводчика.)

Стр. 302. *Конь хуских степей* — конь северных степей. Ху — общее название северных народностей; здесь, должно быть, имеются в виду сюнну. *Птицы Юэ* — птицы южных окраин страны, где живут южные народности.

Стр. 303. *Вань* — нынешний Наньян в провинции Хэнань. Во времена поздней Хань (I—III вв.)—самый оживленный город («южная столица») после «восточной столицы» Лояна (столицы ханьского государства в I—III вв.). *«Шапки и пояса»*—чиновная знать. *...ванов и хоу...*— То есть у титулованной владетельной знати.

Стр. 305. *Превращенье* — смерть.

Стр. 306. *Цяо* (Ван-цзы Цяо, царевич Цяо) — наследник правившего в VI в. до н. э. чжоуского Лин-вана, который, по преданию, много лет учился у святого даоса и, приобрев бессмертие, улетел от людей на белом журавле.

Из ханьских песен юэфу (стр. 307).—Переводы печатаются по книге: «Юэфу. Из древних китайских песен. Гослитиздат, М.— Л. 1959.

Стр. 311. *Сихэ* — река в Северо-западном Китае.

Стр. 312. *Погибнем — свидимся у Желтых вод.*— Желтые воды, точнее, Желтый источник — образное название потустороннего мира.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

Из книги «Луньюй» («Беседы и суждения») (стр. 313). — По традиции, считается, что эта книга представляет собой беседы Конфуция (551—479 гг. до н. э.) с учениками и его суждения, собранные вместе уже после кончины великого мудреца, видимо, около 450 г. до н. э. Перевод академика Н. И. Конрада публикуется по книге: «Хрестоматия китайской литературы», Учпедгиз, М. 1959.

...государством, имеющим тысячу колесниц...— В древности могущество отдельных царств измерялось количеством боевых колесниц. Около тысячи колесниц имели лишь самые могущественные царства. *...Цзюнь-*

цзы — обозначение совершенного человека, носителя высоких моральных качеств.

Стр. 314. *Река И* — приток реки Сышуй на полуострове Шаньдун. *...подставить себя на холме Уюй ветерку.*— Холм Уюй к югу от города Цюйфу, родины Конфуция, на котором приносили жертвы небу, моля о ниспослании дождя. *Ли* — мера длины, в древности — около 400 м.

Из книги «Мэн-цзы» (стр. 316).— См. предисловие. Переводы из произведений китайских мыслителей, приводимые здесь и ниже, выполнены по изданию: «Чжуцзы цзичэн», Пекин, 1956, цзюань 1, 3, 4, 5, 6.

Божественный земледелец (Шэнь-нун) — один из мифических культурных героев древних китайцев. Впоследствии китайские философы, усматривавшие основу благосостояния народа в том, чтобы каждая семья производила все необходимое своими руками, для авторитетности приписали ему свои взгляды. *Тэн* — небольшое и весьма слабое царство на территории нынешней провинции Шаньдун.

Из книги «Даодэцзин» (стр. 319).— См. предисловие.

Пять звуков.— Имеются в виду пять ступеней китайской гаммы. *Пять вкусов* — кислый, сладкий, горький, острый, соленый. *Когда шесть родичей...*— Шесть родичей — отец и дети, старшие и младшие братья, мужья и жены.

Из книги «Ле-цзы» (стр. 320).— Трактат «Ле-цзы» — один из знаменитых памятников древней даосской мысли, о подлинности текста которого нет единого мнения. Традиция приписывает его авторство Ле Юйкоу, который будто бы жил в IV в. до н. э. Имеется полный перевод книг «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы», см: «Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая», вступительная статья, перевод и комментарий Л. Д. Позднеевой, «Наука», М. 1967.

Циньский князь Му-гун—князь царства Цинь на территории Северо-западного Китая, правил в VII в. до н. э.

Стр. 321. *Жэнь* — мера длины, равная ок. 2,5 м. *Цзичжоу* — название древней области на территории современных провинций Хэбэй и Шаньси. *Хэян* — местность на территории современной провинции Хэнань. *Юйчжоу.*— Юйчжоу также местность в современной Хэнань. *Ханьшуй* — многоводный левобережный приток Янцзы.

Из книги «Чжуан-цзы» (стр. 322).— См. предисловие.

Лао Дань — Лао-цзы.

Стр. 324. *Шесть ладов* — пять ступеней гаммы с добавлением одного полутона. *В Хэсюевы времена...*— Хэсюй — один из древнейших правителей на заре истории Китая. *Пушуй* — приток Хуанхэ. *...от чуского царя.*— Чу — древнее царство на территории Юго-западного Китая.

Стр. 326. *Чжун-ни* — прозвание Конфуция. *Пятая и шестая луна* — самое жаркое время года, время ловли цикад, пение которых высоко ценят китайцы.

Стр. 327. *...вырезал из дерева раму для колоколов.*—В древнем Китае сущест-

вовал музыкальный инструмент бяньчжун, который представлял собой набор из тринадцати колоколов-чжун, каждый из которых имел свой размер и свою строго определенную частоту колебаний. Колокола подвешивались на деревянной раме. *...луский князь.*— Лу — древнее царство на территории полуострова Шаньдун. *Хуэй-цзы* (Хуэй Ши)—известный мыслитель и политический деятель IV в. до н. э., принадлежавший к школе логиков — минцзя, постоянный участник диспутов с Чжуан-цзы. *...некий инец...*— то есть житель города Ина.

Из книги «Хань Фэй-цзы» (стр. 331).— «Хань Фэй-цзы» — сочинение мыслителя Хань Фэя (?—234 г. до н. э.), представителя так называемой школы «законников» (легистов).

Яньскому жителю...—Царство Янь находится на территории нынешней провинции Хэбэй — район Пекина.

Стр. 332. *Взять мочу пяти видов жертвенных животных и омыться ею.*— Корова, свинья, баран, собака и курица. Омовение мочой имело очистительный смысл. *...при дворе циского царя...*— Ци — царство на территории полуострова Шаньдун и провинции Хэбэй. *Чжэн* — царство на территории нынешней провинции Хэнань.

Стр. 333. *Гунь и Юй* — мифические герои; Гунь в мифических сказаниях считался внуком небесного правителя, изображался белым конем, Гунь пытался усмирить потоп, но не совладал со стихией. Дело его завершил Великий Юй, его сын, рожденный в облике дракона. *...творили бесчинства Цзе и Чжоу...*—Цзе— легендарный правитель династии Ся, приведший ее к полному краху. Чжоу — последний правитель династии Инь. Оба прославились как жестокие тираны. *...Тан* и *У...*—Чэн Тан—основатель династии Шан (XVIII в. до н. э.), У-ван — основатель династии Чжоу. *Сун* — здесь: древнее царство на территории нынешней провинции Хэнань.

Из книги «Весен и Осеней Люя» (стр. 333).— «Весны и Осени (то есть летопись.—*Б. Р.*) Люя», сочинение, составленное учеными из окружения министра Люй Бу-вэя (? — 237 г. до н. э.).

...по пути из Чэнь в Цай...— Чэнь — древнее царство на территории современной провинции Хэнань; Цай — царство на территории нынешней провинции Хэнань.

Стр. 335. *Цзы-гун* — прозвание Дуаньму Сы, ученика Конфуция, прославившегося своим красноречием. *Река Вэй* — протекает по территории современной провинции Хэнань, где в древности было расположено царство Чжэн. *...продать им его тело.*— Только выполнив соответствующие похоронные обряды, родные утопленника могли обеспечить ему достойное существование в потустороннем мире, а себя обезопасить от мести неприкаянной души умершего. *Дэн Си* (VII—VI вв. до н. э.) — знаменитый мыслитель, близкий по своим взглядам к школе «законников», сформировавшийся позднее. Некоторое время находился у власти в царстве Чжэн, где пытался проводить реформы; был убит своими противниками.

Стр. 336. *Лян* — царство на территории нынешней провинции Шэньси.

Сыма Цянь. Из «Исторических записок», «Отдельное повествование о Цюй Юане» (стр. 337).— «Исторические записки» были начаты Сыма Танем и завершены его сыном Сыма Цянем (145—86 гг. до н. э.). Печатается по книге «Китайская классическая проза».

Стр. 338. *«Настроенья в уделах»... «Малые оды»* — разделы «Книги песен». *Ди Ку* — мифический правитель. *Циский Хуань* — правитель царства Ци (VII в. до н. э.).

Стр. 339. *Чжан И* — сановник циньского князя Хоя. *Ханьюй* — местность в нынешней провинции Хэнань. *Ланьтянь* — местность в нынешней провинции Шэньси.

Стр. 342. *...ученый Цзя...*—то есть поэт Цзя И. *Чанша*—город в провинции Хунань. *...граф великий астролог...*— Сыма Цянь, носивший такой титул.

Неизвестный автор. «Яньский наследник Дань» (стр. 342).— Перевод выполнен по изданию: «Хань, Вэй, Лючао сяошо сюань», сост. Сюй Чжэнь-э, Шанхай, 1955.

Стр. 342 *...жил заложником в царстве Цинь.*— Цинь — древнекитайское царство на территории Северо-западного Китая, в III в. до н. э. Циньский правитель Ин завоевал все остальные китайские царства и создал империю Цинь, которая просуществовала с 221 по 207 г. до н. э. В древнем Китае было принято в знак ненападения держать в заложниках одного из детей правителя соседнего царства. *...и все петухи окрест...*— Подразумевается, что, когда запели петухи, то ворота заставы тут же открылись.

Стр. 343. *...среди Четырех морей.*— Земля среди Четырех морей — образное наименование Китая. *Девять истоков* — метафорическое обозначение загробного подземного мира. *Река Ишуй* — протекает по территории современной провинции Хэбэй.

Стр. 344. *Чжао* — царство на территории нынешних провинций Шаньси, Хэбэй, Хэнань. *Хань* — царство на территории современной провинции Шэньси, *Вэй* — на территории современной провинции Шаньси.

Стр. 345. *...с краем южных дикарей.*— Имеются в виду мань — общее название некитайских племен, живших на южных и юго-западных окраинах Китая. *...волосы связал пучком...*— В древности юноши, достигшие двадцатилетнего возраста, собирали волосы в пучок и надевали головной убор в знак совершеннолетия. Связать волосы пучком означало также начало службы.

Стр. 348. *Люй-ван* (букв.: «Люйский князь») — титул Цзян Цзы-я, первого советника Вэнь-вана, основателя династии Чжоу. По преданию, Вэнь-вану, который стремился навести порядок в Поднебесной, мучительно не хватало человека, который стал бы его ближайшим советником во всех государственных и военных делах. Однажды во сне ему явился небесный правитель и, указав на стоявшего за его спиной старика, сказал князю, что дарит ему наставника. Вскоре во время охоты Вэнь-ван в лесу у зеленого омута увидел

старика, спокойно удившего рыбу. Это и был человек, виденный во сне. И он сделал его своим первым советником. По другой версии, Цзян Цзы-я был беден и не имел никаких средств к существованию. Поэтому жена выгнала его из дому, и он начал торговать мясом. Мясо часто портилось, и никто не хотел покупать его. Уже будучи стариком, Цзян встретил Вэнь-вана, который оценил его способности. *Чжао-гун* — младший брат чжоуского государя У-вана (правил в XII в. до н. э.), которому был пожалован удел Янь. Объезжая подвластные ему земли, Чжао-гун разбирал тяжбы под сенью дикой яблони. После его смерти люди, помня его справедливый суд, заботливо оберегали те деревья и сложили песню о сладкой яблоньке-дичке, воспевая мудрого правителя. *...с тремя князьями древности...*—Имеются в виду три правителя древнейших династий Ся, Инь и Чжоу. *...к прославленным пяти.*— Пять «гегемонов»: Хуань из царства Ци, Сян из царства Сун, Вэнь из царства Цзинь, Му из царства Цинь и Чжуан из царства Чу.

Стр. 349. *Гора Тайшань* — находится в нынешней провинции Шаньдун, одна из пяти священных и самых высоких гор древнего Китая.

Стр. 351. *...в скромных холщовых одеждах...*— Одежду из некрашеного холста надевали обычно в знак траура.

Стр. 352. *Чи* — мера длины, в древности — около 2,5 см.

Лин Сюань. «Частное жизнеописание Чжао—Летящей Ласточки» (стр. 353).—Перевод выполнен по изданию: «Цзю сяо шо», сост. У Цзэн-ци, Шанхай, 1957, цзюань 1.

Стр. 353. *Цзянду* — местность в нынешней провинции Цзянсу. *Чжунвэй* — чиновник, ведавший поимкой разбойников. *...сочинение старца Пэнцзу...*— Согласно преданию, в глубокой древности жил некий старец Пэнцзу, владевший секретом управления дыханием и продления жизни. Он прожил будто бы до восьмисот лет, а потом исчез неизвестно куда.

Стр. 355. *...взять нефритовую пластину с изображением ста сокровищ и перьев феникса...*— Нефритовая пластина была знаком государевой власти и удостоверяла полномочия посланца.

Стр. 356. *Сюань-ди* — правил с 74 по 49 г. до н. э. *...как вода заливает огонь...*— По древнекитайским представлениям, каждой династии соответствовал один из пяти первоэлементов (вода, огонь, металл, земля, дерево). Считалось, что символ династии Хань — огонь, для которого вода губительна. *...подобно государю У-ди, искать страну Белых Облаков.*— У-ди мечтал о даосском снадобье, дарующем бессмертие, и мечтал найти страну Белых Облаков, где живут бессмертные святые.

Стр. 359. *«Дворец соединения», павильон «Страна бессмертных Инчжоу».*—Инчжоу — легендарная гора, будто бы плавающая в море, на которой живут бессмертные. Все эти названия здесь имеют эротический смысл. *Южное Юэ* — то есть страна предков современных вьетнамцев.

Чжао Е. «Жизнеописание девицы из У по прозванию Пурпуровый Нефрит» (стр. 364).—Перевод выполнен по изданию: «Цзю сяошо», цзюань 1.

Стр. 364. *Царство У* — находилось в нижнем течении реки Янцзы. *...бумажные деньги...* — то есть деньги, сжигавшиеся на могиле для того, чтобы они достались умершему и он смог бы тратить их в загробном мире. Реального хождения такие деньги не имели.

Б. Рифтин

ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИЗ «РИГВЕДЫ»

Перевод выполнен по изданию: «Die Hymnen des Rigveda», hrsg. von Th. Aufrecht, Berlin, 1955.

Гимн Индре (I, 32) (стр. 381).— *Индра* — верховное божество пантеона «Ригведы» (далее — Рв), бог грома и молнии, олицетворяющий воинскую силу. В Рв прославляются многие подвиги Индры, в данном гимне — главный среди них: убийство демона *Вритры*, сковавшего течение рек.

Стр. 381. *Дракон* — то есть Вритра. *Тваштар* — бог-созидатель, строитель, мастер. *Сома* — название растения и обожествляемого сока этого растения, который служил священным ритуальным напитком для богов, в первую очередь — для Индры. *Выжатый*, далее: *Дважды выжатый...* — В процессе приготовления напитка из сомы полувыжатые стебли растения заливали водой и, когда они разбухали, вновь выжимали из них сок. *Щедрый* — эпитет Индры.

Стр. 382. *...пожелавший стать образцом быка...* — Бык здесь — олицетворение мужской силы. *Ману* — прародитель людей, первый человек на земле. *...у матери Вритры* — у Дану; по ее имени ее потомки — демоны, враждебные богам, зовутся данава. *Даса* — враги арийских богов в Рв; в данном стихе Дасой назван Вритра. *Пани* — название класса демонов, спрятавших в пещере похищенных у богов коров. Победителем Пани также является Индра. *...родился страх...* — Согласно нескольким вариантам мифа об Индре и Вритре, Индра, убив дракона, бежал и некоторое время скрывался, по одним версиям — не будучи уверен в полной победе, по другим — опасаясь расплаты за совершенное убийство.

Гимн Агни (VI, 12) (стр. 383).— *Агни* — один из главных богов ведийского пантеона, огонь и бог огня во всех его ипостасях: огонь домашнего очага, жертвенного костра, молнии и т. д. Согласно ведийским представлениям, Агни своим пламенем передает жертву от людей богам, с чем связана его функция посредника, божественного жреца.

Хотар — один из четырех главных жрецов ведийского жертвоприношения. *...обоим мирам* — то есть земле и небу. *Сын праведной силы.* — Эпитет Агни, связанный с его происхождением: ритуальный огонь добывали сильным трением друг о друга двух кусков дерева. *Сýрья* — бог Солнца. *Три вместилища* (или три мира) — земля, небо и воздушное пространство. *Ушас* — богиня утренней зари.

Гимн Соме (IX, 7) (стр. 383).— Ритуал жертвоприношения сомы — один из основных в Рв, и с ним связано большое число ее гимнов.

В 1 стихе гимна — сравнение со скачками: выжатые *соки* сомы — скаковые кони.

Стр. 384. *... в сосуде ревет...* — В специальном сосуде сомы смешивается с водой. Соки сомы очищают, пропуская через цедилку или сито, сделанные обязательно из овечьей шерсти. Слово *пламеннорыжий* — двузначно, так как это слово значит также «конь». *К Вайю, Индре, Ашвинам...*—Сома летит в небеса к богам. Первым его пробует ветер Вайю, затем остальные боги. Ашвины — два близнеца, божества солнечного света, индийские Диоскуры. *Митра, Варуна, Бхага* — боги-*адитьи* (сыновья богини *Адити*), число которых колеблется в Рв от двух до восьми: адитьи — божества, связанные с культом солнца, в большей или меньшей степени осуществляющие функции правителей неба и земли, хранителей закона и карателей за грехи.

Гимн Варуне (VII, 86) (стр. 384).— Варуна в этом гимне восхваляется как творец вселенной и прежде всего как вершитель правосудия. Певец *Васиштха*, некогда любимец Варуны, прогневал грозного бога (согласно более поздней традиции, он во сне проник в дом Варуны), и тот покарал его водянкой. Васиштха молит бога о прощении.

Двуединым взмахом светило толкнул... — Возможно, имеется в виду дневной и ночной путь солнца.

Стр. 385. *Совиновником старший был в преступлениях младшего.*—Иными словами, бог тоже должен нести ответственность за проступок человека. *Храните нас...*— Обращение ко всем богам.

Гимн игрока (X, 34) (стр. 385).— В основе гимна, видимо, лежит заклинание против игральных костей, воспринимаемых как враждебная человеку магическая стихия.

Стр. 385. *Огромное дерево* — вибхидака, орехи которого использовались в качестве игральных костей. *Муджават-гора* — славилась обилием растения сома.

Стр. 386. *Сáвитар* — бог, олицетворяющий животворную силу солнца, его законы непреложны для всех.

Разговор Агастьи и Лопамудры (I, 179) (стр. 387).— Лопамудра призывает мужа отказаться от аскетического воздержания и произвести вместе с нею потомство. Нарушение Агастьей аскезы искупается заклинанием, которое произносит живущий в его доме ученик-брахмачарин (стих 5).

Те, прежние...—То есть древние мудрецы-аскеты. Они прекратили аскетическое воздержание, так как не смогли постичь конца истины. *Этому Соме...*—Сок сомы, выпитый учеником Агастьи, выступает средством избавления учителя от греха. *...копавший лопатой...*— Намек на отшельнический образ жизни Агастьи, питавшегося кореньями, которые он выкапывал лопатой. *...обеих сфер* (букв.: «варн»)...— сферы аскетизма и сферы продолжения рода.

Гимн всем богам (X, 72) (стр. 388).— В гимне излагаются противоречивые космогонические гипотезы, но не делается попытки примирить

их между собой. Это выглядит как стремление автора показать неразрешимость проблем космогонии.

Век. — Так здесь передано слово «юга», означающего определенный цикл мироздания. По представлениям древних индийцев, жизнь вселенной длится четыре юги. *Брахманаспати* — бог-покровитель молитвы и жертвоприношения. *...от Воздевшей ноги кверху.* — Возможно, от Адити. *Дакша* — букв.: «сила», «способность», здесь — мужское порождающее начало. *Мáртанда* — букв.: «яйцо смертного».

Гимн о сотворении мира (X, 129) (стр. 389). — Наиболее известный космогонический гимн Рв. Проблема начала мироздания и, в частности, главный вопрос, имела ли вселенная творца, нарочито оставляются нерешенными.

Гимн жертвенному коню (I, 163) (стр. 389). — Жертвоприношение коня (ашвамедха) было одним из самых торжественных ведийских царских ритуалов. Гимн связан с ритуалом, но не дает его описания, трактуя обряд в философском плане. Конь рассматривается как божество, порой идентифицируется Солнцем, и только в заключении гимна говорится о реальном коне, приносимом в жертву.

Стр. 390. *Яма* — бог, владыка царства мертвых. *Трита* — имя доведийского бога с не вполне ясными функциями. В период Рв его вытеснил Индра. *Гандхáрва* — полубог, тесно связанный с Солнцем. *Стремящийся почерпнуть силы в следе коровы...* — Имеется в виду космическая, божественная корова, пребывающая на высшем небе. *...пожиратель растений* — бог Агни.

Стр. 391. *Козла ведут впереди...* — Жертвоприношение коня сопровождалось ритуальным убиением козла.

Т. Елизаренкова.

ИЗ «АТХАРВАВЕДЫ»

Перевод выполнен по изданию: «Atharvaveda-saṃhitā», hrsg. von R. Roth and W. D. Whitney, Berlin, 1856.

Заговор против проказы (I, 23) (стр. 391). — Исполнение заклинания сопровождало магический ритуал исцеления с помощью травы харидра темного цвета и с сильным запахом.

Заговор против злых сновидений (VI, 46) (стр. 392).

Стр. 392. *Варýнани* — имя жены бога Варуны. *Арару* — имя демона-асуры.

Заговор-привораживание женщины (VI, 9) (стр. 392). — Заговор сопровождается магическими действиями, цель которых приворожить женщину.

Заговор на продление жизни (V, 30) (стр. 392).

Стр. 393. *Два вестника Ямы* — два четырехглазых пса, высматривающих людей, за которыми послал их Яма, и уводящих их по дороге смерти. *Якшма* — болезнь легких, возможно, туберкулез.

Гимн времени (XIX, 53) (стр. 394).

Стр. 395. *Праджапа́ти* — букв.: «повелитель живых существ», богтворец в ведийской мифологии. *Ка́шьяпа* — имя божественного мудрецариши, однажды упоминаемого в Рв; в более поздней мифологии считался мужем богини Адити.

Гимн силе богов (IV, 16) (стр. 396).— Как воплощение безграничной силы богов выступает Варуна. Он карает грешника (затягивает на нем свои путы или поражает водянкой) и поддерживает правого. Автор гимна — риши стремится навлечь гнев Варуны на своего соперника-поэта («говорящего ложь») и отвести его от себя.

И в малой воде этой...— Намек на водянку, которую насылает Варуна. *Соглядатаи неба* — звезды, которые с неба высматривают для Варуны дела людей на земле. *...свесив живот...*— Подразумевается пораженный водянкой. *...такой-то...*— При исполнении гимна здесь вставляется конкретное имя.

Т. Елизаренкова

ИЗ «БРАХМАН»

Переводы из «Шатапатха-брахманы» выполнены по изданию: «Çatapatha-brāhmana of the White Yajurveda», ed. by A. Weber, Leipzig, 1924. Из «Айтарейя-брахманы» — по изданию: «The Aitareya-brāhmaṇam», ed. by K. Āgāse, Patna, 1896. Из «Тайттирийо-брахманы» — по изданию: «Taittirīyabrahmanam Kṛṣṇayajurvedīyam», ed. by H. N. Apte, 1898.

[Творение] (Шатапатха-брахмана, II, 2, 4) (стр. 397).

Агни то же, что Агри...— характерная для брахман ложная этимология. Такого же рода этимологии и дальше в тексте. *«Сваха!»* — «Во благо!» — ритуальное восклицание, употреблявшееся при декламации гимнов и жертвоприношениях. *Тот, кто все согревает...*—солнце, или бог Сурья, отождествляемый с солнцем. *Тот, кто всюду веет...*— ветер, или бог Вайю, отождествляемый с ветром.

Стр. 398. *Агнихотра*, или «жертвоприношение на огне» — ежедневный ведийский обряд. *Гаятри* — размер ведийских гимнов, состоящих из строф по три восьмисложных строки в каждой. *Хин* — ритуальное восклицание при исполнении гимнов; звукоподражательный слог, имитирующий мычание коровы, зовущей теленка. *Саман* — песнопение, мелодия гимна и сам гимн.

[Потоп] (Шатапатха-брахмана, I, 8,1) (стр. 399).

Стр. 400. *Митра и Варуна.*— В ведийских гимнах часто выступают в паре, причем в некоторых гимнах Митра и особенно Варуна представлены как верховные боги древнеиндийского пантеона. *«РодМану».*— Санскритское слово для понятия «люди» — «манушя», то есть «происходящие от Ману». *Ида* — в индийской мифологии — богиня, дочь Ману, но одновременно и жертвенное возлияние богам, и ритуальное благословение.

[Поучение Дхиры] (Шатапатха-брахмана, X, 3,3) (стр. 400).

Дхира, *сын Шатапарны* и *Махашала Джабала* — согласно средневековому индийскому комментатору ведийских текстов Саяне, великие мудрецы древности.

Стр. 401. Каждая из *Стран света* идентифицировалась с определенным богом-хранителем; иногда, напротив, все они понимались как одно божество.

[Пуруравас и Урваши] (Шатапатха-брахмана, XI, 5,1) (стр. 401).

Апсары — божественные женщины, нимфы, живущие в воздухе и способные менять свой облик. *Пуруравас* — легендарный царь лунной династии.

Стр. 402. *Гандхарвы* (см. выше).—В ведах считаются мужьями апсар; в более поздней традиции — небесные певцы и музыканты. *Курукшетра* — «поле Куру»; Куру — одно из племен ариев в Рв, Курукшетра — равнина близ Дели, почитающаяся священной.

Стр. 403. *Этот разговор... пересказывают знатоки «Ригведы»...*— Приведенные здесь стихи заимствованы из диалогического гимна Рв (X, 95).

Стр. 404. *Смоковница* (санскр. ашваттха)—Ficus religiosa, священное фиговое дерево; *шами*— Propis spicigera или Mimosa suma, дерево, которое, по верованиям индийцев, содержит внутри себя огонь.

[Шунахшепа] (Айтарейя-брахмана, VII, 13) (стр. 404).

Стр. 404. *Икшваку* — сын Ману, первый царь Солнечной династии. *Парвата* и *Нарада* — мифические мудрецы и посланцы богов.

Стр. 405. *Что толку в грязи?.. В умерщвлении плоти?* — Иными словами: какой смысл в отшельничестве, в аскетизме? *...женитьба — скот...*— Жених нередко получал в приданое скот, в первую очередь — коров. *Десятый месяц* лунного календаря соответствует девятому солнечного.

Стр. 406. *Лишь тогда можно кшатрия принести в жертву...*—Рохита— сын царя и потому принадлежит к сословию кшатриев, или воинов.

Стр. 407. *...и у того раздулся живот от водянки.*— В древнеиндийской мифологии Варуна ассоциировался с космическими и земными водами. Этим, видимо, объясняется, что в наказание за неисполнение обета он насылает на Харишчандру водянку. *Крита*, *Трета*, *Двапара*, *Кали* — индийские названия четырех мировых периодов, соответственно золотого, серебряного, медного и железного веков.

Стр. 408. *Удумбара* — Ficus glomerata, вид инжира или фиги. *Брахманы*-жрецы считались высшим, а *кшатрии*-воины вторым по значению сословием индийского общества. *Раджасуя* — букв.: «царское жертвоприношение», торжественный ведийский обряд, совершаемый великим царем при посвящении его на царство. *Хотар*, *адхварью*, *брахман*, *удгатар* — четыре главных жреца — исполнители основных ведийских жертвоприношений. *Вишвамитра*, *Джамадагни*, *Васиштха* и *Аясья* — имена легендарных риши индийской древности.

Стр. 409. *...сказав такой стих...*— Далее (стр. 409—420) Шунахшепа последовательно произносит строфы из девяти гимнов Рв: I, 24—28; IV, 1; V, 2. *...увидел отца и мать?* — Отец и мать — возможно, Небо и

Земля, но, возможно, и реальные, земные отец и мать; и в том и в другом случае певец иносказательно просит богов продлить его жизнь. *Агни*, в частности, бог домашнего очага, и потому он самый близкий людям. *...держит // Крону дерева...*— Имеется в виду мировое дерево, чьи корни направлены к небу, а ветви-лучи смотрят вниз, на землю.

Стр. 410. *Асура* — «духовный», «божественный»; название демонов — врагов богов, однако в Рв этот эпитет часто прилагается и к самим богам, особенно к Варуне.

Стр. 411. *...богатых потомством двенадцать месяцев...*— Потомство месяцев — дни. *...того, кто им вслед рождается.*— Тринадцатый месяц лунного календаря.

Стр. 412. *Соглядатаи* — звезды, надзирающие за делами людей.

Стр. 413. *Арьяман* — один из богов-адитьев. *...коня долгогривого...*— Поскольку языки пламени похожи на развевающуюся гриву коня.

Стр. 414. *Все-Боги*, или Вишведевы — десять ведийских божеств, особо чтимых при погребальных церемониях.

Стр. 415. *Стражи.*— Согласно комментарию Саяны, речь идет о служителях бога смерти — Ямы. *Осел.*— Вероятно, враг или соперник. *Хищная птица.*— По-видимому, птица несчастья.

Стр. 416. *Как звал его отец твой некогда.*—Вероятно, отец жертвующего.

Стр. 417. *Ашвины.*— См. прим. к стр. 384; букв.: «имеющие лошадей». *...сквозь океан проносится...*— Имеется в виду воздушный океан.

Стр. 420. *Ангирасы* — легендарный род полубожественного происхождения, к которому принадлежал Аджигарта. *Шудры* — низшее сословие: мелкие ремесленники, зависимые земледельцы, слуги и т. п.

Стр. 421. *Как я... могу в сыновья быть тобою принят?* — Вишвамитра суровыми аскетическими подвигами достиг положения брахмана, но по рождению он царь, кшатрий. *Бхараты* — племя и царский род, к которому принадлежал Вишвамитра. *Дасью* — неарии, варвары; *андхры*, *пундры*, *шабары*, *пулинды* и *мутибы* — названия неарийских племен.

Стр. 422. *Гатхин* — отец Вишвамитры. *Кушика* — дед Вишвамитры. *Джахну*— также один из предков Вишвамитры. Таким образом, принятый в род Вишвамитры Шунахшепа получил принадлежащие этому роду царское достоинство и магические знания. *Ом!* — Священное ритуальное восклицание; обычно употребляется в начале молитв и религиозных церемоний.

[Обмен загадками] (Тайттирийя-брахмана, III, 9,5) (стр. 423).— *Загадки* (букв.: «рассуждения о высшей сути») — теологические вопросы и ответы, входившие в ведийский ритуал. Согласно комментарию Саяны, во время ашвамедхи (см. выше) жертвователь лишается *блеска* из-за физических усилий, а *благочестия*—из-за ошибок в декламации гимнов.

Брихаспати—жрец и наставник богов. *Небо, дождь...*—Саяна поясняет, что в дожде, падающем с неба, видят источник жизни на земле.

П. Гринцер

Брихадараньяка-упанишада (II, 4) (стр. 424).— Перевод дается по книге: «Брихадараньяка Упанишада», перевод, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина, М. 1964. В фрагменте говорится об *Атмане* — высшем индивидуальном психическом начале, пронизывающем все мироздание. В упанишадах Атман выступает в тесном соотношении с высшей объективной реальностью, *Брахманом*; тождество их — одна из основных идей в догматике упанишад. Здесь Атман трактуется как источник и носитель всего сущего. Легендарный мудрец *Яджнявалкья*, согласно преданию, получивший свое знание от солнца (его именем назван один из разделов этой упанишады) учит, что ради Атмана, а не ради самих себя дороги все мирские блага. После смерти человек сливается со своим источником — Атманом, лишается сознания и для него исчезает всякое подобие двойственности (субъекта-объекта).

Майтрейи, *Катьяяни* — жены Яджнявалкьи. *...Я собираюсь оставить это состояние...*—Яджнявалкья собирается оставить состояние домохозяина и уйти отшельником в лес. Брахману предписывалось пройти через следующие стадии жизни (ашрамы): ученик, живущий в доме учителя, домохозяин, исполняющий семейные обязанности, отшельник, уединившийся в лесу, и отрекшийся от мира нищенствующий странник. *Кшатра* (букв.: «сила», «власть») — олицетворение воинского сословия кшатриев.

Стр. 425. *...великого существа...*— То есть верховного божества, творца Брахмана. *Вышли «Ригведа», «Яджурведа», «Самаведа»...*—Здесь последовательно упоминаются четыре сборника ведийских гимнов (название: *Атхарвангираса*, по всей видимости, означает здесь «Атхарваведу»), *Итихаса* (букв.: «так поистине было») — исторические предания, повествовавшие о прошедших событиях; *пураны* («сказание о древности») — эпические поэмы, созданные в IV—XIV вв. Под *науками* здесь, по-видимому, подразумевается знание о богах. *Шлока* — распространенный в эпической поэзии размер: слово это означает также «стихотворение»; здесь, возможно, употреблено в значении: «афоризм», «максима». *Сутры* (букв.: «нить», отсюда — «руководство») — своды правил в различных областях знания и практической деятельности (ритуал, медицина, грамматика и т. д.); *Анувьякхьяны* (букв.: «дальнейшие разъяснения») и *вьякхьяны* («разъяснения») — разного рода объяснения к трудным для понимания местам в брахманах, сутрах и других текстах. *...возникнув из этих элементов...*— Имеются в виду пять элементов мироздания, различавшихся в индуистской традиции: земля, воздух, вода, огонь и особая субстанция пространства («эфир»).

Стр. 426. *...распознающего...*— Согласно толкованию выдающегося индийского философа, комментатора ряда упанишад Шанкары (VIII—IX вв.), субъект распознавания не может быть познан сам собой, как огонь не может сжечь самого себя.

Чхандогья-упанишада (VI, 8—16) (стр. 426).— Перевод

дается по книге: «Чхандогья-упанишада», перевод с санскрита, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина, М. 1965). Настоящий отрывок содержит поучения знаменитого брахманского авторитета древней Индии *Уддалаки Аруни* своему сыну *Шветакету*. Рассуждая о различных явлениях, Уддалака с помощью аллегорических примеров возводит эти явления к их общей основе — Атману, провозглашая тождество Атмана с познающим субъектом.

...спит... достигает... — В подлиннике — непереводимая игра слов. *...В дыхании...* — Дыхание (прана), согласно традиционному толкованию, символизирует речь, высшее начало. *И где еще...* — Уддалака предлагает следующую схему восхождения человеческого тела к своим «корням»: п и щ а (земля) — в о д а — ж а р — С у щ е е как прибежище и опора всех творений.

Стр. 427. *Его речь погружается в разум...* — Иначе говоря, сначала умирающий лишается дара речи, затем его покидает разум, затем — дыхание; наконец — единственным признаком жизни в теле остается тепло, которое, в свою очередь, погружается в «высшее божество». *И эта тонкая сущность...* — Здесь Уддалака подходит к кульминационному пункту своего поучения, повторяемому затем в виде рефрена в следующих главах (см. предисловие к разделу, стр. 375) *...достигнув Сущего...* —То есть в состоянии глубокого сна, смерти или при уничтожении мира *...тем они и становятся вновь.* —То есть возрождаются вновь в своем прежнем состоянии из-за того, что в предыдущем рождении не постигли своего единства с Атманом.

Стр. 428. *Ньягродха* — баньяновое дерево, вид смоковницы.

Стр. 429. *Страна гандхарцев.* — Имеется в виду название области и населявшего ее народа на правом берегу Инда (совр. район Пешевара). *...пока не освобожусь...* — То есть существо будет возрождаться в этом мире, пока не исполнятся плоды совершенных ранее действий, определяющих его судьбу в последующих рождениях. Соответственным образом «достижение цели» означает здесь выход из круговорота рождений в результате истинного знания.

К а т х а - у п а н и ш а д а (I, 1) (стр. 430). — Перевод взят из книги: «Упанишады», перевод с санскрита, предисловие и комментарий А. Я. Сыркина, М. 1967. Предлагаемый отрывок—один из наиболее драматичных в литературе упанишад. *Ваджашраваса* (древний брахманский авторитет) разгневался во время жертвоприношения на своего сына Начикетаса и сказал, что отдаст его в жертву богу смерти Яме.

Имя *Начикетас* традиционно толкуется как «Не знающий» и — поэтому ищущий знания. *Кому ты отдашь меня...* — Начикетас, по-видимому, говорит это, видя, что отец отдает в жертву все свое состояние, и полагая, что сам он тоже должен быть принесен в жертву. *Среди многих...* — Место не совсем ясное. Можно предположить, что здесь сначала имеются в виду ученики, среди которых Начикетас — *первый* по готовности исполнить долг, а затем — мертвые, среди которых он *средний*, то есть не он умирает последним, и поэтому нечего оплакивать его. *Подобно огню...* — Согласно параллельному

тексту «Тайттирийя-брахманы», Начикетас идет к обители Ямы, где он ждет три почи, пока не вернется бог смерти. По возвращении Ямы один из слуг обращается к нему с этими словами, убеждая его оказать почет гостю. *Вайвасвата* — «Происходящий от солнца», эпитет Ямы. *Раз ты...* — Слова Ямы, возвратившегося в свой дом. *Гаутама* — другое имя Ваджашравасы.

Стр. 431. *Ауддалака Аруни* — еще одио имя Ваджашравасы. *...об огне — начале мира...* — Здесь, по-видимому, отражено представление об огие как творце существ. *Цепь.* — Возможно, здесь имеется в виду талисман или украшение; не исключеио также, что «цепь» — метафорическое обозначение пути определенных действий. *...Соединившись с тремя... три действия...* — Здесь имеются в виду соединение с отцом, матерью и иаставником и дела жертвопрпношения, обучения и подаяния. *Брахман.* — Здесь—эпитет бога Агни.

Стр. 432. *Антака* («Приносящий конец») — эпитет Ямы. *В великом переходе...* — То есть в переходе из этого мира в другой, в существовании после смерти.

А. Сыркина

ИЗ «ДХАММАПАДЫ»

Перевод дается по книге: «Дхаммапада», перевод с пали, введение и комментарий В. Н. Топорова, М. 1960.

I. Глава парных строф (стр. 432).— Название главы объясняется особым композициоиио-стилистическим приемом соединения двух соседних строф (использование одинаковых или сходных коиструкций в обеих парных строфах; общая тема, описываемая в положительном и отрицательном вариантах, и т. п.).

Дхаммы — одно из ключевых поиятий буддизма (как и индуизма), обозначающее элементы существования, бытии — и — в более общем смысле — нравственный закои, моральный долг и т. п.

Стр. 433. *Мара* — владыка смерти, злой дух — искуситель.

Стр. 435. *Писание* — буддийский Канон, в который, в частности, входит и «Дхаммапада».

IV. Глава о цветах (стр. 436).

Стр. 437. *Тагара* — вид кустарника, из иего приготовляется ароматическая пудра. *Вассика* — род жасмина с крупными цветами.

V. Глава о глупцах (стр. 438).

Йоджана — мера длины, около 11 км. *Сансара* — цепь рождений и смертей, от которой можно освободиться, познав истинную дхамму и достигнув нирваны.

IX. Глава о зле (стр. 441).

Стр. 442. *...возвращаются в материнское лоно...* —То есть подвержены новым рождениям, в то время как высшее благо — прекратить цепь рождений.

В. Топоров

ИЗ «СУТТА-НИПАТЫ»

Перевод выполнен по изданию: «The Sutta-Nipāta», new ed. by D. Andersen and H. Smith, London, 1913.

Стр. 446. *Переплыв поток...* (или иногда — океан).— В буддийской канонической литературе образ всего того, что должен преодолеть человек, стремящийся к духовному освобождению. Соответственно достижение того берега следует понимать как достижение свободы (нирваны).

Стр. 447. *Мунджа* — род камыша. ...*от новых рождений*...— Согласно буддийскому учению, тот, кто достиг освобождения, вырывается из круга бесконечных перерождений, на которые обречены все живые существа,— ему не грозят отныне ни новое рождение, ни новая смерть. *Муни* (букв.: «молчальник») — мудрец, отрешившийся от мира; в буддийской традиции — один из терминов, которыми обозначается человек, осуществляющий в своем поведении буддийский этический идеал.

Стр. 449. ...*он не может быть назван*.— Освобожденный не может быть адекватным образом описан — «назван», так как состояние, в котором он пребывает, выходит за рамки обычного опыта. ...*жажда исчезла*...— Имеется в виду жажда жизни, которая, согласно буддийскому учению, лежит в основе всех желаний, порождающих тревогу и страдания.

Стр. 450. *Он очищен от язв*...— Речь идет о духовных язвах, каковыми считаются стремление к чувственным наслаждениям, желание новорождения, неправильные воззрения и неведение.

Стр. 451. *Бхикшу* — нищенствующий буддийский монах. *Очистил свое пропитанье*.— Буддийский монах добывает себе пищу, прося милостыню, только такой способ пропитания считается чистым. *Магадхи* — жители одноименной области на северо-востоке Индии (совр. Южный Бихар). Столицей Магадхи во времена Будды был город *Раджагаха* (совр. Раджгир). *Бимбисара* — царь Магадхи (545—493 гг. до н. э.).

Стр. 452. *Пандава* — возвышенность в окрестностях Раджагахи. *Кшатрий сошел*...— Имеется в виду царь, который, как это и полагалось правителям, принадлежал к сословию кшатриев (воинов).

Стр. 453. *Косала* (с а н с к р. Кошала) — древнее государство в северо-восточной части долины Ганга. В VI в. до н. э. сакьи, племя, к которому по рождению принадлежал Будда, находилось в зависимости от Косалы.

Стр. 455. *Спешащих к перерожденью*...— То есть умирающих. *Архат* — человек, преодолевший привязанность к жизни и достигший полной внутренней свободы.

ИЗ «ТХЕРАГАТХИ» И «ТХЕРИГАТХИ»

Перевод выполнен по изданию: «The Thera and Therī-Gāthā. Stanzas ascribed to elders of the Buddhist order of recluses», ed. by H. Oldenberg and R. Pischel, London, 1883.

Стр. 456. *Туча* — первый признак приближающегося дождливого се-

зона. Но до настоящих дождей еще далеко. Когда же они начнутся, речка Аджакара́ни превратится в бурный поток и выйдет из берегов. *Джамбу* — Eugenia Jambolana. Высокое красивое дерево, растущее главным образом по берегам рек. *Восьмеричный путь* (также благородный восьмеричный путь, благородный путь) — восемь принципов внешнего и внутреннего поведения, соблюдение которых позволяет освободиться от страданий и достичь нирваны. Это — правильные воззрения, правильные устремления, правильная речь, правильные поступки, правильное добывание средств к жизни, правильные усилия, правильная память и правильная сосредоточенность.

Стр. 457. *Деревья... сейчас словно тлеющий уголь.*— Автор, возможно, описывает шалмали или кимшуку — деревья, покрывающиеся весной, еще до появления новой листвы, крупными красными цветами.

Стр. 458. *Сакки* (также сакьи, сакийи; санскр.— шакьи) и *колии* — два племени, обитавшие на крайнем севере долины Ганга (теперь область между Индийской республикой и Непалом). Граница между территориями обоих племен проходила по речке Рохини. *Я думаю, Сакка...*— Автор обращается к отцу Будды, царю сакков *Суддходане*. Царица *Майя*, согласно легенде, умерла на седьмой день после рождения сына. *Бодхисаттва*—Будда в одном из своих прежних рождений: существо, достигшее состояния святости, но не достигшее еще конечного освобождения. *Готами* — то есть Майя,— *от Готама* (санскр. Гаутама), родового имени семьи Будды.

Стр. 459. *Ситавана* — лес в окрестностях города Раджагаха. *Гирибаджа* («Горная Крепость»).— Так называлось укрепление, расположенное неподалеку от Раджагахи, и, по-видимому, гора, на которой оно находилось.

Стр. 460. *Таккари* — род акации (Sesbania Aegyptiaca). *Патали* — Bignonia Suaveolens.

Стр. 461. *Неранджара* — река, на берегу которой, согласно преданию, Будда достиг просветления.

Стр. 462. *О страданье...* — Здесь перечислены четыре благородные истины, открывшиеся Будде в результате просветления и легшие в основу его учения. *Тройственное знание* — знание, которое проявляется по достижении просветления; оно включает знание своих прошлых рождений, знание чужих мыслей и судеб и знание, позволяющее освободиться от духовных язв. *Бхикшуни* — буддийская монахиня. *Дживака* (также Дживака Комарабхачча) — знаменитый врач времен Будды.

Стр. 464. *Кинна́ри* — мифическое существо: полуптица, полуженщина. *Меру* — огромная мифическая гора, вершина которой касается небесного свода.

Стр. 465. *Таково же, по мне, и это тело.*— По буддийским представлениям, все сущее (тело в том числе) состоит из частей или элементов, следовательно, преходяще, и в силу этого уже должно быть оценено отрицательно (особенно в сравнении с абсолютной неизменностью нирваны).

Ю. Алиханова

Перевод выполнен по изданию: «The Jātaka», ed. by V. Fausböll, vols 1—7, London, 1877—1897.

Стр. 466. *Тимира* — то же, что и ннгродха (пьягродха) (см. прим. к стр. 428). *Джетавана* — монастырь близ города Саваттхн, где Будда обычно вел свон проповеди. *Варанаси* — древний священный город на берегу Гапга. *Наг* — разновидность полубогов с человеческой головой н зменным телом. *Серумадипа* — область на севере Цейлона (совр. Джафна).

Стр. 467. *Бхарукаччха* — торговый порт в Индин (совр. Брочх в штате Катхьявар). *Вина* — струнный музыкальный ннструмент. *Мáкара* — мифическое морское чудовнще.

Стр. 468. *Гатха* — строфа буддийского стнхотворного текста. *Ананда* — один из наиболее преданных учеников Будды. *Велувана* — местность блнз города Раджагрнхи. *Девадатта* — родственник Гаутамы Будды, вошедший в буддийскую общину и впоследствнн ставший протнвннком Будды.

Стр. 470. *Дхармы*, нлн дхаммы.— См. прнм. к стр. 432. *Кайласа* — одна из вершин в Гималаях. *Сумеру*.—См. «Меру». *И, разъясняя дхарму...*— Дхарма — здесь: буддийское ученне.

Стр. 471. *Сарипутта* — главный ученик Будды. *Мадхука* — растенне Bassia latifolia. *Тхера* — старший буддийский монах нлн монах, отлнчающийся определенными достоинствами. *Саваттхи* — древняя столнца североиндийского государства Кошалы. *Вихара* — буддийский монастырь.

Стр. 475. *Нравственные правила* — пять основных правил поведения, которые должны были соблюдаться всеми, принявшими ученне Будды: 1) не есть в неурочное время, 2) избегать мирских развлечений, 3) не употреблять благовоний и украшений, 4) не спать на высокой и широкой постели, 5) не иметь золота н серебра. *Первый Путь*— первый шаг на путн к конечному освобождению (нирване). Вступивший на Первый Путь освобождается от рождения в дурном состоянии, то есть в виде животного, в виде прета (тени умершего) или в аду.

Стр. 476. *Таксила* — город в северо-западной Индин, центр наук н искусств. *Мир Брахмы* — небесный мир, достигаемый благочестивым поведением в земном существованни. *Страна Каши* — древнее царство со столицей Варанаси.

Стр. 477. *Коти* — десять миллионов.

Стр. 478. *...все ступени...*— Имеется в виду религиозная деятельность состоящая в смене определенных духовных состояний: 1) освобождение от мирских чувств и мыслей путем сосредоточения на каком-нибудь предмете, 2) радость н легкость тела и ума, 3) чувство легкости, 4) абсолютная ясность ума и спокойствие. *Мать Рахулы* — жена Будды, мать его сына Рахулы. *Пишача* — разновидность демонов, пожирающих человеческое мясо. *Черноухий* — бранное слово.

Стр. 479. *Симбали* — шелковичное дерево.

Стр. 480. *Четыре необходимые* (для отшельника) *вещи*: одежда, пища, ночлег и лекарство.

Стр. 481. *Моггаллана* — ученик Будды.

Стр. 483. *Каршапана* — монета из сплава серебра и меди 7,8 гр. *Гхоситарама* — место, где находилась одна из трех буддийских общин города *Косамби*, большого города в центральной Индии. *Бхаддаватика* — небольшой торговый город недалеко от Косамби.

Стр. 486. *Джамбудвипа* — название Индии. *Якши* — полубожественные существа, служившие богу богатств Кубере. *Бхуты* — разновидность демонов. *Дэвы* — низшие божества.

В. Вертоградова

ДРЕВНЕИРАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИЗ «АВЕСТЫ»

Переводы из «Авесты» даются по критическому изданию: K. F. Geldner, Avesta, die heiligen Bücher der Parsen, Bd. I—III, Stuttgart, 1883—1886.

Гаты Заратуштры (стр. 503).— При переводе учтены следующие издания: «Die Gatha's des Avesta. Zarathustra's Verspredigten». Ubersäkt von Ch. Bartholomae, Strassburg, 1905; J. Duchen-Guillemin, Zoroastre. Etude critique avec une traduction commentée des Gâthâ, Paris, 1948; B. Anklesâria, The holy Gâthâs of Zarathushtra, Bombay, 1953. H. W. Humbach, Die Gathas des Zarathustra, I—II, Heidelberg, 1959.

Ясна, 28 [Моление о Слове] (стр. 503).

1. *Добрый дух.*— Имеется в виду *Ахýра Мáзда*, окруженный сонмом благих духов, составляющих вместе с ним божественную семерицу «Амеша спента» («Бессмертно воздействующие», «Дарители», впоследствии «Святые»); здесь упоминаются: *Арта*, *Вохумáна*, а также мать — *Арматай* (или Армаити) — «Благодетельная преданность». В настоящей гате сохранились отголоски распределения «обязанностей» между высшей троицей: у Ахуры Мазда — Слово, у Вохуманы — Мысль, у Арты — Дело. *Душа быка* (Дух быка или коровы) — благое существо, покровительствуемое Ахурой Мазда.

3. *Дух скота* — то есть Вохумана.

4. *Дом песнопения* («Гаронмана») — место собрания божественной семерицы.

5. *Арта — Правда, Дух огня.*— В ор.— только «Арта»; перевод воспроизводит то, что у древнего слушателя ассоциировалось с именем «Арта».

7. *Виштáспа* — князь (царь) из полулегендарной династии Кавайидов, первым признавший Заратуштру и покровительствовавший его учению (далее Кавай Виштаспа — см. стр. 526).

8. *Фрашаóтра* — один из воинов Виштаспы, друг Заратуштры, впоследствии его зять.

Ясна, 29. [Моление о поддержке скотоводства] (стр. 505).

1. *Эшма* — божество Зла и грабежа из сонма верховного божества Зла — «Дру́джа» («Ложь»); в иудейской передаче — Ашмадай, в древнегреческой — «Асмодей» (Сатана); иногда «эшма» означает и сами функции этого божества — «грабеж», «ненависть» и т. п.

2. *Творец быка* — то есть Ахура Мазда.

7. *Ма́нтра* (или Мантра Спента) — воздействующее, благодетельное (позже — святое) Слово, которым обладает Ахура Мазда.

Книга «Яшт» (стр. 505). — Учтен перевод Вольфа (сделанный на основании словаря Бартоломэ): Fr. Wolff, Avesta, die neiligen Bücher der Parsen, Strassburg, 1910. Частично «Яшты» переводились на русский язык Е.Бертельсом: «Отрывки из «Авесты».— «Восток», 1924, № 4.

Гимн Ардвису́ре Анахите («Ардвисур-Яшт») (стр. 506).

1. *Спитамид Зарату́штра* — сын *Пуруша́спы*, потомок Спитама. *Мир телесный*.— См. предисловие (стр. 493) и «Ясна» 28, строфа 2.

2. *Хука́рйа* — горная вершина в обители божеств; *Ворукаша* — огромное озеро (море) у подножья этой обители (предполагают, что это мифологическое осмысление Аральского моря).

8. *Хо́ма* (хаома) — священное растение (ведический Сома — см. прим. к стр. 381), из которого выжимают сок для обрядовых целей. По древнейшим партиципационным представлениям (часть вместо целого), Хома — это и дух, божество растения, и само растение, и сок его. *Заóтра* — священный, обрядовый сок.

13. *Кавийские властители* — добрые правители и последователи Заратуштры; *карапа́нские властители*—злые правители, служители Друджа.

17. *Арйа́на Вэ́джа* («Арийский простор») — мифическая прародина арийцев (иранцев), первая страна, созданная Ахурой Мазда. Мифическая река *Даитйа* помещается учеными в Хорезме либо в бассейне среднеазиатских рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. *Барсма́н* — пучок ветвей, употребляемый с обрядовой целью.

21. *Хошйа́нгха Парада́та* — один из царей-первозаконников. *Ха́ра* — священная гора, обитель богов.

22. *Кишва́р* — область земли в телесном мире, состоящем из семи кишваров. *Мазанские дэвы* — злые демоны из Мазендарана (Прикаспийской области), особенно густо ими «заселенной». *Варна* — по «Географической поэме» («Вендидад», глава I), четырнадцатая страна, созданная Ахурой Мазда: «Ва́рна четырехугольная, где родился Трэ́тона, победитель дракона Даха́ка» (см. строфы 29, 33). *Ахриман* создал в качестве бича этой страны болезни и чужеземных, неарийских владык.

25. *Йи́ма* (инд. Яма) — герой архаического мифа; выполнил роль библейского Ноя, сохранив во время потопа семена скота и людей. Но Йима согрешил, научив людей есть говядину, и был наказан за то, что возгордился.

29. *Страна Баврáй*—мифическая страна зла (предположительно: Вавилон).

33. *Атвйá*.— О нем говорится в «Ясне», 9: «Атвйа был вторым человеком, который выжимал мой сок Хомы для телесного мира».

37. *Керсáспа*.— О нем говорится там же: «...его отец Трита, из Самов наилучший, был третьим человеком, который выжимал мой сок для телесного мира». Вторым сыном Триты и был Керасаспа — «Высокий ростом, юноша кудрявый, палиценосец, убивший чудовище Срувар...». *Пишина*— название мифического озера.

38. *Гандáрва* — злой демон, дэв «с золотыми пятками», один из убитых Керсаспой.

41. *Туранец Франграсйáн*.— Туранцами в дневнеиранской традиции именовались кочевые иранские племена, совершавшие набеги на оседлые иранские поселения и резко осуждаемые зороастрийцами.

45. *Кавáй Усáн* — один из царей Кавайидов. *Эрзифйа* — мифическая гора.

49. *Хосрáва* (Каваи Хосрава) — один из Кавайидов, который убил Франграсйана, отомстив ему за убийство отца. *Чечаста* — мифическое название озера.

53. *Тýса* — богатырь царственного рода.

54. *Вэсáка* — туранский богатырь. *Хшатросука* — мифическое название горного прохода. *Кангха* — мифическое название страны, отождествляемой с Хорезмом.

61. *Паýрва* — персонаж древней сказки.

68. *Джамáспа* — ранний последователь Заратуштры из окружения Виштаспы.

72. *Ашавáзда*, *Трита* — легендарные иранские богатыри, выступающие на бой с туранскими богатырями «Данавами», отпрысками *Асанбáна*, *Кáра* и *Вáра*, а также с *Дурэкэ́той* (см. стр. 73). *Апам Напат* — благое водяное божество, ныряющее за царственным нимбом хварно при битве за него.

76. *Вистарáв Нотарид* — иранский богатырь из окружения Кавайидов. *Витангухáити* — мифическое название реки.

81. *Йоишта из дома Фрйанов* — персонаж из сказки на сюжет «Разгаданные загадки сфинкса» (здесь: кудесник Ахтйа). В одном из произведений на среднеперсидском языке рассказывается, как могучий колдун Ахт задает каверзные вопросы. Девять тысяч жрецов гибнут из-за неудачного ответа; Ахт сросил их: «Какой рай лучше, земной или небесный?» — «Небесный»,— ответили жрецы, и Ахт тут же их туда отправил. Юный Йоишта сумел ответить на все вопросы Ахта и тем одолел его. *Рáнгха* — мифический остров.

89. *Ратáва* — добрые гении телесного мира.

90. *Артны*, *Ваежáки*, *Варнáвы*, *Варнававйши* — злые духи гадов и иной ползучей нечисти.

96. *Шестьсот и тысяча*.— Вероятно, в смысле: «великое множество».

98. *Хвóвы* — иранский богатырский род из окружения Кавайидов.

108. *Море Фраздана́в* — мифическое название.

109. *Тантрйавáнт*, *Пешáна*, *Арджатáспа* — злые туранские богатыри, служители Друджа.

112. *Зарúварай* — богатырь, полководец Виштаспы (в «Поэме о сыне Зарера» зовется Зарер).

113. *Хумайáка* — богатырь, сражающийся на стороне Арджатаспы.

123. *Забтар* — жрец, священнослужитель.

131. *Левый и правый*.— Здесь: фланги противника.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА СРЕДНЕИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ассирийское дерево (стр. 526).— Перевод по книге: J. M. Unvalla, Draxti asurik.— «Bulletin of the School of Oriental Studies», II, London, 1921, p. 637. Написано это произведение первоначально в III—IV вв. на парфянском языке, но позже, при включении в книжно-пехлевийскую литературу, «отредактировано» переписчиками с приближением к нормам среднеперсидского языка. Поэма представляет собою ранний образец «муназира» (стихотворного состязания). Вместе с тем поэма включает в себя загадку. Разгадка ее: «финиковая пальма». Это и есть «ассирийское дерево», или, вернее, «вавилонское дерево». В состязании золотоветвистого дерева с простой козой симпатии сказителя явно на стороне козы, которая доказывает, что от нее больше пользы людям. В этом нашла свое отражение народная идея о превосходстве простого труженика над надменными аристократами.

1. *Хванирáс* — один из семи кишваров.

16. *Азáт* — свободнорожденный, благородный, аристократ.

22. *Джамшéд* — легендарный мудрый царь, авестийский Йима, одаривший иранцев благами культуры, разделивший их на четыре сословия.

27. *Парсийские люди* — то есть исповедующие зороастрийскую веру, позднее именуемую «парсизм».

28. *Люди праведные* — зороастрийцы, приверженцы парсизма.

30. *Аз* — дэв жадности (авестийский Азай).

31. *Джев* — обрядовый напиток из козьего молока.

32. *Гошурýн* — божество скота.

41. *Рустáм* — центральный герой иранских богатырских сказаний, которому посвящена значительная часть «Шах-наме».

42. *Исфандияр* — иранский богатырь, трагически павший из-за козней его отца от руки своего друга — Рустама.

43. *Кустúк* — обрядовый ременный пояс. *Белый падáм*, *ташкýк* — обрядовые одежды.

44. *Озеро Варкáш* — авестийское Ворукаша (см. выше).

48. *Чанг*, *виниг*, *гиджáк*, *барбáт*, *тамбýр* — музыкальные инструменты, ударные, щипковые и струнные.

49. *Драхма* (дирхем) — мелкая серебряная монета.

Из «Поэмы о сыне Зарéра» [Плач Баствара над трупом отца] (стр. 530).— Перевод дается по тексту: E. Benve-

n i s t e, Le Memorial de Zarêr, poème pehlevic, mazdéen.— «Journal asiatique», 1932, CCXXIX. Краткое содержание поэмы таково: царь хионитов (туранцев) посылает в Иран к царю Виштаспу, верному поклоннику Мазды и Заратуштры, колдуна Видарафша. В своем послании Арджасп предлагает Виштаспу отречься от веры Мазды, в противном случае угрожает войной. Брат Виштаспа полководец Зарер с разрешения Виштаспа отвечает послам твердым отказом. Происходит битва. Зарер громит вражеские войска. Арджас посылает против него колдуна Видарафша, который хитростью, из-за угла, убивает Зарера и похищает его коня. Виштасп потрясен гибелью Зарера и призывает богатырей отомстить за него. Семилетний сын Зарера, *Баствар*, вызывается сделать это. Виштасп не соглашается, но Баствар тайком уговаривает конюха дать ему боевого коня и выезжает на поле битвы. Он пробивается сквозь строй врагов и достигает тела отца. Баствар оплакивает гибель отца и, прокладывая мечом дорогу, возвращается к ставке Виштаспа, который, видя его героизм, разрешает ему отомстить за отца. Поэма была создана в III—IV вв. на парфянском языке и «отредактирована» согласно нормам средне-персидского языка.

[С о г д и й с к и й ф р а г м е н т о Р у с т а м е] (стр. 531).— Возникновение согдийской письменности (на основе арамейской) относится к началу нашей эры. С IV в. на согдийском языке существовало много письменных памятников, из которых дошли лишь незначительные фрагменты. Художественных среди них почти нет. Большинство фрагментов содержит тексты либо делового характера, либо — наиболее полно сохранившиеся — религиозного: буддийские, манихейские, несторианско-христианские. Тем ценнее сохранившийся отрывок об излюбленном иранском богатыре Рустаме, которому посвящена значительная часть «Шах-наме». Отрывок «Согдийского сказания» (III—IV вв.) передает эпизод борьбы Рустама, восседающего на своем чудо-коне Рахше, с божествами зла — дэвами, то есть содержит прометеевский мотив богоборчества (дэвоборчества). Перевод дается по изданию: E. B e n v e n i s t e, Textes sogdiens, Paris, 1940. Фрагмент дошел в двух разрозненных отрывках, но В. Хеннинг убедительно доказал, что оба отрывка представляют собой единое целое: второй — (после отметки [30]) продолжение первого, что передано и в переводе. Вопросы, отточия принадлежат Э. Бенвенисту, в квадратных скобках — нумерация строк.

ИЗ МАНИХЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

[П р и т ч а о х о з я и н е и р а б о т н и к е] (стр. 532).— Текст на согдийском языке. Перевод дается по изданию: W. H e n n i n g, Sogdian Tales.— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», London, t. XI. Сюжет притчи известен из «Калилы и Димны» (глава о враче Барзуе). До нас дошла лишь последняя часть притчи, но по «Калиле и Димне» можно восстановить начало: купец пригласил сверлильщика драгоценных камней и договорился, что тот просверлит их за плату в сто динаров в день. Когда ра-

ботиик пришел в дом купца и сел за работу, он увидел стоявшую в углу арфу. Купец, узиав, что работник умеет играть иа арфе, предложил ему показать свое искусство. Работник «был искусный игрок и до вечера беспрерывно извлекал прекрасные и поразительные звуки, а потом снова принялся за игру и забаву, оставив ящик с драгоценностями открытым» («Калила и Димна», перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина, «Academia», М.— Л. 1934, стр. 79). К вечеру работник потребовал деньги за день работы. Купец отказался платить.

Из [Притчи об обманчивости пяти чувств] (стр. 533).— Текст на среднеперсидском языке. Перевод дается по изданию: F. C. Andreas, Mitteliranische Manichaica [1].— «Sitzungberichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», Berlin, 1932, XVI.

[Фрагмент о Древе света] (стр. 533).— Текст на парфянском языке: C. Salemann, Manichaica I. «Известия Императорской Академии наук», СПб. 1908, VIII, № 10. Приводимый фрагмент о чудесном Древе света (весьма характерен для манихейского учения о роли Светлого начала) написан одиннадцатисложником, сохраненным в русском переводе, и представляет собою, по характеристике К. Залемана, образец ранней пейзажной поэзии, прототип лирического введения в оде-касыде в классической поэзии на фарси.

[Фрагмент о Земле света] (стр. 533).— Текст на согдийском языке. Перевод дается по изданию: W. Henning, Textes sogdiens, Paris, 1940.

Вероятно, текст, переводимый здесь прозой, представляет собою стихотворение или вид ритмизованной прозы. В сохранившемся китайском переводе (в стихотворной форме) содержится свидетельство о проповеди манихейством уравнительного передела имущества. В этом, извращая суть проповеди, обвиняли манихейство зороастрийские жрецы: «Мани проповедовал, что люди должны на этом свете непрерывно заниматься грабежом (?!) чужой собственности и доброго скота и таким образом погубить человеческий род (?!)». На самом деле это, конечно, клевета. Вот что говорится об этом в китайском переводе: «Драгоценная Страна света — беспредельна, // Искать ее края и брега — бесполезно, // Поистине, свободна она от малейшего гнета, // Нет в ней ни нужды, ни ущерба, // Здесь каждый движется как хочет и живет по вольной воле своей».

[Фрагмент о вознесении Мани] (стр. 534).—Текст на парфянском языке. Перевод дается по изданию: F. C. Andreas, Mitteliranische Manihaica (I).— «Sitzungberichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», Berlin, 1934, XVIII.

5. *Апостол Света* — то есть Мани.

20. *Ормузд* — верховное божество у древних иранцев, признанное манихейцами за единого бога.

И. Брагинский

ИЗ «КНИГИ БЫТИЯ» (ГЛАВЫ 6—8) [ПОТОП]

Принято считать, что этот библейский рассказ — как и другие части Пятикнижия — представляет собой результат соединения двух разных письменных источников, в одном из которых, как правило, бог израильских племен назван Яхве (в традиционном переводе — «Господь»), а в другом — Элохи́м, буквально: «боги» (так называемое «множественное величества»); в традиционном переводе — «бог». Оба источника библейского рассказа о потопе в конечном счете восходят к месопотамским легендам. Ср. здесь эпос «О все видавшем», табл. XI в разделе «Литература Шумера и Вавилонии».

Стр. 551. *...сыновья Бога...*— Упоминание сыновей бога внутри монотеистического в принципе текста издавна смущало комментаторов. По позднейшему толкованию, это ангелы; первоначально, вероятно, имелись в виду младшие божества, почитавшиеся израильскими племенами наряду с Яхве («Господом»).

Стр. 552. *...отворились все колодцы...*— Как и у древних жителей Месопотамии, земля предполагалась плавающей на великом пресноводном Океане; источники и ключи — это вода, выступающая из бездны под землей. Над землей мыслился металлический небесный свод, а в нем — окна с решетками и ставнями (в старинном переводе — «хлябями»).

Стр. 553. *...на горах Араратских.*— В одной из рукописей Мертвого моря II—I вв. до н. э. — «Ураратских». Имеется в виду государство Урарту с центром у озера Ван, ныне в Турции. *В клюве его свежая ветка маслины...*— Голубь с ветвью маслины — символ мира.

И. Дьяконов

КНИГА ИОНЫ

В отличие от «Книги Бытия», эта более поздняя книга употребляет слова «Господь» (Яхве) и «Бог» (Элохим) безразлично и вперемежку.

Стр. 554. *Иона*, сын Амиттая, член «пророческой» корпорации, упомянут в исторических книгах Библии («IV Царств» («II Царей»), 14, 25) как живший в конце IX в. до н. э. в Северном Израильском царстве. Однако *Ниневия*, о которой идет речь в «Книге Ионы», стала большим городом и столицей Ассирии лишь на сто лет позже. *Таршиш* — царство Тартесс в Испании, упоминается в ассирийской надписи начала VII в. до н. э. Иона исходит из старинного воззрения, согласно которому каждый бог имеет власть только над своей территорией, своей общиной, народом, племенем и т. п. *Яфо* (древнееврейск.— по-арабски Яффа, греч. Иоппа) — ныне пригород Тель-Авива. *...вдруг Бог выручит нас.*— Здесь и ниже вместо «Бог»— в оригинале Элохим, одно из имен бога Яхве (а не вообще любого бога).

Стр. 555. *Господи, не дай нам погибнуть...* — Смысл молитвы моряков в том, чтобы Господь спас Иону, если буря возникла все-таки не из-за него. *...проглотила большая рыба.* — По христианской традиции, слово «даг» (означающее любую крупную рыбу) переводится как «кит».

Стр. 556. *А Ниневия была у Бога великим городом...* — Размеры Ниневии, конечно, чрезвычайно преувеличены.

Стр. 557. *...восточнее города...* — Восточнее Ниневии — холмы, а затем горы; отсюда открывается вид на город. *...что выросла тыква...* — Древнееврейск. кикайо́н — либо клещевина (касторовый куст), либо вид быстрорастущей тыквы с вьющимся стеблем, Cucurbita pepo; в греческом переводе — тыква. *Восточный ветер* в Палестине дует из пустыни; но в Ниневии из пустыни на самом деле дует западный ветер.

И. Дьяконов

КНИГА РУФЬ

Время, о котором повествуется в «Книге Руфь», относится к периоду, предшествовавшему созданию Царства, когда всеми делами племен вершили их вожди — *Судьи*. Это дает основание для сопоставления «Книги Руфь» с книгой «Судей» (не случайно в христианском каноне обе книги расположены рядом: «Судьи», затем «Руфь»). В «Руфи» «предание старины глубокой» сохранило в основном точку зрения рассказчика — современника этой старины. В книге же «Судьи» старинные предания освещаются с позиций монархическо-теократической идеологии более позднего времени, видимо, периода кодификации Библии. Эта идеология и превратила «Судьи» в книгу ненависти и ксенофобии, розни и коварства, освященных сделкой-«союзом» («берит») с господом богом. Отношения с другими племенами мыслятся либо как их завоевание и уничтожение, либо как их подчинение и выплата им дани. Сближение с этими племенами сурово осуждается как измена «своему» богу, браки с иноплеменниками — как блуд, моавитяне, в частности, как исконные враги, заслуживающие лишь одного — покорения, угнетения и уничтожения. Совершенно иной, прямо противоположной идеологией пронизана книга «Руфь». Эта книга о любви, о супружеской верности навеки, доходящей до самозабвенной преданности и стремления увековечить память о любимом человеке, муже, сохранить его имя восстановлением его потомства, его семени, пусть и от другого человека, на основе древнего обычая — «левирата». В каноне «Книга Руфь» расположена рядом с другой книгой любви — любви юной пары — «Песнь песней». Вся история первоначального переселения семьи мужа Руфи в Моав, смешанный брак древних евреев с моавитянками, возвращение Нооми с Руфью домой — все изображено с совершенно другой точки зрения на взаимоотношения племен, чем в книге «Судей»,— с позиций дружбы между разными племенами.

И. Брагинский

Стр. 557. *Вифлеем* (древнееврейск. Бет-Лехем) — в то время находился на территории племени Иехуда́ (Иуда). *Моав* — государство в Заиорданье. Моавитский язык был еще близко родствен древнееврейскому, поэтому моавитяне и евреи легко могли понимать друг друга. *Эфратийцы.*— от Эфрата̀, другого, более древнего названия Вифлеема.

Стр. 558. Обращение Ноомѝ к невесткам «дочери мои» выражает признание их участия в ее семейной общине в качестве младших по отношению к ней самой. *Да совершит Господь по воле своей — // И сверх того!* — условная формула, передающая клятву; в подлинной клятве полагалось произнести, что именно сделает клянущемуся бог в случае нарушения обещания, но рассказчик никогда не повторял точных слов клятвы в форме прямой речи, чтобы не навлечь проклятие на самого себя. *...твои боги — мои боги!* — Как уже упоминалось, одним из имен израильского бога Яхве было Элохим, букв.: «боги». Но моавитяне поклонялись разным богам, так что Руфь как бы говорит: «твой Элохим — мои боги», или «твой Элохим — мой Элохим».

Стр. 559. *Крепкий* — традиционный перевод: «всемогущий» (см. прим. к стр. 571). *Отрок* и *молодка* (точнее: девушка) — бытовые обозначения для «раба» и «рабыни». К возрасту это обозначение не имеет отношения.

Стр. 560. *...ячменя около меры.*— В подлиннике «около эфы». Эфа обычно составляла около 30 л., однако в данном случае, вероятно, имеется в виду меньшая мера. *Этот человек — нам кровный и близкий.*— За мужчинами — ближайшими родичами умерших, сохранялось право и обязанность выкупить у семьи покойного его землю (и другое имущество), если семья не может ее обрабатывать сама. В то же время ближайший родич (обыкновенно — брат) был обязан взять под свою патриархальную власть бездетную жену умершего и сделать ей ребенка; ребенок считался продолжающим род покойного и получал в наследство долю его в семейной общине. Но такой родич не обязан делать жену покойного своей полноправной женой. На этом положении древнего ближневосточного обычного права построен сюжет повести; по-видимому, ко времени ее написания этот обычай частично уже перестал действовать.

Стр. 561. *Этот твой добрый поступок еще добрее прежнего...*— Первый поступок — что она не бросила старуху свекровь; второй — что прибегла под патриархальное покровительство пожилого *Боаза* (русск. Вооза). *...у ворот моего народа...*— Городские ворота были местом заключения правовых сделок и заседаний суда, а также совета старейшин города и его народного собрания. Имеется в виду: известно всем свободным и полноправным членам городского народного собрания. Под «народом» здесь имеется в виду только община эфратийцев. *Сказал ей Боаз...*— В подлиннике текст здесь испорчен. Совсем иначе — и более понятно — в древнем сирийском переводе: «И она сказала: пусть не будет известно, что приходила я к тебе».

Стр. 562. *Плат* — большой платок, закрывавший женщину на улице с головы до пят. *...шесть мер...*— Каких именно мер Боаз отмерил шесть — в подлиннике не сказано. Вряд ли шесть эф, так как это было бы около ста восьмидесяти литров (см. выше). *Кто ты, дочь моя?* — Ноомѝ удивлена, ви-

дя Руфь без покрывала: так ходили только рабыни и блудницы. *...призвал десятерых мужей...* — Десять свидетелей считались по обычному праву необходимыми для действительности любой правовой сделки. *...оставшейся после умершего...* (точнее: жены умершего).— Вдовой считалась только женщина, не имевшая над собой патриархальной власти ни мужа, ни кого-либо из его ближайших родичей; поэтому Руфь все еще остается «ж е н о й умершего», а не «вдовой», причем под «умершим» не имеется в виду покойный Элимелех, о поле которого идет речь; «жена умершего» — это просто социально-семейное положение Руфи. *...ведь так и мое наследие расстроится.*— У этого родича нет еще своих сыновей, и он опасается, что его наследие перейдет к сыну Руфи, который будет наследовать не только покойному мужу Руфи, но и ему самому. Между тем этот сын будет считаться сыном не его, а умершего.

Стр. 563. *Перец* — легендарный сын *Иехуды*, родоначальника племени иудеев. По преданию, *Тама́р* (Фамарь), жена другого сына Иехуды, Эра, рано умершего, вынудила своего свекра Иехуду сделать ей ребенка для «восстановления имени» ее мужа Эра, так как братья Эры были малолетними. Отсюда упоминание здесь Переца, которого родила Тамар от Иехуды. *...приложила его к своей груди.*— Символический жест признания кровного (молочного) родства. Отсюда реплика соседок: «Сын родился у Ноома»—ребенок стал считаться ее родным внуком. *Обэд.*— Имя это означает «работающий» или «служащий» (кому-либо) — в данном случае, видимо, заупокойному культу сына Ноомн и ей самой? *Амминадаб* — знаменитый воин (см. прим. к «Песни песней», VI, 12). *Давид*— царь, основатель Иудейско-Израильского царства.

И. Дьяконов

КНИГА ИОВА

Время возникновения «Книги Иова» может быть определено только гипотетически. Острота чувства и отчетливость мысли, характеризующие этот шедевр древнееврейской литературы, бескомпромиссность, с которой в нем поставлен «проклятый вопрос» о разладе между умственной доктриной и жизненной реальностью, заставляют думать о «послепленной» эпохе, скорее всего о IV в. до н. э. Этим не исключено присутствие в составе книги более раннего материала (может быть, проза в начале и конце) и более поздних вставок (вероятно, речи Элиу, возможно, песнь о мудрости в 28 главе, описания Левиафана и Бегемота в 40 и 41 главах и т. д.).

Имя героя книги засвидетельствовано уже для II тыс. до н. з.; оно жило в народном воображении как имя вошедшего в поговорку праведника сказочной древности. Когда пророк грозит божьей карой, постигающей грешную страну, он может сказать так: «Если бы среди нее были такие три человека, как Ной, Даниил и Иов, то они бы и спасли жизнь свою праведностью своею; ...даже эти три человека не спасли бы ни сынов, ни дочерей, и только сами бы спаслись, а земля стала бы пустыней» («Книга пророка Иезекииля», гл.

14, ст. 14 и 16). Приводимая Иезекиилем присказка о трех великих праведниках соединяет имя «Иов» (Ийо́в) с именем Ноя (из легенды о потопе) и с именем пророка Даниила (присутствующим уже в угаритском эпосе); это заставляет думать об очень глубоких пластах общесемитских традиций. Итак, время действия — легендарная старина. Место действия несколько загадочно: имя «Уц» фигурирует в библейском родословии потомков Сима, но с чем следует отождествлять *землю Уц* — с арамейскими областями на севере Заиорданья, или с Хаураном, лежащим южнее и еще восточнее, или с Эдомом, расположенным к югу от Мертвого моря,— до сих пор не ясно. Скажем так: Иов ровно настолько близок по крови и географическому местожительству к иудейско-израильской сфере, чтобы входить (вместе с тремя своими друзьями и с Элиу) в круг почитателей единого бога; и он ровно настолько далек от этой сферы, чтобы являть собою столь нужный для философской притчи тип «человека вообще», пример «открытого» религиозного опыта, образец как бы «естественной» праведности, не прикрепленной к какому-либо моменту истории древнееврейского народа (потому что иначе читательский интерес был бы перенесен с личного на общенародно-политическое). Иов верит в того же бога и постольку стоит перед теми же проблемами, что любой иудей, но все-таки он не иудей, и поэтому его устами можно было спрашивать об этом боге и об этих проблемах свободнее, чем устами иудейского персонажа.

Для того чтобы увидеть своих героев сквозь некий «магический кристалл» временной и пространственной дистанции, автор «Книги Иова» идет на тонкую и продуманную стилизацию: божественное имя «Яхве», по библейскому преданию, открытое специально Моисею и через него рождающемуся еврейскому народу, тщательно избегается в речах Иова и его друзей, хотя обильно присутствует в авторской речи. Иов принадлежит к иной эре, иному порядку вещей — он живет еще до Моисея. Его опыт первозданен, как опыт «праотца» Авраама. Поэтому он называет бога теми же именами, которыми, по Библии, называл бога Авраам: «Шаддай», «Эльон», «Эл», «Элохим».

Язык «Книги Иова» очень необычен; он изобилует дерзкими, неожиданными, порой загадочными сравнениями и метафорами, а также иноязычными словами арамейского или, по некоторым гипотезам, эдомитского происхождения. В нем довольно много речений, которые больше ни разу не встречаются в сохранившихся древнееврейских текстах и смысл которых приходится угадывать из контекста. В некоторых случаях значение слова было, вероятно, проблемой уже для истолкователей времен «Септуагинты» (III—I вв. до н. э.) и Талмуда (первая половина I тыс. н. э.). Для порчи текста тоже было достаточно много возможностей (хотя и далеко не так много, как это виделось науке несколько десятилетий назад). В настоящее время начинается новая эпоха текстологической работы над «Книгой Иова» благодаря наконец-то воспоследовавшей публикации одной из кумранских находок — арамейского таргума (переложения) этой книги. К сожалению, переводчик не успел воспользоваться новыми данными, которые еще долго будут осваиваться гебраистикой. Автор перевода и комментариев приносит сердечную благодарность Михаилу

Иосифовичу Рижскому, любезно предоставившему возможность ознакомиться с его неопубликованной работой о «Книге Иова». Возможности оговаривать в примечаниях все места, перевод которых более или менее гадателен, не было. Оговорены только особые случаи.

Стр. 563. *...и человек этот был прост...* — В подлиннике: «tam» — непереводимое древнееврейское слово, которое означает отсутствие внутренней ущербности, полновесную доброкачественность и завершенное взаимное соответствие всех помыслов, дел и слов. Перед нами возникает образ искренней, чистосердечной, благообразной истовости богатого патриархального «шейха», неуклонно блюдущего себя от греха и во всем поступающего как положено. Иов — хороший, и ему хорошо, и с ним хорошо; кажется, злу неоткуда войти в его жизнь. Тем более поразительно, что зло входит в его жизнь. *И родилось у него семеро сыновей...* — Сакральные числа 7, 3, 5 соответствуют древней числовой эстетике и выражают идею совершенства, законосообразности, гармонической стабильности. Если человек отовсюду окружен такими числовыми структурами, это значит, что все его дела идут правильно, по порядку, « по чину».

Стр. 564. *Сыны Божьи.* — Описательное обозначение ангелов. *Господь* — в подлиннике здесь и далее имя «Яхве». *Противоречащий* — в подлиннике: слово «сатан», означающее также «обвинитель» или «клеветник» (в суде), «враг» или «супостат» (на войне), «искуситель» или «подстрекатель» (при раздоре), «препятствующий» (на пути), вообще «соперник», «противник», «противоборник». Это древнееврейское имя нарицательное живет в современных языках как имя собственное — «Сатана». Однако в «Книге Иова» это скорее кличка и прозвание безымянного и тем более жуткого сверхчеловеческого прокурора вселенной, чем его установившееся собственное имя. Но разница не только в этом. О Сатане в свете позднейшей теологии заведомо известно, что он противник бога. О Противоречащем из «Книги Иова» известно пока что одно: что он — противник человека. Его отношения с богом остаются загадкой и открытым вопросом. *Но протяни-ка руку твою...* — Сатана «искушает» бога, и формула этого искушения символически соответствует формуле искушения человека в библейском рассказе о грехопадении Адама и Евы. Там Змий внушил человеку протянуть руку и коснуться запретного плода, чтобы познать, что есть добро и зло; здесь Противоречащий внушает богу протянуть руку и коснуться человека, чтобы познать, что есть человек, — добро или зло.

Стр. 566. *«Кожа за кожу!»* — По-видимому, поговорка, возникшая из практики меновой торговли бедуинов.

Стр. 567. *...злыми язвами...* — Имеется в виду проказа. Для древнего еврея это не только неисцелимая болезнь, перспектива медленной и мучительной смерти, но и скверна, знак божьей немилости, позорная утрата телесного благообразия. Прокаженный «нечист» в ритуальном смысле и потому отлучен от общинного культа. *...Элифаз из Темана, и Билдад из Шуаха, и Цофар из Наамы...* — В этом перечне названы земли к востоку от Палестины, славившиеся мудростью своих обитателей. Друзья Иова — это, так сказать,

мудрецы из страны мудрецов, умники и спорщики по праву рождения. ...*и проклял день свой.* — День своего рождения проклинает и пророк Иеремия (гл. 20, ст. 14 и сл.). «*Да сгинет день...*» — Все это проклятие по своему глубинному смыслу представляет собой как бы попытку оспорить и взять назад слова бога при сотворении мира: «Да будет свет!» Бог есть собственник дня, поскольку некогда вызвал свет из мрака, небытия и хаоса; но если он, как выражается Иов, «не взыщет» свою собственность, последняя снова достанется прежним владельцам — мраку, небытию, хаосу. Символ хаоса, в космогонической борьбе с которым создан мир,— чудище Левиафан (о котором еще будет идти речь в гл. 40—41); поэтому проклятие дню рождения и ночи зачатия должно быть заклинанием и окликанием Левиафана.

Стр. 568. *Смертная тень да емлет его...* — Перевод сделан по исправлению текста, предложенному немецким гебраистом Г. Форером.

Стр. 570. ...*как искры — возлетать ввысь.* — В подлиннике «сыны Рэшэфа». Рэшэф — древнее ханаанейское олицетворение огня, пламени, жара, а потому и того «жара», который бывает у больного человека, и постольку — вообще мора и поветрия. В нашем переводе принято истолкование древних таргумов и Ибн-Эзры: «сыны Рэшэфа», то есть сыны огня — метафора понятия «искры». Другая интерпретация, отразившаяся в «Септуагинте», требует переводить «птицы».

Стр. 571. ...*от Крепкого...* — Здесь и ниже старославянским эпитетом «Крепкий» (в приложении к богу и в значении «сильный» — ср. «Святый Боже, Святый Крепкий...») передано характерное для «Книги Иова» очень древнее и очень загадочное имя бога «Шаддай», по-видимому, этимологически связанное с идеей всесокрушающей мощи. Традиционный перевод «Всемогущий» предполагает абстрактно-догматический уровень мышления о боге, чуждый ветхозаветной архаике.

Стр. 574. ...*Разве я пучина, и разве я Змий?..* — Морская пучина и морское чудище («таннин») выступают в Библии как символы побежденного богом, но не укрощенного хаоса. Поэтому бог и должен к ним «приставлять дозор», чтобы они не вышли из повиновения. *Что есть человек, что Ты отличил его?..* — Проникнутое трагической иронией воспоминание о псалме 8, который славит место человека в божьем мире:

«...Что есть человек, что Ты помнишь о нем,
или сын человека, что Ты печешься о нем?
Ты сделал его немного меньшим богов,
славой и достоинством его увенчал,
дал власть над творениями рук Твоих,
и все положил к ногам его!..»

Оба древнееврейских поэта согласны в том, что человеку уделено в планах бога неимоверно важное место. Но если в псалме это причина для ликования, то в «Книге Иова» — причина для ужаса.

Стр. 576. *Кесиль* — созвездие Ориона. *Рахав* — одно из олицетворений хаоса.

Стр. 587. *Рог* — обычный для древней поэзии Ближнего Востока символ славы, силы, гордости.

Стр. 591. *...лишаясь плоти, я Бога узрю!..* — Для автора и для героя «Книги Иова» еще не существует доктрины о загробной жизни и о воскресении мертвых. Сказанное здесь можно понять как философско-поэтический парадокс: да, я должен увидеть это — хотя бы за пределами себя самого, за пределами моего существования, уже кончившись! Впрочем, это место отличается грамматической неясностью и допускает разные интерпретации.

Стр. 596. *Офир* — местность (в Аравии? в Индии?), откуда при царе Соломоне вывозили золото.

Стр. 599. *Рефаимы* — «призраки», «мороки», «нежить», олицетворения и обитатели непроницаемой загробной мглы. *Аввадон* — «погибель», «бездна» (ср. русское слово «пропасть», обозначающее «бездну» как место, где все «пропадает»): преисподняя и олицетворение преисподней.

Стр. 600. *...и Змия сражает Его рука!* — Еще один образ космогонической битвы бога с первочудищем хаоса.

Стр. 603. *...к воротам градским...* — В древней Палестине место, где восседали и творили суд старейшины. *...словно птица Феникс, прожив жизнь...* — Текст истолкован в соответствии с цитатой в талмудическом трактате «Санхедрин». По масоретскому тексту надо было бы перевести: «как песок, умножатся мои дни».

Стр. 606. Содержание главы 31 составляет «очистительная присяга» Иова. Он хотел бы вести юридически правильный судебный процесс и теперь делает шаг в этом направлении, по всем правилам древнего судопроизводства заявляя о своей невиновности по всем возможным пунктам.

Стр. 609. Глава 33.— Основная идея, принесенная с собой Элиу на затянувшийся диспут, примерно такова: страдание надо рассматривать не столько как возмездие в юридическом смысле слова, сколько как целительное и очищающее средство, при помощи которого бог врачует тайные недуги человеческого духа и обостряет внутреннюю чуткость человека, его «слух» (ср. гл. 36: «и в утеснении отверзает людям слух...»).

Стр. 619. *Кто премудрость...* — Перевод по конъектуре Ф. Штира. Темное место допускает самые различные прочтения.

Стр. 624. Стихи снова сменились прозой; этим подчеркнуто, что книга кончается так, как она началась,— идиллией. Поразительно, что автор после картин предельной патетики с высокой поэтической дерзостью решается кончить повесть в тонах сказочного юмора (чего стоят хотя бы «говорящие» имена трех дочерей!).

С. Аверинцев

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Вошедшие в сборник «Песни песней» отдельные лирические произведения были созданы между IX и III вв. до н. э. и записаны не ранее III в. до н. э. Лирика на Древнем Востоке никогда не была просто стихами. Это всегда был

текст хороводного обрядового действа, свадебная или погребальная песня или же молитва. «Песнь песней» — это, по-видимому, сборник песен, исполнявшихся на свадьбах, а не единое произведение, поэма или драматическое действо, как нередко ее пытались и теперь еще пытаются толковать. Среди вошедших в сборник отдельных песен есть более древние и более поздние. Например, в песни VI, 4—7 красота возлюбленной сравнивается с красотой города *Тирцы* — столицы Северного Израильского царства во второй половине X в. до н. э.; с IX в. до н. э. Тирца более не упоминается в источниках, поэтому данная песнь должна быть очень древнего происхождения. «Песнь песней» не принадлежит царю Соломону, как утверждала позднейшая легенда. Исторический Соломон правил в начале X в. до н. э., когда Тирца еще не имела никакого значения. Подобно тому как у нас в старину жених назывался «князем», а невеста «княгиней», как и по сей день в православном свадебном обряде над головами жениха и невесты держат венцы, подражающие царским, так и в древней «Песни песней» жених называется «царем» или «царем Соломоном». Вероятно, такое величание брачущихся — это результат переноса в свадебную обрядность особенностей древнего ритуального «священного брака» между вождем или царем и богиней, которую олицетворяла жрица. Обряд «священного брака» был связан с возрождением плодоносящих сил природы весной; вероятно, существовал он и в Палестине в древнейшие, «языческие» времена. Так или иначе, следы весенней обрядности явственно замечаются в «Песни песней»,— так, яблоня символизирует жениха, а зацветающий виноградник, сад с «запечатанным источником» или финиковая пальма — невесту. Свадебное происхождение песен сборника видно и из того, как в них обозначаются возлюбленный и возлюбленная. То, что в нашем переводе передано как «милая» и «милый», первоначально значило «моя подруга» и «мой дядя со стороны матери» или «мой двоюродный брат со стороны матери»; возлюбленная называется также (как и в древнеегипетской поэзии) «моя сестра» или «сестра моя, невеста» — пережиток первобытного обязательного брака между двоюродными. На всех старинных свадьбах дружки и подружки, гости, а иной раз и сами жених и невеста не отличались особой скромностью языка, и свадебные песни содержат немало намеков на земную любовь во всех ее проявлениях, в том числе и на вовсе не освященную узами брака; любовные песни, по своему происхождению совсем не свадебного характера, вполне бывали уместны на старинной свадьбе, нередко длившейся целую неделю. Особенно много их в первых главах сборника, до начала собственно свадебного обряда. Насколько мы можем судить (в подлиннике нет никаких ремарок), сами песни мыслятся как исполняемые четырьмя партиями — сольными партиями девушки и юноши и хоровыми партиями дружек и подруг. Иногда вся песня ведется одной партией, иногда сольная партия сменяется репликой другой стороны или хора. В переводе хоровые партии выделены курсивом. «Песнь песней» была включена в канон Библии к I в. в Палестине. Впоследствии, когда евреи с I—II вв. были вынуждены жить в других странах, в условиях, отличных от прежних, смысл этих обрядовых песен был ими уте-

ряи. С утерей знания многих реалий потерялось непосредственное восприятие образов, а вместе с тем и конкретность содержания песен. В предлагаемом читателю переводе «Песни песней» мы пытались воссоздать возможно ближе первоначальный характер любовных песен древнего народа. Не менее важным нам казалось передать ритмику оригинала, чем и вызвано большинство расхождений с буквальным переводом древнееврейского текста. Иной раз приходилось опустить то или иное слово, например, некоторые случаи употребления союза, обильно повторяющегося в любом древнееврейском тексте [1], или местоимений «мой», «твой», «его», следующих по-древнееврейски почти за каждым существительным, что совершенно чуждо духу русского языка. Стихосложение народов древнего Ближнего Востока было тоническим, основанным на счете ударений. В сборнике «Песнь песней» стихи различной длины (с разным числом стоп) могут с большей или меньшей регулярностью чередоваться в пределах каждой песни, хотя встречаются и песни с единообразным числом стоп в стихе и с постоянным местом цезуры. Пожалуй, наиболее распространены пятистопные размеры с цезурой после третьей, реже после второй стопы. Для русского языка тоническое стихосложение является вполне естественным, поэтому ритм подлинника в переводе можно было сохранить.

Следует заметить, что древнейшие переводы, особенно греческие (прежде всего — «Септуагинта», III—I вв. до н. э.) и латинский («Вульгата», IV в. н. э.), исходили, по-видимому, из текста, несколько отличающегося от канонического (масоретского), который дошел до нас, и потому дают много расхождений в деталях. Наш перевод, как правило, их не учитывает, а исходит из масоретского текста.

I, 5. *Кедар* — бедуинское племя к востоку от Палестины. Имеются в виду черные бедуинские шатры.

I, 7. На дорогах, где перегоняли скот, бродили под покрывалом продажные женщины (см. «Бытие», XXVIII, 14—26).

I, 14. *Эн-геди* — местность недалеко от Мертвого моря.

II, 4. Дословно: «Он ввел меня в дом вина, и значок его надо мной — любовь». Знамен в собственном смысле слова в древности не было — здесь и ниже имеются в виду металлические значки со священными эмблемами, которые носили впереди воинских частей.

II, 15. Здесь, по-видимому, хор подруг намеренно перебивает сольную песню, поэтому их реплику можно было бы отнести и к предыдущей песни.

Песнь III, 6—8. По-видимому, отсюда начинаются песни, сопровождающие собственно свадебный обряд. *...привозным воскурением.*— Имеются в виду размельченные душистые смолы, привозившиеся в Палестину южно-

---

[1] Этот союз в зависимости от контекста приходится переводить «и», «а», «также», «и тогда» и пр. Особый случай представляет употребление союза, означающего лишь изменение грамматического вида следующей за ним глагольной формы; по-русски он вовсе не должен бы переводиться; перевод его как «и» как раз и создает столь характерный для библейского стиля оборот: «И встал он, и пошел... И сказал бог», и т. п.

аравийскими купцами и применявшиеся для благовонных курений во время богослужения и т. п.

Песнь IV, 8. *Амана*, или Аман — горы в Северной Сирии; *Ливан* — горы в Финикии; *Сенир и Хермон* — горный массив в Южной Сирии.

Этот отрывок включен в обряд христианского бракосочетания.

IV, 13. *...заросли* — дословно: «побеги», «ростки», в более поздние периоды развития древнееврейского языка также «орошаемая, покрытая растительностью земля»; здесь употреблено как метафора. Слово «пардес» (в переводе: «роща») заимствовано не ранее VI—V вв. до н. з. из иранского (м и д и й с к. «парадайза»—«парк»; ср. также г р е ч. «парадейсос»—«парк, парадиз»); тем самым, во всяком случае, данная редакция этой песни не может быть датирована более ранним временем.

Песнь V, 1 — вероятно, является ответом жениха на заключительную реплику невесты в песни IV, 12—16 и поэтому в переводе соединена с ней. Под «друзьями» разумеются гости со стороны жениха, под «родичами», собственно, «двоюродными со стороны матери» — гости со стороны невесты.

V, 13. *Щеки его...* — Речь, конечно, идет о бороде, обрамляющей лицо. *Губы его — красные лилии.*— В подлиннике слова «красные» нет, однако перевести «губы его — лилии», было, очевидно невозможно, так как лилии в нашем представлении, как правило, белые.

V, 15. Дословно: «Отборен (отличен, избран), как кедры».

Комментаторы предлагают ряд значительных поправок и перестановок в этой песни, но мы, как и в большинстве подобных случаев, не сочли возможным учитывать эти предложения.

VI, 4. *...как столица.*— Дословно: «Как Тирца́». Как мы полагаем, имеется в виду древняя столица северного Израильского царства (см. выше). *...как полк знамённый!* — Последнее слово, более нигде, кроме «Песни песней», не встречающееся, по-видимому, означает «отмеченные, снабженные значком воинским, то есть знаменем», то есть — «полки»?

Песнь VI, 11; VII, 1. Один из самых трудных отрывков «Песни песней»— текст здесь, несомненно, испорчен. Неясность по поводу этого места ощущалась еще в древности. В греческой и славянской Библии стих VII, 1 отнесен к главе VI (VI, 13), и мы последовали этому.

VI, 12. Ввиду большой неясности текста в подлиннике мы решили дать условный перевод, близкий к переводу «Вульгаты» («Я не знал: душа моя смутила меня из-за колесниц Аминадаба»); предполагается, что красавица победительница сравнивается с проезжающим мимо колесничным отрядом знаменитого воина, как выше она сравнивается с полком под знаменами.

(VII, 1) а. Дословно: «Вернись, вернись, «хаш-шуламмит», вернись, вернись, и мы посмотрим на тебя». Старинные переводы обычно воспринимали слово «хаш-шуламмит» как имя собственное «Суламифь», что, однако, г р а м м а т и ч е с к и н е в о з м о ж н о из-за артикля, указывающего на то, что перед нами имя нарицательное, а именно: относительное прилагательное женского рода, обозначающее «жительницу селения Шулем или Шунем (так и пере-

ведено в части греческих рукописей). Жительницы Шунема, упоминаемые и в других книгах Библии, по-видимому, славились красотой, и имя их стало нарицательным для красавицы.

VII, 5а. *Хешбон* — город в Заиорданье.

VII, 5б. Дословно: «Нос твой как башня (гор) Ливана, дозирающая перед Дамаском».

VII, 6а. *Гора Кармел* — хребет в Северной Палестине, выходящий горным мысом к Средиземному морю и покрытый в древности густым лесом.

Песнь VII, 7—10. Эта песнь трудна для перевода, и многое в ней сейчас на самом деле неясно.

VIII, 5. Смысл этих стихов неясен, может быть, текст неисправен.

Песнь VIII, 6—7. Текст песни чрезвычайно труден и, возможно, испорчен.

VIII, 13. Многими комментаторами текст считается испорченным.

КНИГА ЭККЛЕСИАСТ

«Книга Экклесиаст» — одна из самых поздних, если не самая поздняя книга, вошедшая в канон Библии. Даже помимо того, что в ней встречаются слова, относящиеся к административной практике, введенной впервые персидской династией Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), само употребление слов в иных значениях, чем в других частях Библии, или вовсе в них не известных, обилие арамейских оборотов, связанных с тем, что арамейский успел стать вторым разговорным языком в Палестине, делают «Книгу Экклесиаст» более близкой по языку к первым комментариям к Библии («Мишна», II в. н. э.), чем к древнееврейскому эпохи двух независимых царств (X—VI вв. до н. э.). По всей видимости, книга была написана в первой половине III в. до н. э., когда Палестина входила в состав Птолемеевского Египта, хотя Иерусалим имел свое полудуховное, полусветское самоуправление. «Книга Экклесиаст» вошла в древнейший греческий перевод Ветхого завета — «Септуагинту» (II в. до н. э.), и, как мы теперь знаем по находкам рукописей Мертвого моря, читалась и переписывалась и в Палестине наравне с другими каноническими книгами уже во II—I вв. до н. э.; она была, несомненно, известна уже и Иисусу, сыну Сирахову, чья «Премудрость» довольно надежно датируется между 190 и 180 гг. до н. э.

К моменту составления канона Ветхого завета (конец I в. н. э.) никто не сомневался в том, что автором этой книги, называемым в ней «Проповедующим в собрании, сыном Давидовым, царем в Иерусалиме», был не кто иной, как древний царь Соломон, которому давняя легенда приписывала исключительную мудрость; весьма вероятно, что авторство Соломона признавалось за «Книгой Экклесиаст» уже гораздо раньше. Однако исторический Соломон жил в первой половине X в. до н. э., и возможность его авторства в действительности совершенно исключена. Да и сам автор не отождествляет себя с Соломоном. Правда, он называет себя (или редактор называет его) «сыном Да-

вида», но это может значить и только то, что он причислял себя к потомкам царя Давида,— а претендентов на родство с домом Давида всегда было много. Современники автора не могли, конечно, обмануться и тем, что он называл себя «царем в Иерусалиме» (кстати говоря, исторический Соломон такого титула не носил): им было прекрасно известно, что в Палестине с VI в. до н. э. не было царей (они опять появились ненадолго только в конце II—I вв. до н. э.), поэтому это выражение надо было понимать в переносном смысле, как указание на то, что автор занимал весьма выдающееся общественное положение в родном городе. Какое? Он называет свою должность «кохéлет» (в женском роде, как нередко случается с названиями должностей, ср. русское «судья», арабское «халифа»—халиф и т. п.), что означает «собирающий собрание или совет», или, может быть, «говорящий», или «председательствующий в собрании». Это звание не известно нам из других памятников, но оно соответствует тому, что мы знаем о теократически-республиканском устройстве иерусалимской общины этого времени. Греческое слово «экклесиастэс» является точным переводом этого термина. Мы условно перевели «Проповедующий в собрании», или просто «Проповедующий».

Такая полуанонимность автора имела многообразное значение. Во-первых, в условиях, когда древность любого сочинения казалась всем гарантией его мудрости и истинности его учения, такая анонимность позволяла, не выдавая себя прямо за древнего мудреца, позволить читателю самому строить догадки о том, сколь древен был сочинитель. Мы уже знаем, что отождествление автора с Соломоном,— что обеспечило «Книге Экклесиаст» особую авторитетность,— произошло уже через немного поколений после ее написания, может быть, почти сразу. Во-вторых, в условиях иноземного владычества анонимному автору было легче высказывать горькие истины о царской власти и ее окружении — из чего, между прочим, ясно видно, что, при всей своей знатности и богатстве, автор «Экклесиаста» отнюдь не был царем. Наконец, эта анонимность вполне соответствовала традиционным восточным представлениям о мудрецах и их премудрости: помимо морального или житейского поучения, премудрость должна была содержать и элемент головоломки. Отсюда — помимо странного самообозначения автора — и многие метафорические, двусмысленные и просто темные его высказывания. Игру слов, намеренно вводимую им, в переводе чаще всего не удалось передать в достаточной мере, но переводчик к этому и не очень стремился, стараясь, напротив, каждый раз донести до современного читателя основную мысль древнего мудреца, а не сбивать читателя с толку. Однако возможное другое понимание подобного темного места, как правило, указывается в примечании.

Несмотря на то, что уже во II в. до н. э. «Книга Экклесиаст» читалась и изучалась наряду с другими библейскими книгами, а к концу I в. н. э. вошла в окончательный библейский канон, все же и после этого в иудейской среде раздавались голоса сомнения в боговдохновенности этой книги. Причиной этому был не ее скептицизм по отношению к вере в загробную жизнь и воздаяние, так поражавший позднейших читателей, возросших в христианской тра-

дниии,— вера в загробную жизнь в первоначальной иудейской религии не играла роли,— и не сомнения в ее авторстве,— их не было,— а ее мнимая противоречивость,— впечатление, складывавшееся из-за темноты и двусмысленности многих выражений. На этом основании некоторые богословы считали, что «Книга Экклесиаст» выражает мнение только самого Соломона, а не бога. В действительности Кохелет не отрицает бытия бога—притом единого бога,— но это бог грозный, страшный, безразличный к человеческим страданиям и действующий по непонятным человеку, собственным, далеким от мира людей побуждениям. Его надо бояться, на его милость можно надеяться, но нельзя рассчитывать на его награду за какие бы то ни было дела или помыслы: если человеку следует быть мудрым и благочестивым, то не потому, что это повлечет награду от бога, а потому лишь, что разумное обращение с силами общества и природы — и в том числе и с главной силой — божеством,— скорее предохранит от бедствий, чем неразумное; однако удача, благополучие, счастье — это произвольный дар божества, которое может его и не даровать, несмотря на мудрость и благочестие человека. Поэтому надо, пока возможно, радоваться жизни и своему повседневному делу, предоставив божеству, как року, решать остальное.

«Книга Экклесиаст» вобрала большую традицию древневосточного мудрствования: на это указывают почти дословные совпадения с «Эпосом о Гильгамеше» и рядом египетских поучений; вероятно, это — не результат прямого знакомства с вавилонскими и египетскими поучениями, а результат их восприятия общей для всего Ближнего Востока традицией. Неразвитость философской и вообще абстрактной терминологии в литературе древневосточных мудрецов (например, неразличение понятий «хороший», «добрый», «приятный», «счастливый» и многих других) делает перевод «Экклесиаста» на современные языки делом весьма трудным и никогда не свободным от субъективности.

Как и другие произведения ораторского искусства Древнего Востока, «Книга Экклесиаст» написана для ритмизованного произнесения; текст делится на стихи [1]—или из двух-трех стоп с двумя-тремя логическими ударениями, или из четырех стоп с цезурой после второй стопы, либо из пяти или шести стоп (с двумя цезурами или с одной). Короткие стихи обычно стоят в паузе.

I, 2. Переводчик не счел возможным изменить эту знаменитую фразу, вошедшую в пословицу, однако в остальных случаях он переводил слово «хе́бэл» не «суета», а «тщета», «тщетный», так как «суета» и «суетный» в современном русском языке слишком ассоциируется с понятиями «суетиться» и «суетный» в смысле «тщеславный».

I, 14а. Эта фраза стала крылатой в другом переводе: «И вот — все это суета и томление духа». Надо учесть многозначность слова «ру́ах»—«ветер», «дух», «побуждение», «душа» и др. Значение характерного для «Книги Эк-

[1] Они не совпадают с делением на библейские «стихи», обозначенные нумерацией и восходящие к гораздо более поздней рукописной традиции (ср. у нас нумерацию на полях).

клесиаст» слова «рэ‘ýт» неясно: оно может происходить либо от «ра‘á» — «стремиться к чему-либо, стараться о чем-либо» (может быть, арамеизм: в арамейском этот глагол соответствует древнееврейск. «рацá», «желать, хотеть; интересоваться чем-либо, удовлетворяться»), либо от глагола «ра‘á» — «пасти; погонять». Читатель может при желании здесь и далее при употреблении этого оборота подставить и такой перевод. Однако в тексте библейской «Книги Осии» так сказано о Северном Израильском царстве, пытавшемся политически опереться на расположенную севернее его великую державу — Ассирию: оно «ра‘á рýах цафóн» — «гонится за северным ветром». Отсюда следует, что при глаголе «ра‘а» и его производных «рýах» означает не «дух», а «ветер», а «рэ‘ýт рýах» означает: «стремление гнаться за ветром, погоня за ветром». Из переводчиков нового времени так это место переводил Мартин Лютер, а вслед за ним некоторые новейшие немецкие исследователи.

II, 7. Дословно: «Сыновья дома». Это может означать как родичей, работавших на главу семьи, так и рабов, «рожденных в доме», особо ценившихся рабовладельцами.

II, 8б. Перевод условный: последние слова этого стиха в дошедшем до нас древнееврейском тексте непонятны.

V. В каноническом (масоретском) тексте Библии и в большинстве переводов глава V начинается там, где у нас стих IV, 16. Соответственно, нумерация всех стихов V главы меняется на одну единицу.

V, 6б. Речь идет о посланце, приходящем от храма за обещанным даром.

VII, 7. Фрагмент «Книги Экклесиаст», найденный среди рукописей Мертвого моря, показывает, что в каноническом тексте здесь пропущена строка. Текст ее восполнен переводчиком по смыслу.

VII, 12. Дословно: «Под сенью серебра (денег)». Смысл тот, что мудрость защищает человека не хуже богатства.

VIII, 3. В подлиннике — двусмысленно: можно понять и иначе: «не страшись от него уйти».

IX, 8—9. Почти точная цитата из «Эпоса о Гильгамеше» (IV, VI, 6).

X, 16. Дословно: «отрок» (в смысле «раб»), однако большинство переводов нового времени поняли это слово буквально, и в некоторых языках это изречение вошло в пословицу в этом неправильном толковании («Горе стране, где царь — ребенок»). Ср. стих X, 17.

XI, 1. Новейшие комментаторы,— как нам кажется, ошибочно,— относили этот отрывок к заморской торговле Палестины и ростовщическим операциям. Более вероятно единодушное мнение комментаторов старинных, понимавших этот отрывок как призыв к благотворительности и ко взаимопомощи людей.

VII, 8. Ср. прим. к VII, 27. Далее идет прозаическая приписка древнего редактора книги,— может быть, ученика автора,— со стихотворной вставкой.

И. Дьяконов

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА ШУМЕРА И ВАВИЛОНИИ

ЛИТЕРАТУРА ШУМЕРА

Переводы В. Афанасьевой

ЛИТЕРАТУРА ВАВИЛОНИИ

ХЕТТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ИЗ «ДЕВЯТНАДЦАТИ ДРЕВНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ»

Переводы Л. Эйдлина

ИЗ ХАНЬСКИХ ПЕСЕН ЮЭФУ

Переводы Б. Вахтина

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА

ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИЗ МАНИХЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На суперобложке:

Охота на диких птиц в зарослях папируса. Из безымянной могилы в Фивах. Конец XV— начало XIV в. до н.э.

Дерево Боддхи. Фрагмент ограды ступы в Санчи. I в. н.э.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 1

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

*

Редактор В. Санович
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
Л. Платонова
Корректор
Д. Эткина

*

Сдано в набор 10/IV 1973 г. Подписано к печати 6/IX 1973 г. Бумага типогр. № 1. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. 46 печ. л. 42,92 усл. печ. л. 43,07 уч.-изд. л. + 8 накидок = 43,85. Тираж 303 000 экз. Заказ № 284. Цена 2 р. 38 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, М-54, Валовая, 28